

ISSN 2687-1440

ЕЖЕГОДНИК

ЯПОНИЯ

2020

日本

Институт востоковедения Российской академии наук
Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»

ЕЖЕГОДНИК ЯПОНИЯ 2020

том 49

МОСКВА
2020

Наука — Восточная литература

УДК 94(520)
ББК 66.2(5Я)я5
Я70

<http://yearbookjapan.ru>

Редакционная коллегия:

Стрельцов Д. В. д.и.н. МГИМО
(главный редактор)
Гришачев С. В. к.и.н. НИУ ВШЭ
(ответственный секретарь)
Дьяконова Е. М. к.филол.н. ИМЛИ РАН

Казаков О. И. ИДВ РАН
Лебедева И. П. д.э.н. ИВ РАН
(зам. главного редактора);
Мещеряков А. Н. д.и.н. НИУ ВШЭ
Нелидов В. В. к.и.н. МГИМО

Редакционный совет:

Алпатов В. М. д.филол.н., академик РАН
Войтишек Е. Э. д.и.н. НГУ (г. Новосибирск)
Гордон Эндрю профессор (США)
Гуревич Т. М. д. культурологии МГИМО
Дацышен В. Г. д.и.н. СФУ (г. Красноярск)
Ивасита Акихиро профессор (Япония)
Каварадзи Хидэтаке профессор (Япония)
Катасонова Е. Л. д.и.н. ИВ РАН
Кистанов В. О. д.и.н. ИДВ РАН
Корчагина Т. И. к.филол.н. МГУ
Нечаева Л. Т. д.пед.н. ИСАА МГУ

Нумано Кёко профессор (Япония)
Панов А. Н. д.полит.н. МГИМО
Пестушко Ю. С. д.и.н. ТОГУ (г. Хабаровск)
Симонова-Гудзенко Е. К. д.и.н. ИСАА МГУ
Симотоман Нобуо профессор (Япония)
Стефан Джон профессор (США)
Стоквин Артур профессор (Великобритания)
Судзуки Ёсикадзу профессор (Япония)
Тимонина И. Л. д.э.н. ИСАА МГУ
Чугров С. В. д.социол.наук. МГИМО
Шодиев Ф. К. к.полит.н. Фонд Ф. Шодиева

*Издание осуществляется при поддержке
Японского фонда и Международного фонда Шодиева*

Ежегодник Японии . 2020 . Т . 49 / Ин-т востоковедения РАН ; Ассоциация японоведов . — М . : Наука — Вост. лит . , 2020. — 512 с . : ил. — ISBN 978-5-02-039872-6

В настоящем выпуске Ежегодника Японии представлены статьи российских японистов, посвященные анализу проблем современного японского общества и государства, а также анализу проблем истории и культуры Японии.

Издание рассчитано на специалистов-страноведов и на широкий круг читателей, интересующихся Японией.

ISBN 978-5-02-039872-6
ISSN 2687-1432 (в переплете)
ISSN 2687-1440 (он-лайн)

© Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов», 2020
© Институт востоковедения РАН, 2020

Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences

Association of Japanologists of Russia

YEARBOOK
JAPAN
2020
vol. 49

MOSCOW
2020

Nauka — Vostochnaya Literatura

<http://yearbookjapan.ru>

Editorial Board:

Streltsov Dmitry V. Professor, MGIMO-University
(Editor in Chief)

Dyakonova Elena M. Professor, Gorky Institute
of World Literature of RAS

Grishachev Sergei V. Associate Professor,
HSE University (Executive Secretary);

Kazakov Oleg I. Institute of Far Eastern Studies of RAS
Lebedeva Irina P. Professor, Institute of Oriental
Studies of RAS (Deputy Editor in Chief);

Meshcheryakov Aleksander N. Professor,
HSE University

Nelidov Vladimir V. MGIMO-University

Editorial Council:

Alpatov Vladimir M. Member of the Russian
Academy of Sciences

Chugrov Sergei V. Professor, MGIMO-University

Datsyshen Vladimir G. Professor, Siberian Federal
University, Krasnoyarsk

Gordon Andrew (USA) Professor, Harvard University

Gurevich Tatiyana M. Professor, MGIMO University
Iwashita Akihiro (Japan) Professor, Hokkaido
University

Katasonova Elena L. Institute of Oriental Studies of RAS

Kawaraji Hidetake (Japan) Professor,
Kyoto Sangyo University

Kistanov Valerii O. Institute of Far Eastern Studies
of RAS

Korchagina Tatiyana I. Associate Professor,
Moscow State University

Nechaeva Lyudmila T. Professor, Institute of Afro-
Asian Studies (IAAS) of Moscow State University

Numano Kyoko (Japan) Professor, Tokyo University
of Foreign Studies

Panov Aleksander N. Professor, MGIMO-University

Pestushko Yurii S. Professor, Pacific National
University, Khabarovsk

Shimotomai Nobuo (Japan) Emeritus Professor,
Hosei University

Shodiev Fattah K. (Belgium)

Head of International Chodiev Foundation

Simonova-Gudzenko Ekaterina K. Professor,
Institute of Afro-Asian Studies (IAAS)
of Moscow State University

Stephan John J. (USA) Emeritus Professor,
University of Hawaii

Stockwin Arthur (UK) Emeritus Professor,
University of Oxford

Suzuki Yoshikazu (Japan) Professor,
Tokyo University of Foreign Studies

Timonina Irina L. Professor, Institute of Afro-Asian
Studies (IAAS) of Moscow State University

Vojtisek Elena E. Professor,
Novosibirsk State University

*With the support of Japan Foundation
and International Chodiev Foundation*

Yearbook Japan. 2020. Vol. 49 / Institute of Oriental Studies of RAS; Association
of Japanologists of Russia. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2020. 512 p., ill.
ISBN 978-5-02-039872-6

The present issue of Yearbook Japan presents articles by leading Russian Japanese Studies
scholars analyzing the problems of the present-day Japanese society and state, as well as the
problems of history and culture of Japan. The edition is aimed at specialists in country studies,
as well as at all those interested in Japan.

ISBN 978-5-02-039872-6

ISSN 2687-1432 (print)

ISSN 2687-1440 (online)

© Association of Japanologists of Russia, 2020

© Institute of Oriental Studies of RAS, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

<i>Панов А. Н.</i>	Мори Ёсиро: человек и политик	9
<i>Стрельцов Д. В.</i>	«Дипломатия извинений» во внешней политике послевоенной Японии	29

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

<i>Жилина Л. В.</i>	COVID-19: японские традиции против нового вызова	62
<i>Лебедева И. П.</i>	Образование и стартовые возможности японской молодежи	86
<i>Кульнева П. В.</i>	Тайвань как часть экономической стратегии японских компаний в Восточной Азии	121
<i>Мищенко Я. В.</i>	Япония в региональной интеграции: вызовы, задачи и перспективы	157
<i>Абачева З. А.</i>	Мегаполис Токио: прошлое, настоящее и будущее ...	175

ИСТОРИЯ

<i>Дацышен В. Г.</i>	Военное японоведение на Дальнем Востоке России в начале XX в.	191
<i>Марахонова С. И.</i>	Жизненный и творческий путь Сергея Елисеева	218
<i>Молодяков В. Э.</i>	Континентальная политика Японии — взгляд из Франции: от Маньчжурского инцидента к Китайскому инциденту	253
<i>Мещеряков А. Н.</i>	Образ «героя» в Японии во время Второй мировой войны	274

КУЛЬТУРА

<i>Виноградова Т. И., Торопыгина М.В.</i>	К истории филологической науки в Японии: «Краткий очерк “Кара моногатари”» (1809) Симидзу Хамаоми	299
<i>Забережная О. А.</i>	Мусянокодзи Санэацу. Портрет глазами современников	324
<i>Саркисов К. О.</i>	Шляпин и российская музыкальная культура в Японии (20–30-е годы XX века)	345
<i>Романенко А. С.</i>	Метафизические и онтологические основы учений Мартина Хайдеггера и Эйхэй Догэна: разметка проблемного поля философской компаративистики	371
<i>Катасонова Е. Л.</i>	Корээда Хирокадзу: боль и страхи современного человека	390

ПЕРЕВОДЫ

<i>Трубникова Н. Н.</i>	Рассказы об Индии времен Будды в «Собрании стародавних повестей»	419
<i>Пьеса театра кабуки «Повелитель грома» («Наруками»).</i>	Предисловие, перевод и комментарии В. В. Хомченковой	454

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

<i>Стругова Е. В., Корчагина Т. И., Нечаева Л. Т., Гуревич Т. М.</i>	Юбилей Академика РАН Владимира Михайловича Алпатова	496
АВТОРАМ		511

CONTENTS

INTERNAL AND FOREIGN POLICY

<i>Panov A. N.</i>	Mori Yoshirō: Man and Politician	9
<i>Streltsov D. V.</i>	“The Diplomacy of Apologies” in the Foreign Policy of Postwar Japan	29

ECONOMICS AND SOCIETY

<i>Zhilina L. V.</i>	COVID-19: Japanese Traditions against a New Challenge	62
<i>Lebedeva I. P.</i>	Education and Starting Opportunities of Japanese Youth	86
<i>Kulneva P. V.</i>	Taiwan as a Part of Japanese Companies’ Economic Strategy in East Asia	121
<i>Mishchenko Ya. V.</i>	Japan in Regional Integration: Problems, Challenges, and Prospects	157
<i>Abacheva Z. A.</i>	Tokyo Megacity: Past, Present, and Future	175

HISTORY

<i>Datsyshen V. G.</i>	Military Japanese Studies in the Far East in the Early 20th Century	191
<i>Marakhonova S. I.</i>	Serge Elisséeff: Life and Career	218
<i>Molodyakov V. E.</i>	Continental Policy of Japan as Seen from France: From Manchurian Incident to China Incident	253
<i>Meshcheryakov A. N.</i>	The Image of a «Hero» in Japan during World War II	274

CULTURE

<i>Vinogradova T. I., Toropygina M. V.</i>	On the History of Japanese Philological Studies: Shimizu Hamaomi's <i>Introduction to Kara monogatari</i> (1809)	299
<i>Zaberezhnaya O. A.</i>	Mushanokōji Saneatsu in the Eyes of Contemporaries	324
<i>Sarkisov K. O.</i>	Chaliapin and Russian Musical Culture in Japan (20–30s of 20th century)	345
<i>Romanenko A. S.</i>	The Metaphysical and Ontological Basis of Martin Heidegger's and Eihei Dōgen's Teachings: Marking the Problem Field of Comparative Philosophical Study	371
<i>Katasonova E. L.</i>	Koreeda Hirokazu: Pain and Fears of Modern Man	390

TRANSLATIONS

<i>Trubnikova N. N.</i>	Tales of India in Buddha Age in <i>Konjaku monogatari</i> shū	419
<i>"The Thunder God".</i>	The Kabuki Play <i>Narukami</i> Introduction, translation, and comments by V. V. Khomchenkova	454

ANNIVERSARY OF THE SCHOLAR

<i>Strugova Ye. V., Korchagina T. I., Nechayeva L. T., Gurevich T. M.</i>	Anniversary of Academician of the Russian Academy of Sciences Vladimir Mikhaylovich Alpatov	496

FOR THE AUTHORS	511

Ежегодник Японии 2020. Т. 49. С. 9-28

Yearbook Japan 2020. Vol. 49, pp. 9-28.

DOI: 10.24411/2687-1432-2020-10001

Мори Ёсиро: человек и политик

А. Н. Панов

Аннотация. Статья посвящена жизни и деятельности одного из наиболее видных и ярких политиков современной Японии — Мори Ёсиро.

В статье рассказывается о детских и юношеских годах Ёсиро, когда проявилось его увлечение спортом, прежде всего регби. Это во многом способствовало формированию его взглядов на отношения между людьми. Значительное внимание уделено раскрытию роли отца в воспитании Ёсиро, влиянию его заповедей на определение жизненного пути, основных ориентиров политической философии.

Мори Ёсиро сорок три года был в центре политических событий в стране, являясь депутатом парламента. Четырнадцать раз побеждал на выборах в высший законодательный орган Японии. Занимал руководящие посты в Либерально-демократической партии, возглавлял правительство. Известен как сторонник активного развития японо-российских отношений, поиска компромиссного решения территориальной проблемы. По завершении политической карьеры играет большую роль в общественной жизни страны. С 2014 г. возглавляет Организационный комитет по проведению Олимпийских игр в Токио.

Жизненный путь Мори Ёсиро отмечен как многими достижениями, так и преодолением немалых трудностей и препятствий. Об этом также рассказывается в статье.

Ключевые слова: Мори Ёсиро, жизненный путь, политическая и общественная деятельность, депутат парламента, премьер-министр, председатель Организационного комитета по проведению Олимпийских игр в Токио.

Автор: Панов Александр Николаевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО МИД РФ, Россия, 119454, Москва, просп. Вернадского, 76; главный редактор журнала «США — Канада: экономика, политика, культура».

E-mail: Panov.Taishi@yandex.ru

Mori Yoshirō: Man and Politician

A. N. Panov

Abstract. The article is devoted to life and activities of Mori Yoshirō, one of the most distinguished and colorful politicians of contemporary Japan. The article addresses Yoshirō's childhood and youth years, when his interest to sport was revealed, and, first of all, to rugby. This, in many aspects, assisted the formation of his views on relations between people. Considerable attention is devoted to the role of Yoshirō's father in his education, to the influence of his precepts on his life choice, to the basic guidelines of his political philosophy.

For forty-three years Mori, as a Member of Parliament, was in the center of political life in Japan. Fourteen times he was a winner in the election to the highest legislative body of Japan. He occupied the leading posts in the Liberal Democratic party, and once was the head of the Cabinet. He is known as a proponent of active Japan-Russian relations and a supporter of a compromise-based solution of the territorial problem.

Upon retirement from political career, he plays a big role in Japan's public life. Since 2014, he is the Chairman of the Tokyo Organising Committee of the Olympic and Paralympic Games of 2020. The author focuses on the achievements and difficulties in Mori's life way.

Keywords: Mori Yoshirō, life way, political and public activity, member of parliament, prime minister, chairman of the Tokyo Organizing Committee of the Olympic Games.

Author: *Panov Alexander N.*, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Diplomacy, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Russia, 119454, Moscow, Vernadskogo Prospekt 76; Chief Editor of the journal "USA and Canada: economy, policy, culture".

E-mail: Panov.Taishi@yandex.ru

В октябре 2012 г. состоялся роспуск палаты представителей парламента Японии. Впервые с 1969 г. широко известный и популярный политик Мори Ёсиро принял решение завершить свою сорокатрех-летнюю депутатскую деятельность и более в парламентских выборах не участвовать.

Почему он сделал столь драматический шаг? О мотивах этого непростого, но глубоко продуманного решения Мори пишет в книге «Моя биография. Воспоминания Мори Ёсиро». Оно не было связано, как он отмечает, с боязнью проиграть выборы или со слабым здоро-

вьем. Мори, по его словам, «был счастлив в весьма жестоком мире политики», испытывал глубокую благодарность жителям префектуры Исикава, которые 14 раз голосовали за него на парламентских выборах и избирали депутатом. Однако понимая, что в стране «необходима смена поколений политиков, он не хотел быть этому помехой, поэтому при принятии своего решения не колебался». Трудно припомнить других видных японских политиков, которые по аналогичным причинам добровольно отказались бы от продолжения активной политической деятельности.

Цель настоящего исследования — проанализировать основные вехи жизненного пути и политической карьеры одного из наиболее ярких политиков современной Японии, показать роль и место этого выдающегося общественного деятеля в политической жизни страны во второй половине XX — начале XXI в. и попытаться дать политический портрет Мори Ёсиро в нынешних условиях.

Основные вехи политической карьеры

Мори Ёсиро родился 14 июля 1937 г. в небольшом городе Нэагари префектуры Исикава, которая расположена на побережье Японского моря. Это означает, что префектура находится в *ура* («на заднем дворе») страны. В то время как префектуры Тихоокеанского побережья считаются более развитыми и, следовательно, более престижными и именуются «лицом страны» (*омотэ*).

День рождения Ёсиро совпал с датой национального праздника Франции, который отмечается 14 июля в память Великой французской революции 1789 г. Посещая приемы, организуемые посольством Франции в Токио по этому поводу, Мори неизменно шутил: «Спасибо, что в мой день рождения собралось так много людей. Выпьем за это» [Мори 2013, с. 13].

В семье Мори Сигэки было еще двое детей: сестра, на год старше Ёсиро, и брат, младше его на четыре года. Семья Мори занимала видное положение в префектуре Исикава, «поставляя» из поколения в поколение *кимоидо*, что в переводе соответствует определению «староста деревни». Первоначально это «звание» носил дед Мори, который с 1912 г. в течение 28 лет был старостой Нэагари (в то время это была деревня), а затем уже мэром города Нэагари стал его сын Сигэки.

Отец Ёсиро окончил юридический факультет университета Васэда, в котором увлекался игрой в регби (его примеру последует и Ёсиро). Затем работал в муниципалитете города Киото, впоследствии вернулся в префектуру Исикава.

В 1935 г. Сигэки призвали в армию, рядовым в пехотные войска. Но когда через два года родился Ёсиро, он был уже младшим лейтенантом. В 1937 г., находясь в Маньчжурии в составе японской императорской армии, он был тяжело ранен при разрыве снаряда. Более года лечился в госпитале в городе Хиросима. Затем долечивался дома. После того ранения в теле Сигэки навсегда осталось семь осколков снаряда.

В 1944 г. отец, уже в звании майора, был отправлен на остров Сайпан. По пути караван японских транспортов был атакован американскими самолетами. Из 48 судов до острова дошли только 16. Сигэки вновь повезло. В транспорт, на котором он находился, попала торпеда американской подводной лодки, однако повреждения были незначительными, и он добрался до цели.

Окончание войны Сигэки встретил на небольшом острове Торакку. Американцы усиленно его бомбили, но высадку войск не предпринимали. И вновь Сигэки повезло. После капитуляции некоторых японцев, взятых американцами в плен, казнили или судили как военных преступников, но ему посчастливилось избежать этой участи [Мори 2013, с. 26–27].

В конце 1945 г. Сигэки вернулся в Японию, а 1 января следующего года добрался до Нэагари. Его, сходявшего с поезда, пришлось встречать немалое количество жителей города. Среди них был и второклассник Ёсиро, которому запомнилось, что отец ему вроде бы и не обрадовался, не обнял, а с укором сказал: «Нос грязный, подотри» [Мори 2013, с. 35].

Семью Мори по японским понятиям можно было отнести к мелким помещикам. Во владении у нее находилось 7 тё, то есть около 7 га, земли. После войны половина земли была отчуждена в ходе земельной реформы. Началась новая жизнь.

В марте 1947 г. Сигэки победил на выборах в городское собрание Нэагари, а впоследствии стал и его главой. С 1953 г. он девять раз подряд (рекорд в истории Японии) избирался мэром Нэагари.

Сигэки был требователен к себе и сыну. Ёсиро запомнилось, что отец держал определенную дистанцию: они не ходили вместе

в баню — *фуро*, «не беседовали по душам». Но Ёсиро уважал отца и был ему благодарен за «жизненную науку». Как он вспоминает, отец неоднократно наставлял его: «Другим детям тяжелей, их отцы погибли на войне». Судя по всему, воспоминания о войне навсегда остались в душе и сердце Сигэки. «Мне порой стыдно, — говорил он, — что я вернулся с войны. Я и живу за тех, кто оставил жизнь на войне» [Мори 2013, с. 27].

Будучи уже известным в политических и деловых кругах Токио, Ёсиро всегда был готов поддержать отца, прийти ему на помощь. Можно привести такой пример. Сигэки решил предложить компании Sony разместить в Нэагари один из своих заводов. Расчет был на то, что городок будет получать налоги от его деятельности. Кроме того, иметь завод известнейшей компании было престижно. Однако поддержки своего замысла он не получил: руководство Sony посчитало, что размещение завода в Нэагари может негативно сказаться на имидже компании, так как название Нэагари не по иероглифам, но на слух может ассоциироваться с «подъемом цены». Тогда Мори обратился к председателю совета директоров Sony Морита и объяснил, что на слух наименование Нэагари можно трактовать и как «повышение качества». Разъяснения Мори убедили Морита, и он дал указать начать работу по размещению завода Sony в Нэагари.

Мать Ёсиро была дочерью врача небольшого поселка в префектуре Исикава, в 1935 г. окончила высшую женскую школу Кёрицу в Токио (сейчас это Токийский женский университет Кёрицу). О матери у Ёсиро осталось мало воспоминаний: она заболела раком и в ноябре 1946 г. умерла.

Детей растил отец. Ёсиро почти два года каждый день ходил с ним в здание муниципалитета, где играл в его кабинете. После того как Сигэки женился на Акико, сестре умершей жены, домашние хлопоты она взяла на себя. Скончалась она в 2010 г., в возрасте 83 лет.

Отец Ёсиро хотел, чтобы тот стал врачом. Однако, не добившись успеха на экзаменах в медицинский институт, он поступил, как и отец, в Университет Васэда. Младший брат тоже хотел поступать в этот университет, но Ёсиро уговорил его не делать этого, приведя такие аргументы: «На зарплату главы города двоих в Токио не потянуть. Кроме того, отец хочет, чтобы кто-то из нас стал врачом» [Мори 2013, с. 30]. Младший брат послушался. Окончил медицинский факультет Университета Канадзава и стал врачом-ортопедом.

Весной 1944 г. Ёсиро поступил в начальную школу в Нэагари. В свое время в ней учился известный в Японии бейсболист Мацуи, так что этот вид спорта был популярен среди учеников. Увлёкся бейсболом и Ёсиро. И создал в школе команду бейсболистов «Все из Нэагари» (*Ору Нэагари*). Помимо бейсбола Ёсиро увлекался пением и даже сформировал школьный музыкальный ансамбль.

В 1948 г. отец, занимавшийся в молодые годы регби в Университете Васэда, пригласил в Нэагари команду регбистов — потренироваться и подкормиться. В то время в больших городах еды было немного, а крестьяне жили сравнительно неплохо. Тренер команды остановился в доме Мори, а спортсмены жили в местной школе. Каждое утро Ёсиро наблюдал за тренировкой регбистов. Особо его впечатляло то, что они буквально бились за каждый мяч, боролись до седьмого пота, до конца, преодолевали боль и травмы. Тогда-то у Ёсиро появилась мечта поступить в Университет Васэда и заняться регби. И в последние годы обучения в школе он стал играть в регби, был избран капитаном команды, которая получила известность на уровне префектуры Исикава. Успехи Ёсиро в регби были в определенной степени связаны с его физическими данными: как и отец, он превосходил «средних японцев» — и по росту (1 м 75 см), и по мышечной массе.

Отдавая много времени и усилий занятиям регби, Ёсиро запустил учебу и почти не готовился к университетским экзаменам. Мало кто верил, что он поступит в Университет Васэда. Понимая, что шансы сына стать студентом невелики, отец написал рекомендательное письмо Ониси — тренеру команды регби Университета Васэда, с которым был близко знаком с давних пор и который к тому времени стал известным и влиятельным в спортивных кругах страны тренером. С этим письмом Ёсиро прибыл в Токио, в районе Роппонги нашел дом тренера, передал письмо, от себя горячо добавив, что имеет заветную мечту играть в регби в команде университета.

Ониси обещал посодействовать поступлению через департамент физкультуры университета. Японские университеты формировали спортивные команды для подъема престижа вуза и привлечения дополнительных студентов. Поэтому хорошие спортсмены имели предпочтительные шансы поступить в университет. Однако, чтобы получить рекомендацию департамента физкультуры, необходимо было сдать тесты по его программам. И Ёсиро в течение месяца с утра до вечера усердно занимался.

Ему повезло. В административном департаменте университета работал его земляк, заведующий отделом Хамада, который впоследствии возглавил департамент. Они подружились, и Хамада помог Ёсиро сдать экзамены и даже выбрал для него факультет. Так в апреле 1959 г. Ёсиро стал студентом коммерческого факультета Университета Васэда.

Ёсиро сразу же записался в команду регбистов и каждый день много времени отдавал усиленным тренировкам. Они были тяжелыми, выматывающими, так как уровень команды был высоким. После четырех месяцев тренировок Ёсиро почувствовал, что не выдерживает их по состоянию здоровья. Врач университета посоветовал на полгода оставить тренировки. Это означало, что вернуться в команду будет фактически невозможно.

Поскольку Ёсиро поступил в университет по рекомендации департамента физкультуры, он посчитал справедливым уйти из университета как не оправдавший надежд. Состоялся непростой разговор с тренером Ониси, которому Ёсиро сообщил о своем решении. В ответ он услышал: «Ты дурак! Университет — это не только регби. Впитай дух Васэда, хотя бы немного. Он поможет стать человеком. А в будущем вернешь благодарность регби, если сможешь стать прекрасным человеком» [Мори 2013, с. 43].

Ёсиро навсегда запомнил заветы Ониси-сан. Однако следовать им оказалось непросто, это потребовало немало усилий по преодолению своих слабостей и пустых увлечений. «Дух Васэда», в который погрузился первокурсник Ёсиро, завершив занятия регби, мало способствовал формированию качеств, о которых говорил тренер. Ёсиро сошелся со студентами, предпочитавшими не усердствовать в учении, а предаваться развлечениям, вести беззаботную, беспечную жизнь.

Узнав о похождениях сына, отец забеспокоился. Он обратился к довольно известному в Токио политику, выходцу из префектуры Исикава, с просьбой повлиять на Ёсиро, «наставить на путь истины». Выполнив просьбу Сигэки, он, по воспоминаниям Ёсиро, «буквально затащил» его в Общество ораторского искусства (*Юбэнкай*), в котором практиковалось обучение ораторскому искусству, красноречию, методикам выступления перед различной аудиторией.

Членами общества в разное время были такие известные впоследствии политические деятели Японии, как Обути Кэйдзо (премьер-

министр в 1998–2000 гг.), Кайфу Тосики (премьер-министр в 1989–1991 гг.), Такэсита Нобору (премьер-министр в 1987–1989 гг.). В одно время с Ёсиро в Васэда учились Коно Ёхэй (в будущем генеральный секретарь ЛДП, министр иностранных дел, спикер палаты советников), Исида Хакуэй (видный деятель ЛДП).

Понятно, что в таком окружении у Ёсиро начал проявляться интерес к политической деятельности. В апреле 1959 г. он вступил в члены Либерально-демократической партии. Одновременно пришло осознание, что в большую политику, будучи просто членом даже правящей партии, не войти. Многие успешные политические деятели начинали свою политическую карьеру, работая в качестве секретарей депутата парламента. Другой вариант — работа в крупной газете, что давало возможность познакомиться с широким кругом представителей политической и деловой элиты, обеспечить себе, как принято говорить в Японии, «широкое лицо».

Ёсиро решил попытать удачу в журналистской работе и выбрал одну из крупнейших и влиятельных газет — «Санкэй симбун». Попасть на работу в общенациональную газету было непросто, надо было сдать специальные экзамены. Испытания Ёсиро выдержал, и в апреле 1960 г. он стал журналистом газеты «Санкэй». Однако без протекции вновь, как и при поступлении в Университет Васэда, не обошлось. Отдел персонала газеты возглавлял выходец из префектуры Исикава, тоже окончивший этот университет.

2 ноября 1961 г. Ёсиро женился. Его жена Тиэко работала в издательской компании. Жили молодые весьма скромно — в однокомнатной квартирке, за которую платили почти пять тысяч иен, а общий заработок семьи составлял всего 26 тысяч иен, причем больше половины приходилось на долю жены. В то время это были небольшие деньги, из которых, например, молодая семья с трудом выделила средства на приобретение подержанного телевизора.

Через три года после свадьбы в семье появился сын Юки, еще через четыре года — дочь Ёко.

Проработав два года в газете, Ёсиро осознал, что журналистская деятельность не его призвание, и ушел из газеты. Некоторое время он работал секретарем депутата парламента от ЛДП, стал известен в партийных кругах. Посчитав, что накопил определенный опыт, Ёсиро решил попытать счастья на выборах в парламент, в палату представителей.

В декабре 1969 г. он выставил свою кандидатуру в качестве независимого кандидата на выборах в избирательном округе префектуры Исикава. Баллотироваться от ЛДП не удалось, хотя он и был членом этой партии. Партийный аппарат поддержал представителя одной из партийных фракций. Несмотря на это, с перевесом почти в семь тысяч голосов Мори был избран и стал одним из самых молодых депутатов нижней палаты — ему было 32 года. В родном городе Нэагари за него проголосовало 98% избирателей. Через два дня после выборов, 29 декабря, Мори приехал в Токио, где состоялась его встреча с генеральным секретарем ЛДП Танака Какуэй, одним из самых могущественных политических деятелей того времени.

В начале беседы Танака достал завернутую в газету пачку денег и сказал в свойственной ему грубоватой манере. «Здесь немного, но возьми, выборы требуют расходов. Когда потребуются деньги, заходи» [Мори 2013, с. 103]. Не понимая, в связи с чем ему дают «неподотчетные» деньги, Ёсиро отказался их брать, сказав, что он победил честно и смысл «подарка» не понимает.

Следует отметить, что, выступая на выборах в качестве независимого кандидата, Ёсиро не получил финансовой поддержки ЛДП, деньги на предвыборную кампанию пришлось занимать. В связи с этим в семье Мори были даже острые дебаты о целесообразности участия в выборах.

Танака остался недоволен поведением Мори, которое охарактеризовал как «дерзость и самодовольство». Следует отметить, что, намереваясь передать Мори «неподотчетные» деньги, Танака действовал в свойственной ему манере. С самого начала своей политической деятельности он сделал ставку на использование денег для подкупа избирателей, а также для формирования группы обязанных ему и зависящих от его финансовой поддержки политиков, особенно молодых. Так образовалась команда преданных Танака политиков, получивших название «боевой отряд Танака» (*гундан*).

Не исключено, что Танака рассчитывал заполучить в эту команду и Мори, но не удалось. Следует отметить, что в дальнейшем Мори неизменно выступал с оппозиционных Танака позиций.

Все же без партийных средств Мори не остался. Вечером того же дня он встретился с заместителем генерального секретаря ЛДП Никайдо Сусуму, который передал ему уже «официальные деньги партии». Тогда Ёсиро узнал, что ему как победителю на выборах

(он баллотировался как независимый кандидат, но оставался членом ЛДП) полагалась «ссуда» — три миллиона иен, которую, однако, впоследствии надлежало вернуть в партийную кассу. Впрочем, в действительности никто эти средства не возвращал. Эти деньги Мори взял.

Среди первых, кто поздравил Мори с победой, был один из видных деятелей ЛДП Фукуда Такэо. В то время он занимал пост министра финансов. С ним у Мори установились тесные дружеские отношения. Мори стал членом фракции Фукуда в ЛДП, а когда в 1972 г. между Фукуда и Танака разгорелась борьба за пост председателя партии и, соответственно, главы правительства, Ёсиро активно поддерживал Фукуда, но победил Танака.

В 1972 г. Мори вновь выставил свою кандидатуру на выборах в парламент и победил с еще большим преимуществом, чем в 1969 г. Сыграло, видимо, свою роль и то, что недалеко от его дома в Нэагари загорелась общественная баня, в которой находился старинный буддийский алтарь. Мори бесстрашно вошел в горящий дом и вынес алтарь, весьма почитаемый в регионе Хокуруку. О спасении алтаря написали все газеты. Как вспоминал Мори, в благодарность ему принесли огромное количество сакэ, которое он сдал в магазин, а полученные деньги потратил на избирательную кампанию.

Учитывая второе избрание Мори депутатом, руководство ЛДП рекомендовало его в один из важных комитетов парламента — по регламенту.

После первого избрания в парламент Фукуда советовал Мори не играть в гольф до второй победы на выборах, так как «это пустая трата времени». Теперь же он стал постигать искусство игры в гольф и понял, что в этом виде спорта главное не напор и сила, как в регби, а терпение и осмотрительность — качества, весьма необходимые политику.

Фукуда все же добился поста главы правительства. Это произошло в конце 1976 г., а в 1977-м, когда он сформировал свое второе правительство, Мори был назначен заместителем секретаря кабинета.

В 1978 г. на парламентских выборах ЛДП выступила неудачно, и в партии разгорелась внутрипартийная борьба, фактически дело шло к расколу. Тогда Мори воочию убедился, насколько жестко японский большой бизнес «опекает» правящую партию. Доко Тосио, председатель Кэйданрэн, организации, объединяющей руководство

крупнейших компаний, вызвал представителей руководства ЛДП и предупредил, что бизнес прекратит финансирование партии, если раскол не будет преодолен.

В конце 1983 г. во втором кабинете Накасонэ Ясухиро Мори получил пост министра просвещения, то есть впервые стал членом правительства. В дальнейшем он занимал различные видные и влиятельные посты в партии и правительстве, включая посты генерального секретаря ЛДП и министра строительства. Впрочем, как он отмечал, наиболее важные министерские посты — министра иностранных дел, министра финансов, министра торговли и промышленности и т. д. — ему «не доставались». Вершиной политической деятельности Мори стал пост главы правительства.

На посту премьер-министра

Весной 2000 г. от инсульта неожиданно умирает премьер-министр Обути. Мори, в то время генеральный секретарь ЛДП, 5 апреля избирается ему на смену. Свой первый заграничный визит Мори совершил 28–29 апреля не в Вашингтон, столицу союзника, как было до того принято, а в Россию. Два его предшественника на посту главы правительства — Хасимото Рютаро и особенно Обути Кейдзо — выступали за активное развитие отношений с Россией. Таким образом, эта поездка выглядела вполне логичной. Тем более что предстояло познакомиться с президентом В. В. Путиным, который всего несколько месяцев как перенял бразды правления страной от Б. Н. Ельцина.

Первая встреча Мори и Путина оказалась более чем успешной. Между двумя лидерами установились не просто доверительные, а весьма дружеские отношения, которые сохранились на долгие годы. Мори постоянно вспоминал теплый прием, оказанный ему российским президентом, их совместное посещение хоккейного матча.

В 2000 г. в Японии предстояло проведение саммита «большой восьмерки», и Мори занялся его подготовкой с посещения Москвы. Затем последовала блиц-поездка по столицам других членов «клуба». Как вспоминал Мори, «в Париже — завтрак, в Берлине — обед, в Лондоне — ужин, ночью перелет в Канаду».

В июне 2000 г. на парламентских выборах ЛДП одержала победу, и Мори сформировал свой второй кабинет, в котором министром

иностранных дел стал Коно Ёхэй, а заместителем генерального секретаря кабинета министров — Абэ Синдзо.

Саммит «восьмерки» прошел под председательством Мори на Окинаве и, по общим оценкам участников, вполне продуктивно. Ёсиро не упустил шанса попропагандировать префектуру Исикава, подарив участникам саммита сакэ, произведенное в родной префектуре.

Лозунгом своего кабинета Мори провозгласил «новое рождение Японии» (*Нихон синсэй*). Подразумевалось, используя передовые информационные технологии, проложить путь к «возрождению японской экономики». Был сформирован Совет стратегии информационных технологий, который приступил к разработке законодательства, стимулирующего создание и внедрение передовых информационных технологий. Уже в ноябре 2000 г. парламенту был представлен Основной закон о развитии информационных технологий, на основе которого была разработана пятилетняя стратегия создания инфраструктуры высокоскоростной передачи информации.

Вскоре после занятия поста главы правительства у Мори диагностировали рак, была проведена операция по удалению опухоли. Месяц он провел в больнице и, хотя он и поправился, в партии сформировалась коалиция из некоторых видных партийных деятелей, стремившихся сместить Мори с поста премьер-министра и продвинуть «своего человека». Кризис в партии удалось преодолеть. Но постепенно рейтинг Мори среди населения начал падать. В значительной степени это была его вина. Несмотря на то что в молодости Ёсиро обучался ораторскому искусству и был знаком с тем, как средства массовой информации используют малейшие промахи политиков, во второй половине 2000 г. он начал допускать серьезные ошибки в своих публичных выступлениях.

Началось с того, что, выступая на собрании «Политического союза синто» (*Синто сэйдзи рэммэй*), Мори охарактеризовал Японию как «страну синто». СМИ ополчились на это высказывание, как противоречащее духу конституции страны и «навязывающее определенную религию в качестве государственной».

Преодолеть критический настрой СМИ, требовавших отказаться от высказывания о синто, не помогали и разъяснения, что слова Мори вырваны из контекста, что он не выступил в поддержку какой-то определенной религии, а исходил из того, что для каждого важно «выбрать сердцем», какая религия ему близка.

В своем выступлении накануне выборов в парламент осенью 2000 г. Мори отметил, что 40% избирателей не определили свою позицию, и если в день выборов они предпочтут спать, а не голосовать, то все решится без учета их мнения. Японские СМИ стали трактовать его слова как призыв к «глупым избирателям лучше поспать, нежели голосовать».

Но особо сильный удар по престижу Мори нанесли события, связанные с гибелью японского учебного судна Высшей школы рыболовства «Эхимэ-мару». В феврале 2001 г. в водах Тихого океана при быстром всплытии американская подводная лодка столкнулась с учебным судном, оно затонуло, погибли девять человек. Был выходной день, и Мори играл в гольф. Получив известие об инциденте, он поспешил в Токио. Но японское телевидение сообщало одновременно о гибели «Эхимэ-мару» и игре премьер-министра в гольф, создавая впечатление, что он, несмотря на трагедию, продолжал игру.

В результате поддержка правительства Мори упала до рекордно низкой точки — 10%. Предстояли выборы в палату советников парламента, муниципальные выборы. С таким рейтингом у правящей партии было немного шансов успешно на них выступить.

Осознавая это, Мори стал склоняться к тому, чтобы уйти в отставку. О таком своем намерении он сообщил президенту В. В. Путину, с которым встретился в Иркутске 25 марта 2001 г. В. В. Путин, как вспоминал Мори, весьма удивился. «Жаль, — сказал он, — хотел с вами решить территориальную проблему» [Мори 2013, с. 233]. В Иркутске состоялась шестая менее чем за 12 месяцев встреча Мори и Путина. Это был своеобразный рекорд.

В ходе переговоров было подтверждено, что российско-японские отношения и впредь будут развиваться одновременно по трем генеральным, приоритетным направлениям — стратегическое взаимодействие на международной арене, сотрудничество в торгово-экономической сфере, переговоры по мирному договору.

В подписанном двумя сторонами Иркутском заявлении относительно переговоров по мирному договору впервые с 1956 г. в совместном двустороннем документе упоминается Совместная декларация СССР и Японии как базовый юридический документ, положивший начало переговорам о заключении мирного договора после восстановления дипломатических отношений между двумя странами.

Иными словами, российская сторона давала понять о своей готовности выполнять статью 9 Совместной декларации 1956 г. о передаче Японии островов Хабомаи и Шикотан после подписания мирного договора, но для этого требовались соответствующие переговоры об условиях выполнения этого обещания, прежде всего отказ Японии от требования «одновременного возвращения четырех островов».

С японской стороны в ходе переговоров делались намеки на возможность корректировки японской позиции в том плане, что японская сторона была бы готова на поэтапное возвращение островов — «два плюс два». Создавалось впечатление, что могла быть открыта возможность поиска выхода из территориального тупика. Однако через неделю после иркутской встречи Мори ушел в отставку.

Мори после отставки с высшего поста

Возглавивший после Мори правительство Коидзуми Дзюнъитиро и министр иностранных дел в его кабинете Танака Макико отказались следовать компромиссной формуле урегулирования проблемы северных территорий, к которой склонялись Мори и ряд сотрудников министерства иностранных дел. А именно: первоначально осуществить «возвращение островов Хабомаи и Шикотан» на основе соответствующей статьи Совместной декларации 1956 г., а затем договариваться о судьбе островов Кунашир и Итуруп. Формула «два плюс два» была подвергнута жесткой критике как отступление от японской принципиальной позиции «возвращение четырех островов одновременно». Начались нападки и гонения не только на Мори, но и на дипломатов, его поддерживавших, многие из которых были сурово наказаны: некоторых уволили со службы, другие получили административные взыскания. А два наиболее активных разработчика компромиссной позиции — видный деятель ЛДП Судзуки Мунэо и главный аналитик МИД Сато Масару — под надуманными предлогами были подвергнуты уголовному преследованию и оказались в тюрьме. В итоге, как отмечает в книге своих воспоминаний Мори, движение к прорыву японо-российских отношений полностью остановилось, наступил более чем десятилетний период охлаждения, пустоты [Мори 2013, с. 261].

Мори глубоко переживал охлаждение японо-российских отношений. Он свято чтит завет своего отца, который говорил ему: «Комму-

низм — это плохо, а русские люди хорошие. Нет более добродушной нации, чем русские» [Мори 2013, с. 263].

Сигэки (скончался в 1989 г.) был одним из руководителей отделения Общества Японии — СССР в префектуре Исикава. По его инициативе были установлены побратимские отношения между городами Канадзава (столица префектуры) и Иркутском, Нэагари и Шелеховом (шахтерский городок недалеко от Иркутска). Часть своего праха он завещал захоронить в Шелехове, что и было сделано. На могиле Сигэки установлено мраморное надгробие. Мори регулярно приезжал в Шелехов поклониться останкам отца. Он завещал быть похороненным в могиле рядом с ним.

По инициативе Ёсиро в Нэагари построен Дом японо-русской дружбы, где ежегодно принимают гостей из Иркутска и Шелехова. В Шелехове построен трехэтажный Дом Мори Сигэки, а в Иркутске один из парков назван его именем. Мори Ёсиро остается последовательным сторонником всестороннего развития японо-русских отношений, стратегическая важность которых, как он считает, все более возрастает. Продолжает регулярно встречаться с В. В. Путиным. Эти встречи неизменно проходили в теплой, непринужденной, дружеской обстановке. Осознавая, что возвращение четырех островов нереально, так как весьма сильно наследие менталитета холодной войны, он предлагает шаг за шагом идти к налаживанию взаимопонимания и доверия, к совместной разносторонней деятельности на островах.

Работая в посольстве СССР в Японии в течение двух командировок (1968–1971, 1983–1988), автор этих строк, конечно, имел представление о политическом деятеле Мори Ёсиро. Однако это представление было поверхностным. Только после моего назначения российским послом в Японии в 1996 г. состоялось наше личное знакомство, которое со временем переросло в настоящую дружбу. Отношения продолжились и после завершения срока на посту посла. Во время моего пребывания на посту посла России в Норвегии в 2005 г. Осло посетил с официальным визитом император Японии Акихито. По японскому протоколу в заграничных поездках императора должен сопровождать один из авторитетных политических деятелей. На этот раз выбор пал на Мори Ёсиро. Его, в свою очередь, сопровождал представитель министерства иностранных дел Кодзуки Тоёхиса, с которым я был близким знаком, так как он зарекомендовал себя как один из лучших

специалистов по России (в 2015 г. был назначен послом Японии в России). По поручению Мори он позвонил мне в посольство и сообщил, что Мори очень хотел бы повидаться со мной в Осло. Я, конечно, с радостью согласился на такую встречу.

Но сначала мы повстречались на приеме, устроенном королем Норвегии для императора Японии, где мне довелось побеседовать с императором и его супругой. После приема мы с Мори и Кодзуки отправились в резиденцию посла России, где провели время за дружеской беседой, воспоминаниями и трапезой в русском стиле. Мори поведал, что, оказывается, как лицо, сопровождающее императора, он не имеет права «отлучаться». «Но я, — сообщил Мори, — попросил у императора отпустить меня на встречу с тобой. Когда он узнал, к кому я еду, то сказал: “Ну если к послу Панову, то поезжай”».

Мори и сейчас одна из центральных фигур в японской политической элите, «отвечающих за российское направление». Ни одно значимое событие в японо-российских отношениях не обходится без его участия, будь то гастроль театра Кабуки или пуск сборочного конвейера автомобилей Toyota под Санкт-Петербургом. Мори награжден орденом Дружбы. В 2003 г. избран почетным доктором МГИМО МИД РФ, где для студентов-японистов учреждена именная стипендия Ё. Мори. Открытый, доброжелательный, прямой характер Мори позволяет ему легко устанавливать доверительный диалог в любой аудитории. Мне довелось присутствовать на его встрече в Иркутске со студентами, изучающими японский язык. Обычно на подобного рода встречах студенты теряются, стесняются задавать сложные вопросы. Но Мори сразу же расположил молодых людей к себе, откровенно, подробно, порой с юмором отвечал на все вопросы, а их было немало. Только болезнь (был диагностирован рецидив рака) и последовавшее длительное лечение ограничили его активность на российском направлении. Тем более, что с 2014 г. много сил пришлось отдавать работе в качестве главы Оргкомитета по проведению в Японии Олимпийских игр 2020 г.

В 2015 г. у Мори обнаружили раковую опухоль в легких. И если бы не новое лекарство, которое применили, то, как он пишет, «я не смог бы продолжать жить». Второй раз в своей жизни он вступил в борьбу с раком. После операции назначили химиотерапию, в результате которой Мори лишился волос на голове. Стал похож, как он шутит, на «лысую гору» (*марубоцу*). Сотрудники Оргкомитета по проведе-

нию Олимпийских игр подшучивали: «Ваша голова похожа на форму олимпийского стадиона. Если положить ее на бумагу и обвести, то будет точное совпадение» [Мори 2017, с. 28]. Эта шутка не расстраивала Мори, а, напротив, придавала бодрости духа. После приема нового лекарства волосы отросли, но он сильно похудел.

Завершив занятия регби, Мори не забыл о своем увлечении этим видом спорта в молодости. Памятуя наставления отца и развивая их на основе своего спортивного опыта, Мори сформулировал «философию регби». Она, по его заключению, отвечает трем основным постулатам. Во-первых, регби — командное соревнование, в котором «один за всех и все за одного» (напоминает девиз французских мушкетеров из знаменитой книги А. Дюма). В регби, объясняет Мори, подхватив мяч, ты должен передать его другому члену команды, который понесет его вперед с более выгодной позиции. Во-вторых, превалирует «дух жертвенности», или боевой дух, то есть, как бы ни было тяжело, поднимись и продолжай бороться, не испытывая боязни перед любым соперником. В-третьих, надо следовать принципу *тэки миката наси*, то есть на поле идет жесткая борьба, схватка, но после соревнований не надо делить их участников на «врагов» и «друзей». Мори любит использовать в этом контексте выражение на английском языке *no side*, по-японски звучит как *ноу сайдо* [Мори 2017, с. 5–7].

Многие годы Мори является председателем Общества регби Университета Васэда, долгое время был председателем Общества регби Японии, в качестве заместителя председателя Оргкомитета он активно содействовал проведению в 2019 г. мирового чемпионата по регби в Японии — первого чемпионата в Азии, на котором японская команда дошла до четвертьфинала, показав лучший результат за всю историю культивирования этого вида спорта в стране. В японских спортивных кругах авторитет Мори традиционно высок. Он не устает пропагандировать занятия спортом, который, как он убежден, «очень важен для воспитания таких качеств, как мужество, ответственность, сотрудничество и таких чувств, как воля, сила» [Мори 2017, с. 105].

Завершив депутатскую деятельность, Мори не остался не у дел. Как ни критиковали его СМИ и соперники-политики, за свою долгую политическую карьеру он завоевал авторитет и уважение не только в политических и общественных кругах, но и среди широких слоев японского населения. Ему поручали зарубежные визиты с ответственными миссиями, в качестве спецпредставителя правительства, он

сопровождал императора в его заграничных визитах. Мори пользуется большой популярностью у жителей префектуры Исикава и особенно города Нэагари. Здесь его знает практически каждый, в чем лично мог неоднократно убедиться автор этих строк. Где бы ни появлялся Мори, его горячо приветствовали земляки, аплодировали, подходили позжать руку, похлопать по плечу, взять автограф.

Надо отдать должное Мори: он никогда не забывал родные места и, когда появились возможности, помогал решать местные проблемы. При его содействии и поддержке в Университете Канадзава появился новый кампус, построен международный аэропорт Комацу (ранее был только аэропорт, использовавшийся Силами самообороны), из Токио до Канадзава проложена скоростная железнодорожная линия Синкансэн, что сократило время пути из столицы до префектуры до двух с половиной часов.

Мори обладает удивительной способностью располагать к себе всех, кто с ним общается. Его невозможно застать в плохом настроении. Это заметно и по многочисленным фотографиям, на которых он, как правило, улыбается. А ведь жизнь не баловала его, не раз ставя перед нелегкими испытаниями. Тяжелейшим ударом стала неожиданная смерть сына в возрасте 46 лет от тяжелой болезни. Дважды ему пришлось бороться с онкологическими заболеваниями. Возглавив в 2014 г. Оргкомитет по проведению в Токио Олимпийских игр — 2020, Мори с присущими ему ответственностью, энергией, творческой инициативой погрузился в эту нелегкую работу. Пришлось решать сложные проблемы — организовывать строительство нового олимпийского стадиона, олимпийской деревни для проживания спортсменов, определять площадки и стадионы для проведения соревнований по различным видам спорта (Мори добился включения в реестр олимпийских видов спорта каратэ и бейсбола), планировать организацию транспорта на время проведения соревнований в условиях токийского мегаполиса. «Заниматься, — отмечает Мори, — приходилось самыми неожиданными проблемами — обеспечением песка для пляжного волейбола или помещениями для лошадей».

Оргкомитет, и прежде всего сам Мори, регулярно подвергались критике за слишком большие расходы на подготовку города к Олимпиаде. Губернатор токийской префектуры Коикэ Юрико, как сетовал Мори, не только не шла на сотрудничество, но и создавала дополнительные проблемы. Ему неоднократно приходилось разьяснять, что не

Оргкомитет, а город Токио пригласил Олимпийские игры и он обещал сделать все возможное для их успешного проведения. Не Оргкомитет занимается строительством необходимой для игр инфраструктуры, а город. Оргкомитет только передает требования Международного олимпийского комитета к обеспечению надлежащих условий для соревнований. В итоге уже весной 2020 г. строительство нового олимпийского стадиона было завершено, подготовка к Олимпиаде вступила в заключительную стадию. В Японию прибыл зажженный в Греции олимпийский огонь, который в числе других встречал и Мори.

Но вновь на его долю выпало серьезнейшее испытание. В начале 2020-го в мире разразилась пандемия опасного заболевания — COVID-19. Ряд национальных олимпийских комитетов начали отказываться посылать своих спортсменов на Олимпийские игры, опасаясь за их здоровье. 24 марта на заседании под председательством премьер-министра Абэ Синдзо с участием Мори, губернатора Токио Коикэ и других членов Оргкомитета было решено сообщить главе МОК Томасу Баху о целесообразности отложить проведение Олимпийских игр в Токио до июля 2021 г. Бах согласился с таким решением. Таким образом, Мори предстоит продолжать возглавлять Оргкомитет Олимпиады, и, хотя подготовка почти завершена, кто знает, какие неожиданности могут возникнуть за это время.

Остается пожелать Мори достойно и с честью, как он это делал до сих пор, преодолевать все трудности на пути подготовки и проведения Олимпийских игр в Токио — 2020 (было решено, что наименование «Токио-2020» останется и в 2021 г. без изменений) и осуществить свою мечту. Вернуться, как он мечтает, в родной город Нэагари, наслаждаться природой и по мере возможности попутешествовать с женой, которую он очень любит и уважает, о чем неоднократно писал в своих книгах, одна из которых посвящена ей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дзиминто: то сэйкэн ко:тай 2012 — *Дзиминто: то сэйкэн ко:тай* [Либерально-демократическая партия и смена власти]. Токио: Бокутакуся, 2012.

Мори 2010 — Мори Ёсиро. *Но:сайдо-но кокоро. Нихон-но мираи-о рагуби:-га сукуу* [Ни на чьей стороне. Будущему Японии поможет регби]. Токио: Сёгакукан, 2010.

Мори 2013 — Мори Ёсиро. *Ватакуси но рирэкусё. Мори Ёсиро: кайсорокү* [Моя биография. Воспоминания Мори Ёсиро]. Токио: Нихон кэйдзай симбун шуппанся, 2013.

Мори 2017 — Мори Ёсиро. *Исё. То:кё:горин э но какуго* [Завещание. Решимость готовить Олимпийские игры в Токио]. Токио: Гэнто:ся бунко, 2017.

REFERENCES

Jimintō to seiken kōtai [Liberal Democratic Party and Change of Power] (2012). Bokutakusha. (In Japanese).

Mori, Y. (2010) *Nōsaido no kokoro. Nihon no mirai wo ragubī ga sukuu* [Not to be on Anybody's Side. The Future of Japan will be Saved by Rugby]. Shōgakukan. (In Japanese).

Mori, Y. (2013) *Watakusi no rirekisho. Mori Yoshirō kaisoroku* [My Biography. Memories of Mori Yoshiro]. Nihon Keizai Shimbun shuppansha. (In Japanese).

Mori, Y. (2017) *Isho. Tōkyō gorin e no kakugo* [Will. Determination to Prepare for the Olympic Games in Tokyo]. Gentōsha bunko. (In Japanese).

«Дипломатия извинений» во внешней политике послевоенной Японии

Д. В. Стрельцов

Аннотация. В статье сделана попытка проанализировать с международно-политических и внутриполитических позиций «дипломатию извинений» во внешнеполитическом арсенале послевоенной Японии. Упор сделан на роль и место «дипломатии извинений» в отношениях Японии с КНР и Республикой Корея, в которых она продолжает выступать важнейшим инструментом, регулирующим градус напряженности в условиях высокой их конфликтности.

В статье показано, что «дипломатия извинений» играла важную роль в послевоенной политике Токио по примирению с восточноазиатскими странами. Однако эта политика была не вполне успешной, во многом по причине неудовлетворенности партнеров чересчур мягкими формами извинительной лексики японских официальных лиц, а также недостаточной, по их мнению, степенью раскаяния. Многие из них продолжают считать, что полноценное примирение с Японией невозможно, так как на официальном уровне там отсутствует однозначно отрицательная оценка милитаристского прошлого, а послевоенное урегулирование отношений с ней проводилось без должной материальной компенсации жертвам японской милитаристской политики.

В Японии же, наоборот, полагают, что официальных извинений, прозвучавших в послевоенный период, уже более чем достаточно, что послевоенному поколению не за что извиняться, так как милитаристские лидеры были осуждены решениями Токийского трибунала и уже искупили вину всего народа, и что постоянное внесение вопроса об извинениях в дипломатическую повестку основано на циничных политических расчетах и не имеет ничего общего с поиском исторической справедливости. На этом фоне восстановление подлинно дружественных, добрососедских отношений Японии со странами-соседями представляется в исторической перспективе маловероятным.

Ключевые слова: «дипломатия извинений», Япония, проблемы исторического прошлого, Токийский трибунал, итоги Второй мировой войны, Заявление Коно, Заявление Мураяма.

Автор: Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12; профессор и заведующий кафедрой востоковедения МГИМО-университета.

E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0001-7177-2831

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект 19-18-00017 «Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами Восточной Азии и России. Уроки для России»)

“The Diplomacy of Apologies” in the Foreign Policy of Postwar Japan

D. V. Streltsov

Abstract. The article attempts to analyze “the diplomacy of apologies” in the foreign policy of postwar Japan from international political and domestic political dimensions. The emphasis is placed on the role and place of “the diplomacy of apologies” in Japan’s relations with the PRC and the Republic of Korea, in which it continues to be the most important tool for regulating the degree of tension in the conditions of high conflict potential.

The article shows that “the diplomacy of apologies” played an important role in Tokyo’s postwar policy of reconciliation with East Asian countries. However, this policy was not completely successful, largely due to the partners’ dissatisfaction with the excessively soft forms of apologetic language on the part of Japanese officials as well as, in their opinion, a lack of remorse in their words. Many of them continue to believe that a full-fledged reconciliation with Japan is impossible, since there is no unambiguously negative assessment of the militaristic past at the official level, and the postwar settlement of relations with Japan was carried out without proper material compensation for the victims of Japanese militaristic policies. In Japan, on the contrary, it is believed that the official apologies made in the postwar period are already more than enough, that the postwar generation has

nothing to apologize for, since the militaristic leaders were convicted by the Tokyo Tribunal and have already redeemed the fault of the nation, and that constant introduction of the issue of apologies to the diplomatic agenda is based on cynical political calculations and has nothing to do with the search for historical justice. Against this background, the restoration of truly friendly and good-neighborly relations between Japan and its neighboring countries seems unlikely in the historical perspective.

Keywords: "The diplomacy of apologies", Japan, problems of the historical past, Tokyo Tribunal, results of World War II, Kōno Statement, Murayama Statement

Author: *Streltsov Dmitry V.*, Doctor of Sciences (History), Professor. Institute of Oriental Studies RAS, Russia, 107031 Moscow, Rozhdestvenka Street 12; Head of Department of Afro-Asian Studies and Professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University).

E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0001-7177-2831

Acknowledgements: the research is accomplished under the Russian Science Foundation grant No. 19-18-00017 "Problems of the Historical Past in Japan's Relations with the Countries of East Asia and Russia. Lessons for Russia"

После окончания Второй мировой войны перед Японией встала задача нормализовать отношения со странами-соседями, пострадавшими от ее милитаристской политики. Поскольку Сан-Францисский мирный договор по разным причинам не был подписан ни КНР, ни государствами Корейского полуострова, ни многими странами Юго-Восточной Азии, Токио был вынужден решать проблему восстановления отношений с ними на двустороннем уровне. При этом для строительства дружественных отношений с этими странами, в общественном мнении которых преобладали сильные антияпонские настроения, от Японии помимо решения вопроса материальных компенсаций требовалось выразить свое отношение к недавнему историческому прошлому, заверить их в мирном характере послевоенного государства, а также принести странам-партнерам свои извинения за проводившуюся в годы войны агрессивную политику.

Это, в свою очередь, поставило японское руководство перед необходимостью проведения «дипломатии извинений». Такая дипломатия имеет не только международно-политическое, но и морально-этическое измерение. Для стран дальневосточного культурного ареала,

где преобладают конфуцианские этические нормы, оценка действий извиняющегося проводится не только и не столько с юридических, сколько с этических позиций, а выбор извинительной лексики неизбежно становится фактором, который определяет общую атмосферу отношений с ним. При этом неточный или неадекватный выбор фразеологии поставит лидера извиняющегося государства в сложное положение: с одной стороны, чрезмерное самобичевание сопряжено с риском «потери лица» в глазах партнера, а также внутривнутриполитическими издержками (например, в связи с критикой правительства со стороны «патриотических» сил собственной страны и т. д.), с другой — из-за недостаточного признания вины все усилия по нормализации отношений могут пойти насмарку. Между тем для Японии этические аспекты проблемы извинений были тесно связаны с внутривнутриполитическим контекстом, а именно с вопросом о том, как сам японский народ оценивал свое недавнее прошлое и итоги Второй мировой войны.

В настоящей статье будет сделана попытка проанализировать с международно-политических и внутривнутриполитических позиций «дипломатию извинений» и ее роль и место во внешнеполитическом арсенале послевоенной Японии, показать на конкретных примерах, насколько эта дипломатия была эффективной на разных этапах послевоенной истории, и дать ее оценку на современном этапе развития отношений Японии с восточноазиатскими странами-соседами.

Упор будет сделан на отношения Японии с КНР и Республикой Корея, в которых «дипломатия извинений» выступала и продолжает выступать важнейшим инструментом, регулирующим градус напряженности в условиях высокой их конфликтности, хотя различные элементы подобной дипломатии также использовались Токио применительно к КНДР и странам Юго-Восточной Азии, а заявления официальных лиц нередко были адресованы широкой международной общественности, а не только отдельным странам.

Послевоенное развитие «дипломатии извинений»

Проблема «дипломатии извинений» тесно связана с вопросом исторической ответственности послевоенной Японии за совершенные милитаристским режимом преступления, который имеет как юридическую, так и морально-этическую сторону.

В юридическом отношении послевоенная Япония в полном смысле слова вышла из довоенного милитаристского государства, став его полноценным правопреемником. Конституция 1947 г. была принята на основе положений старой, относящейся еще к периоду Мэйдзи. В отличие от послевоенной Германии система государственного управления в Японии, несмотря на послевоенные чистки, была сохранена практически в неизменном виде в кадровом и организационном отношениях, а в результате «обратного курса» на свободу из заключения вышли даже осужденные за военные преступления политики и бюрократы первого эшелона, принимавшие ключевые решения в годы Второй мировой войны. В результате под довоенным прошлым не было подведено жирной черты — в противоположность тому, как послевоенная Германия отмежеввалась от своего нацистского прошлого.

Правопреемственность проявлялась и в отношении международно-правовых обязательств страны. Например, заключенные в довоенный период правительством императорской Японии договоры, даже если они носили явно экспансионистский характер (например, договор 1910 г. о передаче японскому императору прав на Корею), не воспринимались в послевоенной Японии как нелегитимные, наоборот, послевоенные правительства в полной мере использовали их для обоснования своей позиции по различным международным проблемам.

Что касается этической стороны дела, то послевоенное поколение японцев воспринимало свое недавнее прошлое не только в плоскости «источника ущерба для других» (*кагайся*), но и в плоскости самоощущения «жертвы», то есть «пострадавшей стороны» (*хигайся*). Виктимизация, отчетливо проступавшая при оценке недавнего исторического прошлого, была основана на романтизации страданий, которые испытал японский народ в годы войны. Важным постулатом, на котором воспитывались послевоенные японцы, была идея, что японский народ, равно как и император, стал жертвой милитаристской клики, которая привела страну к военной катастрофе. При этом фактически замалчивалась субъектность милитаристской политики, позволяющая определить ответственность виновных за те или иные преступные деяния. По мнению итальянского исследователя М. Дьяна, в историческом видении недавнего прошлого в послевоенной Японии сложился дискурс «истории пассивного залога»

[Dian 2017, p. 42] в рамках которого события происходили как сами по себе («Было начато продвижение на материк», «Был отдан приказ начать наступление» и т. д.)

Виктимность особенно подпитывалась трагическими событиями конца войны, к которым в первую очередь относятся ковровые бомбардировки Токио марта 1945 г. и атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, унесшие жизни сотен тысяч японских граждан. Япония была практически полностью разрушена и лежала в руинах. По мнению многих, многочисленные жертвы среди мирного населения, особенно те, кто пострадал от столь бесчеловечного оружия, в значительной мере искупили вину Японии за ее исторические прегрешения.

Как «справедливость победителей», то есть, по сути, как несправедливые, в глазах многих японцев стали представляться итоги Токийского процесса, хотя Международный военный трибунал для Дальнего Востока был создан для того, чтобы судить высших руководителей Японии за их преступления против человечности и мира. И это стало серьезным препятствием для критического осмысления уроков прошедшей войны. Как писал японский исследователь М. Футamura, Токийский процесс, при том, что он способствовал росту антимилитаризма и пацифизма, так и не стал «уроком истории», а его воспитательное значение было крайне ограниченным [Futamura 2008, p. 106].

Критическому осмыслению экспансионистской политики периода Второй мировой войны препятствовало и то, что в глазах японцев такая политика была обычной для крупных государств того времени, включая Великобританию и США, и данное обстоятельство не давало этим странам морального права на оценку действий Японии в годы войны, которые по сути не отличались от их собственных действий. Именно эту точку зрения выдвинул на трибунале индийский судья Радхабинод Пал, высказавший свое особое мнение в отношении вынесенного Токийским трибуналом обвинительного вердикта [Dower 1986, p. 37–38].

Появлению «комплекса вины» у японского народа не способствовали и особенности послевоенной международно-политической ситуации в регионе. С провозглашением в 1949 г. КНР в полный рост встала задача сдерживания коммунизма на Дальнем Востоке. В этих условиях США, оккупировав Японию, взяли курс на ее превращение в своего верного союзника. Чтобы развеять образ врага и привлечь к себе симпатии японцев, они поощряли такой взгляд на историю, при

котором японский народ был не виноват, а всю ответственность должны нести милитаристские лидеры.

По этой причине судебное преследование организаторов милитаристской политики было организовано таким образом, чтобы показать: и император, и рядовые граждане пострадали от действий военных и политических лидеров страны и после их наказания японская нация может начать новый, демократический этап своего развития. Обратной стороной такой политики стала ограниченность самокритичной оценки японцами своего прошлого, что неизбежно затруднило процесс полноценного урегулирования отношений со странами-соседями.

Не способствовали активной политике примирения с соседями и особенности внешнеэкономических связей Японии, сложившихся в послевоенный период. В отличие от Германии, благосостояние которой было основано на тесных экономических связях с близлежащими европейскими странами, пострадавшими от ее агрессивной политики в годы войны, Япония в период холодной войны развивалась как мировая торговая нация, ориентированная на глобальные, а не региональные экономические отношения. Если Германия смогла наладить ряд других важных политических и институциональных партнерств с соседними государствами через НАТО и Европейское экономическое сообщество, то Япония после войны надолго «застряла» в асимметричных отношениях с Соединенными Штатами, и, находясь в зависимости прежде всего от емкого американского рынка, не испытывала столь насущной потребности в добрососедских отношениях с восточноазиатскими странами.

Пассивности Токио в вопросах примирения с соседями способствовал и внутривнутриполитический фон, а именно — система однопартийного господства Либерально-демократической партии, закрепившейся у власти почти на четыре десятилетия. В отношении проблем, связанных с наследием Второй мировой войны, партия в целом занимала паллиативную позицию, явившуюся плодом компромисса между консервативными и прогрессивными традициями. Она заключалась в том, что Япония, как и в довоенный период, должна сохранить свою идентичность как лидер азиатского мира. Япония должна была «вернуться» в Азию, чтобы помочь ей избавиться от отсталости, но не через политический и военный контроль над восточноазиатскими странами, как это было в довоенную эпоху, а через экономические связи с ними.

Таким образом, консерваторы выступали за возвращение к лидерской роли Японии, основанной на социально-экономическом и культурном превосходстве страны, которая первая среди азиатских стран преодолела свою азиатскую идентичность, чтобы принять западную модель развития. При этом критического осмысления и тем более прямого отрицания довоенного наследия, по мнению консервативного руководства ЛДП, от Японии особенно не требовалось.

Свою мессианскую роль в отношениях с азиатскими странами Япония пыталась реализовывать на двустороннем уровне, а проблеме негативного к себе отношения народов этих стран, связанного с памятью о периоде японской оккупации, решала в основном с помощью экономической помощи и заверений в мирном характере своих побуждений. За этим почти не звучало политических заявлений, в которых не только давалась бы неоднозначная оценка милитаристского прошлого, но и присутствовали бы извинения, которых ждали от Японии в восточноазиатских столицах. Именно так можно оценить «доктрину Фукуда» — политику тесных экономических связей со странами ЮВА, провозглашенную премьер-министром Японии Т. Фукуда в ходе его турне по странам АСЕАН в 1977 г.

В свою очередь в конфликте с Японией по вопросам исторического прошлого не были заинтересованы и ее азиатские партнеры, включая бывшие японские колонии — Республику Корея и Тайвань. Режим Пак Чжон Хи в 1965 г. согласился с условиями послевоенной нормализации двусторонних отношений, предполагавшими взаимный отказ от претензий по вопросам колониального правления. Южнокорейская сторона полностью удовлетворилась формальным выражением «раскаяния» в связи с колониальным прошлым, содержавшимся в заявлении японского министра иностранных дел Японии Э. Сиина. На церемонии подписания соглашения о нормализации отношений в 1965 г. тот выразил «искреннее сожаление» (*макото ни икан*) и «глубокое раскаяние» (*фукаку хансэй*) по поводу «неудачного периода» истории отношений двух стран [Yamazaki 2006, p. 34]. Что касается Тайваня, он был вынужден решать проблему «нового колониализма» в лице гоминьдановского режима, что снижало накал антияпонских настроений в тайваньском обществе и препятствовало становлению критических взглядов на период японского правления до 1945 г.

Не выступал в период холодной войны с активными нападками на Японию по поводу ее милитаристской политики и коммунистический

Китай. В период власти Мао в стране господствовал марксистский взгляд на историю, согласно которому народ не может быть виноват, а ответственность за агрессивную политику должны нести его правители, то есть японская милитаристская клика. К тому же Гоминьдан был в идеологическом дискурсе КНР гораздо более страшным врагом, чем японские оккупанты. Такое видение истории снижало остроту проблемы извинений в двусторонних отношениях, тем более что на официальном уровне они не были установлены вплоть до 1972 г. Впервые слова извинений пришлось произносить премьер-министру К. Танака, который прибыл в сентябре 1972 г. в Пекин для восстановления отношений. В конечном счете, несмотря на некоторое неудовольствие чересчур мягкой извинительной фразеологией японской стороны, Китай, заинтересованный в партнерстве с Японией в деле противостояния «советскому гегемонизму» в Азии, пошел на то, чтобы на долгие годы убрать историческую тему из двусторонней дипломатической повестки.

На этом фоне вопросы исторического прошлого если и появлялись в дипломатической повестке дня Японии в ее отношениях со странами-соседями, их воздействие на эти отношения было ограниченным. Например, в начале 1980-х гг. разгорелся дипломатический скандал в связи с проблемой учебников истории для японской средней школы, где содержались апологетические взгляды на политику японских властей на материке в период Второй мировой войны. В результате протестов, прозвучавших из восточноазиатских столиц, японскому правительству пришлось в 1982 г. внести в нормативную базу по сертификации учебников специальное положение «о близлежащих странах», согласно которому в тексте учебников не должно содержаться утверждений, которые вызвали бы негативную реакцию со стороны стран-соседей. Поводом для протестов стал также визит в храм Ясукуни премьер-министра Я. Накасонэ 15 августа 1985 г. — в этот день в Японии отмечалось 40-летие окончания войны.

К серьезным и долгосрочным дипломатическим осложнениям эти скандалы не приводили. В первую очередь это было связано с тем, что дискурс холодной войны заслонил собой проблемы исторического прошлого, которые носили в его рамках второстепенный характер. Для Японии, ключевого союзника США на Дальнем Востоке, проблемы урегулирования отношений с восточноазиатскими странами по вопросам истории проявлялись в первую очередь в глобальном

геополитическом контексте, где главными факторами были американо-советское и китайско-советское противостояние. Логика системы «оси и спиц», по большому счету, препятствовала взаимному сближению партнеров США по альянсам, которая потребовалась бы в случае создания сетевых структур безопасности, что деактуализировало вопрос о примирении Японии с другими азиатскими союзниками Вашингтона [Pollman 2016, p. 313]. Пекин же смотрел на Токио как на потенциального союзника в соперничестве с Москвой и не хотел создавать дополнительного повода для ссор.

Наконец, важно было и то, что в Восточной Азии в период холодной войны преобладали авторитарные режимы, которые были способны подавить внутренние общественные протесты. Это давало им возможность не оглядываться на антияпонские настроения в массах, связанные с недостаточным покаянием Японии за свои исторические прегрешения. На этом фоне у Японии не возникало потребности в завоевании общественного доверия в «идейного близких» ей азиатских странах (Южная Корея, Тайвань, Филиппины, Индонезия), с которыми она пыталась развивать политические и экономические связи.

Начало 1990-х гг. охарактеризовалось радикальными переменами в отношении к недавнему историческому прошлому, включая военные преступления японского милитаризма, как в самой Японии, так и в странах-соседях. И тому было несколько причин.

Прежде всего, в мире возник феномен «глобализации памяти» [Dian 2017, p. 88]. Многие вопросы исторического прошлого, к которым ранее не привлекалось общественного внимания, в результате подъема национального самосознания переместились в центр идейно-политического дискурса. Многочисленные этнические конфликты (Югославия, пространство бывшего СССР, Руанда), разгоревшиеся в начале 1990-х гг., привнесли новую актуальность в проблемы национального примирения, включая вопросы международного и национального правосудия, а также исторического образования.

В Европе произошло объединение Германии, которое вызвало небывалый всплеск интереса не только к проблематике Второй мировой войны, но и к непримиримой позиции нового германского государства по отношению к своему нацистскому прошлому. Германская политика исторической памяти стала представляться как некая успешная модель примиренческой линии, позволившей стране построить гармоничные отношения с внешним миром. На этом фоне на Западе

появился запрос на подобные действия со стороны Японии, которая, как и Германия, должна была «взглянуть в лицо прошлому» и добиться примирения с соседями. В Японии новые веяния времени вызвали всплеск общественного интереса к германскому опыту. Например, знаменитая речь президента Германии Рихарда фон Вайцзеккера, произнесенная в 1985 г., через сорок лет после окончания войны, была переведена на японский язык и за десять лет вышла в 29 изданиях. Для перевода немецкого термина *Vergangenheitsbewältigung* («работа с прошлым») даже был изобретен специальный термин *како-но кокуфуку* (букв. «преодоление прошлого») [Conrad 2003, p. 96].

Феномен «глобализации памяти» в Японии проявился в том, что если до 1980-х гг. проблема ее примирения с соседями рассматривалась в основном как вопрос двусторонних отношений, то теперь, в рамках новой парадигмы, на передний план вышел общерегиональный и глобальный контекст этой проблемы. От Японии, искавшей свою новую глобальную роль, требовалось найти и соответствующую этой роли национальную идентичность как честного и справедливого государства, «совесть» которого по отношению к собственному историческому прошлому чиста.

В начале 1990-х первоочередной для Японии стала задача обрести статус «ответственной державы», претендующей на роль глобального политического лидера, активно участвующего в решении глобальных проблем. В 1992 г., после провала «дипломатии чековой книжки», Япония поставила цель вхождения в Совет Безопасности ООН на правах постоянного члена, а для этого ей нужна была поддержка стран Азии и Африки. Это, в свою очередь, актуализировало задачу примирения с азиатскими странами по вопросам исторического прошлого, которую невозможно было решить без символических жестов примирения и раскаяния с ее стороны, а также существенного смягчения националистической риторики в выступлениях ее лидеров.

В направлении курса на примирение Японию толкали и изменения в восточноазиатских странах, где крах авторитарных режимов сопровождался ростом национального самосознания и появлением новой, более «патриотической» идентичности. Нередко новые демократические правительства использовали факторы национализма и собственной виктимизации в качестве инструментов для укрепления своей политической легитимности. Для их политической

элиты беспроектным вариантом было апеллирование к нерешенным проблемам исторического прошлого.

Типичным примером в этом отношении была Республика Корея. Актуализация проблемы «женщин для утешения» в начале 1990-х гг. стала результатом действия многих разнонаправленных факторов, включая уже упомянутую «глобализацию памяти», рост национализма, ослабление тотального идеологического контроля и демократизацию общественной жизни. Не случайно первые свидетельства доживших до этого времени «женщин для утешения» были опубликованы именно тогда. Это дало Сеулу возможность прибегнуть к политическому и дипломатическому давлению на Токио с целью заставить его принести извинения жертвам. Как следствие, вопросы извинений и компенсаций на долгие годы становятся серьезным препятствием в японо-южнокорейских двусторонних отношениях.

Изменился для Японии и внутривластный контекст, и прежде всего в связи со сменой поколений и крахом «системы 1955 года», в результате чего «дипломатия извинений» помимо внешнеполитического обрела и внутривластное измерение. Если в середине 1980-х гг. премьер Накасонэ Ясухиро, выражая «глубокое сожаление» по поводу исторического прошлого и принимая решение прекратить визиты в храм Ясукуни, руководствовался исключительно прагматическими соображениями, связанными со стремлением Японии стать региональным лидером, то теперь выражение раскаяния стало в равной, а иногда и в большей степени направлено на внутреннюю аудиторию.

Если в представлении послевоенных японцев тотальное осуждение недавнего прошлого было эквивалентно предательству памяти отцов и дедов, которые непонятно за что проливали свою кровь, то теперь же, с выходом на политическую арену поколения, которое уже не имело личного опыта общения со старшими родственниками, помнившими войну, этот фактор переставал действовать. В результате появилась возможность более беспристрастно оценивать историческое прошлое [Liu 2008, p. 339].

Кроме того, в условиях деидеологизации политического пространства вопросы истории обрели новую ценность в качестве инструмента внутривластной борьбы. Известно, что и ранее исторические материалы о военных преступлениях были рассекречены и доступны для исследований, однако только сейчас у политиков

появились реальные возможности использовать их, например для получения дополнительных рейтингов доверия со стороны избирателей. Как отмечал британский исследователь Н. Пайпер, интерпретация прошлого и отождествление с ним могут быть средством достижения политических целей [Piper 2001, p. 136] .

При этом к необходимости решать проблемы исторического прошлого наиболее активно апеллировали левые политики, которые, улавливая новую общественную атмосферу, стали главными бенефициарами краха «системы 1955 года». По мнению японского историка К. Того, «многие лидеры общественного мнения центристского или левого толка с недавних пор стали поднимать вопрос ответственности за войну. Они указывают, что Япония никогда ранее не поднимала этот вопрос по собственной инициативе, и доказывают, что к теме ответственности должен обратиться сам японский народ» [Togo 2008, p. 72].

«Дипломатия извинений» в постбиполярный период

В начале 1990-х гг. Япония в своей внешнеполитической стратегии на азиатском направлении стояла перед дилеммой: либо сохранить свою идентичность как «миролюбивая держава» (*хэйва кокка*), проводя в отношении стран-соседей «дипломатию примирения», либо, отвергнув пацифистские ограничения, быть «нормальной страной» (*фуцу-но кuni*), авторитет которой был бы основан на экономическом, технологическом и даже военном лидерстве, но не на национальном покаянии и признании вины в отношении исторического прошлого.

Первую линию пытались проводить в жизнь в 1990–2000-е гг. консервативные правительства ЛДП (кабинеты Хасимото, Обути, Коидзуми и Абэ), вторую — правительства, сформированные противостоящим ЛДП «прогрессивным» лагерем — кабинеты Хосокава (1993–1994), Мураяма (1994–1996), а также кабинеты Демократической партии после смены власти в 2009 г. Однако и те и другие активно использовали в своих интересах «дипломатию извинений», хотя ее значимость в дипломатическом инструментарии отдельных кабинетов была разной.

Первым «дипломатию извинений», основанную на самокритике и открытом выражении раскаяния по поводу исторического прошлого, начал проводить в 1990 г. кабинет Кайфу Тосики. Во время визита

в Японию президента Республики Корея Ро Дэ У в мае 1990 г. японский премьер-министр заявил, что народ Кореи «испытал огромные страдания из-за действий нашей страны в определенный период прошлого» и что в связи с этим он хотел бы открыто «принести свои извинения» (*оваби-но кимоти*). Примечательно, что ранее японские премьер-министры (в частности, Я. Накасонэ) и японский император в своих выступлениях использовали только слово «сожаление» (*икан*) [Saito 2017, p. 76].

В 1991 г., в пятидесятую годовщину нападения Японии на Юго-Восточную Азию и на Перл-Харбор, Т. Кайфу в ходе турне по странам АСЕАН посетил Сингапур и выступил с речью, в которой выразил «сильное чувство раскаяния» (*кибисику хансэй*) за действия своей страны, которые причинили невыносимые страдания и горе многим людям в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Saito 2017, p. 77].

Следующий японский премьер, Миядзава Киити, посещая Сеул 17 января 1992 г., принес извинения за «невыносимые боль и страдания жителей Корейского полуострова», упомянув в их числе и «женщин для утешения» [Батакова 2015, с. 40]. Тем не менее Миядзава не обещал выплатить им компенсацию, а лишь выразил намерение расследовать исторические факты, касающиеся этого вопроса.

На излете своего правления кабинет Миядзава отметился крупным внешнеполитическим заявлением по вопросу об исторической ответственности Японии, на этот раз по проблеме «женщин для утешения». 4 августа 1993 г. генеральный секретарь кабинета министров Коно Ёхэй в своем публичном выступлении признал, что правительство прямо или косвенно участвовало в создании и управлении «станциями утешения», а также то, что во многих случаях работавшие там женщины были завербованы против своей воли. Затем он заявил: «Правительство Японии хотело бы воспользоваться этой возможностью еще раз, чтобы выразить свои искренние извинения и раскаяние в отношении всех тех, кто, независимо от своего происхождения, испытал неизмеримую боль и получил неизлечимые физические и психологические раны, будучи “женщинами для утешения”... Настоящим мы подтверждаем свою твердую решимость никогда не повторять ту же ошибку, навсегда запечатлев этот вопрос в нашей памяти как урок истории» [Ministry of Foreign Affairs of Japan 1993].

Заявление Коно на сегодняшний день является самым сильным выражением раскаяния и чувства вины японского правительства по

проблеме «женщин для утешения». Качественно новый момент, связанный с этим заявлением, заключается в том, что официальный Токио впервые признал: система «станций для утешения» была спланирована, спонсирована и организована японскими властями даже в тех случаях, когда эксплуатацией военных борделей занимались частные компании. Кроме того, в заявлении четко признается, что «женщины для утешения» были завербованы против своей воли, путем принуждения и запугивания, и что они сильно пострадали из-за ужасных условий, в которых содержались. Это заявление противоречило предыдущей официальной позиции Токио, согласно которой «женщины для утешения» ни в коей мере не принуждались к работе и были просто «наемными проститутками».

В 1993–1996 гг. у власти в Японии находились «прогрессистские» кабинеты, которые основывали свою «дипломатию извинений» на постулате о необходимости скорейшего примирения со странами-соседями и об ответственности страны перед пострадавшими от ее политики жертвами. В этом смысле они впервые оспорили послевоенную идею виктимности японской нации и поставили вопрос об ответственности не только милитаристской клики, но и всего японского народа. Как отмечал М. Дьян, «прогрессистскую традицию» характеризовала идея, что Япония была и преступником, и жертвой одновременно [Dian 2017, p. 91]. Таким образом, вопрос ответственности и извинений за войну стал краеугольным камнем «прогрессистского нарратива».

Вскоре после своего избрания премьер-министром в августе 1993 года Хосокава Мориhiro открыто признал, что Япония вела «агрессивную войну» (*синряку сэнсо*) и что он считает ее «ошибочной войной» (*матигатта сэнсо*) [Saito 2017, p. 82–83]. Хосокава пошел дальше Я. Накасонэ, который в декабре 1985 г. уже признавал, что война была «ошибочной войной», которую Япония не должна была начинать, и что Япония совершила акт «агрессии» против Китая. Таким образом, Хосокава стал первым премьер-министром, который ясно заявил, что Япония вела агрессивную войну, а не просто совершила акт агрессии, и возложил на нее прямую ответственность за ведение такой войны.

Линию на примирение с соседями с помощью «дипломатии извинений», которую Хосокава проводил, несмотря на внутреннее сопротивление консервативных сил, была продолжена в ходе зарубежных

визитов японского премьера в соседние страны. Так, во время посещения Южной Кореи в ноябре 1993 г. Хосокава выразил свое «искреннее раскаяние» (*кокоро кара хансэй*) и принес «глубокие извинения» (*фукаку тинся*), признав, что в ходе колониального правления Японии вынуждала корейцев принимать японские имена и создала систему сексуальной эксплуатации «женщин для утешения» [Dian 2017, p. 99]. В марте 1994 года Хосокава нанес визит в Китай, в ходе которого выразил свое «глубокое раскаяние» (*фукай хансэй*) и принес свои «извинения» (*оваби*) за совершенные Японией акты агрессии, которые принесли многим китайцам невыносимые страдания. Вместе с тем Хосокава продолжал следовать старой линии отказа от компенсаций жертвам японской политики на материке, настаивая на том, что данный вопрос был решен в ходе нормализации дипломатических отношений [Saito 2017, p. 85].

Следующим крупным шагом в рамках «дипломатии извинений» стало Заявление Мураяма 1995 года. В этот период у власти в Японии находилась коалиция ЛДП и СПЯ, возглавляемая социалистом Мураяма Томиити. В начале июня 1995 г. палата представителей японского парламента приняла резолюцию, в которой содержалось намерение «вновь проявить решимость добиваться мира на основе уроков истории» и выражалось «глубокое раскаяние» в связи со страданиями, причиненными народам других стран в результате японской агрессии. Однако, в противоположность курсу СПЯ, в заявлении не содержалось никаких извинений за содеянное. Кроме того, японская милитаристская политика позиционировалась в документе в более широком контексте «бесчисленных случаев колониального господства и агрессии в современной мировой истории» [Cunningham 2004, p. 268].

В связи с этим Т. Мураяма принял решение выступить 15 августа на церемонии по поводу окончания войны и принести официальные извинения в качестве премьер-министра страны. Он заявил, что Япония, «следуя ошибочной национальной политике», «своим колониальным господством и агрессией причинила огромный ущерб и страдания народам многих стран, особенно народам Азии». Мураяма принес «искренние извинения» и выразил «глубокую скорбь по всем жертвам этой политики, как внутри страны, так и за рубежом» [Ministry of Foreign Affairs of Japan 1995]. В дополнение к официальным извинениям Т. Мураяма в июле 1995 г. взял на себя инициативу создания специального фонда для выплаты компенсаций «женщинам

для утешения» (Азиатский женский фонд), финансируемого в основном за счет бюджетных средств [Wada 2008]. С 1996 по 2002 г., до момента роспуска фонда, жертвам вручалось подписанное японским премьер-министром письмо, в котором, в частности, содержались следующие слова: «Как премьер-министр Японии, я вновь выражаю свои самые искренние извинения и чувство раскаяния всем женщинам, которые испытали неизмеримую боль и получили неизлечимые физические и психологические раны, будучи “женщинами для утешения”».

Заявление Мураяма от 15 августа 1995 г. является на сегодняшний день самым сильным актом «дипломатии извинений». Значимость этого заявления заключается в том, что Мураяма впервые публично признал историческую ответственность всего японского народа за проводившуюся в годы войны политику на материке [Dian 2017, p. 101]. Ранее эта ответственность была размытой, так как, даже признавая «ошибочность» проводившейся политики, японские лидеры старались избежать ответа на вопрос об ответственности. Теперь же этот вопрос оказался в центре дискурса вокруг проблем исторического прошлого.

После ухода в отставку коалиционного кабинета СПЯ — ЛДП и восстановления в январе 1996 г. монополии ЛДП на премьерский пост в политике примирения наступил своего рода консервативный откат. Консервативные правительства критиковали Заявление Мураяма, вернувшись к прежней риторике относительно «оборонительного характера» минувшей войны и «преувеличения» «прогрессистами» масштабов японских преступлений. Они утверждали, что у «прогрессистов» было «мазохистское видение истории», что Япония должна гордиться самопожертвованием поколения военного времени, поскольку оно заложило основу современного процветания страны. В рамках новой политической линии Р. Хасимото в конце июля 1996 г. нанес визит в храм Ясукуни, сделав это в первый раз после визита туда японского премьер-министра Накасонэ в 1985 г.

Вопрос об извинениях, как это было в период холодной войны, быстро утратил морально-этическую коннотацию и обрел чисто утилитарную функцию, став своего рода разменной монетой во взаимоотношениях Японии со странами-соседями. В свою очередь, Китай и Южная Корея стали активно использовать карту «извинений» для оказания давления на Японию и для торга, нацеленного на получение уступок по иным вопросам. Естественно, межгосударственные

отношения не улучшались, поскольку в ответ на японские извинения лидеры стран-партнеров требовали от Токио все новых и новых форм демонстрации покаяния. Это давало многим японцам основания ассоциировать извинения со слабостью или, наоборот, рассматривать их как дипломатическую рутину, а не как проявление истинного отношения к историческому прошлому.

Например, во время визита премьера Госсовета КНР Цзян Цзэминя в Токио в ноябре 1998 г. китайская сторона предложила включить в совместное коммюнике пункт с извинениями, основанное на букве и духе Заявления Мураяма. Япония отказалась, сославшись на то, что извинения уже были включены в коммюнике 1972 г. и что император Акихито уже принес свои извинения во время своего визита в Пекин в 1992 г. Японский премьер К. Обути предложил компромисс: Япония соглашается на включение пункта об извинениях в обмен на обещание китайской стороны считать вопросы истории полностью решенными и не просить дальнейших извинений в будущем. В подписанном обеими сторонами совместном заявлении говорилось, что Япония «признает свою ответственность за серьезные бедствия и ущерб, которые Япония причинила китайскому народу своей агрессией против Китая в определенный период в прошлом, и выражает в связи с этим глубокое раскаяние». [Ministry of Foreign Affairs of Japan 1998a]. Впрочем, как показало дальнейшее развитие событий, это не решило проблемы, так как китайская сторона продолжила свои нападки в связи с «недостаточным», по ее мнению, уровнем извинений. Не случайно Цзян Цзэминь в ходе подготовки визита отстаивал точку зрения, в соответствии с которой по вопросам исторического прошлого никакого «последнего слова» быть не может [Green 2001, p. 97].

«Дипломатия извинений» применялась кабинетом Обути и в диалоге с Южной Кореей. В октябре 1998 г. по итогам визита президента РК Ким Дэ Чжун в Токио было принято Совместное заявление, в котором содержался следующий пассаж: «Оглядываясь на отношения Японии и Республики Корея в этом веке, премьер-министр Обути Кэйдзо с чувством смирения смотрит на исторические факты, заключающиеся в том, что Япония в течение определенного периода в прошлом нанесла огромный ущерб и причинила страдания народу Республики Корея посредством колониального господства, и выражает в связи с этим свое глубокое раскаяние и искренние извинения»

[Ministry of Foreign Affairs of Japan 1998b]. При этом южнокорейская сторона с согласия японской стороны использовала для перевода использованного в японском документе термина *оваби* («извинение») корейское слово *sajoe*, эквивалент японского *сядзай*, а не *sagwa*, которое считается на корейском менее искренним [Ducke 2002, p. 33].

В Токио рассчитывали, что Совместное заявление позволит поставить точку в спорах с Сеулом и что после получения письменных извинений проблемы исторического прошлого будут сняты с двусторонней повестки дня. Президент РК Ким Дэ Чжун высказал пожелание, чтобы и впредь правительство Южной Кореи эти вопросы не поднимало, подчеркнув, что берет это «под свою ответственность». Однако это заявление, как выяснилось, было личной инициативой Кима и не было согласовано с южнокорейским политическим истеблишментом [Батакова 2017, с. 60–61].

Новый импульс «дипломатии извинений» была дан при кабинетах Коидзуми Дзюньитиро (2001–2006). Он опирался на поддержку правоконсервативных организаций, например Ассоциации семей погибших в войне и Ассоциации синтоистских святынь, в результате чего подход правительства к вопросам примирения с соседями был противоречивым. С одной стороны, Коидзуми выступал против таких действий и высказываний по вопросам исторического прошлого, которые можно было бы интерпретировать как слабость и как результат давления со стороны азиатских стран. Именно этими соображениями руководствовался японский премьер, когда в августе 2001 г. возобновил практику посещения храма Ясукуни и сделал ее регулярной, несмотря на яростные протесты Китая и Южной Кореи. Естественно, это привело к существенному охлаждению в двусторонних отношениях. Например, в январе 2003 г. президент Ким Дэ Чжун отменил двусторонний саммит, а в мае 2005 г. вице-премьер КНР У И в ходе своего визита в Японию в ответ на заявление Коидзуми в парламенте о намерении продолжать посещение храма даже отменила встречу с японским лидером и досрочно вернулась на родину [Коммерсантъ 2005].

Однако наряду с визитами в Ясукуни Коидзуми продолжал и «дипломатию извинений» по отношению к восточноазиатским странам, активно используя извинительную фразеологию во время официальных церемоний и зарубежных турне.

Во время своего визита в Китай в октябре 2001 г. японский премьер посетил мост Марко Поло в пригороде Пекина, где в 1937 г. начался

новый виток китайско-японской войны, и осмотрел военный мемориал борьбы китайского народа против японской агрессии. Выступая на пресс-конференции, Коидзуми заявил, что «выражает глубокую скорбь по погибшим» и приносит «искренние извинения китайскому народу» [Funabashi 2007, p. 8].

Коидзуми принес извинения Северной Корее во время своего исторического визита туда в сентябре 2002 г., согласившись на включение в Пхеньянскую декларацию следующей формулировки: «Японская сторона в духе смирения рассматривает исторические факты, свидетельствующие о том, что Япония причинила огромный ущерб и страдания народу Кореи в результате своего колониального господства в прошлом, и выражает глубокое раскаяние и искренние извинения» [Ministry of Foreign Affairs of Japan 2002].

Выступая на саммите Азии и Африки в Джакарте 22 апреля 2005 г., Коидзуми также активно использовал извинительную риторику. Он отметил, что Япония «прямо смотрит в лицо актам истории в духе смирения» и что она проявляет «глубокое раскаяние» и выражает «искренние извинения» в связи с событиями исторического прошлого [Prime Minister of Japan 2005a]. А 15 августа 2005 года премьер-министр Коидзуми заявил на церемонии 60-летия окончания войны следующее: «В прошлом Япония своим колониальным правлением и агрессией причинила огромный ущерб и страдания народам многих стран, особенно народам азиатских государств. Искренне глядя в лицо этим фактам истории, я еще раз выражаю свое чувство глубокого раскаяния и приношу искренние извинения, а также выражаю чувства скорби по всем жертвам войны, как внутри страны, так и за рубежом. Я полон решимости не допустить, чтобы уроки этой ужасной войны были сведены на нет, и внести свой вклад в мир и процветание мира, никогда больше не развязывая войны» [Prime Minister of Japan 2005b]. Таким образом, Коидзуми, по сути, подтвердил основные положения Заявления Мураяма.

После отставки Коидзуми и чехарды кабинетов ЛДП к власти в стране в 2009 г. на три года приходит Демократическая партия Японии. Наметился новый поворот к примиренческой политике. Наиболее ярким ее выразителем стал премьер-министр Кан Наото, который продолжил усилия по примирению с азиатскими странами. 10 августа 2010 г., выступая в связи со столетней годовщиной аннексии Кореи, Кан выразил «чувство глубокого раскаяния» и принес свои «искрен-

ние извинения» за «огромный ущерб и страдания, причиненные колониальным правлением». Он также сказал, что Япония колонизировала Корею против воли корейского народа, «национальной гордости которого был нанесен большой ущерб». Кан стал первым японским премьер-министром, признавшим, что договор об аннексии 1910 г. между Японией и Кореей не был актом взаимного согласия, а был навязан Корее в политических и военных обстоятельствах того времени [Prime Minister of Japan 2010].

Приход к власти ЛДП во главе с Абэ Синдзо в декабре 2012 г. ознаменовал собой новый этап «дипломатии извинений». Еще в период первого своего премьерства Абэ в 2006 г. нанес визит в Китай и заявил на итоговой пресс-конференции, что Япония прошла 60 послевоенных лет «на основе глубокого раскаяния по поводу того, что в прошлом она причинила огромный ущерб и страдания народам азиатских стран, нанеся им раны». По словам Абэ, это чувство, которое разделяет и он сам, «не изменится в будущем» [Prime Minister of Japan 2006]. Хотя Абэ считается «историческим ревизионистом», после возвращения во власть он, как и Коидзуми, по проблеме извинений попытался найти баланс между приверженностью уже сделанным ранее заявлениям (в том числе Заявлению Мураяма) и стремлением постепенно деактуализировать вопрос об извинениях в дипломатической повестке отношений с соседями.

Ключевым моментом «дипломатии извинений» Абэ стал 2015 г. — год 70-летия окончания войны. Обращало на себя особое внимание то, какими словами японский премьер выразит слова извинения и раскаяния в отношении стран-соседей во время церемонии 15 августа.

Абэ заявил о намерении «распростаться с колониальным правлением и уважать право всех народов мира на самоопределение», добавив, что Япония «дала эту клятву вместе с глубоким покаянием за прошлую мировую войну». Повторяя Заявление Мураяма, Абэ заявил, что он низко склоняет голову перед памятью всех павших, «как в нашей стране, так и за рубежом», приносит соболезнования и выражает «неизбывную сердечную скорбь».

Вместе с тем в выступлении Абэ прослеживались и элементы его «ревизионистской» позиции по вопросам исторического прошлого. В частности, он пытался оправдать политику Японии, заявив, что Япония прибегла к силе, «предприняв попытку выйти из экономического и дипломатического тупика», спровоцированного политикой

Запада. Кроме того, коснувшись болезненной темы «женщин для утешения», Абэ упомянул лишь абстрактных «женщин, чести и достоинству которых были нанесены глубокие раны», но не детализировал, что это были за женщины и кто и в какой форме нанес им эти раны. Основной пафос выступления Абэ был направлен на то, что новому поколению японцев уже не за что извиняться. «Нельзя обрезать наших детей, внуков и будущие поколения — тех, кто не имеет никакого отношения к той войне, — продолжать приносить за нее извинения», — заявил он [Prime Minister of Japan 2015].

В СМИ Южной Кореи и Китая заявление Абэ было воспринято критически. Многие комментаторы указывали, что Абэ лишь повторил извинительные тезисы Заявления Мураяма, касающиеся политики Японии на материке, но сделал это не сам, то есть как «субъект» извинений, а лишь как лицо, подтверждающее чужие извинения. В комментарии китайского агентства Синьхуа говорилось, что если Мураяма делал свое заявление как премьер-министр, представляющий правительство и народ Японии, то извинения Абэ были опосредованными. Как подчеркивалось в сеульской газете «Чосун ильбо», выступление Абэ создает впечатление, что он «раскаивается и извиняется со ссылкой на чужие слова» [Акахата 2015].

Тема агрессивной политики Японии в годы войны уже не звучала в выступлении японского премьера Абэ на церемонии по поводу 75-летия окончания войны, состоявшейся 15 августа 2020 г., как не выражались в нем и извинения перед странами-соседями. Вместе с тем император Нарухито в своем обращении заявил о «чувстве глубокого раскаяния», которое он испытывает, размышляя о прошлом, и выразил искреннюю надежду, что «разрушительные последствия войны никогда больше не повторятся» [The Mainichi 2020].

«Дипломатия извинений» на современном этапе

Для народов стран Восточной Азии воспоминания о периоде войны остаются постоянной кровоточащей раной. Несколько поколений граждан двух корейских государств, Китая, а также стран Юго-Восточной Азии были воспитаны на идее несправедливости послевоенного миропорядка, в условиях которого Япония избежала ответственности за свои исторические преступления, не понесла за них достаточного наказания и не проявив должного покаяния.

Выше было показано, что проблема извинений в отношениях со странами-соседями на отдельных этапах послевоенной истории стояла перед японской дипломатией достаточно остро. Ее актуальность существенно усилилась с того момента, когда после окончания холодной войны Япония стала выстраивать со странами-соседями новую дипломатию, основанную на принципах равенства и взаимного уважения. Свою роль сыграло и сокращение разрыва в экономической мощи Японии и ее партнеров, а также усиление взаимозависимости восточноазиатских экономик, что позволило РК и Китаю активнее использовать «экономическую карту» для оказания на Японию давления по вопросам исторического прошлого.

Если говорить о Республике Корея, то сложность решения вопроса о примирении с Японией по вопросам исторического прошлого связана не только с воспоминаниями о японской милитаристской политике периода Второй мировой войны, но и с сохранением на коллективном уровне более глубинной исторической памяти. В глазах многих южнокорейцев Япония на протяжении многих веков была одной из наиболее «варварских» стран, расположенных на периферии синоцентричного мира, а ее культурное развитие было основано в первую очередь на перенимании китайского и корейского культурного опыта. После завершения эпохи Мин и воцарения в Китае «варварской» цинской династии корейцы стали воспринимать свою страну как наследницу традиций просветительства, имеющую культурное превосходство над Японией. В Корее помнят и о нашествиях войск Хидэёси конца XVI в., которые закончились неудачей в результате отпора со стороны патриотических сил страны. Сильные антияпонские настроения преобладали в Корее во второй половине XIX — начале XX в., когда она стала объектом соперничества двух могущественных соседей, а впоследствии и японской колонией. Историческое прошлое, связанное с Японией, отзывается в сердцах корейцев и обидой за убийство королевы Мин, после которого корейский король в 1896 г. был вынужден в течение года скрываться в стенах российского посольства в Сеуле.

В период колониального господства 1910–1945 гг. корейцы воспринимались в Японии в качестве граждан второго сорта и подвергались жестокой этнической дискриминации. Многие из них, оказавшись в колониальный период в Японии, стали жертвами антикорейских настроений в японском обществе, которые особенно ярко проявились

в период «рисовых бунтов» 1919 г. и особенно землетрясения 1923-го, в «организации» которого обвинили корейцев, после чего последовали корейские погромы. Особое возмущение и чувство неотмщенной несправедливости продолжает вызывать память о навязывании корейцам японских имен, о насильственной трудовой мобилизации корейцев в годы Второй мировой войны для работы на японских военных заводах. Корейцы помнят и о том, что многие их соотечественники безвинно пострадали от атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, оказавшись в этих городах помимо своей воли.

К тому же нормализация японо-южнокорейских отношений по соглашению 1965 г. произошла в несправедливой, с точки зрения значительной части современного южнокорейского общества, форме. Правительство Пак Чжон Хи отказалось от каких-либо претензий в отношении Японии в обмен на оказание Сеулу существенной экономической помощи (500 млн долларов в виде правительственной помощи и 300 млн долларов частных инвестиций). Свою роль в современном восприятии той сделки играет осознание собственного бессилия: Южная Корея тогда отчаянно нуждалась в экономической помощи, а в отношении экономически более сильной Японии она не могла ввести каких-либо ощутимых для нее мер воздействия. При этом от японской помощи, которую, по идее, можно было бы считать «компенсацией» за колониальную эксплуатацию, ровным счетом ничего не получили как раз те, кто от нее пострадал в наибольшей степени: бывшие корейские рабочие, насильственно рекрутированные на японские оборонные предприятия, корейцы, пострадавшие от атомных бомбардировок, а также «женщины для утешения» — корейки, подвергавшиеся насильственной сексуальной эксплуатации в японских военных борделях.

В настоящее время источником острой обиды южнокорейцев, пожалуй, остаются три основных момента.

Во-первых, южнокорейцы хотели бы, чтобы Япония признала договор 1910 г. нелегитимным с момента его подписания и официально осудила период колониального правления 1910–1945 гг. Япония же в ответ настаивает, что договор был заключен в соответствии с международным правом того времени и имел юридическую силу вплоть до ее капитуляции в 1945 г. и что в этот период ею был внесен немалый вклад в экономическое и культурное развитие Кореи.

Во-вторых, южнокорейская сторона настаивает, что, поскольку от нормализации отношений в 1965 г. южнокорейские жертвы японского колониального владычества не получили должной компенсации, именно японское правительство обязано предоставить им такую компенсацию — но не частные лица. В свою очередь Токио, не отрицая наличия проблемы, придерживается той точки зрения, что, поскольку стороны в 1965 г. отказались от взаимных претензий по итогам японского колониального правления, материальную помощь пострадавшим корейским гражданам с японской стороны должны оказывать частные лица и организации. В 2015 г. после долгих переговоров стороны все же договорились о создании специального фонда для выплаты компенсаций «женщинам для утешения», в который японская сторона должна была внести из государственного бюджета 1 млрд иен (около 10 млн долларов). Однако уже через три года деятельность фонда была приостановлена по инициативе Южной Кореи, новое правительство которой фактически стало рассматривать действия предыдущего президента, подписавшего соглашение, как «предательство». С 2018 г. между двумя странами продолжается конфликт по поводу компенсаций корейским рабочим, трудившимся в годы войны на японских предприятиях: японская сторона отказывается выполнять предписания южнокорейских судов, вынесших постановления в пользу корейских жертв и их потомков.

В-третьих, многие южнокорейцы полагают, что японская сторона должна выступить с новыми извинениями, причем их в недвусмысленной форме должен принести не кто иной, как японский император. Это связано с тем, что порабощение Кореи и сама колониальная политика проводились в довоенный период от его имени, и поэтому именно император должен лично выступить с извинениями перед корейским народом. Хотя в соответствии с послевоенной японской конституцией роль императора носит символический характер, он регулярно выступает в этой роли в качестве главы государства и представителя Японии и японского народа на официальных церемониях.

Нужно отметить, что в послевоенный период японские императоры несколько раз выражали свою оценку колониальной политики Японии в Корее. 6 сентября 1984 года на этот счет высказался император Хирохито во время официального визита главы южнокорейского государства Чон Ду Хвана в Японию. Отметив, что между двумя странами существовали глубокие отношения с долгой историей, он

заявил: «Несмотря на это, в нынешнем столетии в отношениях между нашими странами был короткий несчастливый период. Это поистине достойно сожаления; этого больше не повторится» [Yamazaki 2006, p. 36]. Высказывание императора, при том, что в Республике Корея оно было воспринято позитивно, до конца не удовлетворило южнокорейскую сторону, которая хотела бы получить извинения в более четкой и недвусмысленной форме [Yamazaki 2006, p. 38].

24 мая 1990 г. император Акихито, принимая в Токио президента Южной Кореи Ро Дэ У, заявил, что «не может не чувствовать “сильную печаль”, когда задумывается «о страданиях людей в вашей стране, вызванных нашей страной в этот несчастный период». Американская исследовательница Дж. Ямадзакки обратила внимание на тот факт, что использованный императором термин *цусэки* («сильная печаль») записан двумя китайскими иероглифами, означающими «боль» и «сожаление». Это необычное слово, и некоторые южнокорейцы критиковали его как несколько архаичное и неясное, настаивая на том, что «истинное» извинение должно включать более очевидные формы извинительной лексики, содержащейся в японских словах *сядзай*, *оваби* или *сумимасэн* [Yamazaki 2006, p. 40].

Если южнокорейцы нуждаются в открытом признании вины за их унижения и страдания как японской колонии, то японская сторона готова признать только сам факт исторической несправедливости, глубоко не вдаваясь в неприятные подробности. Поскольку различия в позициях сторон по поводу извинительной лексики следует рассматривать в категориях «сохранения лица», критически важного для дальневосточного культурного ареала, единственным методом «сохранить лицо» может быть только использование нарочито расплывчатых выражений и эвфемизмов, а также отказ от эксплицитных формулировок, описывающих преступления военного времени.

Оборотной стороной этой ситуации является то, что противоположная сторона всегда остается до конца не удовлетворенной, что, в свою очередь, создает проблему «усталости» Японии от извинений. Это порождает постоянный источник напряженности в двусторонних отношениях, которая сохраняется, даже несмотря на близость стратегических интересов сторон как союзников Америки.

С неурегулированностью проблем исторического прошлого в двусторонних отношениях, как и в случае с Южной Кореей, связано негативное отношение к Японии в общественном мнении современного

Китай. Список «исторических» претензий Пекина внушителен: это и унижение от поражения в войне 1894–1895 гг., и японская агрессивная политика в Китае в первой половине XX в., особенно в период 1931–1945 гг., когда ее жертвами стали миллионы китайцев. Наиболее сильные антияпонские эмоции вызывают хорошо известные факты, свидетельствующие о жестокости и негуманности японской политики на материке в период войны: это и так называемая Нанкинская резня, жертвами которой, по разным оценкам, стали от нескольких десятков до нескольких сотен тысяч мирных граждан; и деятельность «подразделения 731» — особой части японской императорской армии, занимавшейся в Маньчжурии разработкой бактериологического оружия и использовавшей для экспериментов живых людей, в основном из числа китайских граждан; и неофициально проводившаяся японской военщиной в Китае политика «трех всех» («сжигать всех», «убивать всех», «грабить всех») [Ping Bu 2015, p. 122].

При этом, в отличие от Южной Кореи, со стороны Китая исторические претензии к Японии не связаны (или связаны в гораздо меньшей степени) с проблемой материальной компенсации индивидуальным жертвам — речь в основном идет не только о признании ответственности, но и о коллективном покаянии японского народа, которое должно быть выражено в «подобающей» форме и которого, как считают многие в Китае, пока еще недостаточно. Именно поэтому в Китае особое возмущение вызывают визиты японских официальных лиц в храм Ясукуни — они считают, что тем самым Япония демонстрирует миру свое истинное отношение к военным преступникам класса А.

В целом следует признать, что проблема извинений связана с различным восприятием в Японии и в соседних с ней странах проблемы ответственности Японии за ее милитаристское прошлое. В Японии признание вины сочетается с апеллированием к собственным страданиям в период войны, особенно связанным с атомными бомбардировками, и к исторической несправедливости, в том числе в связи с оценкой вердикта Токийского трибунала, воспринимаемого в глазах значительной части японского общества как «суд победителей». Как отмечал китайский исследователь Пин Бу, «пока японцы только подчеркивают свой “опыт жертв” и не задумываются о своей ответственности как причины страданий других, они вряд ли смогут добиться широкого понимания от представителей тех народов, которые пострадали от Японии» [Ping Bu 2015, p. 123].

Японская коллективная память о войне во многом подпитывается дипломатическими скандалами, свидетельствующими о недоверии к ней со стороны стран-соседей. Эти страны в полной мере не принимают извинений Токио, считая их недостаточно искренними по той причине, что в Японии, как на официальном уровне, так и на уровне общественного сознания, отсутствует однозначная и безоговорочная оценка милитаристского прошлого, что в Японии в лице храма Ясукуни, куда совершают паломничество японские официальные лица, сохраняется культ военных преступников и что урегулирование отношений с Японией после войны проводилось без должной материальной компенсации жертвам японской милитаристской политики. В Японии же, наоборот, полагают, что официальных извинений, прозвучавших в послевоенный период, уже более чем достаточно, что послевоенному поколению не за что извиняться, так как милитаристские лидеры были осуждены и уже искупили вину всего народа, и что постоянное внесение вопроса об извинениях в дипломатическую повестку основано на циничных политических расчетах и не имеет ничего общего с поиском исторической справедливости.

На этом фоне восстановление подлинно дружественных, добрососедских отношений Японии со странами-соседями представляется в исторической перспективе маловероятным. Осложняющим фактором в этом отношении выступает рост национализма в странах Северо-Восточной Азии, который препятствует поиску путей примирения. Вместе с тем можно возлагать определенную надежду на новые поколения, для которых, как можно ожидать, историческая память не станет препятствием для установления отношений добрососедства и дружбы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акахата 2015 — Абэ данва. Кайгай мэдиа. Хагэсику хихан [Заявление Абэ. Резкая критика в зарубежных СМИ]. *Акахата*. 16.08.2015. https://www.jcp.or.jp/akahata/aik15/2015-08-16/2015081602_04_1.html (дата обращения 16.08.2020).

Батакова 2017 — Батакова А. *Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии с государствами Восточной Азии (конец XX — начало XXI вв.)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата

исторических наук. Москва, 2017. https://mgimo.ru/science/diss/Batakova_diss.pdf (дата обращения 16.08.2020).

Батакова 2015 — Батакова А. Проблема «женщин комфорта» в японо-южнокорейских отношениях. *Азия и Африка сегодня*. 2015. № 10. С. 39–44.

Коммерсант 2005 — Японский премьер не дождался визита китайской дамы. *Коммерсантъ*. 24.05.2005. <https://www.kommersant.ru/doc/580143> (дата обращения 16.08.2020).

Conrad 2003 — Conrad, S. Entangled Memories: Versions of the Past in Germany and Japan, 1945–2001. *Journal of Contemporary History*. 2003. Vol. 38 (1). P. 85–99.

Cunningham 2004 — Cunningham, M. Prisoners of the Japanese and the Politics of Apology: A Battle over History and Memory. *Journal of Contemporary History*. 2004. Vol. 39 (4). Pp. 561–574.

Dian 2017 — Dian, M. *Contested Memories in Chinese and Japanese Foreign Policy*. Oxford: Elsevier, 2017.

Dower 1986 — Dower, J. *War Without Mercy: Race and Power in the Pacific War*. New York: Pantheon Books, 1986.

Ducke 2002 — Ducke, I. *Status Power: Japanese Foreign Policy Making toward Korea*. New York and London: Routledge, 2002.

Funabashi 2007 — Funabashi, Y. *The Peninsula Question: A Chronicle of the Second Korean Nuclear Crisis*. Washington: Brookings Institution Press, 2007.

Futamura 2008 — Futamura, M. *War Crimes Tribunals and Transitional Justice: The Tokyo Trial and the Nuremberg Legacy*. *Contemporary Security Studies Series*. London: Routledge, 2008.

Green 2001 — Green, M. *Japan's Reluctant Realism: Foreign Policy Challenges in an Era of Uncertain Power*. New York: Palgrave Macmillan, 2001.

Liu, Atsumi 2008 — Liu, J. H., Atsumi T. *Historical Conflict and Resolution between Japan and China: Developing and Applying a Narrative Theory of History and Identity*. In: Sugiman, T., Gergen, K. J., Wagner, W., Yamada, Y. (eds). *Meaning in Action*. Tokyo: Springer, 2008.

Ministry of Foreign Affairs of Japan 1993 — Statement by the Chief Cabinet Secretary Yohei Kono on the Result of the Study on the Issue of "Comfort Women". August 4, 1993. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. <https://www.mofa.go.jp/policy/women/fund/state9308.html> (дата обращения 16.08.2020).

Ministry of Foreign Affairs of Japan 1995 — Statement by Prime Minister Tomiichi Murayama "On the Occasion of the 50th Anniversary of the War's End". August 15, 1995. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. <https://www.mofa.go.jp/press/record/record1/1995/08/15/01.htm>

mofa.go.jp/announce/press/pm/murayama/9508.html (дата обращения 16.08.2020).

Ministry of Foreign Affairs of Japan 1998a — Japan-China Joint Declaration On Building a Partnership of Friendship and Cooperation for Peace and Development. November 26, 1998. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/visit98/joint.html> (дата обращения 16.08.2020).

Ministry of Foreign Affairs of Japan 1998b — Japan-Republic of Korea Joint Declaration. A New Japan-Republic of Korea Partnership towards the Twenty-First Century. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. October 8, 1998. <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/korea/joint9810.html> (дата обращения 16.08.2020).

Ministry of Foreign Affairs of Japan 2002 — Japan-DPRK Pyongyang Declaration. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. September 17, 2002. https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/n_korea/pmv0209/pyongyang.html (дата обращения 16.08.2020).

Ping Bu 2015 — Ping Bu. Dialogues on Historical Issues Concerning East Asia. *Journal of Modern Chinese History*. 2015. Vol. 9 (1). Pp. 117–129.

Piper 2001 — Piper, N. War and Memory: Victim Identity and the Struggle for Compensation in Japan. *War & Society*. 2001. Vol. 19 (1). Pp. 131–148.

Pollmann 2016 — Pollmann, E. Japan's Security and Historical Revisionism: Explaining the Variation in Responses to and Impact of Textbook Controversies. *Journal of Asian Security and International Affairs*. 2016. Vol. 3 (3). Pp. 307–336.

Prime Minister of Japan 2005a — Keynote Speech by Junichiro Koizumi, Prime Minister of Japan on the Occasion of the Asia-Africa Business Summit. *Prime Minister of Japan*. April 22, 2005. https://japan.kantei.go.jp/koizumisp/eech/2005/04/22keynote_e.html (дата обращения 16.08.2020).

Prime Minister of Japan 2005b — Statement by Prime Minister Junichiro Koizumi. *Prime Minister of Japan*. August 15, 2005. https://japan.kantei.go.jp/koizumispeech/2005/08/15danwa_e.html (дата обращения 16.08.2020).

Prime Minister of Japan 2006 — Press Conference by Prime Minister Shinzo Abe Following His Visit to China. *Prime Minister of Japan*. October 8, 2006 https://japan.kantei.go.jp/abespeech/2006/10/08chinapress_e.html (дата обращения 16.08.2020).

Prime Minister of Japan 2010 — Statement by Prime Minister Naoto Kan. *Prime Minister of Japan*. August 10, 2020. https://japan.kantei.go.jp/kan/statement/201008/10danwa_e.html (дата обращения 16.08.2020).

Prime Minister of Japan 2015 — Statement by Prime Minister Shinzo Abe. *Prime Minister of Japan*. August 14, 2015. https://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201508/0814statement.html (дата обращения 16.08.2020).

Saito 2017 — Saito, H. *The History Problem: The Politics of War Commemoration in East Asia*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2017.

The Mainichi 2020 — Japan Marks 75th Anniversary of WWII Surrender Amid Pandemic. *The Mainichi*. August 15, 2020. <https://mainichi.jp/english/articles/20200815/p2g/00m/0na/030000c> (дата обращения 16.08.2020).

Togo 2008 — Togo, K. Japan's Historical Memory: Overcoming Polarization towards Synthesis. In: Tsuyoshi Hasegawa, Kazuhiko Togo (Eds). *East Asia's Haunted Present: Historical Memories and the Resurgence of Nationalism*. London: Praeger, 2008.

Wada 2008 — Wada, H. The Comfort Women, the Asian Women's Fund and the Digital Museum. *Japan Focus*. 2008. Vol. 6 (2). <https://apjpf.org/-Wada-Haruki/2653/article.html> (дата обращения 16.08.2020).

Yamazaki 2006 — Yamazaki, J. *Japanese Apologies for World War II: A Rhetorical Study*. New York and London: Routledge, 2006.

REFERENCES

Abe danwa. Kaigai media. Hageshiku hihan [Abe Statement. Harsh criticism in foreign media] (2015, August 16). *Akahata*. Retrieved August 16, 2020, from https://www.jcp.or.jp/akahata/aik15/2015-08-16/2015081602_04_1.html. (In Japanese).

Batakova, A. (2015). Problema «zhenshchin komforta» v yaponu-yuzhno-koreyskikh otnosheniyakh [The Problem of "Comfort Women" in Japanese-South Korean Relations]. *Aziya i Afrika segodnya*, 10, 39–44. (In Russian).

Batakova, A. (2017). *Problemy istoricheskogo proshlogo v otnosheniyakh Yaponii s gosudarstvami Vostochnoy Azii (konets XX — nachalo XXI vv.)* [Problems of the Historical Past in Japan's Relations with East Asian States (Late 20th – Early 20st Centuries)]. [PhD. Dissertation, MGIMO University]. https://mgimo.ru/science/diss/Batakova_diss.pdf. (In Russian).

Conrad, S. (2003). Entangled Memories: Versions of the Past in Germany and Japan, 1945–2001. *Journal of Contemporary History*, 38 (1), 85–99.

Cunningham, M. (2004). Prisoners of the Japanese and the Politics of Apology: A Battle over History and Memory. *Journal of Contemporary History*, 39 (4), 561–574.

Dian, M. (2017). *Contested Memories in Chinese and Japanese Foreign Policy*. Elsevier.

Dower, J. (1986). *War Without Mercy: Race and Power in the Pacific War*. Pantheon Books.

Ducke, I. (2002). *Status Power: Japanese Foreign Policy Making toward Korea*. Routledge.

Funabashi, Y. (2007). *The Peninsula Question: A Chronicle of the Second Korean Nuclear Crisis*. Brookings Institution Press.

Futamura, M. (2008). *War Crimes Tribunals and Transitional Justice: The Tokyo Trial and the Nuremburg Legacy*. *Contemporary Security Studies Series*. Routledge.

Green, M. (2001). *Japan's Reluctant Realism: Foreign Policy Challenges in an Era of Uncertain Power*. Palgrave Macmillan.

Japan Marks 75th Anniversary of WWII Surrender Amid Pandemic (2020, August 15). *The Mainichi*. Retrieved August 16, 2020, from <https://mainichi.jp/english/articles/20200815/p2g/00m/0na/030000c>.

Liu, J. H., Atsumi T. (2008). Historical Conflict and Resolution between Japan and China: Developing and Applying a Narrative Theory of History and Identity. In: T.Sugiman, K. J. Gergen, W.Wagner, & Y. Yamada (Eds). *Meaning in Action* (pp.327-344). Springer.

Ministry of Foreign Affairs of Japan (1993). *Statement by the Chief Cabinet Secretary Yohei Kono on the Result of the Study on the Issue of "Comfort Women"*. August 4, 1993. <https://www.mofa.go.jp/policy/women/fund/state9308.html>.

Ministry of Foreign Affairs of Japan (1998). *Japan-Republic of Korea Joint Declaration. A New Japan-Republic of Korea Partnership towards the Twenty-First Century*. October 8, 1998. Retrieved August 16, 2020, from <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/korea/joint9810.html>.

Ministry of Foreign Affairs of Japan (2002). *Japan-DPRK Pyongyang Declaration*. September 17, 2002. Retrieved August 16, 2020, from https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/n_korea/pmv0209/pyongyang.html.

Ministry of Foreign Affairs of Japan (2008). *Japan-China Joint Declaration On Building a Partnership of Friendship and Cooperation for Peace and Development*. November 26, 1998. Retrieved August 16, 2020, from <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/visit98/joint.html>.

Ministry of Foreign Affairs of Japan (2015). *Statement by Prime Minister Tomiichi Murayama "On the Occasion of the 50th Anniversary of the War's End"*. August 15, 1995. Retrieved August 16, 2020, from <https://www.mofa.go.jp/announce/press/pm/murayama/9508.html> (accessed: August 16, 2020).

Ping Bu (2015). Dialogues on Historical Issues Concerning East Asia. *Journal of Modern Chinese History*, 9 (1), 117–129.

Piper, N. (2001). War and Memory: Victim Identity and the Struggle for Compensation in Japan. *War & Society*, 19 (1), 131–148.

Pollmann, E. (2016). Japan's Security and Historical Revisionism: Explaining the Variation in Responses to and Impact of Textbook Controversies. *Journal of Asian Security and International Affairs*, 3 (3), 307–336.

Prime Minister of Japan (2005a). *Keynote Speech by Junichiro Koizumi, Prime Minister of Japan on the Occasion of the Asia-Africa Business Summit. April 22, 2005*. Retrieved August 16, 2020, from https://japan.kantei.go.jp/koizumispeech/2005/04/22keynote_e.html.

Prime Minister of Japan (2005b). *Statement by Prime Minister Junichiro Koizumi. August 15, 2005*. Retrieved August 16, 2020, from https://japan.kantei.go.jp/koizumispeech/2005/08/15danwa_e.html.

Prime Minister of Japan (2006). *Press Conference by Prime Minister Shinzo Abe Following His Visit to China. October 8, 2006*. Retrieved August 16, 2020, from https://japan.kantei.go.jp/abespeech/2006/10/08chinapress_e.html.

Prime Minister of Japan (2010). *Statement by Prime Minister Naoto Kan. August 10, 2020*. Retrieved August 16, 2020, from https://japan.kantei.go.jp/kan/statement/201008/10danwa_e.html.

Prime Minister of Japan (2015). *Statement by Prime Minister Shinzo Abe. August 14, 2015*. https://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201508/0814statement.html.

Saito, H. (2017). *The History Problem: The Politics of War Commemoration in East Asia*. University of Hawaii Press.

Togo, K. (2008). Japan's Historical Memory: Overcoming Polarization towards Synthesis. In: T.Hasegawa & K.Togo (Eds). *East Asia's Haunted Present: Historical Memories and the Resurgence of Nationalism* (pp. 142–162). Praeger.

Wada, H. (2008). The Comfort Women, the Asian Women's Fund and the Digital Museum. *Japan Focus*, 6 (2). Retrieved August 16, 2020, from <https://apjjf.org/-Wada-Haruki/2653/article.html>.

Yamazaki J. (2006) *Japanese Apologies for World War II: A Rhetorical Study*. Routledge.

Yaponskiy prem'yer ne dozhdalsya vizita kitayskoy damy [The Japanese Prime Minister Did Not Wait for the Visit of the Chinese Lady] (2005, May 24). *Kommersant*. Retrieved August 16, 2020, from <https://www.kommersant.ru/doc/580143> (In Russian).

Ежегодник Японии 2020. Т. 49. С. 62-85.

Yearbook Japan 2020. Vol. 49, pp. 62-85.

DOI: 10.24411/2687-1432-2020-10003

COVID-19: японские традиции против нового вызова

Л. В. Жилина

Аннотация. Мировая экономика пережила за последние десятилетия несколько глобальных кризисов, но ни один из них не менял нашу жизнь так стремительно, как пандемия COVID-19. Пандемия коронавируса с невероятной скоростью разрушает транспортные и производственные цепочки, заставляет государства закрывать границы и перестраивать ключевые общественные институты, а учебные заведения стремительно переходят на удаленное обучение.

Международные исследовательские компании включили реакцию общественного мнения на пандемию COVID-19 в свой регулярный мониторинг. Последние результаты, которые мы смогли проанализировать к моменту написания данной работы (май 2020 г.), показывают, что эта проблема, безусловно, вызывает наибольшее беспокойство во всем мире и находится на первом месте опросных рейтингов. И Япония оказалась одной из стран, наиболее обеспокоенных этой проблемой.

В условиях карантина, объявленного правительством в апреле 2020 г., страна с устойчивой корпоративной культурой и традициями, которые складывались не один десяток лет, оказалась перед лицом неожиданно сложной проблемы — необходимостью работать дистанционно. Эта же проблема встала перед японской системой образования: несмотря на все усилия, многие японские школы оказались не готовы даже к частичному переходу в онлайн, к тому же многие родители проявляли недоверие к новому формату ведения занятий. В свою очередь, вузы, уже имея определенный опыт дистанционного образования, проявили большую адаптивность к онлайн-обучению. Проблемы вузовского образования проявились в первую очередь в невозможности для иностранных студентов, которых японское правительство активно привлекает в страну, продолжать нормальное обучение.

Ключевые слова: японское общество, пандемия, изменение образа жизни, проблемы социального дистанцирования.

Автор: Жилина Лариса Владимировна, кандидат исторических наук, доцент факультета Иностранных языков Омского Государственного Университета им. Ф. М. Достоевского, Россия, 644077, Омск, проспект Мира, д. 55а.
ORCID 0000-0002-6337-3870.
E-mail: larissa-zhilina@yandex.ru

COVID-19: Japanese Traditions against a New Challenge

L. V. Zhilina

Abstract. Over the past decades, the world economy experienced several global crises, but none of them changed our lives as rapidly as COVID-19. The coronavirus pandemic is destroying communication and production chains at an incredible speed, forcing states to close their borders and rebuild key public institutions, while educational formats are rapidly switching to distance learning.

International research companies have included public opinion responses to the COVID-19 pandemic in their regular monitoring reports. The latest results analyzed by the author (May, 2020) show that this problem certainly causes the greatest concern throughout the world and stands on the top positions of all survey ratings, while Japan turned to be one of the most worried countries.

After the lockdown decrees announced by the government in April 2020, Japan, possessing strong corporate culture and decades-long traditions, faced an unexpectedly difficult problem of switching to telework. The same problem faced the Japanese education system – in spite of all efforts, a substantial number of Japanese secondary schools were obviously not even ready for even a partial transition to distance learning, while many parents showed distrust of the new format of teaching. In turn, universities, already having some experience in distance education, have shown greater adaptability to online learning. The problems of higher education were manifested primarily in the inability of foreign students, whom the Japanese government had actively attracted to the country, to continue their education in the normal mode.

Keywords: Japanese society, pandemic, lifestyle change, problems of social distancing.

Author: Zhilina Larisa V., PhD (History), Associate Professor, Department of Foreign Languages, F. M. Dostoevsky Omsk State University, Russia, 644077, Omsk, Mira avenue, 55a.

E-mail: larissa-zhilina@yandex.ru
ORCID 0000-0002-6337-3870.

Введение

7 апреля 2020 г., когда количество случаев заражения коронавирусом SARS-CoV-2 в очередной раз возросло, премьер-министр Японии Абэ Синдзо объявил чрезвычайное положение. Первоначально этот режим был введен только в Токио и шести других районах (Канагава, Сайтама, Тиба, Осака, Хёго и Фукуока), но позже был распространен на всю страну [Prime Minister of Japan 2020]. Японское правительство подготовило беспрецедентно большой экономический пакет в 108 трлн иен (1 трлн долларов), который включает в себя кредиты для малого бизнеса и другие меры по борьбе с коронавирусом. Однако объявление чрезвычайного положения в Японии не дает, например, полиции префектур права предписывать закрытие государственных и частных объектов или устанавливать контрольно-пропускные пункты для проверки транспортных средств, въезжающих и выезжающих с территорий. Губернаторы также не могут официально объявить комендантский час. В принципе, люди, появляющиеся в общественных местах, могут быть остановлены полицией для уточнения, куда они направляются, но им не выписывают штрафов за то, что они покинули свои дома [Johnston 2020]. Каждый житель Японии по-прежнему имеет право свободно выйти из дома в маске или без нее и отправиться куда угодно по своему усмотрению. Однако в ответ на просьбы властей добровольно отменены все массовые мероприятия; в основном прекратили занятия школы, закрыты музеи и кинотеатры, универмаги, многие другие магазины, рестораны, бары, все ночные клубы. Остающиеся заведения общепита закрываются в 20:00, а спиртное прекращают подавать за час до этого. Бизнес ведет себя послушно и ответственно, хотя есть исключения [Головнин 2020].

В регулярном мониторинге наиболее важных проблем «Что беспокоит мир»¹ (What Worries the World), который проводит Ipsos Group², было выяснено, что 61% людей в мире обеспокоены рас-

---

¹ Исследование среди граждан 16–64 лет в 28 странах — участницах опроса.

² Ipsos Group основана в 1975 г. Штаб-квартира в Париже. В середине 1990-х гг. стала одной из самых крупных исследовательских компаний в Европе и вышла на общемировой рынок. Специализируется на изучении медиа, маркетинговых и социологических исследованиях.

пространением COVID-19³, а наиболее озабочены этой проблемой в Малайзии (85%), Великобритании (77%), Австралии (74%) и Японии (72%). Эти показатели стали самыми высокими за время, прошедшее с тех пор, как десять лет назад был запущен опрос What Worries the World. По данным апрельского исследования меньше всего распространение коронавируса волнует Россию (27%) и, что неожиданно, Китай (24% — самый низкий показатель). К слову сказать, в Южной Корее этот вопрос волнует 59% населения страны, в США — 69% [Ipsos 2020e].

Реакция населения на ограничительные меры

Согласно последнему исследованию, большинство людей считает, что границы их стран должны быть закрыты до тех пор, пока не будет локализована вспышка коронавируса: из стран Азиатско-Тихоокеанского региона более всего поддерживают закрытие государственных границ Индия (79%), Вьетнам (79%) Китай (73%), Россия (71%) и Япония (67%) [Ipsos 2020a] (рис. 1).

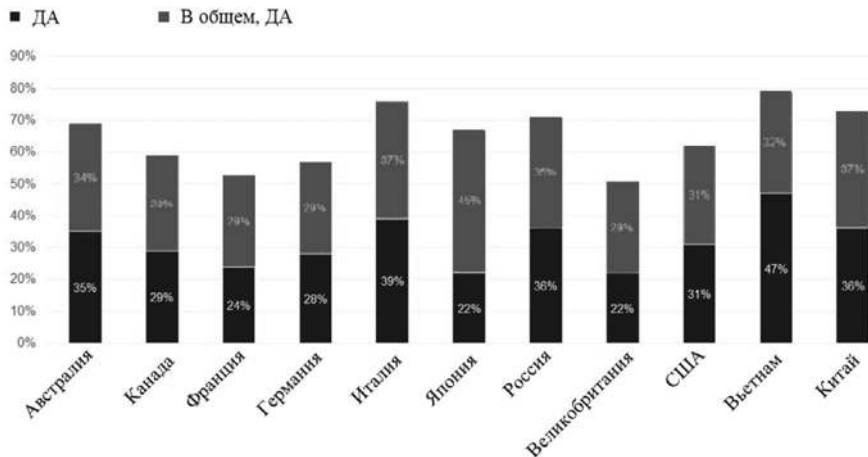

Рис. 1. Большинство граждан согласно с закрытием границ

Источник: исследования Ipsos [Ipsos 2020a]

³ Другие пять главных проблем: безработица, здравоохранение, бедность / социальное неравенство и финансовая/политическая коррупция.

Существенной движущей силой роста беспокойства по поводу COVID-19, а следовательно, и желания оградить себя и своих близких от заражения является то, что все больше людей теперь реально осознают: кто-то из их близких может заразиться этим вирусом. Во Вьетнаме таких 67%, в Великобритании — 57%, в Индии, Австралии и Японии — по 51%.

В начале апреля Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) заявила, что в Европе более 95% умерших от COVID-19 были старше 60 лет, но вместе с тем предупредила, что на фоне этого заявления молодые люди не должны испытывать самоуспокоения. Помощник директора по гендерным вопросам, старший политический аналитик некоммерческого аналитического центра глобального развития (Вашингтон, округ Колумбия) Меган О’Доннелл (Megan O’Donnell), проанализировав результаты исследования, сделала вывод, что существуют социальные факторы, определяющие рискованное поведение и зачастую подталкивающие к такому поведению мужчин⁴, что, в свою очередь, ведет к пренебрежению связанными с COVID-19 рисками для здоровья. В Японии, где только 13% респондентов мужского пола сообщили, что находятся на карантине или в самоизоляции, более 70% смертей от COVID-19 приходится именно на мужчин. Между тем респонденты в возрасте 45 лет и старше в Японии (12%), Германии (64%) и Австралии (66%) реже всего соблюдают социальное дистанцирование и следуют рекомендациям ВОЗ [Ipsos 2020d].

Данные другого опроса, проведенного Институтом общих исследований жизни Хакуходо⁵, где за основу была взята столбальная шкала — «степень свободы жизни» японцев до распространения коронавируса⁶, говорят о том, что граждане Японии считают себя «лишенными свободы» почти наполовину. Эти данные в чем-то объясняют, почему часть японцев не спешит следовать призывам по возможности оставаться дома.

Японцы в возрасте 60–69 лет более высоко (57,6%), по сравнению с другими возрастными когортами, оценивали «степень свободы» во

---

⁴ Например, высокую вероятность дорожно-транспортных происшествий среди мужчин О’Доннелл объясняет злоупотреблением психоактивными веществами.

⁵ Hakuhōdō seikatsusōgō kenkyūjo основан в Токио в 1981 г., имеет институты в Шанхае и Бангкоке. Проводит исследования поведения людей и их образа жизни.

⁶ В опросе приняло участие 1500 чел. от 20 до 69 лет, проживающих в регионах Токио, Нагоя, Осака и Кобэ.

время действия режима чрезвычайной ситуации [Хакуходо 2020]. Возможно, это объясняется и тем, что многие из них уже вышли на пенсию, проводят много времени дома и им, в отличие от более молодых японцев, не настолько трудно дается соблюдение ограничений, связанных с самоизоляцией. Но довольно высокие показатели демонстрируют и другие возрастные группы: 55,2% японцев 50–59 лет, 53,3% 20–29 лет и 52,8% 40–49 лет считают степень своей свободы достаточно высокой. Самый низкий показатель ощущения «степени свободы жизни» оказался в группе самых экономически активных представителей рынка труда — японцев в возрасте 30–39 лет (52,7%). И, что интересно, японские женщины ниже оценили «степень своей свободы» (53,2%) в условиях пандемии, чем мужчины (55,3%).

Кроме того, большинство жителей Японии (62% — самый высокий показатель в мире), а также Индии (61%), Мексики (59%), Бразилии (56%), Германии (55%), Вьетнама (55%) и Австралии (52%) считают, что социальное дистанцирование (самоизоляция) и ограничения на передвижение не дадут ожидаемого результата для решения проблемы распространения коронавируса, в то время как граждане Китая (61%), Канады (59%), Италии (57%) и Франции (56%) в большинстве своем поддерживают введение ограничений на передвижение и режим социального дистанцирования [Ipsos 2020b] (рис. 2).

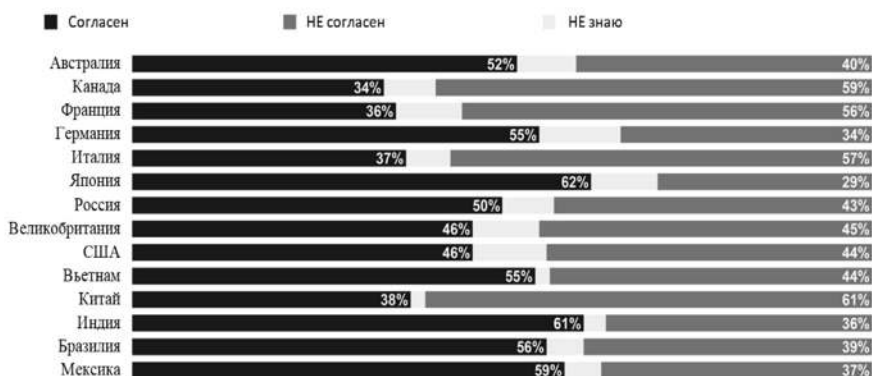

Рис. 2. Социальное дистанцирование (самоизоляция) и ограничение передвижения не остановят распространение COVID-19

Источник: исследования Ipsos [Ipsos 2020b]

Как мы видим, общественность разделилась по поводу того, могут ли изоляция и запреты на поездки предотвратить распространение COVID-19. Вероятно, это может быть одним из объяснений того, что многие японцы игнорировали просьбы своего правительства остаться дома во время больших майских каникул⁷. «Золотая неделя» стала своеобразным катализатором, тестирующим японскую общественность на желание объединиться против общего врага — пандемии. Это происходило на фоне постоянно звучащих предупреждений работников здравоохранения о росте случаев инфицирования коронавирусом, который ставит в сложное положение всю медицинскую систему в стране. Эксперты говорят, что ощущение необходимости предотвратить надвигающуюся угрозу коронавируса у японских граждан отсутствует из-за неоднозначных сообщений правительства и из-за недостатка у рядовых японцев стимулов оставаться дома.

Основное, что пытается донести правительство до своих граждан, — важность и первоочередность восстановления экономики, а потом уже безопасность. Премьер-министр С. Абэ не раз подчеркивал в своих выступлениях, что Япония не станет принимать жесткие ограничения в европейском стиле, которые парализуют японскую экономику. По мнению Сэкия Наоя⁸, «очевидно, что послыл, исходящий от правительства, оказался довольно мягким: пытаясь убедить людей, что необходимо оставаться дома, правительство отдает приоритет экономике, а поскольку японцам все еще не хватает общего чувства кризиса, они, вместо того чтобы сидеть дома, надеются на лучшее и предполагают, что не заразятся» [Yamaguchi 2020]. Более того, те, кто не внемлет призывам остаться дома, не нарушают закон, поскольку юридически чрезвычайное положение может означать только просьбу со стороны властей о соблюдении определенных правил. А раз так, то и штрафов «нарушители» не платят.

Вместе с тем по результатам опроса, проведенного международной исследовательской компанией Ipsos, 77% японцев отметили, что когда предприятиям разрешат возобновить работу и будут разрешены поездки, то, выходя из дома, они будут испытывать определен-

---

⁷ *Яп.* ゴールデンウィーク Gōruden' uī-ku — «Золотая неделя», проходит с 29 апреля до 5 мая.

⁸ Сэкия Наоя — профессор Токийского университета (Отдел междисциплинарных информационных исследований).

ную нервозность⁹. Больше страхов по этому поводу только у граждан Индии (78%), а меньше всего беспокоятся на этот счет в Германии (44%) (рис. 3).

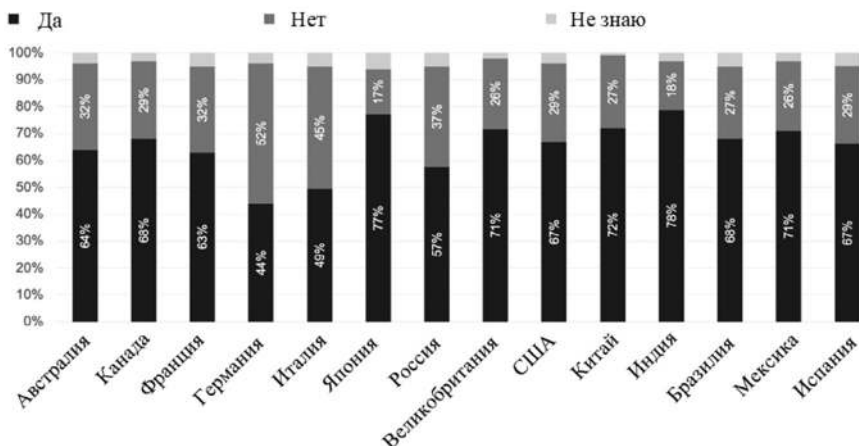

Рис. 3. Будут ли люди испытывать нервозность, выходя из дома, когда предприятиям разрешат возобновить работу

Источник: исследования Ipsos [Ipsos 2020c]

Три четверти японцев, принявших участие в опросе газеты «Асахи», заявили, что выходят на улицу реже, чем обычно. Но только чуть более половины считают, что могут выполнить призыв С. Абэ «сократить свои социальные контакты» [Yamaguchi 2020]. При этом, согласно интернет-исследованию, проведенному британской компанией YouGov¹⁰, несмотря на относительно высокий процент жителей страны, которые боятся подхватить вирус, всего-навсего 18% респондентов смогли избежать поездок в школу или на работу. Так в чем же в основном ограничивали себя японцы во время объявленного правительством карантина (табл. 1)?

⁹ В Китае (72%), Великобритании и Мексике (по 71%), Бразилии и Канаде (68%).

¹⁰ YouGov — глобальная общественная компания, занимающаяся опросами общественного мнения. Сайт компании — <https://yougov.co.uk>

Таблица 1. Доля японцев, испытывающих ограничения во время режима чрезвычайной ситуации (%)

Виды ограничений	Всего	Женщины	Мужчины
Выход из дома	89,3	93,7	85,0
Путешествия, отдых	88,7	93,4	84,0
Посещение концертов, театров, кинотеатров	86,7	91,7	81,9
Общение с друзьями и знакомыми	85,1	91,4	78,8
Несрочные покупки	84,2	87,8	80,7
Посещение ресторанов	82,7	89,5	75,9

Составлено по: данные Института общих исследований жизни Хакуходо [Хакуходо 2020]

По мнению профессора университета Хоккайдо, эксперта по эпидемиологическому анализу Нисиура Хироси, данные опроса показывают, что в выходные дни число любителей ночной жизни и пассажиров заметно сократилось — цель по социальному дистанцированию была достигнута примерно на 80%. Однако парки и популярные места на открытом воздухе в густонаселенных городах Японии по-прежнему остаются весьма оживленными.

Face-to-face с COVID-19

Несмотря на существующие стереотипы, согласно которым Япония — страна с высокими технологиями, а перенесенные из-за сложной эпидемиологической ситуации в мире Олимпийские игры 2020 г. в Токио должны были продемонстрировать ее возможности как высокотехнологичной державы, многие японцы столкнулись с трудностями удаленной работы из дома именно по техническим причинам. Когда для обуздания распространения коронавируса правительство объявило чрезвычайную ситуацию и попросило граждан работать из дома, толпы японцев устремились в магазины электроники. В это трудно поверить, но факт остается фактом: многим японцам не хватило основных «инструментов», необходимых для работы из

дома. Вопреки ультрасовременному имиджу Japan Inc., с ее роботами, изяществом дизайна и изобилием гаджетов, во многих отношениях страна испытывает именно технологические трудности. Некоторые офисы часто используют факсы вместо электронной почты, а во многих домах отсутствует высокоскоростной доступ в интернет. В правительственном исследовании говорится, что треть (!) домохозяйств все еще использует факсы.

Редко можно найти офис, в котором нет факса, если только это не футуристическая компания, такая как SoftBank, которая не одобряет подобные старомодные практики. Многие уважаемые учреждения избегают электронной почты и делают запросы на информацию или настаивают на получении документации только по факсу. Более того, как оказалось, у многих сотрудников компаний нет ноутбуков, которые они могут взять домой [Denyer 2020], а у самих компаний нет VPN или удаленного доступа к своим серверам. Это значит, что информацию, необходимую для работы, можно получить только лично — в офисе [Jozuka 2020].

Но еще большим препятствием на пути успешного внедрения дистанционной работы оказалась японская корпоративная культура *face-to-face*, говорят эксперты [Hogiuchi 2020]. Нежелание закрывать офисы и работать удаленно свидетельствует не только о культуре интенсивной работы, когда сотрудники должны работать по многу часов в офисах, но и является реальной частью японской корпоративной культуры, когда акцент делается на коллективное принятие решений, что также может вызывать нежелание японцев работать из дома, где они не будут физически окружены коллегами.

В этом отношении по сравнению с другими странами, где сотрудники работают более индивидуально, ситуация в Японии уникальна, поскольку корпоративная культура в Японии такова, что один человек не может принять важное решение в одиночку у себя дома¹¹ — для этого работники целой компании должны собраться вместе и коллегиально обсудить проблему. Вот почему в то время как некоторые государственные служащие по предписанию должны были работать удаленно, многие из них по утрам устремлялись в свои офисы.

¹¹ Будучи замечательными исполнителями и обладая навыками работы в команде, японцы в то же время обладают духом лидерства и нестандартным мышлением в гораздо меньшей степени.

Еще одним препятствием для успешного осуществления дистанционной работы является то, что четверть населения Японии — люди в возрасте 65 лет и старше. Многие пожилые японцы занимают руководящие должности, но при этом, как бы парадоксально это ни звучало, они очень далеки от современных технических новшеств. Например, в 2018 г. занимавший тогда пост министра кибербезопасности 68-летний чиновник признал, что никогда не использовал компьютер в своей профессиональной деятельности. Профессор экономики университета Мэйдзи в Токио Като Хисакадзу, комментируя подобное явление, отметил, что «даже если оборудование станет доступным, многие пожилые люди могут просто-напросто не иметь достаточного опыта или знаний для быстрой адаптации к техническим новшествам, поскольку в Японии существует явный цифровой разрыв» [Jozuka 2020].

Есть и еще один важный нюанс: документы часто должны быть завизированы лично резными печатями *ханко*¹², которые в Японии служат в качестве подписей. Премьер-министр Японии Абэ Синдзо призвал срочно пересмотреть эту традиционную офисную практику — ведь именно из-за нее некоторые работники вынуждены садиться в переполненные поезда и появляться в своих офисах только для того, чтобы завизировать документы своими личными или фирменными печатями. На заседании Совета по экономической и фискальной политике С. Абэ отметил необходимость внесения изменений в «обычай использования печатей и подачи документов» для большего распространения в стране удаленной работы.

По мнению пионера в области телеработы (удаленной работы) президента Telework Management Inc.¹³ Тадзава Юри¹⁴, другой фактор, встающий на пути успешного перехода на дистанционную

---

¹² Традиция использования *ханко* на официальных документах, которая в Японии насчитывает сотни лет, распространилась среди широкой общественности в XIX в. Для проверки личных или деловых операций часто требуется печать, смоченная красной тушью. Не желая отказываться от этих обычаев, Япония на протяжении десятилетий подвергалась критике за неэффективность работы «белых воротничков». Опрос Токийской торгово-промышленной палаты показал: только 26% из 1333 компаний работали дистанционно.

¹³ Сайт компании — <https://www.telework-management.co.jp/english/>

¹⁴ Тадзава Юри в 2008 г. основала Telework Management Inc. для внедрения телеработы в среде своих клиентов. Является советником кабинета министров, министерства государственного управления, внутренних дел, почты и телекоммуникаций, министерства здравоохранения, труда и социального обеспечения и т. д.

работу, состоит в том, что работники часто не имеют четко определенного круга служебных обязанностей, как, например, американцы, поэтому компании ожидают, что их сотрудники, работая в команде, будут постоянно общаться друг с другом. Однако именно сейчас телеработа как никогда ранее приобретает особое значение в борьбе с коронавирусом [Kageyama 2020].

Эксперт по корпоративному управлению, глава совета директоров Training Institute of Japan¹⁵ Бенес Николас (Benes Nicholas), предложивший бесплатный вебинар по телеработе, был удивлен тому, что интерес японцев к его вебинару оказался поразительно низким. Ведь отсутствие современных IT-систем означает, что в Японии отстают в развитии гибкие методы работы, а существующие офисные правила, методы управления и даже само отношение к удаленной работе становится одной из причин относительно низкой производительности труда. По мнению Бенеса, «телеработа требует, чтобы менеджеры доверяли своим сотрудникам и делегировали им больше полномочий по принятию решений, поскольку на согласования по электронной почте или по скайпу уходит слишком много времени». Тем не менее, традиционно многие японские компании по-прежнему полагаются на нюансы взаимодействия *face-to-face*.

Хотя некоторые крупнейшие корпорации, такие как Toyota Motor Corp., Sony Corp., Honda и Nissan, и объявили о политике работы «на удаленке» в период пандемии, оказалось, что основная проблема больше связана с малым и средним бизнесом. По данным Японского бюро статистики, в 2019 г. более 70% рабочей силы Японии было занято именно в сфере услуг, а это значит, что для многих телеработа оказалась практически невозможна.

Помимо технических вопросов, почти половина респондентов причиной уклонения от дистанционной работы назвали трудности, с которыми сталкиваются менеджеры при оценке эффективности работы сотрудников, когда они не могут видеть свою команду лично.

В результате всех изменений, которые были запущены в бизнес-среде из-за введения многими странами режима чрезвычайной ситуации, число офисных сотрудников может сократиться в отдельных случаях на треть. В ряде стран это остро поставит вопрос: что же делать

¹⁵ Training Institute of Japan — некоммерческая организация, предлагающая управление и обучение управлению.

с невостребованными людьми¹⁶? Не исключено, что даже сильные экономики, до настоящего времени избегавшие существенной безработицы, тоже столкнутся с подобной проблемой. В связи с этим нельзя не сказать, что переживания, связанные с безработицей и возможностью потерять работу, стоят у современных японцев на третьем месте (24%)¹⁷ после проблем, вызванных пандемией COVID-19 [Ipsos 2020e]. Это также объясняет, почему, несмотря на рост числа инфицированных коронавирусом, городские пригородные поезда заполнены лишь ненамного меньше, чем раньше. Это «белые воротнички» спешат в свои офисы...

Затянувшаяся перемена

Объявляя о мерах по предотвращению распространения пандемии, С. Абэ подчеркнул, что здоровье и безопасность детей имеют наивысший приоритет, и попросил закрыть в стране все учебные заведения. И хотя формально это была только прозвучавшая от правительства просьба (а не принудительное закрытие), почти все префектуры и советы по образованию (BOEs¹⁸) выполнили этот запрос. Начиная со 2 марта по всей Японии все начальные, средние и старшие школы были закрыты на весенние каникулы на две недели раньше обычного [Hayden 2020]. Многие японские семьи оказались застигнуты врасплох новостью о том, что все школы Японии закроются [Fritz 2020].

Если часть школ, особенно в регионах, столкнулась с неподготовленностью учителей и используемых онлайн-платформ, то некоторые, напротив, во время карантина пострадали от недоступности высокотехнологичного оборудования: при вынужденном переходе на цифровые технологии разрыв между частными и государственными школами стал еще более очевидным [The Japan Times 2020b].

В то время как многие частные школы начали предлагать ученикам программы онлайн-обучения, выяснилось, что в этом вопросе госу-

---

¹⁶ В настоящее время существуют также ошеломляющие глобальные прогнозы относительно того, сколько рабочих мест может быть потеряно во время этого кризиса. Агентство ООН — Международная организация труда (МОТ) заявило, что в худшем случае может быть потеряно до 25 млн рабочих мест во всем мире. Для сравнения: во время мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. было потеряно около 22 млн рабочих мест.

¹⁷ По данным исследования Ipsos What Worries the World, на втором месте стоят вопросы, связанные с социальным неравенством и бедностью — 27%.

¹⁸ BOEs — Boards Of Education, советы по образованию.

дарственные школы сильно от них отстают. Более того, если школы в одних префектурах останутся открытыми, а в других будут закрыты (поскольку каждая префектура в индивидуальном порядке принимает решение о работе учебных заведений сообразно ситуации), то между ними возникнет реальная пропасть [The Japan Times 2020b]. По мнению экспертов, в этой ситуации правительство должно взять на себя обязательство оказывать финансовую и техническую поддержку школам по всей стране, чтобы помочь им перейти на цифровые технологии.

Частные школы начали готовить образовательные онлайн-платформы еще в конце февраля 2020 г., поэтому когда премьер-министр С. Абэ вынес предписание закрыть со 2 марта все начальные, средние и старшие школы, для большинства частных школ это не стало шоком. Они были морально и технически готовы к этому и начали активно предлагать онлайн учебные материалы, видео презентации и презентации в PowerPoint, подготовили своим ученикам всевозможные предложения по загрузке со школьных платформ заданий по разным предметам и всячески стали поощрять коммуникацию с учителями в интернет-пространстве.

Однако когда дело дошло до государственных школ, мы увидели совсем другую историю. Поскольку с точки зрения дохода семьи и возможности доступа к интернету ситуация с каждым конкретным учащимся различается, то государственные школы и муниципальные советы по образованию, к которым относятся эти школы, изначально не настаивали на том, чтобы родители покупали своим детям компьютеры для учебы с использованием интернет-технологий. Более того, отсутствие учителей, разбирающихся в ИТ, стало еще одним препятствием, которое затруднило создание адекватных учебных материалов в интернет-пространстве. Например, в Соединенных Штатах во время закрытия школ в марте 2020 г. для онлайн-обучения стал широко использоваться канал YouTube и Google Classroom — онлайн-образовательный инструмент, разработанный совместно Google и экспертами в области образования. Но как бы странно это ни звучало, по сравнению с другими развитыми странами высокотехнологичная Япония не очень-то и спешит создавать полноценную среду для онлайн-образования (!).

У японских родителей появился дополнительный повод для беспокойства — влияние на физическое и психическое здоровье детей

того, что школы оказались закрыты. 9% японцев волновали и волнуют вопросы, связанные именно с образованием¹⁹ [Ipsos 2020e]. Кроме того, из-за кризиса и ситуации с пандемией некоторые японские семьи столкнулись со снижением доходов и потерей работы²⁰. А когда наряду со всеми возникшими проблемами родителям пришлось еще и помогать дома своим детям с учебой, то бремя их забот стало намного тяжелее.

А что же сами ученики? Когда токийская компания TesTee провела анкетирование учащихся средних и старших классов и студентов университетов²¹, выяснилось, что 50% учащихся школ и студентов университетов тратило время, которое у них появилось в период вынужденных затяжных «домашних каникул», на сон. Больше времени учебе стали уделять около 40% учеников средних классов и только 22% студентов вузов [Nippon.com 2020a] (рис. 4).

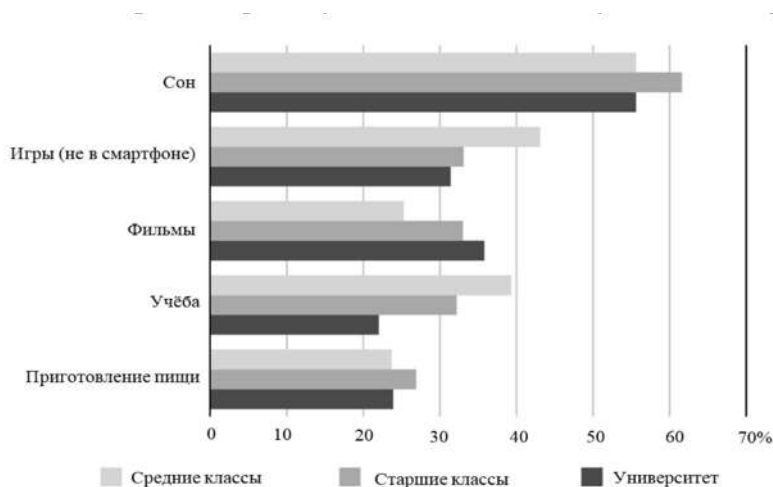

Рис. 4. На что тратят время ученики школ и студенты во время пандемии в Японии

Источник: Исследования TesTee [Nippon.com 2020a]

¹⁹ Из стран АТР вопросы, связанные с образованием, больше всего волнуют граждан Китая — 20%, а меньше всего озабочены этой проблемой в Южной Корее — 6%

²⁰ Для сравнения: в странах АТР проблема потери работы больше всего волнует граждан Южной Кореи — 55%, Китая — 35 % и России — 34%.

²¹ В опросе приняло участие 8464 чел.

Как считают эксперты, правительство не должно оставлять такие важные вопросы образования на усмотрение местных органов власти, школ и родителей учеников. В сложившейся ситуации, если придется вновь перейти на дистанционное обучение, разрыв между частными и государственными школами, а также между различными префектурами будет только увеличиваться. Если в государственных школах из-за финансовых и временных ограничений нет возможности обеспечить персональным компьютером каждого учащегося, то школам должно быть разрешено использовать имеющиеся у них средства на открытие компьютерных классов для учеников, которые испытывают проблемы с онлайн-доступом из дома, поскольку каждому ребенку надо предоставить равные возможности получения образования.

Непростое положение иностранных студентов

Японское правительство давно проводит политику увеличения числа иностранных студентов в Японии и привлечения в страну молодых талантов со всего света, стремясь повысить конкурентоспособность японских университетов. Согласно отчету министерства юстиции, опубликованному в конце марта 2020 г., благодаря этой государственной политике в 2019 г. число иностранных студентов достигло 345 791. Усилия японского правительства в направлении открытости высшего образования не новы, но в последние годы они стали более активными [Жилина 2019]. Инициатором в этом деле выступает министерство образования, культуры, спорта, науки и техники, продвигающее сектор высшего образования для привлечения большего числа иностранных сотрудников и студентов и проводящее реформы, направленные на создание более конкурентоспособной исследовательской среды. Ведь интернационализация в образовании приводит к завязыванию партнерских отношений между университетами на международном уровне, при этом сами международные партнерства являются своеобразным способом интернационализации [Knight 2003]. Однако вспышка COVID-19 в Японии привела к тому, что сотни тысяч студентов университетов оказались в очень сложном положении. Лекции, которые должны были начаться в апреле²², стали предлагаться онлайн. Кроме того, после объявления чрезвычайной

---

²² Учебный год в Японии начинается 1 апреля.

ситуации в стране исчезла возможность частичной занятости, которая была хорошим подспорьем и помогала студентам содержать себя, а доходы многих из их родителей существенно сократились по той же причине.

Проведенный среди 1200 студентов университетов опрос показал, что вспышка коронавируса оставила многих без источника дохода или финансовой поддержки, поэтому около 20% из них рассматривают возможность бросить учебу в вузе. До распространения COVID-19 многие студенты работали на условиях частичной занятости в ресторанной и туристической отраслях. Согласно исследованию The Japan Student Service Organization, проведенному среди 7000 иностранных студентов в 2019 г., 75,8% респондентов работали неполный рабочий день, из них 41,8% трудились в ресторанном секторе, который с марта 2020 г. был вынужден ограничивать свою деятельность. Это, в свою очередь, не могло не отразиться на финансовом положении студентов. Кроме того, студенты не подпадают под программы страхования по безработице и не имеют права на предоставляемые домохозяйствам с низким доходом социальные пособия. Все это в итоге приведет к тому, что молодые люди не смогут оплатить обучение и будут вынуждены оставить учебные заведения, а значит, не смогут оставаться в Японии [The Japan Times 2020a].

Но университеты не хотят снижать плату за обучение, поскольку это напрямую повлияет на их финансовое положение. И только некоторые из них смогли оказать студентам посильную финансовую поддержку. Например, Университет Васэда каждому своему студенту предоставил материальную помощь в размере 100 тыс. иен, а Университет Мэйдзи Гакуин — 50 тыс. иен, университет Тохоку объявил о создании фонда экстренной помощи (в том числе для выплат нуждающимся студентам) в размере 400 млн. иен и т. д. К сожалению, принять такие меры поддержки своих учащихся могут только обладающие достаточными финансовыми ресурсами учебные заведения. Несмотря на то, что в рамках новой правительственной программы выдачи наличных населению иностранные студенты имеют право на получение 100 тыс. иен каждый [NHK 2020], они могут столкнуться с трудностями при оформлении многочисленных документов, необходимых для этой процедуры. Многие из них приехали в страну без идентификационных карточек социального страхования и налогообложения (My Number), которые требуются для заполнения

онлайн-заявки. Тем не менее, как и объявлял 8 мая 2020 г. министр образования Хагигура Коити, японское правительство рассмотрело вопрос о выдаче наличных денег нуждающимся студентам [Nippon.com 2020b]. Кабинет министров утвердил программу предоставления денежных пособий до 200 тыс. иен для 430 тыс. студентов²³, которые в условиях пандемии коронавируса испытывают финансовые трудности, возникшие при оплате за обучение.

Пандемия заставляет страны закрывать границы, и в условиях кризиса правительства вполне оправданно стремятся отдавать предпочтение своим гражданам. И в Японии стали раздаваться голоса, что поддерживать надо прежде всего японских граждан, а не иностранных студентов. Но оказание помощи последним не менее важно для экономики страны и ее внешних связей. Молодые люди из других стран, которым была предоставлена возможность учиться в Японии, могут стать бесценным ресурсом для поддержки промышленности и экономики в будущем, ключевыми фигурами, которые после возвращения домой помогут Японии построить более тесные отношения со своими странами.

Заключение

Япония известна в мире как страна традиций. Наиболее полно они проявляются в национальном характере японцев и в стройной системе их ценностных ориентаций. Неблагоприятные природные условия выработали у японцев стойкость к невзгодам, коллективизм, привычку к взаимопомощи в преодолении стихийных бедствий, оптимизм, мобилизационные способности. Для японцев характерны высокий уровень дисциплинированности, уважение к старшим по возрасту и положению, чувство долга по отношению к своей социальной группе. И развитие японского общества осуществляется путем активного использования этих особенностей [Японский феномен 1996, с. 15–16].

Поскольку Япония стала одной из первых стран (вместе с Китаем и Южной Кореей), пострадавших от COVID-19, и страной с самым высоким в мире процентом пожилых людей, которые подвергаются более высокому риску серьезно заболеть и даже умереть от этой

---

²³ В их число вошли не только студенты университетов, но и учащиеся других учебных заведений Японии.

болезни, можно предположить, что страна оказалась «на передовой» в вопросах разработки и реализации мер по предотвращению распространения коронавируса. Все вышеперечисленные качества японцев в полной мере проявляются и в противостоянии пандемии COVID-19. Япония снова показывает себя не только как страна с высоким уровнем санитарии и гигиены, но и, пожалуй, как страна с одним из самых дисциплинированных народов. Японское общество, где традиция соблюдать дистанцию — в самых разных смыслах этого словосочетания — существовала не один век, в последние месяцы в борьбе с пандемией учится ей следовать: старается работать, учиться и жить дистанционно. И это дает Японии возможность выходить из ситуации, возникшей в связи с пандемией, с наименьшими по сравнению с другими странами потерями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Nippon.com 2020a — Корона кю:ко: фуэта но ва нэрудзикан то YouTube [Во время каникул из-за коронавируса стали больше времени тратить на сон и на YouTube]. *Nippon.com*. 15.04.2020. <https://www.nippon.com/ja/japan-data/h00701/> (дата обращения: 5.05.2020).

Головнин 2020 — Головнин В. И. Формула японского карантина: четкость, дисциплина, помощь. *Новая газета*. 30.04.2020. <https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/30/85169-formula-yaponskogo-karantina-chetkost-distiplina-pomosch> (дата обращения: 5.05.2020).

Жилина 2019 — Жилина Л. В. Японское университетское сообщество в международном окружении: маневры или курс на снижение? *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2019. Т. 19. № 1. С. 119–129.

Хакуходо 2020 — Дай иккай сингата коронавирусу ни кансуру сейкацу тё:са 2020.04 [1-й опрос относительно нового коронавируса. Апрель, 2020]. *Хакуходо*. Апрель 2020. <https://www.hakuhodo.co.jp/uploads/2020/04/20200420.pdf> (дата обращения: 5.05.2020).

Японский феномен 1996 — Японский феномен / Научн. рук. и отв. ред. К. О. Саркисов. – Москва: Институт востоковедения РАН, 1996.

Denyer 2020 — Denyer, S. Work from Home, They Said. In Japan, it's not so Easy. *The Washington Post*. April 6, 2020. https://www.washingtonpost.com/world/coronavirus-japan-telework-business-culture/2020/04/05/a420a39a-74ec-11ea-ad9b-254ec99993bc_story.html (дата обращения: 5.05.2020).

Fritz 2020 — Fritz, M. Coronavirus: Are Japan's School Closures a Political Move to Save the Olympics? *DW.com*. February 28, 2020. <https://www.dw.com/en/coronavirus-are-japans-school-closures-a-political-move-to-save-the-olympics/a-52574748> (дата обращения: 05.05.2020).

Hayden 2020 — Hayden, M. Coronavirus and Foreign Teachers in Japan. With Japan's Schools Shut Down, What Happens to Foreign Teachers? *The Diplomat*. March 11, 2020. <https://thediplomat.com/2020/03/coronavirus-and-foreign-teachers-in-japan/> (дата обращения: 05.05.2020).

Horiuchi 2020 — Horiuchi, J. Corporate Culture Remains Obstacle to Japan Adopting Telework. *The Japan Times*. January 06, 2020. <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/01/06/business/japan-corporate-culture-teleworking/#.XrPUmhTVLIU> (дата обращения: 05.05.2020).

Ipsos 2020a — Majority of People Want Borders Closed as Fear about COVID-19 Escalates. *Ipsos*. March 17, 2020. <https://www.ipsos.com/en/majority-people-want-borders-closed-fear-about-covid-19-escalates> (дата обращения: 5.05.2020).

Ipsos 2020b — Public Divided on Whether Isolation, Travel Bans Prevent COVID-19 Spread; Border Closures Become More Acceptable. *Ipsos*. March 24, 2020. <https://www.ipsos.com/en/public-divided-whether-isolation-travel-bans-prevent-covid-19-spread-border-closures-become-more> (дата обращения: 5.05.2020).

Ipsos 2020c — People are Divided over Whether the Economy Should Open if COVID-19 is not Fully Contained. *Ipsos*. April 27, 2020. <https://www.ipsos.com/en/people-are-divided-over-whether-economy-should-open-if-covid-19-not-fully-contained> (дата обращения: 5.05.2020).

Ipsos 2020d — Think Seniors are Most at Risk? Women, Younger People More Likely to Self-Isolate Amid COVID-19. *Ipsos*. April 14, 2020. <https://www.ipsos.com/en/think-seniors-are-most-risk-women-younger-people-more-likely-self-isolate-amid-covid-19> (дата обращения: 5.05.2020).

Ipsos 2020e — What Worries the World. *Ipsos*. April, 2020. <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2020-04/what-worries-the-world-april-2020-ipsos.pdf> (дата обращения: 5.05.2020).

Nippon-com 2020b — The Japanese Government will Consider Cash Hand-outs to University Students in Need Amid the COVID-19 Crisis, Education Minister Koichi Hagiuda Said Friday. *Nippon.com*. May 8, 2020. <https://www.nippon.com/en/news/yjj2020050800544/> (дата обращения: 13.05.2020).

Johnston 2020 — Johnston, E. What Changes under Japan's State of Emergency Declaration? *The Japan Times*. April 8, 2020. <https://www.japantimes>.

co.jp/news/2020/04/08/national/politics-diplomacy/japan-changes-under-state-of-emergency/#.XqvqWPbVLIU (дата обращения: 5.05.2020).

Jozuka 2020 — Jozuka, E. Even in the Coronavirus Pandemic, the Japanese won't Work from Home until Shinzo Abe Makes Them. *CNN*. April 03, 2020. <https://edition.cnn.com/2020/04/02/business/japan-coronavirus-work-lockdown-guilt-hnk-intl/index.html> (дата обращения: 5.05.2020).

Kageyama 2020 — Kageyama, Y. Despite Stereotypes, Low-Tech Japan Faces Challenge in Working from Home. *The Japan Times*. April 27, 2020. https://www.japantimes.co.jp/news/2020/04/27/business/corporate-business/low-tech-japan-working-from-home-coronavirus/#.XqvSu_bVLIU (дата обращения: 5.05.2020).

Knight 2003 — Knight, J. *Internationalization of Higher Education Practices and Priorities*. Paris: International Association of Universities (IAU), 2003.

NHK 2020 — Foreign Residents can Receive 100,000-yen Handout. *NHK*. April 29, 2020. <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/news/backstories/1057/> (дата обращения: 5.05.2020).

Nippon.com 2020b — Survey Finds Japanese Feel Half as Free as Before COVID-19 Crisis. *Nippon.com*. April 22, 2020. <https://www.nippon.com/en/japan-data/h00706/> (дата обращения: 5.05.2020).

Prime Minister of Japan 2020 — Basic Policies for Novel Coronavirus Disease Control by the Government of Japan (Summary). *Prime Minister of Japan and His Cabinet*. March 28, 2020. (Revised: 4 May 2020). <https://www.mhlw.go.jp/content/10900000/000628609.pdf> (дата обращения: 5.05.2020).

The Japan Times 2020a — Extend Support for Foreign Students in Japan. *The Japan Times*. April 30, 2020. https://www.japantimes.co.jp/opinion/2020/04/30/editorials/extend-support-foreign-students-japan/#.Xqvc_vbVLIU (дата обращения: 5.05.2020).

The Japan Times 2020b — Government's Support for Schools is Essential. *The Japan Times*. April 16, 2020. <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2020/04/16/editorials/governments-support-schools-essential/#.XqvTEfbVLIU> (дата обращения: 5.05.2020).

Yamaguchi 2020 — Yamaguchi, M. Why Many Japanese People are Ignoring Their Government's Pleas to Stay Home During a Major Holiday Break. *Time*. April 30, 2020. <https://time.com/5830612/japan-coronavirus-golden-week/> (дата обращения: 5.05.2020).

REFERENCES

Dai 1-kai shingata koronairusu ni kansuru seikatsu chōsa (2020, April 20) [1st Consumer Survey on New Coronavirus, April 20, 2020]. Hakuodo. Retrieved May 5, 2020, from <https://www.hakuodo.co.jp/uploads/2020/04/20200420.pdf> (In Japanese).

Denyer, S. (2020, April 6). Work from Home, They Said. In Japan, it's not so Easy. *The Washington Post*. Retrieved May 5, 2020, from https://www.washingtonpost.com/world/coronavirus-japan-telework-business-culture/2020/04/05/a420a39a-74ec-11ea-ad9b-254ec99993bc_story.html

Extend Support for Foreign Students in Japan (2020, April 30). *The Japan Times*. Retrieved May 5, 2020, from https://www.japantimes.co.jp/opinion/2020/04/30/editorials/extend-support-foreign-students-japan/#.Xqvc_vbVLIU

Foreign Residents can Receive 100,000-yen Handout. (2020, April 29). NHK. Retrieved May 5, 2020, from <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/news/backstories/1057/>

Fritz, M. (2020, February 28). Coronavirus: Are Japan's School Closures a Political Move to Save the Olympics? *DW.com*. Retrieved May 5, 2020, from <https://www.dw.com/en/coronavirus-are-japans-school-closures-a-political-move-to-save-the-olympics/a-52574748>.

Golovnin, V.I. (2020, April 30). Formula yaponskogo karantina: chetkost', distsiplina, pomoshch' [Japanese Quarantine Formula: Clarity, Discipline, Help]. *Novaya Gazeta*. Retrieved May 5, 2020, from <https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/30/85169-formula-yaponskogo-karantina-chetkost-distiplina-pomosch> (In Russian).

Government's Support for Schools is Essential (2020, April 16). *The Japan Times*. Retrieved May 5, 2020, from <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2020/04/16/editorials/governments-support-schools-essential/#.XqvTEfbVLIU>

Hayden, M. (2020, March 11). Coronavirus and Foreign Teachers in Japan. With Japan's Schools Shut Down, What Happens to Foreign Teachers? *The Diplomat*. Retrieved May 5, 2020, from <https://thediplomat.com/2020/03/coronavirus-and-foreign-teachers-in-japan/>

Horiuchi, J. (2020, January 6). Corporate Culture Remains Obstacle to Japan Adopting Telework. *The Japan Times*. Retrieved May 5, 2020, from <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/01/06/business/japan-corporate-culture-teleworking/#.XrPUMhTVLIU>

Johnston, E. (2020, April 8). What Changes under Japan's State of Emergency Declaration? *The Japan Times*. Retrieved May 5, 2020, from <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/04/08/national/politics-diplomacy/japan-changes-under-state-of-emergency/#.XqvqWPbVLIU>

Jozuka, E. (2020, April 3). *Even in the coronavirus pandemic, the Japanese won't work from home until Shinzo Abe makes them*. CNN. Retrieved May 5, 2020, from <https://edition.cnn.com/2020/04/02/business/japan-coronavirus-work-lockdown-guilt-hnk-intl/index.html>

Kageyama, Y. (2020, April 27). Despite Stereotypes, Low-Tech Japan Faces Challenge in Working from Home, *The Japan Times*. Retrieved May 5, 2020, from https://www.japantimes.co.jp/news/2020/04/27/business/corporate-business/low-tech-japan-working-from-home-coronavirus/#.XqvSu_bVLIU

Knight, J. (2003). *Internationalization of Higher Education Practices and Priorities*. International Association of Universities (IAU).

Korona kyūkō, fueta no wa nerujikan to YouTube (2020, April 25). [Students Spend More Time Sleeping and Watching YouTube During "Corona Break"]. Nippon.com. Retrieved May 5, 2020, from <https://www.nippon.com/ja/japan-data/h00701/> (In Japanese).

Majority of People Want Borders Closed as Fear about COVID-19 Escalates (2020, March 17). Ipsos. Retrieved May 5, 2020, from <https://www.ipsos.com/en/majority-people-want-borders-closed-fear-about-covid-19-escalates>.

People are Divided over Whether the Economy Should Open if COVID-19 is not Fully Contained. Ipsos. (2020, April 27). Retrieved May 5, 2020, from <https://www.ipsos.com/en/people-are-divided-over-whether-economy-should-open-if-covid-19-not-fully-contained> (accessed: 5 May 2020).

Ministry of Health, Labour and Welfare. (April 27, 2020; Revised: 4 May 2020). *Basic Policies for Novel Coronavirus Disease Control by the Government of Japan (Summary)*. Retrieved May 11, 2020, from <https://www.mhlw.go.jp/content/10900000/000628609.pdf>.

Public Divided on Whether Isolation, Travel Bans Prevent COVID-19 Spread; Border Closures Become More Acceptable. (2020, March 24). Ipsos. Retrieved May 5, 2020, from <https://www.ipsos.com/en/public-divided-whether-isolation-travel-bans-prevent-covid-19-spread-border-closures-become-more>

Survey Finds Japanese Feel Half as Free as Before COVID-19 Crisis (2020, April 22). Nippon.com. Retrieved May 5, 2020, from <https://www.nippon.com/en/japan-data/h00706/>

The Japanese Government will Consider Cash Handouts to University Students in Need Amid the COVID-19 Crisis, Education Minister Koichi Hagiuda Said Friday (2020, May 8). Nippon.com. Retrieved May 13, 2020, from <https://www.nippon.com/en/news/yjj2020050800544/>

Think Seniors are Most at Risk? Women, Younger People More Likely to Self-Isolate Amid COVID-19 (2020, April 14). Ipsos. Retrieved May 5, 2020, from <https://www.ipsos.com/en/think-seniors-are-most-risk-women-younger-people-more-likely-self-isolate-amid-covid-19>

What Worries the World. Ipsos. (2020, April, 2020). Retrieved May 5, 2020, from <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2020-04/what-worries-the-world-april-2020-ipsos.pdf>

Yamaguchi, M. (2020, April 30). Why Many Japanese People are Ignoring Their Government's Pleas to Stay Home During a Major Holiday Break. *Time*. Retrieved May 5, 2020, from <https://time.com/5830612/japan-coronavirus-golden-week/>

Sarkisov, K.O. (Ed.) (1996). *Yaponskii fenomen* [Japanese Phenomenon]. Institute of Oriental Studies of RAS. (In Russian).

Zhilina, L. V. (2019). Yaponskoye universitetskoye soobshchestvo v mezhdunarodnom okruzenii: manevry ili kurs na snizheniye? [Japanese Universities' Community in International Environment: Maneuvers or Heading Down?] *Vestnik RUDN. Mezhdunarodnyye otnosheniya*, 19 (1), 119–129. (In Russian).

Образование и стартовые возможности японской молодежи

И. П. Лебедева

Аннотация. В первые послевоенные десятилетия система образования стала важным инструментом выравнивания социального ландшафта японского общества и превращения его в «общество среднего класса». Разумеется, разделение общества на классы и слои никуда не исчезло, но степень социального неравенства, жесткость горизонтальных перегородок значительно смягчились. Сравнивая ситуацию 1960–1980-х гг. с современным положением дел, многие японские специалисты приходят к выводу, что система образования все больше утрачивает свою функцию обеспечения социальной мобильности и что у нынешней молодежи гораздо меньше шансов достичь жизненного успеха благодаря упорной учебе, чем у предшествующих поколений. При этом общим местом стал тезис о превращении японского общества в «разделенное» (*какуса сякай*, или *gap society*). В данной статье автор предпринимает попытку проанализировать изменения, происходящие как в системе образования, так и на рынке труда, с целью ответить на вопрос, насколько радикальны эти изменения и действительно ли они подорвали такую функцию системы образования, как выравнивание стартовых возможностей молодежи.

На основе анализа статистических данных и материалов различных обследований автор приходит к выводу, что и в плане доступа к образованию, и с точки зрения возможностей трудоустройства молодежи современная ситуация в чем-то даже благоприятнее, чем в период формирования «общества среднего класса», а значит, нет оснований характеризовать нынешнее японское общество как «разделенное», с углубляющимся неравенством в сфере образования и, следовательно, в плане стартовых возможностей молодых японцев. В то же время автор подчеркивает, что сложившаяся система образования и трудоустройства японской молодежи не может не воспроизводить социального неравенства. Как прежде, так и сейчас, ее основной чертой является иерархичность, структурированность, при которой шансы полу-

чить хорошее образование, а следовательно, и хорошую работу распределяются не столько в соответствии со способностями молодых людей, сколько в зависимости от финансовых возможностей и социального положения их семей.

Ключевые слова: образование, трудоустройство, доходы семей, социальный капитал, неравенство.

Автор: Лебедева Ирина Павловна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: lebedeva130250@mail.ru

Education and Starting Opportunities of Japanese Youth

I. P. Lebedeva

Abstract. Over the first post-war decades, the education system has become an important tool for equalizing the social landscape of Japanese society and transforming it into a “middle-class society”. Of course, the division of society into classes and layers did not disappear, but the degree of social inequality and the rigidity of horizontal partitions softened significantly. Comparing the situation of the 1960—1980s with the current one, many Japanese experts conclude that the educational system is increasingly losing its function of ensuring social mobility, and that current youth have much fewer chances to achieve life success through persistence in study than previous generations. At the same time, the thesis about the transformation of Japanese society into a “divided” one (*kakusa shakai*, or “gap society”) became commonplace. In this article, the author attempts to analyze the changes taking place both in the education system and in the labor market in order to answer the questions of how radical these changes are, and have they really undermined the function of the education system of equalizing the starting opportunities of young people. Using the statistics and the materials of various surveys, the author shows that, in terms of both access to education and employment opportunities for young people, current situation is even more favorable than in the period of the formation of the “middle class society”, and that there is no reason to characterize current Japanese society as “divided”, with deepening inequalities in education, and therefore in terms of starting opportunities for young Japanese. At the same time, the author emphasizes that the current system of education and employment of Japanese youth reproduces social inequality. As

before, so now, its main feature is the hierarchical structure where the chances of obtaining a good education, and hence a good job, are distributed not so much according to the abilities of young people as to the financial capabilities and social position of their families.

Keywords: education, employment, family income, socio-cultural capital, inequality.

Author: *Lebedeva Irina P.*, Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Russia, 107031 Moscow, Rozhdestvenka Street 12.

E-mail: lebedeva130250@mail.ru

Введение

По многим формальным показателям положение японской молодежи выглядит более чем благополучно. За исключением отдельных периодов, связанных с ухудшением конъюнктуры, в течение всех послевоенных десятилетий уровень молодежной безработицы в Японии был одним из самых низких среди развитых стран, экономика предьявляла повышенный спрос на молодую рабочую силу, и практически все желающие работать молодые японцы находили работу. При этом происходило постепенное повышение уровня образования японской молодежи: вначале этот процесс охватывал в основном юношей, но затем распространился и на девушек. Все большее число выпускников средней школы продолжали обучение в школе высшей ступени, и все большее число последних по окончании учебы поступали в университеты.

Повышение уровня образования сопровождалось не только ростом профессионально-квалификационных характеристик работников японских компаний, но и повышением их социального статуса. Этому способствовали два обстоятельства. Во-первых, в 1960—1970-е гг. работу белых воротничков получали не только выпускники университетов, но и значительная часть выпускников школ высшей ступени. Последние становились клерками на крупных и средних промышленных предприятиях, работниками торговли, муниципальными служащими. Места же производственных рабочих, то есть синих воротничков, заполняли главным образом выпускники средних школ (то есть лица с обязательным девятилетним образованием). Позже, когда началось быстрое повышение доли молодежи, поступающей в уни-

верситеты, процесс, получивший название *ховайтокарака* (расширение слоя белых воротничков), еще больше ускорился [Татибанаки 2010, с. 126]. Во-вторых, повышение социального статуса работника могло произойти и в ходе внутрифирменного обучения, которое было одним из основополагающих элементов японской системы управления трудом. Оно имело целью повышение квалификации работников, сопровождалось их продвижением по служебной лестнице (с разной скоростью и разной степенью крутизны — в зависимости от успехов и усердия), и в результате некоторые из них достигали положения, на которое не могли бы претендовать исходя из уровня своего базового образования.

Иными словами, система образования стала важным инструментом выравнивания социального ландшафта японского общества и превращения его в «общество среднего класса». Разумеется, разделение общества на классы и слои никуда не исчезло, но степень социального неравенства, жесткость горизонтальных перегородок значительно смягчились. Этому способствовал и такой специфически японский фактор, как демократичность японской системы управления, придание высокого статуса рядовым работникам компаний, и прежде всего синим воротничкам. В частности, это проявилось в том, что разница в заработной плате между синими и белыми воротничками в Японии была значительно меньше, чем в других западных странах. А поскольку уровень дохода — это один из главных критериев отнесения к среднему классу, равенство в доходах приводило и к выравниванию социального состава японского общества. Неудивительно, что с конца 1960-х гг. более 90% японцев стали относить себя к среднему классу.

Как известно, с начала 1990-х гг. Япония вступила в период значительных изменений и в экономике, и в обществе. Почти два десятилетия экономика находилась в стагнации, резко расширились масштабы глобализации производства, на рынке труда значительно возрос спрос на непостоянных работников, начались изменения в практике найма японских компаний и т. д. И на этом фоне происходила все большая диверсификация стилей жизни и системы ценностей японцев, которая особенно заметно проявила себя в молодежной среде.

Все эти изменения вызвали всплеск интереса и в научной среде, и в средствах массовой информации к процессам, происходящим в японском обществе. При этом основным лейтмотивом стал тезис о его превращении из «общества среднего класса» в «разделенное

общество» (*какуса сякай*, или *gap society*). Что же касается системы образования, то многие исследователи склоняются к тому, что она все больше утрачивает свою функцию обеспечения социальной мобильности и что у нынешней молодежи гораздо меньше шансов достичь жизненного успеха благодаря упорству в учебе, чем у предшествующих поколений.

В данной статье будет предпринята попытка проанализировать изменения, происходящие как в системе образования, так и на рынке труда, с целью ответить на вопрос, насколько радикальны эти изменения и действительно ли они подорвали такую функцию системы образования, как выравнивание стартовых возможностей молодежи.

Предыстория вопроса

Прежде чем говорить о нынешней ситуации, необходимо кратко остановиться на том, что представляла собой система образования в период, когда в Японии шло формирование «общества среднего класса».

В это время, то есть во второй половине 1950-х — 1970-е гг., страна проходила через ускоренную индустриализацию, и для обеспечения экономики необходимыми кадрами требовалось все возрастающее число работников, способных осваивать новые знания, технику и технологию. Всеобщее бесплатное девятилетнее образование было введено еще в первые послевоенные годы, но повышение требований к качеству рабочей силы требовало и более высокого уровня общего образования. Так, за 1960–1980 гг. доля учеников, по завершении среднего образования продолживших обучение в школе высшей ступени, повысилась с 57,7 до 94,2%. За эти же годы доля выпускников школы высшей ступени, поступающих в университеты, повысилась с 13,7 до 26,1%. При этом число *танки дайгаку* (трехгодичных университетов) возросло с 280 до 517, а число полноценных (четырёхгодичных) университетов — с 245 до 446 [МЕХТ 1950-2019]. По подсчетам А. И. Соколова, за период 1956–1978 гг. экономика страны поглотила около 28 млн 400 тыс. выпускников учебных заведений. И если в 1956–1960 гг. среди вновь принятых на работу молодых людей среднее образование имели 58,7%, полное среднее (включая школу высшей ступени) — 33,7%, а университетское образование — 7,6%,

то к концу 1970-х эти показатели составили соответственно 7,9, 56,6, и 35,5% [Соколов 1982, с. 200].

Столь быстрый переход к практически всеобщему полному среднему образованию и все более широкий охват молодежи высшим образованием были связаны не только с ростом потребностей экономики в квалифицированных специалистах. В этом нашли отражение и широко распространившиеся в обществе представления о том, что образование — это эффективный инструмент повышения социального статуса, что оно имеет решающее значение для жизненного успеха, а упорный труд — ключ к получению достойного образования. Такие представления поддерживала происшедшая в послевоенный период демократизация системы образования, общий смысл которой заключался в переносе центра тяжести на оценку личных достижений (результатов) учеников, ослабление влияния на доступ к хорошему образованию их классовых корней и социальной принадлежности.

Как отмечает профессор Т. Татибанаки, на быстрое повышение уровня образования японской молодежи влиял и так называемый образовательный комплекс, свойственный многим японским семьям. Под этим он имеет в виду стремление родителей, которым в свое время не удалось получить хорошее образование, непременно предоставить такую возможность своим детям. Причем это стремление было характерно не только для тех, кто занимал нижние этажи социальной пирамиды, но и для тех, кто достиг достаточно высокого положения. Например, рядовые госслужащие мечтали о том, чтобы их дети поступили на юридический факультет Токийского университета и стали карьерными бюрократами, а успешные менеджеры, закончившие в свое время не самые известные вузы, нацеливали детей на обучение в самых престижных университетах [Татибанаки 2010, с. 57–58]. В целом же это было время, когда сыновья, как правило, получали более высокое образование, чем их отцы, и продвигались на более высокие должности.

Стремление молодых людей к получению более высокого образования стимулировала и сложившаяся в эти годы практика найма японских компаний, а именно их ориентация на наем «свежих» выпускников учебных заведений, которым предоставлялись гарантии долговременной работы, повышения квалификации, продвижения по карьерной лестнице и постепенного повышения заработной

платы. Хотя в наиболее полном виде все эти гарантии предоставлялись в крупных компаниях и государственных учреждениях, в условиях повышенного спроса на молодых работников системы, подобные пожизненному найму, в том или ином виде применяли и другие компании. Тогда же сложились и представления о карьере *сараримана* (от англ. salaryman), то есть служащего крупной компании или государственного учреждения, как идеале жизненного пути для молодого человека, гарантирующего стабильность и процветание. И многие молодые люди устремились к этому идеалу.

В условиях пожизненного найма особую значимость приобретало первое место работы, на которое попадал выпускник учебного заведения, так как от этого зависел весь его дальнейший жизненный путь. Но конкурентная борьба за лучшие места, прежде всего в крупных компаниях и государственных учреждениях, фактически начиналась не на стадии найма, а на стадии поступления в учебные заведения — будь то школа высшей ступени или университет.

Дело в том, что параллельно с демократизацией системы образования, расширением сети школ высшей ступени и университетов происходило структурирование учебных заведений, их дифференциация по степени престижности. При этом крупнейшие компании, банки и государственные учреждения ориентировались на наем выпускников наиболее известных школ и университетов, крупные и средние фирмы нанимали выпускников менее престижных учебных заведений, муниципалитеты и префектурные учреждения — выпускников местных университетов и т. д. Так как по условиям пожизненного найма компании не могли уволить работника до наступления *тэйэнэн* (предельного возраста пребывания в фирме), для них было критически важным не допустить ошибки при найме выпускников, и они стали все больше полагаться на рекомендации самих учебных заведений. Постепенно между соответствующими учебными заведениями и нанимающими организациями и компаниями сложились тесные, устойчивые отношения, и дело дошло до того, что при найме выпускников наниматели стали обращать основное внимание не столько на достоинства самих претендентов, сколько на ранг учебного заведения, которое они окончили. При этом сами выпускники уже на стадии поступления в школу высшей ступени, а в еще большей степени — на стадии поступления в университет имели достаточно четкое представление о том, на какое место работы они могут рассчитывать.

Конкурентная борьба за поступление в лучшие учебные заведения была сопряжена с огромной физической и психологической нагрузкой на абитуриентов, связанной с подготовкой к аттестационным и вступительным экзаменам. Неслучайно атмосфера, складывавшаяся в период подготовки и сдачи этих экзаменов, получила название «экзаменационный ад».

Нельзя отрицать, что меритократический характер японской системы образования, то есть акцент на оценку личных результатов учеников, в определенной степени расширил доступ в престижные школы и наиболее известные университеты способной молодежи из разных слоев общества, в том числе из располагающихся на нижних ступенях социальной лестницы. И тем не менее шансы на поступление в эти учебные заведения, а следовательно, и на получение лучших стартовых возможностей были далеко не равны. В своей книге «Япония. Экономика и образование», вышедшей в 1982 г., А. И. Соколов приводит целый ряд фактов, свидетельствующих о том, что и в 1960–1970-е гг., когда происходило быстрое формирование «общества среднего класса» и резко возросло значение образовательного ценза, неравенство возможностей получения образования было достаточно очевидно. Отсылая читателя к этой фундаментальной работе, приведем лишь несколько примеров.

Как отмечалось выше, параллельно с расширением сети школ и университетов происходило усиление дифференциации между ними по степени престижности. Что касается школ высшей ступени, то их градация определялась в соответствии со средним баллом успеваемости учеников и доле выпускников, поступающих в университеты. Для того чтобы повысить шансы своего чада на поступление в престижную школу высшей ступени, многие родители уже в средней школе использовали и возможности внешкольного обучения, а некоторые прибегали к этому даже в начальной школе. Но далеко не все семьи могли позволить себе эти расходы. Одно из проведенных в середине 1970-х гг. обследований показало, что в семьях с годовым доходом менее 200 тыс. иен занятиями в *дзюку* было охвачено 20% детей, с доходом от 200 до 400 тыс. иен — 31–32%, а с доходом выше 400 тыс. иен — 40% [Соколов 1982, с. 155]. В еще большей степени это неравенство было выражено в использовании репетиторства, которое было намного дороже *дзюку*.

Разумеется, обучение в платных частных школах, которые с течением времени стали все больше конкурировать с престижными государственными школами по уровню образования и доле выпускников, поступающих в университеты, было доступно лишь детям из семей с доходами выше средних. Более того, при многих известных частных университетах возникли цепочки учебных заведений (детский сад — начальная школа — средняя школа — школа высшей ступени), при продвижении по которым «свои» дети пользовались определенными преимуществами, но позволить себе плату за обучение по всем этим цепочкам могли лишь наиболее богатые семьи.

Разного рода обследования, на которые ссылается А. И. Соколов, показали также, что уровень дохода семьи, ее социальное положение (например, образование и профессия отца) оказывают заметное влияние и на успеваемость детей, и на мотивацию, и на развитие их способностей, и на стремление поступить в вуз. При этом иерархическая структура японских школ, значительная роль внешкольного обучения приводили к тому, что различия в материальном достатке и культурном окружении детей в процессе школьного образования не только не сглаживались, но даже усугублялись.

Неравенство возможностей воспроизводилось и в сфере высшего образования. Так, в 1974 г. степень охвата высшим образованием выходцев из пяти групп семей, различающихся по уровню дохода, составила: в первой группе (с наиболее высокими доходами) — 87,1%, во второй группе — 37,8%, в третьей группе — 21,9%, в четвертой группе — 13,2%, в пятой группе (с самыми низкими доходами) — 13,9%. Финансовое положение семьи влияло не только на возможности получения высшего образования, но и на выбор ранга университета. Причем, судя по данным, которые приводит в своей книге А. И. Соколов, на фоне быстрого расширения контингента японского студенчества влияние этого фактора не только не ослабевало, но, напротив, возрастало.

С уровнем дохода тесно связано социальное положение семьи. И, как замечает А. И. Соколов, «растущая массовость высшего образования... не отменяет самой ранжировки социально-профессиональных групп по относительному доступу детей к образованию». Так, вероятность получить высшее образование (рассчитанная как произведение доли выпускников средней школы, поступающих в школу высшей ступени, на долю выпускников последней, поступающих в

вузы) для детей из семей менеджеров составляла 0,666, для детей государственных служащих — 0,430, служащих частных компаний — 0,302, для детей крестьян — 0,099, детей рабочих — 0,058 [Соколов 1982, с. 174–176].

Таким образом, даже из этого краткого экскурса становится очевидно, что система образования в Японии того периода была иерархична, шансы на поступление в престижные школы и университеты не были равными для выходцев из разных слоев населения, а следовательно, не были равными и их стартовые карьерные возможности.

Современная ситуация: возможности трудоустройства

Обратимся теперь к современной ситуации. Прежде всего, следует отметить, что все последующие десятилетия и вплоть до последних лет уровень образования японской молодежи продолжал непрерывно повышаться. Так, доля выпускников средней школы, продолживших обучение в школе высшей ступени, возросла до 97,0% в 2000 г., до 98,0% — в 2010 г. и до 98,8% — в 2018 г., а среди последних доля поступивших в университет повысилась соответственно до 39,7, 50,9 и 54,7%. Иными словами, высшее образование в Японии стало массовым. При этом по доле выпускников, поступающих в вузы, девушки не только догнали, но и обогнали юношей. Если в 2010 г. для юношей этот показатель составил 56,4%, а для девушек — 45,2%, то в 2018-м — 51,8 и 57,7% соответственно. Важно также отметить, что с начала 1990-х стало быстро нарастать число девушек, обучающихся в полноценных (четырёхгодичных) университетах, и снижаться число студенток *танки дайгаку*: за 1990–2018 гг. первый показатель увеличился с 584,2 тыс. до 1 млн 280 тыс. (в 2,2 раза), а второй снизился с 438,4 тыс. до 105,5 тыс. (в 4,2 раза) [Момбукагакусё 2004–2019].

Рост спроса на высшее образование привел к значительному расширению сети японских университетов, главным образом частных. Общее число четырехгодичных университетов увеличилось с 507 в 1990 г. до 782 в 2018 г., а число обучающихся в них студентов — с 2 млн 133 тыс. до 2 млн 910 тыс. При этом почти три четверти студентов обучаются в частных вузах: в 2018 г. их насчитывалось 603 (государственных — 86, местных, то есть префектурных или городских, — 93) [Момбукагакусё 2004–2019].

Как и прежде, основной целью получения высшего образования в Японии является повышение шансов на удачное трудоустройство, что в массовом сознании ассоциируется с получением места постоянного работника, желательно в крупной или крупнейшей компании или госучреждении, где сохраняется система пожизненного найма. Статистика показывает, что шансы на получение постоянной работы действительно возрастают по мере повышения уровня образования. Так, по данным за 2018 г., среди выпускников средней школы на места постоянных работников устроились 35,4%, школы высшей ступени — 56,3%, профессиональных училищ — 66,6%, *танки дайгаку* — 66,2%, университетов — 80,9% [Момбукагакусё 2018].

При этом, несмотря на все происшедшие в экономике и обществе изменения, японская молодежь по-прежнему считает наиболее предпочтительной формой занятости пожизненный найм. Так, в 2015 г. среди молодежи в возрасте 20–29 лет «пожизненный найм с перспективой работы в одной и той же компании вплоть до достижения *тэйнэн*» (предельного возраста пребывания в фирме) поддерживали около 90% [Ямасита 2017, с. 10–11].

Насколько же доступна постоянная занятость для выпускников японских университетов и насколько велики их шансы получить работу в наиболее известных компаниях?

Очевидно, что ситуация с наймом выпускников вузов сильно зависит от состояния экономической конъюнктуры: чем она лучше, тем большая доля выпускников находит работу. Например, в 2012 г., перед стартом *абэномики*, трудоустроились 69,2% выпускников, обучение продолжили 11,8%, временной работой пробавлялись 3,5%, ничем не занимались 15,5%, а в весьма благоприятном 2019 г. — соответственно 81,4, 10,5, 1,4, 6,7% [Момбукагакусё 2012; Момбукагакусё 2019]. Что же касается трудоустроившихся выпускников, то порядка 80% из них получают постоянную работу, даже в периоды неблагоприятной конъюнктуры [Косэйродосё 2018, 2013, 2009].

Однако далеко не все они достигают желаемого — места постоянного работника в крупных и крупнейших компаниях. Судить о том, насколько доступны эти места для выпускников университетов, позволяют данные об их распределении по предприятиям разных размеров.

Таблица 1. Структура трудоустройства выпускников университетов (%)

Год	Число занятых на предприятии (чел.)					Число выпускников (тыс. чел.)
	свыше 1000	300–999	100–299	30–99	5–29	
2000	25,8	23,0	20,1	15,8	12,2	337,6
2004	27,4	17,5	16,1	13,0	18,0	342,8
2008	37,5	21,2	15,8	12,2	7,0	399,8
2010	37,1	20,2	14,6	13,7	5,2	370,6
2012	40,7	20,9	13,5	11,5	6,4	430,4
2014	40,6	19,3	18,5	8,4	4,9	564,5
2015	46,2	26,1	7,9	9,0	5,3	561,4
2016	47,9	22,3	12,2	5,8	5,5	647,3
2017	57,8	18,1	7,7	6,2	2,6	586,2
2018	53,5	23,7	8,8	3,8	3,6	528,0

Рассчитано по: [Косэйродосё 2019]

В японской статистике критерии отнесения предприятий к той или иной группе в плане масштабов бизнеса несколько различаются по отраслям. Но в целом к крупным относятся предприятия с числом занятых свыше 300 человек, к крупнейшим — с числом занятых свыше тысячи человек. Как показывают приведенные данные, в первой половине 2000-х гг. («ледниковый период») менее половины университетских выпускников попадали в крупные и крупнейшие фирмы, а остальные вынуждены были устраиваться на средние и мелкие предприятия. Но ситуация начала быстро улучшаться после 2012 г., и в последние годы (2017 и 2018) уже более трех четвертей обладателей «свежих» дипломов трудоустраивались на крупные и крупнейшие фирмы, в том числе более половины попадали в крупнейшие компании.

Иными словами, пережив трудности двух «потерянных десятилетий», японский рынок труда вернулся к состоянию более чем комфортному в плане возможностей трудоустройства выпускников университетов. При этом следует особо отметить следующие моменты.

Во-первых, постоянная занятость в крупных и крупнейших компаниях, ассоциирующаяся с карьерой *сараримана*, в последние годы стала даже более доступна, чем в период, когда Япония считалась едва ли не образцом «общества среднего класса». Так, по расчетам Д. Чиаваччи, среди юношей, закончивших школу в 1976–1985 гг., а университет, соответственно, в 1980–1989 гг., смогли стать *сарариманами* порядка 30% [Chiavacci 2008, р. 16–17]. По нашим подсчетам, среди юношей, закончивших школу в 2014 г., а университет — в 2018 г., *сарариманами* стали порядка 40%¹. Напомним также, что на карьеру, подобную карьере *сараримана*, вполне могут рассчитывать и выпускники университетов, устроившиеся в средние и даже мелкие фирмы.

Во-вторых, в отличие от практики, существовавшей в течение нескольких послевоенных десятилетий, а именно найма крупными и крупнейшими компаниями на места постоянных работников преимущественно юношей, в последние годы значительно расширился найм на эти места и девушек. Так, в период 2008–2018 гг. их доля в общем числе выпускников, трудоустроившихся в крупные и крупнейшие компании, составляла в среднем 40–45% [Косэйродосё 2019]. Конечно, здесь уместно вспомнить, что в японских компаниях существует разделение на два вида работы — комплексную (*согосёку*), предусматривающую карьерный и профессиональный рост, и обычную (*иппансёку*), связанную с выполнением разного рода офисной работы, с гораздо более скромными возможностями для профессионального и карьерного роста. Первый вид работы предназначается в основном мужчинам, а второй — женщинам [Лебедева 2019а, с. 106–131]. Однако благодаря *вименомике*, одному из наиболее успешных направлений политики С. Абэ, ветры перемен коснулись и этой сферы. Конечно, речь идет прежде всего о государственных учреждениях. Так, из общего числа новичков, принятых в 2020-м финансовом году в центральные ведомства для комплексной работы (*согосёку*), составившего 731 человек, девушек оказалось 259, или 35,4%. При этом в МИДе, например, из 30 новичков 16 — девушки, а в Министерстве юстиции — 28 из 45 [Найкаку камбо 2020].

---

¹ Цифра получена путем умножения доли выпускников школ 2014 г., поступивших в университет, на долю выпускников университетов 2018 г., трудоустроившихся на постоянную работу в крупные и крупнейшие компании.

В-третьих, хотя постоянная работа в крупной или крупнейшей компании и сейчас сохраняет свою ценность, в плане смены работы нынешние молодые японцы чувствуют себя гораздо свободнее, чем их ровесники, заканчивавшие вузы в 1960–1990-е гг. В те годы случаи *тютто сайё*, то есть смены работы, перехода в другую компанию, были крайне редки и воспринимались скорее как нечто неподобающее. Сейчас же немало молодых людей, получивших по окончании университета место постоянного работника в какой-либо компании, по прошествии некоторого времени покидают ее и трудоустраиваются — опять-таки на условиях постоянной занятости — в другую компанию, с более привлекательными, по их мнению, условиями работы. Так, по данным за 2017 г., в течение первых трех лет работы с крупнейшими предприятиями уволились почти четверть университетских выпускников 2014 г., а с крупных — около 30% [Косэйродосё 2017, с. 45].

Смягчились и собственно условия найма. Японские компании стали более благосклонно относиться к молодым людям, уже поработавшим в другой компании, предоставляя им такие же карьерные и профессиональные возможности, что и «свежим» выпускникам. Это же относится и к тем выпускникам, которые, не сумев трудоустроиться сразу по окончании университета, ожидают еще год до старта новой кампании найма².

Если говорить о выпускниках школ высшей ступени — следующем по массовости контингенте выходящей на рынок труда молодой рабочей силы, — то прежде всего следует отметить, что возможности трудоустройства для них всегда были более благоприятны, чем для выпускников университетов. Хотя в периоды охлаждения конъюнктуры спрос на них снижался, тем не менее соотношение между числом вакантных мест и числом претендентов на них всегда было выше 1,0. Об этом можно судить по приводимым ниже данным.

Коэффициент эффективного спроса по категории «выпускники школ высшей ступени»

1990	1995	1998	2000	2002	2004	2006	2008
2,57	1,94	1,90	1,35	1,32	1,30	1,63	1,89

² В японских компаниях наем и увольнение работников осуществляются одномоментно — 1 апреля, на которое приходится начало финансового года.

2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
1,32	1,32	1,38	1,57	1,85	2,05	2,23	2,53

Источник: [Statistics Bureau of Japan 1999, 2004, 2009, 2014; Statistics Bureau of Japan 2020].

Если в 1960–1980-е гг. на рынок труда выходили порядка 50–60% выпускников школ высшей ступени, то позже эта доля начала довольно быстро снижаться, и в период 2010–2018 гг. она составляла в среднем 16–18%, а на места постоянных работников устраивались порядка 60–70% из них. Как показывают данные табл. 2, в целом места в крупных и крупнейших компаниях менее доступны для выпускников школ высшей ступени, чем для обладателей университетских дипломов. Но в последние годы, в условиях благоприятной конъюнктуры, заметно возросла доля устраивающихся на места синих воротничков в крупнейших компаниях — до 43–49%.

Таблица 2. Структура трудоустройства выпускников школ высшей ступени (%)

Год	Число занятых на предприятии (чел.)					Число выпускников (тыс. чел.)
	свыше 1000	300–999	100–299	30–99	5–29	
2000	17,7	9,2	19,4	22,6	27,8	327,4
2004	22,5	19,6	19,0	22,3	15,0	282,1
2008	29,8	19,6	18,3	18,1	14,0	346,3
2010	30,6	13,1	15,5	15,8	24,8	304,3
2012	36,3	16,8	13,7	20,8	11,9	369,3
2014	32,4	15,0	13,2	21,9	17,2	521,7
2015	40,3	15,9	12,6	14,6	15,9	411,9
2016	49,0	14,1	10,6	9,2	16,7	433,3
2017	43,1	16,1	16,7	8,9	14,7	361,1
2018	44,3	14,6	9,7	18,0	12,8	402,0

Рассчитано по: [Косэйродосё 2019]

Очевидно, что, как только крупнейшие компании расширяют наем на места синих воротничков, выпускники школ высшей ступени стремятся воспользоваться этими возможностями. А поскольку различия в заработной плате новичков (ее минимальные размеры определяются законом) между предприятиями разных размеров минимальны, то очевидно, что ими движет именно стремление получить работу на условиях пожизненного найма. Так, в 2018 г. начальная заработная плата для выпускников школ высшей ступени составляла: на предприятиях с числом занятых свыше 1000 человек — 167 тыс. иен для юношей и 165,6 тыс. иен для девушек, а на предприятиях с числом занятых 10–99 человек — соответственно 168,9 тыс. иен и 159,1 тыс. иен [Statistics Bureau of Japan 2020, tab. 19–10].

Таким образом, с точки зрения возможностей получения постоянной работы, в том числе мест белых и синих воротничков в крупных и крупнейших компаниях, нынешняя ситуация на рынке труда, на наш взгляд, не претерпела драматических изменений по сравнению с периодом 1960–1980-х гг., который принято считать едва ли не образцовым в плане расширения доступа к образованию и выравнивания стартовых возможностей молодежи. Конечно, есть те, кто не имеет постоянной работы (или не стремится к этому); есть те, кто попадает на мелкие и средние предприятия — с меньшим объемом социальных гарантий, но, как было показано выше, основная масса выпускников японских школ и особенно университетов устраивается вполне благополучно.

Что изменилось в системе образования

Поскольку именно образование является ключом к жизненному успеху, обратимся к вопросу, какие изменения произошли в плане доступа к высшему образованию, так как полное среднее образование стало уже всеобщим.

Как отмечалось выше, число японских университетов за период 1990–2018 гг. увеличилось с 509 до 782 (в 1,5 раза), а число студентов — с 2 млн 133 тыс. до 2 млн 909 тыс. (на 36%). Уже простое сопоставление этих цифр дает основание предположить, что поступление в университет упростилось, но более полное представление позволяет получить такой показатель, как соотношение между числом заявок на поступление в университет и числом поступивших

абитуриентов. Вот какова была динамика этого показателя в период 1990–2018 гг.:

1990	1995	2000	2002	2005	2007	2009	2012	2014	2016	2018
1,93	1,65	1,29	1,31	1,17	1,16	1,16	1,15	1,16	1,13	1,12

[Рассчитано по: Момбукагакусё 2004-2019]

Если сопоставить эти данные с показателями периода 1960–1980-х годов, когда они составляли в среднем 1,6–1,8, то напрашивается однозначный вывод: поступление в японские университеты существенно упростилось. Об этом же свидетельствует и сокращение числа *ронинов*, то есть выпускников, потерпевших неудачу при поступлении в университет сразу после окончания школы и повторяющих попытку по прошествии года, реже — двух лет. Например, в 1980 г. их насчитывалось 184 тыс., в 1990 г. — 278 тыс., а в 2011 г. — 85 тыс. [Момбукагакусё 2004-2019].

Однако поскольку при найме выпускников японские компании до сих пор продолжают ориентироваться не на информацию о студенте, а на ранг университета, накал конкуренции за поступление в наиболее престижные вузы по-прежнему чрезвычайно высок, а в некоторых из них (например, в Токийском, Кэйо, Васэда) конкурс достигает десяти человек на место. В то же время примерно 40% японских университетов недобирают нужного числа студентов [Yano 2013, p. 63].

По мнению специалистов Института экономических и социальных исследований М. Накамура и Т. Инуи, в целом уровень образования в государственных и местных университетах выше, чем в частных [Nakamura, Inui 2013, p. 6]. В то же время в рейтинге самых известных японских университетов, публикуемом ежегодно «Нихон кэйдзай симбун» (*Дайгаку бурандо ранкингу*), более половины мест (23 из 41 по данным за 2014 г.) занимают частные вузы.

Иными словами, система высшего образования в Японии, которая и прежде была неоднородной, с быстрым расширением сети частных университетов стала еще более иерархичной. Это проявляется, в частности, в широком разбросе цен на образовательные услуги, которые во всех японских университетах, в том числе в государственных и местных (префектурных и городских), — платные. Цены на обучение в государственных и местных университетах устанавливает

государство, а в частных — их руководящие органы. Так, по данным за 2020 г. в ведущем университете страны — Токийском государственном — вступительный взнос составил 282 тыс. иен, а плата за обучение — 535 тыс. иен в год. Такие же цены установлены и для других наиболее известных государственных вузов (Тохоку, Хитоцубаси, Нагойского, Осацкого, Киотоского, Токийского института технологии, Цукуба), а также для префектурных и городских университетов. Обучение в престижных частных вузах стоит гораздо дороже, при этом существуют значительные различия между факультетами. Например, в университете Кэйо на большинстве факультетов плата за первый год обучения составляет порядка 1 млн 340 тыс. иен, а за последующие годы — 1 млн 140 тыс. иен, в то время как на медицинском факультете — соответственно 3 млн 840 тыс. иен и 3 млн 600 тыс. иен. В университете Рицумэйкан на юридическом факультете плата за первый год обучения составляет 1 млн 170 тыс. иен, за последующие — 970 тыс. иен, а на факультете глобального образования — соответственно 2 млн 500 тыс. иен и 2 млн 300 тыс. иен. Еще больший разброс цен в университете Токай: на большинстве факультетов плата за обучение находится в пределах 1 млн 200 тыс. — 1 млн 900 тыс. иен в год, а обучение на медицинском факультете обходится в 6 млн 470 тыс. в первый год и 5 млн 720 тыс. иен в последующие годы (данные взяты с сайтов соответствующих университетов). Что же касается широкой сети менее популярных частных вузов, разбросанных по всей стране, то они с целью поддержания конкурентоспособности вынуждены устанавливать цены на уровне либо равном, либо ненамного превышающем стоимость обучения в городских и префектурных университетах.

Иными словами, доступ молодежи к системе высшего образования расширился, но одновременно усилилась и структурированность возможностей «входа» в эту систему.

Как отмечает японский социолог М. Яно, японские университеты отличают следующие особенности. Во-первых, принято считать, что поступать в университет нужно сразу по окончании школы, то есть в 18 лет (в других странах такой жесткой привязки нет, в университеты поступают и гораздо более взрослые люди). Во-вторых, в отличие от других стран, где для оплаты обучения студенты широко используют кредиты на образование и разные виды спонсорства со стороны частных компаний, в Японии расходы на образование детей несут их

родители [Yano 2013, p. 65]. Это означает, что одним из главных ограничителей при выборе университета выступают финансовые возможности японских семей, уровень их дохода.

В последние два-три десятилетия в Японии широко распространились представления, что в стране усиливается расслоение домохозяйств по доходам и что это становится одним из главных факторов усиления неравенства в доступе к высшему образованию. О степени неравенства в распределении доходов между домохозяйствами судят по коэффициенту Джини, показывающему степень отклонения реального распределения доходов от теоретически абсолютно равного их распределения (чем он ближе к 1, тем выше степень неравенства). Вот какова была динамика этого показателя в период 1965–2016 гг. (по доходам после перераспределения):

1965	1996	1999	2002	2005	2008	2011	2014	2016
0,300	0,310	0,333	0,322	0,323	0,319	0,316	0,308	0,330

Рассчитано по: [Токэй дэ миру Нихон 2008, с. 63; JLPT 2016, p. 189; Косэйродосё 2017b, с. 59; OECD]

Как показывают приведенные данные, в период 1996–2016 гг. коэффициент Джини оказался выше, чем в 1960-е. Но, на наш взгляд, это связано главным образом с изменением структуры японских домохозяйств, а именно со значительным ростом доли семей, состоящих из одного человека (то есть получателя одного дохода) — как вследствие быстрого старения населения, так и в результате роста доли не состоящих в браке молодых японок и японцев [Лебедева 2019b, с. 216–221]. Если рассмотреть тот же показатель применительно к семьям, состоящим из двух человек и более, главы которых относятся к возрастным группам 45–49 лет и 50–54 года (то есть к возрасту, когда японцы оплачивают высшее образование детей), то картина будет выглядеть несколько иначе:

Возраст глав семей	1994*	1999*	2004	2009	2014
45–49 лет	0,244	0,242	0,247	0,264	0,252
50–54 года	0,275	0,277	0,270	0,269	0,268

Рассчитано по: [Statistics Bureau of Japan 1999, 2004, 2009, 2014]

*Данные за 1994 и 1999 гг. — по группам 40–49 лет и 50–59 лет.

Таким образом, в группах семей, которые как раз и являются основными потребителями образовательных услуг университетов, усиления расслоения по доходам не происходит (за исключением 2004–2009 гг. в отношении группы 45–49 лет). К этому следует добавить, что в последние годы в Японии был принят ряд мер, направленных на облегчение бремени небогатых семей, чьи дети обучаются в университете. Государство выделяет субсидии университетам, которые, в свою очередь, либо снижают, либо отменяют плату за обучение для студентов из семей с невысокими доходами, причем эти субсидии предоставляются не только государственным и местным, но и частным университетам. В бюджете министерства образования, науки, культуры и спорта на 2020-й финансовый год на эти цели предусмотрено выделить 582,3 млрд иен [MEXT 2020]. В декабре 2017 г. стартовала еще одна программа — предоставление грантов на покрытие расходов на обучение и проживание детям из бедных семей, продемонстрировавшим хорошие результаты на выпускных экзаменах в школе высшей ступени. Расходы на эти цели (до 800 млрд иен в год) покрываются за счет потребительского налога [Kobayashi 2020, p. 38]. Кроме того, все большее число японских студентов прибегают к займам, которые предоставляются по линии The Japan Student Service Organization: если в 1998 г. было выдано порядка 100 тыс. займов, то в 2012 г. — 950 тыс. [Kobayashi 2020, p. 38].

Конечно, сказанное выше не отменяет очевидного факта, что при выборе того или иного университета каждая семья учитывает свои финансовые возможности. Но значительное возрастание числа японских семей, направляющих детей в университеты, говорит о том, что для большинства из них расходы на оплату обучения не являются непосильным бременем. Так, среднемесячный доход японской семьи из двух человек и более составил: в 2014 г. — 519,8 тыс. иен, в 2015 г. — 525,7 тыс. иен, в 2016 г. — 527,0 тыс. иен, в 2017 г. — 533,8 тыс. иен, в 2018 г. — 558,7 тыс. иен [Statistics Bureau of Japan 2019, p. 140]. Нетрудно подсчитать, что при таком уровне дохода на оплату обучения одного ребенка в университете (государственном, местном или рядовом частном) среднестатистическая японская семья тратит порядка 1/10–1/12 своего годового дохода. Но очевидно также, что престижные частные университеты, а особенно их элитные факультеты, оказываются недоступны даже для семей со средним достатком.

Однако в действительности финансовое положение семьи начинает оказывать влияние на выбор университета гораздо раньше — еще во время обучения ребенка в средней школе. Дело в том, что, несмотря на разного рода реформы, предпринятые в сфере школьного образования, и сохранение в целом его меритократического характера, оно, как и прежде, представлено школами самого разного уровня, а выбор той или иной школы в немалой степени зависит от финансовых возможностей семьи. При этом даже в государственных начальных и средних школах, где образование бесплатное, родители несут немалые расходы на приобретение учебников, школьной формы, оплачивают питание, проведение экскурсий, внешкольное обучение детей и т. д.

О том, каковы средние расходы на образование детей на разных ступенях и в разных звеньях системы школьного образования и как уровень дохода семьи влияет на выбор той или иной школы, дают представление материалы табл. 3 и 4.

Таблица 3. Расходы японских семей на школьное образование детей (2018 г., тыс. иен)

Расходы	Начальная школа		Средняя школа		Школа высшей ступени	
	Государственная	Частная	Государственная	Частная	Государственная	Частная
Всего	321,3	1598,7	488,4	1406,4	457,4	969,9
в т. ч.:						
плата за обучение	63,1	904,2	139,0	1071,4	280,5	719,1
плата за внешкольное обучение	82,5	348,4	243,6	220,3	147,9	194,0
прочее	175,7	346,1	105,8	114,7	29	56,8

Источник: [Момбукагакусё 2018]

Таблица 4. Распределение семей с разным уровнем дохода
в плане выбора школ разного типа (%)

Годовые доходы семей	До 4 млн иен	От 4 до 5,99 млн иен	От 6 до 7,99 млн иен	От 8 до 9,9 млн иен	От 10 до 11,99 млн иен	Свыше 12 млн иен
Государственные школы						
Началь- ная	14,1	29,0	27,0	15,7	7,3	6,9
Средняя	14,2	26,1	25,4	18,7	10,1	5,4
Высшей ступени	19,9	24,2	24,4	17,6	8,1	5,8
Частные школы						
Началь- ная	3,0	6,0	11,4	15,0	15,2	49,4
Средняя	3,9	7,2	16,8	19,8	16,8	35,5
Высшей ступени	13,9	19,0	20,6	20,0	10,7	15,8

Источник: [Момбукагакусё 2018]

Хотелось бы обратить внимание на два момента. Во-первых, на довольно большие суммы, которые японские семьи тратят на внешкольное образование детей (главным образом *дзюку*). Во-вторых, на то, насколько по-разному складывается ситуация со школьным образованием для семей с разным уровнем дохода. Во всяком случае, начальные и средние частные школы, стоимость обучения в которых в 3–5 раз превышает стоимость обучения в государственных школах, доступны в основном семьям с доходами выше средних (в данном случае — свыше 6 млн иен).

Однако, отмечая эти моменты, следует подчеркнуть, что начальные и средние частные школы посещает крайне незначительное число учеников. Например, в 1985 г. в частных начальных школах обучалось порядка 60 тыс. детей, или 0,5% от общего числа учеников начальных школ (более 11 млн), а в 2018 г. — 1,2 % (77,8 тыс. из 6 млн 428 тыс.). В отношении частных средних школ показатели несколько выше: в 1985 г. их посещали около 3% от общего числа учеников

средних школ (175,7 тыс. из 5 млн 900 тыс.), а в 2018 г — 7,3% (238 тыс. из 3 млн 252 тыс.). Иными словами, элитарный сегмент на стадии начального и среднего образования не оказывает какого-либо существенного влияния на общую ситуацию и основная масса японских детей в эти годы обучается в государственных (местных) школах и получает примерно одинаковое образование, по желанию и в соответствии с возможностями родителей дополняемое разными видами внешкольного обучения.

По-другому складывается ситуация в школах высшей ступени. Как отмечалось выше, еще в 1970-е гг. частные школы стали все больше конкурировать с государственными по уровню образования, а главное — по такому решающему критерию, как доля выпускников, поступающих в вузы. В дальнейшем упрочению их позиций способствовало стремление все большего числа японских семей дать детям высшее образование. В последние десятилетия уже порядка 30% учеников школ высшей ступени обучались в частных школах (в 1985 г. — 28,1%, в 1990 г. — 28,6%, в 2010 г. — 29,7%, в 2018 г. — 32,2%) [Момбукагакусё 2004-2019].

Для поступления в школы высшей ступени — как государственные, так и частные, — необходимо сдать выпускные и вступительные экзамены, и, как показывают данные табл. 3, значительные расходы семей на внешкольное образование детей в средней школе как раз и связаны с необходимостью подготовить их к этим испытаниям. При этом, как отмечают японские специалисты, поскольку экзамены в японских школах проводятся в форме тестов, *дзюку* нацелены не столько на привитие детям дополнительных академических знаний, сколько на обучение их навыкам сдачи таких экзаменов. Ввиду важности такой подготовки *дзюку* даже называют «стратегическим оружием» [Ямада, Кобаяси (ред.) 2015, с. 158]. Разумеется, возможности использования этого «оружия» довольно сильно зависят от финансового положения семьи. Так, по данным за 2016 г., в семьях с годовым доходом менее 4 млн иен расходы на *дзюку* составили 217 тыс. иен, при доходе 4–5,99 млн иен — 254 тыс. иен, 6–7,99 млн иен — 313 тыс. иен, 8–9,99 млн иен — 332 тыс. иен, 10–11,99 млн иен — 411 тыс. иен, свыше 12 млн иен — 451 тыс. иен (данные по государственным средним школам) [Момбукагакусё 2018].

Если сравнивать современную ситуацию с периодом 1960–1980-х годов, который, напомним, принято считать образцовым в плане

выравнивания возможностей получения образования, то по ряду параметров можно видеть определенный прогресс. Полное среднее образование стало всеобщим; повысилась доля детей, обучающихся в частных школах высшей ступени, а соответственно и семей, готовых платить за это обучение; широкое распространение получило дополнительное внешкольное образование; произошел значительный рост доли выпускников, поступающих в университеты. Но при этом от прежних времен нынешняя система сохранила такую черту, как иерархическая структура школьных учреждений.

То, в какие школы высшей ступени попадают ученики, имеет в Японии особое значение, поскольку в течение долгих десятилетий формировались устойчивые закономерности: из наиболее престижных школ выпускники поступают в наиболее известные университеты, из школ более низкого ранга — в менее известные университеты, а из рядовых школ в основном выходят на рынок труда. От ранга школы зависит и доля выпускников, поступающих в университеты. Так, одно из обследований, проведенных профессором Татибанаки, показало, что при разделении школ на четыре группы — высшего ранга, средние первого ранга, средние второго ранга и низшего ранга — доля не собирающихся поступать в университет учеников составила соответственно 14,4, 28,0, 46,8 и 86,8%. С другой стороны, среди выпускников престижных университетов 46,6% окончили школу высшего ранга, 31,8% — среднюю первого ранга, 18% — среднюю второго ранга и 3,6% — низшего ранга [Татибанаки 2010, с. 133, 134]. Иными словами, жизненные пути молодых японцев во многом зависят от того, в какую школу высшей ступени они смогут попасть.

Как показал в своей книге А. И. Соколов, социально-экономическое положение семьи и прежде оказывало влияние на выбор школы того или иного ранга. Однако, по мнению некоторых специалистов, сейчас это влияние усилилось. Например, как считает профессор Т. Кария, если прежде поступление учеников в ту или иную школу зависело от оценок, которые они получали на экзаменах, то теперь принимается во внимание и их «индивидуальность, то есть социокультурные ресурсы, которые ученики накапливают в семье. И если оценки зависят главным образом от возможностей семьи платить за *дзюку*, то социокультурные ресурсы ученика напрямую зависят от социального статуса и культурного капитала семьи, и в этих условиях дети из семей с более высоким социальным статусом получают

дополнительные преимущества [Chiavacci, Hommerich (ed.) 2017, p. 161–163]. К этой позиции близка и позиция авторов коллективной монографии под редакцией профессора М. Накамура [Накамура (ред.) 2018]. Она основана на материалах масштабного социологического обследования и посвящена оценке влияния на образование детей различных факторов, характеризующих социально-экономическое положение семьи (уровень доходов, образование родителей, профессия и должность отца, образ жизни матери, состав семьи, социальный статус других родственников и т. д.). Используя регрессионный анализ, авторы определяют степень влияния того или иного фактора на разные стороны и разные стадии образовательного процесса — от детского сада до университета. И хотя картина получается довольно пестрой, в целом расчеты показывают, что социально-экономическое положение семьи, ее культурный капитал оказывают существенное влияние на образование детей на всех стадиях этого процесса.

Однако, по нашему мнению, усиление неравенства в сфере образования происходит лишь за счет более четкого оформления полюсов социальной структуры, то есть за счет увеличения разрыва между наиболее бедными и наиболее богатыми семьями. Что же касается основной массы японских семей, то здесь, на наш взгляд, действуют факторы, которые, напротив, сдерживают и сглаживают неравенство образовательных возможностей, возникающее вследствие различий в социально-экономическом положении семей. Во-первых, как было показано выше, не наблюдается усиления расслоения семей по доходам в возрастных группах, оплачивающих образование детей. Во-вторых, социокультурный капитал, который обычно коррелирует с уровнем образования отца и его профессией, а также с уровнем образования матери, становится ресурсом, которым обладает все большее число японских семей. Такой вывод позволяют сделать следующие факты. Как известно, в стране происходит быстрое повышение доли японцев и японок, имеющих высшее образование. В поколении японцев 40–45 лет, то есть тех, у кого дети учатся в средней школе или школе высшей ступени, среди мужчин высшее образование имеют уже порядка трети, а среди женщин — около 20%. У их родителей (нынешних 65–69-летних японцев) эти показатели составляли 24,5% и 5,8% [Statistics Bureau of Japan 2012, 2017]. Кроме того, сдвиги в профессиональной структуре японской рабочей силы свидетельствуют о росте доли профессий, ассоциирующихся с более

высоким социальным статусом. Так, за 1990–2017 гг. доля специалистов (инженеров, врачей, преподавателей, юристов, ученых и прочих высококвалифицированных специалистов) выросла с 11,4 до 17,0%, а доля служащих — с 18,5 до 19,8% [Statistics Bureau of Japan 2012, 2017, table II-10; Statistics Bureau of Japan 2011, table 16–4]. В-третьих, демографические изменения, а именно сокращение числа детей в стране, облегчают процедуру поступления в школы высшей ступени, делают наиболее престижные из них более доступными, чем прежде. Так, за период 1990–2018 гг. число школ высшей ступени сократилось с 5506 до 4897 (на 18,3%), при этом сокращение произошло за счет закрытия 590 государственных (местных) школ, в то время как число частных школ увеличилось с 1289 до 1323. За то же время число учеников сократилось с 5 млн 623 тыс. до 3 млн 236 тыс., или на 40% [Момбукагакусё 2004-2019].

Однако, отмечая факторы, которые сдерживают и ослабляют влияние на доступ к хорошему образованию различий в социально-экономическом положении японских семей, мы ни в коем случае не отрицаем существования самой проблемы иерархичности японской системы школьного образования, прямым следствием которой как прежде, так и сейчас, является дифференциация шансов юных японцев в отношении продолжения учебы, будущей карьеры и жизненного пути в целом.

Заключение

Проделанный анализ позволяет сделать следующие выводы. Несмотря на огромные изменения, которые произошли в японском обществе за последние три десятилетия, система образования и трудоустройства японской молодежи, по сути, сохранила все черты, которые были ей присущи в период, когда в стране шло быстрое формирование «общества среднего класса», то есть в 1960–1980-е годы. Как и прежде, молодые японцы и их родители рассматривают высшее образование как инструмент, повышающий шансы на получение хорошей работы (в идеале — места постоянного работника на условиях пожизненного найма), а в случае семей с невысоким социальным статусом — и как средство продвижения вверх по социальной лестнице. При этом в плане возможностей получения постоянной работы, в том числе мест белых и синих воротничков в крупных и крупнейших ком-

паниях, ситуация на рынке труда, сложившаяся в последние годы, может быть охарактеризована как весьма благоприятная. Более того, как показали наши расчеты, в последние годы даже карьера *сарари-мана* стала более доступна для молодых японцев, чем в 1980-е гг.

Что касается системы образования, то по сравнению с периодом 1960–1980-х гг., который, напомним, принято считать образцовым в плане выравнивания возможностей получения образования, здесь также можно обнаружить ряд позитивных изменений. Полное среднее образование стало всеобщим, повысилась доля детей, обучающихся в частных школах высшей ступени, широкое распространение получило дополнительное внешкольное образование, произошел значительный рост доли выпускников школ высшей ступени, поступающих в университеты.

Что же касается вопроса о равенстве возможностей доступа к хорошему образованию, то, не отрицая того значительного влияния, которое оказывает на эти возможности социально-экономическое положение семей, перечислим лишь факторы, которые на современном этапе смягчают и сглаживают это влияние. Во-первых, данные японской статистики свидетельствуют, что в возрастных группах, оплачивающих образование детей, не происходит усиления расслоения семей по доходам, а следовательно, не происходит и усиления влияния этого фактора на доступ к образовательным услугам. Во-вторых, вследствие быстрого повышения доли японок и японцев, имеющих высшее образование, а также в результате роста в структуре занятости профессий, с которыми ассоциируется высокий социальный статус, все большее число японских семей начинают обладать таким важным ресурсом, как социокультурный капитал, который влияет и на успеваемость детей, и на их мотивацию, и на их усердие и т. д. В-третьих, демографические изменения, а именно сокращение числа детей в стране, облегчают процедуру поступления как в школы высшей ступени, так и в университеты, делают даже наиболее престижные из них более доступными, чем прежде.

Иными словами, целый ряд факторов свидетельствует, что и в плане доступа к хорошему образованию, и с точки зрения возможностей трудоустройства молодежи современная ситуация в чем-то даже благоприятнее, чем в период формирования «общества среднего класса», и поэтому, на наш взгляд, нет оснований драматизировать ее и характеризовать нынешнее японское общество как «разделенное»,

с углубляющимся неравенством в сфере образования, а следовательно, и в плане стартовых возможностей молодых японцев.

Но при этом следует подчеркнуть, что сохраняется главная особенность японской системы образования — ее иерархичность, ранжированность школ и университетов по степени престижности. На нее накладываются отлаженные в течение десятилетий механизмы взаимодействия между школами и университетами, между школами и компаниями, между университетами и компаниями, которые сложились под влиянием особенностей практики найма и системы управления трудом японских фирм. Хотя в период депрессии, в условиях непростой экономической ситуации компании внесли некоторые коррективы в практику найма молодежи (расширив, в частности, наем на места постоянных работников молодых людей с опытом работы), характер их связей со школами и университетами не претерпел существенных изменений. А это означает, что, как и система образования, система трудоустройства японской молодежи сохраняет свою главную особенность — структурированность возможностей трудоустройства по линиям взаимосвязей, сложившихся между компаниями и учебными заведениями.

Хотя, на наш взгляд, нет оснований считать, что в последние два-три десятилетия произошло усиление неравенства в плане доступа молодых японцев к образовательным услугам и их стартовых возможностей, в то же время следует подчеркнуть, что сложившаяся система образования и трудоустройства японской молодежи не может не воспроизводить социального неравенства. Как прежде, так и сейчас, ее основной чертой является иерархичность, структурированность, при которой шансы на получение хорошего образования, а следовательно, и хорошей работы распределяются не столько в соответствии со способностями молодых людей, сколько в зависимости от финансовых возможностей и социального положения их семей. Ситуацию могла бы изменить отмена платы за обучение в школах высшей ступени и университетах, но с учетом нынешнего состояния государственных финансов Японии (и экономических последствий пандемии коронавируса) в обозримом будущем это представляется маловероятным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Косэй родосё 2017a — Косэй родосё. Синки гакусосуя-но саннэн инай рисёку дзёкё [Занятость выпускников университетов в течение трех лет после их окончания]. *Тингин дзидзё*, 2017. № 2751. С. 45-49.

Косэй родосё 2017b — Косэй родо хакусё 2017 [Белая книга по труду, здравоохранению и благосостоянию 2017]. *Косэйродосё*. 2017. <https://www.mhlw.go.jp/wp/hakusyo/kousei/17/dl/all.pdf> (дата обращения: 15.05.2020).

Косэй родосё 2018, 2013, 2009 — Вакамоно но коё дзиттай тёса но гайё. Хэйсэй 30 нэн, 25 нэн, 21 нэн [Положение с наймом молодежи. 2018, 2013, 2009]. *Косэйродосё*. 2018, 2013, 2009. <https://www.mhlw.go.jp/toukei/list/4-21c.html?fbclid=IwAR1WlIpwP87omzz6wOeMBylJvCEz0Y0bpCKVszsHTpMtfG178EcGKphZD-E> (дата обращения: 13.05.2020).

Косэйродосё 2019 — Коё доко тёса [Обследование тенденций с занятостью]. *Косэйродосё*. 2019. <https://www.mhlw.go.jp/toukei/list/9-23-1.html?fbclid=IwAR3JjwCwJW3piV8NqFQT15I4Ox7c1Ch1qGaP8F3yiaPdOXmVp190esU59Uc> (дата обращения: 15.05.2020).

Лебедева 2019a — Лебедева И. П. О модели занятости японских женщин. *Ежегодник Японии 2019*. — Москва: Институт Востоковедения РАН, 2019. С.106-131.

Лебедева 2019b — Лебедева И. П. Японский рынок труда в XXI веке. Экономические и социальные проблемы. — Москва: Институт востоковедения РАН, 2019.

Момбукагакусё 2004-2019 — Момбукагаку токэй ёран [Статистический справочник Министерства образования и науки]. *Момбукагакусё*. 2004-2019. https://www.mext.go.jp/b_menu/toukei/002/002b/koumoku.html?fbclid=IwAR3-C-3PjV149o6WBiN-0j9ScjRnrxo611J_G4Frohack8kV415Eh56ug_w (дата обращения: 10.05.2020).

Момбукагакусё 2012 — Хэйсэй 24 нэндо гакко кихон тёса [Базовое обследование учебных заведений 2012]. *Момбукагакусё* 21.12.2012. https://www.mext.go.jp/component/b_menu/other/___icsFiles/afield-file/2012/12/21/1329238_1_1.pdf?fbclid=IwAR2nQ8yNXdywi0BnH2pEc1UJ4sfyDd8EfUMSW0vN1F6mGVpnve5hFTi3d90 (дата обращения: 05.05.2020).

Момбукагакусё 2018 — Хэйсэй 30 нэндо кодомо но гакусюхи тёса [Обследование расходов на образование детей 2018]. *Момбука-*

закусё 18.12.2018. https://www.mext.go.jp/content/20191212-mxt_chousa01-000003123_01.pdf?fbclid=IwAR2TiDstdHkiWGfnWeYbOqbpskkVDvzVyqthbeQ0I4ffWibhcrrDLx9wuRc (дата обращения: 20.05.2020).

Момбукагакусё 2019 — Рэйва ганнэн гакко кихон тёса [Базовое обследование учебных заведений 2019]. *Момбукагакусё* 20.12.2019. https://www.mext.go.jp/content/20191220-mxt_chousa01-000003400_3.pdf (дата обращения: 05.05.2020).

Найкаку камбо 2020 — Дзёсэй кокка комуин но сайё дзёкё но форо-аппу [Оценка положения с наймом женщин в качестве государственных служащих]. 29.05.2020. *Cabinet Office*. 2020. https://www.cas.go.jp/jp/gaiy-ou/jimu/jinjikyoku/files/200529_followup.pdf (дата обращения: 5.08.2020).

Накамура (ред.) 2018 — *ESSM дзэнкоку тёса кара мита гакурэки, гакко, какуса* [Образование, школа, различия на основе данных полномасштабного социологического обследования]. / Под ред. М. Накамура. — Токио: Токё дайгаку сьуппанкай, 2018.

Соколов 1982 — Соколов А. И. *Япония. Экономика и образование*. Москва: Наука, 1982.

Татибанаки 2010 — Татибанаки Т. *Нихон но кёйку какуса* [Различия в японском образовании]. Токио: Иванами сётэн, 2010.

Токэй дэ миру Нихон 2008 — *Токэй дэ миру Нихон* [Япония через призму статистики]. Токио, 2008.

Ямада, Кобаяси (ред.) 2015 — *Дэта дэ ёму гэндай сякай. Райфу сутаиру то райфу косу* [Современное общество в цифрах. Образ жизни и жизненные пути]. / Под ред. М. Ямада, Д. Кобаяси. — Токио: Синъёся, 2015.

Ямасита 2017 — Ямасита М. Кигё коммюнити то Нихонтэки коё сисутэму но хэйё [Сообщество компания и изменения в японской системе найма]. *Нихон родо кэнкю дзасси*. 2017. № 686. С. 4-15.

Chiavacci 2008 — Chiavacci, D. From Class Struggle to General Middle-Class Society to Divided Society: Societal Model of Inequality in Postwar Japan. *Social Science Japan Journal*. 2008. Vol. 11. No. 1. P. 5-27.

Chiavacci, Hommerich (ed.) 2017 — *Social inequality in post-growth Japan: transformation during economic and demographic stagnation*. Ed. by D. Chiavacci, C. Hommerich. — New York: Routledge, 2017.

JILPT 2016 — Labor Situation in Japan and its Analysis 2015/2016. *Japan Institute for Labor Policy and Training*. <https://www.jil.go.jp/english/lsp/general/2015-2016.html> (дата обращения: 05.05.2020)

Kobayashi 2020 — Kobayashi, M. International Comparison of Higher

Education Cost Sharing and Japanese Challenges. *Japan Labor Issues*. 2020. Vol. 4. No. 20. P.29-44.

MEXT 1950-2019 — Statistics. Overview. *Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology*. 1950-2019. <https://www.mext.go.jp/en/publication/statistics/title01/detail01/1373636.htm#06> (дата обращения: 20.05.2020).

MEXT 2020 — MEXT FY 2020 Budget Highlights. *Ministry of Education Culture, Sports, Science and Technology*. 2020. https://www.mext.go.jp/en/unesco/mext_00002.html (дата обращения: 05.05.2020)

Statistics Bureau of Japan 2012. — Employment Status Survey. *Statistics Bureau of Japan* 2012. <https://www.e-stat.go.jp/en/stat-search/files?page=1&toukei=00200532&tstat=000001058052> (дата обращения: 05.05.2020)

Statistics Bureau of Japan 2017. — Employment Status Survey. *Statistics Bureau of Japan* 2017. <https://www.e-stat.go.jp/en/stat-search/files?page=1&toukei=00200532&tstat=000001107875> (дата обращения: 05.05.2020)

Nakamura, Inui 2013 — Nakamura, M., Inui, N. The Returns to College Quality in Japan. Does Your College Choice Affect Your Earning? *ESRI Discussion Paper Series*. 2013. November No. 306. P. 1-37.

OECD — OECD Income Distribution Database (IDD). *Organisation for Economic Co-operation and Development* <http://www.oecd.org/social/income-distribution-database.html> (дата обращения: 05.05.2020).

Statistics Bureau of Japan 1999, 2004, 2009, 2014 — National Survey of Family Income and Expenditure. *Statistics Bureau of Japan*. 1999, 2004, 2009, 2014. <https://www.stat.go.jp/english/data/zensho/index.html> (дата обращения: 05.05.2020)

Statistics Bureau of Japan 2020 — Statistical Handbook of Japan 2020. *Statistics Bureau of Japan*. 2020. <http://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/69nenkan/1431-19.html> (дата обращения: 20.05.2020).

Statistics Bureau of Japan 2019 — Statistical Handbook of Japan 2019. *Statistics Bureau of Japan*. 2019. <http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2019all.pdf> (дата обращения: 05.05.2020).

Statistics Bureau of Japan 2011 — Statistical Handbook of Japan 2011. *Statistics Bureau of Japan*. 2011. <http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2011all.pdf> (дата обращения: 20.05.2020).

Yano 2013 — Yano, M. Japan's New Recruits: Victims of the Japanese-Style Family and Japanese-Style Employment. *Japan Labour Review*. 2013. Vol. 10. No. 1. P. 62-80.

REFERENCES

Cabinet Office (2020, May 29). *Josei kokka kōmuin no sai'yō jōkyō no forōappu* [Follow-up on the Situation with Employment of Women as State Employees]. Retrieved August 8, 2020, from https://www.cas.go.jp/jp/gaiyou/jimu/jinjikyoku/files/200529_followup.pdf (In Japanese).

Chiavacci, D, Hommerich, C. (Eds). (2017). *Social inequality in post-growth Japan: transformation during economic and demographic stagnation*. Routledge.

Chiavacci, D. (2008). From Class Struggle to General Middle-Class Society to Divided Society: Societal Model of Inequality in Postwar Japan. *Social Science Japan Journal*, 11 (1), 5-27. <https://doi.org/10.1093/ssjj/jyn022>.

Japan Institute for Labor Policy and Training (2016). *Labor Situation in Japan and its Analysis 2015/2016*. Retrieved May 5, 2020, from <https://www.jil.go.jp/english/lsp/general/2015-2016.html>

Kobayashi, M. (2020). International Comparison of Higher Education Cost Sharing and Japanese Challenges. *Japan Labor Issues*, 20 (4), 29-44.

Lebedeva, I. P. (2019). O modeli zanyatosti yaponskikh zhenshchin [On the Employment Model of Japanese Women], *Ezhegodnik Yaponiya*, 48, 106-131. DOI: 10.24411/0235-8182-2019-10005 (In Russian).

Lebedeva, I. P. (2019). *Yaponskiy rynek truda v XXI veke . Ekonomicheskiye i sotsialniye problemy* [Japanese Labor Market in the 21st Century. Economic and Social Problems]. Institute of Oriental Studies (In Russian).

Ministry of Education Culture, Sports, Science and Technology (2020a). *MEXT FY 2020 Budget Highlights*. Retrieved May 5, 2020, from https://www.mext.go.jp/en/unesco/mext_00002.html

Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology (2012, December 21). *Heisei 24 nendo gakkō kihon chōsa* [School Basic Survey 2012]. Retrieved May 5, 2020, from https://www.mext.go.jp/component/b_menu/other/_icsFiles/afieldfile/2012/12/21/1329238_1_1.pdf?fbclid=IwAR2nQ8yNXdywi0BnH2pEc1UJ4sfyDd8EfUMSW0vN1F6mGVpnve5hFTi3d90 (In Japanese).

Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology (2018, December 18). *Heisei 30 nendo kodomo no gakushyūhi chōsa* [Survey on

Expenses for Children Education 2018]. Retrieved May 5, 2020, from https://www.mext.go.jp/content/20191212-mxt_chousa01-000003123_01pdf?fbclid=IwAR2TiDstdHkiWGfnWeYbOqbpskkVDvzVyqthbeQ0I4ffWibhccrDLx9wuRc (In Japanese).

Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology (2020b). *Statistics. Overview. 1950-2019*. Retrieved May 5, 2020, from <https://www.mext.go.jp/en/publication/statistics/title01/detail01/1373636.htm#06>

Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology (2020c). *Mombu kagaku tōkei yōran* [Statistical Data Book of the Ministry of Education and Science] 2004-2019. Retrieved May 5, 2020, from https://www.mext.go.jp/b_menu/toukei/002/002b/koumoku.html?fbclid=IwAR3-C-3PjV149o6WBIN-0j9ScjRnrxo6I1J_G4Frohack8kV415Eh56ug_w (In Japanese).

Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology (2019, December 20). *Reiwa gannen gakkō kihon chōsa* [School Basic Survey 2019]. Retrieved May 5, 2020, from https://www.mext.go.jp/content/20191220-mxt_chousa01-000003400_3.pdf (In Japanese).

Ministry of Health, Labor and Welfare (2017a). Shinki gakusotsusha-no sannen inai rishoku jokyō [Employment of University Graduates for Three Years after Graduation]. *Chingin jijō*, 2751, 45-49. (In Japanese).

Ministry of Health, Labor and Welfare (2017b). *Kosei rōdō hakushō* 2017 [White Paper on Health, Labor and Welfare 2017]. Retrieved May 5, 2020, from <https://www.mhlw.go.jp/wp/hakusyo/kousei/17/dl/all.pdf> (In Japanese).

Ministry of Health, Labor and Welfare (2019a). *Koyō dōkō chōsa* [Survey of Employment Trends]. Retrieved May 5, 2020, from <https://www.mhlw.go.jp/toukei/list/9-23-1.html?fbclid=IwAR3JjwCwJW3piV8NqFQTI5I4Ox7c1Ch1qGaP8F3yiaPdOXmVp190esU59Uc> (In Japanese).

Ministry of Health, Labor and Welfare (n.d.). *Wakamono koyo jit-tai chōsa-no gaiyo. Heisei 30 nen, 25 nen, 21 nen* [The Situation with Youth Employment. 2018, 2013, 2009]. Retrieved May 5, 2020, from <https://www.mhlw.go.jp/toukei/list/4-21c.html?fbclid=IwAR1WIIpwP87omzz6wOeMBylJvCEz0Y0bpCKVsztHTpMtfgL78EcGKphZD-E> (In Japanese).

Nakamura, M. (Ed.) (2018). ESSM zenkoku chōsa kara mita gakureki, gakkō, kakusa [Education, School, Disparity through the Data of ESSM Survey]. Tokyo daigaku shuppankai. (In Japanese).

Nakamura, M., Inui, N. (2013, November) The Returns to College Quality in Japan. Does Your College Choice Affect Your Earning? *ESRI Discussion Paper Series* No. 306, 1-37. http://www.esri.go.jp/jp/archive/e_dis/e_dis306/e_dis306.pdf

Nihon tokei kyōkai (2008). *Tōkei de miru Nihon 2008*. [Japan through the Prism of Statistics]. Nihon tokei kyōkai. (In Japanese).

Organization for Economic Cooperation and Development (2020). *Income Distribution Database*. Retrieved May 20, 2020, from <https://www.oecd.org/social/income-distribution-database.htm>

Sokolov, A. I. (1982). *Yaponiya. Ekonomika i obrazovaniye* [Japan. Economy and Education]. Nauka. (In Russian).

Statistics Bureau of Japan (2020). *Statistical Handbook of Japan 2020*. Retrieved May 20, 2020, from <http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2020all.pdf> (In Japanese).

Statistics Bureau of Japan (2019). *Statistical Handbook of Japan 2019*. Retrieved May 20, 2020, from <http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2019all.pdf> (In Japanese).

Statistics Bureau of Japan (2017). *Employment Status Survey 2017*. Retrieved May 20, 2020, from <https://www.e-stat.go.jp/en/stat-search/files?page=1&toukei=00200532&tstat=000001107875>

Statistics Bureau of Japan (2012). *Employment Status Survey 2012*. Retrieved May 20, 2020, from <https://www.e-stat.go.jp/en/stat-search/files?page=1&toukei=00200532&tstat=000001058052>

Statistics Bureau of Japan (2011). *Statistical Handbook of Japan 2011*. Retrieved May 20, 2020, from <http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2011all.pdf> (In Japanese).

Statistics Bureau of Japan (n.d.). *National Survey of Family Income and Expenditure, 1999, 2004, 2009, 2014*. Retrieved May 20, 2020, from <https://www.stat.go.jp/english/data/zensho/index.html>

Tachibanaki, T. (2010). *Nihon no kyōiku kakusa* [The Disparities in Japanese Education]. Iwanami shoten. (In Japanese).

Yamada M., Kobayashi D (Eds). (2015). *Dēta de yomu gendai shakai. Raifu sutairu to raifu kōsu* [The Modern Society through Data. Life Style and Life Cycle]. Shinyōsha. (In Japanese).

Yamashita, M. (2017, September) *Kigyō comyunity to Nihonteki koyō shisutemu no hen'yō* [Company Community and Changes in Japanese-style Employment System]. *Nihon rōdō kenkyū zasshi*, 686, 4-15. <https://www.jil.go.jp/institute/zassi/backnumber/2017/09/pdf/004-015.pdf> (In Japanese).

Yano, M. (2013). Japan's New Recruits: Victims of the Japanese-Style Family and Japanese-Style Employment. *Japan Labour Review*, 10(1), 62-80. https://www.jil.go.jp/english/JLR/documents/2013/JLR37_yano.pdf (In Japanese).

Тайвань как часть экономической стратегии японских компаний в Восточной Азии

П. В. Кульнева

Аннотация. В статье анализируется роль Тайваня как составной части внешнеэкономической стратегии японских компаний в Восточной Азии. Начиная с характеристики региона и его экономик, автор показывает, как происходило послевоенное развитие Тайваня, и объясняет, почему он занял особое положение среди экономических партнеров Японии. В первой части статьи рассмотрены основные этапы экономического развития острова в послевоенный период, выявлены факторы, способствовавшие его успешной модернизации, разъяснены исторически обусловленные причины создания на Тайване благоприятных условий для японского бизнеса. Во второй части статьи автор прослеживает последовательное расширение внешнеэкономической деятельности японских компаний в Восточной Азии. При этом показано, как Тайвань встраивался в формирующуюся в регионе систему разделения труда. Особое внимание уделяется характеристике модели взаимодействия стран региона, изменениям, происходящим в отраслевой структуре инвестиций, и специфическим формам сотрудничества, характерным для японских капиталовложений на Тайване. В третьей части автор обращает внимание на экономические и политические факторы, которые могут приводить к нестабильности экономических связей в регионе и сказываться на потоках предпринимательского капитала между его экономиками. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о прочности сформировавшихся цепочек создания стоимости, важной роли Тайваня в расширении внешнеэкономической деятельности японских компаний и его устойчивой позиции в высокотехнологичном сегменте японской зарубежной производственной базы. Несмотря на дестабилизирующие факторы, особое положение Тайваня во внешнеэкономической стратегии японских компаний в Восточной Азии, вероятно, сохранится.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, международные потоки капитала, Восточная Азия, разделение труда, цепочки создания стоимости, экономика Тайваня, экономика Японии, японо-тайваньские отношения.

Автор: Кульнева Полина Викторовна, кандидат экономических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: kpoline@list.ru

Taiwan as a Part of Japanese Companies' Economic Strategy in East Asia

P. V. Kulneva

Abstract. The article reveals the role of Taiwan as an integral part of Japanese companies' foreign economic strategy in East Asia. Starting with characteristic features of the whole region and its separate economies, the author shows how the Taiwanese economy has been developing after the war and explains why this island took a special position among Japan's economic partners. The first part of the article examines the main stages of Taiwan's economic development after the war, revealing the factors of its successful modernization, and explains historical reasons for shaping favorable conditions for its turning into the object of expansion of Japanese companies. In the second part of the article, the author analyzes the process of the consistently increasing economic activity of Japanese companies in East Asia and shows the details of Taiwan's entry into the existing system of division of labor in the region. A special emphasis is made on the characteristics of the economic cooperation model between the countries of the region, changes in the industrial structure of FDI, and specific forms of partnership between Japanese and Taiwanese companies. In the third part, the author draws attention to the economic and political factors which may lead to instability of economic ties and influence international capital flows. The author comes to the conclusion that Taiwan played an indispensable role in the expansion of the Japanese companies' economic strategy and occupies now a strong position in the high-end segment of Japan's foreign production base. Despite the destabilizing factors, Taiwan will evidently keep its exceptional position in the economic interests of Japanese companies in East Asia.

Keywords: foreign direct investment, international capital flows, East Asia, division of labor, value chains, Taiwanese economy, Japanese economy, Japan-Taiwan relations.

Author: *Kulneva Polina V.*, PhD (Economics), research fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia, 107031 Moscow, Rozhdestvenka Street, 12.

E-mail: kpoline@list.ru

Введение

За последние десятилетия в Азии сформировались прочные производственно-сбытовые цепочки, где каждая страна и экономика занимает определенную нишу в зависимости от своих конкурентных преимуществ. С течением времени роли стран в этих цепочках менялись и продолжают меняться до сих пор. Можно сказать, что регион находится в постоянной динамике.

Восточная Азия всегда занимала важное место во внешнеэкономической стратегии японских компаний. По данным Организации внешней торговли Японии (JETRO), в 1960-е гг. туда направлялось около 20% японского предпринимательского капитала, инвестированного за рубежом. В 1970-е гг. объем японских инвестиций в регионе начал расти за счет капиталовложений в новые индустриальные экономики (НИЭ) «первой волны» (Гонконг, Республика Корея, Сингапур, Тайвань) и в экономики стран АСЕАН (Индонезия, Малайзия, Таиланд, Филиппины и др.). С конца 1970-х к важнейшим направлениям инвестирования присоединилась Китайская Народная Республика¹, проводившая последовательную политику по привлечению иностранного капитала. Особенно заметно укрепились ее позиции в 1990–2000-е гг., когда китайская экономика росла ускоренными темпами и страна готовилась к вступлению во Всемирную торговую организацию. В этот период начал раскрываться потенциал КНР не только как производственной базы, которой она стала для японских компаний, но и как огромного рынка сбыта.

После войны Япония довольно быстро восстановила свою экономику и достигла впечатляющих результатов, ее позиции в регионе были во многих отношениях лидирующими. Благодаря капиталовло-

---

¹ Далее для упрощения мы будем также называть ее материковым Китаем или просто Китаем.

жениям и сопутствующей передаче опыта и технологий Япония стала катализатором развития целых групп стран по модели «стаи летящих гусей»².

Динамика прямых инвестиций японских компаний в Восточной Азии (табл. 1) иллюстрирует позиции, занимаемые Китаем и отдельными группами стран региона в качестве направлений зарубежных капиталовложений Японии.

Таблица 1. Динамика прямых инвестиций* японских компаний в Восточной Азии (млн долл.)

Год	1965	1970	1975	1980	1985	1990
Всего в Восточной Азии в т. ч.	35 (22,0)**	167 (18,5)	1 100 (33,5)	1 186 (25,3)	1 435 (11,8)	7 054 (12,4)
КНР	0	0	0	12	100	349
НИЭ	5	60	274	378	718	3 355
в т. ч. Тайвань	1	25	24	47	114	446
АСЕАН-4	27	105	804	787	597	3 243

Год	1995	2000	2005	2010	2015	2019
Всего в Восточной Азии в т. ч.	8 447 (37,3)	2 132 (6,8)	16 188 (35,6)	22 131 (38,7)	35 057 (25,3)	60 279 (24,4)
КНР	3 183	934	6 575	7 252	10 011	14 063
НИЭ	1 771	–686	4 902	6 902	11 962	21 914
в т. ч. Тайвань	414	–107	828	–113	598	1 352
АСЕАН-4	3 312	1 684	4 276	4 310	11 719	15 659

Источник: [JETRO 2020]

² Парадигма «летающих гусей» была разработана японским ученым К. Акамацу в 1930-е гг. Она подразумевает постепенное повышение конкурентоспособности отраслей экономики, находящейся на раннем этапе развития, благодаря прямым инвестициям, трансфертам ноу-хау и передовых технологий из более развитой экономики.

* Приведены данные по потокам. Статистика за 1965—1990 гг. собрана на основе отчетов и уведомлений; за 1995—2019 гг. — основана на данных платежного баланса.

** В скобках указана доля Восточной Азии в общем объеме прямых инвестиций японских компаний.

НИЭ включают в себя Гонконг, Тайвань, Республику Корея и Сингапур; страны АСЕАН4 — Таиланд, Индонезию, Малайзию и Филиппины.

Весомыми являются позиции НИЭ, в число которых входит Тайвань (Китайская Республика). Объем японских капиталовложений непосредственно на Тайване не столь велик. По данным JETRO, к концу 2019 г. там накоплено 15,4 млрд долларов прямых инвестиций, в то время как во всем регионе — почти 466 млрд, то есть на Тайвань приходится всего 3,3% японского предпринимательского капитала, сосредоточенного в Восточной Азии. Однако Тайвань можно отметить в силу его особой роли как экономического партнера Японии и определенной специализации в региональных производственно-сбытовых цепочках, которая стала возможной благодаря территориальной и культурной близости Тайваня как к материковому Китаю, так и к Японии, и успешной экономической модернизации острова в послевоенные десятилетия.

Цель данной работы — определить место Тайваня в экономической стратегии японских компаний в Восточной Азии, понять, какую роль играл этот остров в формировании японской производственной базы в регионе на протяжении послевоенных десятилетий, и оценить его современные позиции в японских производственных цепочках. Для этого в первую очередь необходимо с количественной и качественной точек зрения проанализировать прямые инвестиции японских компаний в регионе и на Тайване. Достижение целей исследования подразумевает оценку инвестиционной привлекательности Тайваня для японских компаний по сравнению с другими странами и экономиками региона; поэтапное рассмотрение динамики прямых инвестиций японских компаний на Тайване в контексте их внешнеэкономической стратегии в регионе; описание современного состояния и оценку прочности сформировавшихся к настоящему времени экономических связей в регионе, что и будет сделано в соответствующих разделах работы. Новизна исследования состоит в его комплексности, позволяющей охватить весь регион и увидеть характер сформировавшихся

в нем экономических связей, а также в выбранном ракурсе: оценка позиций Тайваня как направления прямых иностранных инвестиций с точки зрения Японии. В связи с этим помимо трудов российских исследователей в работе используются источники на японском и китайском языках.

Послевоенное развитие Тайваня и его особое место во внешнеэкономической стратегии японских компаний

Во второй половине 1940-х и в 1950-е гг., после бегства Гоминьдана с материкового Китая, Тайвань представлял собой типичную развивающуюся экономику, требующую восстановления после военных потерь. Однако уже в 1960-е гг. экономика острова начала расти быстрыми темпами. По мнению японских исследователей, этому способствовали эффективная политика Гоминьдана, японское колониальное наследие (в качестве положительных последствий колониального периода можно отметить высокий уровень образования тайваньского населения и сохранившуюся от японской метрополии промышленную базу и инфраструктуру), а также внушительная помощь, полученная от США. Если в 1950-е гг. экономика Тайваня росла со среднегодовыми темпами 7%, то в 1961–1964 гг. темпы роста составили уже 9,5%, а в 1965–1968 гг. — 10,5% в год [Такано 1999, с. 10–11]. Этот феномен и дальнейшее успешное развитие острова позволили говорить о «тайваньском чуде» и включить Тайвань в число четырех «азиатских тигров» наряду с Гонконгом, Р. Корея и Сингапуром.

Российский востоковед А. Г. Ларин среди факторов, способствовавших успешной модернизации Тайваня, отмечает постепенность и целенаправленность экономических преобразований, оптимальное сочетание рыночных механизмов и государственного регулирования, ориентированность на демократию (несмотря на первоначальную авторитарность политической системы), приоритет социальной стабильности и равномерного роста благосостояния населения. Прочным фундаментом для развития высокотехнологичных отраслей экономики Тайваня стало обилие квалифицированных кадров, доступное благодаря формированию среднего класса и акценту тайваньского руководства на развитие образования и науки. Главной же движущей силой, по мнению А. Г. Ларина, стали вызовы общенационального

масштаба, которые подталкивали правящие круги к поиску способов повышения конкурентоспособности на мировом рынке. Для Тайваня «с его скудной сырьевой базой и острыми экологическими проблемами, к тому же находящегося в дипломатической изоляции» модернизация стала «вопросом выживания» [Ларин 2011, с. 79–88].

Особого внимания заслуживает и политика привлечения иностранных инвестиций, реализация которой началась после 1954 г. в ходе выполнения первого четырехлетнего плана экономического развития. Можно сказать, что Тайвань был одним из пионеров в этой сфере, и уже в 1960-е гг., почти на 20 лет раньше, чем КНР, начал создавать экспортно-производственные зоны на своей территории.

Экспортно-производственные зоны сочетали в себе функции индустриальных парков (специально организованных для размещения новых производств территорий, обеспеченных энергоносителями, инфраструктурой и необходимыми административно-правовыми условиями) и зон свободной торговли. Условия для компаний — система налогообложения и различные преференции — были разработаны с учетом необходимости привлечения промышленных инвестиций и современных технологий и были направлены на стимулирование импорта комплектующих и экспорта готовой продукции.

Первая не только на Тайване, но и в мире экспортно-производственная зона появилась в 1966 г. в южном портовом городе Гаосюн. Только в первые пять лет Тайбэй вложил 12 млн долларов США в создание экспортно-производственных зон в разных частях острова, и к 1980 г. число зарегистрированных в них компаний достигло 293 [Fitting 1982, p. 733]. По данным портала Invest Taiwan, в настоящее время на острове функционируют десять экспортно-производственных зон, которые находятся в г. Гаосюн, в уезде Пиндун (тоже юг Тайваня) и в г. Тайчжун (западное побережье Центрального Тайваня). В них зарегистрирована 621 компания, а общий объем капиталовложений превышает 17,8 млрд долларов США [Цзинцзибу гоцзи еучу 2014]. За несколько десятилетий тайваньские экспортно-производственные зоны прошли путь от обработки товаров с низкой добавленной стоимостью, таких как одежда, кожаные и пластиковые изделия и другие изделия ручной работы, до производства и сборки высокотехнологичного оборудования, разработки ПО и предоставления широкого спектра специальных услуг.

Параллельно с экспортно-производственными зонами на Тайване создавались индустриальные парки различной специализации, которых в настоящее время насчитывается 174, а также технопарки. В 1980 г. на севере Тайваня был открыт технопарк Синьчжу, в 1996 г. создан Южный тайваньский научный парк, а в 2003 г. — Центральный тайваньский научный парк. Охватив географически все главные промышленные районы острова, технопарки обеспечили надежную базу для развития высокотехнологичных отраслей, включая электронную промышленность (в особенности производство компьютеров, оптической электроники, полупроводников и т. д.), точное машиностроение, биотехнологии, телекоммуникационные технологии, «зеленую» энергетику. Специализация технопарков менялась и продолжает меняться, следуя за новыми направлениями в науке и потребностями экономики.

На современном этапе привлекательность Тайваня как направления инвестирования для японских компаний обеспечивается общим достаточно высоким уровнем развития его политической и экономической системы. С точки зрения особенностей японской культуры важнейшими факторами можно считать стабильность, развитость демократических институтов, безопасность и комфорт.

Преобладание в тайваньской промышленности производств с высокой добавленной стоимостью в сочетании с широким набором современных отраслей сферы услуг также определяет повышенный интерес японских инвесторов. К настоящему времени высокотехнологичные производства заняли в экономике Тайваня прочные позиции, а в сфере услуг наибольшее распространение получили оптовая и розничная торговля, операции с недвижимостью, финансы и страхование. Основные статьи тайваньского экспорта — машины, производственное оборудование, электроприборы и детали для них. В связи с этим можно также отметить доминирующее положение острова в мировом производстве и экспорте полупроводников. Далее по значимости следуют оптические приборы и комплектующие, изделия из металлов, изделия из пластика, химическая продукция. Поскольку значительная часть производств работает по контрактам OEM³,

---

³ OEM (Original Equipment Manufacturer, «оригинальный производитель оборудования») — компания, занимающаяся контрактным производством деталей или оборудования, которые используются в конечной продукции другой компании или продаются под другим брендом.

в структуре импорта также преобладают производственное оборудование, электроприборы и комплектующие, химическая продукция, изделия из металлов, а также минеральное сырье (табл. 2).

Таблица 2. Внешняя торговля Тайваня (2018 г.)

Основные статьи экспорта (%)		Основные статьи импорта (%)	
Электроника и оборудование	43,0	Электроника и оборудование	26,3
Машины и механические устройства	12,1	Минеральное сырье	18,0
Прецизионные инструменты и аппаратура	4,8	Машины и механические устройства	12,3
Пластик и изделия из него	6,7	Прецизионные инструменты и аппаратура	4,0
Минеральное сырье	4,1	Продукты органической химии	3,7
Другое	29,3	Другое	35,8

Источник: [Цзинцзибу гоцзимаоицзюй 2019]

Главные торговые партнеры Тайваня — материковый Китай (включая Гонконг), на который пришлось более 40% экспорта и почти 20% импорта в 2018 г., страны АСЕАН (17,3% экспорта и 12,0% импорта), США (11,8% экспорта и 12,2% импорта), страны ЕС (8,8% экспорта и 9,8% импорта), Япония (6,9% экспорта и 15,4% импорта) и Республика Корея (4,8 и 6,9% импорта) [Цзинцзибу гоцзимаоицзюй 2019].

Таким образом, преимущество Тайваня состоит не только в наличии развитых промышленных кластеров, но и в интегрированности в региональные производственные сети и связи с обширным рынком материкового Китая. В качестве сильных сторон тайваньских компаний исследовательский институт «Мидзухо» отмечает их принадлежность к «сфере распространения китайской культуры», связь с материковым Китаем, в том числе в сфере поставок комплектующих, а также возможность использования тайваньской площадки для исследований и разработок и в качестве тестового рынка [Мидзухо со:го: кэнкю:дзё 2020, с. 14].

Наконец, необходимо еще раз подчеркнуть такое преимущество Тайваня, как рабочая сила, которая не только высококвалифицирована, но и обладает достаточно высоким уровнем культуры предпринимательства. Люди — одна из главных составляющих деловой среды: именно взаимопонимание с местными жителями, предсказуемость их поведения и надежность в качестве деловых партнеров обеспечивают привычную для японцев стабильность.

Формированию близких к Японии условий способствовал исторический фактор. Будучи на протяжении 50 лет (с 1895 по 1945 г.) японской колонией, Тайвань не только заимствовал многие технологические достижения того периода, но и воспринял элементы японской корпоративной культуры и отчасти японского мышления. Под японским управлением на Тайване предпринимались конкретные шаги для повышения уровня жизни и модернизации экономики, осуществлялась борьба с эпидемиями, были построены важные объекты инфраструктуры, создано множество промышленных предприятий [Перминова 2014, с. 211]. Исследователи отмечают, что Япония стремилась максимально интегрировать Тайвань в систему своих экономических связей, и благодаря географической близости, единой культурной и цивилизационной базе он стал одной из ее наиболее освоенных колоний [Перминова 2015, с. 65].

Можно сказать, что в случае Тайваня историческая память сыграла положительную роль, и в современных условиях деловая среда благоприятствует применению привычных для Японии практик управления и моделей общения. Так, считается, что по возможности реализации японского принципа долговременной занятости и таким показателям, как «уважение к человеку», «коллективизм», «предпочтение гармонии и согласия в обществе», Тайвань близок к Японии и отличается более благоприятными условиями, чем страны АСЕАН [О:сиро 2010, с. 36–39]. Исследователи отмечают, что на Тайване возникает относительно мало проблем управления компанией, связанных с различиями привычек или системы ценностей [О:сиро 2010, с. 47].

Важно также отметить, что несмотря на колониальное прошлое, отношение современных тайваньцев к Японии и ее жителям остается в целом доброжелательным. Именно в этом смысле историческая память проявилась в отношениях Японии с Тайванем иначе, чем в ее отношениях с КНР. Если сравнить население Тайваня с населением материкового Китая, которое, помня о военных событиях, до сих пор

смотрит на восточного соседа с недоверием и враждебностью, тайваньцы отличаются открытостью и миролюбием. По данным социологических опросов 2000-х гг., от 70 до 80% тайваньских респондентов (в зависимости от года) говорили, что испытывают дружеские чувства к Японии [Нихон Тайван ко:рю: кё:кай 2008-2019]. В этот же период доля жителей КНР, хорошо относящихся к Японии, падала иногда до уровня 5–10%. Даже при некотором улучшении ситуации в последние годы хорошо относятся к Японии менее половины китайцев [Гэнрон 2018, с. 2].

Основные этапы развития внешнеэкономической стратегии японских компаний в Восточной Азии и встраивание в нее Тайваня

Оправдывая свой статус одного из важнейших экономических партнеров Тайваня, Япония на протяжении послевоенных десятилетий оставалась вторым после США источником прямых иностранных инвестиций на острове. В период с 1952 по 1975 г. ее компании вложили более 215 млн долларов, или около 22% всех зарубежных инвестиций [Investment Commision 1985, p. 9]. В последующие десятилетия США и Японию потеснили только Нидерланды, которые являются в настоящее время бесспорным лидером капиталовложений⁴. С 1952 по 2020 г. Нидерланды вложили 35,4 млрд долларов при реализации 708 инвестиционных проектов, США — 24,6 млрд долларов (6932 проекта), Япония — 22,5 млрд долларов (10 922 проекта) [Тоушэньхуэй 2019]. Таким образом, сильные позиции Японии сохраняются, причем по числу проектов она превосходит не только США, но и Нидерланды, для которых характерны крупные капиталовложения.

Динамика прямых инвестиций японских компаний на Тайване определялась меняющимися условиями в экономике Японии, ситуацией на мировых рынках и возможностями, которые открывали

---

⁴ Тайвань активно торговал с Нидерландами еще 400 лет назад в период расцвета Голландской Ост-Индской компании. Устойчивые экономические контакты связывают стороны и в настоящее время. Основные сферы сотрудничества — высокотехнологичные отрасли, такие как электроника и полупроводники. Благоприятствующим фактором, способствующим увеличению притока капитала из Нидерландов, являются созданные в этой стране привлекательные условия для регистрации и деятельности иностранных компаний, близкие к офшору.

соседние страны. В послевоенный период можно выделить несколько этапов расширения предпринимательской деятельности японских компаний в Восточной Азии.

Рис. 1. Динамика прямых инвестиций японских компаний на Тайване (объем инвестиций в млн долл. США и число проектов)

Составлено по: [Тоушэньхуэй 2019]

В 1950–1960-е гг. основным направлением инвестирования японских компаний в регионе была добывающая промышленность, а среди отраслей обрабатывающей промышленности выделялись текстильная промышленность, металлургия и электротехническая промышленность. Одним из мотивов инвестирования в тот период было преодоление торговых барьеров, введенных странами региона в рамках политики импортозамещения. Для того чтобы приблизиться к рынкам сбыта, японские компании создавали в странах, ограничивающих свой импорт, предприятия по производству текстиля, электроники, автомобилей [Nishikawa 1991, р. 38–39]. Таким образом, направления японских капиталовложений были достаточно разнообразными уже в первые послевоенные десятилетия, однако их общий объем был в целом небольшим (см. табл. 1).

Умеренный рост инвестиций начался в этот период и на Тайване. Уже в 1950–1960-е гг. основным направлением японских капиталовложений была обрабатывающая промышленность: около 90% хозяйствующих субъектов на территории острова были заняты в производственном секторе, в первую очередь в электромашиностроении, химической и текстильной отраслях [Кайгай синсюцу кигё: со:ран 1992, с. 22]. В это время на Тайвань возвращаются японские торговые компании *сого сёся*, деятельность которых помимо собственно торговли подразумевает поддержку производств и продвижение японской продукции. В целом инвестиционные проекты пока оставались небольшими, было заметно скорее их количество, а не масштаб.

Японские предприятия получили возможность развернуть свою зарубежную деятельность более активно в 1970-е гг., после того как Япония начала сводить свой платежный баланс с положительным сальдо и у них появились финансовые средства. В это же время японское правительство начало стимулировать прямые зарубежные инвестиции для поддержания курса национальной валюты [Кеск 1976, р. 256].

Важным событием на мировом рынке, которое оказало влияние на мотивы инвестирования, было резкое удорожание нефти в результате нефтяных шоков 1973 и 1978 гг. Издержки производства в японской промышленности, зависящей от внешних поставок сырья, существенно возросли. К еще большему росту издержек привело повышение заработной платы [Лебедева 2007, с. 17], и японские компании стали все чаще рассматривать возможности инвестирования в энергоемкие и трудоемкие отрасли. Во второй половине 1970-х и в 1980-е гг. преимущественное развитие в Японии получили сектора, связанные с производством знаний и услуг, нижние же «этажи» японской промышленности (в том числе неэкологичные, «грязные» производства), ставшие нерентабельными в Японии, начали перемещаться в страны Азии [Лебедева 2007, с. 24–50].

В 1970-е гг. на фоне успешной индустриализации, открытия экспортно-производственных зон и уверенного экономического развития Тайваня началось активное проникновение на остров японских компаний, в результате чего в начале 1980-х можно было наблюдать первый пик инвестиций (см. рис. 1). Рост японских капиталовложений в этот период можно было видеть во многих странах и экономиках региона, в первую очередь НИЭ и АСЕАН (см. табл. 1). Интересно отметить, что роль материкового Китая, который вскоре

станет главным направлением японских капиталовложений, пока не была столь заметной: в 1960-е, 1970-е и даже 1980-е гг. туда направлялись меньшие объемы капитала, чем на соседний Тайвань. Это наглядный показатель успехов, достигнутых этим сравнительно небольшим островом за короткое время.

Несмотря на то что в 1972 г. дипломатические отношения Японии с Китайской Республикой (Тайванем) были прерваны в результате установления официальных отношений с КНР, инвестиции продолжили медленно, но стабильно расти. С тех пор экономические связи сторон продолжают поддерживаться и развиваться на негосударственных началах при поддержке учрежденной японской стороной на Тайване Ассоциации японо-тайваньского обмена и учрежденной в Японии тайваньской стороной Ассоциации восточноазиатских связей, переименованной в 1992 г. в Представительство Тайбэя в Японии по экономическому и культурному сотрудничеству (или Представительство Тайваня в Японии).

Ключевым направлением японских капиталовложений на острове в 1970–1980-е гг. становится производство электроники. Прочные позиции занимает также производство машин, оборудования и химической продукции. Помимо этого все больше инвесторов приходит в транспортное машиностроение: в начале 1970-х на новом заводе в г. Янмэй началось производство грузовых автомобилей и минивэнов компании Mitsubishi, а в 1984 г. в Тайбэе была учреждена компания Kuozui Motors (СП с японской Hino Motors), ставшая производителем автомобилей Toyota и Hino для тайваньского рынка. За укрепляющими свои позиции автомобильными компаниями подтягиваются производители комплектующих. Текстильная же промышленность несколько теряет свои позиции, так как больший интерес для размещения трудоемких производств начинают представлять страны с менее квалифицированной и более дешевой рабочей силой. Таким образом, Тайвань переходит от специализации на трудоемких производствах к более наукоемким и высокотехнологичным отраслям. Удовлетворяя потребности производственного сектора, расширяют свою деятельность на Тайване и японские оптовые торговые компании соответствующих профилей. В 1976–1980 гг. туда пришли 12 новых оптовиков, в 1981–1985 гг. еще 16, а в 1986–1990 гг. уже 82. Большая часть из них занимаются торговлей электроникой, машинами, оборудованием и химической продукцией [Кайгай синсюцу кигё: со:ран 1992, с. 22].

Рост иностранных инвестиций в регионе вместе с расширением масштабов торговли конечной и промежуточной продукцией между странами приводят к тому, что в 1980-е гг. в Восточной Азии формируется единая и самодостаточная производственная система. По мнению исследователей, страны региона в этот период начинают представлять собой пирамиду, на вершине которой находится Япония, а на более низких «этажах» — НИЭ и догоняющие их страны АСЕАН [Баландин 2002, с. 141–144]. В эту пирамиду также начинает включаться Китай.

В 1985 г. к резкой активизации деятельности японских компаний в Восточной Азии привело соглашение «Плаза»⁵, после заключения которого произошел практически двукратный рост курса иены относительно доллара США. Это способствовало новому всплеску японских инвестиций на Тайване. Эффект от ревальвации иены был, однако, недолгим. После краха в Японии экономики «мыльного пузыря» объем ее зарубежных инвестиций на некоторое время снизился, как и количество проектов.

Вскоре японские инвестиции на Тайване и в других странах региона начали снова расти, но уже в связи с последствиями затяжной депрессии, в результате которой началось массовое перемещение японских производств за рубеж (*күдōка*)

На протяжении 1990-х гг., за исключением периода азиатского финансового кризиса (1997–1998) можно наблюдать рост инвестиций (см. рис. 1). К началу 2000-х отраслевая структура функционирующих на Тайване японских компаний производственного сектора и сферы услуг стала более сбалансированной. По данным каталога «То:ё: кэйдзай» [Кайгай синсюцу кигё: со:ран 2001, с. 1543], в середине 1990-х из 1232 японских компаний, зарегистрированных на Тайване, 702 относились к производственному сектору и 355 занимались коммерческой деятельностью. Наиболее распространенной сферой деятельности в первой группе компаний было, как и прежде, производство электроники (165 компаний), причем теперь японский капитал концентрировался в таких набирающих силу отраслях тайваньской экономики, как производство компьютеров, полупроводников,

---

⁵ Соглашение было подписано США и другими странами Группы пяти с целью решения проблемы дефицита торгового баланса США с Германией и Японией. Было принято решение о девальвации доллара США относительно японской иены и немецкой марки посредством интервенции на валютном рынке.

жидкокристаллических дисплеев и другой продукции, связанной с IT-индустрией [О:сиро 2010, с. 36]. Далее по значимости для японских инвесторов шли, в порядке убывания, производство химической продукции (99 компаний), машиностроение (87), производство автомобилей и комплектующих (69), металлургия (44), текстильная промышленность (34), пищевая промышленность (28). В коммерческом секторе преобладала оптовая торговля (309 компаний), которая в первую очередь была связана с соответствующими производствами: с электроникой (95), машинами и оборудованием (46), химической продукцией (25) и всеми остальными товарами, представленными в производственном секторе. Помимо этого в сфере услуг присутствовали 24 транспортные компании, десять компаний, занимающихся финансами и страхованием, восемь компаний, специализирующихся на операциях с недвижимостью, шесть инвестиционных компаний [Кайгай синсюцу кигё: со:ран 2001, с. 1543].

С начала 1990-х в японо-тайваньских экономических связях наблюдаются значимые перемены. Во-первых, модель разделения труда превращается из вертикальной в горизонтальную, то есть углубляется внутриотраслевая специализация — разделение труда между японскими и тайваньскими компаниями в пределах одной отрасли. Япония при этом, как и прежде, занимает более высокую технологическую нишу и экспортирует на Тайвань товары с высокой добавленной стоимостью. Во-вторых, все более активно в масштабах всего региона происходит оптимизация размещения предприятий с учетом конкурентных преимуществ стран и экономик. Одним из проявлений этого процесса можно считать экспансию японо-тайваньских альянсов, на которой мы остановимся позже [Мизухо со:кэнронсю: 2005, с. 3].

О непосредственном участии японских компаний в горизонтальном разделении труда как на Тайване, так и в масштабах всего региона, свидетельствуют их мотивы инвестирования, выявленные Ассоциацией японо-тайваньского обмена при проведенном в 1998 г. опросе. Как показал опрос, 51% компаний производственного сектора (из 785 респондентов) вложили свой капитал на Тайване с целью расширения продаж на тайваньском рынке, 35% компаний — с целью экспорта произведенной на Тайване продукции в Японию или третьи страны, остальные — с целью снабжения тайваньских производств с последующим экспортом в Японию или третьи страны (5%). Другими целями были руководство производственным процессом, снабжение произ-

водств, расположенных за пределами Тайваня, управление бизнесом в других локациях региона, например в Гонконге (3,5%), и др. Более 80% опрошенных компаний в 1990-е гг. экспортировали по крайней мере часть произведенной на Тайване продукции, даже если первоначально это не было основным мотивом инвестирования, среди них 34% компаний экспортировали ее в Японию, а 21 и 22% — соответственно в КНР/Гонконг и страны АСЕАН. 26% компаний производственного сектора, которые переместили свои предприятия из Японии на Тайвань, продолжали расширять свою деятельность в регионе и учредили новые предприятия в КНР (51%), Гонконге (15%) и странах АСЕАН (24%) [Мацуи 1999, с. 10–23].

Как и другие страны и экономики региона, Тайвань, не без участия Японии, все более активно включается в происходящие в Восточной Азии процессы. Немаловажное значение в связи с этим имело урегулирование Тайванем и КНР вопросов, связанных с двусторонними прямыми инвестициями. В 1988 г. материковый Китай принял Постановление о стимулировании инвестиций тайваньских соотечественников [Гоуюань тайвань шиу баньгунши 2020], в 1994 г. появился Закон о защите инвестиций тайваньских соотечественников в КНР [Гоуюань тайвань шиу баньгунши 2011], а в 1999 г. приняты Правила применения закона о защите инвестиций тайваньских соотечественников в КНР [Чжунхуа жэньминь гунхэго 2012]. Все это повысило уверенность тайваньских компаний в обеспечении основных гарантий на материке. Одновременно тайваньской стороной в 1992 г. было принято Положение, регулирующее отношения между народами Тайваня и материкового Китая [Цюаньго фагуй цзыляоку 2019], законодательно закрепляющее возможность капиталовложений из Тайваня в КНР⁶.

Благодаря расширению зарубежных производственных сетей (в том числе за счет КНР) в 1990-е и 2000-е гг. всемирную известность приобретают тайваньские OEM и ODM-производители электроники (Foxconn, New Kinpo Group, Wistron и др.), занимающиеся изготовлением и сборкой высокотехнологичной продукции и ее комплектующих по поручению зарубежных заказчиков, не имеющих своих про-

---

⁶ Необходимо отметить, что тайваньский капитал проникал на материк и раньше, однако в основном через третьи страны и территории (Гонконг, Сингапур, офшорные зоны Карибского бассейна), так как несовершенство законодательной базы было существенным препятствием для инвестирования напрямую.

изводственных мощностей⁷. Их постоянными клиентами становятся такие японские компании, как Sony, Canon, Casio, Toshiba.

Еще одной важной возможностью, которую открыло перед японскими компаниями усовершенствование инвестиционного законодательства, является осуществление так называемых прямых инвестиций в КНР с использованием тайваньских компаний (яп. *тайван кацуё:-гата тай-тю: то:си*). Эта модель заслуживает отдельного рассмотрения по двум причинам. Во-первых, она связана с наиболее актуальным для японского бизнеса в 1990-е и 2000-е гг. направлением предпринимательской деятельности — материковым Китаем, не только ставшим важнейшей производственной базой Японии, но и раскрывшим свой огромный потенциал в качестве рынка сбыта. Во-вторых, прямые инвестиции с использованием тайваньских компаний позволяют выявить особое положение Тайваня во внешнеэкономической стратегии японских компаний в Восточной Азии и показать, как сотрудничество с тайваньскими партнерами помогло в реализации потенциала Китая как направления инвестирования.

Под прямыми инвестициями с использованием тайваньских компаний понимают капиталовложения в материковом Китае японо-тайваньского совместного предприятия (СП) либо японской дочерней компании на Тайване. При этом на территории КНР могут учреждаться компании с различной структурой собственности — от предприятия полной японской собственности до японо-тайваньского СП с китайским капиталом и капиталом третьей страны (подробнее см. табл. 3).

Сбор точной статистики по таким инвестициям представляет определенные сложности, и данные, полученные исследователями из разных источников, показывают лишь общую картину. Однако вполне ожидаемо, что экспансия японо-тайваньских СП и альянсов начинается в 1990-е гг. и достигает своего пика в начале 2000-х (рис. 2). В это же время наблюдается стремительный рост японских инвестиций в КНР, и очевидно, что тайваньские партнеры сыграли определенную роль в этом процессе.

Отраслевая структура таких инвестиций также соответствует общим тенденциям экспорта японского капитала. Наибольший вес как в 1990-е, так и в 2000-е гг. занимает электронная промышленность.

---

⁷ Услуги OEM подразумевают изготовление конкретного оборудования на заказ, тогда как услуги ODM включают в себя также дизайн и разработку продукта компанией-исполнителем.

Со временем растет активность компаний, занимающихся производством автомобилей и комплектующих. Стабильно прочные позиции занимают машиностроение, химическая и пищевая промышленность. Доля же трудоемких отраслей (производство резиновых и кожаных изделий, текстильная промышленность) к началу 2000-х гг. снизилась (см. табл. 4).

Таблица 3. Основные формы осуществления японских прямых инвестиций в КНР через Тайвань

Источник капитала	Форма делового присутствия в КНР
Японско-тайваньское СП на Тайване	Японско-тайваньское СП
	Японско-тайваньское СП с китайским капиталом
	Японско-тайваньское СП с капиталом третьей стороны*
	Японско-тайваньское СП с китайским капиталом и капиталом третьей страны
Японская дочерняя компания на Тайване	Предприятие полной японской собственности
	Японско-китайское СП

* Под третьей стороной понимается любой источник инвестирования, кроме Японии, Тайваня и КНР.

Составлено по: [Мидзухо со:кэнронсю: 2005, с. 5]

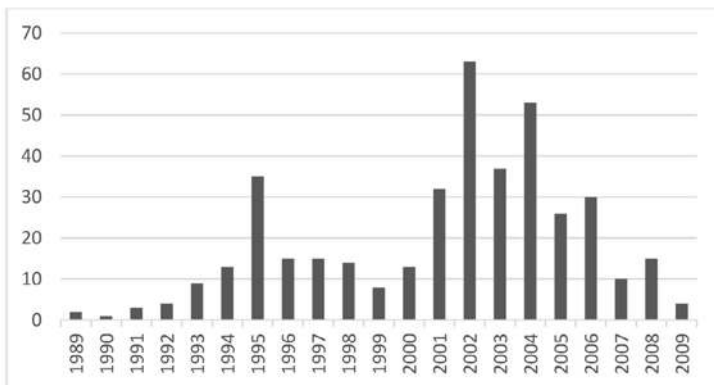

Рис. 2. Динамика японских прямых инвестиций с использованием тайваньских компаний в КНР (число проектов)

Составлено по: [Каку, Какута (ред.) 2014, с. 30]

**Таблица 4. Отраслевая структура прямых инвестиций
с использованием тайваньских компаний
(количество проектов)**

Отрасль / вид деятельности	1989–1999	2000–2005
Электронная промышленность	23 (20,7)*	38 (20,0)
Автомобили и комплектующие	11 (9,9)	40 (21,1)
Химия	16 (14,4)	28 (14,7)
Машиностроение	16 (14,4)	24 (12,6)
Продукты питания и напитки	8 (7,2)	14 (7,4)
Производство металлических изделий	4 (3,6)	13 (6,8)
Резиновые и кожаные изделия	8 (7,2)	6 (3,2)
Текстильная промышленность	11 (9,9)	2 (1,1)
Другое	14 (12,6)	25 (13,2)
Всего	111 (100,0)	190 (100,0)

*В скобках указана доля в общей отраслевой структуре (%).

Составлено по: [Каку, Какута (ред.) 2014, с. 7]

Сотрудничество при выходе на китайский рынок имеет преимущества и для японских, и для тайваньских компаний. Будучи одним из крупнейших инвесторов в КНР, Тайвань сформировал на ее территории обширные производственные и сбытовые сети, доступ к которым упрощает многие организационные вопросы.

Такие промышленные гиганты Тайваня, как Foxconn Technology Group (электроника), Ting Hsin International Group (с наиболее известным брендом продуктов питания Kang Shifu) и Fair Friend Enterprise Group (промышленная группа, специализирующаяся на производстве станков и инструментов) заняли на рынке КНР фактически монопольное положение и успешно сотрудничают с японскими предприятиями.

Особенно актуальны для японского бизнеса связи с поставщиками качественных и недорогих комплектующих в автомобилестроении и IT-индустрии. Большую ценность представляет также возможность использования тайваньских сбытовых сетей, например в пищевой промышленности [Каку, Какута (ред.) 2014, с. 28]. В качестве примера первой формы сотрудничества можно привести учреждение в КНР тайваньским производителем комплектующих для автомобилей Lioho

Machine Works двенадцати СП с восьмью японскими компаниями в период с 1992 по 2005 г. Впоследствии японские компании пользовались сетью поставщиков своего тайваньского партнера [Фудзичу кэнкю:дзё 2009]. Что касается использования сбытовых сетей, то таким примером является сотрудничество японских Asahi Breweries и Itochu Shoji с Kang Shifu Drinks, принадлежащей вышеупомянутой группе компаний Ting Hsin International. В 2004 г. японский производитель напитков Asahi Breweries и торговая компания Itochu Shoji приобрели долю тайваньского производителя напитков, после чего начали совместное с ним освоение китайского рынка [Сю Эн 2004, с. 2–3].

Еще одно важное преимущество тайваньских партнеров относится к коммуникативному аспекту и знанию культурной специфики. Большие трудности для японских предпринимателей зачастую представляет решение различных вопросов с китайским персоналом, поставщиками, государственными структурами. В этом отношении они могут рассчитывать на помощь тайваньских партнеров, владеющих китайским языком и знакомых с местными обычаями, моделями поведения, законодательством [Каку, Какута (ред.) 2014, с. 28–29].

Сходство в моделях поведения китайцев и тайваньцев помогает также в разработке стратегий сбыта. Например, тайваньская компания Yulong Motor, учредившая СП с Nissan, долгое время помогала своему японскому партнеру дорабатывать модели автомобилей для китайского рынка, что значительно увеличило продажи [Сю Эн 2004, с. 14]. Ряд японских компаний самых разных отраслей, от производителей продуктов питания и напитков (Asahi Breweries) до мини-маркетов (Family Mart) и книжных магазинов (Kadokawa Shoten) используют Тайвань как площадку для тестовых продаж перед выходом на рынок КНР. В целом, по данным анкетирования, проведенного в 2013 г. министерством экономики Тайваня совместно с тайбэйским отделением исследовательского института «Номура», 17% компаний обрабатывающих отраслей и 19% компаний других отраслей считают важной функцию Тайваня в проведении предварительных маркетинговых исследований и разработке продукции, предназначенной для китайского рынка [Ито: 2014, с. 106].

Что касается тайваньских компаний, то рассматриваемая форма сотрудничества представляет для них интерес в связи с возможностью заимствования японских технологий и моделей управления. Важным

преимуществом японской стороны является также репутация бренда. Так, тайваньский производитель тонеров для картриджей перед выходом на рынок КНР вложил свой капитал в японскую компанию Canon, которая, в свою очередь, учредила в КНР предприятие со 100% японским капиталом. Это позволило продавать тонеры в более высоком ценовом сегменте [Нэбаси 2016, с. 10].

Таким образом, культурная и экономическая близость Тайваня, с одной стороны, с Китаем, а с другой — с Японией стали важными условиями трансформации модели разделения труда и одним из катализаторов роста японских инвестиций в регионе в 1990-е и 2000-е гг. Можно сказать, что Тайвань стал связующим звеном между Японией и КНР, «окном в Китай» для японских компаний. В этом отношении его роль можно считать незаменимой.

В начале 2000-х наблюдался резкий скачок японских инвестиций как на Тайване, так и в других странах и экономиках Восточной Азии. Капиталовложения оставались внушительными вплоть до 2019 г., за исключением периода очередного мирового финансового кризиса (2007–2008). В последнее десятилетие особенно заметен рост числа проектов: в Азию устремился поток компаний малого и среднего бизнеса (см. рис. 1). Это означает, что в регионе продолжается процесс оптимизации размещения производств и формирования поддерживающих отраслей.

Большое значение для перспектив расширения деятельности японо-тайваньских альянсов в материковом Китае имело подписание в 2008 г. Рамочного соглашения об экономическом сотрудничестве между Тайванем и КНР. Соглашение ставило своей целью либерализацию торговли товарами и услугами и создание благоприятных условий для инвестиционного сотрудничества. Дополнительный приток японского капитала обеспечило и заключенное между КНР и Тайванем в 2011 г. Соглашение об инвестициях, гарантировавшее свободу перемещения капитала, либерализацию инвестиционного режима и защиту прав инвесторов.

Современные позиции Тайваня во внешнеэкономической стратегии японских компаний и проблема стабильности

В настоящее время отраслевая структура капиталовложений японских компаний в Восточной Азии включает в себя как ряд отраслей производственного сектора (в первую очередь электронная промышленность, различные направления машиностроения, химическая промышленность и фармацевтика, металлургия, пищевая промышленность), так и целый набор отраслей сферы услуг (оптовая и розничная торговля, финансы, страхование, недвижимость, транспортные услуги, коммуникационные технологии и др.). При этом существенная часть капитала (как было упомянуто выше, 15,4 млрд долларов, или 3,3% всех накопленных в Восточной Азии инвестиций) сосредоточена на Тайване, экономика которого является важным звеном в региональных торгово-производственных сетях наравне с другими НИЭ. Хотя доля Тайваня в целом невелика, можно отметить качество японских инвестиций и особую роль тайваньской экономики в глобальных цепочках создания стоимости.

При разбивке на группы стран (КНР как крупнейшая экономика региона, НИЭ и страны АСЕАН-4) можно заметить, что соотношение накопленного капитала в промышленности и непродовольственных отраслях (в первую очередь в сфере услуг) соответствует упомянутой ранее пирамидальной структуре: наибольшую концентрацию японских промышленных предприятий можно увидеть в КНР, за ней следуют страны АСЕАН-4, далее — НИЭ (табл. 5). Однако доля производственного сектора в японских инвестициях на Тайване выше, чем в других НИЭ. Это означает, что Тайвань взял на себя существенную часть производственного процесса. При этом на Тайване сосредоточены преимущественно высокотехнологичные производства: наибольшее развитие на острове получили к настоящему времени производство компьютеров, полупроводников, жидкокристаллических дисплеев и другой продукции, связанной с IT-индустрией, а также нефтехимия, машиностроение (в том числе точное), автомобилестроение и металлообработка. Продукция этих отраслей составляет основную часть тайваньского экспорта.

Таблица 5. Структура прямых инвестиций японских компаний в Восточной Азии*: соотношение промышленности и непроеизводственных отраслей (%)

	Весь регион	КНР	НИЭ	в т. ч. Тайвань	АСЕАН-4
Промышленность	54,3	65,3	36,9	59,3	61,3
Непроеизводственные отрасли	45,7	34,7	63,1	40,7	38,7

* Накопленный объем к концу 2018 г.

Источник: [Нихон гинко: 2014-2020]

По оценкам ОЭСР, Китайский Тайбэй⁸ является одним из лидеров по вкладу, вносимому в глобальные цепочки создания стоимости (индекс участия в ГЦС). На протяжении 1990-х и 2000-х гг. его вклад стремительно рос, и в 2013 г. составил более 70% товарного экспорта, в то время как у большинства стран ОЭСР индекс колебался от минимального значения 31% в Евросоюзе до 65% в Республике Корея. Примерно на том же уровне, что и у Тайваня, индекс был только у Люксембурга и Сингапура [De Backer, Miroudot 2013, p. 12–13]. Индекс участия в ГЦС показывает место промежуточной продукции в экономической активности и складывается из доли импортной составляющей в общем экспорте страны («нисходящее участие», англ. backward participation) и доли экспортируемых товаров и услуг, используемых как импортные компоненты, в экспорте других стран («восходящее участие», англ. forward participation). Для Тайваня эти доли одинаково высоки, в отличие от Люксембурга и Сингапура, где индекс складывается в первую очередь из импортной составляющей в собственном экспорте. Таким образом, при равном значении индекса модель участия Тайваня в ГЦС качественно отличается: он не только активно обрабатывает импортированную промежуточную продукцию, но и вносит вклад в последующие звенья производственных цепочек.

Планы Тайваня по дальнейшему повышению глобальной конкурентоспособности весьма амбициозны. В настоящее время реализуется «план 5 + 2» по развитию промышленности и внедрению инноваций с целью ускорения экономического роста, который состоит из

⁸ Название Тайваня, принятое рядом международных организаций.

семи ключевых проектов: развитие умного машиностроения; создание «азиатской Кремниевой долины»; особое внимание к индустрии «зеленых» технологий; программа инноваций в биомедицине; укрепление национальной обороны и развитие аэрокосмической промышленности; инновации в сельском хозяйстве; создание экономики замкнутого цикла. Предполагается, что эти проекты трансформируют тайваньскую экономику и позволят ей выйти на новый уровень. Продолжается также реализация программы DIGI+, подразумевающей широкое внедрение цифровых технологий во всех отраслях и сферах общественной жизни [MOST 2019-2022, p. 21–28].

Вместе с тем и на самом Тайване, и в регионе в целом, существует ряд проблем, представляющих угрозу для стабильности сформировавшихся экономических связей. Во-первых, как и Япония, Тайвань со временем столкнулся с деиндустриализацией: накопившиеся внутренние проблемы вкупе с усилением экономической мощи материкового Китая привели к снижению темпов роста тайваньского ВВП, повышению безработицы на острове и резкому росту оттока капитала [Мидзухо со:кэнронсю: 2004]. Явление, аналогичное японскому процессу *күдōка*, стало особенно заметно в начале 2000-х, когда с Тайваня в материковый Китай стали массово перемещаться производства компьютеров, мобильных телефонов и комплектующих. По оценкам министерства экономики Тайваня, в настоящее время около 80% тайваньских производств, связанных с информационными и коммуникационными технологиями, расположены в КНР [Feigenbaum 2020]. Тайваню приходится прилагать большие усилия для формирования инновационных отраслей, способных заполнить возникший пробел, и для предотвращения утечки квалифицированных кадров на материк и в другие страны. В 2001 г. впервые за много десятилетий ВВП Тайваня показал отрицательный прирост; в последние годы темпы экономического роста остаются умеренными (1–3%).

По данным организации JETRO, за последние два года резко выросло число японских компаний, для которых возможности снижения издержек производства на Тайване достигли своего предела (в 2018 г. на эту проблему указали 28,3% респондентов, а в 2019-м уже 46,4%). Повышение издержек связано в первую очередь с ростом заработной платы и цен на комплектующие. Помимо этого все больше предпринимателей сталкиваются на Тайване с ценовой конкуренцией и насыщением рынка сбыта [Нихон бо:эки синко:кико: (JETRO) 2019, с. 42].

Все это не может не подталкивать японский бизнес к поиску новых возможностей в тех же странах АСЕАН. Перераспределение конкурентных преимуществ между экономиками региона с течением времени — это естественный процесс, который происходит довольно медленно и позволяет компаниям адаптироваться к меняющейся обстановке. Зачастую новые условия подталкивают предпринимателей к освоению новых рынков и отраслей, или же приводят к появлению новых моделей инвестирования, как это произошло с *тайвань кауэ́:-гата тай-тю: то:си*.

Более критичны для японского бизнеса резкие, непредвиденные перемены, которые нарушают стабильность в регионе. Таким событием стало избрание в 2016 г. новым президентом Тайваня кандидата от Демократической прогрессивной партии Цай Инвэнь, которая своими категоричными заявлениями политического характера внесла напряженность в отношения между двумя берегами Тайваньского пролива. Исследовательский институт «Мидзухо» считает главным риском для стабильности инвестиционного климата на Тайване именно дипломатическую обстановку и состояние отношений между Тайванем и КНР. После избрания Цай Инвэнь несколько дипломатических партнеров Тайваня предпочли КНР в качестве своего союзника, и количество и без того немногочисленных официальных партнеров Тайваня уменьшилось (в настоящее время дипломатические отношения с Китайской Республикой имеют только 14 государств — членов ООН, преимущественно небольшие государства Океании, Латинской Америки и Карибского бассейна). Возникшая напряженность между берегами Тайваньского пролива отразилась и на потоках капитала: на Тайване началось движение по возврату производственной сети, ранее сформированной в материковом Китае, обратно на остров, и после 2016 г. доля КНР в прямых зарубежных инвестициях тайваньских компаний несколько снизилась [Мидзухо со:го: кэнкю:дзё 2020, с. 15].

Время от времени в регионе происходят и другие события, представляющие угрозу для экономических связей между странами. Так, в 2018 г. обострилась торговая война между США и Китаем, а в 2019 г. вспыхнули протесты в Гонконге против законопроекта об экстрадиции, которые не могли не повлиять и на общественные настроения на Тайване. По-прежнему не решены проблемы исторической памяти о событиях Второй мировой войны, которые держат отношения Японии с Китаем, Кореей и другими странами Юго-Восточной Азии

в постоянном напряжении. В любой момент могут о себе напомнить и территориальные споры.

В настоящее время наибольшие опасения вызывает распространение в мире нового коронавируса. В одних странах обстановка стабилизировалась, а в других эпидемия только набирает обороты. Дальнейшее развитие событий прогнозировать пока сложно, однако уже сейчас очевидно, что пандемия будет иметь серьезные последствия для мировой экономики. В одной из своих последних публикаций организация JETRO отмечает, что распространение COVID-19 отражается как на текущей ситуации, так и на долгосрочном планировании международных операций компаний. Так, за январь—март 2020 г. показатели трансграничных слияний и поглощений снизились по сравнению с тем же периодом прошлого года на 33 и 19% (по объему капитала и количеству проектов). Это говорит о том, что компании проявляют большую осторожность при инвестировании за рубежом. В то же время, как отмечает JETRO, сложившаяся ситуация открывает и новые возможности, например для сотрудничества в сфере медицины или для покупки активов, подешевевших в результате кризиса [Нихон бо:эки синко:кико: (JETRO) 2020].

Опыт тесного сотрудничества Тайваня и Японии в различных сферах открывает большие возможности и в сложившейся ситуации. Несколько месяцев назад было создано СП японской корпорации Hitachi и тайваньской компании MetaTech, совместная деятельность которых связана с медициной, в том числе с лечением пациентов с новым коронавирусом. Существуют и другие проекты, ведется постоянная работа, организации и специалисты регулярно обмениваются информацией и опытом.

Необходимо иметь в виду, что Тайвань пока справляется с распространением нового коронавируса успешнее, чем многие развитые страны мира. Благодаря высоким технологиям и предшествующему опыту борьбы с эпидемией SARS ему удалось вовремя принять превентивные меры, взять эпидемию под контроль и снизить число заражений до минимума. Можно надеяться, что Тайвань будет одним из первых и в выходе из глобального кризиса после его завершения и сохранит свое особое положение во внешнеэкономической стратегии японских компаний в Восточной Азии.

Заключение

Анализ предпринимательской деятельности японских компаний в Восточной Азии показал, что Тайвань занял прочную нишу в их внешнеэкономической стратегии. Это не удивительно, если иметь в виду историческую близость Тайваня и Японии и экономические успехи, которых удалось достичь этому небольшому острову.

Одним из важнейших факторов привлекательности Тайваня как направления инвестирования для японских предпринимателей, как было показано в статье, является знакомая им среда и стабильность. Хотя в современных условиях для стабильности сохраняются определенные риски, они нивелируются прочностью сформировавшихся экономических связей.

Процесс создания производственных цепочек японских компаний в Восточной Азии и включение в них Тайваня является наглядным примером эффективного перераспределения капитала в мировой экономике. Специфика японо-тайваньских отношений и конкурентные преимущества каждой из сторон делают этот пример во многих отношениях уникальным и интересным для изучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баландин 2002 — Баландин, А. В. Япония: некоторые аспекты интернационализации экономики. – Москва: Слог-Пресс-Спорт, 2002.

Гоуюань тайвань шиу баньгунши 2011 — Чжунхуа жэньминь гунхэго Тайвань тунбао тоуцзы баохуфа шиши сицзэ [Правила применения закона о защите инвестиций тайваньских соотечественников в КНР]. *Гоуюань тайвань шиу баньгунши* [Канцелярия по делам Тайваня при Госсовете КНР]. 23.01.2011. http://www.gwytb.gov.cn/gjstfg/jjfl/touzi/201101/t20110123_1724092.htm (дата обращения: 06.05.2020).

Гоуюань тайвань шиу баньгунши 2020 — Чжунхуа жэньминь гунхэго Тайвань тунбао тоуцзы баохуфа [Закон о защите инвестиций тайваньских соотечественников в КНР]. *Гоуюань тайвань шиу баньгунши* [Канцелярия по делам Тайваня при Госсовете КНР]. 01.01.2020. http://www.gwytb.gov.cn/tbqy/protect/law/202004/t20200416_12266007.htm (дата обращения: 06.05.2020).

Гэнрон 2018 — Дай 14-кай ниттю: кё:до: ёрон тё:са [14-е совместное исследование общественного мнения в Японии и Китае]. *Genron NPO*.

2018. <http://www.genron-npo.net/world/archives/7053.html> (дата обращения: 06.05.2020).

Ито: Синго 2015 — Ито: Синго. Тю:гоку-ни окэру ниттай арайансу-но кибан то соно хэнка-но кано:сэй [Основа развития японо-тайваньских альянсов в Китае и возможность ее изменения]. *Кэйдзай кагаку кэнкюдзё*. 2014. № 44. С. 91–108. <http://www.eco.nihon-u.ac.jp/center/economic/publication/journal/pdf/44/44-1-6.pdf> (дата обращения: 06.05.2020).

Кайгай синсюцу кигё: со:ран 1992 — Кайгай синсюцу кигё: со:ран [Каталог компаний, осуществляющих деятельность за рубежом]. – Токио: То:ё: кэйдзай, 1992.

Кайгай синсюцу кигё: со:ран 2001 — Кайгай синсюцу кигё: со:ран [Каталог компаний, осуществляющих деятельность за рубежом]. – Токио: То:ё: кэйдзай, 2001.

Каку, Какута (ред.) 2014 — Тю:гоку сидзё: то ниттю:тай бидзинэсу арайансу [Китайский рынок и бизнес-альянсы Японии, Китая и Тайваня]. / Под ред. Каку Янтюн и Какута Осаму. – Токио: Бунсиндо: 2014.

Ларин 2011 — Ларин А. Г. Тайваньская модернизация на фоне российской и китайской. *Мировая экономика и международные отношения*. 2011. № 12. С. 79–88.

Лебедева 2007 — Лебедева И. П. Япония: промышленность и предпринимательство. – Москва: Восточная литература, 2007.

Мацуи 1999 — Мацуи Ёсихару. 1998 нэн дзай Тай никкэй кигё: кацу-до: дзиттай гё:са [Обследование реального состояния деятельности японских компаний на Тайване в 1998 году]. – Токио: Ко:рю: кё:кай, 1999.

Мидзухо со:го: кэнкю:дзё 2020 — Тайван то:си канкё: [Инвестиционный климат Тайваня]. *Мидзухо со:го: кэнкю:дзё*. 2020 Январь. https://www.mizuhobank.co.jp/corporate/world/info/investment_environment/pdf/taiwan.pdf (дата обращения: 06.05.2020).

Мидзухо со:кэнронсю: 2004 — Тайван-но «сангё: ку:до:ка» мондай то Тайван кэйдзай-но синро [Проблема деиндустриализации в промышленности Тайваня и путь развития тайваньской экономики]. *Мидзухо со:кэнронсю:*. 2004. № 2. <https://www.mizuho-ri.co.jp/publication/research/pdf/argument/mron0402-2.pdf> (дата обращения: 06.05.2020).

Мидзухо сокэнронсю 2005 — Кю:дзо:суру нихон кигё:-но «Тайван кацуё:-гата тай-тю: то:си». Тю:гоку-о бутай-то сита ниттю: кигё: кан-но «кэйэй сигэн-но ю:исэй» хокан-но ко:дзо: [Стремительный рост «инвестиций <японского бизнеса> в Китай с использованием тайваньских компаний». Структура взаимодополняемости ресурсов управления

японских и тайваньских компаний в Китае]. *Мидзухо со:кэнронсю:*. 2005. № 3. <https://www.mizuho-ri.co.jp/publication/research/pdf/argument/mron0503-3.pdf> (дата обращения: 06.05.2020).

Нихон бо:эки синко:кико: (JETRO) 2019 — 2019 нэндо Адзиа, Осэ-аниа синсюцу никкэй кигё: дзиттай тё:са [Обследование состояния и условий деятельности предприятий с японским капиталом в Азии и Океании в 2019 г.]. *JETRO*. 21.11.2019. https://www.jetro.go.jp/ext_images/_Reports/01/962bd5486c455256/20191121.pdf (дата обращения: 06.05.2020).

Нихон бо:эки синко:кико: (JETRO) 2020 — Сингата коронауи-р-су кансэнсё:-но рю:ко: какудай-дэ хирогару то:си кисэй гэкикакука-но угоки [Ужесточение регулирования прямых иностранных инвестиций в связи с распространением нового коронавируса]. *JETRO*. 07.05.2020. <https://www.jetro.go.jp/biz/areareports/2020/8b7797610ac5589f.html> (дата обращения: 06.05.2020).

Нихон гинко: 2014-2020 — Гё:сюбэцу тиикибэцу тёкусэцу то:си [Прямые инвестиции по отраслям и регионам]. *Нихон гинко:* 2014-2020. https://www.boj.or.jp/statistics/br/bop_06/index.html/ (дата обращения: 06.05.2020).

Нихон Тайван ко:рю: кё:кай 2008-2019 — Тайван-ни окэру тай-Нити ёрон тё:са [Социологический опрос об отношении к Японии на Тайване]. *Нихон Тайван ко:рю: кё:кай*. 2008-2019. <https://www.koryu.or.jp/business/poll/> (дата обращения: 06.05.2020).

Нэбаси 2016 — Нэбаси Рэйко. Тайван кигё:-ни ёру синко: сидзё:-но инобэ:сён сэнряку [Стратегия инноваций тайваньских компаний на развивающихся рынках]. *Нихон Тайван ко:рю: кё:кай*. 2016. № 898. https://www.koryu.or.jp/Portals/0/images/publications/magazine/2016/1/201601_03.pdf (дата обращения: 06.05.2020). С. 9-17.

О:сиро 2010 — О:сиро Асако. *Тайван никкэй кигё: но нихонтэки кэйэй* [«Менеджмент японского типа» на предприятиях с японским капиталом на Тайване]. — Токио: Со:сэйся, 2010.

Перминова 2014 — Перминова В. А. Японское и китайское управление на Тайване: когда закончилось колониальное управление островом? *Общество и государство в Китае*. 2014. № 1. С. 210–218.

Перминова 2015 — Перминова В. А. «Японский фактор» модернизации Тайваня. *Проблемы Дальнего Востока*. 2015. № 6. С. 64–70.

Сю Эн 2004 — Сю Эн. Тю:гоку бидзинэсу ни окэру ниттю: кигё: араи-ансу: нихон кигё: ва тайттю: то:си ни тайван кигё: о кацуё: субэки [Альянсы японских и тайваньских компаний в КНР: японские компании должны

использовать тайваньские при инвестировании в Китае]. *Фудзицу*. Сентябрь 2004. <http://jp.fujitsu.com/group/fri/downloads/report/research/2004/report207.pdf> (дата обращения: 06.05.2020).

Такано 1999 — Такано Кунихико и др. *Хигаси Адзиа тиики-но кэй-дзай кацудо: ни окэру нихон кигё: но кэйэй оёби кингёю:-тэки якувари. Тайван кэйдзай то нихон кигё:-но якувари* [Управленческая и финансовая роль японских компаний в экономических процессах в Восточной Азии. Экономика Тайваня и роль японских компаний]. Токио: Такатихо сё:ка дайгаку со:го:кэнкю:дзё, 1999.

Тоушэньхуэй 2019 — Хэжунь хуацяо цзи вайгожэнь тоуцзы фэнцзю тунцзибяо [Статистика согласованных капиталовложений хуацяо и иностранных инвесторов по источнику капитала]. *Тоушэньхуэй* [Комитет по рассмотрению зарубежных китайских и иностранных инвестиций]. 2019. https://www.moeaic.gov.tw/news.view?do=data&id=1312&lang=en&type=business_ann (дата обращения: 06.05.2020).

Фудзицу кэнкю:дзё 2009 — Тю:гоку сидзё: кайтаку-ни окэру нит-тай кигё: арайансу-но якувари-о сайнинсики сзё: [Повторное осознание роли японо-тайваньских альянсов в освоении китайского рынка]. *Фудзицу кэнкю:дзё*. 30.11.2009. <https://www.fujitsu.com/jp/group/fri/column/opinion/200911/2009-11-4.html> (дата обращения: 06.05.2020).

Цзинцзибу гоцзимаошзюй 2019 — «Вого дуйвай маои фачжань гайку-ан юй чжэнцэ» цзяньбао [«О ситуации и политике по развитию внешней торговли нашей страны», краткий отчет]. *Цзинцзибу гоцзимаошзюй* [Бюро международной торговли министерства экономики Тайваня]. 24.07.2019. <https://www.trade.gov.tw/Pages/Detail.aspx?nodeID=4023&pid=675336> (дата обращения: 06.05.2020).

Цзинцзибу тоуцзы еучу 2014 — Юсюцу како:ку [Экспортно-производственные зоны]. *Цзинцзибу тоуцзы еучу* [Управление по инвестициям Министерства экономики Тайваня]. 2014. <https://investtaiwan.nat.gov.tw/showPagejpn249?lang=jpn&search=249> (дата обращения: 06.05.2020).

Цюаньго фагуй цзыляоку 2019 — Тайвань дицзюй юй далу дицзюй жэньминь гуаньси тяоли [Положение, регулирующее отношения между народами Тайваня и материкового Китая]. *Цюаньго фагуй цзыляоку* [База данных законодательных актов и нормативных документов Китайской Республики]. 24.07.2019. <https://law.moj.gov.tw/LawClass/LawAll.aspx?PCode=Q0010001> (дата обращения: 06.05.2020).

Чжунхуа жэньминь гунхэго 2012 — Гули Тайвань тунбао тоуцзы дэ гуйдин [Постановление о стимулировании инвестиций тайваньских

соотечественников]. *Чжунхуа жэньминь гуэхэго чжунъян жэньминь чжэнфу* [Государственный совет Китайской Народной Республики]. 2012. http://www.gov.cn/zhengce/content/2012-04/20/content_5101.htm (дата обращения: 06.05.2020).

De Backer, Miroudot 2013 — De Backer, K., Miroudot, S. Mapping Global Value Chains. *OECD Trade Policy Papers*, December 19, 2013 No. 159. https://www.oecd-ilibrary.org/trade/mapping-global-value-chains_5k3v1trgnbr4-en (дата обращения: 06.05.2020).

Feigenbaum 2020 — Feigenbaum, E. A. Future of Taiwan's Economic Competitiveness. Assuring Taiwan's Innovation Future. *Carnegie Endowment for International Peace*. January 2020. <https://carnegieendowment.org/2020/01/29/assuring-taiwan-s-innovation-future-pub-80920> (дата обращения: 06.05.2020).

Fitting 1982 — Fitting, G. Export Processing Zones in Taiwan and the People's Republic of China. *Asian Survey*. 1982, Vol. 22. № 8 (Aug). Pp. 732–744.

Investment Commission 1985 — Statistics on Overseas Chinese & Foreign Investment, Technical Cooperation, Outward Investment, Outward Technical Cooperation. *Investment Commission. MOEA. R.O.C.*, 1985.

JETRO 2020 — Japanese Trade and Investment Statistics. *JETRO*. 2020. <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics> (дата обращения: 06.05.2020).

Keck 1976 — Keck, J. Japan's Direct Investment in South East Asia. *Intereconomics*. 1976. № 9. Pp. 255–259.

MOST 2019-2022 — Taiwan Science and Technology Roadmap (2019–2022). Creating Taiwan's Competitive Advantage and Maintaining Global Leading Position in Innovation. *Ministry of Science and Technology*. 2019. <https://www.most.gov.tw/most/attachments/80ff16e8-2653-43b7-8a66-8080107c90a5> (дата обращения: 06.05.2020).

Nishikawa 1991 — Nishikawa, J. The Up-Grading of the Japanese Industrial Structure and Overseas Investment. *Waseda Economic Papers*. 1991. № 30. Pp. 37–52.

REFERENCES

Balandin, A. (2002). *Yaponiya: nekotoryye aspekty internatsionalizatsii ekonomiki* [Japan: Some Aspects of Internationalization of the Economy]. Slog-Press-Sport. (In Russian).

Bank of Japan (n.d.) *Gyōshu-betsu chiiki-betsu chokusetsu tōshi* [Direct Investment by Industry and Region]. Retrieved May 6, 2020, from https://www.boj.or.jp/statistics/br/bop_06/index.htm/ (In Japanese).

Bureau of Foreign Trade, Ministry of Economic Affairs (2019, July 24). “Woguo duiwai maoyi fazhan gaikuang yu zhengce” jianbao [“On the Situation and Policy of Foreign Trade Development of Our Country”, a brief report]. Retrieved May 6, 2020, from <https://www.trade.gov.tw/Pages/Detail.aspx?nodeID=4023&pid=675336> (In Chinese).

De Backer K., Miroudot S. (2013, December 19). Mapping Global Value Chains. *OECD Trade Policy Papers*, No. 159. OECD Publishing. Retrieved May 6, 2020, from https://www.oecd-ilibrary.org/trade/mapping-global-value-chains_5k3v1trgnbr4

Feigenbaum, Evan A. (2020, January 29). Future of Taiwan’s Economic Competitiveness. Assuring Taiwan’s Innovation Future. *Carnegie Endowment for International Peace*. Retrieved May 6, 2020, from <https://carnegieendowment.org/2020/01/29/assuring-taiwan-s-innovation-future-pub-80920>

Fitting, G. (1982). Export Processing Zones in Taiwan and the People’s Republic of China. *Asian Survey*, 22 (8), 732–744.

Fujitsu kenkyūjo (2019, November 30). *Chūgoku shijō kaitaku-ni okeru nittai kigyō araiansu-no yakuwari-wo saininshiki seyō* [Re-awareness of the Role of Japanese-Taiwanese Alliances in the Development of the Chinese Market]. Retrieved May 6, 2020, from <https://www.fujitsu.com/jp/group/fri/column/opinion/200911/2009-11-4.html> (In Japanese).

Genron NPO (2018, October 9). *Dai 14-kai nitchū kyōdō yoron chōsa* [The 14th Joint Japan-China Opinion Poll Survey]. Retrieved May 6, 2020, from <http://www.genron-npo.net/world/archives/7053.html> (In Japanese).

Itō, S. (2014). *Chūgoku-ni okeru nittai araiansu-no kiban to sono henka-no kanōsei* [The Basis for the Development of Japan-Taiwan Alliances in China and the Possibility of its Change]. *Keizai kagaku kenkyūjo*, 44, 91-108. Retrieved May 6, 2020, from <http://www.eco.nihon-u.ac.jp/center/economic/publication/journal/pdf/44/44-1-6.pdf> (In Japanese).

JETRO (2019, November 21). *2019 nendo Ajia, Oseania shinshutsu nikkei kigyō jittai chōsa* [2019 JETRO Survey on Business Conditions of Japanese Companies in Asia and Oceania] Retrieved May 6, 2020, from https://www.jetro.go.jp/ext_images/_Reports/01/962bd5486c455256/20191121.pdf (In Japanese).

JETRO (2020, May 7). *Shingata koronairusu kansenshō-no ryūkō kaku-dai-de hirogaru tōshi kisei gekikakuka-no ugoki* [Tightening of Foreign Direct Investment Regulation in Connection with the Spread of the New Coronavirus]. Retrieved May 6, 2020, from <https://www.jetro.go.jp/biz/areareports/2020/8b7797610ac5589f.html> (In Japanese).

Kaigai shinshutsu kigyō sōran [A Comprehensive Survey of Firms Overseas]. (1992). Tōyō keizai. (In Japanese).

Kaigai shinshutsu kigyō sōran [A Comprehensive Survey of Firms Overseas]. (2001). Tōyō keizai. (In Japanese).

Kaku, Y. & Kakuta, O. (Eds.) (2014). *Chūgoku shijō to nitchūtai bijinesu araiansu* [Chinese Market and Business Alliances between Japan, China, and Taiwan]. Bunshindō. (In Japanese).

Keck, J. (1976). Japan's Direct Investment in South East Asia. *Interconomics*, 9, 255–259.

Kyūzō-suru nihon kigyō-no “Taiwan katsuyō-gata tai-chū tōshi”. Chūgou-wo butai-to shita nitchū kigyō kan-no «keiei shigen-no yūisei» hokan-no kōzō [Rapid Growth of “Investment <of Japanese Business> in China Using Taiwanese Companies”. The Complementarity of Management Resources of Japanese and Taiwanese Companies in China] (2005). *Mizuho sōkenronshū*, No. 3. Retrieved May 6, 2020, from <https://www.mizuho-ri.co.jp/publication/research/pdf/argument/mron0503-3.pdf> (In Japanese).

Larin, A. G. (2011). Tayvan'skaya modernizatsiya na fone rossiyskoy i kitayskoy [Taiwanese Modernization as Compared to Russian and Chinese]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 12, 79–88. (In Russian).

Lebedeva, I. P. (2007). *Yaponiya: promyshlennost' i predprinimatel'stvo* [Japan: Industry and Entrepreneurship]. Vostochnaya literatura. (In Russian).

Matsui, Y. (1999). *1998 nen zai-tai nikkei kigyō katsudō jittai chōsa* [Survey of the Real State of Activity of Japanese Companies in Taiwan in 1998]. Kōryūkyōkai. (In Japanese).

Ministry of Economic Affairs, R.O.C (1985). *Statistics on Overseas Chinese & Foreign Investment, Technical Cooperation, Outward Investment, Outward Technical Cooperation, Investment Commission*.

Ministry of Science and Technology (2019.) *Taiwan Science and Technology Roadmap (2019–2022). Creating Taiwan's Competitive Advantage and Maintaining Global Leading Position in Innovation*. Retrieved May 6, 2020, from <https://www.most.gov.tw/most/attachments/80ff16e8-2653-43b7-8a66-8080107c90a5>

Mizuho Research Institute (2020, January). *Taiwan tōshi kankyō* [Investment Climate in Taiwan]. Retrieved May 6, 2020, from https://www.mizuho-bank.co.jp/corporate/world/info/investment_environment/pdf/taiwan.pdf (In Japanese).

Nebashi, R. (2016). Taiwan kigyō-ni yoru shinkō shijō-no inobēshon senryaku [Taiwan Companies' Innovation Strategy on Emerging Markets]. *Nihon*

Taiwan Kōryūkai, 898, 9–17. Retrieved May 6, 2020, from https://www.koryu.or.jp/Portals/0/images/publications/magazine/2016/1/201601_03.pdf (In Japanese).

Nihon Taiwan Kōryūkyōkai (n.d.) *Taiwan-ni okeru tai-nichi yoron chōsa* [Opinion Poll on Attitude toward Japan in Taiwan]. Retrieved May 6, 2020, from <https://www.koryu.or.jp/business/poll/> (In Japanese).

Nishikawa, J. (1991). The Up-Grading of the Japanese Industrial Structure and Overseas Investment. *Waseda Economic Papers*, 30, 37–52.

Ōshiro, A. (2010). *Taiwan nikkei kigyō-no “nihon-teki keiei”* [“Japanese Management” in Enterprises with Japanese Capital in Taiwan]. Sōseisha. (In Japanese).

Perminova, V. A. (2014). Yaponskoye i kitayskoye upravleniye na Tayvane: kogda zakonchilos’ kolonial’noye upravleniye ostrovom? [Japanese and Chinese Rule in Taiwan: When Did the Colonial Rule of the Island End?]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye*, 1, 210–218. (In Russian).

Perminova, V. A. (2015). “Yaponskiy faktor” modernizatsii Tayvanya [Japanese Factor of Taiwan’s Modernization]. *Problemy dal’nego Vostoka*, 6, 64–70. (In Russian).

Shu, En. (2004, September). *Chūgoku bijinesu-ni okeru nitchū kigyō araisu: nihon kigyō wa taichū tōshi-ni taiwan kigyō-wo katsuyō subeki* [Alliances of Japanese and Taiwanese Companies in China: Japanese Companies Should Use Taiwanese when Investing in China]. Fujitsu Research Institute Report. Retrieved May 6, 2020, from <http://jp.fujitsu.com/group/fri/downloads/report/research/2004/report207.pdf> (In Japanese).

Taiwan Affairs Office of the State Council PRC (2020). *Zhonghua renmin gongheguo Taiwan tongbao touzi baohufa* [Investment Protection Law of Taiwanese Compatriots in PRC]. Retrieved May 6, 2020, from http://www.gwytb.gov.cn/tbqy/protect/law/202004/t20200416_12266007.htm (In Chinese).

Taiwan Affairs Office of the State Council PRC (2011, January 23). *Zhonghua renmin gongheguo Taiwan tongbao touzi baohufa shishi xize* [Implementing Regulations of the Investment Protection Law of Taiwanese Compatriots in PRC]. Retrieved May 6, 2020, from http://www.gwytb.gov.cn/gjstfg/jjfl/touzi/201101/t20110123_1724092.htm (In Chinese).

Taiwan diqu yu dalu diqu renmin guanxi tiaoli [Regulation Governing Relations between the Peoples of Taiwan and Mainland China]. *Laws & Regulations Database of the Republic of China*. <https://law.moj.gov.tw/LawClass/LawAll.aspx?PCode=Q0010001> (In Chinese).

Taiwan MOEA, Investment Commission (n.d.) *Hezhun huaqiao ji waiguo-ren touzi fenqu tongjibiao* [Statistics of Approved Investment by Huaqiao and Foreign Investors by Source of Capital]. Retrieved May 6, 2020, from https://www.moeaic.gov.tw/news.view?do=data&id=1312&lang=en&type=business_ann (In Chinese).

Taiwan-no “sangyō kūdōka” mondai to Taiwan Keizai-no shinro [The Problem of De-Industrialization in Taiwan’s Industry and the Development Path of the Taiwanese Economy] (2004). *Mizuho sōkenronshū*, 2. Retrieved May 6, 2020, from <https://www.mizuho-ri.co.jp/publication/research/pdf/argument/mron0402-2.pdf> (In Japanese).

Takano, K. et. al. (1999). *Higashi Ajia chiiki-no keizai katsudō-ni okeru nihon kigyō-no keiei oyobi kin’yū-teki yakuwari. Taiwan keizai to nihon kigyō-no yakuwari* [Managerial and Financial Role of Japanese Companies in Economic Processes in East Asia. Taiwanese Economy and the Role of Japanese Companies]. Takachiho shōka daigaku sōgōkenkyūjo [Research Institute of the Takachiho University of Commerce]. (In Japanese).

The State Council, The People’s Republic of China (2012, April 20). *Guli taiwan tongbao touzi de guiding* [Taiwan Compatriots Investment Promotion Regulation]. Retrieved May 6, 2020, from http://www.gov.cn/zhengce/content/2012-04/20/content_5101.htm (In Chinese).

Yushutsu kakōku [Export-processing Zones], *Invest Taiwan*. <https://invest-taiwan.nat.gov.tw/showPagejpn249?lang=jpn&search=249> (In Japanese).

Япония в региональной интеграции: вызовы, задачи и перспективы

Я. В. Мищенко

Аннотация. Интеграционные процессы способны смягчить разнообразные вызовы и риски глобализации. Они помогают странам сплачивать экономики для совместного противостояния экономическим и финансовым кризисам, объединять усилия для решения глобальных проблем, с которыми сложнее справиться поодиночке даже самым крупным и экономически мощным государствам. Интеграционные процессы способствуют либерализации торгово-экономических отношений между странами, снятию протекционистских барьеров и облегчению свободной торговли. Япония с ее традиционно гораздо более закрытыми рынками, чем во многих других экономически развитых странах, долгое время к участию в интеграционных процессах относилась с большой осторожностью. Обладая широким спектром хорошо налаженных международных экономических связей, страна не спешила отказываться от некоторых мер протекционистской защиты внутреннего рынка. Однако в XXI в. все более отчетливо проявляется тенденция к ее более активному участию в различных форматах интеграционных процессов в Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Цель данной статьи — рассмотреть интеграционные соглашения «нового поколения» в регионе (Транстихоокеанское партнерство (ТТП), Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), выросшее из многостороннего формата взаимодействия Японии и АСЕАН — АСЕАН + 6), а также роль в них Японии. В статье анализируется степень вовлеченности Японии в эти форматы регионального сотрудничества, основные мотивы ее участия в них, а также предпринимается попытка определить, чем обусловлена активизация деятельности Японии в настоящее время — стремлением поддержать тенденцию регионализма или интересом к участию в интеграционных процессах. Исследуется процесс развития проекта ВРЭП в последние годы и отношение Японии к этому вопросу. Анализируется роль, которую Япония сыграла в сохранении ТТП после выхода США из партнерства.

Проводится анализ торгово-инвестиционного сотрудничества Японии со странами — участниками ТТП в период с 2017 по 2019 г.

Ключевые слова: Япония, Восточная Азия, Транстихоокеанское партнерство (ТТП), Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), АСЕАН, Китай, США.

Автор: Мищенко Яна Вадимовна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, Россия, 117997 Москва, Нахимовский проспект, д. 32; старший преподаватель МГУ им. М. В. Ломоносова.

E-mail: yanamischenko@gmail.com

Japan in Regional Integration: Problems, Challenges, and Prospects

Ya. V. Mishchenko

Abstract. The integration processes can alleviate a variety of challenges and risks of globalization. They help countries to consolidate their economies for jointly confronting the economic and financial crises and to join forces for solving global problems that are practically unsolvable alone, even for the largest and most economically powerful states. Integration processes contribute to the liberalization of trade and economic relations between states, to the removal of protectionist barriers, and to the facilitation of free trade. Japan, with its traditionally closed markets compared to other economically developed countries, has continuously treated the issue of participation in integration processes with great caution. Possessing a wide spectrum of well-established international economic relations, the country was in no hurry to abandon some protectionist measures. However, in the 21st century, a new trend is becoming more evident, that is, Japan's more active participation in various formats of integration processes in the East Asia and the Asia-Pacific region.

The purpose of this paper is to address the issue of “the new generation” integration agreements in the region (Trans-Pacific Partnership and Regional Comprehensive Economic Partnership, which evolved from ASEAN + 6, a multilateral format of interaction between Japan and ASEAN), and the role of Japan in the process of their formation. The article analyzes the degree of Japan's involvement in these heterogenic formats of regional cooperation, and its main motives for participation. The author attempts to ascertain whether Japan's growing activities could be attributed to its interest in supporting regionalism

or to its aspiration to self-involvement in the integration processes. The article examines the process of development of the RCEP project in recent years and Japan's attitude to this issue. The author tries to characterize the role played by Japan in maintaining the TPP after the US withdrawal from the Partnership and to analyze trade and investment cooperation of Japan with the TPP member countries in 2017-2019.

Keywords: Japan, East Asia, Trans-Pacific Partnership (TPP), Comprehensive Regional Economic Partnership (RCEP), ASEAN, China, USA.

Author: *Mishchenko, Yana V.*, PhD in Economics, Senior Researcher of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia, 117997, Nakhimovsky avenue, 32; Senior Lecturer of Lomonosov Moscow State University.

E-mail: yanamishchenko@gmail.com

Введение

В условиях экономической глобализации для ускорения развития и большего вовлечения в систему мирохозяйственных связей страны участвуют в деятельности международных организаций и в интеграционных объединениях. Япония, третья по объему ВВП экономика мира и один из признанных «центров силы», до недавнего времени не слишком активно участвовала в интеграционных процессах в Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Отчасти это было обусловлено логикой региональных интеграционных процессов: в Восточной Азии более полувека существует АСЕАН — стабильное и подтвердившее с течением времени свою жизнеспособность и эффективность интеграционное объединение десяти стран Юго-Восточной Азии, тогда как государства Северо-Восточной Азии к интеграции не стремились. КНР фокусировала внимание на создании Большого Китая через интегрирование Тайваня и прочих территорий; Южная и Северная Корея по-прежнему далеки от объединения; Япония к региональной интеграции по классическому европейскому образцу особого интереса не выказывала. Однако в XXI в. Япония демонстрирует иное отношение к вопросу интеграционного взаимодействия в регионе, пробуя различные диалоговые форматы укрепления связей, заключая соглашения о свободной торговле и, наконец, обозначая свое участие в таких масштабных проектах нового поколения, как Транстихоокеанское партнерство (ТТП) и Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП).

В данной статье предпринимается попытка ответить на следующие вопросы: почему на рубеже XX и XXI вв. изменилось отношение Токио к вопросу участия страны в интеграционных форматах в регионе; каковы были ключевые факторы заинтересованности Японии в ТТП и каковы результаты первых двух лет ее участия в этом проекте; каковы интересы Японии в контексте участия во ВРЭП и могут ли они противоречить роли страны в ТТП; мотив ли регионализма или подлинное стремление к интеграции служит движущей силой участия Японии в интеграционных соглашениях нового поколения.

В статье использованы такие методы исследования, как статистический анализ, анализ временных рядов, а также контент-анализ. Использованы материалы полевого исследования — беседы автора с руководством московского представительства японской Организации внешней торговли JETRO. Фактологической базой исследования послужили материалы JETRO, статистические данные Министерства внутренних дел и коммуникаций Японии, а также материалы официальных СМИ, в том числе японских.

Участие Японии в ТТП: противоречия, задачи, результаты

Более двух лет прошло с тех пор, как 8 марта 2018 г. было подписано Соглашение о создании Всеобъемлющего прогрессивного Транстихоокеанского партнерства. Новое соглашение заменило предыдущее Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве — преференциальное торговое соглашение 12 стран Азиатско-Тихоокеанского региона, лидером которого были Соединенные Штаты. В первоначальном варианте Соглашение о ТТП охватывало страны, суммарный ВВП которых составлял 40% мирового, без участия США — порядка 13% [Sherwood, Iturrieta 2018]. Несмотря на неучастие Вашингтона в ТТП, это все же одно из крупнейших в мире трансрегиональных партнерств, нацеленных на либерализацию и открытие рынков, экономическую интеграцию и международное сотрудничество. ТТП стало одним из самых значимых соглашений современности в экономической и геополитической сфере. В Японии его называли «знаковым соглашением для будущего Японии и всего Азиатско-Тихоокеанского региона» [Kyodo News 2018]. Оно ставило амбициозную задачу — заложить основы для формирования всеобъемлющей

Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли, которая теоретически, при благоприятном развитии, могла бы расшириться и охватить все страны региона. ТТП нацелено на сокращение торговых тарифов в региональной торговле (усредненный уровень применяемых тарифов не превышал 10%). При успешной реализации проекта он мог бы эволюционировать в создание в Тихоокеанском регионе единого рынка наподобие европейского. Партнерство позиционируется как стратегическое, всеобъемлющее интеграционное соглашение нового поколения.

Несмотря на масштабный замысел ТТП, власти Японии около шести лет сомневались в целесообразности своего участия в нем. В то время как представитель США по внешней торговле Рон Кёрк заявлял, что «заинтересованность Японии в ТТП демонстрирует экономическую и стратегическую значимость инициативы» [Востьянова и др. 2015], страну терзали острые противоречия по этому вопросу. Представители промышленных кругов выступали в поддержку ТТП: продукция промышленности, особенно автомобилестроения, доминирует в японском экспорте, так что перспектива расширения экспортных возможностей представлялась весьма заманчивой. Представители аграрного сектора опасались наплыва более дешевой сельскохозяйственной продукции, и им отказ от мер протекционистской защиты внутреннего рынка казался очень рискованным. В 2013 г. Япония приняла решение вступить в переговоры о формировании ТТП. Весомую роль в принятии этого решения сыграла возможность заключить наконец соглашение о свободной торговле с США. Примечательно, что, будучи стратегическими партнерами уже не одно десятилетие, США и Япония на момент переговоров о создании ТТП имели соглашения о свободной торговле с большинством остальных стран-участниц, но не между собой. В 2016 г. 12 стран АТР (США, Япония, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Мексика, Перу, Чили, Малайзия, Бруней, Сингапур, Вьетнам) заключили Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве.

Уже в январе 2017 г. проект ТТП оказался под угрозой срыва из-за выхода США — основной его движущей силы и крупнейшей экономики — из состава участников. Первоначально власти Японии, казалось, растерялись. Заместитель главы правительства Японии Хагидуа Коити заявил, что Япония попытается убедить США вернуться к участию в соглашении и таким образом спасти его, так как ТТП без США

бессмысленно. Япония не рассматривает участие в проекте в составе 11 стран [The Japan Times 2017]. Будучи неожиданно поставленной перед фактом «дезертирства» США из проекта, Япония действительно оказалась в непростой ситуации. Снова ускользала возможность заключить соглашение о свободной торговле с США — по сути, это был основной мотив присоединения Японии к проекту. Да и сама масштабная международная инициатива президентства Барака Обамы рисковала не быть реализованной вовсе: другие страны-участницы могли последовать примеру США и покинуть проект. С января по апрель 2017 г. Япония взвешивала ситуацию и наконец волевым решением взяла на себя лидерство в этой новой, только формирующейся интеграционной структуре. Некоторое время назад в беседе с автором этой статьи о перспективах участия Японии в ТТП заместитель главы московского представительства японской организации по развитию внешней торговли JETRO Асамото Куния высказал следующую мысль. Несмотря на то, что более свободный доступ на американский рынок, на который рассчитывали японские компании, они ввиду выхода США из ТТП не получают, соглашение в составе 11 стран не будет для Японии невыгодным. Потому что не будет нарушен баланс интересов, на который в Японии рассчитывали — с учетом перспектив расширения присутствия японских промышленных компаний на американском рынке в обмен на некоторые уступки в области импорта продовольственных товаров.

Заключить соглашение о свободной торговле с США Японии все же удалось в сентябре 2019 г. Однако это было трудное соглашение, и японская сторона пошла на определенные компромиссы для его достижения под давлением напористой переговорной позиции Дональда Трампа, администрация которого намекала, что американская сторона может повысить пошлины на японские автомобили и сделать ситуацию для японских экспортеров менее выгодной, чем она была на момент переговоров. Япония согласилась открыть рынок для американской сельскохозяйственной продукции, было заключено соглашение о цифровой торговле, однако ликвидировать торговые пошлины на японские автомобили пока не удалось, и в Токио заявили, что будут стремиться к заключению более всеобъемлющего торгового соглашения с Вашингтоном. Таким образом, осознав, что президента Трампа не удастся убедить вернуть США в ТТП, Япония пошла на заключение с Вашингтоном торгового соглашения за пределами проекта.

Выход США из проекта породил среди остальных участников дискуссии о дальнейших направлениях его развития. Вьетнам захотел пересмотреть согласованные критерии регулирования трудовых прав и интеллектуальной собственности. Предложение пересмотреть положения по сетевым моделям передачи данных IP и фармацевтической информации поддержали Новая Зеландия и Япония. Новая Зеландия, в свою очередь, стала настаивать на пересмотре вопроса о либерализации инвестиций в жилую недвижимость, угрожая даже выйти из партнерства, если ее национальные интересы не будут учтены [Мищенко 2018, с. 43]. К встрече во время проведения саммита АТЭС во Вьетнаме стороны договорились исключить из нового соглашения 20 согласованных ранее положений, 11 из которых относились к интеллектуальной собственности [Nikkei Asian Review 2017].

Вступление соглашения в силу было намечено на 2019 г., и за это время стороны решили сменить название будущего объединения на Всеобъемлющее прогрессивное Транстихоокеанское партнерство, подчеркнув, что соглашение будет охватывать множество областей — и торговлю, и инвестиции, и защиту интеллектуальной собственности. Кроме того, делался акцент на его передовом характере. 30 декабря 2018 г. соглашение о новом ТТП вступило в силу, а 19 января 2019 г. в Токио состоялось первое заседание Транстихоокеанского партнерства на уровне министров. На нем был провозглашен курс на расширение организации, укрепление правил свободной торговли. Итоговая декларация, принятая 11 странами-участницами, выражала озабоченность повышением таможенных тарифов США и КНР и призывала к приверженности правилам открытой торговли. Кроме того, было заявлено, что «ТТП открыто для всех стран, которые выражают желание соответствовать его высокому уровню» (на данном этапе серьезный интерес к участию проявляет Таиланд) [РИА Новости 2019].

С момента подписания соглашения о ТТП прошло два года, с момента его вступления в силу — около полутора лет. Это короткий срок, однако не один год до этого стороны вели переговоры о партнерстве, оценивали возможности адаптации своих экономик к членству в нем и пытались заранее просчитать риски и выгоды от участия в проекте. Уже сейчас целесообразно провести анализ имеющихся статистических данных о состоянии торгово-инвестиционного сотрудничества сторон и попытаться ответить на вопрос, проявились

ли уже первые эффекты для Японии от более ее тесной, уже официально и документально закреплённой интеграции со странами — партнерами по проекту.

Таблица 1. Торговля Японии со странами — участницами ТТП и в регионе Восточной Азии, 2017–2019 гг., млрд долл.

Страна	2017 г.		2018 г.		2019 г.	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
Канада	9,58	10,9	9,3	11,7	8,8	11,8
Мексика	11,2	5,7	11,6	6,3	10,6	5,9
Перу	0,7	2,08	0,7	2,38	0,7	2,45
Чили	1,7	6,5	1,9	7,2	2,04	6,6
Австралия	15,9	38,8	17,1	45,7	14,49	45,46
Новая Зеландия	2,46	2,47	2,61	2,65	2,3	2,6
Малайзия	12,7	19,2	13,9	18,9	13,29	17,65
Бруней	0,84	1,7	0,99	2,3	0,13	2,4
Сингапур	22,6	8,5	23,4	9,7	20,1	7,8
Вьетнам	15,03	18,5	16,4	21,1	16,49	22,48
АСЕАН	105,7	102,7	114,3	112,1	106,2	107,8
КНР	132,6	164,2	143,9	173,5	134,69	169,26
США	134,59	72,03	140,04	81,5	139,8	79,2
Восточная Азия	367,5	322,2	387,8	347,07	363,8	335,59

Составлено по: [JETRO 2020]

Данные, представленные в табл. 1, показывают, что увеличились объёмы торговли Японии с КНР (которая не является участником ТТП) и с США (которые вышли из проекта, однако в сентябре 2019 г. подписали с Японией торговое соглашение). Возросли объёмы

импорта в Японию из Канады, Перу, Австралии, Брунея. А вот экспорт из Японии в ряде случаев даже сократился (Канада, Мексика, Австралия, Бруней, Сингапур). При этом данные показывают общий рост торгового оборота в 2018 г. и снижение его в 2019-м, однако именно в 2019 г. новое соглашение о ТТП официально вступило в силу. Можно предположить, что в 2019 г. имело место изменение рыночной конъюнктуры, которая способствовала сокращению ряда показателей торговли Японии со странами — партнерами по ТТП, однако новое соглашение не смогло нивелировать отрицательную динамику. Возможно, ожидания от его эффекта оказались несколько завышенными.

Основываясь на анализе первых доступных статистических данных, можно сделать вывод, что вступление ТТП в силу, во-первых, не привело к резкому увеличению торгового оборота между Японией и странами — участницами проекта, в ряде случаев этот показатель даже снизился и совместное членство в проекте не смогло этого предотвратить. Во-вторых, намечилось увеличение стоимостных объемов импорта в Японию из ряда стран — партнеров по ТТП и некоторое сокращение объемов экспорта. Означает ли это, что Япония открыла свои рынки для стран-партнеров и наблюдаются первые признаки увеличения их импорта на японский рынок? Вероятно, да. Логично было бы предположить «взаимность» этого процесса — что эти страны тоже открыли свои рынки для японского экспорта, однако, как показывает статистика, пока проявился обратный процесс. Насколько устойчив этот тренд, на данный момент определить трудно, так как для этого нужно анализировать более продолжительные временные ряды данных.

Проанализируем также динамику инвестиционного сотрудничества Японии со странами — участницами проекта в 2017–2019 гг. (табл. 2).

Данные табл. 2 показывают, что прямые иностранные инвестиции (ПИИ) Японии в Канаду увеличились примерно в четыре раза; почти вдвое увеличились инвестиции в экономику Австралии, примерно в полтора раза выросли японские ПИИ в Сингапур, несколько возросли инвестиции во Вьетнам. Однако есть и обратные показатели: почти наполовину сократились японские ПИИ в экономику Малайзии, произошло также сокращение японских капиталовложений в экономику Мексики и Новой Зеландии.

Таблица. 2. Инвестиционное сотрудничество Японии со странами — участницами ТТП и в регионе Восточной Азии, 2017–2019 гг., млрд долл.

Страна	2017 г.		2018 г.		2019 г.	
	Исходящие ПИИ	Входящие ПИИ	Исходящие ПИИ	Входящие ПИИ	Исходящие ПИИ	Входящие ПИИ
Канада	0,8	–0,05	2,7	0,08	3,38	0,1
Мексика	1,3	–0,01	1,29	0	1	0,3
Австралия	4,47	0,24	3,2	1,2	11,3	0,4
Новая Зеландия	0,35	–0,03	0,35	0,01	0,27	0
Малайзия	1,07	–0,18	1,19	0,08	0,6	0,4
Сингапур	9,59	3,17	16,5	–0,6	15,6	1,45
Вьетнам	2,02	—	1,9	—	2,5	—
АСЕАН	22,56	2,9	31,27	0,7	34,7	3
КНР	12,7	0,99	11,9	0,8	14,37	1,9
США	47,9	5,9	17,18	5,8	48,26	14,4

Составлено по: [Statistic Bureau of Japan 2020]

Что касается «входящих» ПИИ в экономику Японии, то страны, у которых они составляли отрицательные значения, исправили этот показатель в сторону относительно небольшого, но все же положительного значения; при этом примерно вдвое сократились инвестиции из Сингапура. Однако эти изменения следует оценивать с осторожностью, потому что рассматриваемый отрезок времени слишком мал, а статистика инвестиционной активности во многих случаях отражает капиталовложения в какие-либо конкретные крупные инвестиционные проекты, и, если таковых в какой-то год не было, статистика это непременно отразит падением инвестиционных показателей. Так, в 2017 г. Япония инвестировала в экономику США почти 48 млрд долл., однако в 2018 г. этот показатель упал примерно до 17 млрд долл., а в 2019-м снова превысил 48 млрд долл. (табл. 2). Тем не менее, можно сделать вывод, что официальное формирование ТТП и вступление его в силу пока не принесло каких-то прорывных результатов в динамике

инвестиционного сотрудничества Японии с партнерами по проекту. Такие выводы заставляют уже сейчас задуматься, не останется ли ТТП просто формальностью, существующим лишь на бумаге интеграционным объединением, коих в мире насчитывается немало, но они не демонстрируют эффективности и жизнеспособности.

Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство: влияние на расстановку сил в регионе

Транстихоокеанское партнерство оказалось не единственным интеграционным соглашением нового поколения, зреющим в регионе. В самом сердце Восточной Азии практически одновременно стал формироваться еще один современный мегапроект экономического сотрудничества, либерализации торговых отношений и инвестиционных режимов — Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) в составе 16 стран-участниц: 10 стран АСЕАН, Китай, Япония, Южная Корея, Индия, Австралия, Новая Зеландия. С первого же взгляда на состав участников становится очевидно, что он идентичен формату АСЕАН + 6, который существует с 2005 г., когда в таком составе стали проводиться восточноазиатские саммиты. Действительно, ВРЭП сформировался вокруг стран АСЕАН и шести государств, с которыми у ассоциации подписаны соглашения о свободной торговле.

В 2012 г. по инициативе стран АСЕАН началось создание ВРЭП — с целью стимулировать развитие торговли между АСЕАН и шестью представленными в проекте странами. Новые импульсы к развитию, связанные с активизацией роли в нем Китая, это объединение получило в связи с тем, что ТТП все больше воспринималось как проект определенной антикитайской направленности — ведь Пекин не пригласили присоединиться к нему. На этот счет выдвигались разные доводы, в том числе что Китай, сфокусированный на максимизации показателей собственного экономического роста, не готов к столь значительному снижению торговых барьеров, как того требует участие в ТТП. Можно также предположить, что Вашингтон просто не хотел способствовать нахождению Китая в гуще важнейших региональных инициатив, учитывая, что и без того географически Китай расположен в самом сердце Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона, тогда как США — на его периферии.

Активизация деятельности по продвижению ВРЭП стала ответом Пекина на антикитайскую инициативу Вашингтона. Причем ряд стран, в том числе Япония, обозначены как участники обоих проектов — и ВРЭП, и ТТП (рис. 1).

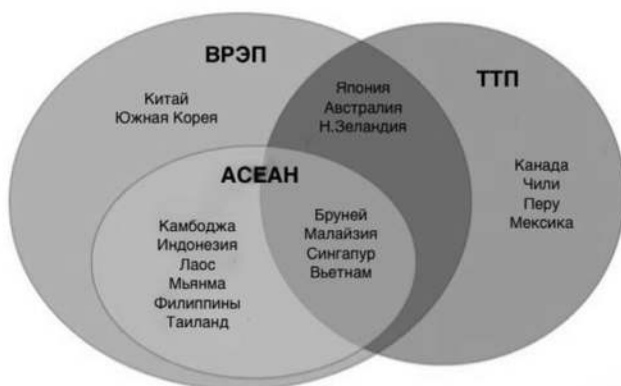

Рис. 1. Конфигурация современных торговых соглашений
в Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе
Составлено по: [CNBC 2019]

Как показано на рис. 1, состав участников ВРЭП покинула Индия. Власти страны решили, что участие в этом соглашении может нанести ущерб внутренним производителям. Как и в случае с выходом из ТТП Соединенных Штатов, Япония без энтузиазма восприняла новость об уходе Индии из соглашения, так как, во-первых, считала эту страну — третью крупнейшую экономику Азии — важным игроком на рынках региона, а во-вторых, рассматривала Дели как сильный противовес Пекину. Без Индии, учитывая важность этой страны в регионе, проект будет несколько менее значимым и масштабным, но, возможно, его удастся быстрее согласовать.

Таким образом, ВРЭП, потеряв участника из Южной Азии, осталось торговым соглашением стран Азиатско-Тихоокеанского бассейна, что также в определенной степени подчеркивает мотив регионализма как основу этого объединения. Оставшиеся 15 стран блока суммарно охватывают примерно одну треть мирового населения и мирового ВВП. Это больше, чем такие значимые региональные блоки, как ЕС или НАФТА [CNBC 2019].

Таблица. 3. Система действующих торговых соглашений
между странами проекта ВРЭП

	АСЕАН	Австра- лия	КНР	Ин- дия	Япо- ния	Новая Зеландия	Юж- ная Корея
АСЕАН		Да, с Но- вой Зе- ландией	Да	Да	Да	Да, трехсто- роннее с Австра- лией	Да
Австра- лия	Да, трех- стороннее с Новой Зеландией		Да	Нет	Да	Да	Да
КНР	Да	Да		Нет	Нет	Да	Да
Индия	Да	Нет	Нет		Да	Нет	Да
Япония	Да	Да	Нет	Да		Нет	Нет
Новая Зелан- дия	Да, трех- стороннее с Австра- лией	Да	Да	Нет	Нет		Да
Южная Корея	Да	Да	Да	Да	Нет	Да	

Составлено по: [CNBC 2019]

Табл. 3 отражает систему действующих договоров о свободной торговле между странами, участвовавшими в создании ВРЭП. Из таблицы видно, что большинство из них уже были связаны такими договоренностями, и план создать Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство прежде всего подразумевал создание перекрестной системы соглашений о свободной торговле между всеми странами региона, с полным его охватом. Если раньше торговые договоренности заключались сугубо на двусторонней основе и потому, возможно, несколько хаотично и бессистемно, в формате ВРЭП планировалось полностью систематизировать эти двусторонние переговорные и интеграционные процессы. Эту инициативу

можно рассматривать как попытку перейти от этапа так называемой разноскоростной интеграции, когда каждая страна региона в разные периоды времени оказывается готова к снижению торговых барьеров с партнерами, к полноформатному и систематизированному интеграционному процессу. Объединение усилий стран в рамках ВРЭП призвано способствовать развитию торговли между ними посредством снижения торговых тарифов, стандартизации таможенных правил и процедур и расширения доступа на рынки стран-участниц.

В 2013 г. одновременно с переговорами по ТТП начались переговоры о создании ВРЭП. Некоторое время, учитывая участие США в первом соглашении, считалось, что оно имеет больше шансов быть реализованным. Однако в 2017 г. Дональд Трамп решил вывести страну из ТТП, а затем инициировал торговую войну с Китаем, от которой пострадали некоторые экспортеры из Азии. Эта ситуация подчеркнула необходимость как можно скорее создать ВРЭП как механизм, который позволит странам региона сообща противостоять протекционизму и экономическому национализму, то есть выбору, который сделала первая экономика мира.

Некоторые специалисты считают, что ВРЭП фокусируется прежде всего на торговле товарами и именно этот вид торговли может получить в рамках него самое активное развитие. При этом, в отличие от ТТП, это объединение уделяет не слишком много внимания таким аспектам, как защита прав трудящихся и соблюдение экологических стандартов [CNBC 2019]. Подписание соглашения о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве — крупнейшего в мире торгового соглашения — было запланировано на конец 2020 г. Однако в апреле 2020-го источник в японском правительстве сообщил, что из-за пандемии коронавируса Япония вынуждена затормозить переговорный процесс и, возможно, не сможет в этом году выйти на достижение соглашения [The Japan Times 2020]. Тем не менее, 15 ноября 2020 г. на полях онлайн саммита Ассоциации государств Юго-Восточной Азии соглашение о формировании крупнейшей в мире зоны свободной торговли ВРЭП все же было подписано пятнадцатью странами, в том числе и Японией.

Заключение

В XXI в. в Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе стали развиваться интеграционные процессы нового формата. В их основе лежит уже не «закрытый» регионализм, как это было в 1960–1970-е гг., когда в мире появились первые современные интеграционные блоки, включая АСЕАН, а «открытый регионализм». Новые образования носят трансрегиональный характер, объединяя страны из разных регионов и с разных континентов в их стремлении создать максимально обширную зону свободной торговли и инвестиционного сотрудничества. Всеобъемлющее прогрессивное Транстихоокеанское партнерство и Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство — это два именно таких мегапроекта, в которых участвует Япония. Они призваны определять и формулировать новые правила ведения бизнеса в регионе, и потому ни от одного из них Япония не может и не считает правильным отгородиться. В их формировании, когда в ТТП еще участвовали и лидировали США, был заложен определенный риск раскола региона на две крупные экономические зоны, с огромным потенциалом конкуренции друг с другом. Однако выход США из проекта во многом нивелировал этот риск. Хотя Япония была бы не против видеть, например, Индию как противовес влиянию Китая во ВРЭП, тем не менее, очевидно, что целью ее участия в этих проектах является получение преимуществ от полномасштабной либерализации торгово-экономических отношений, вне зависимости от состава их участников. Эти проекты призваны способствовать преодолению «разноскоростной» интеграции, признаки которой ранее можно было повсеместно наблюдать в регионе, и сделать интеграционные процессы более систематизированными и упорядоченными.

Соглашение ВРЭП подписано 15 ноября 2020 г. тогда как соглашение о ТТП действует уже полтора года. Анализ динамики торгово-инвестиционного сотрудничества Японии с партнерами по проекту за это время не выявил существенного возрастания торговых или инвестиционных потоков между ними. Результат ли это влияния рыночной конъюнктуры или же проект пока не приносит Японии ожидаемого экономического эффекта и отдачи — достоверно судить об этом можно будет только на основании анализа более длинных статистических рядов. С большой долей вероятности можно утверж-

дать также, что глобальная пандемия коронавирусной инфекции в 2020 г. негативно отразится на динамике экономических связей стран-участников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Востьянова и др. 2015 — Востьянова В. П., Духанина Н. А., Троякова Т. Г. Япония выбирает Транс-Тихоокеанское партнерство. *Фундаментальные исследования*. 2015. № 12 (ч. 2). С. 366-370. <https://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=39421> (дата обращения: 20.05.2020).

Мищенко 2018 — Мищенко Я. В. Соглашение о всеобъемлющем прогрессивном партнерстве подписано. Япония — новый лидер? *Международная экономика*. 2018. № 5. С. 38–45.

РИА Новости 2019 — Участники Транстихоокеанского партнерства приняли итоговую декларацию. *РИА Новости*. 19.01.2019. <https://ria.ru/20190119/1549603136.html> (дата обращения: 06.05.2020).

CNBC 2019 — The world's largest trade deal could be signed in 2020 — and the US isn't in it. *CNBC*, November 12, 2019. <https://www.cnb.com/2019/11/12/what-is-rcep-asia-pacific-trade-deal-slanted-to-be-worlds-largest-fta.html> (дата обращения: 19.05.2020).

JETRO 2020 — Japanese Trade and Investment Statistics. *JETRO*. 2020. <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html> (дата обращения: 04.04.2020).

Kyodo News 2018 — 11 TPP countries to sign pact without U. S. in March in Chile. *Kyodo News*. January 23, 2018. <https://english.kyodonews.net/news/2018/01/bedcf57838ca-urgent-11-tpp-countries-to-sign-pact-without-us-in-march-in-chile.html> (дата обращения: 20.05.2020).

Nikkei Asian Review 2017 — TPP 11 nations reach agreement in principle, to take effect by 2019. *Nikkei Asian Review*. November 11, 2017. <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Trump-s-Asian-visit/TPP-11-nations-reach-agreement-in-principle-to-take-effect-by-2019> (дата обращения: 21.05.2020).

Sherwood, Iturrieta 2018 — Sherwood, D., Iturrieta, F. Asia — Pacific nations sign sweeping trade deal without U. S. *Reuters*, March 08, 2018. <https://www.reuters.com/article/us-trade-tpp/asia-pacific-nations-sign-sweeping-trade-deal-without-u-s-idUSKCN1GK0JM> (дата обращения: 21.05.2020).

Statistics Bureau of Japan 2020 — Japan Statistical Yearbook. *Statistics Bureau of Japan*. 2020. <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/index.html> (дата обращения: 17.05.2020).

The Japan Times 2017 — Tokyo turns down Australian proposal for TTP without US, vows to keep pushing Trump. *The Japan Times*. January 24, 2017. <https://www.japantimes.co.jp/news/2017/01/24/national/politics-diplomacy/tokyo-turns-australian-proposal-tpp-without-u-s-vows-keep-pushing-trump/> (дата обращения: 21.05.2020).

The Japan Times 2020 — Pandemic may force Japan to give up on RCEP agreement for 2020. *The Japan Times*, April 19, 2020. <https://www.japan-times.co.jp/news/2020/04/19/business/coronavirus-pandemic-japan-give-up-rcep-trade-2020/> (дата обращения: 19.05.2020).

REFERENCES

11 TPP countries to sign pact without U. S. in March in Chile. (2018, January 23). Kyodo News. Retrieved May 20, 2020, from <https://english.kyodonews.net/news/2018/01/bedcf57838ca-urgent-11-tpp-countries-to-sign-pact-without-us-in-march-in-chile.html>

Mishchenko, Ya. V. (2018). Soglasheniye o vseob'yemlyushchem progressivnom partnerstve podpisano. Yaponiya — novyy lider? [The Agreement on Comprehensive Progressive Trans-Pacific Partnership Is Signed. Is Japan a New Leader?]. *Mezhdunarodnaya ekonomika*, 5, 38–45. (In Russian).

Pandemic may force Japan to give up on RCEP agreement for 2020 (2020, April 19). *The Japan Times*. Retrieved May 19, 2020, from <https://www.japan-times.co.jp/news/2020/04/19/business/coronavirus-pandemic-japan-give-up-rcep-trade-2020/>

Sherwood, D., & Iturrieta, F. (2018, March 08). *Asia Pacific nations sign sweeping trade deal without U. S.* Reuters. Retrieved May 21, 2020, from <https://www.reuters.com/article/us-trade-tpp/asia-pacific-nations-sign-sweeping-trade-deal-without-u-s-idUSKCN1GK0JM>

Statistics Bureau of Japan (2020). *Japan Statistical Yearbook 2020*. Retrieved May 20, 2020, from <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/69nenkan/index.html>

The world's largest trade deal could be signed in 2020 — and the US isn't in it (2019, November 12). CNBC. Retrieved May 19, 2020, from <https://www.cnbc.com/2019/11/12/what-is-rcep-asia-pacific-trade-deal-slated-to-be-worlds-largest-fta.html>

Tokyo turns down Australian proposal for TTP without US, vows to keep pushing Trump (2017, January 24). *The Japan Times*. Retrieved May 21, 2020, from <https://www.japantimes.co.jp/news/2017/01/24/national/>

politics-diplomacy/tokyo-turns-australian-proposal-tpp-without-u-s-vows-keep-pushing-trump/

TPP 11 nations reach agreement in principle, to take effect by 2019 (2017, November 11). *Nikkei Asian Review*. Retrieved May 21, 2020, from <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Trump-s-Asian-visit/TPP-11-nations-reach-agreement-in-principle-to-take-effect-by-2019>

Uchastniki Transtikhookeanskogo partnerstva prinyali itogovuyu deklaratsiyu [Trans-Pacific Partnership Members Adopted the Final Declaration] (2019, January 19). RIA Novosti. Retrieved May 19, 2020, from <https://ria.ru/20190119/1549603136.html> (In Russian).

Vostyanova, V. P., Duhanina, N. A., Troyakova, T. G. (2015). Yaponiya vybirayet Trans-Tikhookeanskoye partnerstvo [Japan Chooses Trans-Pacific Partnership], *Fundamentalniye issledovaniya*, 12 (part 2), 366-370. Retrieved May 20, 2020, from <https://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=39421> (In Russian).

Мегаполис Токио: прошлое, настоящее и будущее

З. А. Абачева

Аннотация. Статья посвящена проблеме конкурентоспособности токийского мегаполиса в глобальной экономике, то есть его привлекательности для ведения различных видов экономической деятельности и способности создать для всех представителей общества благоприятные жизненные условия. В статье рассматриваются особенности формирования Токио как мегаполиса, его роль в современной экономике Японии и положение на международной арене. Исследуется городская политика, проводимая Токийским столичным правительством, и степень ее соответствия цели устойчивого развития ООН № 11 — основе разработки стратегий современных городов, зафиксированной в ЦУР ООН и нацеленной на создание открытых, безопасных, жизнестойких и экологически устойчивых населенных пунктов.

Положительное миграционное сальдо и беспрецедентно быстрые темпы урбанизации стали причиной непрерывной концентрации экономических ресурсов и населения в Токио, что привело к стремительному росту значимости и роли города в национальной и мировой экономике. Для оценки привлекательности токийского мегаполиса в статье применяются международные рейтинги, составленные на основе индекса конкурентоспособности городов GPCI японского Института стратегий городского развития Мемориального фонда Мори и индекса безопасных городов SCI исследовательского центра The Economist Intelligence Unit. В статье рассматриваются две группы проблем, оказывающие влияние на общий уровень конкурентоспособности Токио. Первая группа связана с объективными причинами, связанными со сверхконцентрацией населения и экономической деятельности, вторая — с изменениями в социальной структуре Токио.

На основе анализа двух последних программных документов Токийского столичного правительства делается вывод, что приоритетными направлениями городской политики являются создание безопасного, многофункционального и «умного» мегаполиса Токио. Автор приходит к выводу, что новая

городская политика полностью соответствует концепции устойчивого развития и ЦУР ООН № 11.

Ключевые слова: Япония, Токио, мегалополис, конкурентоспособность, концепция устойчивого развития, цель устойчивого развития № 11, городская политика, Олимпийские игры.

Автор: Абачева Зарина Абулферзовна, стажер-исследователь Высшей школы экономики Университета Хитоцубаси, магистр Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова.

E-mail: dzarina48@gmail.com

Tokyo Megacity: Past, Present, and Future

Z. A. Abacheva

Abstract. The article is devoted to the problem of Tokyo megacity's competitiveness in the global economy, i.e. its attractiveness for hosting and conducting various types of economic activities, and its ability to provide all members of society with favorable living conditions. The article discusses the formation of Tokyo as a megacity, its role in the economy of contemporary Japan, and its position in the international coordinate system. Under review is the city development policy pursued by the Tokyo Metropolitan Government, which is accessed by its compliance with the UN Sustainable Development Goal (SDG) No. 11. This goal, aimed at creating inclusive, safe, resilient, and sustainable human settlements, serves as a basis for the development strategies of all modern cities.

Permanent migration in-flow processes and an unprecedentedly high pace of urbanization ignited continuous concentration of population and economic resources in Tokyo. This, in turn, led to a rapidly growing role of the city in the national and global economies. In order to assess the attractiveness of the Tokyo megacity, this article applies international ratings based on the Global Power City Index (GPCI) conducted by the Mori Memorial Foundation's Institute for Urban Strategies and the Safe Cities Index (SCI) released by The Economist Intelligence Unit Research Center. The article discusses two groups of problems that affect Tokyo's overall competitiveness. The first group is associated with objective reasons related to the overconcentration of population and economic activity, and the second group is associated with changes in the social structure of Tokyo.

An analysis of the two latest program documents of the Tokyo Metropolitan Government shows that the priority goals of the urban policy are the creation of

a “safe”, “multifunctional”, and “smart” megacity of Tokyo. The author concludes that the new urban policy is fully consistent with the concept of sustainable development and the UN SDG No. 11.

Keywords: Japan, Tokyo, megacity, competitiveness, the concept of sustainable development, Sustainable Development Goal No. 11, urban policy, Olympic Games.

Author: *Abacheva Zarina A.*, research-student at Hitotsubashi University Graduate School of Economics, master student at The Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University.

Email: dzarina48@gmail.com

Введение

Беспрецедентный рост численности городского населения в мире в XX в. и процесс глобализации привели к трансформации пространственной организации мирового хозяйства, особенностью которой стало доминирование крупных городов и мегаполисов, что проявляется не только в увеличении их числа, но и в росте их экономической мощи. Согласно выводам исследовательской организации McKinsey Global Institute, современная экономика — это экономика городов: в результате процессов урбанизации уже в первом десятилетии XXI в. более половины мирового населения проживало в городах и на них же приходилось более 80% мирового ВВП. В таких условиях главными звеньями международной экономики становятся мегаполисы — большие города либо масштабные агломерации, состоящие из нескольких городов, численность населения которых превышает 10 млн человек [United Nations 2019, p. 55].

Современные мегаполисы, с одной стороны, образуют взаимосвязанную систему, а с другой — конкурируют между собой как внутри страны, так и на транснациональном уровне. В связи с этим в конце XX в. появилось такое понятие, как «конкурентоспособность мегаполиса». Эволюция этого понятия привела к тому, что на данном этапе его смысловая нагрузка приближается к понятиям «устойчивое развитие» и «инвестиционная привлекательность», то есть означает способность города привлечь человеческий капитал, финансы, информацию и проч., а также обеспечить всех представителей населения благоприятными условиями для жизнедеятельности и экономической активности.

Токийский мегалополис¹ — крупнейший и один из наиболее зрелых мегалополисов мира, он занимает центральное положение в экономико-территориальной структуре Японии, в связи с чем встает вопрос о поддержании его конкурентоспособности.

История формирования Токио как крупнейшего мегалополиса

В качестве одной из особенностей процесса роста городского населения в Японии в XX в. можно выделить беспрецедентно быстрый для того времени темп урбанизации, который сравним с аналогичными показателями многих современных азиатских мегалополисов. Для сравнения часто используется число лет, необходимых для роста уровня урбанизации до 50%. Согласно отчету Азиатского банка развития «Ключевые показатели для Азиатско-Тихоокеанского региона 2012 г.», в Латинской Америке и странах Карибского бассейна этот процесс длился 210 лет (с 10% в 1750 г. до 49,3% в 1960 г.), в странах Европы — 150 лет (с 12% в 1800 г. до 51,3% в 1950 г.), в Северной Америке — 105 лет (с 9% в 1825 г. до 51% в 1930 г.); (см. рис. 1). Среди развитых стран только Японии потребовалось всего 50 лет до достижения уровня урбанизации в 50% к 1970-м гг.

Начиная с первой половины XX в. наибольший приток населения приходился на Тихоокеанский промышленный пояс с центрами в городах Токио, Осака и Нагоя, в то время как в других частях страны наблюдался его отток. Важно отметить, что в первой трети XX в. лидирующее положение занимал промышленный район Хансин с центром в Осаке, население и удельный вес которой в экономике Японии были выше, чем у Токио. Доля числа заводов и фабрик в районе Хансин (19,1% от показателя по стране) была выше доли числа заводов в районе Кэйхин с центром в Токио (14%), а объем производства в Хансин составлял 26,7% от показателя всей страны, в то время как в Кэйхин — только 18,3% [Тимонина 2002, с. 26, 282].

Следует обратить внимание на различия в отраслевой структуре центров Кэйхин и Хансин, то есть Токио и Осаки. В Токио было рас-

---

¹ В данной работе под терминами «токийский мегалополис» и «Токио» подразумевается Токийский столичный округ, состоящий из 23 специальных районов и 26 городов и поселков, за исключением специально оговоренных случаев.

положено меньше крупных предприятий, чем в Осаке, и преобладала мелкая промышленность, так как здесь были менее благоприятные условия для снабжения сырьем металлургических заводов. Это дало толчок развитию производств, не требующих большого количества сырья, например по выпуску продукции с более высокой степенью переработки. Эта особенность объясняет, почему в дальнейшем произошла концентрация «отраслей будущего» именно в районе Кэйхин с центром в Токио.

В миграционных потоках в главные агломерации можно выделить три волны (см. рис. 2). Первая волна началась в середине 1950-х и была связана с процессом индустриализации Японии. На протяжении 20 лет темпы миграции в три основные агломерации почти не различались, однако во время второй волны, с началом структурной перестройки 1970-х гг., в агломерациях Осака и Нагоя стал наблюдаться отток населения, в то время как в Токио миграционное сальдо было положительным на протяжении всего периода (за исключением нескольких лет после краха экономики «мыльного пузыря» в начале 1990-х). В результате токийская агломерация стала самой крупной и быстрорастущей агломерацией в Японии.

Население Большого Токио в 1950 г. насчитывало около 10 млн чел., в 1980-м — 30 млн, а к 2000 г. — более 35 млн чел., что составляло 30% населения страны. К концу 1970-х окончательно сформировалась однополюсная региональная структура экономики Японии, которая выражалась в высокой степени концентрации экономических и научно-культурных функций в Токио и других городах Тихоокеанского промышленного пояса. Токийская агломерация стала самой крупной агломерацией не только в стране, но и в мире.

Роль токийского мегаполиса в экономике Японии

В настоящее время значимость и роль Токио как мегаполиса в Японии и во всем мире трудно переоценить. Экономическую мощь Токио можно сравнить с показателями крупных государств мира: его ВВП в 2019 г. составил 1,6 млрд долл., что сравнимо с ВВП Канады, Южной Кореи, России и ряда других стран. Среди мировых мегаполисов по объему ВВП Токио занимает первое место, оставляя на втором месте Нью-Йорк с ВВП 1,2 млрд долл.

На токийский мегполис приходится 10% населения и 20% валового продукта всей страны, при этом доля 23 специальных районов превышает 80% всего валового продукта Токио. Здесь сосредоточены самые передовые отрасли экономики, обеспечивающие развитие всего национального хозяйства. Более 60% штаб-квартир японских ТНК и 76% расположенных в Японии филиалов международных компаний находятся в Токио [Fincity Tokyo n.d.].

По данным Fortune Global 500 2018 г., штаб-квартиры 51 японской компании из 68 вошедших в рейтинг крупнейших мировых компаний по уровню дохода расположены в Токио, а их общий доход превышает 2,5 млрд долл. Это самая значительная концентрация штаб-квартир в пределах одного города: в Лондоне расположено только 14, в Нью-Йорке — 18. Несмотря на то что токийский мегполис является центром инновационной деятельности, доля промышленности (22%) в отраслевой структуре города соответствует среднестрановому показателю и Токио остается промышленным городом — в отличие от Лондона и Нью-Йорка, специализирующихся на сфере услуг.

В связи с высокой концентрацией стратегических отраслей хозяйства в ядре города (23 специальных района) Токио свойственна внутренняя диспропорция. В центральных деловых районах Минато, Тюо и Тиёда сосредоточена почти половина всех органов управления японских компаний в сфере услуг, инфраструктуры, телекоммуникаций, финансов и страхования.

Важно отметить, что процесс превращения города в мегполис неразрывно связан с концентрацией в нем населения. Рост города означает рост его привлекательности для экономической активности и жизнедеятельности, что делает его центром притяжения большего числа людей и различных ресурсов. Сверхконцентрация населения и социально-экономической деятельности характерна для всех крупных городов. Как и в других мегполисах, в Токио чрезмерная концентрация населения привела к ряду проблем, некоторые из них стали проявляться еще во второй половине XX в. Среди них можно выделить следующие:

- дисбаланс экономического развития внутри Токио;
- рост цен на недвижимость;
- перегруженность транспортных путей;
- экологические проблемы;
- проблемы обеспечения безопасности.

Помимо проблем, вызванных чрезмерной концентрацией и свойственных всем мегаполисам вне зависимости от экономических и социальных особенностей страны, в мегаполисе Токио существуют свои специфические проблемы, связанные с изменением структуры общества, а именно:

- самые быстрые темпы старения населения в мире;
- падение рождаемости;
- интернационализация, с которой Токио столкнулся позже других мегаполисов.

Вышеперечисленные проблемы влияют как на конкурентоспособность Токио на международной арене, так и на общую социально-экономическую ситуацию.

Конкурентные позиции Токио

В настоящее время существуют различные точки зрения и подходы к определению конкурентоспособности городов. В качестве примера можно привести индекс конкурентоспособности GPCI японского Института стратегий городского развития Мемориального фонда Мори. В GPCI представлены оценки 42 крупнейших городов мира исходя из их «магнетизма», то есть способности привлекать креативный человеческий капитал, технологии, предприятия и финансовые ресурсы со всего мира. Индекс формируется на основе оценки, которая проводится по 70 критериям в шести категориях:

- экономика (размеры и привлекательность рынка, экономическая жизнеспособность, человеческий капитал, деловая среда и легкость ведения бизнеса);
- исследования и разработки (академические ресурсы, исследовательская среда, инновации);
- культурное взаимодействие (соответствие новым тенденциям, туристические ресурсы, культурные объекты мирового значения, международное взаимодействие);
- благоустроенность (условия труда, стоимость жизни, охрана и безопасность, благополучие, условия жизни);
- экология (устойчивость, качество воздуха и воды, состояние окружающей среды);
- транспортная доступность (включенность в международную транспортную сеть, пропускная способность воздушного транс-

порта, развитость сети городского транспорта, качество и удобство транспорта).

Согласно GPCI, первая десятка глобальных городов на 2019 г. выглядит следующим образом: Нью-Йорк, Лондон, Токио, Париж, Сингапур, Амстердам, Сеул, Берлин, Гонконг, Сидней. Токио занимает первое место в азиатском регионе и третье место в мире с 2016 г., до этого он восемь лет находился на четвертой позиции. Как видно на рис. 3, сильными сторонами Токио, по данным за 2019 г., были «благоустроенность», «экономика» и «культурное взаимодействие», однако на общий рейтинг влияют относительно низкие оценки в категориях «экология» и «исследовательские разработки». Кроме того, по сравнению с 2013 г., когда количество набранных баллов в категории «экономика» было почти максимальным, к 2019 г. Токио потерял баллы в этой категории. Однако стоит отметить, что значительно улучшились показатели в категориях «культурное взаимодействие» и «благоустроенность».

На рис. 4 изображены три лидирующих мегалополиса: Нью-Йорк, Лондон, Токио, — а также Сингапур, расположившийся на пятом месте в рейтинге GPCI². По сравнению с 2013 г. Лондон повысил свою конкурентоспособность на 212 баллов, Нью-Йорк — на 181, Токио — на 147, Сингапур — на 149 баллов. Следует отметить, что разрыв между лидирующим Лондоном и Токио за рассматриваемый период увеличился: в 2013 г. разница составляла 182 балла, в 2019-м она выросла до 247. В то же время разрыв между Токио и Сингапуром уменьшился со 149 до 147 баллов. Разница в два балла незначительна, однако указывает на повышение конкурентоспособности Сингапура, который в ближайшем будущем может сместить Токио с позиции самого конкурентоспособного города Азии.

Как уже отмечалось, согласно этому рейтингу, Нью-Йорк и Лондон превосходят Токио по уровню конкурентоспособности, однако следует обратить внимание на то, что Токио является мировым лидером по уровню общей безопасности в рейтинге городов мира по безопасности Safe Cities Index исследовательского центра The Economist Intelligence Unit. Безопасность оценивается по большому числу критериев, сгруппированных в четыре основные категории:

---

² В качестве четвертого города для сравнения был выбран Сингапур, так как, согласно данному рейтингу, в азиатском регионе он занимает вторую позицию после Токио.

— кибербезопасность (политика конфиденциальности, осведомленность граждан о цифровых угрозах, уровень используемых технологий, процент зараженных компьютеров и т. д.);

— безопасность инфраструктуры (поведение пешеходов, план действий в случае стихийных бедствий, смертность от стихийных бедствий и ДТП, доля живущих в трущобах, количество нападений на объекты инфраструктуры и т. д.);

— медицинская безопасность (экологическая политика, доступ населения к здравоохранению, количество больничных коек на 1000 чел., число врачей на 1000 чел., ожидаемая продолжительность жизни, младенческая смертность и т. д.);

— личная безопасность (уровень взаимодействия с полицией, меры личной безопасности, применение оружия, политическая стабильность, эффективность системы уголовного правосудия, уровень коррупции, частота террористических атак и гражданских беспорядков и т. д.)

В первую десятку самых безопасных городов мира 2019 г. вошли Токио, Сингапур, Осака, Амстердам, Сидней, Торонто, Вашингтон, Копенгаген, Сеул, Мельбурн. В отличие от рейтинга GPCI, где Токио занимает третье место, уступая Лондону и Нью-Йорку, в рейтинге общей безопасности городов Лондон и Нью-Йорк не входят даже в первую десятку и располагаются на 14-м и 15-м местах соответственно. Токио превосходит остальные мегаполисы мира во всех категориях, а в трех категориях — безопасность инфраструктуры, личная безопасность, цифровая безопасность — получил почти максимальные оценки (см. рис. 5), улучшив позиции по всем категориям по сравнению с 2015 г. Важно отметить, что в данном рейтинге Сингапур на протяжении последних пяти лет занимает второе место и по общему числу набранных баллов отстает от Токио только на один пункт (см. рис. 6). Кроме того, разница в набранных баллах между Токио и Сингапуром в 2015 и 2019 гг. составляет 6,8 и 6,4 балла соответственно, что говорит об одинаковом темпе укрепления безопасности двух городов и обостряет конкуренцию между ними.

Политика создания новой городской среды в Токио

Несмотря на высокие позиции на международной арене, в условиях усиления конкуренции мегалополисов чрезвычайно важно и дальше укреплять токийский мегалополис. Перед правительством стоит задача повышать конкурентоспособность Токио, создавая наиболее благоприятные условия для жизнедеятельности местного населения, для хозяйствования экономических субъектов и улучшая инвестиционный климат. Разработкой политики создания новой городской среды токийского мегалополиса занимаются не только на локальном, но и на национальном уровне.

На национальном уровне вопросами городского планирования занимаются Министерство земли, инфраструктуры, транспорта и туризма Японии и Кабинет министров. На локальном уровне основным органом управления является Токийское столичное правительство, которое отвечает за административные функции в соответствии с законом о местной автономии 1947 г. В разработке планов создания новой городской среды Токио основным игроком является Токийское столичное правительство, однако его планы и программы составляются с учетом общего курса экономической политики страны. Кроме того, важно отметить, что выбор Токио в качестве принимающего города для проведения Олимпийских игр усилил давление на Токийское столичное правительство.

Существует множество документов и законов, принимаемых для улучшения городской среды и повышения конкурентоспособности японских городов, однако можно выделить два ключевых документа:

1. «Создание нового будущего: долгосрочное видение Токио» (2014 г.).

2. «Новый Токио. Новое Завтра. План действий на 2020 год» (2016 г.).

Эти два документа можно считать взаимосвязанными и взаимодополняемыми, так как второй из них является продолжением первого и содержит более подробную и актуальную информацию.

В первом документе представлено восемь приоритетных стратегий.

Стратегия 1. Успешное проведение Олимпийских игр в Токио.

Стратегия 2. Развитие инфраструктуры.

Стратегия 3. Формирование гостеприимного образа Токио, политика *омотэнаси*.

Стратегия 4. Поддержание безопасности Токио.

Стратегия 5. Создание благоприятной среды для жизни.

Стратегия 6. Превращение Токио в ведущий глобальный город.

Стратегия 7. Превращение Токио в устойчивый город.

Стратегия 8. Развитие островной части Токио и района Тама.

Хотелось бы остановиться на стратегиях, имеющих непосредственное отношение к проведению Олимпийских и Паралимпийских игр, а именно на стратегиях 1, 2, 3, 4.

Как известно, Олимпийские игры были официально перенесены с 2020 на 2021 г. в связи с пандемией коронавируса, однако на момент объявления о решении отложить Олимпиаду почти все работы, связанные с их проведением, уже находились в стадии завершения. Это означает, что с точки зрения социально-экономического развития городского пространства были достигнуты значимые положительные результаты вне зависимости от времени проведения соревнований.

В рамках стратегии 1 одной из важнейших задач является создание такого наследия Игр, которое жители города могли бы использовать в течение долгого времени и после окончания Олимпиады. Реализовать первую стратегию планируется по четырем направлениям. Первое заключается в создании подходящей для спортсменов среды с усовершенствованной системой кризисного управления и в проведении Игр с использованием энергоэффективных технологий. Второе направление предусматривало создание безбарьерного города, то есть «среды, в которой каждый может передвигаться безопасно и спокойно» [Tokyo Metropolitan Government 2014]. Третье направление сфокусировано на обеспечении комфорта и безопасности увеличивающегося потока иностранных гостей путем предоставления многоязычной поддержки, доступности медицинской помощи на нескольких языках и т. д., а четвертое — на предоставлении возможностей для занятий профессиональным и любительским спортом всем желающим, включая людей с ограниченными возможностями.

Стратегия 2 также связана с проведением Олимпийских игр. Реализуя ее, Токийское столичное правительство «стремится построить транспортную инфраструктуру, которая сделала бы Токио самым удобным городом в мире». В качестве ее составляющих можно выделить модернизацию морского порта Токио и аэропорта Ханэда, а также разработку обширной наземной, морской и воздушной транспортной сети с упором на строительство скоростной автомагистрали с тремя кольцами. Благодаря строительству скоростной

автомагистрали путь от Синдзюку³ до аэропорта Ханэда сократился в два раза (с 40 до 20 минут).

Стратегия 3 заключается в проведении политики *омотэнаси* — культуры гостеприимства и продвижения за границей японской культуры и искусства для наращивания туристического потока в Токио. Предусмотрено создание комфортной среды пребывания для иностранных туристов, развитие культурной жизни и увеличение числа культурных объектов и мест отдыха.

Стратегия 4 направлена на поддержание высокого уровня безопасности Токио с учетом не только огромной численности населения и его высокой плотности, но и расположения в сейсмически активной зоне. Проводится модернизация эвакуационных пунктов, больниц и других объектов, играющих важную роль при обеспечении безопасности жителей во время стихийного бедствия. Реализуются меры по повышению устойчивости к цунами и меры, предотвращающие повышение уровня воды в результате штормов и тайфунов: возводятся насыпи, водоспуски и другие объекты, препятствующие разливу воды на жилые территории. Кроме того, в рамках этой стратегии проводятся меры по обеспечению защиты жителей Токио от преступности, распространения наркотических средств и др.

План «Новый Токио. Новое Завтра. План действий на 2020 год» нацелен на создание нового образа Токио через превращение его в безопасный, многофункциональный и «умный» город» и состоит из трех разделов, включающих в себя 23 меры. На его реализацию выделено 1439 млрд иен, в том числе на создание безопасного города — 840,4 млрд иен, «умного» города — 557,7 млрд, многофункционального города» — 352,6 млрд иен. В рамках мер по созданию безопасного города больше всего внимания уделяется повышению устойчивости к землетрясениям (395,5 млрд иен) и поддержанию и обновлению инфраструктуры (158,0 млрд иен). В рамках раздела «Многофункциональный город» в качестве наиболее затратной меры можно выделить создание благоприятной среды для воспитания детей (102,9 млрд иен), а превращение Токио в «умный» город сфокусировано на инфраструктурной составляющей: создании развитой транспортно-логистической сети (210,2 млрд иен) и благоприятной городской среды (104,6 млрд иен) [Tokyo Metropolitan Government 2016].

---

³ Район Синдзюку — один из субцентров Токио.

Важно также отметить, что в Японии, как и в других странах, при разработке стратегии создания новой городской среды важное место отводится концепции устойчивого развития. В сентябре 2015 г. 193 государства в составе Организации Объединенных Наций официально приняли новую программу в области устойчивого развития под названием «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития (ЦУР) на период до 2030 г.», которая провозглашает 17 целей и ставит 169 задач. В области городской политики особенно важное значение имеет цель № 11, а именно обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и мегаполисов.

Как показывают два рассмотренных выше плана, при их разработке Токийское столичное правительство стремилось максимально следовать целям ЦУР, учитывая при этом потребности и проблемы самого города.

Заключение

Будучи крупнейшим мегаполисом мира и занимая по многим показателям самые передовые позиции, Токио продолжает меняться и развиваться. Об этом свидетельствуют и рассмотренные выше планы Токийского столичного правительства. «Создание нового будущего: долгосрочное видение Токио» и «Новое Завтра. Новый Токио. План действий на 2020 г.» нацелены на создание условий для устойчивого развития города как с экологической, так и с социально-экономической точки зрения. При этом принимаются во внимание потребности не только жителей Токио, но и иностранных туристов, состояние природной и техногенной среды, развитие урбанизации увязывается с увеличением зеленых насаждений и т. д.

Документы Токийского столичного правительства содержат не только планы на будущее, но и завершенные или находящиеся в процессе выполнения проекты, и это позволяет говорить, что процесс создания новой городской среды и реализация ЦУР № 11 продвигаются весьма успешно. Следует также обратить внимание на то, что план долгосрочного роста Токио «Создание нового будущего: долгосрочное видение Токио 2020 г.» был принят в 2014 г., то есть на год раньше принятия ООН новой программы в области устойчивого развития. Очевидно, что успешная реализация этих планов будет

способствовать повышению международной конкурентоспособности Токио, укреплению его позиций как двигателя японской и мировой экономики.

Таким образом, в обозримом будущем Токио может стать одним из ведущих мегалополисов в области устойчивого развития и лидером в международной конкуренции мегалополисов. Кроме того, опыт Токио может быть полезен другим крупным городам, которые уже сталкиваются или могут столкнуться с похожими проблемами, что внесет большой вклад в развитие городов с устойчивыми экономическими и социальными системами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Fincity Tokyo n.d. — Антэй сита кинъю:кэйдзай то корэ кара но сэйтё:сэй [Стабильная экономика и потенциал будущего развития]. *The Organization of Global Financial City*. <https://fincity.tokyo/en/strength/economic/> (дата обращения: 10.05.2020).

Тимонина 2002 — Тимонина И. Л. *Япония: региональная экономика и политика*. Москва: Институт востоковедения РАН, 2002.

Asian Development Bank 2012 — Key Indicators for Asia and the Pacific 2012. *Asian Development Bank*. 2012. P. 5. <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/29940/ki2012.pdf> (дата обращения: 21.12.2019).

Institute for Urban Strategies 2013 — Global Power City Index 2013 Summary. *Institute for Urban Strategies, The Mori Memorial Foundation*. 2013. http://mori-m-foundation.or.jp/pdf/GPCI2013_en.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

Institute for Urban Strategies 2015 — Global Power City Index 2015 Summary. *Institute for Urban Strategies, The Mori Memorial Foundation*. 2015. http://mori-m-foundation.or.jp/pdf/GPCI2015_en.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

Institute for Urban Strategies 2019 — Global Power City Index 2019 Summary. *Institute for Urban Strategies, The Mori Memorial Foundation*. 2019. http://mori-m-foundation.or.jp/pdf/GPCI2019_summary.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

Tokyo Metropolitan Government 2014 — Creating the Future: The Long-Term Vision for Tokyo. *Tokyo Metropolitan Government*. 2014. https://www.metro.tokyo.lg.jp/english/about/vision/documents/pr_06strategy2-en.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

Tokyo Metropolitan Government 2016 — New Tokyo. New Tomorrow. The Action plan for 2020. *Tokyo Metropolitan Government*. 2016. https://www.metro.tokyo.lg.jp/english/about/plan/documents/pocket_english.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

United Nations 2015 — Sustainable Development Goal 11: Make cities and human settlements inclusive, safe, resilient and sustainable. *United Nations, Department of Economic and Social Affairs*. 2015. <https://sustainabledevelopment.un.org/sdg11> (дата обращения: 10.05.2020).

United Nations 2019 — World Urbanization Prospects. *United Nations Department of Economic and Social Affairs*. 2019. P. 55. <https://population.un.org/wup/Publications/Files/WUP2018-Report.pdf> (дата обращения: 10.05.2020).

World Bank 2017 — Tokyo Development Learning Center Policy Paper Series 2: Case study on territorial development in Japan. *World Bank*. 2017. № 9. <http://documents.worldbank.org/curated/en/434651560830510154/pdf/Case-Study-on-Territorial-Development-in-Japan.pdf> (дата обращения: 10.05.2020).

REFERENCES

Asian Development Bank (2012). *Key Indicators for Asia and the Pacific, 2012*. Retrieved May 10, 2020, from <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/29940/ki2012.pdf>

Institute for Urban Strategies (2013). *Global Power City Index 2013 Summary*. Retrieved May 10, 2020, from http://mori-m-foundation.or.jp/pdf/GPCI2013_en.pdf.

Institute for Urban Strategies (2015). *Global Power City Index 2015 Summary*. Retrieved May 10, 2020, from http://mori-m-foundation.or.jp/pdf/GPCI2015_en.pdf

Institute for Urban Strategies (2019). *Global Power City Index 2019 Summary*. Retrieved May 10, 2020, from http://mori-m-foundation.or.jp/pdf/GPCI2019_summary.pdf

The Organization of Global Financial City Tokyo (n.d.). *Antei shita kin'yū keizai to kore kara no seichō sei* [Stable Financial Economy and Future Growth Potential]. Retrieved May 10, 2020, from <https://fincity.tokyo/en/strength/economic/>

Timonina, I. L. (2002) *Yaponiya: regional'naya ekonomika i politika* [Japan: Regional Economy and Politics]. Institut vostokovedeniya RAN. (In Russian).

Tokyo Metropolitan Government (2014). *Creating the Future: The Long-Term Vision for Tokyo*. Retrieved May 10, 2020, from https://www.metro.tokyo.lg.jp/english/about/vision/documents/pr_06strategy2-en.pdf

Tokyo Metropolitan Government (2016). *New Tokyo. New Tomorrow. The Action plan for 2020*. Retrieved May 10, 2020, from https://www.metro.tokyo.lg.jp/english/about/plan/documents/pocket_english.pdf

United Nations (2015). *Sustainable Development Goal 11* from <https://sustainabledevelopment.un.org/sdg11>

United Nations (2019). *World Urbanization Prospects* from <https://population.un.org/wup/Publications/Files/WUP2018-Report.pdf>

World Bank (2017). *Tokyo Development Learning Center Policy Paper Series 2: Case study on territorial development in Japan*. Retrieved May 10, 2020, from <http://documents.worldbank.org/curated/en/434651560830510154/pdf/Case-Study-on-Territorial-Development-in-Japan.pdf>

Ежегодник Японии 2020. Т. 49. С. 191-217.

Yearbook Japan 2020. Vol. 49, pp. 191-217.

DOI: 10.24411/2687-1432-2020-10008

Военное японоведение на Дальнем Востоке России в начале XX в.

В. Г. Дацышен

Аннотация. Статья посвящена проблемам становления и развития военного японоведения в начале XX в. Ее актуальность обусловлена тем, что современные проблемы российско-японских отношений во многом определяются военным противостоянием и многочисленными войнами и конфликтами, имевшими место в первой половине XX в. Военные пришли в японоведение одновременно со становлением высшего японоведческого образования в России. Офицеры расквартированных на Дальнем Востоке частей русской армии изучали японский язык и Японию вместе со студентами, и в начале XX в. их число было примерно равным. Первые военные японоведы отдавали приоритет науке и образованию перед службой в армии или успешно совмещали их. Совместное обучение офицеров и студентов оказало большое влияние на все стороны жизни и деятельности Восточного института, вызывало недовольство как профессорско-преподавательского состава, так и российского военного руководства. Несмотря на большие успехи в деле подготовки офицеров-японоведов в Восточном институте, первоначальная система японоведческой подготовки была подвергнута реформированию, но заложенные принципы и традиции в целом сохранились до революции 1917 г. Статья написана на основе архивных и опубликованных документов Восточного института с привлечением научных трудов первых русских офицеров-японистов. Исторический опыт достижений японоведческого образования и науки интересен и актуален для современных российско-японских отношений.

Ключевые слова: японоведение, Приамурский военный округ, Восточный институт, офицеры-японисты.

Автор: Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор. Институт востоковедения РАН, Россия, 107031, Москва,

ул. Рождественка, д. 12; Сибирский федеральный университет, Красноярский государственный педагогический университет.

E-mail: dazishen@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6471-8327

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект 19-18-00017 «Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами Восточной Азии и России. Уроки для России»)

Military Japanese Studies in the Far East in the Early 20th century

V. G. Datsyshen

Abstract. The article is devoted to the problems of the formation and development of military Japanese studies in the early 20th century. Its relevance is related to the fact that current problems of the Russian-Japanese relations are rooted in the political confrontation and numerous wars and armed conflicts between the two countries which erupted in the first half of the 20th century. The military have joined Japanese studies since its establishment in Russian higher education. Officers of the units of the Russian army stationed in the Far East studied Japanese and Japan together with university students – in early 20th century the ratio of military and non-military students was almost 50:50. The first military specialists in Japanese studies either gave priority to research and education over military service, or successfully combined both.

Joint training of officers and university students had a great impact on all aspects of life and work of the Oriental Institute, while causing criticism from both senior faculty managers and the high-ranked Russian military. Despite great success in the officers' training at the Oriental Institute, the initial system of Japanese studies training was reformed, though its principles and traditions were preserved until the 1917 revolution. The article was written on the basis of archival and published documents of the Oriental Institute, with the usage of academic works of the first Russian officers specializing in Japanese studies. The historical experience of the Japanese studies education and research is interesting and relevant for today's Russian-Japanese relations.

Keywords: Japanese studies, Amur Military District, Oriental Institute, officers specializing in Japanese studies.

Author: *Datsyshen Vladimir G.*, Doctor of Sciences (History), Professor. Institute of Oriental Studies RAS, Russia, 107031 Moscow, Rozhdestvenka Street 12; Siberian Federal University; Krasnoyarsk State Pedagogical University

E-mail: dazishen@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-6471-8327

Acknowledgements: Research is accomplished under the Russian Science Foundation grant No. 19-18-00017 “Problems of the historical past in Japan’s relations with the countries of East Asia and Russia. Lessons for Russia”

В основе современных российско-японских отношений лежит исторический опыт, и особенно значимым периодом стали первые годы XX в. Отношения между двумя странами во многом определялись состоянием русского японоведения. После японо-китайской войны 1894–1895 гг. начинается русско-японское противостояние, подготовка к будущей войне. В этой ситуации возрастает активность военных исследователей, актуализируется японоведческое образование для офицеров и даже нижних чинов. Статья посвящена важной, но недостаточно изученной странице истории российской японистики — становлению и развитию военного японоведения. Под военным японоведением мы подразумеваем японоведческое образование для российской армии и изучение офицерами-японоведами Японии и японской культуры. Территориальные рамки включают Дальний Восток России, в военном отношении объединенный в Приамурский военный округ, а также Русскую Квантунскую область.

Первые шаги военной японистики

Российско-японские отношения вышли на новый уровень, требующий значительного числа специалистов по Японии, после вхождения в середине XIX в. в состав России Приамурья. В то время в стране фактически не было японоведческого образования, и общественность справедливо указывала на возможный недостаток специалистов со знанием китайского и японского языков. Русские военные исследователи уделяли внимание Японии, но их работы основывались на переводах с западных языков. Во второй половине XIX в. несколько русских военных исследователей посещали Японию. Например, подполковник М. И. Венюков проводил исследование в основном

посредством французских информаторов. О японской армии писал делопроизводитель канцелярии Военно-ученого комитета подполковник А. М. Бутаков [Бутаков 1883].

Во второй половине XIX в. японский язык факультативно преподавался в Санкт-Петербургском университете, но этого было явно недостаточно для подготовки сколько-нибудь значительного числа русских японоведов. Не могла быть решена эта проблема и самообразованием энтузиастов, осваивавших японский язык и культуру дома или за границей, в том числе в Японии.

Необходимость появления специалистов по Японии в воинских частях Приамурского военного округа была обусловлена активизацией международных отношений на Дальнем Востоке и опасностью русско-японского военного столкновения в борьбе за Китай. Отправной точкой русско-японского противостояния в это время стала победа Японии в войне с Китаем в 1895 г. Занятие Россией южной части Ляодуна (Квантунской области) в 1897–1898 гг. и оккупация Маньчжурии в 1900 г. привели к резкому обострению российско-японских отношений.

Проблема актуальности военного японоведения нашла отражение в событиях конца XIX в., когда Приамурский генерал-губернатор поддерживал инициативу сделать ставку на японоведов-энтузиастов. В приказе по войскам Приамурского военного округа от 15 декабря 1895 г. говорилось: «Временно командующий войсками округа, признавая весьма полезным и желательным распространение среди офицеров частей войск округа китайского и японского языков, нашел возможным из сумм... выдавать премии на основательное изучение выше названных восточных языков» [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1499. Л. 2]. Предполагалось выдать по две премии, по 500 рублей, на китайский и японский языки. В сентябре 1896 г. начальник штаба Приамурского военного округа сообщил военному губернатору приморской области П. Ф. Унтербергеру, что в январе 1897 г. будет создана комиссия под председательством начальника штаба крепости Владивосток «для производства испытания офицерам, изучившим китайский и японский языки на предмет выдачи премии» [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1499. Л. 1]. Но в назначенные сроки конкурс не состоялся, так как во Владивостоке не нашлось ни одного человека, владевшего японским языком. Конкурс не отменили, а отложили до открытия навигации.

Создание Восточного института во Владивостоке и военная японологика

К решению проблемы подготовки военных японоведов на Дальнем Востоке удалось приступить лишь после открытия во Владивостоке Восточного института. Институт был открыт в 1899 г. В «Положении о Восточном институте», в частности, говорилось: «5. Курс института продолжается четыре года и, начиная со второго учебного периода, делится на четыре отделения: китайско-японское, китайско-корейское, китайско-монгольское и китайско-маньчжурское. <...> 7. Специальными предметами преподавания в институте служат: 1) на китайско-японском отделении японский язык и обзор политического устройства и торгово-промышленной деятельности современной Японии <...> 8. Кроме изучения соответствующих предметов, студенты командированы на каникулярное время, по усмотрению Конференции института, в соседние восточные государства для усовершенствования в изучаемых языках...» [Из истории востоковедения 2000, с. 8–9]. Таким образом, с 1899 г. в России начинается систематическая подготовка японоведов. Как справедливо отметила японский исследователь Икута Митико, «впервые в России японский язык как профильный предмет появился именно во Владивостоке» [Икута 2014, с. 72].

Открытый в 1899 г. Восточный институт стал первым и единственным в России учебным заведением, готовившим военных японоведов. В примечании к одному из пунктов «Положения о Восточном институте» говорилось: «По назначению Приамурского генерал-губернатора, ежегодно принимаются в число слушателей института четыре офицера. Последние проходят те из изучаемых в институте предметов, которые будут указаны генерал-губернатором, и по этим предметам наравне со студентами института подвергаются установленным испытаниям. Офицеры, находясь в стенах института, подчиняются всем распоряжениям начальства оного» [Из истории востоковедения 2000, с. 12].

В 1899 г. в Восточный институт поступили первые будущие японисты, среди которых и первый студент, ставший выдающимся японоведом и дипломатом, — прапорщик запаса Павел Юрьевич (Георгиевич) Васкевич, а также Л. А. Богословский и А. С. Кобелев. Первый офицер-слушатель, готовившийся стать японистом, был

принят на следующий год. В 1900 г. в Восточном институте в числе пяти «командированных для слушания лекций из Приамурского военного округа» был будущий японист штабс-капитан Александр Бурский [Из истории востоковедения 2000, с. 35].

Летом 1901 г. Штаб Квантунской области направил в Восточный институт десятерых офицеров, из которых трое потом стали изучать японский язык. В августе 1901 г. приказом по войскам Приамурского военного округа к Восточному институту был прикомандирован подъесаул 1-го Читинского полка Забайкальского казачьего войска Василий Мелетиевич Мендрин [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 692. Л. 49]. После приказа он, согласно предписанию Военного отдела Штаба Квантунской области, выехал из Южной Маньчжурии во Владивосток. В том же году к Восточному институту были прикомандированы А. П. Болобан и подъесаул М. М. Румянцев. Андрей Павлович Болобан, 1878 г. рождения, был происхождением из казаков, а среднее образование получил в реальном училище [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 5. Л. 37]. Подъесаул 1-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска потомственный дворянин Михаил Михайлович Румянцев, 1869 г. рождения, военное образование получил в 1-м Павловском военном училище [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 5. Л. 69].

Шестого декабря 1902 г. вышел приказ по Военному министерству: «В видах необходимости для изучения Дальнего Востока иметь в рядах войск Приамурского военного округа и Квантунской области образованных офицеров, знающих местные языки, Высочайше утвержденными положениями Военного совета постановлено...» [Новый Край 24.01.1903]. В документе, состоявшем из 13 пунктов, говорилось, что количество офицеров-вольнослушателей доводилось до десяти человек. Принимались они без вступительных испытаний и учились четыре года, но не освобождались от переводных экзаменов. Два офицера из Квантунской области и Приамурского военного округа командировались в институт, кандидатов из других округов выбирал командующий Приамурским военным округом после экзаменов по английскому и французскому языкам. Военное ведомство выделяло на каждого офицера по 60 рублей в год за лекции, по 120 рублей на учебные пособия, по 200 рублей для поездки в научные экспедиции и по 100 рублей командировочных в месяц во время пребывания за границей [Дацышен 2000, с. 77].

В 1903 г. распоряжением Командующего войсками Квантунской области был зачислен слушателем Восточного института 28-летний штабс-капитан 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Василий Васильевич Блонский [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 5. Л. 38]. В этом же году слушателем на китайско-японское отделение был принят капитан 1-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Илья Ефимович Иванов [Буяков 1999, с. 97–116]. Зачисление продолжалось и после начала войны с Японией. Например, 24 июля 1904 г. слушателем Восточного института был зачислен воспитанник Московского военного училища штабс-капитан 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Николай Владимирович Осипов, затем приказом Приамурского генерал-губернатора от 25 июля 1904 г. был зачислен слушателем Восточного института капитан 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Александр Иоанникиевич Кравцов [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 13. Л. 50]. Четырнадцатого сентября 1904 г. был принят слушателем Восточного института воспитанник Киевского пехотного юнкерского училища капитан 34-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Степан Федорович Рябич [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 13. Л. 67], 21 мая 1905 г. был зачислен воспитанник Павловского военного училища штабс-капитан 9-го Восточно-Сибирского полка Николай Николаевич Стромиллов.

Офицерам-слушателям, как и студентам, приходилось преодолевать большие трудности на поприще японоведения. Например, штабс-капитан А. А. Бурский не смог «выдержать установленных испытаний» для перехода с третьего на четвертый курс и был оставлен учиться на второй год. Тем не менее он стал японистом — переводчиком и разведчиком. Его младшие соученики пошли дальше, став известными в научном мире. Зачисленные в 1901 г. в Восточный институт в качестве штатных слушателей офицеры В. М. Мендрин, А. П. Болобан и М. М. Румянцев заняли достойное место в истории российского востоковедения.

Офицеры-слушатели учились не только в стенах института, но и направлялись на практику в Китай и Японию. М. М. Румянцев попал в Японию еще после окончания первого курса. В письме преподавателя Восточного института Е. Г. Спальвина на имя руководителя Российской дипломатической миссии в Токио А. П. Извольского от 5 августа 1902 г. говорилось: «...Офицер, командированный в институт штабом квантунской области подъяесаул Михаил Румянцев, ныне

перешедший на II курс, но еще не занимавшийся изучением японского языка, по имеющимся сведениям, находится в Нагасаки или его окрестностях» [Из истории востоковедения 2000, с. 208]. Е. Г. Спальвин писал в августе 1902 г.: «Военным ведомством командирован в Токио слушатель III курса японско-китайского отделения, прикомандированный для слушания лекций из Приамурского военного округа штабс-капитан Александр Бурский» [Из истории востоковедения 2000, с. 208]. В документе Конференции Восточного института говорилось: «Оказывается, что г. г. Мендрин и Болобан, откомандированные в число офицеров — штатных слушателей Восточного Института в 1901 году, в 1902 и 1903 г. г. последовательно переходили по выдержании переходных испытаний на старшие курсы Института, будучи со второго курса зачислены на японско-китайское отделение и ежегодно совершая установленные в Институте летние поездки в страны Дальнего Востока, причем, в 1902 году они были откомандированы в Китай, а в 1903 году в Японию» [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 692. Л. 25].

При прохождении практики офицеры-слушатели не только совершенствовали свой разговорный язык, но и занимались научными переводами. В документах Восточного института указывается: «Результатами этих командировок явились следующие работы: г. Мендрин представил перевод японских сказок животного эпоса по сборнику “Нихон-мукаси-банаси” и перевод английского сочинения В. Г. Астона: “История японской литературы” /полностью напечатанной в XI и XII т. т. “Известий Восточного Института”, а также изданный отдельною книгою/ и, кроме того, обработал капитальнейшее исследование по грамматике японского разговорного языка, а г. Болобан, своими обширными переводами с английского и японского языков зарекомендовал себя хорошим переводчиком, между прочим, представил следующие работы: “Очерк китайской философии”, “Дневник командировки в Японию в 1903 году”, “Краткие сведения о японских школах”, “Ханасика — японские бытовые рассказчики”, “Мнение японского офицера о русской военной дисциплине” /напечатано в № 637 Разведчика от 22 сент. 1903 г./ и перевод английского сочинения о Японии...» [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 692. Л. 25–25 об.]. В предисловии к одной из первых работ Мендрина профессор Спальвин назвал его «даровитейшим и лучшим из своих слушателей» [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 692. Л. 38].

Другой японист, А. П. Болобан, писал о своих стажировках: «В 1902 году был командирован (май-август) в учебную командировку в Китай, откуда вернулся в сентябре месяце и представил работу: “Китайская философия”. В 1902–1903 году был на втором курсе. Летние месяцы 1903 года провел в командировке в Японии (Токио, Осака), откуда вернулся в сентябре месяце и представил работы: “Образование в Японии”, “Дневник поездки по Японии”, “Дисциплина в русской Армии”, перевод с японского (военный журнал Гундзикай) и “Неведомая Япония”» [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 692. Л. 49].

Работы офицеров-японистов печатались не только в издательстве Восточного института, но и в журнале «Разведчик». В 1903 г. в этом журнале, например, вышла упомянутая статья А. П. Болобана «Дисциплина в русской армии». Это был перевод статьи майора Танака Гиити, бывшего полтора года прикомандированным к русской армии [Болобан 1903, с. 815–817]. В «Разведчике» была напечатана и рецензия на работы В. М. Мендрина — заметка «Японские народные сказки, с шестью рисунками в красках и политипажами в тексте. Сб., 1903 г. 80 с.» [Японские народные сказки 1903, с. 273].

Об успехах в изучении офицерами японского языка говорит выдержка из письма директора Восточного института на имя начальника штаба Владивостокской крепости: «Что касается переводчика, то Восточный Институт рекомендует как наиболее сведущего в японском письменном языке деловых актов есаула Мендрина» [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 692. Л. 11]. Первый опыт обучения офицеров в Восточном институте оказался успешным, и в «Приказе № 441 по Военному ведомству об офицерах-слушателях Восточного института» было объявлено: «1) В Восточном институте во Владивостоке ежегодно допускается 10 офицеров всех родов оружия (2 офицера от войск Квантунской области и 8 офицеров — от войск прочих округов империи) для слушания лекций китайского, японского... языков» [Из истории востоковедения 2000, с. 42].

Японисты на Русско-японской войне

Успешную учебу и научную работу офицеров-японистов прервала Русско-японская война. Тридцать первого января 1904 г. слушатели Восточного института были откомандированы в свои части. Следует отметить, что в действующую армию были откомандированы не

только слушатели, но и студенты Восточного института. В частности, к Владивостокскому отряду крейсеров прикомандировали в качестве переводчика японского языка студента Анатолия Николаевича Занковского, участвовавшего во всех походах отряда на крейсере «Россия». Всего на фронте было задействовало 11 переводчиков японского языка, восемь из которых были направлены Восточным институтом [Икута 2014, с. 53].

Приказом наместника на Дальнем Востоке слушатели Блонский, Мендрин, Николаев и Спицин были направлены в распоряжение Мукденского военного комиссара. По этому случаю 1 февраля 1904 г. в церкви Восточного института состоялась литургия. Слушатель первого набора штабс-капитан А. А. Бурский с 22 марта 1904 г. был прикомандирован к разведывательному отделу полевого штаба Маньчжурской армии.

Есаул В. М. Мендрин состоял сначала в Мукденском, а потом в Гиринском военных комиссариатах. Согласно отчету офицера-япониста, его служба и труды во время войны выглядели следующим образом: «... Переводил японский устав полевой службы... вел разведку сил китайских генералов Юань-ши-кая и Ма... разведку противника через шпионов и личную... вел разведку сил противника опросом, чтением документов и через шпионов... Перевел 1/3 захваченной канцелярии 2 резервного японского полка под Сенденпу... вел разведку в передовых конных отрядах» [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 692. Л. 49-49 об.]. В. М. Мендрин также отмечал, что во время войны он «составил очерк возникновения развития в Мукд. провинции китайских охранных войск с момента вступления русских в Мукд. пров. и до ухода из нее — весь очерк на основании официальных документов (кажется он утерян комиссарством при отступлении из Мукдена)» [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 692. Л. 48 об.]. Капитан В. В. Блонский был «одним из организаторов подготовки тыла армии в отношении разведки и работы с агентурой в тылу противника» [Подалко 1999, с. 80].

Значение слушателей и студентов Восточного института для русской армии в Русско-японской войне отметил генерал-майор Генерального штаба В. А. Орановский: «Строго говоря, слушатели последнего — офицеры и студенты — были единственные надежные и интеллигентные переводчики» [Подалко 1999, с. 79]. За личное участие в боях, разведывательных и диверсионных рейдах на территории Маньчжурии В. М. Мендрин был награжден четырьмя боевыми

орденами и другими наградами. В августе 1905 г. офицер-японоведец был командирован в распоряжение командира крепости Владивосток «в виду ожидания осады». Поручик 29-го Восточно-Сибирского стрелкового полка А. П. Болобан за участие в боевых действиях в Маньчжурии также был представлен к четырем боевым орденам. Командир роты 1-го Восточно-Сибирского стрелкового полка японист-слушатель И. Е. Иванов был удостоен шести орденов.

Военная японистика после Русско-японской войны

В начале 1906 г. есаула В. М. Мендрина и поручика А. П. Болобана исключили из числа слушателей Восточного института и отправили в свои воинские части. Педагогический коллектив Восточного института не согласился с потерей перспективных японистов. В документах отмечается: «При обсуждении означенного приказа, Конференция Института поставила своим долгом отметить, что с отчислением от Института г. г. Мендрина и Болобана... Восточный Институт лишается двух наиболее успешных своих питомцев, которые не только примерным прилежанием в науках, способностями и трудолюбием в достаточной степени засвидетельствовали отличное усвоение предметов институтского преподавания, но и, благодаря приобретенным им в Институте познаниям, оказались весьма полезными деятелями во время военных действий, каковые обстоятельства вселяли в Конференцию Института полную уверенность в том, что означенные слушатели Института, имеющие в самом непродолжительном времени окончить полный институтский курс, могли бы пополнить собою столь незначительное число образованных русских ориенталистов» [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 692. Л. 25]. В прошении директора Восточного института на имя командующего войсками на Дальнем Востоке от 21 апреля 1906 г. говорилось: «Конференция Восточного Института, подтверждая свое огорчение по поводу откомандирования от Института г. г. Мендрина и Болобана определила: ходатайствовать об оставлении означенных слушателей при Институте в виду скорого окончания ими полного институтского курса» [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 692. Л. 52].

После окончания Русско-японской войны офицеры-слушатели Восточного института стали переходить в запас армии и переводиться в студенты Восточного института. В 1906 г. перешел в запас и зачис-

лен студентом Восточного института по японо-китайскому отделению А. П. Болобан [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 5. Л. 37]. В. М. Мендрин также хотел выйти в запас, в октябре 1906 г. он ходатайствовал: «Выходя из военной службы в отставку, прошу не отказать в зачислении меня студентом Восточного института и допуске меня к держанию выпускных экзаменов с моими однокурсниками» [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 692. Л. 2]. Первая попытка оставить военную службу ради японоведения оказалась неудачной, и он закончил институт, оставаясь на службе. Летом 1907 г. В. М. Мендрин ходатайствовал: «об оставлении... при Институте для подготовки к преподаванию японской словесности, прошу не отказать ходатайствовать о перечислении меня из военной службы на гражданскую...» [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 692. Л. 14]. Молодой офицер-японовед писал, что в случае невозможности перевода с военной службы на гражданскую он готов просто выйти в отставку. В 1908 г. войсковой старшина В. М. Мендрин все же добился увольнения со службы «по домашним обстоятельствам».

В феврале 1907 г. В. М. Мендрин и А. П. Болобан успешно выдержали выпускные экзамены. При этом есаул Мендрин единственным из всего курса за выпускную работу был награжден золотой медалью. Что касается М. М. Румянцева, то он не стал японоведом. Как говорилось в «Выписке из протокола заседания Конференции Восточного института», он «прослушал полный курс наук Института с освобождением... от изучения специального языка» [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 5. Л. 69], а работу защитил по китаеведению.

Из выпускников 1907 г. самым успешным и перспективным был признан В. М. Мендрин. В «Отчете о состоянии и деятельности Восточного института за 1908 г.» говорилось: «Окончивший курс института с отличным успехом В. М. Мендрин — оставлен, с согласия г. Министра Народного Просвещения, сообщенного отношением Окружного Инспектора училищ Приамурского края от 4-го января 1908 года, для приготовления к профессорскому званию по кафедре японской словесности, сроком на два года, с 1-го января 1908 года; откомандирован в Японию...» [Отчет о состоянии и деятельности Восточного Института 1909, с. 10]. Два года командировки оказались недостаточными, и В. М. Мендрин обратился к руководству Восточного института с ходатайством о продлении срока приготовления к профессорскому званию. Профессор Е. Г. Спальвин подтвердил успешность занятий В. М. Мендрина в Японии и ходатайствовал

о продлении стажировки до 1 января 1911 г. [Протоколы заседаний 1909b, с. 90].

В 1908 г. Восточный институт по японо-китайскому отделению успешно закончили три студента и пять офицеров: капитан 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка А. И. Кравцов, штабс-капитан 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Н. В. Осипов, капитан 34-го Восточно-Сибирского стрелкового полка С. Ф. Рябич, штабс-капитан 9-го Восточно-Сибирского полка Н. Н. Стромиллов и штабс-капитан 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка В. В. Блонский.

В отзыве профессора Е. Г. Спальвина о работе В. В. Блонского говорилось: «Слушатель 4-го курса японо-китайского отделения штабс-капитан Блонский представил полный перевод мемуаров японского поручика Сакураи о Порт-Артурских боях под заглавием “Никудан”, буквально: “Мясные ядра”. Мемуары эти выдержавшие в Японии ко времени представления перевода 48 изданий... дают до нельзя реальную картину о Порт-Артурских боях... С переводом штабс-капитана Блонского члены Конференции уже ознакомлены по печатным оттискам его в издающихся в Хабаровске “Военных Известиях Дальнего Востока”... штабс-капитану Блонскому удалось не только передать общий колорит мемуаров, но и держаться возможной близости к тексту. Переводчик с полным достоинством выходит победителем из борьбы со сложными японскими конструкциями и словообразованиями, всегда улавливая смысл и передавая его достойным русским языком... Представляемый перевод является, можно сказать, первым крупным переводом с японского языка на русский, исполненным притом весьма компетентным лицом и во всех отношениях удачно. По соображении всего изложенного и полагая, что штабс-капитан Блонский переводом своим внес значительный вклад в русскую переводную литературу из области востоковедения и дал русской публике любопытный материал для суждения о японском народе...» [Протоколы заседаний 1909a, с. 156].

После Русско-японской войны сложилась противоречивая ситуация. Офицеры-слушатели показали высокий уровень подготовки и оказались незаменимыми для российской армии на Дальнем Востоке. Однако многие офицеры настолько погрузились в учебу, что хотели посвятить свою жизнь уже не службе в армии, а японоведению, связать свое будущее с наукой и образованием. Решение проблем

виделось через увеличение числа офицеров-слушателей. Ежегодный прием офицеров в Восточный институт был увеличен до 20 человек. И в конечном счете за первые десять лет истории Восточного института туда было принято более ста офицеров, значительная часть которых изучала японский язык. Кроме того, сразу после Русско-японской войны были открыты школы переводчиков для офицеров и солдат непосредственно в воинских частях.

После войны в некоторых частях, расквартированных в Приамурском военном округе, были открыты школы японского и китайского языков для офицеров и нижних чинов. Следует отметить, что к этому времени уже был небольшой опыт создания школ китайского языка для нижних чинов. В числе преподавателей японского языка в войсках был студент Восточного института А. Н. Занковский. Этот японист, получивший опыт участия в боевых действиях в войне с Японией, в 1906–1908 гг. преподавал японский язык для офицеров и нижних чинов учебной команды 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Учебная команда этого полка находилась в крепости Владивосток, в группу японского языка набрали более 40 нижних чинов из разных рот этого полка, экзамены проходили в мае.

В письме «Наблюдающего за учебной командой командира 3-го батальона 11-го Восточно-Сибирского стрелкового... полка» от 14 августа 1908 г. говорилось, что бывший командир полка «Полковник Яблочкин, убедившись из личного боевого опыта в той огромной пользе, которую приносит знание языка неприятеля не только части, но и отдельным стрелкам, решил ввести преподавание Японского и Китайского языков в учебной команде полка, причем предоставил права офицерам, желающим изучать один из названных языков, посещать во время уроков то отделение учебной команды, в котором преподается избранный каждым для изучения язык. Задачей поставлено было добиться только то, чтобы каждый нижний чин в состоянии был задавать вопросы, относящиеся к движению, боевым действиям, составу войск, снаряжению, вооружению, названию различных припасов довольствия и хозяйства, стоимости, счету, весу, мер и т. п. необходимом в военном быту» [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 378. Л. 47].

После Русско-японской войны Восточный институт оставался главным центром подготовки военных востоковедов. В 1907 г. на второй курс был принят подполковник Иванов, который прошел первый курс еще в 1903/04 учебном году. На третий курс переведен

слушатель японско-китайского отделения штабс-капитан Эгардт. В Восточный институт в качестве штатных и сверхштатных слушателей в 1907 г. приняли будущих японистов штабс-капитана Поздеева, капитана Лисынова, поручика Цепушелова, подполковника Иванова, подпоручика Спандега и поручика барона Розена. В «Отчете о состоянии и деятельности Восточного института за 1908 г.» говорилось, что на четырех курсах института находилось 89 офицеров-слушателей, в том числе на втором курсе — 34 человека, а на первом и третьем — по 20 офицеров. Следует отметить, что офицеров-слушателей в Восточном институте в это время было больше, чем студентов. К этому следует добавить еще 17 «посторонних слушателей», среди которых также были офицеры [Отчет о состоянии и деятельности Восточного Института 1909, с. 10]. Далее в отчете указывалось: «В числе 83 офицеров-слушателей состоят в звании штатных слушателей по назначению Приамурского генерал-губернатора 79 офицеров, и в звании сверхштатных слушателей от Отдельного корпуса Пограничной стражи Заамурского Военного округа — 4 офицера» [Отчет о состоянии и деятельности Восточного Института 1909, с. 14].

На каждом курсе Восточного института было по две группы, одна из которых состояла из офицеров. Специализация утверждалась на втором курсе. Например, в 1908 г. на японо-китайское отделение были зачислены пришедшие на второй курс следующие офицеры: капитан Лисынов, штабс-капитан Поздеев, поручик барон Розен, подпоручик Спандег, поручик Цепушелов; на третий курс перешли подьесаул Захаревский, подполковник Иванов, сотник Лион, штабс-капитан Сипайло-Рудницкий, капитан Спешнев, штабс-капитан Шалфеев и штабс-ротмистр Лоздовский [Протоколы заседаний 1909b, с. 85–86]. Документы Восточного института отражают тот факт, что офицеры учились лучше, чем обычные студенты, за учебный год из института выбыло шесть студентов и лишь два офицера [Отчет о состоянии и деятельности Восточного Института 1909, с. 12]. В «Отчете о состоянии и деятельности Восточного института за 1908 г.» говорилось: «Переводные и окончательные испытания дали следующие результаты: а) из 78 студентов были переведены на высшие курсы 37... Окончило курс 10... б) из 88 офицеров-слушателей были переведены на высшие курсы 65... окончило курс — 15...» [Отчет о состоянии и деятельности Восточного Института 1909, с. 14]. Профессор Е. Г. Спальвин проводил специализированные занятия для офицеров,

где изучали японскую армию. Много внимания на занятиях уделяли истории Японии.

Японо-китайское отделение в Восточном институте не было самым многочисленным, но ему уделялось особое внимание. В «Отчете о состоянии и деятельности Восточного института за 1908 г.» говорилось: «Особый интерес, проявившийся у слушателей института, как естественное последствие русско-японской войны, к изучению Японии вызвал усиление преподавательского персонала на японо-китайском отделении института еще одним образованным лектором японского языка, и это обстоятельство дало возможность обеспечить полную правильность и успешность ведения практических занятий на указанном отделении. В весеннем полугодии отчетного года, по указаниям и под ближайшим руководством и. д. профессора Е. Г. Спальвина, часть практических занятий на японо-китайском отделении посвящалась регулярным чтениям-беседам лекторов на японском языке...» [Отчет о состоянии и деятельности Восточного Института 1909, с. 19]. На первом курсе все изучали только китайский язык, а на следующих курсах японисты кроме лекций каждую неделю имели по четыре часа практики и китайского, и японского языков, а также два часа английского.

Нормальные стажировки в Японии восстановились не сразу. Например, в протоколе заседания Конференции Восточного института от 24 октября 1907 г. говорилось: «Определено: принимая во внимание исключительно неблагоприятные условия пребывания поручика Мая в Японии летом текущего года, которые лишили его возможности восполнить свои познания в японском языке для перехода на IV курс, возбудить испрашиваемое им ходатайство» остаться на третьем курсе на второй год [Протоколы заседаний 1909а, с. 26]. На следующий год ситуация со стажировкой в Японии полностью нормализовалась.

В первые послевоенные годы традиция представления по итогам стажировки научных переводов у японистов сохранилась. По итогам летней практики 1908 г. офицеры представили такие работы: «Капитан Айваз-Оглу. — а) Перевод японской комедии г. Одзаки Токутаро... “Кои-но-ямай” (“Болезнь от любви”), б) перевод японского сочинения г.г. Такеда Ото и Кимура Сиосю: “Сионен гадан. Нихон бусиоден” (“Иллюстрированные рассказы для юношества. — Биографии японских воинов”)... Шт.-капитан Иванов. — Перевод устава военной японской гимнастики с приложением сборника слов, вошедших в означенный устав. Шт.-капитан Леонтьев. — Перевод

японских философских этюдов г. Уцимура Кандзо: “Иородзу танген” (“Обо всем понемногу”)... Поручик Май. — а) Перевод с японского: “Проекта исправления пехотного устава” (Хохей сотен кайсей сбан), с приложением составленного переводчиком “Сборника военных терминов и команд, вошедших в означенный устав” и б) перевод с японского: “Отчета об изучении на месте Амурского побережья и Камчатки вице-консула Судзуки”... Поручик Спиридович. — Перевод с японского первых 9 глав сочинения г. Цубоя Дзенсиро: “Цудзоку Мейдзи рекиси” (“Популярная история эры Мейдзи”)...» [Отчет о состоянии и деятельности Восточного Института 1909, с. 30–31]. Офицеры-второкурсники представили такие работы: «Подполковник Иванов. — Перевод двух японских рассказов: а) “Муротодзаки” (“Мысль Мурото”), сочинения Кавагуци Мокусукэ, и б) “Ямагоси” (“Горный проход”), сочинения Каваи Котори»... Сотник Лион. — Перевод японского рассказа “Ботцань” (“Мальчуган”), сочинения Нацуме Сосеки... Капитан Спешнев. — а) Перевод с японского 1-ой книжки (“О возникновении войны”) из “Сионен Ницироно сенси” (“История русско-японской войны для юношества”), сочинения Ивая Садзанамы, и б) “Бусидо в прошлом и настоящем” (статья-компиляция)» [Отчет о состоянии и деятельности Восточного Института 1909, с. 33].

Конференция Восточного института удостоила научные труды штабс-капитана 1-го Восточно-Сибирского горного артиллерийского дивизиона Степана Георгиевича Леонтьева золотой медали, капитана 3-го Владивостокского крепостного артиллерийского полка Владимира Николаевича Айваз-оглу — серебряной медали, а работы сотника Льва Иосифовича Лиона и поручика 3-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Оскара-Валентина Францевича Мая удостоились почетных отзывов [Протоколы заседаний 1909b, с. 91–92]. Работы штабс-капитана 10-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Ивана Васильевича Иванова, поручика 2-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады Сергея Васильевича Спиридовича и капитана Николая Алексеевича Спешнева были признаны исполненными удовлетворительно, и лишь работа подполковника Ильи Ефимовича Иванова была возвращена автору на доработку. И. Е. Иванов в 1909 г. издал в Санкт-Петербурге небольшую книжку «На практике в Японии в 1908 г.», а позже, в 1911-м, в Москве вышла его книжка «В интимных уголках и общественных местах у японцев: (Из записной книжки путешественника)».

Летом 1909 г. в Токио были командированы офицеры-слушатели капитан Лисынков, поручик Розен, подьесаул Захаревский, штабс-капитан Шалфеев, штабс-ротмистр Лоздовский, штабс-ротмистр Шидловский-Хилькевич и подполковник Иванов. Еще несколько офицеров — Поздеев, Спандег, Цепушелов, Лион, Сикайло-Рудницкий и Спешнев — были направлены на стажировку в другие японские города.

Несмотря на успехи офицеров-слушателей Восточного института в деле изучения Японии и японского языка, после окончания Русско-японской войны встал вопрос о реформировании японоведческого образования для военных. Первыми проблему обозначили профессора Восточного института, что нашло отражение в протоколе заседания Конференции Восточного института от 6 сентября 1907 г. В «представлении директора Института г. Приамурскому Генерал-Губернатору от 25 июля» 1907 г. и «последовавшем предложении Генерал-Губернатора от 8 июля» говорилось: «а) В связи с признанной необходимостью пересмотра действующего положения о Восточном Институте находится особо-важный и неотложный вопрос — об окончательном урегулировании существующих при Восточном Институте офицерских курсов» [Протоколы заседаний 1909а, с. 5]. Профессора Восточного института полагали, что большая численность «военного элемента в Институте с полной очевидностью показала вскоре же неосуществимость на деле идеи совместного обучения студентов и офицеров», а причиной этого, по их мнению, было «несходство или даже противоположность мирозозерцания и различие в возрасте и степеней зрелости учащихся» [Протоколы заседаний 1909а, с. 6]. Вероятнее всего, Конференция Восточного института приняла такое решение под влиянием конфликта между студентами и офицерами. Один офицер-слушатель сорвал революционную листовку, в ответ на это студенты постановили закрыть институт [Дацышен 2000, с. 80].

Однако главный аргумент профессоров Восточного института был другим. В документе было указано: «Наиболее важным представляется, однако, то обстоятельство, что цели ориентального образования студентов и офицеров с государственной точки зрения представляются существенно различными, из чего вытекает и необходимость различных учебных программ для обеих категорий» [Протоколы заседаний 1909а, с. 6].

Руководство Восточного института в целях изменения существовавшей системы подготовки военных востоковедов предлагало «создать при Восточном Институте особые курсы для офицеров... ограничить продолжительность пребывания офицеров на курсах трехгодичным сроком, а программу обучения — изучением восточных языков в разговорной и письменной форме английского языка, географии и этнографии, истории и культуры стран Дальнего Востока. По специальности изучаемых языков курсы должны разделяться на отделения: китайское... японское и японско-корейское. К вышеперечисленным предметам изучения могут быть присоединены чисто военные науки» [Протоколы заседаний 1909а, с. 7].

Необходимость реформирования системы подготовки военных востоковедов была обусловлена еще и тем, что специалистов в армии по-прежнему не хватало. В опубликованной в журнале «Разведчик» в 1910 г. статье «Новый порядок изучения офицерами восточных языков» [А. Д. 1910, с. 230–231] говорилось о проблеме недостатка учебных заведений: «Последняя война с Японией с особенной очевидностью выдвинула вопрос о необходимости иметь в рядах войск офицеров, знающих восточные языки, для службы в качестве переводчиков. В настоящее время военное министерство располагает для подготовки таких офицеров следующими установлениями: 1) Курс восточных языков, учрежденный для офицеров при 1-м департаменте министерства иностранных дел. 2) Восточный институт во Владивостоке, который офицеры допускаются, для слушания лекций... 3) Подготовительная школа по восточным языкам в Ташкенте. Кроме того, содержатся 2 военных стипендиата при Ургинской школе переводчиков и толмачей и один стипендиат при такой школе в Кульдже» [А. Д. 1910, с. 230].

Образованная в конце 1908 г. комиссия при главном штабе «пришла к заключению, что неудовлетворительную постановку у нас дела изучения восточных языков следует объяснить главным образом отсутствием определённой системы и ясно намеченной цели...» [А. Д. 1910, с. 231]. Возможно, проблема возникла из-за того, что многие офицеры не хотели оставаться военными переводчиками или разведчиками, а посвящали свою жизнь изучению истории и литературы Японии. Свою роль сыграли и революционные события в России, напрямую затронувшие жизнь Восточного института.

Созданная при главном штабе комиссия приняла решение: «...В ожидании осуществления проектируемой меры, дальнейший прием офицеров в восточный институт во Владивостоке и на курс восточных языков приостановлен...» [А. Д. 1910, с. 231]. В опубликованном в журнале «Разведчик» материале по этому вопросу говорилось: «Комиссия единогласно признала, что для армии... необходимо иметь две категории офицеров, знающих эти языки: к 1-й категории должны быть отнесены войсковые “офицеры-переводчики”, хорошо владеющие известным языком и удовлетворяющие потребности войск в отношении разведки, сношений с местными жителями и т. п. Вторая же категория должна заключать известный контингент офицеров, знающих не только язык, но и основательно изучивших известные районы Дальнего и Ближнего Востока, их географию, историю, культуру, религию, законы, обычаи, частью литературу и т. п.» [А. Д. 1910, с. 230].

«Разведчик» сообщал: «Согласно оснований, выработанных комиссией, составлен проект положения об изучении офицерами восточных языков... I. Как основной принцип, устанавливается, во-первых, то начало, что главным фактором подготовки офицеров по изучению должна служить их личная самодеятельность... II. Офицеры, желающие заняться изучением восточных языков, проходят предварительно 6–8 месячный курс особой подготовительной школы, учрежденной при штабе округа. III. По окончании школы, офицеры командированы на 2 года за границу...» [А. Д. 1910, с. 230]. Реформаторы предполагали открыть четыре подготовительные школы, одна из которых — при штабе Приамурского военного округа, в которую ежегодно принимать «по выдержании установленного экзамена по 5 офицеров» [А. Д. 1910, с. 231].

В 1910 г. было принято «Положение об изучении офицерами Восточных языков». На его основе была создана «Окружная подготовительная школа переводчиков при Восточном институте». Квота приема на год составляла 12 офицеров. Последний набор был произведен в 1913 г., начавшаяся мировая война привела к тому, что не только набор в школу прекратился, но и имевшиеся слушатели вынуждены были прекратить обучение. Всего Окружную подготовительную школу переводчиков при Восточном институте окончили менее 20 человек.

Реформы военного востоковедческого образования осложнили, но не сделали недоступным образование для офицеров. Примером

тому может послужить путь в японоведение Василия Николаевича Крылова. В 1909 г., сдав экзамены на начальное знание японского языка, поручик 8-го отряда Заамурского округа Пограничной стражи В. Н. Крылов поступил на второй курс Восточного института по японо-китайскому разряду в качестве сверхштатного слушателя. Институт он закончил в 1912 г. по сокращенной программе, без свидетельства, но затем, в 1913 г. закончил Окружную подготовительную школу переводчиков при Восточном институте. А. Е. Куланов пишет: «Так как в Восточном институте Крылов, еще в 1910 г. ставший штабс-ротмистром, диплома не получил, свидетельство об окончании ОПШВЯ служило ему в качестве документа о профессиональном образовании» [Куланов 2014, с. 196].

Судьбы военных японоведов после окончания Восточного института

По-разному складывались судьбы офицеров-японоведов. Участник Русско-японской войны М. Г. Попов в 1906 г. был зачислен штатным слушателем в Восточный институт, но вскоре отчислен за неуспеваемость. В 1909 г. он вновь поступил, но уже в качестве вольнослушателя за свой счет; в 1912-м окончил японо-китайское отделение по 1-му разряду и был произведен в штабс-капитаны [Буяков 2014, с. 134–148]. Окончивший в 1910 г. японо-китайское отделение Восточного института есаул Амурского казачьего полка Л. И. Лион вскоре был направлен в распоряжение военного агента России в Японии, но в 1914 г. заболел и вскоре умер [Буяков 1999, с. 101]. В 1912 г. на японское отделение ОПШВЯ при ВИ зачислен поручик С. В. Медзевич. После начала Первой мировой войны он был откомандирован в свою часть и в 1915 г. погиб в бою.

Многие японоведы выехали на службу в Маньчжурию, продолжили там заниматься научной деятельностью, но специализировались уже на изучении этого региона, их основным рабочим языком стал китайский. Например, А. П. Болобан после окончания Восточного института работал на КВЖД. Он сразу же, в 1908 г. стал инициатором создания Общества русских ориенталистов, затем был в числе учредителей Русско-японского общества в Харбине. Однако этот японовед ушел из японистики и занимался изучением Маньчжурии, опубликовав по ней несколько крупных исследований.

Среди выпускников Окружной подготовительной школы переводчиков было больше известных общественно-политических деятелей, чем японистов. Здесь обычно вспоминают яркую, но короткую жизнь первого председателя Иркутского Совета солдатских депутатов Алексея Николаевича Луцкого, погибшего в 1920 г. во Владивостоке. Тем не менее и среди воспитанников Окружной школы были известные японисты, такие как штабс-капитан К. А. Харнский. Первая его японоведческая работа, статья «Сельское хозяйство в Японии», была опубликована в газете «Вестник финансов, промышленности и торговли» в 1906 г. После долгого перерыва К. А. Харнский вернулся в японоведение в 1920-е годы.

Если говорить о военных японоведах, достигших наибольших достижений, то следует в первую очередь назвать В. М. Мендрину. Он был принят в число штатных преподавателей Восточного института и готовился занять кафедру, написал и издал учебник по японскому языку. 1910–1916 гг. были очень плодотворными в его научной карьере. В 1910–1914 гг. выходило его многотомное учебное пособие «Соробун. Анализ японского эпистолярного стиля». В. М. Мендрин перевел и издал шесть из 22 томов «Неофициальной истории Японии» (Нихон гайси) конфуцианского ученого Рай Сантьё (1780–1832). Японовед написал введение, снабдил текст обширными историческими и лингвистическими комментариями. Последняя крупная его работа была опубликована накануне революции 1917 г. [Мендрин 1916].

Революция создала препятствия для продолжения плодотворной работы В. М. Мендрина. В 1918 г. он был избран ректором Высшего политехникума, выделившегося из родного ему Восточного института во Владивостоке. Есаулу В. М. Мендрину, призванному во время Первой мировой войны из запаса, было предложено занять должность атамана Уссурийского казачьего войска, но он остановил свой выбор на службе по ведомству просвещения. В 1920 г. В. М. Мендрин умер и был похоронен во Владивостоке. Оставшиеся в рукописях его труды, как и весь архив, были утрачены.

Большой вклад в русское японоведение внес военный японист В. Н. Крылов. Уже в первые годы после получения японоведческого образования он опубликовал серию значительных работ. В 1914 г. в Харбине вышло сразу четыре публикации «военно-академического характера»: «Вопросы японской конницы. Справочник современной организации конницы в Японии с приложением общих сведений

о японских сухопутных силах» (Харбин, 1914); «Карта Кореи с японскими собственными именами» (Харбин, 1914); «Словарь японских географических названий Кореи, ныне генерал-губернаторства Цю-сен. С картою, под ред. генерал-майора Генерального Штаба Володченко» (Харбин, 1914); «Краткие сведения о японских сухопутных войсках. С приложением географических и статистических данных о Японии. Под ред. ГШ генерал-майора Володченко» (1914)» [Куланов 2014, с. 196]. В 1918 г. в Харбине ротмистр Крылов издал книгу «Вопросы японской армии в алфавитном порядке. Справочник современного устройства японских вооруженных сил». Перечень источников на разных языках, положенных в основу этого исследования, занял половину страницы текста, что касается японоязычных текстов, автор писал: «Из японских сочинений пособиями послужили: книга японского генерал-майора Камеока “Сухопутная Армия” (Рикугун), “Новый учебник для солдат пехоты” (Син-хохей-суци), составленный капитаном Окадзаки и “Общий обзор войск” (Гунтай-тайкан) — книга, составленная полковником Госи, наконец, японские военные уставы и наставления для обучения войск и японская периодическая печать. Общие статистические данные, касающиеся Японии, взяты из “32-го Статистического Ежегодника Японской Империи, составленного Статистическим Бюро при Кабинете Министров” (Нихон-тейкоку дай сан дзю: ни то: кейненкан) и “Ежегодника газеты Кокумин-Симбун” (Кокумин-ненкан), издания 7-го года Тайсей (1917 г.)» [Крылов 1918, с. IV]. В годы Гражданской войны подполковник В. Н. Крылов, служивший в Белой армии в Забайкалье, продолжал плодотворно заниматься японистикой, преподавал японский язык, выпускал в свет словари и переводы, а после победы большевиков остался в эмиграции в Маньчжурии, где продолжал активно заниматься научно-исследовательской работой

Революция и Гражданская война нанесли большой удар по русскому японоведению. Большинство японистов остались жить и работать в Японии и Маньчжурии. Перешедшие на сторону большевиков офицеры-японоведы К. А. Харнский, Н. А. Спешнев и др. в течение нескольких лет занимались информационно-пропагандистской работой. В 1920–1930-х гг. оставшиеся в Советском Союзе воспитанники Восточного института, в том числе некоторые военные японисты, создали новое советское университетское японоведение на Дальнем Востоке. Однако прошедшая в конце 1930-х волна политических

репрессий ликвидировала остатки не только военного, но и всего российского дальневосточного японоведения. Работавшие во Владивостоке японисты, а вместе с ними и вернувшиеся из Маньчжурии эмигранты, как В. Н. Крылов, были физически уничтожены. Неизданные труды и архивы были утрачены, а большинство опубликованных работ военных японистов были забыты почти до конца XX в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

А. Д. 1910 — А. Д. Новый порядок изучения офицерами восточных языков. *Разведчик*. 1910. № 1015.

Болобан 1903 — Болобан А.П. Дисциплина в русской армии. *Разведчик*. 1903. № 674. С. 815-817.

Бутаков 1883 — Бутаков А. М. Вооружённые силы Японии и Китая. *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии*. Вып. III. Санкт-Петербург, 1883. С. 1–186.

Буяков 2014 — Буяков А. М. Офицеры-слушатели Восточного института во Владивостоке — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия. *Известия Восточного института*. 2014. № 5. С. 134–148.

Буяков 1999 — Буяков А. М. Офицеры-выпускники Восточного института: годы и судьбы. *Известия Восточного института*. 1999. № 5. С. 97–116.

ГАПК. Ф. Р-115. — Государственный архив Приморского края (ГАПК). Фонд Р-115. Восточный институт.

Дацышен 2000 — Дацышен В. Г. История изучения китайского языка в Российской империи. Красноярск: Красноярский государственный университет, 2000.

Из истории востоковедения 2000 — *Из истории востоковедения на российском Дальнем Востоке. 1899–1937 гг. Документы и материалы*. Владивосток: Приморская краевая организация Добровольного общества любителей книги России, 2000.

Икута 2014 — Икута М. Приват-доцент факультета востоковедения Дальневосточного университета Олег Плетнер: неизвестные страницы российского японоведения. В кн.: Дыбовский А. С. (ред.). *Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России*. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2014. С. 67–93.

Крылов 1918 — Крылов В. Н. *Вопросы японской армии в алфавитном порядке. Справочник современного устройства японских вооружённых сил*. Харбин: Типография Охранной Стражи КВЖД, 1918.

Куланов 2014 — Куланов А. Е. Василий Крылов: спасти и уничтожить. *Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России*. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2014. С. 194–210.

Мендрин 1916 — Мендрин В. М. *Сиогун и сейи тайсиогун. Бакуфу. Лингвистические и исторические очерки. С приложением хронологического перечня сиогунов и двух алфавитных указателей*. Владивосток: Восточный Институт, 1916.

Отчет о состоянии и деятельности Восточного Института 1909 — *Отчет о состоянии и деятельности Восточного Института за 1908 год*. Владивосток: Восточный Институт, 1909.

Подалко 1999 — Подалко П. Э. «Он всегда был полон идей...» П. Ю. Васкевич — эмигрант-романтик. *Известия Восточного института*. 1999. № 5. С. 75–96.

Протоколы заседаний 1909a — *Протоколы заседаний Конференции Восточного Института за 1907–08 акад. год*. Владивосток: Восточный Институт, 1909.

Протоколы заседаний 1909b — *Протоколы заседаний Конференции Восточного Института за 1908–09 акад. год*. Владивосток: Восточный Институт, 1909.

РГИА ДВ. Ф. 1. — Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Фонд 1. Приморское областное правление.

Японские народные сказки 1903 — Японские народные сказки с шестью рисунками в красках и политипажамми в тексте. *Разведчик*. 1903. № 648. С. 273.

REFERENCES

A. D. (1910). *Novyy poryadok izucheniya ofitserami vostochnykh yazykov* [A New Procedure for Officers to Study Oriental Languages]. *Razvedchik*, 1015. (In Russian).

Boloban, A. P. (1903). *Distsiplina v russkoy armii* [Discipline in the Russian Army]. *Razvedchik*, 674, 815-817. (In Russian).

Butakov, A. M. (1883). *Vooruzhennyye sily Yaponii i Kitaya* [Armed Forces of China and Japan]. *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii*. [A Collection of Geographic, Topographic, and Statistical Materials on Asia]. Vol. III. (Pp. 1–186). Sankt-Peterburg. (In Russian).

Buyakov, A. M. (2014). Ofitsery-slushateli Vostochnogo instituta vo Vladivostoke — kavaleriy ordena Sv. Georgiya i Georgiyevskogo oruzhiya [Officers-Students of the Eastern Institute in Vladivostok, Recipients of the Order of St. George and the St. George's Award Weapon]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 5, 134–148. (In Russian).

Buyakov, A. M. (1999). Ofitsery-vypuskniki Vostochnogo instituta: gody i sud'by [Officers Graduating from the Eastern Institute: Years and Destinies]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 5, 97–116. (In Russian).

Datsyshen, V. G. (2000). *Istoriya izucheniya kitayskogo yazyka v Rossiyskoy imperii* [The History of the Chinese Language Study in the Russian Empire]. Krasnoyarsk State University. (In Russian).

Ikuta, M. (2014). Privat-dotsent fakul'teta vostokovedeniya Dal'nevostochnogo universiteta Oleg Pletner: neizvestnyye stranitsy rossiyskogo yaponovedeniya [Privat-Docent of the Faculty of Oriental Studies of the Far East University Oleg Pletner: Unknown Pages of Russian Japanese Studies]. In Dybovsky, A.S. (Ed.) *Puti razvitiya vostokovedeniya na Dal'nem Vostoke Rossii: sbornik statey i bibliografiya*. [The Paths of Development of Oriental Studies in the Far East: a Collection of Articles and Biographies]. Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 67–93. (In Russian).

Iz istorii vostokovedeniya na rossiyskom Dal'nem Vostoke. 1899–1937 gg. Dokumenty i materialy (2000). [From the History of Oriental Studies in the Russian Far East. 1899–1937. Documents and Materials]. Primorskaya krayevaya organizatsiya Dobrovol'nogo obshchestva lyubiteley knigi Rossii. (In Russian).

Krylov, V. N. (1918). *Voprosy yaponskoy armii v alfavitnom poryadke. Spravochnik sovremennogo ustroystva yaponskikh vooruzhennykh sil* [Japanese Army Issues in Alphabetical Order. Handbook of the Modern Structure of the Japanese Armed Forces]. Tipografiya okhrannoy strazhi KVZhD. (In Russian).

Kulanov, A. E. (2014). Vasilii Krylov: spasti i unichtozhit' [Vasily Krylov: Save and Destroy]. In *Puti razvitiya vostokovedeniya na Dal'nem Vostoke Rossii: sbornik statey i bibliografiya*. [The Paths of Development of Oriental Studies in the Far East: a Collection of Articles and Biographies]. Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta. (Pp. 194–210). (In Russian).

Mendrin, V. M. (1916). *Syogun i seyi taysyogun. Bakufu. Lingvisticheskiye i istoricheskiye ocherki. S prilozheniyem khronologicheskogo perechnya syogunov i dvukh alfavitnykh ukazateley* [Shōgun and Seii Taishōgun. Bakufu. Linguistic and Historical Essays. With the Appendix of the Chronological List of Shōguns and Two Alphabetic Indexes]. Vostochnyy Institut. (In Russian).

Podalko, P. E. (1999). “On vseгда byl polon idey...» P. Yu. Vaskevich — emigrant-romantik [“He was Always Full of Ideas...” P. Yu. Vaskevich as a Romantic Emigrant]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 5, 75–96. (In Russian).

Vostochnyy Institut (1909a). *Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Vostochnogo Instituta za 1908 god* [Report on the Status and Activities of the Oriental Institute in 1908]. Vostochnyy Institut. (In Russian).

Vostochnyy Institut (2009b). *Protokoly zasedaniy Konferentsii Vostochnogo Instituta za 1907–08 akad. god* (1909) [Minutes of Meetings of the Conference of the Eastern Institute for the 1907–08 Academic Year]. Vostochnyy Institut. (In Russian).

Vostochnyy Institut (2009c). *Protokoly zasedaniy Konferentsii Vostochnogo Instituta za 1908–09 akad. god* (1909) [Minutes of Meetings of the Conference of the Eastern Institute for 1908–09 Academic Year]. Vostochnyy Institut. (In Russian).

Yaponskiye narodnyye skazki s shest'yu risunkami v kraskakh i politipazhami v tekste (1903) [Japanese Folk Tales with Six Drawings in Color and Polytypes in the Text]. *Razvedchik*, 648. (In Russian).

Жизненный и творческий путь Сергея Елисеева

С. И. Марахонова

Аннотация. Статья посвящена памяти выдающегося японоведа XX в., всемирно признанного ученого и педагога, основателя дальневосточного направления исследований в США, создателя научного японоведения во Франции, одного из первых русских японистов Сергея Григорьевича Елисеева (Serge Elisséeff) (1889–1957). Осенью 1920 г. С. Г. Елисеев, выходец из богатейшей купеческой семьи, эмигрировал из Советской России, поэтому в СССР он был почти неизвестен. Очень нескоро достижения бывших российских граждан в области науки, техники, искусства и литературы были признаны на их первой родине, а сами они стали ее гордостью. Единственная в мире научная конференция, посвященная научной судьбе ученого, прошла в Москве в 1999 г. Несмотря на многочисленные доклады специалистов, журналистов и даже людей, когда-то знавших Елисеева, выяснилось, что жизненный и профессиональный путь востоковеда нуждаются в глубоком и тщательном изучении.

С этой целью автором статьи был произведен сбор документальных материалов из архивов и библиотек ряда стран мира, с которыми С. Г. Елисеев так или иначе был связан. На основе этих данных удалось восстановить научную биографию знаменитого японоведа. Был рассмотрен ранний период жизни Сергея Елисеева и причины формирования у него интереса к изучению Японии. Выявлены новые детали его обучения в Императорском Токийском университете, который Елисеев окончил в 1912 г. первым среди европейцев. Была прослежена карьера молодого ученого и преподавателя в 1915–1920 гг. в Петрограде, доказано значительное влияние профессионала Елисеева на развитие японоведения во Франции.

Документы из архивов США полностью подтвердили основополагающую роль Сержа Елисеева в создании научно-педагогического направления дальневосточных исследований в Гарвардском университете и в США в целом. Его недюжинные организаторские способности полностью

раскрылись в его руководстве Институтом Гарвард-Янцзин по целому ряду направлений и в США, и в Китае, и в других азиатских странах. Показаны направления деятельности Елисеева в сотрудничестве со спецслужбами США во время Второй мировой войны, его роль в спасении Киото, Нара и Камакура от конвенциональных бомбардировок. Рассмотрен вклад ученого в распространение знаний о Японии, о японской ментальности в западном мире. В статье введен в научный оборот ряд новых источников.

Ключевые слова: Сергей Григорьевич Елисеев, японоведение, искусство Японии, японская литература, русская эмиграция в Париже, японоведение в Гарвардском университете, Институт Гарвард-Янцзин, христианские университеты в Китае, ковровые бомбардировки Киото.

Автор: *Марахонова Светлана Ивановна*, кандидат исторических наук, независимый исследователь.

E-mail: pet.1703@inbox.ru

Serge Elisséeff: Life and Career

S. I. Marakhonova

Abstract. This article was written in commemoration of Serge Elisséeff (1889–1975) – an outstanding 20th century Japanologist, the world-famous scholar and teacher, the founder of the school of Far Eastern studies in the USA, the organizer of academic Japanology in France, one of the first Russian Japanologists. In the autumn of 1920, he emigrated from the Soviet Russia, and was practically unknown in the USSR for this reason. The recognition of the achievements of Russian emigrants in the fields of academic science, engineering, art, and literature in their motherland, when they became its pride, required a lot of time. The only international conference devoted to Elisséeff's academic path was held in Moscow in 1999. A series of reports was presented by academicians, journalists, and persons who had known Serge Elisséeff personally. Nevertheless, it became evident that his personal and professional life still needs further profound study.

For this purpose, the author collected many new documents in various archives and libraries of the countries somehow linked to Serge Elisséeff's life. They formed a base for reconstructing the prominent scholar's academic biography. The author reveals the early period of his life and the reasons for his interest in Japanese studies, and introduces some new details of his study at the Imperial Tokyo University (he graduated in 1912 as the first European graduate). The paper examines the Petrograd period of Elisséeff's career in 1915–1920, when he was a

young scholar and professor, and proves his considerable professional contribution to the French Japanology.

Serge Elisséeff's fundamental contribution as the organizer of Far Eastern studies at Harvard and the U.S. in general was fully confirmed by the American archive documents. His extraordinary administrative abilities were revealed during his tenure as the Director of the Harvard-Yenching Institute, when he fulfilled a number of activities at Harvard, in China, and in other Asian countries. The paper considers Elisséeff's cooperation with the U.S. Secret Services during World War II, and shows his role in saving Kyoto, Nara, and Kamakura. The article also introduces Elisséeff's accomplishments in spreading the Japanological expertise and the knowledge of Japanese mentality in the West. A number of new scholarly archive sources are put in scientific circulation.

Keywords: Serge Elisséeff, Japanology, Japanese art, Japanese literature, Russian emigration in Paris, Japanology at Harvard University, Harvard-Yenching Institute, Christian universities in China, Kyoto carpet bombing.

Author: *Marakhonova Svetlana I.*, PhD in History.

E-mail: pet.1703@inbox.ru

Путь в профессиональные японисты

Сергей Григорьевич Елисеев (1889–1975) — один из первых в России и в мире японоведов, получивших профессиональную подготовку. Более того, Сергей Елисеев единственный из них получил специальное образование в Императорском Токийском университете, на отделении японской словесности историко-филологического факультета. Он был первым европейцем — выпускником этого элитного учебного заведения. В июле 1912 г. сам император Мэйдзи незадолго до своей кончины приветствовал, согласно традиции, молодого европейца в числе лучших выпускников университета. Сертификат об окончании университета датирован 10 июля 1912 г.

О выпуске Сергея Елисеева из японского университета вскоре стало известно в России. «Записки Приамурского отдела Императорского общества востоковедения» за 1912 г. на с. 300 сообщали: «В токиоском императорском университете окончил курс Сергей Елисеев, 23 л., по факультету японской словесности. До сего времени ни одному европейцу не удавалось окончить японский университет. Оканчивали индусы и китайцы. Таким образом, С. Елисеев является первым европейцем, удостоившимся получить ученую степень “бунгакуси”. Ученая степень “бунгакуси” молодому ученому присуждена

за литературную работу: “О поэзии Басио, великого народного поэта Японии”»).

По окончании аспирантуры в Токио Сергей Елисеев перед самым началом Первой мировой войны, в июле 1914 г., вернулся в Россию. Его планы совершенствовать свои знания в западном университете рухнули, зато декан факультета восточных языков Петроградского университета Н. Я. Марр был очень заинтересован в лучшем на тот момент знатоке современного японского языка. Правда, для того чтобы японский диплом был приравнен к диплому любого европейского университета, в связи с отсутствием прецедента потребовалось вмешательство министра народного просвещения и Высочайшее повеление. После прохождения необходимых формальностей — сдачи экзаменов по специальности и чтения двух публичных лекций — Елисеев в звании приват-доцента кафедры японской словесности был назначен преподавателем японского языка и литературы.

Благодаря шести годам обучения в японском университете, практическому знакомству со страной, ее культурой, искусством и традициями С. Г. Елисеев сформировался как востоковед-универсал, компетентный практически во всех областях японоведения. Дружба и тесное общение с выдающимся писателем Нацумэ Сосэки и начинающими авторами — членами его «Четвергового клуба» (кружок собирался по четвергам в доме писателя в горах) усилила его неослабевающий интерес к японской литературе. Недаром темой для дипломной работы Елисеев выбрал творчество замечательного средневекового поэта Басё. Уроки, которые он брал у мастера Кабуки, знакомство с артистами способствовали погружению в мир традиционного театра и увлечению его историей. Посещение храмов, монастырей, музеев и ремесленных производств, регулярные поездки по стране подготовили почву для изучения истории, географии и искусства Японии.

В Петрограде Сергей Елисеев, как и большинство представителей научной интеллигенции, и до революции, и после нее работал в нескольких учреждениях. Помимо университета он служил заведующим архивом в Азиатском музее Академии наук, читал курсы лекций по дальневосточному искусству в Институте истории искусств, а работая в Археологической комиссии, занимался розыском частных восточных художественных коллекций, их описанием и исследованием. Он состоял членом ряда научных обществ: Русского археологического, Русского географического, Русско-японского, Общества

востоковедения и даже такого необычного, как Общество окончивших университеты в Японии. Елисеев выступил там с рядом докладов по литературе, истории, искусству, географии, экономике Японии, о подписании союзного русско-японского договора 1916 г., об ученом и политике Араи Хакусэки.

Сергей Елисеев родился в Санкт-Петербурге в известной купеческой семье, одной из самых богатых в России. В 1907 г., окончив с золотой медалью Ларинскую гимназию, юноша отправился в Берлинский университет, чтобы в течение года получить там начальные знания японского и китайского языков. Конечной его целью был Императорский Токийский университет. В Берлине Сергея Елисеева неплохо подготовили по общетеоретическим предметам, в частности по сравнительной лингвистике индоевропейских языков, философии, эстетике, а также истории и искусству Японии и Китая. Однако преподавание японского языка оставляло желать много лучшего. В результате Елисеев отправился в Японию с почти нулевым знанием языка, и ему пришлось осваивать японский по учебникам для начальной школы. Доехав по Транссибирской железнодорожной магистрали до Владивостока, на корабле он добрался до японского порта Цуруга, затем до городов Майбара и Киото, откуда наконец приехал на поезде в Токио.

Желание Сергея Елисеева получить столь редкую и необычную специальность сформировалось постепенно, по мере того как усиливался его детский интерес к Японии. Причиной этого интереса были и потрясение от увиденного в павильонах стран Азии на Всемирной выставке в Париже (1900 г.), и посещение выставки коллекции японского искусства С. Н. Китаева в 1905–1906 гг., и просмотр японских художественных журналов. Мальчик и сам имел художественные наклонности и брал уроки рисования и живописи. С другой стороны, обладая способностью к научному анализу, он пытался понять причины поражения России в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Но без изучения Японии и японского языка это представлялось ему невозможным.

С большими сложностями Елисееву удалось поступить в Императорский Токийский университет на специальность «японская словесность». И тогда начались настоящие трудности: он почти ничего не понимал на лекциях, которые читались по-японски, японские студенты относились к нему настороженно, как к иностранцу, вокруг него был совершенно непривычный, особенный мир. Но благодаря

поддержке профессоров, помощи первоклассных репетиторов, почти круглосуточным занятиям к концу второго года обучения русский студент вышел на необходимый уровень. Он прошел школу у таких выдающихся ученых-филологов, как Уэда Маннэн, Хага Яити, Фудзиока Сакутаро, Фудзиока Кацудзи и др.

У Елисеева появились друзья. Одним из них был студент Комия Тоётака, ставший впоследствии известным филологом-германистом и писателем. Именно Комия ввел его в кружок Нацумэ Сосэки, с которым молодого русского связали тесные отношения. Писатель относился к Елисееву как к сыну, а тот считал себя учеником Нацумэ. Елисеев написал ряд заметок о современной русской литературе и опубликовал их в «Асахи симбун» в рубрике «Новые русские писатели». В этом ему помог Нацумэ Сосэки, который был редактором раздела «Литература и искусство» в этой газете. Русский студент печатался и в других изданиях, выступал и как театральный критик, пишущий о русском и японском театре.

В 1910 г. его отец Григорий Григорьевич Елисеев, блестящий предприниматель, благотворитель и общественный деятель, за заслуги на торговом поприще был возведен в потомственное дворянство со всем семейством. Так Сергей Елисеев стал дворянином, однако он предпочитал относить себя к классу буржуазии и вообще всегда придерживался либеральных взглядов. В феврале 1917 г. он горячо приветствовал русскую революцию, результатом которой стало свержение монархии. Большевицкий переворот вызвал у Елисеева отрицательные чувства, но он сотрудничал с новой властью, продолжая работать в прежних учреждениях, которые теперь стали советскими.

Его преподавательская и научная карьера складывалась довольно успешно, в Институте истории искусств он был избран профессором, в Археологической комиссии заведовал разрядом. По ряду причин в конце 1919 г. он остался единственным преподавателем японоведческих дисциплин в Петроградском университете. Начинаящий ученый написал целый ряд статей по искусству Японии и Китая: о монохромной живописи, о пейзаже и портрете, о скульптуре, о японском холодном оружии. Он первым из русских профессиональных японоведов затронул тему искусства Дальнего Востока. Ранее этим занимались западные искусствоведы, однако существенным преимуществом Сергея Елисеева перед ними было знание языка, что позволяло ему обращаться непосредственно к источникам и к работам японских ученых.

Важен был и его собственный опыт, накопленный во время жизни в Японии. Увы, ни одна из этих его работ не была опубликована ввиду материальных трудностей России тех лет. Ученый готовил к публикации монографию «История дальневосточного искусства» для известного издательства «Брокгауз и Ефрон», но отъезд Елисеева из Советской России помешал осуществить этот проект.

В университете Сергей Елисеев знакомил своих студентов не только с классической японской литературой, но и с современными произведениями, такими, как «Сансиро» и «Врата» Нацумэ Сосэки. Фрагмент рукописи перевода «Сансиро» на русский язык сохранился в архиве ученого. И останься он в Петрограде, мог бы стать первым переводчиком повести на европейский язык.

Литература была второй после искусства «японской страстью» молодого востоковеда. Впервые ступив на японскую землю в сентябре 1908 г., русский юноша понял или интуитивно почувствовал, что «в стране, где такое великое искусство, должна быть и великая литература» [Елисеев 1914, с. 30]. Тонкое восприятие литературных произведений, созданных в иной культурной среде, позволило Елисееву сформировать новые подходы к изучению японской литературы и выработать новые культурно-исторические и философские принципы исследования. В отличие от предшествующих европейских японоведов У. Астона, К. Флоренца, Б. Чемберлена, которые рассматривали японскую литературу в постоянном сравнении с привычными им понятиями и образцами литературы европейской, что приводило к недооценке первой, Елисеев предлагал относиться к японским произведениям как к совершенно особому культурному феномену вне западной литературной парадигмы. Начинающий ученый указывал на разницу во внутренней структуре европейских и западных произведений, главного и второстепенного, целого и частей. «Трудность понимания не в мирозерцании, которое отражается в литературе... Трудность в понимании чужих неведомых форм, где главное часто лежит не там, где бы оно находилось у нас, где писатель только слегка касается того, что европейцем воспринимается как самое важное. Отсюда другое восприятие частей и другое восприятие целого. Мы не должны подходить к японской литературе с нашими готовыми трафаретами и отвергать все то, что к ним не подходит, а, наоборот, должны стараться понять эти новые для нас формы, в которые она вылилась» [Елисеев 2000, с. 243].

Эссе «Японская литература» в сборнике «Литература Востока» — единственная опубликованная на русском языке работа С. Г. Елисеева [Елисеев 1920, с. 38–89]. Это был лучший в то время критический обзор японской литературы, сохранявший актуальность в течение нескольких десятилетий. В 1936 г., когда С. Г. Елисеев работал в Гарвардском университете, один из американских издателей планировал опубликовать сборник на английском языке, но издание не состоялось.

Эмиграция в Европу

Вплоть до весны 1919 г. Елисеев не решался уехать из Советской России в эмиграцию, опасаясь неизвестности и надеясь на поражение большевистской власти. Его семья, как и большинство жителей Петрограда, в течение нескольких лет переживала страшный голод, холод и неустроенность. Здоровье Елисеева, его супруги Веры Петровны и двух маленьких детей было серьезно подорвано. А в конце мая 1919 г. во время наступления на город войск генерала Юденича он был внезапно арестован как заложник. Десять дней он находился в военной тюрьме и был освобожден только благодаря хлопотам ученых коллег. Однако теперь ему угрожала опасность в любую минуту вновь подвергнуться аресту. Ученый дважды оформлял научную командировку в Европу вместе с семьей. В то время это был единственный легальный способ покинуть Советскую Россию. Когда обе командировки сорвались, было принято решение бежать тайно.

Ночью 23 сентября 1920 г. Елисеевы благополучно переправились на лодке контрабандистов через Финский залив в Финляндию. Вскоре они уже были в Швеции, где ученый сумел получить временную работу в Стокгольмском университете — чтение курса основ дальневосточного искусства (на немецком языке). В январе 1921 г. семья прибыла в Париж, где уже жила сестра Веры Елисеевой, а позднее поселился брат Сергея Николай Елисеев.

Вхождение в новую среду, безусловно, было непростым. Но положение Елисеева как востоковеда, специалиста в редкой научной области, одинаково приемлемой для любой европейской страны, выгодно отличало его от большинства русских эмигрантов. В отсутствие профессиональных японоведов в Париже — центре европейской синологии начала XX в., — он имел все основания занять лидирующее положение. Очень помогло и то, что Елисеев был знаком с французс-

кими востоковедами, а также с японцами — дипломатами, писателями, журналистами и учеными.

Наиболее стабильный доход Елисееву приносила работа переводчика в посольстве Японии и деятельность офицера связи в Международном институте интеллектуального сотрудничества при Лиге Наций (L'Institut International de Coopération Intellectuelle). Одной из важнейших сфер его деятельности в институте было налаживание сотрудничества с рядом японских организаций, обеспечение представительства японских ученых на международных симпозиумах и пр. Японец Орест Плетнер, находившийся в Японии, свидетельствовал, что все японцы, командированные в Европу, в Париже проходили «через руки С. Г. Елисеева и находились у него на обучении» [Архив востоковедов Института Восточных Рукописей РАН – Письмо О. В. Плетнера В. М. Алексею. Не датировано. По контексту — весна 1929 г. Не инвентаризировано]¹.

В академической среде Франции молодой русский ученый уже был известен как лучший знаток японского искусства и литературы. Он встретил теплый прием у Поля Пельо (Pelliot), Сильвана Леви (Levy), Анри Масперо (Maspero) и других востоковедов. Однако продвинуться по карьерной лестнице ему долгое время не удавалось по объективным причинам. Места были заняты другими людьми, пусть и серьезно уступавшими Елисееву в компетенциях, к тому же он был чужим, а французское гражданство получил только 23 июня 1931 г. Тогда он изменил написание своего имени с Serge Elis(s)éèv на Serge Elisséeff, под которым и приобрел мировую известность. Однако до его отъезда в США все же первое написание встречается чаще.

В 1921 г. Елисеев начал работать в Музее азиатского искусства Гимэ. Прослужив там до 1932 г., он не добился какой-либо серьезной должности, хотя руководство музея считало его «выдающимся специалистом». Он занимался инвентаризацией и каталогизацией японских книг, переводами японских документов и идентификацией ряда музейных предметов [Bibliothèque du musée Guimet, Paris — Correspondance administrative. 1907–1925. № 532]. Большой культурный резонанс имели лекции Елисеева по дальневосточному искусству,

---

¹ Документ введен в научный оборот в книге: С. И. Марахонова. Орден Священного сокровища Сергея Елисеева. Как сын русского купца стал основателем американского японоведения. Санкт-Петербург: СИНЭЛ, 2016. Часть приведенных ниже источников также введена в научный оборот в указанной книге.

которые он читал в музее. Об этом стало известно даже в Петрограде благодаря заметке В. М. Алексеева «Русское востоковедение за границей», размещенной в журнале «Восток». «Как лектор он (С. Г. Елисеев. — С. М.) известен Парижу по лекциям в музее Гимэ, где он состоит каталогизатором» [Алексеев 1923, с. 132].

Музейная деятельность удовлетворяла интерес Елисеева к японскому (в широком смысле — к дальневосточному) искусству. За десятилетие пребывания во Франции ученым написал и опубликовал практически все свои искусствоведческие статьи. Большая их часть была издана в журнале *Revue des Arts Asiatiques*, который выходил с 1924 г. под эгидой музея Гимэ и музея китайского и японского искусства Чернуски.

Вместе с заместителем хранителя музея Гимэ искусствоведом Клодом Мэтром (*Maître*) Елисеев участвовал в издании ежемесячного журнала *Japon et Extrême-Orient*, который выходил при финансовой поддержке японского посольства, банка «Нитибуцу Гинко» и фирмы «Мицубиси» и свидетельствовал о возникшем во Франции глубоком интересе к японской культуре. В каждом номере журнала Елисеев представлял французскому читателю перевод какого-нибудь рассказа современных японских писателей: Акутагава Рюноске, Нагаи Кафу, Сига Наоя, Кубота Мантаро, Танидзаки Дзюнъитиро и ряда других. Часто это были первые в мире переводы этих авторов. Этими работами Елисеев зарекомендовал себя как великолепный литературный переводчик, по объективным обстоятельствам — из-за нехватки времени, которое он полностью посвящал своей основной работе, — не имевший возможности реализовать этот дар в дальнейшем. Елисеев также публиковал критические статьи о японской литературе и рецензии на научные работы. К сожалению, из-за внезапной смерти К. Мэтра издание журнала продолжалось всего год (с декабря 1923-го до декабря 1924 г.) и свет увидели только двенадцать номеров.

Русский ученый также много печатался в *Journal Asiatique*, который издавался таким солидным собранием, как Азиатское общество, созданное в Париже еще в 1822 г. Серж Елисеев состоял его членом с 1921 г.

В первые годы пребывания в Париже Елисееву удалось получить место внештатного преподавателя в Сорбонне, где он читал лекции по японской литературе разных периодов и курс по грамматике японского письменного языка. Но работа в Сорбонне, по-видимому, была недолгой.

С 1923 г. он служил в Школе живых восточных языков (*École des langues orientales vivantes*, современная аббревиатура *INALCO*), но сначала был не преподавателем японоведческих дисциплин, а экзаменатором. Один раз в год он принимал экзамены по японскому языку у студентов (29 мая 1923 г., 22 мая 1924 г., 13 мая 1925 г. и т. д. вплоть до 1930 г.). До Сержа Елисеева в 1921 и 1922 гг. экзамены принимал не профессиональный японовед, а французский консул в Японии месье Бургуа (*Bourgois*) [*Archives nationales, France* — F17/13610].

С 1925 по 1934 г. русский эмигрант преподавал в Школе курс японской филологии. Однако он смог получить место преподавателя лишь на свободных (общедоступных) курсах восточных языков, организованных при Школе для широкой аудитории. Места же на японской кафедре, где обучались студенты, были давно и прочно заняты профессором-французом, бывшим консулом в Японии Жозефом Дотрмером (*Dautremer*) и репетитором-японцем Найто (*Naito*) Ёкити. В Национальном архиве Франции сохранились афиши, представлявшие программу свободных курсов конца 1920-х — начала 1930-х гг. Согласно им, в секции японской филологии господин Елисеев читал грамматику и историю японского литературного языка [*Archives nationales, France* — 62 AJ 70].

В феврале 1932 г. ситуация на японской кафедре резко изменилась: профессор Дотрмер вышел в отставку. На кафедре был объявлен конкурс на замещение вакансии, и, казалось бы, Елисеев имел все основания занять ее как японовед-профессионал и опытный преподаватель. Однако собрание профессоров-французов отдало предпочтение своему земляку Шарлю Агеноэру (*Haguénauer*), дипломату, секретарю Дома Франции в Токио, не имевшему опыта преподавания. За него было отдано десять голосов, а за Елисеева, который прошел вторым из нескольких претендентов, только пять. Сам Елисеев охарактеризовал Агеноэра так: «Он знающий японист, но лишенный искры, у него нет энтузиазма, и ученики Школы восточных языков жалуются, что он беспредельно скучен» [Дьяконова, Смирнов 2003–2004, с. 43–44]. Очень скоро Агеноэр стал ведущим французским японоведом, лингвистом и этнологом. Ряд лекций он прослушал у Елисеева.

По-видимому, в 1928 г. Сержу Елисееву было поручено чтение лекций по искусству Дальнего Востока в Школе Лувра. [Pouillon (ed.) 2008, p. 377]. Студентам он преподавал курс общей истории искусств, искусство Японии и искусство Китая. Известно, что во

втором семестре 1933/34 учебного года он читал курс китайской живописи. Читал Елисеев и публичные лекции, которые проходили в Школе Лувра каждое воскресенье в десять часов утра [Archives des musées d'État, France — F 26].

Добиться высокого положения, причем довольно быстро, ученому удалось только в Практической школе высших исследований (École Pratique des Hautes Études, EPHE) при Сорбонне. Как и в Школе живых восточных языков, он начал с чтения публичных лекций на свободных общедоступных курсах. С 1 февраля 1930 г. Серж Елисеев был назначен временным преподавателем вместо уехавшего коллеги и читал одну, затем две лекции в неделю по теме «Религии Японии». Сам ученый уточняет, что это были лекции по истории буддийского искусства, в особенности иконографии [Дьяконова 2000, с. 157, 162].

Весной 1931 г., когда в EPHE освободилось штатное место доцента (maître de conférences), Сильван Леви предложил кандидатуру Елисеева, однако и здесь коллеги выбрали не его, а начинающего французского преподавателя аннамитского (вьетнамского) языка Местра (Mestre). И только в конце 1932 г., с 1 ноября, Елисеев был назначен на должность ординарного профессора (directeur d'études) кафедры религий Японии (V секция) [Archives nationales, France — F17/27834].

Компетенции Сергея Елисеева как крупнейшего специалиста в области японского искусства были востребованы вскоре по его приезде в Париж. Он был приглашен к научному руководству выставкой современного (эпохи Мэйдзи, 1868–1912) японского искусства, которая прошла с 20 апреля по 30 июня 1922 г. в Гран-Пале. Подготовка и работа экспозиции проходили на самом высоком уровне — под покровительством Р. Пуанкаре, председателя Совета министров и министра иностранных дел Франции, Л. Берара, министра народного просвещения и изящных искусств, и посла Японии во Франции виконта Исии.

Елисеев был организатором и каталогизатором выставки, а профессионально подготовленный им каталог, по словам В. М. Алексеева, «чуть ли не впервые составленный лицом, соединяющим в себе знание языка со знанием и пониманием искусства, составит эпоху в японоведении» [Алексеев 1923, с. 132].

Японская сторона отобрала для показа работы современных художников Кумэ (Kume) Кэйитиро, Вада (Wada) Эйсаку и Нагатоти (Nagatochi) Хидэта, мэтров Токийской школы живописи. Они некото-

рое время жили в Париже, брали уроки у французских художников и в своих произведениях придерживались канонов западного искусства. В Париж было доставлено 388 современных работ, включая картины, рисунки, свитки, кимоно и пр. Более ранний период истории Японии — XVII–XVIII вв. — был представлен только 97 предметами. Интерес у публики и критиков вызвали предметы традиционного искусства, знакомого им с последней трети XIX в. Современная же японская живопись, ранее неизвестная в Европе, была встречена прохладно.

В связи с этим монография Сергея Елисеева «Современная живопись в Японии» [Eliseev 1923], приуроченная к открытию выставки в Гран-Пале, имела огромное просветительское значение. Это был первый труд по искусству Японии данного периода, остававшийся единственным вплоть до конца XX в. В первой части книги Елисеев профессионально рассмотрел становление традиционной японской живописи с анализом особенностей различных художественных школ, жанров и стилей. Во второй и третьей частях автор исследовал процесс влияния западного искусства на японскую живопись эпохи Мэйдзи и проанализировал работы более чем 70 современных художников, принадлежавших к традиционному и западному направлениям. По словам современных искусствоведов, «он (Елисеев. — С. М.) занимает исключительно объективную позицию по отношению к дальневосточной эстетике, избегает априорных или ограниченных западным видением суждений. Его интерпретация сродни нынешним исследованиям в области японского искусства» [Шарье 2000, с. 104].

В дополнение к монографии Елисеев написал статьи, где затронул ряд вопросов дальневосточного искусства, которые не были освещены в книге: портретную живопись в Китае и Японии; особенности живописной школы Кано; японскую монохромную живопись. В них он использовал свои петроградские наработки — неопубликованные статьи и курсы лекций.

С. Г. Елисеев и в дальнейшем занимался организацией выставок и их научным руководством. Так, осенью 1931 г. он был назначен комиссаром выставки японского искусства, которая была задумана в Стокгольме Шведско-японским обществом. В задачу Елисеева, которого устроители выставки охарактеризовали как «глубокого знатока искусства и филологии», входил отбор предметов японской живописи, скульптуры, прикладного искусства и оружия, принадле-

жавших частным коллекционерам и общественным организациям в Швеции. Он также подготовил подробный каталог выставки, снабдив его серьезным введением. Выставка проходила под патронажем кронпринца Швеции Евгения и японского принца Титибу (Chichibu) и работала с 8 по 22 ноября 1931 г. Она имела, по словам самого Елисеева, неожиданно большой успех и вызвала интерес шведов к японскому искусству и вообще ко всему японскому.

Летом 1934 г. перед отъездом из Франции Елисеев подготовил экспозицию китайских бронзовых изделий в количестве 500 предметов (сосудов, ваз, оружия) в музее Оранжери. Тщательно изучив эти предметы, в специальной статье автор сделал выводы, которые способствовали облегчению датировки ваз и сосудов. В 1938 г., уже работая в Гарварде, Серж Елисеев принял участие в подготовке выставки скульптуры и изделий из бронзы в Нью-Йорке и подарил ее каталог Полю Пельо [Bibliothèque du musée Guimet — Pel. 108 с. 1939. № 3 — Письмо С. Елисеева П. Пельо от 12 января 1939 г.].

Многолетние исследования Сержа Елисеева в области дальневосточного искусства были обобщены в обширных главах о Китае и Японии в востоковедном томе многотомной «Истории искусств». Это было практически последнее серьезное обращение ученого к искусствоведческой тематике, итог его работы. Если особенности живописи, скульптуры, иконографии буддизма Елисеев ранее освещал неоднократно, то об архитектуре он первый и единственный раз написал в этих главах. В своих курсах лекций он всегда уделял ей большое внимание, так как считал, что именно архитектура более всего выражает общественные и классовые вкусы. Исследование японской архитектуры, представленное Елисеевым в книге, было одним из первых в западной историографии 1920–1930-х гг. Автор-японовед сумел рассмотреть архитектуру Японии в социально-историческом контексте разных эпох.

Для престижного издания «Языки мира» Елисеев написал очерки о японском, корейском, айнском и гиперборейском языках. Он участвовал в фундаментальном труде «История и историки за последние пятьдесят лет (1876–1926)», в котором ему принадлежит большой раздел по историографии Японии.

В 1933 г. вышла в свет книга Сергея Елисеева с иллюстрациями Александра Яковлева о театре Кабуки². Правильнее сказать, что

---

² A. Iakovleff, S. Elisséeff. Le Théâtre japonais (Kabuki). Paris: Meynial, 1933.

японовед, увидев альбом с рисунками Яковлева, сделанными в Японии в 1917–1919 гг., написал для него научный текст. Издатель Жюль Меньяль (Meunial), возможно, отдал приоритет художественной составляющей книги, поставив фамилию Яковлева (вопреки латинскому алфавитному порядку) на первое место. Издание вышло очень небольшим тиражом и быстро стало раритетным.

Эта монография была первым в западной историографии научным трудом, специально посвященным истории и особенностям театра Кабуки и написанным профессиональным японоведом. Более того, ее создал не просто ученый, но человек, который сумел до определенной степени проникнуть в суть этого японского культурного явления, имея собственный опыт участия в нем. Находясь в юности в Японии, он настолько заинтересовался театром Кабуки, что сам стал брать уроки у мастера и чрезвычайно в этом преуспел. Он был прекрасно обучен танцам, мог воплотить любой сценический образ, был знаком с актерами. Молодой русский исполнял танцы даже во время собрания кружка Нацумэ Сосэки.

Любопытно, что сотрудники посольства Японии в Париже в 1920-е гг. обращались к Сержу Елисееву за консультацией, как осуществить постановку Кабуки [Комия, Абэ, Накамура 1953, с. 19]. Определенная артистичность и интерес к театру вообще сформировались у ученого в детстве, поскольку в его семье дважды в год было принято ставить самодеятельные спектакли с участием взрослых и детей. Его мать М. А. Елисеева выступала в своем любительском театре. Сохранилась старая фотография, где она играла в комедийной пьесе Е. Н. Залесовой «Теща в дом — все вверх дном», популярной в конце XIX в. [Личный архив Ярослава Елисеева]. Младший брат Петр Елисеев, бывший офицер, после революции 1917 г. актерствовал под псевдонимом Каменский до своей высылки из Ленинграда в 1934 г. Сергей Елисеев с супругой Верой в Париже в начале 1930-х гг. принимали участие в деятельности некоего «античного театра» при Сорбонне. Известно, что Сергей изготовил декорации, а Вера сшила византийские костюмы. Весьма возможно, что они также играли в спектакле. В дальнейшем, уже проживая в США, в 1935 г. они репетировали роли в какой-то постановке в Гарварде [Archives de l'Ecole française d'Extrême-Orient — Фонд В. С. Елисеева. Не инвентаризован].

Итак, в начале 1930-х гг. русский японовед занял прочное положение в востоковедной среде Франции и своими профессиональными

исследованиями заложил основы научного японоведения. Десятилетие во Франции оказалось очень благоприятным для Елисеева-ученого. Основная масса его работ была создана и увидела свет именно в то время. Он был вполне доволен и своим местом заведующего кафедры религий Японии в Практической школе высших исследований. Очевидно, в будущем Елисеева ожидала неплохая карьера во Франции, но неожиданное предложение из-за океана кардинально изменило его жизнь.

Переезд в Америку

В 1928 г. при Гарвардском университете в США был создан частный Институт Гарвард-Яньцзин. Его целью, изложенной в меморандуме от 1925 г., было развитие и совершенствование высшего образования в Китае в области традиционной культуры (литература, искусство, история, лингвистика и пр.). Указывалась возможность сотрудничества и с другими странами Восточной Азии. Прежде всего речь шла об оказании финансовой и научной поддержке шести христианским университетам (Яньцзинский университет под Пекином и др.) и ряду колледжей в Китае. Необходимо было обеспечить качественное обучение китайских студентов в области китаеведения как в самом Гарвардском университете, так и в магистратурах христианских университетов в Китае, которые предстояло создать с помощью западных ученых. Поэтому равнозначной задачей института была организация дальневосточных исследований высочайшего уровня в самом Гарварде [Harvard University archives — HUF 890.140.32].

Пост первого директора Института Гарвард-Яньцзин попечительский совет (Trustees) предложил выдающемуся французскому китаеведу Полю Пельо. Однако тот отказался и посоветовал вместо себя Сержа Елисеева. Елисеев был приглашен в Гарвард в качестве профессора на 1932/33 учебный год прочитать ряд лекций по истории Японии. Он также вел практические занятия со студентами по современному японскому и китайскому историческим текстам. В Институте Лоуэлла (Lowell) в Бостоне ученый выступил с курсом из восьми публичных лекций о японской литературе и ее отражении в искусстве. Свои хорошие организаторские способности Елисеев проявил, подготовив программы занятий по китайскому и японскому языкам,

высказав соображения о возможности издания научного журнала по Дальнему Востоку и составив список книг по японоведению для библиотеки института.

Серж Елисеев произвел весьма положительное впечатление на членов попечительского совета Института Гарвард-Яньцзин высоким профессионализмом, заинтересованностью, целеустремленностью и преданностью делу. Смущала только его квалификация япониста, а не китаиста и негативное отношение китайских коллег к человеку, который получил высшее образование в Токио. Однако это небольшое противоречие было с легкостью снято утверждением, что деятельность директора института будет проходить прежде всего в США, а в Китае будут работать другие люди, получившие предварительную подготовку в Гарварде. Попечительский совет утвердил кандидатуру Елисеева.

Еще год ученый проработал в Париже, мучительно обдумывая судьбоносное решение. Теперь у него была кафедра, где он читал курс по буддийской иконографии, он привык «к постоянному личному общению со светилами дальневосточной науки», отлично чувствовал бы себя «последним в Риме» и не стремился бы быть «первым в деревне» [Дьяконова, Смирнов 2003–2004, с. 43]. Но денег, достаточных, чтобы дать сыновьям высшее образование, Елисеев во Франции не имел возможности заработать. Эта причина, по-видимому, сыграла основную роль в принятии решения о переезде в США. Но и стоящие перед ним грандиозные задачи, как педагогические, так и организационные, безусловно, были для Елисеева привлекательны.

Поль Пельо развеял сомнения Елисеева, посоветовав ему следующее: «...Если я смогу устроиться в Харварде на более выгодное место и если мне это покажется интереснее, чтобы я не стеснялся, так как это также важно для японистики» [Дьяконова 2000, с. 157]. Обращаясь 18 июля 1934 г. к министру национального образования Франции с просьбой разрешить принять предложение Гарварда, Елисеев поясняет, что «эта миссия служит делу Франции, хотя и в стенах американского университета» [Archives nationales, France — F17/27834]. Недаром в 1949 г. Франция наградила ученого своим высшим орденом — Почетного легиона — именно в номинации «Профессор факультета естественных и гуманитарных наук Гарвардского университета (США)». Награда была ему присуждена по представлению МИД Франции.

Вступив с 1 октября 1934 г. в должность директора Института Гарвард-Яньцзин и одновременно профессора дальневосточных языков Гарвардского университета, Елисеев считался состоящим в командировке, которая с постоянными продлениями составила целых 23 года. Таким образом, Серж Елисеев был не только первым директором института, но и занимал свой пост дольше всех последующих директоров.

Всего за один год Елисеев существенно реорганизовал преподавательскую работу на факультете искусств и наук Гарвардского университета. Были дополнены и переформатированы курсы китайского языка. Появились курсы китайского начального, среднего и продвинутого (advanced) уровней, интерпретации древнего китайского текста, историографии, истории отдельных династий. Были введены программа эволюции китайского искусства с древности до современности, спецкурс по чтению и исследованию текстов, который отсутствовал в других университетах.

С изучением японского дело обстояло гораздо хуже. Поэзию и религию Японии в Гарварде изучали с 1895/96 учебного года — всего 61 человек за все годы до начала 1930-х. И хотя в начале 1900-х гг. на высоком научном и административном уровне поднимался вопрос об учреждении должности профессора японского языка и литературы, курс начального японского языка и чтения был введен только в 1931/32 г. Преподавателем был японец Кисимото (Kishimoto) Хидэо, бывший преподаватель философии в Токийском императорском университете. В следующем году Кисимото ввел еще два курса: историю японской цивилизации и историю японских религий. Но в 1934/35 г. он навсегда покинул Гарвард. За три года работы Кисимото заложил только самые начала японоведения, а настоящее изучение языка и всех других японистических дисциплин получило там быстрое развитие позднее — усилиями Сержа Елисеева.

Елисеев открыл курсы начального и среднего уровней японского языка, японской литературы, истории Японии и искусства ряда стран Дальнего Востока со значительным уклоном в архитектуру. Первые годы все предметы профессор читал сам, имея большую педагогическую нагрузку — 12 часов в неделю. Затем вместе с ним начали работать Симояма (Shimoyama) Сигэмару, Эдвин О. Рейшауэр (Reischauer), еще позднее — Т. Ёсихаси (Yoshihashi), Маккензи (McKenzie), В. Х. Вилельмо (Vilhelmo) и Беннетт (Bennet). В 1939 г. было

создано отделение дальневосточных исследований с постепенно возрастающим количеством сотрудников.

Серж Елисеев был пионером не только в ряде научных исследований, где он предлагал совершенно новые, нетрадиционные подходы. В Гарварде он использовал необычную методику преподавания дальневосточных языков, принципиально отличную от прежней. В западных университетах было принято тщательно изучать древние языки, учителя и ученики редко владели современными разговорными языками. Елисеев в основу положил изучение современных языков, японского и китайского, и уже на их основе знакомил студентов с традиционной культурой этих стран и более ранними формами языка. Он создал новый стандарт обучения на Западе, который с успехом применяли его ученики. Профессор воспитывал в студентах уверенность в себе, умение читать, анализировать и интерпретировать восточные тексты, правильно их переводить, пользоваться словарями.

Курируя, как директор Института Гарвард-Яньцзин, программы преподавания в христианских университетах Китая, Елисеев пытался внедрить в них западные методики обучения и уравновесить традиционное для изучения китайского преимущественное обращение к художественной литературе чтением исторических работ, и прежде всего первоисточников. С началом в 1937 г. Японо-китайской войны, когда часть подчиненных Гарварду университетов и колледжей оказались на оккупированной территории, их американским попечителям, и в первую очередь Сергею Елисееву как исполнителю, пришлось заниматься реорганизацией учебных заведений, пересмотром программ и обеспечением большей, нежели обычно, финансовой поддержки.

Одну из важнейших своих задач Елисеев видел в создании в Гарварде крупнейших американских центров японоведения и китаеведения. Успеху этого начинания способствовало бы основание научного журнала, где ученые наряду со студентами имели бы возможность публиковать свои статьи, посвященные Китаю, Японии, Корее, Индии и другим азиатским странам. Первый номер журнала *Harvard Journal of Asiatic Studies* вышел в свет в апреле 1936 г. Специально для этого номера Сергей Елисеев написал статью *The Bommokyo and the Great Buddha of the Todaiji*. До конца года вышло еще три номера. С тех пор издание журнала стало регулярным, и сегодня детище профессора Елисеева является одним из наиболее авторитетных научных изданий в области востоковедения.

За годы пребывания Сержа Елисеева в Гарварде он так успешно организовал работу по пополнению научной библиотеки Института Гарвард-Янцзин редкими книгами на восточных языках, рукописями, ксилографами, работами западных авторов, что сделал ее лучшей востоковедной библиотекой в Западном полушарии. По количеству томов она уступала только библиотеке Конгресса США. Библиотека вела свою историю с 1879 г., когда было приобретено небольшое количество китайских книг. В 1927 г. в библиотеке насчитывалось 4526 книг на китайском и 1668 книг на японском языке. На 1 июля 1956 г. в библиотеке хранился 299 841 том на языках Восточной Азии, из них на китайском языке было 231 189, на японском — 56 381 издание [Archives of the Harvard-Yenching Institute — Report, November 14, 1956].

В соавторстве с Э. О. Рейшауэром и Т. Ёсихаси в 1940-е гг. Елисеев подготовил ряд учебников японского языка для студентов университетов и колледжей и хрестоматий японских текстов.

Деятельность Елисеева во время Второй мировой войны

С началом Второй мировой войны, в особенности войны на Тихом океане, отделение дальневосточных языков помимо обычных программ работало по специальным программам подготовки лингвистов и переводчиков с японского и китайского языков. Первые такие ускоренные курсы были организованы летом 1941 г. в Корнелльском университете в Итаке. Китайский язык преподавал профессор Корнелльского университета Питер Будберг (Boodberg), а для японской группы, которая состояла из восьми студентов, был приглашен Серж Елисеев [Archives de l'Ecole française d'Extrême Orient — Фонд В. С. Елисеева].

Осенью 1941 г. по контракту с Морским министерством в Гарварде и в Калифорнийском университете в Беркли были срочно организованы ускоренные курсы японского и китайского языков. В Гарварде было 25 курсантов, и, занимаясь по пять часов каждый день под руководством Елисеева, Рейшауэра и других преподавателей, лучшие из них за девять месяцев освоили разговорный японский. Однако профессор Елисеев разочаровал военных, так как не хотел менять свою методику академического, неспешного и высокотеоретического

преподавания ради быстрого обучения военных переводчиков. В результате военные перестали сотрудничать с Гарвардским университетом, контракт был расторгнут в сентябре 1942 г. [McNaughton 1952, p. 58].

Тем не менее в 1943 г. Гарвардский университет был вовлечен в программу подготовки разнообразных специалистов в области техники, медицины и гуманитарных предметов для нужд армии (Army School Training Program). На интенсивных курсах разговорного языка (по 30 классных часов занятий в неделю без изучения иероглифов) более 20 курсантов изучали китайский язык, несколько человек — японский. Наиболее толковые за девять месяцев осваивали простой разговорный язык и могли переводить с японского или китайского. В 1943–1946 гг. Серж Елисеев один вел четыре языковых класса. Всего в США по этой программе прошли подготовку около шести тысяч человек [Harvard University archives — UAV 344; Elisséeff 1949 p. 259].

Продолжали свою деятельность и регулярные академические курсы японского языка. Посещаемость их сильно увеличилась, в 1941–1945 гг. обучались 237 студентов. Естественно, Елисеев вел там целый ряд занятий. Чтобы быстрее подготовить специалистов, к учебному году добавили летний семестр продолжительностью 12 недель, к тому же занятия проводили более интенсивно.

Осенью 1943 г. профессор Елисеев был привлечен к работе в Управление стратегических служб (Office of Strategic Services) в Вашингтоне. При такой загруженности в университете он мог приезжать в Вашингтон только на один день — в субботу, проводя при этом две ночи в поезде. Ему была предложена работа консультанта в отделе пропаганды (Moral Operations Branch) — в частности, для оказания помощи в ведении информационной войны с Японией. По мнению представителей спецслужб, «С. Елисеев, безусловно, является одним из самых компетентных специалистов, способных дать нам необходимые советы в данной области...» [National Archives and Records Administration — RG226 E92A B102 F2131]. Он был допущен к работе только после всесторонней проверки его благонадежности, причем было тщательно взвешено то обстоятельство, что его сыновья находились в оккупированной нацистами Франции.

В обязанности Елисеева в отделе пропаганды входило проведение индивидуальных занятий с сотрудниками и общих встреч для решения специальных вопросов. Он консультировал по японскому

языку, литературе, традициям и обычаям, особенностям менталитета японцев и их реакции на пропаганду. Эти сведения были полезны для подготовки листовок, разработки сюжетов для слухов и создания программ «черного радио». У сотрудников отдела было три варианта сценария информационных вбросов: «черная пропаганда», то есть дезинформация в чистом виде; «черная пропаганда» в ответ на японское вещание и внезапные перебивки японских программ. Необходимо было также получить рекомендации профессора относительно фотографий и карикатур, текстов предложений о сдаче, которые транслировались на линию фронта.

Серж Елисеев как русский, как гражданин Франции и как американский профессор считал свою помощь спецслужбам против милитаристской Японии очень важной как для США, так и для Советского Союза и для себя лично. Но как японовед, знающий ценность древних японских памятников для мировой культуры, он стремился предотвратить их разрушение. Он прекрасно понимал, что гибель таких священных для каждого японца городов, как Киото, Нара и Камакура, серьезно осложнит процесс восстановления отношений США с Японией после войны. Результатом этого может стать разворот Японии в сторону СССР.

По его собственным словам, Елисеев обращался по этому вопросу к военному командованию. В 1972 г. в разговоре с японским журналистом он так описывал те давние события: «Во время Второй мировой войны американцы всю бомбили Японию, но Киото этот ужас миновал. Я работал тогда в исследовательском центре Янцзин при Гарвардском университете и обратился к американскому военному командованию с рекомендацией воздержаться от бомбардировок Киото, ибо этот город — культурное достояние страны, а уничтожать культурные памятники нельзя» [Умэда 2000, с. 107].

К тому же, работая с офицерами спецслужб, Серж Елисеев имел все возможности сформировать у них правильный образ Японии и объяснить им особенности японского восприятия религии, природы, искусства и красоты вообще. Аргументы Елисеева против ковровых бомбардировок Киото, возможно, были доведены до Генри Стимсона, министра обороны США. И хотя целью американцев было «не оставить камня на камне» от большинства японских городов и Токио был практически стерт с лица земли, Киото, Нара и Камакура избежали разрушений.

Безусловно, не один только Серж Елисеев боролся за спасение японских святынь. Например, в одном из журналов, издаваемых музеем Гимэ, сказано, что Серж Елисеев вместе с Лэнгдоном Уорнером (Warner) спас от воздушных бомбардировок такие замечательные японские города, как Нара и Киото — культурное достояние страны [In Memoriam 1976, p. 287–288].

Л. Уорнер, гарвардский профессор археологии и истории дальневосточного искусства, куратор отдела восточного искусства музея Фогт в Гарварде, во время войны работал в специальном подразделении американской армии. Отдел монументов, изящных искусств и архивов (Monuments, Fine Arts and Archives) занимался сохранением культурных ценностей в местах боевых действий, на оккупированных и освобожденных территориях.

Делом сохранения памятников занимались и другие структуры. Так, 21 января 1944 г. в Вашингтоне под эгидой Американской комиссии научных учреждений была проведена конференция по защите культурных ценностей на Дальнем Востоке. Наряду с другими деятелями науки и культуры в ней должны были принимать участие Серж Елисеев и Лэнгдон Уорнер. Основным вопросом конференции было обсуждение программы помощи тем территориям Восточной и Юго-Восточной Азии, которые подверглись (или могут быть подвергнуты) нападению со стороны сухопутных и военно-морских сил, а также бомбардировкам с воздуха. Гарвардской группой организации по защите Америки (American Defence, Harvard Group) были составлены списки наиболее значимых памятников в ряде стран. Списки по Японии, Китаю, Корее и Сиаму были подготовлены Л. Уорнером. Однако ни он, ни Елисеев не смогли присутствовать на конференции, и мы никогда не узнаем, что каждый из них собирался сказать по поводу спасения культурных памятников [National Archives and Records Administration — Conference on Protection of Cultural Treasures in the Far East under the Auspices of the American Council of Learned Societies Century Club. Washington, 21 January 1944. American Comission document].

27 апреля 1945 г. Киото как многомиллионный город с большим количеством промышленных предприятий был включен в список целей для атомной бомбардировки под номером два. Но в конце июля во время мирной конференции в Потсдаме президент Г. Трумэн и министр обороны Г. Стимсон исключили Киото из этого скорбного

списка, повторив почти дословно аргументы С. Елисеева. В дневнике за 24 июля Стимсон написал: «...Если исключение не будет произведено, то горечь, которая последует за этим актом вандализма, скорее всего, сделает невозможным примирение японцев с нами на долгие послевоенные годы» [Stimson's diary 1945]. Г. Трумэн в своем дневнике 25 июля подтвердил эту позицию: «...Мы как мировой лидер, выступающий за всеобщее благополучие, не можем сбросить эту ужасную бомбу как на бывшую столицу (Киото), так и на настоящую (Токио)» [Bernstein 1980, p. 34].

Серж Елисеев проработал в отделе пропаганды Управления стратегических служб около года, но вынужден был прекратить сотрудничество с ним ввиду необходимости выполнения другой задачи армейского командования. Осенью 1944 г., когда исход войны стал практически ясен, в Гарвардском университете (наряду с пятью другими университетами США) была внедрена специальная программа школ подготовки по гражданским вопросам (Civil Affairs Training Schools). Это была программа обучения офицеров, которым в будущем предстояло работать в оккупированных союзными войсками Германии и Японии. В Гарварде готовили специалистов для Японии, владеющих разговорным языком и знакомых с особенностями страны.

Последние годы в Гарварде

После войны расстановка сил в мире изменилась, и в меморандуме «Азиатские исследования в Гарварде», написанном Сержем Елисеевым при участии китаиста Дж. К. Фэйрбэнка (J. K. Fairbank), были намечены новые направления азиатских исследований: арабские страны, Иран, Турция, Корея, Монголия, Индия, а также азиатская часть СССР. Этим задачам удовлетворяло введение в течение 1940–1950-х гг. на отделении дальневосточных языков преподавания монгольского, корейского, тибетского, вьетнамского, персидского языков и языков Индии.

В связи с образованием в 1949 г. КНР политика Института Гарвард-Яньцзин по отношению к курируемым христианским университетам в Китае радикально изменилась. Вмешательство коммунистических властей в учебные программы, их идеологизация сделали помощь института невозможной. Правление приняло решение прекратить деятельность института в Китае и перенести свои проекты

в другие страны: Японию, Корею, Индию и Гонконг. Работать можно было лишь с теми учреждениями, которые были связаны с христианским миссионерством или церковью [Archives of the Harvard-Yenching Institute — Report from November 5, 1951, list 118, 122–124].

В январе 1953 г. директор Елисеев прилетел в Японию после долгого перерыва, чтобы прояснить ситуацию и определить учебные заведения, с которыми предполагалось сотрудничать. Он также прочитал несколько лекций в учебных заведениях. Во время работы в архиве Сэйкадо в Токио ему посчастливилось найти книгу выдающегося средневекового ученого, политика и государственного деятеля Араи Хакусэки, лекцию о котором молодой японовед когда-то давно прочитал в Петрограде.

По приезде из Токио в Киото на вокзале ученого встречали восемь известных японских профессоров и фотограф из «Асахи симбун». Фотограф запечатлел Елисеева, пожимающего руку профессору Умэхара (Umehara) [Archives de l'Ecole française d'Extrême-Orient].

Елисеев остановил свой выбор на Японском международном христианском университете в Токио и Токийском женском христианском колледже Тоё Бунко, а также университете Досия в Киото и Исследовательском институте гуманитарных наук (Восточная секция) при университете Киото. В обязанности института входило обеспечение всех этих университетов необходимой литературой и создание программы обмена профессорами между христианскими учебными заведениями [Archives of the Harvard-Yenching Institute — Report from March 25, 1954, p. 329]. Последний раз Серж Елисеев побывал в Японии весной 1955 г. с целью проверки учебных заведений, которые получали гранты от Института Гарвард-Яньцзин.

В августе 1956 г. профессор Елисеев в возрасте 67 лет передал пост директора Института Гарвард-Яньцзин Э. О. Рейшауэру, но остался преподавать в Гарвардском университете еще на один учебный год. Летом 1957 г. он вышел в отставку и вместе с супругой навсегда вернулся во Францию, гражданином которой оставался до конца жизни.

Более 23 лет связывали Сержа Елисеева с Гарвардом, и заслуги его перед научным сообществом неоспоримы. Реализовав свои способности организатора учебного процесса, он создал в университете крупнейший в США центр дальневосточных исследований, прежде всего в области японоведения и китаеведения. Отделение дальневосточных языков начиналось в начале 1930-х гг. с одного, затем двух-

трех преподавателей. В 1950-е число профессоров и преподавателей колебалось от семи до двенадцати человек, еще несколько работали вне штата. Читали не только разные аспекты языков, но и литературу, историю, другие страноведческие дисциплины. Среди воспитанников Елисеева значатся такие известные фигуры, как Г. С. Хиббетт (H. S. Hibbett), М.Б. Янсен (M. B. Jansen), Д. Х. Шивли (D. H. Shively), П. Акамацу (P. Akamatsu), А. Райт (A. Wright), Д. Кин (D. Keen), Г. Розовски (H. Rosovsky).

Число студентов-востоковедов в Гарварде в 1930–1950-е гг. выросло в десятки раз. В течение десятилетия 1950–1960 число студентов (1028) превысило их число (908) за все предыдущие 55 лет. Если в 1930–1935 гг. было 36 студентов-японоведов, то в 1956–1960 гг. — 627 [The Edwin Reishauer Institute 1996, p. 24]. Ученики запомнили своего учителя как увлекающегося, энергичного, полного жизни человека с широким кругозором, мягким чувством юмора, прекрасного специалиста, любящего и уважающего своих питомцев. Они отмечали его блестящий ум, теплоту и присущую ему «изюминку» во всем, чем он занимался, а также особенно подчеркивали деликатность и чуткость Сержа Елисеева, который создал в Гарварде особую атмосферу преподавания [Akamatsu 1975, p. 205; Harvard University Gazette 1977]. В 1944 г. в номере газеты Harvard Alumni Bulletin, посвященном десятилетию его деятельности в Гарварде, подчеркивалось, что делом жизни профессора Сержа Елисеева стала интерпретация восточного образа мыслей в западном мире.

Провожая Сержа Елисеева, президент Гарвардского университета Натан Пьюзи (Pusey) подчеркнул, что в Гарварде «ни в одной области не были достигнуты более плодотворные результаты, чем в дальневосточных исследованиях, проводившихся под Вашим (Елисеева. — С. М.) внимательным руководством и вдохновленных Вашей высокой эрудицией» [Reischauer 1957, p. 28]. Свою благодарность профессору выразили и члены Нью-Йоркского Выездного (Visiting) комитета, связанного с Гарвардом. В приветственном письме говорилось: «То, что Гарвард сейчас представляет собой в области исследования дальневосточных цивилизаций, является целиком Вашей заслугой и Вашим достижением. Члены комитета хотят, чтобы Вы знали, что они высоко ценят Ваши заслуги, и поскольку Вы заканчиваете Вашу почти четвертьвековую деятельность в Гарварде и возвращаетесь к работе в Париже, они хотят выразить Вам свою признательность,

восхищение и дружеское расположение» [Archives de l'Ecole française d'Extrême-Orient – Фонд В. С. Елисеева].

На Серже Елисеева как на первого директора Института Гарвард-Яньцзин лег основной груз разработки и внедрения образовательных программ в христианских университетах Китая. Будучи многолетним директором института, он столкнулся с необходимостью серьезных изменений в организации учебного процесса во время Японо-китайской войны 1937–1945 гг., когда большая часть Китая была оккупирована. Когда после Второй мировой войны изменилась расстановка сил в мире, директору и вовсе пришлось радикально изменить стратегию деятельности института и искать партнеров в иных, чем прежде, странах. Серж Елисеев достойно справился с этими вызовами и передал Э. О. Рейшауэру успешно работающее учреждение.

Прошло более 60 лет с тех пор, как Серж Елисеев уехал из Гарварда, в этом году исполняется 45 лет со дня смерти ученого. Ушли из жизни почти все его ученики, немного осталось и тех, кто видел Елисеева в последние годы его жизни. Институт Гарвард-Яньцзин, многим обязанный Елисееву, уже давно кардинально изменил свою направленность и теперь занимается только китайскими исследованиями. Созданный Эдвином О. Рейшауэром в Гарварде в 1973 г. Институт японских исследований (The Reischauer Institute of Japanese Studies) — один из старейших в мире центров японоведения — теперь носит имя первого ученика С. Елисеева. Имя Сержа Елисеева увековечено лишь фондом японской коллекции его памяти, созданным в начале 2000-х гг. в честь 75-летия библиотеки Института Гарвард-Яньцзин. А в кабинете нынешнего директора института висит большой портрет ученого. В историческом здании Бойлстон-холла (Boylston Hall), где размещался Институт Гарвард-Яньцзин, его библиотека, а также отделение дальневосточных языков при Серже Елисееве, теперь находится факультет искусств.

Снова во Франции

С выходом Елисеева в отставку в Гарварде и возвращением в Париж его карьеру, в общем, можно считать законченной. Официально он мог претендовать на возвращение на прежнее место службы в Практической школе высших исследований, поскольку все долгие двадцать с лишним лет считался ее командированным в США сотруд-

ником. По закону его должны были восстановить в должности при первой же вакансии. Однако повторилось то же, что было в начале 1920-х гг., когда русский эмигрант-японист только начал «завоевывать» академический Париж, претендуя на рабочие места французских граждан. Теперь причина была глубже и значительнее: в Париж вернулся ученый, сделавший себе имя в США, создатель центра дальневосточных исследований в Гарварде, многолетний директор успешного учреждения, имеющий обширные связи в ряде стран Азии. И, как обычно, зависть и боязнь потерять место сыграли свою роль. А некоторые из французских японистов по приезду Елисеева из США просто стеснялись с ним общаться из-за его блестящего знания японского [Мацубара 1977, с. 142]. Президент V секции Практической школы А. Ш. Пюэш (Puech) заявил в письме министру национального образования, молодежи и спорта 23 декабря 1958 г., что вакансия отсутствует, а место Елисеева давно уже занято Ш. Агеноэром [Archives nationales, France — F17/27834]. Представляется, что главная причина была не в этом, а в напряженных отношениях Сержа Елисеева с администрацией и преподавательским составом школы. Вопрос восстановления Елисеева обсуждался на официальном уровне еще в начале 1950-х гг., в преддверии его отставки из Гарварда. В письме министру от 7 января 1952 г. проявилось неприязненное отношение к ситуации со стороны Пюэша: «Елисеев уже давно не относится к персоналу нашей секции... Попытки его восстановления делаются вопреки консультациям с Бюро секции, которое полагает, что Елисеев не имеет к ней никакого отношения» [Archives nationales, France — F17/27834]. В другом письме министру Пюэш заявил, что «коллеги сочли обстоятельства отъезда ученого из Практической школы высших исследований (в 1934 г. — С. М.) неприятными». Сам же он не смог предоставить властям элементарные сведения об ученом — дату и место рождения и адрес, потому что не поддерживал ни малейших отношений с ним.

Приказом министра национального образования Серж Елисеев был восстановлен в Практической школе с 1 октября 1957 г., но не смог вернуть прежний статус, сначала будучи дополнительным преподавателем или ординарным профессором без жалованья, а затем ординарным профессором первого класса (как раньше), но в другой секции. В секции истории современной Японии Елисеев один раз в неделю читал лекции по истории периода Токугава. Результаты

своих исследований он планировал опубликовать в книге [Archives de l'Ecole française d'Extrême-Orient – Фонд В. С. Елисеева].

В Школе живых восточных языков ученый читал курс лекций по японской литературе, правда, очень непродолжительное время [Мацубара 1977, с. 153]. Еще несколько лет по возвращении во Францию Елисеев был достаточно активен, хотя публиковался мало, в основном был автором предисловий к ряду изданий. Однако совершенно необходимо упомянуть одну из его работ тех лет. В 1961 г. тремя выпусками в серии «Общая история литератур» вышел в свет его очерк «Японская литература», который стал итогом его многолетнего анализа японских литературных произведений. Особенности произведений он рассмотрел в культурно-историческом контексте их создания, привел жизнеописания их авторов. Начав с рассмотрения древних и средневековых сочинений, автор довел свое исследование до новейшей литературы, созданной после 1945 г.

Серж Елисеев был избран членом-корреспондентом одной из французских академий, а также почетным членом Французской школы дальневосточных исследований. Его научные, педагогические и организаторские заслуги получили высокую оценку во Франции, и помимо ордена Почетного легиона он был награжден орденом Академических пальм.

Президент Французской Республики генерал де Голль с супругой пригласили Сержа Елисеева, профессора Сорбонны, с супругой на завтрак в Елисейский дворец в четверг 20 июля 1961 г. к 13:15 [Archives de l'Ecole française d'Extrême-Orient – Фонд В. С. Елисеева].

В 1964 г. в возрасте 75 лет Серж Елисеев покинул службу ввиду серьезной болезни, но оставался в курсе всех научных новинок и много читал современной японской художественной литературы. Вел активную переписку с коллегами-японоведами, в частности из СССР, принимал у себя японских друзей и знакомых.

Еще одной очень важной заслугой Елисеева было создание научной династии. Оба его сына также стали выдающимися востоковедами, учеными и преподавателями: Никита (1915–1997) — специалистом по Ближнему Востоку, а Вадим (1918–2002) — по Дальнему Востоку.

За основание научного японоведения, за распространение знаний о Японии в других странах мира в 1968 г. ученый стал одним из иностранных кавалеров ордена Священного сокровища 2-й, высочайшей

для иностранца, степени. Серж Елисеев написал об этом в письме Оресту Плетнеру от 4 апреля 1969 г.: «...Вчера был прием в японском посольстве. Я, к сожалению, из-за моей болезни (cox arthrose) не мог присутствовать, и орден “Священного сокровища” был передан Вадиму. Никита, который приехал из Лиона на пасхальные каникулы, присутствовал там и сказал мне, что посол Мацуи, передавая орден Вадиму, сказал очень приветливое слово. Орден 2-й степени, это уже звезда, которую носят сбоку в торжественных случаях. Я никак не ожидал такой высокой монаршей милости. Дед ныне царствующего императора присутствовал на университетском акте 1912 г., когда я получил диплом бунгакуси» [Ермакова 2005, с. 261]. В 1973 г. ученый стал первым из удостоенных награды Японского фонда в категории «Иностранные граждане, содействовавшие распространению знаний о Японии и японской культуре среди своих народов».

После смерти супруги 16 марта 1971 г. Елисеев вел довольно замкнутую жизнь. Он скончался воскресным утром 13 апреля 1975 г. в госпитале Бишар (Bichar) в возрасте 86 лет. Сергей Григорьевич Елисеев, русский дворянин, французский гражданин упокоился на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем рядом с Верой Петровной. В 1997 г. там же был похоронен Никита Елисеев. Простой деревянный крест возвышается над их семейной могилой...

Статью памяти учителя, опубликованную в Гарварде, подписали его к тому времени уже широко известные ученики — востоковеды-дальневосточники: Фрэнсис У. Кливз (Cleaves), Эдвин О. Рейшауэр, Дональд Х. Шивли (Shively), Ян Лянь-шэн (Yang Lien-sheng) и Говард С. Хиббетт (Hibbett). Они заверили, что «невозможно сомневаться в глубине его влияния, а также в восхищении и признательности, которые навсегда сохранятся в памяти его многочисленных студентов здесь (в США. — С. М.) и за рубежом» [Harvard University Gazette 1977].

Во Франции имя Сержа Елисеева ассоциируется с созданием научного японоведения и основанием династии востоковедов. В США он остается зачинателем дальневосточных исследований (прежде всего японоведения), создавшим свою научную школу, а также искусным стратегом, который с успехом разрабатывал новые программы академической помощи университетам в странах Азии. Как о легенде, о нем вспоминают в Японии, ведь он был первым европейским студентом — выпускником Императорского Токийского университета

и одним из немногих ученых-неяпонцев, заложивших основы изучения Японии на Западе. В современной России он известен как яркий представитель русского научного зарубежья, который прославил отечество своим многогранным талантом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев 1923 — Алексеев В. М. Русское востоковедение за границей. *Восток*. 1923. Кн. 2. С. 132.

Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург.

Дьяконова 2000 — Дьяконова Е. М. Письма С. Г. Елисеева к В. М. Алексееву 1933–1936. *С. Г. Елисеев и мировое японоведение (Россия, Япония, США, Франция, Швеция, Вьетнам). Материалы международной научной конференции*. Москва: Япония сегодня, 2000. С. 144–196.

Дьяконова, Смирнов 2003-2004 — Дьяконова Е. М., Смирнов И. С. Письма С. Г. Елисеева к В. М. Алексееву. *Восток—Запад. Историко-литературный альманах*. Москва: Восточная литература, 2003–2004. С. 28–78.

Елисеев 1914 — Елисеев С. Г. Хи но мото но кун и о сару ни нодзомитэ [Уезжая из Японии]. *Кокоро но хана*. 1914. Т. 18. № 9. С. 30–33.

Елисеев 1920 — Елисеев С. Г. Японская литература. *Литература Востока*. Вып. 2. *Всемирная литература*. Петроград: Гослитиздат. С. 38–89.

Елисеев 2000 — Елисеев С. Г. Японская литература. *С. Г. Елисеев и мировое японоведение (Россия, Япония, США, Франция, Швеция, Вьетнам). Материалы международной научной конференции*. Москва: Япония сегодня, 2000. С. 242–284.

Ермакова 2005 — Ермакова Л. М. Вести о Япон-острове в стародавней России и другое. Москва: Языки славянских культур, 2005.

Комия, Абэ, Накамура 1953 — Комия Тоётака, Абэ Ёсисигэ, Накамура Китидзаэмон. *Эрисээфу о какондэ ко:данкай* [Вокруг Елисеева]. *Тосё*. 1953. № 43. С. 17–20.

Личный архив Ярослава Елисеева, Нью-Джерси.

Марахонова 2016 — Марахонова С. И. *Орден Священного сокровища Сергея Елисеева. Как сын русского купца стал основателем американского японоведения*. Санкт-Петербург: СИНЭЛ, 2016.

Мацубара 1977 — Мацубара Сюнуи. *Пэрэ:ру гай но ро:гакуся — Эрисээфу си то катару* [Ученый с улицы Перейр — беседы с Елисеевым]. *Кангэйюцу*. 1977. № 1. С. 140–153.

Умэда 2000 — Умэда Ёсими. Воспоминания о Сергее Елисееве. *С. Г. Елисеев и мировое японоведение (Россия, Япония, США, Франция, Швеция, Вьетнам). Материалы международной научной конференции*. Москва: Япония сегодня, 2000. С. 106–107.

Шарье 2000 — Шарье И. Сергей Елисеев и современное японское искусство. *С. Г. Елисеев и мировое японоведение (Россия, Япония, США, Франция, Швеция, Вьетнам). Материалы международной научной конференции*. Москва: Япония сегодня, 2000. С. 92–105.

Akamatsu 1975 — Akamatsu, P. Nécrologie. Serge Elisséeff (1889–1995). *Journal asiatique*. 1975. T. CCLXIII. Pp. 205–210.

Bernstein 1980 — Bernstein, B. Truman at Potsdam: His secret diary. *Foreign Service Journal*. 1980. July/August. Pp. 29–36. Доступно по адресу: <https://www.documentcloud.org/%20documents/3913511-Truman-s-Potsdam-Diary.html> (дата обращения: 11.05.2020).

Eliseev 1923 — Eliseev S. G. *La Peinture contemporaine au Japon*. Paris: E. de Boccard, 1923.

Elisséeff 1949 — Elisséeff S. G. Études des langues extrême-orientales aux États-Unis pendant la guerre 1941–1945. *Actes du XXIe Congrès International des Orientalistes. 21–23 juillet 1948*. Paris, 1949. Pp. 258–260.

Harvard University Gazette 1977 — Serge Elisséeff: A Japan Scholar of “Wit, Warmth, Unflagging Zest”. Memorial Minute adopted by the Faculty of Arts and Sciences Harvard University. April 12, 1977. *Harvard University Gazette*. 27 May 1977. Vol. LXXII. № 33.

In Memoriam 1976 — In Memoriam. Serge Elisséeff. *Arts Asiatiques*. 1976. T. XXXII. Pp. 287–288.

McNaughton 1952 — McNaughton J. C. *Nisei linguists. Japanese Americans in the Military Intelligence Service during World War II*. Government Printing Office, 1952.

Pouillon (ed.) 2008 — Pouillon Fr. (ed.). *Dictionnaire des orientalistes de langue français*. Paris: Éditions Karthala, 2008.

Reischauer 1957 — Reischauer E. O. Serge Elisséeff. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1957. Vol. 20. Pp. 1–35.

Stimson's diary 1945. — Stimson's diary. 24 July 1945. Yale University Manuscripts and Archives. *Yale University Library*. <https://imageserver.library.yale.edu/digcoll:4345881/guestcb%20>

83e72b166740349c7cd4cd3d372dd6@yaleguest.edu/of3rrNZmaHmvHFKsi-4HcPydWGDI/1500.jpe?authroot=findit.library.yale.edu&parentfolder=digcoll:4345881&ip=91.108.30.34 (дата обращения: 11.05.2020).

The Edwin O. Reishauer Institute 1996 — *The Edwin O. Reishauer Institute of Japanese Studies. A Twenty-Year Chronicle*. Cambridge (Mass.), 1996.

REFERENCES

Akamatsu, P. (1975). Nécrologie. Serge Elisséeff (1889–1975). *Journal asiatique*. CCLXIII, 205–210. (In French).

Alekseev, V. M. (1923). Russkoye vostokovedeniye za granitsey [Russian Oriental Studies Abroad]. *Vostok*, 2. (In Russian).

Arts Asiatiques (1976). In Memoriam. Serge Elisséeff. *Arts Asiatiques*, Vol. XXXII (pp. 287–288). (In French).

Bernstein, B. (1980). Truman at Potsdam: His secret diary. *Foreign Service Journal*. July/August. (Pp. 29–36). Retrieved on May 11, 2020, from <https://www.documentcloud.org/%20documents/3913511-Truman-s-Potsdam-Diary.html>

Dyakonova, E. M. (2000). Pis'ma S. G. Eliseyeva k V. M. Alekseyevu 1933–1936. [S. G. Elisséeff's letters to V. M. Alekseev 1933–1936]. In S. G. Eliseev i mirovoye yaponovedeniye (Rossiya, Yaponiya, SShA, Frantsiya, Shvetsiya, V'yetnam). *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. [S. G. Eliseev and Global Japanese Studies (Russia, Japan, USA, France, Sweden, Vietnam). Proceedings of the International Scientific Conference]. Yaponiya segodnya (pp. 144–196). (In Russian).

Dyakonova, E. M., Smirnov, I. S. (2004). Pis'ma S. G. Eliseyeva k V. M. Alekseyevu 1933–1936. [S. G. Elisséeff's Letters to V. M. Alekseev]. In *Vostok-Zapad. Istoriko-literaturnyi al'manakh 2003–2004*. Vostochnaya literatura (pp. 28–78). (In Russian).

Eliseev, S. G. (1914). Hi no moto no kuni wo saru nozomite [Leaving Japan]. *Kokoro no hana*, 18(9), 30–33. (In Japanese).

Eliseev, S. G. (1920). Yaponskaya literatura [The Japanese literature]. In *Literatura Vostoka. II. Vsemirnaya literatura* (The Literature of the East. Vol. II. World Literature) (pp. 38–89). Goslitizdat. (In Russian).

Eliseev, S. G. (1923). *La Peinture contemporaine au Japon*. E. de Boccard. (In French).

Elisséeff, S. G. (1949). Études des langues extrême-orientales aux États-Unis pendant la guerre 1941–1945. In *Actes du XXIe Congrès International des Orientalistes. 21–23 juillet 1948*. (pp. 258–260). Paris. (In French).

Elisséeff, S. G. (2000). Yaponskaya literatura [Japanese literature]. In S. G. Eliseev i mirovoye yaponovedeniye (Rossiya, Yaponiya, SShA, Frantsiya, Shvetsiya, V'yetnam). *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. [S. G. Eliseev and Global Japanese Studies (Russia, Japan, USA, France, Sweden, Vietnam). Proceedings of the International Scientific Conference]. Yaponiya segodnya (pp. 242–284). (In Russian).

Ermakova, L. M. (2005). *Vesti o Yapan-ostrove v starodavney Rossii i drugoye* [The Information about Japan Island in Old Russia and Other]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russian).

Komiya T., Abe Y. & Nakamura K. (1953). Eriseefu wo kakonde kōdankai [Around Eliseev]. *Tosho*, 43, 17–20. (In Japanese).

Marakhonova, S. I. (2016). *Orden Syvashchennogo sokrovishcha Sergeya Eliseyeva. Kak syn russkogo kuptsa stal osnovatelem amerikanskogo yaponovedeniya* [Sergei Eliseev's Order of Sacred Treasure. How a Russian Merchant's Son Turned to be the Founder of American Japanology]. Sinel. (In Russian).

Matsubara, S. (1977). Perēru gai no rōgakusha — Eriseefu shi to kataru [The Scholar from Pereire Street – Talks with Eliseev]. *Kangeiyutsu*, 1, 140–153. (In Japanese).

McNaughton, J. C. (1952). *Nisei linguists. Japanese Americans in the Military Intelligence Service during World War II*. Government Printing Office.

Pouillon, Fr. (ed.) (2008). *Dictionnaire des orientalistes de langue français*. Éditions Karthala. (In French).

Reischauer E. O. (1957). Serge Elisséeff. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 20, 1–35.

Serge Elisséeff: A Japan Scholar of “Wit, Warmth, Unflagging Zest”. Memorial Minute adopted by the Faculty of Arts and Sciences Harvard University. April 12, 1977 (1977, May 27). *Harvard University Gazette*, Vol. LXXII, 33.

Sharie, I. (2000). Sergey Eliseev i sovremennoye yaponskoye iskusstvo [Serge Elisséeff and Modern Japanese Art]. In S. G. Eliseev i mirovoye yaponovedeniye (Rossiya, Yaponiya, SShA, Frantsiya, Shvetsiya, V'yetnam). *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. [S. G. Eliseev and Global Japanese Studies (Russia, Japan, USA, France, Sweden, Vietnam). Proceedings of the International Scientific Conference]. Yaponiya segodnya. (pp. 92–105). (In Russian).

The Edwin O. Reishauer Institute of Japanese Studies (1996). *A Twenty-Year Chronicle*. Cambridge (Mass.).

Umeda, Y. (2000). Vospominaniya o Sergeye Eliseyeve [Reminiscences of Serge Elisséeff]. In *S. G. Eliseev i mirovoye yaponovedeniye (Rossiya, Yaponiya, SShA, Frantsiya, Shvetsiya, V'yetnam). Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. [S. G. Eliseev and Global Japanese Studies (Russia, Japan, USA, France, Sweden, Vietnam). Proceedings of the International Scientific Conference]. Yaponiya segodnya. (Pp. 106–107). (In Russian).

Yale University (1945, July 24). *Stimson's diary*. Yale University Library. Manuscripts and Archives. Retrieved May 11, 2020, from <https://imageserver.library.yale.edu/digcoll:4345881/guestcb%2083e72b166740349c7cd4cd3d372dd6@yaleguest.edu/of3rrNZmaHmvHFKsi-4HcPydWGDI/1500.jpg?authroot=findit.library.yale.edu&parentfolder=digcoll:4345881&ip=91.108.30.34>.

Континентальная политика Японии — взгляд из Франции: от Маньчжурского инцидента к Китайскому инциденту

В. Э. Молодяков

Аннотация. Настоящая статья анализирует реакцию французских аналитиков и журналистов на новый этап японской экспансии в Китае, известный как Маньчжурский инцидент, и на изменение баланса сил в регионе в результате создания там государства-сателлита Маньчжоу-го под полным японским контролем. Лига Наций и правительства почти всех великих держав осудили действия Японии как агрессию и нарушение международного права, но французские аналитики, озабоченные сохранением и укреплением позиций Франции в Индокитае, рассматривали аргументы обеих сторон в соответствии со своей политической позицией. Бывший юридический советник национальных правительств Китая профессор Жан Эскарра просто игнорировал новое государство. Юридический советник японского посольства во Франции доктор права Жан Рэй назвал Маньчжоу-го «опытом, достойным осуществления и содействия». Доктор права А. Р. Тюлье считал создание Маньчжоу-го легитимным и совместимым с Договором девяти держав 1922 г. Известная как критик милитаризма и колониализма «королева большого репортажа» Андре Виолли (1870–1950), побывавшая в Китае и в Японии, в книгах «Шанхай и судьба Китая» (1933) и «Япония и ее империя» (1933) рассматривала расширение японской экспансии в Китае как проявление «фашистских» (радикально-националистических и консервативно-революционных) тенденций внутри самой Японии, а в книге «Интимная Япония» (1934) саркастически описала старания японцев выглядеть «по-европейски». Журналист Морис Лашен (1909–1977) посетил Японию, Корею и Маньчжоу-го и встретился с информированными и влиятельными лицами, что позволило ему разносторонне показать и весьма объективно проанализировать ситуацию в соответствии с традициями «большого репортажа» в книге «Япония

1934» (1934). Секретарь Комитета по изучению тихоокеанских проблем Роже Леви (1887–1975) получил признание как эксперт по ситуации на Дальнем Востоке благодаря серии работ, отличающейся «равноудаленным» взглядом на японо-китайский конфликт. Изучение восприятия континентальной политики Японии во Франции не только обогащает нас новыми знаниями об истории эпохи, но и позволяет лучше понять ее политическую философию и функционирование систем пропаганды и имиджмейкинга.

Ключевые слова: Япония, Франция, Маньчжоу-го, Китай, журналистика, экспансия, протекторат, безопасность

Автор: Молодяков Василий Элиархович, доктор политических наук, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Международного института японской культуры университета Такусёку, Япония, 112-0012, Токио, Бункё-ку, Оцука 1-7-1 G-210.

E-mail: dottore68@mail.ru

ORCID 0000-0001-5892-0473.

Continental Policy of Japan as Seen from France: From Manchurian Incident to China Incident

V. E. Molodyakov

Abstract: This article analyzes the responses of French analysts and journalists to a then new phase of Japanese expansion into China known as the Manchurian Incident and to a new balance of power after the establishment of the puppet-state Manchukuo under the total control of Japan. The League of Nations as well as the governments of almost all Great Powers condemned Japan's action as aggression and violation of international law, but French analysts, first of all thinking about preserving and strengthening the country's position in French Indochina, discussed the arguments of both sides according to their own political positions. A former legal advisor to several Chinese national governments Professor Jean Escarra simply ignored Manchukuo's existence. Legal advisor of the Japanese embassy in Paris, Doctor of Law Jean Ray called Manchukuo "an experience worth being attempted and helped". Doctor of Law A.R. Tullie viewed Manchukuo's

establishment as fully legal and according to the Nine Powers Treaty of 1922. Known for her critical attitude to militarism and colonialism, the “queen of great reportage” Andree Viollis (1870–1950) in her books *Shanghai and China's Destiny* (1933) and *Japan and Her Empire* (1933), written after visiting China and Japan, considered the broadening of the Japanese expansion into China as a manifestation of “fascist” (radical Nationalist and conservative-revolutionary) tendencies inside the country and also gave a sarcastic description of Japanese attempts to look like Europeans in her book *Intimate Japan* (1934). Journalist Maurice Lachin (1909–1977) visited Japan, Korea, and Manchukuo, talked to well-informed and influential people and was able to produce a full-scale panorama of the current situation with quite objective analysis according to the traditions of the “great reportage” in his book *Japan 1934* (1934). Secretary of the Committee for Pacific Problems Study Roger Levy (1887–1975) became highly valued as a good expert on the Far Eastern situation after a series of works with an “equidistant” view of the Sino-Japanese conflict. A study of French opinion and response to the Japanese continental policy will enrich our knowledge of this period and will help us to understand better its political philosophy as well as the working of the propaganda and image-making systems.

Keywords: Japan, France, Manchukuo, China, journalism, expansion, protectorate, security.

Author: Molodyakov Vasily E., LL.D. (Political Science), Ph.D. (History), Leading Researcher. Institute of Oriental Studies RAS, Russia, 107031 Moscow, Rozhdestvenka Street 12; Professor, Takushoku University, Research Institute for Global Japanese Studies, Otsuka 1-7-1 G-210, Bunkyo-ku, Tokyo, 112-0012, Japan.

ORCID 0000-0001-5892-0473.

E-mail: dottore68@mail.ru

Провозглашение 1 марта 1932 г. независимого государства Маньчжоу-го на территориях «трех восточных провинций» (Фэнтянь, Гири́н, Хэйлу́нцзя́н), оккупированных Квантунской армией осенью и зимой 1931/32 г., означало новый этап японской экспансии, выходящий за пределы традиционного раздела сфер влияния, и попытку закрепить изменившийся баланс сил в регионе. Как и раньше, «здесь сыграл свою роль присущий военным способ мышления, когда силовое воздействие рассматривается как наиболее естественный способ разрешения конфликтов» [Мещеряков 2006, с. 702]. Это стало актом открытого противостояния «доктрине Стимсона» — позиции США, изложенной в ноте госсекретаря Генри Стимсона от 7 января 1932 г. — о непризнании территориальных изменений в Маньчжурии

в результате применения силы и «установления какого бы то ни было статуса де-факто», «включая договоры и соглашения, касающиеся суверенитета, независимости либо административной или территориальной целостности Китая» [Стимсон 1938, с. 66]. Позицию США поддерживали Великобритания, Франция и большинство стран — членов Лиги Наций.

Французская реакция на создание государства Маньчжоу-го

Последствия Маньчжурского инцидента, как назывались в Японии эти события (подчеркивалось, что речь не идет о войне с Китаем!), повлияли не только на участников и их ближайших соседей, но и на «великие державы». Ситуация в регионе изменилась необратимо, хотя стратегический масштаб случившегося оценили не все. Реакция политического и общественного мнения Франции оставалась дифференцированной и отражала наличие не только антияпонских, но и нейтральных, а также умеренно прояпонских тенденций.

Создание Маньчжоу-го мотивировалось существованием движения за независимость Маньчжурии и ссылкой на принцип права наций на самоопределение, введенный в международный обиход в 1918 г. президентом США Вудро Вильсоном и ставший одним из краеугольных камней послевоенного миропорядка. Уже 27 сентября 1931 г., через девять дней после оккупации Мукдена Квантунской армией, японское телеграфное агентство Рэнго сообщило о создании в этом городе комитета, готовящего объявление независимости Маньчжурии. Двадцать пятого февраля 1932 г. мэр Мукдена известил журналистов о скором провозглашении государства Маньчжоу-го во главе с регентом и со столицей в Чанчуне, о его пятицветном флаге и значении каждого из цветов, о названии эры правления. Восьмого марта последний император цинского Китая Пу И, согласившийся стать регентом Маньчжоу-го, прибыл в Чанчунь и на следующий день в ходе торжественной церемонии, проходившей под контролем японских военных, официально принял пост. Одиннадцатого марта были провозглашены временная конституция Маньчжоу-го и декларация прав его граждан. Двенадцатого марта страны, представленные консульствами на территории Маньчжурии, получили извещение о создании нового государства, разорвавшего дипломатические отношения

с Китаем, и приглашение вступить с ним в дипломатические отношения. Маньчжоу-го объявило о принятии на себя прежних обязательств Китайской республики на данной территории и обещало следовать принципу «открытых дверей» [Lévy 1932, pp. 181–186].

Маньчжоу-го имело необходимые формальные атрибуты независимого государства, но с самого начала полностью контролировалось Японией, хотя та не сразу признала его, стремясь создать прецедент его признания другой страной. Первой это сделала центральноамериканская республика Сан-Сальвадор, явно не без «помощи» Токио. Центральное правительство в Нанкине протестовало против создания «марионеточного государства», каковое определение закрепилось за Маньчжоу-го у тех, кто отказывался признать его. Но даже не признавая новое государство де-юре, игнорировать факт его существования было трудно. Оценкам Маньчжоу-го в работах французских аналитиков автор посвятил отдельную статью [Молодяков 2020], поэтому лишь обозначу основные точки зрения.

Позицию демонстративного игнорирования занял профессор Сорбонны Жан Эскарра, в прошлом юридический советник китайского правительства: он если и употреблял термины «маньчжоугоское правительство» и «маньчжоугоская армия», то исключительно в кавычках. Его оппонент, доктор права Жан Рэй, советник японского посольства в Париже (а ранее — МИД Японии), заявил: «Японцы действительно хотят <...> создать в Маньчжурии что-то новое, создать систему сотрудничества с местным населением. Как реализуется это сотрудничество? Будущее покажет. <...> Японские администраторы в Маньчжурии намерены осуществить масштабное экономическое развитие страны. <...> Мы присутствуем при опыте, достойном осуществления и содействия» [Escarra 1933, pp. 249–255]. Доктор права А. Р. Тюлье считал создание Маньчжоу-го легитимным и совместимым с Договором девяти держав 1922 г. (конкретные аргументы он заимствовал из книги Э. де Вевра «Признание де-юре регентства Маньчжурии и Договор девяти держав» [Vèvre 1932]), а потому призвал признать его де-юре [Tullié <1935>, pp. 340–343]. Подробно эту «дуэль юристов» автор рассмотрел в отдельной статье [Молодяков 2019].

«Королева репортажа» Андре Виолли и японская политика в Китае

Теоретические споры правоведов занимали умы лишь «активной фракции» общества. Обычные французы, интересовавшиеся международной политикой, не принимали ни одну из сторон в конфликте, который их прямо не затрагивал, но хотели получить подробный рассказ с места событий. Они ждали «большого репортажа» (*le grand reportage*) — серии ежедневных или еженедельных статей известного автора. «Большой репортер» подчинялся только главному редактору газеты или журнала и был свободен в мнениях и оценках, отвечая за них своей подписью и репутацией. «Если репортаж был полностью субъективным жанром журналистики, где присутствовала личность репортера, последний должен был оставаться нейтральным и беспристрастным, по крайней мере в изданиях без четко заявленной политической ориентации. Он обязался соблюдать негласный договор с публикой о честной передаче ей правдивой информации» [Jeandel 2006, p. 83].

На Дальний Восток отправилась Андре Виолли (1870–1950; в старых переводах: Виоллис/Виолис), известная в 1920–1940-е годы, но забытая после смерти. Урожденная Андре де ла Веррьер, она использовала псевдоним мужа Жана Виолли (Жан-Анри д'Ардьен де Тизак), прозаика и специалиста по китайскому искусству, вместе с которым написала несколько книг. Смолоду причастная журналистике, она пришла в мир «большого репортажа» на шестом десятке и за несколько лет стала его «королевой» благодаря книгам «Одна в России: от Балтики до Каспия» (1927), «Эльзас и Лотарингия поверх страстей» (1928), «Буря над Афганистаном» (1930) и «Индия против англичан» (1930). «Образцовый репортер в смысле соблюдения правил профессии» [Jeandel 2006, p. 208], Виолли не скрывала принадлежности к левым (ее дочь Симона Тери была коммунисткой) и выступала против колониализма, милитаризма и «фашизма» (понимаемого как антикоммунизм). При этом она не упускала из виду интересы и престиж Франции. В 1931 г. министр колоний Поль Рейно поручил ей поездку в Индокитай для выяснения реального положения дел, считая, что администрация скрывает его. Итогом стала книга «Индо-китай S.O.S.», изданная четыре года спустя с предисловием Андре Мальро. Виолли критиковала французскую политику, но мягче,

нежели британскую в Индии. «В больших репортажах она рассматривала проблемы в европейской перспективе. Колониальные проблемы требовалось решить не только потому, что колонизация в том виде, в каком она проводилась, влекла за собой несправедливость и нищету, но и потому, что без ответных мер со стороны великих держав те могли в итоге потерять свои колонии» [Jeandel 2006, p. 141].

Напряженность на Дальнем Востоке осенью 1931 г. не ограничивалась Маньчжурией, поэтому *Le Petit Parisien*, одна из крупнейших газет мира, гордившаяся полуторамиллионным тиражом, отправила Виолли в Китай. Статьи, печатавшиеся там с 23 декабря 1931 г. по 13 марта 1932 г., составили книгу «Шанхай и судьба Китая» (1933), в которой журналистка «явно приняла китайскую сторону» [Jeandel 2006, p. 112]. Ее открывает обширное (около четверти общего объема!) введение публициста Анри Ропера (1893–1955) — очерк событий в Китае от Синьхайской революции до японской оккупации Маньчжурии, выдержанный в прогоминьдановском духе. Ропер, критик колониализма и друг Мальро, объявил Японию агрессором, посетовал на нейтральную позицию «великих держав» перед лицом агрессии и назвал Маньчжурию «провинцией, которую обособленной от Китая считает только парижская большая пресса» [Viollis 1933a, pp. 9, 18].

Из Ханоя через Хайфон и Гонконг Виолли приехала в Кантон, «колыбель китайской революции», оттуда в столицу Нанкин и наконец в Шанхай. В первых главах доминируют описания экзотических красот, но уже здесь подчеркивается мысль, что «национальное единство [Китая], над которым улыбаются в Европе, — не миф». В этом были едины ее собеседники — молодой китайский интеллектual и француз, «проживший в Китае четверть века и отлично говорящий по-китайски» [Viollis 1933a, pp. 71–72, 96–97]. Отметив, что «японская агрессия в Маньчжурии укрепила союз» различных политических сил Китая, Виолли задалась вопросом, насколько он прочен и долговечен с учетом очередного обострения борьбы за власть в руководстве Гоминьдана [Viollis 1933a, pp. 111–112]. В Нанкине она застала правительство в состоянии, близком к распаду, из-за отсутствия единой позиции в отношении Японии. «Министрам лучше прийти к согласию, и поскорее, иначе народ им не простит», — решительно заявил ей молодой чиновник МИД, но гостья «знала по опыту, что китайцы больше говорят, чем делают» [Viollis 1933a, pp. 123–124, 121].

Виолли стала свидетельницей «шанхайской обороны» (конец января — февраль 1932 г.) — боев между японскими экспедиционными войсками и китайской 19-й армией при активной поддержке местного населения, которые последовали за японским ультиматумом 27 января, вызвавшим всплеск антииностранных, а не только антияпонских настроений [Viollis 1933a, pp. 120–121, 130–131], — и живо описала ее. События хорошо известны, поэтому остановимся на оценках автора. «Это война, увы, и такая война! Между народами, раса которых исключает жалость и ожесточает ненависть. Пока представители всех цивилизованных стран за столом с зеленым сукном спокойно обсуждают мир и разоружение, здесь сотня тысяч человек убивает друг друга», — горько заметила она, добавив: «Японцы или китайцы, не так важно. <...> Неужели европейцы окажутся равнодушными к их страданиям только потому, что они далеко, что их многие сотни миллионов, что цвет их кожи отличается от нашей» [Viollis 1933a, pp. 185–186, 191–192]. Признавая, что «желтая раса жестока» и «что китайцы тоже способны на зверства», Виолли решительно приняла их сторону, потому что «они у себя дома. На их землю вторглись, и они защищают каждую пядь» [Viollis 1933a, p. 191].

Отдав должное решимости шанхайского мэра У Течэна, который ради спасения сограждан принял японские требования с риском быть объявленным предателем, и «удивившему весь мир» боевому духу китайских солдат, Виолли возложила ответственность на «слишком пассивное и непонятное поведение» китайского правительства и на командующего японским экспедиционным флотом контр-адмирала Сиодзаву Коити, который собственной властью выдвинул «драконовский ультиматум» и приказал произвести авиаудар по Чжабею, унесший жизни многих тысяч мирных жителей (журналистка побывала в «мертвом городе» после перемирия). «Это ясное доказательство преобладания военной власти над гражданской, которое, как говорят, является законом в Японии», — заключила она [Viollis 1933a, pp. 148–150].

«Большой репортаж» требовал не только зарисовок с места событий, но и высказываний «авторитетов». Японский генеральный консул Мураи Курамацу, «весь почтительность и улыбчивость», повторял привычный аргумент о «законной самозащите», но явно не контролировал ситуацию [Viollis 1933a, pp. 145–147]. Китайскую сторону представлял хорошо известный на Западе Чэнь Южэнь, он же Юджин

Чэнь, бывший министр иностранных дел и ярый противник Японии, которая, по его словам, «бросила вызов не только Китаю, но цивилизованному миру» [Viollis 1933a, pp. 165–166]. Ветеран китайской дипломатии заявил, что Япония «глумится над мировым общественным мнением», а ее «правлящий военный класс слепо верит в силу и только в силу», поэтому единственной надеждой может быть «сотрудничество Америки и Англии с целью заставить Японию уважать справедливость и международное право»; Францию он сбрасывал со счетов как «не имеющую никаких интересов в Китае» [Viollis 1933a, pp. 169–170]. Известно, что одним из оправданий японской экспансии служила перенаселенность метрополии. Многие считали ее лишь предлогом, но Чэнь Южэнь назвал ситуацию «катастрофой» и предрек распространение экспансии в сторону «Австралии с ее обширными пустынными территориями», поскольку «ни Корея, ни Маньчжурия не подходят японцам для жизни из-за климата», а «Китай слишком населен, чтобы принимать новоприбывших» [Viollis 1933a, pp. 168–169].

Отметив, что кризис разрешился «ни победой, ни поражением», но «лишь окончанием боевых действий, что удовлетворило японскую сторону», Виолли констатировала, что местные «белые» «потеряли веру в непобедимую японскую армию» [Viollis 1933a, pp. 194, 240]. Из Шанхая она отправилась в Японию с целью «на месте изучить реакцию на события в Маньчжурии и Шанхае, найти причины противоречий, столь часто возникающих между указаниями токийского правительства и действиями командования армии и флота. <...> Понять, как этот народ <...> вдруг превратился в агрессора, презревшего договоры и соглашения, которые помогал составлять и подписывал, почему он, кажется, захотел бросить вызов Лиге Наций и цивилизованному миру» [Viollis 1933a, p. 246].

Андре Виолли о «фашизации» Японии

В Японии Виолли провела весну и лето 1932 г. В книге «Япония и ее империя» (1933) она уделила главное внимание внутренним проблемам, а именно националистическому консервативно-революционному движению [Молодяков 1999], «мощному движению, которое пока можно назвать фашистским за неимением иного слова» [Viollis 1933b, p. 51]. Интерес к нему в Европе возрос после путча «молодых офицеров» 15 мая 1932 г. в Токио. Несмотря на провал, он показал

не только остроту политических, экономических, социальных и идейных «болезней», но и возможность их «лечения» с помощью праворадикальных средств. «Мы движемся по пути к фашизму и, возможно, находимся накануне военной диктатуры», — заявил ей некий либеральный профессор [Viollis 1933b, p. 36].

Расширение японской экспансии на континенте Виолли рассматривала как проявление крепнущих «фашистских» тенденций внутри страны. Носителем этих тенденций она считала военные круги, особенно среднее и старшее офицерство, и националистические организации, действующие или стремящиеся действовать заодно с ними. «Престиж Японии в Маньчжурии и Монголии падает тогда, когда слабеют стойкость и отважная энергия японского народа, — заявил военный министр генерал Минами Дзиро 5 августа 1931 г., выступая перед командирами дивизий. — Каждый японский солдат должен помнить о важности маньчжурской проблемы и вернее, чем когда-либо, выполнять свой воинский долг» [Viollis 1933b, p. 62]. Его преемник на посту министра генерал Араки Садао, считавшийся идеологом экспансии и внутренних преобразований в «фашистском» духе, если не будущим диктатором, прямо сказал гостье: «Мы тридцать пять лет сражались за Маньчжурию в двух войнах, где рекой лилась японская кровь. Маньчжурия ценна для нас не только в экономическом, но и в стратегическом отношении. Она является частью оборонительной системы Японии» [Viollis 1933b, p. 31]. «В японской армии нет ничего от “великой немой”» (так называли французскую армию в Третьей Республике. — В. М.), — подчеркнула она [Viollis 1933b, p. 166]. В последней главе Виолли отметила программную статью Араки «Задачи Японии в эру Сёва», опубликованную в августе 1932 г. в военном журнале *Кайкося* и посвященную в том числе «важности маньчжуро-монгольского вопроса»: «Никаких недомолвок: это военный министр обращается к своим офицерам» [Viollis 1933b, p. 256].

Правящим кругам не требовалось навязывать курс на континентальную экспансию. Напротив, уже не впервые «националистическая экзальтация внутри страны подталкивала к решительным действиям правительство» [Мещеряков 2006, с. 528]. Виолли убеждалась в этом, беседуя не только с министрами, генералами и депутатами, но и с теми, кто действовал «снизу», не всегда заметно, но эффективно. «Мы взяли и сохраним Маньчжурию для нашего народа, для храбрых людей, которые трудятся и страдают», — сказал ей молодой офицер

штаба Квантунской армии, один из «умных, энергичных, амбициозных» людей, не хотевших видеть Маньчжоу-го во власти банкиров и капиталистов, даже японских [Viollis 1933b, p. 66]. Хозяева *дзайбацу* «Мицуи» и «Мицубиси» и их конкуренты из «новых концернов» уже считали Маньчжоу-го своей вотчиной, столь же недвусмысленно заявляя: «Каковы бы ни были выводы комиссии Лиги Наций, мы никогда не откажемся от наших прав в Маньчжурии» [Viollis 1933b, p. 193]. «Хозяева момента» — офицеры из окружения Араки, «не забывая о своей роли пропагандистов», уверяли Виолли, что «настаивают на необходимости установить порядок и мир и защитить японских и корейских крестьян, жизнь и имущество которых находятся под угрозой» [Viollis 1933b, p. 99]. «Разве армия во всех странах, кроме СССР, не стоит на страже богатства и собственности?» — риторически недоумевала она, слушая антиплутократические речи «фашистов» в мундирах [Viollis 1933b, p. 104]. Офицеры вспомнили и о «советской угрозе». «Китай нас не беспокоит, но нам необходима Маньчжурия как средство защиты от агрессивной гегемонии Советов, — заявил один. — <...> Мы хотим остаться японцами. Мы не хотим международного большевизма». «Точно так же, как мы не хотим капитализма европейцев и янки», — добавил его сослуживец [Viollis 1933b, p. 100].

Экспансию поддерживали не только военные и ретронационалисты из «тайных обществ», с которыми Виолли тоже общалась, но и многие левые. «Я враг империалистических войн, — заявил ей политик и профсоюзный вожак Акамацу Кацумаро, один из основателей Коммунистической партии Японии, ставший национальным социалистом, — но я уверен, что Маньчжурия необходима для экономического будущего японских трудящихся. <...> Маньчжурский вопрос поднимает энтузиазм у самых угнетенных крестьян. <...> Я полностью доверяю антикапиталистическому движению молодых офицеров; я верю в его искренность и убежден, что с его помощью мы создадим социалистическое государство, которое объединит Японию и Маньчжурию» [Viollis 1933b, p. 150]. «Во время событий в Маньчжурии нас было много таких, активистов социалистической молодежи, кто всем сердцем и душой чувствовал единство с новой армией», — подтвердил Мияма Икки, знакомый автора по Парижу, где он учился и вращался в кругах Социалистической партии [Viollis 1933b, p. 139]. «Без Маньчжурии нас ждет голод, — добавил он. — Для нас это вопрос жизни и смерти» [Viollis 1933b, pp. 250–251]. В отличие от

коммунистического движения, направлявшегося из Москвы, к которому власти были беспощадны (Виолли побывала на одном из заседаний суда над руководителями компартии), такой «социализм» был дозволен, хотя после 15 мая 1932 г. находился под подозрением. Расправа с радикальным крылом «национал-государственных социалистов» (*кокка сякайсюгися*) последует лишь за подавлением военного мятежа 26–29 февраля 1936 г.

По возвращении Виолли оказалась востребована как эксперт по Дальнему Востоку и призывала со всей серьезностью отнестись к «существованию японского фашизма и к угрозе, которую он несет миру во всем мире» [Jeandel 2006, p. 165]. Назвав «Японию и ее империю» в письме к Жану-Ришару Блоку своей «наименее плохой, наиболее документированной и наиболее правдивой» книгой, она заявила, что написала ее с целью «разрушить легенду о Японии как “стране порядка и оплоте цивилизации” и подчеркнуть опасность ее империализма» [Jeandel 2006, p. 123].

Вслед за этим Виолли выпустила книгу «Интимная Япония» (1934), коснувшись традиционных неполитических сюжетов: повседневная жизнь, еда, манеры, развлечения, образование, семейные отношения. К нашей теме она не имеет прямого касательства, но отметим два момента. Первый — саркастическое и не лишённое высокомерия описание попыток японцев выглядеть «по-европейски», будь то отель «Империял» [Viollis 1934, pp. 10–20], рестораны европейской кухни, где «японцы проходят первое посвящение в нож и вилку» и где «можно поесть без удовольствия, конечно, но и без явной опасности» [Viollis 1934, pp. 28–29, 57–60], «новый театр» (*сингэки*), где «актеры не понимают чувств, которые они должны воплощать» в западных пьесах [Viollis 1934, pp. 74–76]. Второй — стремление развенчать представления о «высокой морали» японцев, за которой скрываются коммерческая недобросовестность, сексуальная распущенность мужчин и дискриминация женщин (в этом феминистка Виолли видела и пережиток прошлого, и проявление «фашистских» тенденций) [Viollis 1934, pp. 125–139, 206–239], об изящных манерах [Viollis 1934, pp. 141–151], о чистоте, которая «не есть гигиена», ибо Токио недостаточно оборудован канализацией [Viollis 1934, pp. 153–160]. Невинные бытовые зарисовки подвели читателя к выводу, что, несмотря на все старания, японцы не являются и не могут являться носителями западной цивилизации, к чему они апеллировали в своей

колониальной и континентальной политике. Бегло отдав должное красотам природы и памятникам старины, «королева репортажа» завершила «Интимную Японию» вердиктом: «Фашизм царствует в Токио, как в Риме, в Берлине и в других местах: империалистический культ силы определяет все видимые противоречия японских нравов. Сейчас он представляет одну из самых опасных угроз для нашего мира» [Viollis 1934, p. 249]. Легко предположить, что японским официальным лицам ее книги не понравились: сарказм и насмешки «белых» те воспринимали не менее остро, чем предметную критику.

Морис Лашен о возможной эскалации дальневосточного конфликта

Известность Мориса Лашена (1909–1977) ограничивалась 1930-ми годами, но его книги выходили в знаменитом издательстве *Gallimard*. Он избрал стезю журналиста, видимо, не без помощи влиятельного критика Бенжамена Кремье, которому посвятил свою первую книгу «Япония 1934» [Lachin 1934]. За ней последовали «IV-я Италия» (1935), «Эфиопия и ее судьба» (1935) и «Капиталистический Китай» (1938). Лашен занимался журналистикой и в первые послевоенные годы, но дальше его следы теряются.

Лашен посетил Японию, Корею и Маньчжоу-го в августе—сентябре 1933 г. Несмотря на молодость (24 года) и малую известность (готовил дебютную книгу), он был принят влиятельными лицами, включая премьер-министра Сайто Макото, министра иностранных дел Хирота Коки, военного министра Араки, регента Пу И и командующего Квантунской армией генерала Хисикари Такаси. Однако «Япония 1934» — это не сборник высказываний нотаблей вперемешку со статистическими данными, как нередко бывало, но «большой репортаж» с эффектом присутствия на месте событий. Неизвестно, кто помогал Лашену (он бегло упомянул японских журналистов, работавших во Франции), но книга свидетельствует не только об энергии и предприимчивости автора, но и о его познаниях и компетентности, аналитических способностях и литературном таланте. Она пользовалась успехом у читателей, о чем свидетельствуют допечатки тиража и переводы на немецкий и нидерландский языки. В «черно-белой» оптике отсутствие критики в адрес одной стороны воспринималось как пропаганда в ее пользу, но считать книгу Лашена прояпонской

пропагандой нельзя. Косвенное доказательство — иронический тон многих страниц.

Применительно к континентальной политике Японии визитера особенно интересовали перспективы конфликта с Советским Союзом, с которым Францию связывал пакт о ненападении от 29 ноября 1932 г. Ареной возможного конфликта выступало Маньчжоу-го, особенно после публикации в «Правде» и «Известиях» 10 октября 1933 г. донесений Хисикари в МИД о возможных репрессиях против советских служащих КВЖД с целью давления на Москву в ходе переговоров о продаже советской доли в ней Маньчжоу-го. Официальный Токио дезавуировал документы как фальшивые, запретил публиковать их в японской печати и пригрозил прервать переговоры о покупке КВЖД. Москва не испугалась и не взяла сказанное обратно, но ответила еще более решительными комментариями, что вынудило японцев «сдать назад». «Любую угрозу Маньчжоу-го мы будем рассматривать как прямую угрозу Японии. Советы это отлично знают», — решительно заявил Лашену Араки [Lachin 1934, p. 46]. Хирота, бывший посол в СССР, высказался куда осторожнее: «Могу вас заверить, что наша страна желает лишь улучшения отношений с соседом, к которому не испытывает никаких враждебных чувств. Конечно, позиция России применительно к Маньчжоу-го, с которым нас связывает очень тесное сотрудничество, влияет на наши отношения с Советами. <...> Но я верю, что при наличии доброй воли со стороны России все имеющиеся вопросы могут быть решены ко взаимному удовлетворению обеих сторон» [Lachin 1934, p. 121]. «Будет ли завтра война между Японией и Россией?» — задался вопросом Лашен. И сам ответил: «Спросите советского гражданина, и он ответит: “Мы готовы к любому варианту”. Спросите японского военного, и он ответит: “Мы готовы к любому варианту”» [Lachin 1934, p. 122]. Анонимные японские собеседники говорили об относительной слабости Красной армии на Дальнем Востоке, но признали, что время работает на СССР [Lachin 1934, pp. 123–124]. Лашен также указал на ограниченность финансовых возможностей Японии, в том числе из-за крупных инвестиций в Маньчжоу-го, что делало проблематичным финансирование «большей войны» [Lachin 1934, pp. 142–148].

Реалии японской колониальной политики журналист наблюдал в Корее (ее восприятие иностранцами требует отдельного исследования), континентальной — в Маньчжоу-го. В первом случае он отме-

тил «решимость быстро преобразовать отсталую во всех отношениях страну в авангард промышленного прогресса» наряду с резкой критикой в адрес этой политики в самой Японии и за ее пределами, а также со взаимной острой неприязнью японцев и корейцев [Lachin 1934, pp. 195–196, 176–177, 186]. «Маньчжурская реальность», как автор озаглавил главу 15, ему скорее понравилась, хотя он прямо заявил, что настоящее нового государства полностью зависит от японской армии, обеспечивающей его безопасность (об армии Маньчжоу-го он писал со смесью иронии и скепсиса), а будущее — еще и от японских капиталовложений. «Пока Япония сильна, — констатировал Лашен, — Маньчжоу-го будет развиваться; но, если однажды [она] потеряет силу, существование Маньчжоу-го окажется под угрозой» [Lachin 1934, pp. 202–203]. События августа—сентября 1945 г. подтвердили его правоту. Пу И не уклонился от ответов на «острые» вопросы, но предсказуемо заявил, что согласился стать регентом лишь в силу «моральных обязательств перед бывшими подданными, которые попросили [его] снова занять трон [его] предков» и не намерен распространять свое влияние за пределы Маньчжурии, если только «китайский народ, которому надоело жить в анархии, не призывает [его] к власти» [Lachin 1934, pp. 208–210]. «Мы совершенно не намерены поощрять расширение Маньчжоу-го. Ошибочно видеть в его рождении первый этап военных операций более широкого масштаба», — уверял генерал Хисикари, оговорив при этом, что Япония «не может без тревоги смотреть на русских, устраивающих всяческие провокации на границах Маньчжурии» [Lachin 1934, pp. 210–211]. На вопрос, «не приведет ли нынешняя ситуация к конфликту с Россией», начальник штаба Квантунской армии генерал Койсо Куниаки, которого называли «крестным отцом» Маньчжоу-го, ответил: «Надеюсь, что не приведет, напротив, Маньчжоу-го станет фактором стабилизации и послужит укреплению мира, угроза которому действительно существует» [Lachin 1934, p. 220]. А что еще они могли публично заявить...

Признав возможность войны «между империализмом Нанкина и империализмом Токио» с учетом «анархии, царящей сегодня в Китае», Лашен сделал вывод: Япония «не мечтает о политическом завоевании Китая» и готова на союз с Чан Кайши, «но при условии: Нанкин должен как-то гарантировать экономическую экспансию Японии на китайский “континент”» [Lachin 1934, pp. 242–244]. Возможность советско-японской войны он также рассматривал в перспек-

тиве столкновения «двух империализмов», ни один из которых пока не силен настолько, чтобы быть уверенным в победе [Lachin 1934, pp. 244–246]. «Слово сегодня за правителями Токио, Вашингтона и Москвы, — заключил он. — Смогут ли они заклясть опасность, наличие которой невозможно отрицать?» [Lachin 1934, p. 249]. Дальнейшие действия Парижа и даже Лондона в регионе зависели от этих акторов.

Роже Леви и попытка равноудаленного взгляда на конфликт

Среди авторов, не ограничивавшихся анализом двустороннего конфликта, но связывавших его с интересами Франции, отметим Роже Леви (1887–1975), генерального секретаря Комитета по изучению тихоокеанских проблем, а ранее активиста Социалистической партии. В первой книге о дальневосточных событиях «Чья Маньчжурия?» (1932) он занял нейтральную — точнее, равноудаленную — позицию в споре; обширное документальное приложение было призвано подчеркнуть объективность автора. В книге для широкого читателя «Дальний Восток и Тихий океан» (1935) он рассматривал регион как арену взаимодействия великих держав, а потому включил разделы о Маньчжоу-го (которое сравнил с французскими протекторатами в Марокко, Тунисе, Аннаме и Камбодже [Lévy 1935, p. 95]), о Внутренней Монголии и Корее в главу о Японии, а разделы о Внешней Монголии (МНР) и Синцзяне — в главу «Русские успехи в Азии».

Анализируя экономическое присутствие Франции в регионе через Индокитай, где метрополия «выступает более как продавец, нежели как покупатель», Леви напомнил следующее: «Китай является первым клиентом Индокитая. Он один покупает больше индокитайских товаров, чем вся Французская империя¹. <...> Экономические отношения Индокитая с Японией прямо не затронуты ее растущей торговой экспансией. <...> Франция занимает лишь тринадцатое место среди клиентов Японии и десятое среди ее поставщиков» [Lévy 1935, pp. 167, 171]. Торговое соглашение 1932 г. с Японией, которому предшествовали 17 лет переговоров по тарифно-таможенным вопросам, аналитик назвал выгодным для Франции и для ее колонии, поскольку

---

¹ Термин использовался для обозначения совокупности метрополии и остальных владений, вне зависимости от их статуса.

оно сокращало японский импорт в интересах французских экспортеров [Lévy 1935, pp. 171–172]. Позицию своей страны в Китае он свел к «политике присутствия»: «Франция должна оставаться зрителем ожесточенной борьбы, которую великие державы ведут на китайской земле» [Lévy 1935, pp. 172, 175].

Следующие работы Леви о Дальнем Востоке, написанные в жанре объективистской исторической справки, вышли под грифом Центра по изучению иностранной политики (далее — Центр), который возглавлял знаменитый историк Себастьян Шарлети, бывший ректор Сорбонны. Эта неправительственная организация была создана в 1935 г. для «объективного изучения современных международных проблем» (текст на обложке всех ее изданий) и претендовала на роль ведущего национального think-tank, так что приглашение туда в качестве эксперта означало профессиональное признание.

Сотрудничество Леви с Центром началось с доклада «Последствия экономического развития Японии для Французской империи» (1936), подготовленного Комитетом по изучению тихоокеанских проблем во главе с профессором Сорбонны Альбером Деманжоном, членом правления Центра. Леви — генеральный секретарь комитета и его «рабочая лошадка» — был лишь одним из авторов, но взял на себя основной труд по редактированию доклада, содержащего обширные фактические данные, за что получил разрешение использовать его материалы в собственной книге «Дальний Восток и Тихий океан». В докладе рассмотрена торговля Японии со всеми французскими владениями и ее конкуренция с Францией на всех внешних рынках. Выводы по интересующей нас теме (японским колониям и Маньчжоу-го в докладе отведено мало места) в целом совпадают с приведенными выше оценками Леви [Les Conséquences 1936, pp. 97–109].

Ночная перестрелка 7 июля 1937 г. у моста Лугоуцяо (мост Марко Поло) недалеко от Пекина стала началом войны, будущие масштабы которой тогда никто не предвидел. Кабинет Коноэ Фумимаро под давлением армии выбрал жесткий курс, перейдя от ультиматумов к наступлению по всему фронту. Двадцать восьмого июля был занят Пекин, 29 июля — Тяньцзинь, 6 августа — Нанькоу, к концу сентября — Внутренняя Монголия, 11 ноября после долгих боев пал Шанхай. Внимание аналитиков всего мира снова было приковано к Китаю.

Шестого ноября 1937 г. на заседании Академии моральных и политических наук Леви сделал доклад об истории и современности

японо-китайских отношений, что свидетельствовало и о важности проблемы для французской интеллектуальной элиты, и о статусе докладчика-эксперта. На его основе он подготовил небольшую по объему, насыщенную фактами, цифрами и цитатами книгу «Отношения Китая и Японии» (1938). Верный «равноудаленному» взгляду, Леви, по его собственному выражению, обозначил «реперные точки» истории отношений и подробно привел аргументы обеих сторон. Он цитировал и Хирота, и Чан Кайши, «предстающего за границей живым символом нации» [Lévy 1938, p. 117], с минимумом комментариев, но между прочим отметил: «Вопреки тому, как склонны считать в Европе, японская политика на протяжении последних лет *не всегда* определялась военными» [Lévy 1938, p. 53]. Заслуживают внимания его суждения о попытках режима Чан Кайши объединить и модернизировать страну при помощи извне. «Японская угроза остается главнейшим фактором объединения Китая. Ожесточая чувства, вторжение способствует созданию *сильного государства*, способного сохранить свою самостоятельность. В этом развитии, вдохновленном Западом, более политическом, чем экономическом, Китай и его правительство часто берут пример с методов Германии и Италии» [Lévy 1938, p. 73]. Оценивая перспективы сопротивления экспансии, Леви отметил: «В удивительном национальном порыве китайцы провозгласили сопротивление. Пренебрегая факторами собственной слабости, раздробленности и необеспеченности, они думают выиграть войну путем истощения врага, максимально используя протяженность линий его коммуникаций» [Lévy 1938, p. 123]. До взятия японцами Нанкина оставалось еще больше месяца.

Современный специалист едва ли обнаружит в работах Леви что-то новое, поэтому значение их в другом. Они показывают, что французская политическая и интеллектуальная элита 1930-х годов располагала подробной и объективной информацией о событиях на Дальнем Востоке, которой могла руководствоваться при выработке как собственной позиции, так и национальной политики. Работы Леви читали или могли читать дипломаты, депутаты, министры. Французская политика в регионе оставалась в поле зрения эксперта, рассматривавшего ее как в тактическом плане экономического взаимодействия и соперничества, так и в стратегическом плане «положения белых на Дальнем Востоке». Звучащая сегодня «неполиткорректно», такая трактовка была естественной для эпохи колониальных империй: «Можно

предвидеть, что победоносная Япония и побежденный Китай, или Япония и Китай, помирившиеся на основе непредвиденного компромисса, могут породить “блок”, коалицию желтых» [Lévy 1938, p. 123]. Восприятие японской экспансии политическим миром Франции, интеллектуальный фон ее дальневосточной политики в контексте борьбы идей и мнений в этом мире мы рассмотрим в дальнейших публикациях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Мещеряков 2006 — Мещеряков А. Н. *Император Мэйдзи и его Япония*. Москва: Наталис, 2006.

Молодяков 1999 — Молодяков В. Э. *Консервативная революция в Японии: идеология и политика*. Москва: Восточная литература, 1999.

Молодяков 2019 — Молодяков В. Э. Континентальная политика Японии — взгляд из Франции: «Маньчжурский инцидент» и «дуэль юристов». *Япония. Ежегодник*. 2019. Т. 48. Москва: АИРО-XXI, 2019. С. 228–249.

Молодяков 2020 — Молодяков В. Э. Государство Маньчжоу-го глазами французских аналитиков: от «Маньчжурского инцидента» (1931) до «Китайского инцидента» (1937). *Уральское востоковедение. Ежегодник*. 2020. Т. 10. Екатеринбург: УрФУ, 2020. С. 55–65.

Стимсон 1938 — Стимсон Г. Л. *Дальневосточный кризис. Воспоминания и наблюдения*. Москва: Соцэкгиз, 1938.

Escarra 1933 — Escarra, J. *Le Conflit Sino-Japonais et la Société des Nations. Ray J. La Position, l'Oeuvre et la Politique du Japon en Mandchourie*. Paris: Publications de la Conciliation Internationale, 1933.

Jeandel 2006 — Jeandel, A.-A. *Andrée Viollis: une Femme Grand Reporter, une Écriture de l'Événement 1927–1939*. Paris: L'Harmattan, 2006.

Lachin 1934 — Lachin, M. *Japon 1934*. Paris: Gallimard, 1934.

Les Conséquences 1936 — *Les Conséquences du Développement Économique du Japon pour l'Empire Français*. Paris: C.E.P.E.; Paul Hartmann, 1936.

Lévy 1932 — Lévy, R. *A qui la Mandchourie?* Paris: A. Pedone, 1932.

Lévy 1935 — Lévy, R. *Extreme-Orient et Pacifique*. Paris: Armand Coline, 1935.

Lévy 1938 — Lévy, R. *Relations de la Chine et du Japon*. Paris: C.E.P.E.; Paul Hartmann, 1938.

Tullié <1935> — Tullié, A. R. *La Mandchourie et le Conflit Sino-Japonais devant la Société des Nations*. Paris: Recueil Sirey, <1935>.

Vèvre 1932 — Vèvre, E. de. *La reconnaissance de jure de la régence de Mandchourie et le traité des neuf puissances*. Paris: Arthur Rousseau, 1932.

Viollis 1933a — Viollis, A. *Changhai et le Destin de la Chine*. Paris: Corrêa 1933.

Viollis 1933b — Viollis, A. *Le Japon et son Empire*. Paris: Grasset, 1933.

Viollis 1934 — Viollis, A. *Le Japon Intime*. Paris: Fernand Aubier, 1934.

REFERENCES

Escarra, J. (1933). Le Conflit Sino-Japonais et la Société des Nations. In Ray J. *La Position, l'Oeuvre et la Politique du Japon en Mandchourie*. Publications de la Conciliation Internationale. (In French).

Jeandel, A.-A. (2006). *Andrée Viollis: une Femme Grand Reporter, une Écriture de l'Événement 1927–1939*. L'Harmattan. (In French).

Lachin, M. (1934). *Japon 1934*. Gallimard. (In French).

Les Conséquences du Développement Économique du Japon pour l'Empire Français. (1936). C.E.P.E.; Paul Hartmann. (In French).

Lévy, R. (1932). *A qui la Mandchourie?* A. Pedone. (In French).

Lévy, R. (1935). *Extrême-Orient et Pacifique*. Armand Coline. (In French).

Lévy, R. (1935). *Relations de la Chine et du Japon*. C.E.P.E.; Paul Hartmann. (In French).

Meshcheryakov, A. N. (2006). *Imperator Meiji i ego Yaponiya* [Meiji Emperor and His Japan]. Natalis. (In Russian).

Molodyakov, V. E. (1999). *Konservativnaya revolyutsiya v Yaponii: ideologiya i politika* [Conservative Revolution in Japan: Ideology and Politics]. Vostochnaya literatura. (In Russian).

Molodyakov, V. E. (2019). Kontinental'naya politika Yaponii — vzglyad iz Frantsii: "Manchzhurskiy intsident" i "duel yuristov" [Japanese Colonial Policy as Seen from France: "Manchurian Incident" and "Jurists' Duel"]. *Ezhegodnik Yaponiya 2019*, 48, 228–249. (In Russian).

Molodyakov, V. E. (2020). *Gosudarstvo Man'chzhou-go glazami frantsuzskikh analitikov: ot "Man'chzhurskogo intsidenta" (1931) do "Kitayskogo intsidenta" (1937)* [State of Manchukuo as Seen by French Analysts: From "Manchurian Incident" (1931) to "China Incident" (1937)]. *Ural'skoe vostokovedeniye. Ezhegodnik 2020*, 10, 55–65. (In Russian).

Stimson, H. L. (1938). *Dal'nevostochnyy krizis. Vospominaniya i nablyudeniya* [The Far Eastern Crisis. Recollections and Observations]. Sotsekgiz. (In Russian).

Tullié, A. R. (1935). *La Mandchourie et le Conflit Sino-Japonais devant la Société des Nations*. Recueil Sirey. (In French).

Vèvre, E. de. (1932). *La reconnaissance de jure de la régence de Mandchourie et le traité des neuf puissances*. Arthur Rousseau. (In French).

Viollis, A. (1933a). *Changhai et le Destin de la Chine*. Corrêa. (In French).

Viollis, A. (1933b). *Le Japon et son Empire*. Grasset. (In French).

Viollis, A. (1934). *Le Japon Intime*. Fernand Aubier. (In French).

Образ «героя» в Японии во время Второй мировой войны

А. Н. Мещеряков

Аннотация. Несмотря на различия в конкретных исторических обстоятельствах, любая война порождает героев (или же убивает их). Эти герои, и прежде всего их канонические образы, призваны дать примеры для восхищения, воодушевления, подражания, скорби. Поскольку такие примеры нужно предоставить как можно скорее, герои появляются уже в самом начале войны вне зависимости от ее хода. Поскольку Япония во Второй мировой войне потерпела поражение, а сама война на официальном уровне была признана в итоге «несправедливой», имена тех людей, чьи имена были на устах во время войны, после ее окончания оказались преданы забвению.

Мы анализируем образы героев, которые подверглись наибольшему прославлению непосредственно во время войны. В первую очередь нас интересовал именно *образ* героя, а не его реальные действия и реальная биография, которые и по сей день являются во многих случаях предметом для дискуссий. Однако эти дискуссии возникали уже в послевоенное время. Они остаются за пределами нашего внимания — точно так же, как и изменения в трактовке образа героев, происходившие в послевоенное время. Что до синхронного восприятия героев, то оно определялось прежде всего официальными версиями событий, растиражированными в газетах и радиопередачах и подхваченными затем публицистами, литераторами, кинематографистами, песенниками и т. д. И именно эти версии существовали в массовом сознании как непреложные факты.

Чрезвычайно важным представляется следующее обстоятельство. Совершившие тот или иной героический поступок люди во многих случаях признавались «героями» не сразу. В подобных случаях у создателей образа героев (армейского руководства, пропагандистов) имелось некоторое время, чтобы обдумать, кого следует назначить на эту роль, какие качества героев следует выдвинуть на первый план. Таким образом, создание культа героя было процессом не стихийным, а контролируемым. В условиях военного

времени кандидатов на роль героя имелось не так мало. Однако по тем или иным причинам героями в масштабе всей страны признавались лишь немногие. Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов и фактор случайности, но тем не менее мы попытались выделить набор параметров, которые могли повлиять на процесс выбора героя из ряда кандидатур. Содержание этого набора поможет нам лучше понять природу конструкции, которую принято называть «японским тоталитаризмом».

Ключевые слова: Япония, Вторая мировая война, культ героев.

Автор: Мещеряков Александр Николаевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, профессор Института классического Востока и античности Высшей школы экономики, 105066, Москва, ул. Старая Басманная д. 21/4, стр. 3.

E-mail: meshtorop@yahoo.com

ORCID: 0000-0001-6004-5743

The Image of a «Hero» in Japan during World War II

A. N. Meshcheryakov

Abstract. Despite differences in specific historical circumstances, any war generates heroes (or kills them). These heroes and their canonical images provide examples for admiration, inspiration, imitation, and sorrow. Since such examples should be provided as soon as possible, heroes appear at the very beginning of the war, regardless of its course. Since Japan was defeated, and the war itself was officially recognized as “unfair”, the names of those people who were admired during the war were forgotten after its end.

We analyze the images of heroes who were most glorified during the war. First of all, I keep my eye on the *image* of the hero, and not his real actions and biography, which are still the subject of discussion in many cases. However, these discussions arose in the post-war period. They remain outside my attention — just like the changes in the interpretation of the image of heroes that occurred in the post-war period. As for the synchronous perception of heroes, it was determined primarily by official versions of events, replicated in newspapers and radio broadcasts, and then picked up by publicists, writers, cinema makers, songwriters, etc. And these versions existed as immutable facts for most Japanese.

In many cases, people who committed a certain heroic act were recognized as “heroes” not immediately but after some time had passed. In such cases, the creators of the image of heroes (army leadership, propagandists) had time to think over who should be appointed to this role and what qualities of heroes should be brought to the fore. Thus, the creation of a hero cult was not a spontaneous process, but a controlled one. There is no doubt that, in wartime, there were many candidates for the role of a hero. However, for one reason or another, only a few were recognized as heroes nationwide. I will try to highlight a number of features that could affect the process of selecting a hero from a number of candidates. The contents of this set will help to understand better the nature of what is commonly called “Japanese totalitarianism”.

Keywords: Japan, Second World War, hero cult.

Author: *Meshcheryakov Alexandr N.* Professor, senior researcher, Institute of Classic East and Antiquity of Higher School of Economics. 105066, Moscow, 21/4 Staraya Basmannaya street, building 3.

E-mail: meshtorop@yahoo.com

ORCID: 0000-0001-6004-5743

Среда, порождающая героев (проблема единства народа)

Японско-русская война 1904–1905 гг. позиционировалась с обеих сторон прежде всего как столкновение двух армий, чему, помимо всего прочего, способствовало то обстоятельство, что ее ареной стали территории, не населенные русскими или японцами (населенные ими в ограниченной степени). Однако во время Первой мировой войны идея, что современная война — это противостояние народов, стала преобладающей. К началу Второй мировой войны в этом сомневались только немногочисленные ретрограды-гуманисты. Спаянность нации считалась решающей предпосылкой военного успеха. В этом отношении Япония находилась в «благоприятных» условиях, ибо единство японского народа не вызывало сомнений.

Великая японская империя провозглашалась государством древним, а нынешние японцы — наследниками японцев седой древности. Государственная идеология строилась на двух основных объединяющих постулатах: все обитатели Японии являются японцами, а все японцы являются подданными императора Хирохито (посмертное имя — Сёва) — прямого потомка родоначальника императорского рода Дзимму, который первым прошел обряд интронизации. В 1940 г.

проходило пышное празднование 2600-летней годовщины этого события. Эти объединяющие факторы представлялись намного более важными, чем реально существовавшие социальные, имущественные, региональные, партийные, возрастные, религиозные и иные различия. Немногочисленные коммунисты и иные диссиденты подвергались преследованиям (но не подлежали физическому уничтожению), однако считалось, что они способны «исправиться» именно потому, что были японцами. Японскому народу приписывались качества, которые решительно возвышали его над всеми другими: мужество, чистоплотность, чувство прекрасного, справедливость [Мещеряков 2020]. Однако главным качеством считалась верность императору и уникальная готовность пожертвовать своей жизнью ради него и родины. Противников такой идеологической конструкции насчитывалось крайне мало.

Исторические события, которые свидетельствовали о внутри-японских конфликтах, подлежали затушевыванию или забвению. Это хорошо видно по списку песен, рекомендованных министерством просвещения для изучения в школе в довоенное и военное время. Первоначально в этом списке имелось несколько произведений, посвященных историческим событиям. За исключением одного все они были связаны с военной историей — как внутренней, так и внешней. Внутренняя история — это средневековые усобицы. Внешняя — Японско-русская война. Все песни, в которых превозносились самурайская доблесть и верность, проявленные в период междоусобиц, были выведены из учебной программы в 1932 и 1942 гг. В то же время сам самурайский дух подлежал прославлению. Его наиболее значимым проявлением считалась Японско-русская война 1904–1905 гг.

В тоталитарной Японии термин «антинародный элемент» (*хико-кумин*) имел достаточно широкое хождение. Он использовался как бранное слово для осуждения тех людей, которые вели себя «неправильно». Обычно оно применялось в воспитательных целях и неофициально. Пресса, соседи и сослуживцы могли называть таким образом гражданских людей, которых подозревали в недостаточном патриотизме, которые, вопреки призывам правительства, вели «роскошную» жизнь, плохо соблюдали светомаскировку, спусти рукава участвовали в противопожарных учениях и т. п. Это могло приводить к остракизму, но не вело, как правило, к арестам и заключению.

Дисциплина и боевой дух японской армии были чрезвычайно высоки. Аналоги штрафных батальонов и заградительных отрядов отсутствовали ввиду отсутствия дезертирства. Попадание в плен считалось ужасным позором. В «Наставлении бойцам» (1941 г.) говорилось: «Попасть в плен живым — стыд, умереть без позора с незапятнанным именем». Действительно, японские солдаты редко оказывались в плену, часто предпочитая в случае угрозы пленения покончить жизнь самоубийством. Если японский солдат все-таки попадал в плен, его родственникам обычно направлялось извещение о смерти. Таким образом, пропаганда старалась избежать любого намека на то, что подданный императора в принципе способен совершить неблагоприятный поступок. Она предпочитала иметь дело с положительными, а не с отрицательными примерами. Население призывали выявлять шпионов, но их не находилось. За всю войну по политическим мотивам был казнен всего один японец. Это был связной Рихарда Зорге. Представители японской диаспоры за границей расценивались не как предатели, а как потенциальные помощники в борьбе с врагом.

Император позиционировался как олицетворение связи времен, носитель чаемых традиций. Он признавался «живым богом», ему поклонялись, и его «склеивающие» потенции были исключительно велики. Уникальность национального характера и преклонение перед императором оставались стержнями японской идеологии на всем протяжении войны. Следует признать, что японский опыт консолидации нации оказался самым успешным среди крупных стран — участниц Второй мировой войны: в стране не сформировалась сколько-нибудь значимая оппозиция. Существовавшие в национальном монолите «трещины» успешно замазывались, социальные и идеологические противоречия не раздувались, а замалчивались. Все это привело к тому, что подавляющее большинство населения поддерживало правительственную политику, даже если она кажется из сегодняшнего дня откровенно утопической и авантюрной.

Основные герои

Ко времени вступления Японии в Великую восточноазиатскую войну пантеон героев прошлого был сформирован. К их числу относился мифический первоимператор Дзимму, который покорял «варваров» (не принадлежавших к японскому этносу), проживавших на

территории современной Японии. Однако за всю свою длительную историю Япония вела крайне мало внешних войн, так что выбор героев мог совершаться только из немногочисленных прецедентов. Официальной целью Восточноазиатской войны было освобождение Азии от колониализма, поэтому прошлые конфликты Японии с азиатскими странами использовались пропагандой лишь ограниченно. И если воины, участвовавшие в отражении двух неудачных попыток монгольского вторжения в конце XIII в., подлежали некоторой героизации, то провальное вторжение войск Тоётоми Хидэёси в Корею в конце XVI в. предпочитали не вспоминать. Герои первой войны с Китаем (1894–1895) также вытеснялись на периферию государственного-общественного сознания. Основу пантеона героев образовывали воины, отличившиеся во время Японско-русской войны. Они упоминались в учебниках и прессе, им были посвящены книги, песни, фильмы и спектакли.

Прославление японских героев существенно отличалось от того, как это происходило в западных странах. В Японии не существовало наград (орденов, медалей) за индивидуальные боевые действия. Награды вручались только за участие в тех или иных массовых операциях, когда наград удостаивались все ее участники. За индивидуальные героические действия не повышали и в звании. Такое повышение можно было получить лишь посмертно, и эта практика была достаточно распространенной. Что до интенсивного, но неофициального прославления погибших героев, то пресса именвала самых выдающихся из них «ратными божествами» (*гунсин*). Такое титулование не употреблялось в официальных документах, оно было достоянием массовых средств коммуникации, находившихся в теснейшем контакте с армейским начальством, от которого зависело посмертное «продвижение» героев по службе. Души всех погибших за императора воинов почитались в токийском святилище Ясукуни, и все они имели теоретическое право считаться «ратными божествами», но на деле пресса именвала так только немногих избранных. Предполагалось, что души этих «ратных божеств» помогают живым японцам в военных делах.

Первым «ратным божеством» был признан капитан 3-го ранга Хиросэ Такэо (родился в 1868 г.), погибший 27 марта 1904 г. Во время осады Порт-Артура возглавляемый им брандмауэр подорвался на русской мине и стал тонуть, Хиросэ командовал экипажу эвакуи-

роваться на спасательной шлюпке, но вдруг обнаружил, что матрос Сугино Магосити куда-то пропал. Тогда Хиросэ вернулся на тонущий корабль, чтобы отыскать его. Поиски не увенчались успехом, и, когда Хиросэ спускался обратно в шлюпку, он был убит прямым попаданием снаряда. Задачей Хиросэ было затопить брандмауэр в горловине бухты, чтобы закрыть выход русским кораблям в открытое море. Задача не была выполнена. Хиросэ же проявил заботу о подчиненном, хотя и не спас его (считается, что он пошел ко дну вместе с брандмауэром). Тем не менее поведение Хиросэ преподносилось как проявление истинно самурайского духа, когда командир является отцом для своих подчиненных. Другие брандмауэры, участвовавшие в операции, также потерпели неудачу. Сообщения об этой провальной операции появились уже на следующий день, но пресса писала не о провале, а о мужестве моряков (все они были добровольцами), которые пошли на смертельно опасное дело. Поэтому их стали именовать «отрядом смертников» (*кэсситай*). Описание подвига самого Хиросэ было опубликовано 29 марта.

Флот и сухопутная армия находились в Японии в остро конкурентных отношениях. Как и во многих других армиях мира, кадровый состав флота считался более образованным и квалифицированным, но сухопутные войска намного превышали флот по численности. На появление героя-моряка армия ответила созданием своего «ратного божества» — майора (соответствует капитану 3-го ранга) Татибана Сюта (родился в 1865 г.). Он погиб 31 августа 1904 г. в битве при Ляояне. Многочисленные сообщения о его смерти появились 9 сентября. После этого его геройство стало обрастать подробностями. В газетном репортаже («Хоти симбун», 24 сентября 1904 г.) рассказывалось, что во время атаки на русские укрепления Татибана ворвался в лагерь противника и зарубил саблей трех солдат. Однако атака была отбита и пришлось отступить. При этом погибла треть личного состава батальона Татибана. Лежа в окопе, он признался находившемуся рядом старшему унтер-офицеру, что не в силах снести такие крупные потери, понесенные в день рождения наследного принца Ёсихито (будущий император Тайсё), а потому ему следует погибнуть «ради императора и императорской армии». Сказав так, он выпрыгнул из окопа и был убит.

Генерал Ноги Марэсукэ (родился в 1849 г.) командовал осадой Порт-Артура и был признан главным живым героем сухопутных

войск во время русской войны. Однако через семь лет после ее окончания его главным «подвигом» признали не взятие крепости, а ритуальное самоубийство вместе с супругой, последовавшее за кончиной императора Мэйдзи. Мэйдзи скончался 30 июля 1912 г., Марэсукэ сделал себе харакири 13 сентября — в день, когда состоялись похороны императора. Восторженные публикации о самоубийстве появились на следующий день. Это была смерть, возрождавшая древний (и давно вышедший из обихода) самурайский обычай — самоубийство вслед за смертью сюзерена (*дзюнси*). Самоубийство Ноги Марэсукэ истолковывалось также как акт искупления вины по отношению к многочисленным жертвам (включая двух его собственных сыновей) осады Порт-Артура.

После Японско-русской войны появления новых героев пришлось ждать довольно долго. Хотя Япония и участвовала в Первой мировой войне на стороне Антанты, ее вовлеченность оказалась минимальной и не оставила глубокого следа в народной и государственной памяти.

В 1931 г. японская армия приступила к оккупации Маньчжурии. Это вызвало в Китае бурю протестов. 28 января 1932 г. японский десант высадился в Шанхае, где было убито и ранено несколько японских буддийских монахов. Десант не только взял под контроль японский сеттльмент, но и вступил в сражение с войсками Чан Кайши. Во время боев три японских солдата инженерных войск «проявили инициативу» и, действуя по своей воле, 22 февраля обвязали себя взрывпакетами и бросились на колючую проволоку противника, чтобы ценою жизни расчистить путь для наступления. Этих солдат стали называть «тремя героями» (*санъюси*), слава о них распространилась по всей стране. Сообщения об их подвиге появились 24 февраля.

Первыми героями войны против США и Англии стали подводники. Они участвовали в нападении на Перл-Харбор 8 декабря 1941 г. и удостоились титула «Девяти ратных божеств». 19 декабря скупно сообщалось, что пять миниатюрных подводных лодок атаковали американские военные корабли, потопили линкор типа «Аризона» и «не вернулись». Подробные сведения о членах экипажа этих подлодок появились только 7 марта 1942 г. Все девять подводников (четыре офицера и пять младших чинов) погибли. Считалось, что операция была настолько опасной, что они с самого начала не рассчитывали возвратиться живыми. Все они были профессиональными военными. Газетная кампания по возвеличиванию подводников оказалась

беспрецедентной по своему размаху. Обращает на себя внимание существенный временной разрыв между подвигом и развернутыми сообщениями о нем, что свидетельствует о тщательной обдуманности кампании по их прославлению. Такой разрыв не был характерен для прошлого. Важной особенностью смерти подводников было и то, что в отличие от прежних героев у их подвига не оказалось свидетелей, что создавало дополнительные возможности для фантазий.

Руководство сухопутной армии не желало отставать от флота и, как и во время Японско-русской войны, ответило созданием собственного «ратного божества». Им оказался подполковник, летчик-ас Като Татэо (родился в 1903 г.). Его истребитель был сбит в воздушном бою англичанами 22 мая 1942 г. над Бенгальским заливом и упал в море. Но и ему в этом бою удалось сбить английский бомбардировщик. Считалось, что до этого Като одержал более 210 (!) воздушных побед. Кроме личных боевых качеств он обладал талантом командира и возглавлял авиасоединение. Все крупнейшие газеты поместили статьи о нем только 23 августа, то есть, как и в случае с подводниками, кампания была тщательно подготовлена. В публикациях не столько расписывались боевые свершения аса, сколько рассказывалось о человеческих качествах Като, за которые подчиненные называли его «любящим и сострадательным отцом». В этом отношении он походил на Хиросэ Такэо [Ямауро 2007, с. 301–302].

Наиболее высокопоставленным «ратным божеством» стал командующий военно-морским флотом адмирал Ямамото Исороку (родился в 1884 г.). Его имя прочно связывалось с успешной атакой на Перл-Харбор. 18 апреля 1943 г. его самолет был сбит американскими истребителями в районе Соломоновых островов, где он находился с инспекционной поездкой. В последние минуты своей жизни он не совершил никакого подвига, но тем не менее удостоился титула «ратного божества». Сообщения о смерти Ямамото появились спустя месяц после его гибели — 21 мая.

В 1943 г. в ходе успешно начатой войны наметился перелом, и японская армия стала сдавать позиции. Наступило время для оборонительных операций и коллективного героизма, понимаемого как героическая коллективная смерть. Знаковым событием стала массовая гибель более двух с половиной тысяч офицеров и солдат, оборонявших островок Атту на Алеутском архипелаге (выжили и попали в плен только 27 человек). После убийственных американских

бомбардировок и обстрелов оставшиеся в живых японские солдаты (обессиленные от голода, лишенные боезапаса, раненые, контуженные) не сдались. Раненые и больные покончили жизнь самоубийством, а остальные по приказу полковника Ямадзакис Ясуё (родился в 1891 г.) 29 мая пошли в ночную рукопашную атаку, не имея никаких шансов ни на спасение, ни на победу. Публикации о подвиге появились на следующий день. Сообщалось также, что воины полка уничтожили шесть тысяч американских солдат [Яманака 2004, с. 152].

Ямадзакис был признан главным героем этой трагедии, которая трактовалась прежде всего как «победа» японского духа. Всех подчиненных Ямадзакис тоже стали скопом называть «ратными божествами полка Ямадзакис» (*Ямадзакис гунсин бутай*).

Последними военными героями стали камикадзе. Наибольшая слава выпала первым из них — пятерым летчикам из авиаотряда «Сикисима» под командованием капитана Сэки Юкио (родился в 1921 г.). Все они погибли 25 октября 1944 г. в битве в заливе Лейте, где японский флот потерпел сокрушительное поражение. Сообщения о летчиках появились через несколько дней после их гибели. В них говорилось, что летчики (обычно их называли «пятью героями» или «пятью божественными соколами») нанесли большой ущерб вражескому флоту, однако больше всего подчеркивалась жертвенность смертников, которая должна послужить примером для «стоимиллионного» японского народа. Предполагалось, что такая жертвенность принесет Японии победу. Впоследствии летчики-камикадзе стали достаточно обыденным явлением (их погибло около четырех тысяч), и их имена уже не обладали такой известностью.

Все вышеупомянутые герои превозносились как образцовые патриоты и верноподданные императора. Все они были посмертно повышены сразу на два звания. Они олицетворяли лучшие качества японского народа и не имели партийной принадлежности (японским военным запрещалось состоять в политических партиях, а в 1940 г. все партии были вообще распущены). Однако принадлежность к кадровому составу играла большую роль (исключение представляют собой «три героя»).

Единственной битвой на собственно японской территории стало сражение за Окинаву, которое состоялось уже в самом конце войны. В связи с этим в японском пантеоне героев отсутствует такая фигура, как партизан. В последние месяцы войны в соответствии с призывами

правительства японцы готовились и к партизанской войне, в которой должно было принять участие практически все население, включая подростков, девушек, женщин и стариков. Всем японцам предписывалось стать смертниками — бросаться на американцев с бамбуковыми пиками, ножами, топорами и т. п. Однако неожиданная для населения капитуляция (15 августа 1945 г.) не позволила сформироваться партизанскому типу героя. В пантеоне героев отсутствовали и женщины. В японской армии служили немногочисленные добровольцы женского пола, но они использовались только во вспомогательных службах (в основном в госпиталях). Зафиксированы случаи, когда женщины высказывали желание пойти на фронт, но их прошения неизменно отвергались [Симамото 2006, с. 122–123], поскольку военная служба не соответствовала гендерным функциям женщин. Японские подростки не сбегали на фронт. Здесь сказалась и дисциплинированность японцев, и то, что фронт находился за морем.

Национальность героя

Япония позиционировала себя как многонациональную страну, что считалось свойством «настоящей» империи. В то же время «ведущая» роль японцев в этой империи не подвергалась сомнению, их миссия заключалась в «окультуривании» окраин. Основными «заморскими» владениями Японии были к началу войны Корея и Тайвань. Корейцы и обитатели Тайваня считались частью населения Великой японской империи, однако именовались «людьми внешних земель» (*гайитидзин*), в то время как этнические японцы обозначались как «люди внутренних земель» (*найтидзин*).

В начале войны «почетной обязанностью» служить в армии обладали только японцы. С 1943 г., когда в ходе войны обозначился перелом, стали призывать и корейцев (до этого могли служить только добровольцы). Однако корейские части играли вспомогательную роль и, как правило, в боевых действиях участия не принимали. Что до выходцев с Тайваня, то служить в японской армии разрешали только добровольцам — террор, развязанный японской армией на континенте против китайцев, делал обязательный призыв тайваньцев китайского происхождения делом весьма сомнительным. Поэтому и добровольцами с Тайваня были в основном не этнические китайцы, а представители племен аборигенов малайского происхождения.

В любом случае все «ратные божества» были по национальности японцами.

Возраст героя

Уважение к старшим по возрасту и положению было глубоко укоренено в массовой психологии. Среди героев Японско-русской войны молодые люди отсутствуют. Все «ратные божества» этого времени были офицерами, их деяния и отношение к жизни должны были послужить примером прежде всего для молодых людей. Иными словами, эти герои выполняли роль наставников и символических отцов в деле воспитания молодого поколения. Офицер должен был соответствовать определению «отец солдатам».

Однако с течением времени в число героев стали попадать и более молодые воины. «Трем героям», этим новобранцам, было по 20 лет. Но они оказались все-таки скорее исключением. Девяти подводникам было от 22 до 29 лет. Летчику Като Татэо в момент гибели было 39 лет, полковнику Ямадзаки — 51 год, Ямамото Исороку — 59 лет. Все они были не призывниками, а профессиональными военными.

Однако в самом конце войны появились совсем молодые «ратные божества» — камикадзе. Командир авиасоединения «Сикисима» Сэки Юкио носил чин капитана и по меркам начала войны был немислимо молод для этого звания — всего 24 года, его подчиненным было по 19–20 лет. Поскольку потери среди летчиков в конце войны были огромными, летный состав сильно помолодел. Сэки Юкио посмертно повысили до звания подполковника, и он стал самым молодым в истории обладателем этого звания.

Социальное и географическое происхождение героев

Все герои Японско-русской войны происходили из семей со сравнительно высоким социальным статусом, были профессиональными военными и имели офицерские чины. Большинство из них происходили из бывших самурайских семей (за исключением Татибана Сюты, который был сыном сельского старосты). О героях этой войны говорили, что они являются современным воплощением самурайского духа (*бусидо*). Публицисты твердили о гомогенности японской нации, но традиционная соотнесенность японца с «малой родиной» остава-

лась мощным фактором самоидентификации и успешной карьеры. В политической и военной элите периода Мэйдзи ведущие позиции принадлежали выходцам из бывших юго-западных княжеств (главным образом Сацума и Тёсю), самурайские представители которых сыграли решающую роль в свержении сёгуната Токугава. Все «ратные божества» Японско-русской войны оказались уроженцами именно юго-западной Японии (в основном с острова Кюсю, с добавлением Хиросимы).

В период Сёва в японском обществе резко возросла вертикальная мобильность. Сказалось это и на армии. «Трех героев» позиционировали уже не как выразителей самурайских идеалов, а как олицетворение «народного духа» (*кокуминдо*). Тем не менее все они по-прежнему оказывались уроженцами Кюсю, хотя в политической жизни к этому времени было уже в значительной степени покончено с засильем выходцев с юго-запада. Однако представление о том, что именно там рождаются (должны родиться!) самые мужественные воины, еще сохранялось. Новым же стало то, что «три героя» были крестьянскими (а не самурайскими) сыновьями, рядовыми, а не офицерами.

Ситуация с географией происхождения героев меняется с началом Восточноазиатской войны. Японско-русская война позиционировалась по преимуществу как столкновение армий, а не народов. Что до Восточноазиатской войны, то считалось, что в ней воюет уже не только армия, но и весь японский народ, и это требовало устранения любых разъединяющих начал. Девять героев-подводников родились в разных деревнях и городках префектур Гумма, Кагосима, Фукуока, Сага, Симанэ, Тоттори, Хиросима, Окаяма и Миэ. В этом списке обращают на себя внимание следующие обстоятельства. Высокое представительство Кюсю (Кагосима, Фукуока, Сага) дополняется выходцем из Хиросимы, но тем не менее, за исключением Гуммы, места рождения всех подводников все равно расположены к юго-западу от Токио. Особо следует отметить Миэ и Симанэ, где расположены древнейшие (фигурируют в мифе) и наиболее почитаемые синтоистские святилища — Исэ и Идзумо. В то же время никто из подводников не родился в крупном городе. Начиная с «трех героев» все «ратные божества» являлись либо выходцами из деревни (таких было большинство), либо уроженцами маленьких городов, не потерявших связи с сельской жизнью. Полковник Ямадзаки тоже родился в деревне (префектура Яманаси). Ни один герой из категории «ратных божеств» не был

уроженцем столицы или других крупнейших городов (Киото, Осака, Кобе и др.).

Таким образом, место рождения героя все еще оставалось важным условием попадания в пантеон «ратных божеств». Тем не менее география происхождения героев этой войны становилась шире. Летчик Като Такэо был выходцем из деревни с острова Хоккайдо, который вошел в состав империи только во второй половине XIX века.

Японский милитаризм полагал своей главной социальной опорой деревню. Именно выходцы из деревни считались лучшими воинами — здоровыми, выносливыми, малоразговорчивыми, послушными. Среди офицеров и генералов было множество крестьянских сынов. В общественном дискурсе достаточно широко распространилось мнение, что столица является носителем упаднической культуры, которая порождает физически слабых, изнеженных и эгоистичных людей, которые не способны стать героями. В связи с этим даже возникла дискуссия, могут ли уроженцы весьма вестернизированного Токио вообще стать «ратными божествами» [Ямамура 2007, с. 292–294]. Ситуация с деревенским происхождением героев не претерпела существенных изменений до конца войны. Хотя пять героев-камикадзе были выходцами из разных частей страны (префектуры Эхимэ, Фукусима, Миядзаки, столичный округ Киото), ни один из них не родился в крупном городе.

Родители героя

Официальная идеология позиционировала государство как огромную семью во главе с императором. Его называли «отцом» японцев, подданных — детьми («младенцами»). Эта мега- (квази-) семья состояла из миллионов «обычных» семей, в которых патриархальный принцип был закреплен законодательно: глава семьи имел огромную власть над ее членами, обладал правом вычеркнуть любого из семейного списка, что превращало того в изгоя. Такая семья составляла базовую ценность государства, без семьи государственный идеологический конструкт существовать не мог. Семейная метафора заполняла общественное сознание и применялась к любым сферам. Видный физик и публицист Тэрада Торахико (1878–1935) отмечал, что японская природа прекрасна, но в Японии случается и множество стихийных бедствий, которые, однако, имеют воспитательный эффект:

«Наша родная японская земля, по которой мы ходим, это, с одной стороны, “мать-земля”, которая возвращает и воспитывает нас с помощью своей глубокой доброты и любви, а с другой стороны, это “строгий отец”, который своим непременным бичом-наказанием окорачивает наше сердце, которое с такой простотой впадает в легкомыслие. Правильное сочетание строгости отца и доброты матери — только в такой стране возможно высочайшее развитие культуры» [Тэрада 2011, с. 230].

Каждая социальная структура, включая армию, также строилась по семейному принципу. В наставлении новобранцам утверждалось, что солдат должен воспринимать командира части как отца, а командира отделения — как мать [Хэйэй кара. Сукэтти цусин 1926, с. 39–40]. Иными словами, любая социальная структура и любой институт были «обязаны» моделировать семью.

Полная семья была правилом, а не исключением. В публикациях о воинах представлены как отец, так и мать героя. Однако связь между матерью и сыном выявлена в значительно большей степени, чем между сыном и отцом. В тогдашней Японии отцы мало занимались воспитанием детей. Кроме того, фигуру физиологического отца заслоняла фигура командира, приказы которого приравнялись, согласно воинскому уставу, к приказам императора — главного символического отца. В журнале «Народная школа» («Кокумин гакко») эта точка зрения доводилась до напоминающего абсурд логического конца: поскольку отец нации — бог-император, то и каждый японский ребенок является по своему рождению маленьким божеством, которого мать обязана «довоспитать» до состояния «настоящего» божества [Ириэ 2001, с. 168].

Мы встречаем мало текстов, где возносят хвалу физиологическому отцу за воспитание достойного подданного. В то же время таких текстов о матерях великое множество. На матерей смотрели и как на воспитательниц правильной морали, и как на биологических поставщиц будущих воинов. Заведующий отделом в информационном бюро военно-морского флота капитан 1-го ранга (впоследствии контр-адмирал) Хираидэ Хидэо (1896–1948) в радиопередаче «Война и материнство» с военной прямой говорил так: мать важна для нас, поскольку без матери не было бы сыновей, а без сыновей была бы невозможна война (разумеется, «войну» он понимал как несомненное благо) [Ямамура 2007, с. 283].

После смерти «трех героев» их матери становятся объектом повышенного публичного внимания. Газетчики исправно посещали родителей погибших героев. Но если об отцах в их статьях говорилось весьма скупое, то матери занимали корреспондентов намного больше. Матерей превозносили за то, что они сумели воспитать достойных сыновей. В славословиях по адресу героев-подводников настойчиво звучала мысль: их жертвенность — следствие того, что их матери были так же жертвенны по отношению к своей семье (мужу и детям) [Ямамура 2007, с. 277].

Оогуси Тоёо (сотрудник Института народной духовной культуры, выполнявшего роль разработчика официальной идеологии) отмечал, что жертвенность японских матерей настолько всеобъемлюща, что превосходит «рациональное» понимание [Ямамура 2007, с. 281–282]. В то время «рациональность» и «логика» приобрели отрицательные коннотации. Они выдавались за свойства западного материалистического мышления, которому противопоставлялась японская духовность [Мещеряков, Сахарова 2020].

Корреспондент восхищался матерью одного из подводников, утверждая, что она «радуется» тому, что сын погиб в бою и стал «божеством». При этом подчеркивалось, что матери растят сыновей не для себя, а для императора и родины. Таким образом, государство производило операцию по национализации детей. Во время маньчжурского инцидента (1931 г.) бойцы умирали с криком «мамочка!» (*окаатян*). С началом Восточноазиатской войны им предписывалось идти в смертельную атаку с криком «Да здравствует император!» (*тэнно хэйка банзай!*). Однако в реальности они не могли забыть про мать и совмещали оба этих восклицания [Фудзии 2005, с. 166–167]. В любом случае государство использовало мать как «передаточный механизм», который преобразует младенца в послушный инструмент государства.

Обязанность матери — понуждать сына к военным свершениям. В школьном учебнике приводился образчик письма, где мать высказывает сожаление, что сыну не довелось принять участие в кровопролитном сражении. Огорчение матери передалось и ее сыну: он заплакал [Ириэ 2001, с. 152].

В японском варианте героизации усиленно подчеркивается связь героя с родственниками. Однако там полностью отсутствует связь бойца с любимой девушкой (потенциальной родственницей), что так характерно для ситуации на Западе (включая СССР). Судя по публи-

кациям военного времени, находящиеся на фронте бойцы скучают не по ней, а по семье — прежде всего по матери, которой и полагалось писать письма с фронта.

Разумеется, японские юноши не могли не испытывать нежных чувств по отношению к женскому полу, однако они не отражаются в дискурсе военного времени. В нормативных представлениях «чувства» должны проявляться по отношению к тому человеку, с которым у тебя имеются формализованные отношения. При таком подходе понятия «чувство» и «долг» становятся почти синонимами. Любимая девушка не имеет официально закрепленного статуса, а потому не может быть предметом «чувств», у юноши нет перед ней чувства долга. На фронте для смягчения стресса и предотвращения насилий над обитательницами оккупированных территорий были устроены бордели, но их персонал (японки — для офицеров, аборигенки — для солдат) тоже не становился объектом для проявления «чувств».

Герой и смерть

Дискурс военного времени создавал культы живых героев в ограниченной степени. Живой человек не слишком удобен для безудержного прославления — его живые черты препятствуют наведению глянца. Смерть переводит воина в другое качество — он превращается в объект идеализации и поклонения. Уже в период Мэйдзи началась настойчивая пропаганда, что каждый японец обязан быть готов умереть в любую минуту за императора и родину. Во время Японско-русской войны японские бойцы продемонстрировали такую степень жертвенности, которая за границей была воспринята со смесью восторга и ужаса. В 1930-х годах, когда милитаризация сознания поднялась на еще одну ступень, несравненная «духовность» японца стала все больше восприниматься именно как готовность к смерти — качество, которое не в состоянии породить «материалистический» Запад. Сама Япония была страной религиозной, отчасти и теократической (император считался потомком богини солнца Аматаэрасу), гибель героя означала не его исчезновение, а переход в иное измерение. Погибших бойцов часто именовали скопом «подчиненными божествами» или «малыми божествами», имея в виду, что они составляют невидимое глазу окружение главного божества — императора, которого именовали «живым (явленным) божеством» [Кавамура 2007, с. 105–106].

Предполагалось, что смерть за императора вызывает уважение и сострадание сторонних людей. Однако родственникам предписывалось испытывать радость — оттого, что любимый человек достойно выполнил свой долг. В стихотворении Сайсю Ясо под названием «Свидание» (1943 г.) вдова, придя в святилище, мгновенно забывает про потерю и радуется смерти мужа:

Бесчисленные воспоминания, простираюсь
В святилище, сокрытом в чаще.
О! Вот здесь живет душа
Дорогого мужа.

Омытые слезами воспоминания
Высохли без следа. Лицо благополучно
Пережившей бурю японской
Женщины озаряется улыбкой.

[Цит. по: Цубои 2006, с. 26–27]

Обстановка в обществе была такова, что за слезы жены, расстающейся с мужем, который отправлялся на фронт, ее могли подвергнуть осуждению. То же самое касается и слез матерей. В сочинении старшеклассницы сообщалось, что мать одного из «трех героев» не только не пролила ни слезинки по своему погибшему сыну, но «радовалась его смерти в бою», доказав, что она является достойным представителем «японского народа». Женские журналы регулярно публиковали письма матерей своим сыновьям, призывая тех погибнуть за императора. Немудрено, что в такой обстановке даже школьница могла написать незнакомому солдату на фронт такое пожелание: «Я желаю Вам славной смерти» [Симамото 2006, с. 121–125]. Родителям не полагалось оплакивать смерть сына, женам — мужа, что с лихвой компенсировалось обильными, благодарными и умильными слезами, которые проливали вся страна в связи с гибелью героя [Ямамура 2007, с. 222–223].

Героям-смертникам также предлагалось радоваться предстоящей неминуемой гибели. При описании действий «девяти подводников» акцент делался не на самом подвиге, а на том, что перед началом операции герои прекрасно знали, что обречены на смерть. Тем не менее они «радовались»: их души встретятся в святилище Ясукуни

[Ямамура 2007, с. 275]. Сразу после объявления о подвиге по радио прозвучала песня «Уми юкаба» («Если поплывем по морю...»). Ее слова представляли собой начальную часть стихотворения знаменитого поэта Отомо Якамоти (?–785), помещенного в поэтической антологии «Манъёсю» (вторая половина VIII века). «Если поплывем по морю, // Пусть вода поглотит наши трупы. // Если отправимся в горы, // Пусть трава покроет наши трупы. // Умрем подле государя, // Не оглядываясь назад». Такой подход, когда «правильная» смерть героя считается более важным событием, чем его прижизненные поступки (подвиги), наблюдается на всем протяжении Восточноазиатской войны.

После гибели полка Ямадзаки для обозначения массового самоубийства стало широко употребляться словосочетание «разбиться вдребезги, подобно яшме» (*гёкусай*). Эта метафора объясняется следующим образом: яшма хрупка и при ударе рассыпается на красивые осколки, а вот черепица покойно лежит (живет) на своем месте столетиями. Но быть такой черепицей — не для «настоящего» японца.

В 1943 г. Япония потеряла на Алеутском архипелаге не только остров Атту, но и остров Кыску. Гарнизон Кыски под прикрытием тумана успешно эвакуировался, гарнизон Атту был полностью истреблен. О войнах с Кыски японская пресса почти не писала, хотя по всем меркам военного искусства это была успешно проведенная операция, спасшая гарнизон от неминуемой смерти. Однако именно воины с Атту превратились в метафору доблестного служения родине и императору. Специально подчеркивалось, что полковник Ямадзаки не просил командование о подкреплении, боеприпасах, провианте: не задумываясь о таких «мелочах», он принял решение погибнуть. Иными словами, достойная смерть представлялась событием более важным, чем победа над врагом.

После этого события, знаменовавшего собой поворотный момент в ходе войны, индивидуальных героев уже не появлялось. Пресса предпочитала сообщать о коллективных героях-смертниках, погибших в «яшмовых атаках» (американцы называли их «банзай-атаками»). Наиболее ярким проявлением этого культа самопожертвования стали камикадзе.

При описании подвигов «ратных божеств» акцент в освещении их подвигов делался не на военной эффективности героев, а на жертвенности, являющейся высшим проявлением «духа Ямато». В конечном

счете поступки многих героев были нацелены не на то, чтобы победить «врага», а на то, чтобы их жертвенное поведение было высоко оценено «своими». Эти герои были образцом для подражания в части морального поведения. Адмирал Того Хэйхатиро (1848–1934) был командующим объединенным флотом во время Японско-русской войны, и после Цусимского сражения его признали главным триумфатором этой войны. Однако образ Ноги Марэсукэ, победы которого обладали меньшей убедительностью (повторим, что взятие Порт-Артура сопровождалось огромным количеством жертв), получил после своей «самурайской» смерти гораздо более широкое признание.

Если посмотреть ретроспективно, жажда смерти была явлением сравнительно новым. В обозримом прошлом ранняя смерть отнюдь не приветствовалась. В период Токугава считалось, что молодой человек должен следить за своим здоровьем — чтобы жить долго и иметь возможность заботиться о престарелых родителях. Однако сейчас более важным считалось служение императору, а не родителям. В школьном учебнике в уста матери влагались такие слова, обращенные к сыну: содержи свое тело в здоровье — чтобы умереть не от болезни, а от пули [Ириэ 2001, с. 160].

В понятие служения императору и родине входила всеобщая воинская повинность и «добровольная» смерть на поле боя. Известный писатель Ёсикава Эйджэ (1892–1962) прямо утверждал, что героическая смерть на благо родины и является выполнением сыновнего долга [Ямамура 2007, с. 289]. Такой подход был следствием произошедшей к этому времени полной «национализации» тела японца [Мещеряков 2009].

Постоянно подчеркивалось, что японцы должны гордиться готовностью к смерти перед западными людьми. После того как были организованы отряды, состоявшие из добровольцев — смертников-камикадзе, газета писала, что сама готовность этих людей умереть означает «победу над врагом в духовной войне» («Асахи», 5 февраля 1945 г.). Иными словами, безнадежно проигрывая «материальную» войну, Япония стала вести другую войну с другими правилами, в которой враг попросту не участвовал.

Война приносила множество смертей (погибло около трех миллионов японцев). В Японии с давних времен укоренилась кремация, отпевание проводилось буддийскими священнослужителями. Во время «заморской» войны, которую вела Япония, кремация осуществ-

лялась на фронте, а прах доставлялся родственникам на малую родину. В действительности полную кремацию удавалось осуществить далеко не всегда, и тогда родственникам присылали пепел, оставшийся после сожжения части тела (например, кисти руки). Прядь волос и обрезки ногтей покойного также могли служить символическим заменителем праха. В крайнем случае в ящик, в котором должна была находиться урна с прахом, могли положить горсть земли с места боя. Но захоронение всегда старались производить на малой родине бойца. Похоронные ритуалы производились по буддийскому или синтоистскому чину (последний был достоянием недавнего времени). Они были призваны умиротворить душу покойного. Устраивались и траурные собрания с участием посторонних. На таких собраниях, как свидетельствуют газетные отчеты, сторонние люди часто проливали чистые и прекрасные слезы умиления. При виде процессии по случаю похорон девяти подводников (их тела покоились на морском дне, заменителем служили личные вещи героев) «горожане снимали головные уборы и плакали. Плакали все, было невозможно не заплакать. Молодые цветы, осыпавшиеся в гавани Перл-Харбора, сердца девяти ратных божеств — прекрасных воинов, погибших верноподданнически, — вот что воодушевляет наш стомиллионный народ. Спасибо за то, что вы сделали — неудержимые слезы, вскипающие в груди» («Токё нитинити симбун», 9 апреля 1942 г.).

Писательница Ёсия Нобуко (1896–1973) поместила в этом же номере свои впечатления от происходившего. Она подчеркивала эстетическую сторону похорон: «Убранство места захоронения, сама церемония и все остальное несло на себе печать простоты, свойственной истинно японскому духу — статуя Будды из некрашеного дерева, никакого украшения, никакой помпезности. Происходи это в Америке или Англии, катафалк был бы завален цветами, люди — с напускной важностью на лице, раздражающая музыка, церемонии, напоминающие балаган, — словом, театрализованное представление. У нас в Японии все по-другому. Именно поэтому девять ратных богов были рождены в нашей стране. Военные чины из других стран, занимавшие места впереди нас, были наверняка поражены простотой похорон этих величайших воинов. Однако и они в самом скором времени прониклись осознанием истинной красоты сегодняшних похорон».

Образцовые качества погибшего героя должны были послужить примером беззаветного служения императору и родине. В то же время

призывы отомстить врагу на похоронах не раздавались. На похоронах хоронили покойного, а не врага. Целью траурных собраний было умиротворение души погибшего. Встреча праха на родине именовалась «безмолвным триумфом». Для возгонки ненависти использовались другие возможности. В частности, одним из самых распространенных массовых действий были марши, которые проходили под общим лозунгом «Атакуй всегда!» (*утитэси ямаму*). В газетных отчетах подчеркивалось, что люди на этих маршах загорались ненавистью к врагу [Кавамура 2007, с. 107–125]. После гибели Ямамото Исороку и гарнизона Атту газетные статьи выходили, в частности, с такими заголовками: «Дайте оружие, чтобы отомстить врагу!»; «Решительно отомстим врагу! Таково яростное желание нашего народа»; «Разобьем Америку и Англию! Продолжим дело Исороку! Атакуй всегда! Жаркая ненависть ста миллионов»; «Мсть за Атту. Атака ста миллионов. Дайте фронту снаряды! Приложим усилия для повышения боеспособности страны!» [Ямамура 2007, с. 313].

Заключение

Основным военным дискурсом Японии было самоописание. Газеты, журналы и книги изображали не столько такую войну, в которой участвуют противоборствующие стороны, сколько японцев во время войны — их борьбу, которая понималась прежде всего как борьба с самими собой. Художественные фильмы воспевали по преимуществу те трудности, трагедии и тяготы, с которыми сталкивался японский солдат на фронте. Американский антрополог Рут Бенедикт в своей нашумевшей книге «Хризантема и меч» писала впоследствии, что по американским стандартам «счастливого конца» японские фильмы следует считать антивоенными [Бенедикт 2004, с. 136].

Лозунги военного времени призывали бороться прежде всего с самим собой. Японца призывали бороться с ослаблением национального духа и с индивидуализмом, его призывали к терпению и послушанию, то есть острое пропагандистского жала было направлено внутрь, а не вовне. Когда школьнику задали на экзамене вопрос, каковы его задачи во время войны, он отвечал: «Никогда не думать о победе в сражениях — находясь среди людей в тылу, прилагать максимальное старание». Ответ был признан правильным [Яманака 2004, с. 168]. По сравнению с Японско-русской войной был сделан «шаг

вперед»: на тех пропагандистских плакатах можно было увидеть русских воинов (хотя они могли быть изображены и карикатурно), теперь же на плакатах изображали почти исключительно японцев, которые выполняют свой долг.

Для того чтобы обрести статус общенационального героя во время Второй мировой войны, требовался определенный набор желательных свойств. Для японского типа героя типическими являются следующие характеристики: мужчина, японец, беспартийный, кадровый военный, уроженец деревни или маленького города, выходец из полной семьи, обладатель высоких моральных качеств, основные из которых — преданность императору/родине и готовность к смерти. При этом нанесение ущерба врагу не является обязательным условием. Вышеуказанные характеристики героев обусловлены как конкретными обстоятельствами, в которых велась война, так и культурно-идеологическими особенностями Японии.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бенедикт 2004 — Бенедикт, Р. *Хризантема и меч. Модели японской культуры*. Москва: Росспэн, 2004.

Ириэ 2001 — Ириэ Ёко. *Нихон га kami но куни датта дзидай. Кокумин гакко но кёкасё о ёму* [Время, когда Япония была страной богов. Читая учебники народной школы]. Токио: Иванами, 2001.

Кавамура 2007 — Кавамура Кунимицу. *Сэйсэн но иконогурафи* [Иконография священной войны]. Токио: Сэйкюся, 2007.

Мещеряков 2009 — Мещеряков А. Н. *Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма*. Москва: Наталис, 2009.

Мещеряков 2020 — Мещеряков А. Н. *Хага Яити и его «Десять этюдов о национальном характере»*. *Orientalia et Classica LXXII*. «История и культура Японии». Вып. 12. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. С.201-214.

Мещеряков, Сахарова 2020 — Мещеряков А. Н., Сахарова Е. Б. Антропоморфизация японского государства и его эмоциональная жизнь (вторая половина XIX в. — 1945 г.). *Вопросы философии*. 2020. № 1. С. 180–194.

Симамото 2006 — Симамото Ясуко. *Сэнсо дэ сину то ю кото* [Смерть на войне]. Токио: Иванами, 2006.

Тэрада 2011 — Тэрада Торахико. *Дзуйхицусю* [Собрание эссе]. Т. 5. Токио: Иванами, 2011.

Фудзии 2005 — Фудзии Тадатоси. *Кокубо фудзинкай. Хи но мару то катпоги* [Женская ассоциация защиты родины и фартук]. Токио: Иванами, 2005.

Хэйэй кара. Сукэтти цусин 1926 — *Хэйэй кара. Сукэтти цусин* [Изобразительные вести из военного лагеря]. Токио: Гундзи кёйкуся, 1926.

Цубои 2006 — Цубои Хидэто. Дзёдзё то сэнсо [Лирика и война]. *Доин, тэйко, ёкусан* [Мобилизация, сопротивление, концентрация сил]. Токио: Иванами, 2006.

Ямамура 2007 — Ямамура Кэнтоку. *Гунсин. Киндай нихон-га унда эйютаи-но кисэки* [Ратные божества. По следам героев, которых породила современная Япония]. Токио: Тюокоронся, 2007.

Яманака 2004 — Яманака Хисаси. *Кодомотати-но тайхэйё сэнсо. Кокумин гакко-но дзидай* [Дети и Тихоокеанская война. Период народных школ]. Токио: Иванами, 2004.

REFERENCES

Benedict, R. (2004). *Hzizantema i mech* [The Chrysanthemum and the Sword]. Rosspen. (In Russian)

Fujii, T. (2005). *Kokubo fujinkai. Hi no maru to kappogi* [Women's Association for the Defense of the Motherland and Apron]. Iwanami. (In Japanese).

Heiei kara. Sukecchi tsushin [Picture Letters from Military Camp] (1926). Gunji kyoikusha. (In Japanese).

Irie, Y (2001). *Nihon ga kami no kuni datta jidai. Kokumin gakko no kyokasho wo yomu* [The Time when Japan Was the Land of the Gods. Reading People's School Textbooks]. Iwanami. (In Japanese).

Kawamura, K. (2007). *Seisen no ikonoguraphi* [Iconography of the Holy War]. Seikyusha. (In Japanese).

Meshcheryakov, A. N. (2009). *Byt' yapontsem. Istoriya, poetika i stseno-grafiya yaponskogo totalitarizma* [Being the Japanese. History, Poetics and Scenography of Japanese Totalitarianism]. Natalis. (In Russian).

Meshcheryakov, A. N. (2020). Haga Yaiti i ego "Desyat' etyudov o nacional'nom haraktere" [Haga Yaichi and His "Ten Etudes on National Character"]. In *Orientalia et Classica I (LXXII), Istoriya i kul'tura Yaponii, Vol. 12*. (pp. 201-214). Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. (In Russian).

Meshcheryakov, A. N. & Saharova, E. B. (2020). Antropomorfizatsiya yaponskogo gosudarstva i ego emotsional'naya zhizn' (vtoraya polovina XIX v. — 1945 g.) [Anthropomorphization of the Japanese State and Its Emotional Life (Second Half of the 19th Century — 1945)]. *Voprosy filosofii*, 1, 180-194. (In Russian).

Shimamoto, Y. (2006). *Senso de shinu to iyu koto* [Death in War]. Iwanami. (In Japanese).

Terada, T. (2011). *Zuishetsushu* [Collection of Essays], Vol. 5. Iwanami. (In Japanese).

Tsuboi, H. (2006). Jojo to senso [Lyrics and War]. In A.Kurasawa et al (Eds). *Doin, teiko, yokusan* [Mobilisation, resistance, concentration of force]. Iwanami. (In Japanese).

Yamamuro, K. (2007). *Gunshin. Kindai nihon ga unda eiyutachi no kiseki* [Military Gods. Tracing Heroes Born by Modern Japan]. Chuokoronsha. (In Japanese).

Yamanaka, H. (2004). *Kodomotachi no taiheiyo senso. Kokumin gakko no jidai* [Children and Pacific War. The Period of People's School]. Iwanami. (In Japanese).

Ежегодник Японии 2020. Т. 49. С. 299-323.

Yearbook Japan 2020. Vol. 49, pp. 299-323.

DOI: 10.24411/2687-1432-2020-10012

К истории филологической науки в Японии: «Краткий очерк “Кара моногатари”» (1809) Симидзу Хамаоми

Т. И. Виноградова, М. В. Торопыгина

Аннотация. Старые японские рукописи далеко не всегда содержат имя автора и дату создания произведения, поэтому первая задача, которая стоит перед исследователем, — понять, когда мог быть написан тот или иной текст. *Кара моногатари тэйё*: («Краткий очерк *Кара моногатари*») — небольшое исследование, предвалявшее публикацию памятника 1809 года, является первой попыткой проанализировать текст *Кара моногатари* («Рассказы о Китае»). Сборник *Кара моногатари* состоит из 27 отдельных историй, он написан на литературном японском языке, каким писали в период Хэйан, все истории повествуют о Китае, в каждый эпизод включено одно или несколько стихотворений *вака*.

Автор очерка, ученый *кокугакуся* Симидзу Хамаоми (1776–1824), подробно останавливается на проблеме датировки текста. Анализируя стиль и язык произведения, он приходит к выводу, что памятник написан приблизительно в то время, когда писали свои произведения Минамото-но Тосиёри (1055–1129), Сайгё: (1118–1190), Фудзивара-но Тэйка (1162–1241). В тексте произведения Симидзу находит цитату из стихотворения Фудзивара-но Акисукэ (1090–1155), это дает ему возможность определить нижнюю временную границу создания произведения. На основе сравнения *Кара моногатари* с поэтической антологией *Канкондзи вакасю*: («Сборник японских стихотворений на темы китайских исторических сюжетов») автор определяет верхнюю временную границу, приходя к общему выводу, что текст *Кара моногатари* был написан в конце периода Хэйан.

Автор также перечисляет китайские источники отдельных рассказов; пишет о том, что два рассказа китайских источников не имеют; сравнивает содержание *Кара моногатари* и *Канкодзи вакасю*; обсуждает особенности

употребления слова *татибана* в японской поэзии; поясняет ошибочность появления в рукописи *Кара моногатари* названия *Мо:ю: вака* («Японские песни к *Мэн цю*»). Большинство вопросов, затронутых Симидзу Хамаоми, обсуждаются и в современных исследованиях, посвященных *Кара моногатари*. Что же касается датировки произведения, не все доводы Симидзу Хамаоми были приняты другими учеными. В публикации дается перевод очерка Симидзу Хамаоми, а также рассматриваются его основные положения.

Ключевые слова: эпоха Хэйан, датировка, рукописная копия, ксилографическое издание, письменный источник, *вака*, *Кара моногатари*, Симидзу Хамаоми.

Авторы:

Виноградова Татьяна Игоревна, кандидат исторических наук, заведующий отделом литературы стран Азии и Африки Библиотеки Российской академии наук (ОЛСАА БАН) 199034, Санкт-Петербург, Биржевая линия, д. 1.

ORCID: 0000-0003-0664-4897.

E-mail: ptat-vinogradova2008@yandex.ru,

olsaa@rasl.nw.ru

Торопыгина Мария Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12; профессор Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

ORCID: 0000-0003-3214-5610.

E-mail: mtoropygina@hse.ru

On the History of Japanese Philological Studies: Shimizu Hamaomi's *Introduction to Kara Monogatari* (1809)

T. I. Vinogradova, M. V. Toropygina

Abstract. Old Japanese manuscripts do not always contain the name of the author and the date of creation of the text, so the first task for the researcher is to understand when a particular text could have been written. *Kara Monogatari Teiyō* is a short study that precedes the text of the 1809 publication of *Kara Monogatari*, and it was the first attempt to analyze the text. *Kara Monogatari*

consists of 27 separate stories written in the literary Japanese language of the Heian period. All stories tell about China, and each episode includes one or more *waka* poems.

The author of the Introduction, a *kokugakusha* scholar Shimizu Hamaomi (1776–1824), elaborates on the problem of dating the text. Analyzing the style and language of *Kara Monogatari*, he comes to the conclusion that the text was written around the time when Minamoto no Toshiyori (1055–1129), Saigyō (1118–1190), and Teika (1162–1241) wrote their prose and poetry. Shimizu finds lines from a poem by Fujiwara no Akisuke (1090–1155) cited in the text, which allows him to determine the lower time limit of the creation of the work. He indicates the upper time limit comparing the *Kara Monogatari* with the poetic anthology *Kankonji Wakashū*, and comes to the general conclusion that the text of *Kara Monogatari* dates back to the end of the Heian period.

The author of the Introduction also lists Chinese sources of individual stories; writes about the fact that two stories do not have Chinese sources; compares the content of *Kara Monogatari* and *Kankonji Wakashū*; discusses the word *tachibana* in Japanese poetry; explains the difference between *Kara Monogatari* and *Mōgyū Waka*. Most of the issues raised by Shimizu Hamaomi are also discussed in modern research on *Kara Monogatari*. As for the text dating, not all Shimizu Hamaomi's arguments have been adopted by modern philologists. The publication provides translations of the Introduction by Shimizu Hamaomi and examines its main provisions.

Keywords: Heian period, dating, handwritten copy, woodcut, written source, *waka*, *Kara Monogatari*, Shimizu Hamaomi.

Authors:

Vinogradova, Tatiana I., PhD of Sciences (History), head of the Department of Oriental Literature, Library of the Russian Academy of Sciences, 199034, Saint-Petersburg, Birzhevaya Liniya, 1.

ORCID: 0000-0003-0664-4897.

E-mail: ptat-vinogradova2008@yandex.ru,

olsaa@rasl.nw.ru

Toropygina, Maria V. PhD of Sciences (Philology), Senior researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Russia, 107031 Moscow, Rozhdestvenka Street 12; Professor, Institute for Oriental and Classical Studies of HSE University.

ORCID: 0000-0003-3214-5610

E-mail: mtoropygina@hse.ru

Одной из тенденций в японистических филологических исследованиях в последнее время является пристальное внимание к вопросу взаимодействия и взаимопроникновения японских и китайских элементов (*ва-кан*) в японской письменной культуре.

В связи с этим интерес вызывает группа текстов XII–XIII вв., написанных на японском языке, но рассказывающих о Китае. Сюда можно отнести, например, китайские свитки *Кондзяку моногатарисю*: (今昔物語集 «Собрание стародавних повестей»)¹, *Мо:гю: вака* (蒙求和歌 «Японские песни к Мэн цю»)², *Кара кагами* (唐鏡 «Зерцало Китая»)³. В эту группу входит и произведение, о котором идет речь в очерке ученого *кокугакуся* Симидзу Хамаоми (1776–1824) *Кара моногатари тэйё*: (唐物語提要 «Краткий очерк *Кара моногатари*»), — *Кара моногатари* (唐物語 «Рассказы о Китае»).

Среди названных произведений сборник рассказов *Кара моногатари* выделяется своими литературными особенностями. Он состоит из 27 рассказов, основанных на китайских исторических анекдотах. Некоторые истории очень короткие, буквально по несколько фраз; самый длинный рассказ, близкий к произведениям *моногатари*, — история красавицы Ян-гуифэй (в русском переводе он занимает пол авторского листа, приблизительно 20 000 знаков, а в памятнике — четверть всего объема текста)⁴. Памятник интересен тем, что написан литературным японским языком хэйанского времени, с множеством отсылок к поэзии *вака* и таким классическим произведениям японской литературы, как *Гэндзи моногатари* (源氏物語 «Повесть о Гэндзи»). В каждый рассказ автор включил одно или несколько стихотворений-*вака*, в результате японские стихи здесь сочиняют великий китайский поэт Бо Цзюй-и (772–846), танский император Сюань-цзун (685–762), автор любимого японцами произведения *Ю сянь ку* (遊仙窟 «Пещера странствующих бессмертных») Чжан Вэнь-чэн (658?–740), ханьский император У-ди (156 до н. э. — 87 до н. э.).

Многие истории рассказывают о женщинах, их преданности, стойкости, верности, а иногда глупости и жестокости. Мария Мильоре (Maria Migliore), переводчица *Кара моногатари* на итальянский язык, считает, что произведение было в первую очередь адресовано именно женщинам и является своеобразным учебником, по которому можно было понять, как вести себя правильно, а как нет [Migliore 2020, p. 81–82]. Вывод, что у произведения была женская аудитория,

¹ Этот памятник не обойден вниманием российских японистов, однако обычно наибольший интерес вызывает часть произведения, посвященная Японии.

² Комментированное издание памятника см. [Сё: Кэн 2012], исследование [Guest 2012].

³ Об этом произведении см. диссертацию [Brightwell 2014].

⁴ Перевод этого отрывка из *Кара моногатари* см. [Торопыгина 2020а с. 138–144].

может быть подкреплён тем, что героев *Кара моногатари* вспоминают дамы, беседующие «о прочитанной литературе» в сочинении Мумё: *дзо:си* (無名草子 «Записки без названия») см. [Гвоздикова 2008, с. 205].

В средневековой Японии, где штудирование китайских классических текстов было основой образования, читатели, конечно, без труда узнавали сюжеты рассказов, а те, у кого было недостаточно «китайских» знаний, могли их пополнить из текста на японском языке.

Перечислим, какие сюжеты входят в *Кара моногатари*.

1. Ван Цзы-ю в лунную ночь решил посетить своего друга Дай Ань-дао, но, добравшись до его жилища, передумал к нему заходить⁵.

2. Бо Цзюй-и «без вины» был отправлен в ссылку. Однажды он слышит музыку, кто-то играет на бива (пипа). Бо Цзюй-и слушает рассказ женщины, оказавшейся женой торговца, и думает о своей горестной судьбе.

3. Жена господина Цзя не любит его, поэтому никогда не смеется и даже не улыбается, но однажды видит, как великолепно он стреляет из лука, это восхищает ее и изменяет ее отношение к нему.

4. Мэн Гуан была некрасивой, но так любила мужа, что всегда преданно ему служила.

5. Чжо Вэнь-цзюнь, девушка из богатого дома, вышла за бедняка Сыма Сян-жу, благодаря своим талантам он сумел добиться процветания.

6. Возлюбленная Ши Цзи-луня Люй-чжи бросилась с башни, чтобы не достаться другому.

7. Соседка Сун Юя желала его и всегда стояла у изгороди, разделявший их дома, но за три года он даже не взглянул на нее.

8. Женщина по имени Пань-пань после смерти мужа двенадцать лет не выходила из дома, называвшегося Башней ласточки, где и умерла.

9. Чжан Вэнь-чэн влюбился в государыню, и она ответила ему взаимностью, но поскольку они не могли встречаться, он написал для нее произведение о любви — «Пещера странствующих бессмертных».

10. Дэ-янь и госпожа Чэнь были вынуждены расстаться, но смогли найти друг друга благодаря разломанному напополам зеркалу.

11. Музыкант по имени Сяо-ши был так искусен, что смог завоевать сердце дочери циньского Му-гуна по имени Нун-юй, а потом они вместе были унесены на небо птицей хоо (фениксом).

---

⁵ Перевод этого отрывка см. [Торопыгина 2020b, с. 39].

12. Жена так любила мужа, что после его смерти превратилась в камень.

13. Две жены императора Шуня, которых звали Э-хуан и Нью-ин, так плакали после его смерти, что бамбук, на который падали их кровавые слезы, стал крапчатым.

14. Чем-то провинившаяся императорская наложница была сослана во дворец при мавзолее, где ей оставалось лишь предаваться воспоминаниям.

15. Ханьский У-ди тоскует после смерти Ли-фужэнь.

16. Ханьский У-ди ищет эликсир бессмертия. Однажды к У-ди спускается богиня Сиванму, она дарит У-ди три персика из своего сада.

17. Четверо седовласых мудрецов с горы Шаншань, чтобы избежать смуты в Поднебесной, решают служить сыну Люй-хоу, жены Гао-цзу по имени Хуэй-ди.

18. Танский Сюань-цзун всем женщинам во дворце предпочитает Ян-гуйфэй. Они клянутся друг другу в вечной любви. Ань Лу-шань поднимает мятеж, верные императору люди винят в случившемся Ян-гуйфэй и убивают ее. Император тоскует по потерянной возлюбленной. Даос находит переродившуюся на горе Пэнлай Ян-гуйфэй и рассказывает ей о любви и тоске императора.

19. Жена Чжу Мэй-чэня оставляет его, поскольку не может больше вынести бедности. Благодаря своим талантам Чжу Мэй-чэнь получает высокую должность. Однажды он видит свою бывшую жену и зовет ее к себе. Женщина умирает от стыда.

20. Преданные слуги Чунь-цзю и Чэн Ин сумели скрыть от врага сына своего убитого господина, один из них отдал свою жизнь, чтобы обмануть врага, второй сумел вырастить мальчика.

21. Наложница Пинъюань-цзюня насмехалась над хромым, за что была обезглавлена.

22. Чуский Чжуан-ван не стал наказывать приближенного за неучтивость к государыне. Позже этот человек помог защитить страну.

23. Жена Инь Юя после его смерти не хочет выходить замуж за другого, однако не может послушаться родителей. Она кончает с собой, придя в дом нового мужа.

24. Многие годы императорская наложница проводит в отдаленном дворце Шанъян, она тоскует в одиночестве.

25. Прекрасная Ван Чжао-цзюнь была изображена на портрете уродиной, поэтому император Юань-ди отдал ее вождю варваров.

26. Пань Ань-жэнь был так хорош собой, что все женщины его желали, и, когда он ехал в своем экипаже, бросали ему фрукты.

27. Две девушки принимают решение жить жизнью отшельниц и уходят в горы. Там они встречают пса, который становится им мужем.

За исключением двух историй (восьмой и двадцать седьмой), для которых не удастся найти китайские источники, все остальные — хорошо известные исторические сюжеты, которые встречаются во многих китайских памятниках. Самая ранняя известная сейчас рукопись *Кара моногатари* датируется концом периода Камакура. Это рукопись из книгохранилища Сонкэйкаку, библиотеки князей Маэда, одного из самых богатых старых книжных собраний. Большинство сохранившихся рукописей датируются периодом Эдо.

Несмотря на признанные сейчас несомненные литературные достоинства памятника, *Кара моногатари* не входит в число произведений так называемого первого ряда. Текст *Кара моногатари* не был издан ни в XVII, ни в XVIII в., когда большинство значительных старых произведений появились в форме ксилографических изданий. Не входит это произведение и в число текстов серии *Гунсё руйдзю:*, издававшейся Ханава Хокиити (1756–1821) в 1793–1819 гг.⁶

Впервые текст *Кара моногатари* был издан в 1809 г., этим годом датируются два ксилографических издания, одно было выпущено в Киото, другое — в Эдо. Оба издания были комментированными, оба ученых, выступивших комментаторами, принадлежали к филологической школе Камо-но Мабути (1697–1769). Киотоское издание вышло с комментарием Камо-но Суэтакэ (1754–1841), эдоское — с комментарием Симидзу Хамаоми. Оба издания позже переиздавались.

Камо-но Суэтакэ происходил из аристократического жреческого рода Камо. В двенадцать лет он поступил на службу в семью принцев Арисугава, где получил начальные знания о сочинении поэзии *вака*. Прослужив в семье Арисугава пять лет, юный Суэтакэ уехал в Эдо, где вошел в круг ученых и поэтов, среди которых были Татибана Тикагэ (Като: Тикагэ, 1746–1804) и Мурата Харуми (1746–1811) — ведущие

---

⁶ Сочинение было издано в серии *Дзоку гунсё руйдзю:* (маки 503) [*Кара моногатари* 1933].

ученые и поэты среди эдоских последователей Камо-но Мабути. Прожив в Эдо без малого сорок лет и став известным ученым, литератором и поэтом, в 1791 году Суэтакa вернулся в Киото, чтобы стать священником в святилище Камо.

Симидзу Хамаоми был на поколение младше Камо-но Суэтакa, однако из того же круга эдоских поэтов и ученых, в который долгие годы входил Камо-но Суэтакa. Симидзу Хамаоми родился в Эдо в районе Иида-мати, в семье врача. Он унаследовал семейную профессию, тоже стал врачом. Классическую поэзию и филологию Симидзу изучал у Мурата Харуми. Со временем он занял ведущее место среди эдоских последователей Камо-но Мабути, у него было много учеников, в том числе среди аристократов и высокопоставленных представителей самурайства, ему покровительствовал Мацудайра Саданобу (1758/59 — 1829). Симидзу жил к западу от Синобадзу-но икэ в Уэно, в усадьбе, названной Сасанаминаоя, таким же был и его литературный псевдоним. Сборник эссе *Сасанами хицува* (泊酒筆話 «Рассказы с кисти Сасанами») принес ему славу стилиста. Он изучал и комментировал классику и написал несколько работ о японском языке и литературе, был собирателем книг.

Издание *Кара моногатари* предваряет написанный Симидзу Хамаоми очерк *Кара моногатари тэйё*:. Видимо, очерк был первым исследованием данного произведения, в нем высказывается ряд положений, с которыми дальше ученые могли соглашаться или спорить.

В своем очерке Симидзу Хамаоми останавливается на ряде проблем, посвятив каждой часть своего текста. Текст делится на восемь отрывков (в издании они не пронумерованы, однако каждый выделен в тексте). Автор останавливается на следующих вопросах:

1. Упоминания произведения в других текстах.
2. Датировка.
3. Рукописи, известные автору, и текст *Канкодзи вакасю*:.
4. Содержание *Кара моногатари* с указанием китайских источников и содержание *Канкодзи вакасю*:.
5. Два отрывка *Кара моногатари*, не имеющие китайских источников.
6. История о Сюй Ю в *Кара моногатари* и *Канкодзи вакасю*:.
7. История Пань Ань-жэня: об употреблении слова *татибана* в поэзии.
8. *Мо:гю*: *вака* как ошибочное обозначение *Кара моногатари*.

В последнем отрывке автор возвращается к названию произведения, как бы замыкая круговую конструкцию текста. Издание вводило текст произведения в число доступных для сравнительно широкого круга читателей, и, естественно, первым вопросом, который должен был решить исследователь, — к какому времени относится сочинение. Ни имя автора, ни время создания текста в рукописях не обозначены. Относительно имени автора Симидзу никаких предположений не высказывает, а вот датировке уделяет достаточное внимание.

Первое, на что обращает внимание Симидзу Хамаоми, — стиль повествования. Автор рассматривает историю о Ян-гуйфэй, которая помещена не только в *Кара моногатари*, но и изложена в произведении жанра *карон* («о поэзии») известного поэта Минамото-но Тосиёри (1055–1129) *Тосиёри дзуйно*: (俊頼髓脳 «Поэтическое руководство Тосиёри»). Симидзу считает, что стиль повествования в обоих произведениях схож, то есть тексты не слишком сильно расходятся во времени. В то же время он приходит к выводу, что ни один из этих текстов не основан на другом.

Далее автор находит очень убедительное доказательство того, что текст Тосиёри старше, чем текст *Кара моногатари*. В рассказе о китайском поэте Бо Цзюй-и (это второй рассказ *Кара моногатари*) Симидзу Хамаоми находит цитату из стихотворения Фудзивара-но Акисукэ (1090–1155). Стихотворение было помещено в императорской антологии *Сика вакасю*: (詞花和歌集 «Собрание слов-цветов»), которую Акисукэ и составлял, а Тосиёри, замечает автор, — предшественник Акисукэ. В отличие от современных исследователей Симидзу не приводит точных дат, оперируя понятиями более общими, такими как «время Тосиёри», «время Сайгё:». Стихотворения, которые имеются в тексте *Кара моногатари*, по мнению автора, могли быть сочинены тогда, когда писали Сайгё: (1118–1190) и Тэйка (1162–1241), то есть время, близкое к созданию одной из самых знаменитых императорских антологий *Синкокин вакасю*: (新古今和歌集 «Новое собрание старых и новых японских песен»).

Таким образом, нижняя граница временного промежутка, когда могло быть создано произведение, отнесена автором приблизительно к середине XII в. Далее Симидзу Хамаоми пытается определить верхнюю временную границу. Для этого он использует произведение *Канкодзи вакасю*: (漢故事和歌集 «Сборник японских стихотворе-

ний на темы китайских исторических сюжетов»). Сборник *Канкодзи вакасю*: был создан приблизительно в середине периода Муромати (так пишет Симидзу Хамаоми, так считают и современные исследователи). Сборник состоит из 36 историй, прозаический текст написан по-китайски, включены также 70 стихотворений-вака, 36 стихотворений взяты из *Кара моногатари*; кроме *Кара моногатари*, как говорит автор, взяты стихотворения из *Эйкю*: *ёнэн хякусю*: (永久四年百首 «Сто песен четвертого года Эйкю:»), *Мо:гю*: *вакасю*:, *Фубоку вакасё*: (夫木和歌抄 «Сборник японских песен»). Симидзу Хамаоми уделяет большое внимание сравнению *Кара моногатари* и *Канкодзи вакасю*: и приходит к такому выводу: поскольку в *Канкодзи вакасю*: стихотворения из *Кара моногатари* всегда предшествуют стихотворениям из *Мо:гю*: *вака*, то текст *Кара моногатари* написан раньше, чем *Мо:гю*: *вака*. Симидзу не обращает внимание читателей на то, что дата создания *Мо:гю*: *вака* известна, это 1204 г. (дата обозначена в предисловии к сочинению). Таким образом, получается, что Симидзу определяет временные рамки, когда мог быть написан памятник, второй половиной XII в.

Последний аргумент, который приводит автор, — легенда о том, что существовал список *Кара моногатари*, скопированный Сайгё:. На этом аргументе Симидзу не настаивает, однако, похоже, верит в это. Это немного сдвигает верхнюю временную границу назад. Сайгё: умер в 1190 году, так что получается, что памятник был написан в конце периода Хэйан. Самым уязвимым аргументом Симидзу Хамаоми оказался довод, связанный с анализом *Канкодзи вакасю*:. Среди произведений, на которых, как пишет сам автор, построено произведение, есть поэтический сборник *Эйкю*: *ёнэн хякусю*:. Четвертый год Эйкю: — 1117. Отчего же (по логике Симидзу) это не является доказательством того, что текст *Кара моногатари* предшествует *Эйкю*: *ёнэн хякусю*:?⁷ К сожалению, текст очерка слишком краток, чтобы понять более точно, что имеет в виду автор. Так или иначе, в дальнейшем исследователи не стали учитывать этот аргумент Симидзу Хамаоми. К тому же анализ текстов *Кара моногатари* и *Мо:гю*: *вака*

⁷ Переводчик *Кара моногатари* на английский язык Вард Геддес (Ward Geddes) замечает по этому поводу: “Apparently Shimizu felt that it was too bold a step to date the *Kara monogatari* before 1116, which seems to follow logically from his method” [Geddes 1984, p. 142].

показывает, что ни один из них не является источником для другого. Список памятника, сделанный рукой Сайгё:, тоже не найден, легенда продолжает жить, но доказательств нет. Одним словом, концепция Симидзу Хамаоми оказалась уязвимой. В 1922 г. филолог Номура Хати́ро: (1881–1966) раскритиковал ее в небольшой статье о памятнике в книге *Камакура дзидай бунгаку синрон* («Новые мысли по поводу литературы эпохи Камакура») [Номура Хати́ро: 1930, с. 221–224]. Номура Хати́ро: на основании анализа текста памятника, а также учитывая колофон, помещенный в рукописи, по которой выполнено издание памятника в серии *Дзоку гунсё руйдзю:*⁸, высказывает убеждение, что произведение относится к эпохе Камакура. Дата создания памятника была перенесена приблизительно на сто лет вперед по сравнению с датировкой Симидзу Хамаоми. Это мнение разделяли многие исследователи, пусть и не все.

Однако в 1954 г. О:та Сё:дзиро: (1913–1987) опубликовал работу, посвященную каталогу *Косэки касё мокуроку* (古蹟歌書目録 «Каталог старинных записей о японской поэзии») [О:та Сё:дзиро: 1954]. Каталог описывает коллекцию книг, принадлежавших принцу Сюкаку (1127–1192), который жил в монастыре Ниннадзи в Киото. В каталоге О:та Сё:дзиро: обнаружил название *Кара моногатари* с именем автора! Фудзивара-но Сигэнори (1135–1187) — поэт и придворный, прозванный Сакурамати Тю:нагон за то, что в его саду было посажено множество деревьев сакуры. Правда, авторство Сигэнори остается под небольшим знаком вопроса, это связано с тем, что в каталоге название *Кара моногатари* начинается не с иероглифа 唐 (*кара*), а с 漢 (*кан*), однако в этом же тексте есть и другой пример чтения иероглифа 漢 как *кара*. Так исследователи вернулись к датировке, которую на сто пятьдесят лет раньше дал Симидзу Хамаоми.

⁸ В колофоне имеется дата — 1264 год, однако без указания, время ли это создания произведения или создания рукописной копии.

Краткий очерк «Кара моногатари»⁹

1.

Упоминаний *Кара моногатари*¹⁰ не удастся обнаружить в других текстах. Его нет ни в *Якумомисё*:¹¹, ни в *Фу:ё:сю*:¹², ни в *Ниннадзи сё мокуроку*¹³. И только в *Исэ моногатари тикэнсё*:¹⁴ [В комментарии сказано следующее¹⁵. В *Итидзё: дзэнко: гукэнсё*:¹⁶ много говорится о том, что имя Цунэнобу здесь поставлено нарочно, это подделка. Например, говорится, что если и вправду этот текст был написан Цунэнобу, то вряд ли его не видел бы Тэйка. Это и вправду так, и, если предмет настоящих записей не был бы другим, можно было бы привести доказательства этого.] сказано: «Что касается того, как называют повести-моногатари: их называют по тому содержанию, которое выражено в произведении. Это означает, что *моногатари*, в которой написано о Хасихимэ, и называется *Хасихимэ. Моногатари*, в которой говорится о стране Кара, называется *Кара моногатари*. Если написано о Яматосиманэ¹⁷, то называется *Ямато моногатари*». Других упоминаний встретить не удалось.

⁹ Перевод выполнен по изданию очерка 1910 г. [Кара моногатари тэйё: 1910], использовано также издание 1809 г. [Кара моногатари 1809]

¹⁰ В тексте очерка *Кара моногатари* не называется, о произведении говорится *коно моногатари* (此物語), однако в переводе мы везде заменяем *коно моногатари* на *Кара моногатари*.

¹¹ *Якумо мисё*: (八雲御抄 «Августейшие записки Восьми облаков») — сочинение Дзюнтoku-ин (1197–1242, на троне 1210–1221), относящееся к *карон* (трактатам о поэзии).

¹² *Фу:ё:сю*: (*Фу:ё: вакасю*: 風葉和歌集 «Поэтическое собрание ветра и листьев») — поэтическая антология, составленная в 1271 г. В эту антологию входят стихотворения из произведений *цукүри-моногатари*.

¹³ *Ниннадзи сё мокуроку* (仁和寺書目録 «Каталог книг храма Ниннадзи») составлен в 1294 г.

¹⁴ *Исэ моногатари тикэнсё*: (伊勢物語知頼抄 «Записки об Исэ моногатари») — сочинение, автором которого обозначен Минамото-но Цунэнобу (源経信1016—1097). Сочинение считается поздней подделкой.

¹⁵ В издании 1809 г. авторские комментарии вынесены на верхнее поле страниц, в издании 1910 г. комментарии даны в тексте мелкими знаками, с указанием: «В комментарии сказано».

¹⁶ *Итидзё: дзэнко: гукэнсё*: (一條禅閑遇見抄 «Глупые записки Итидзё Дзэнко:») — сочинение Итидзё Канэра (1402—1481), более распространенное название *Исэ моногатари гукэнсё*.

¹⁷ Яматосиманэ (大和島根) — Ямато, одно из названий Японии.

2.

Неизвестны ни автор *Кара моногатари*, ни точное время, когда создано произведение. Традиционно считается, что текст скопирован с рукописи, выполненной Сайгё:. Тогда можно считать, что произведение написано до Сайгё:, однако это лишь устные свидетельства, и точно узнать, что это была запись Сайгё:, нельзя.

Исследование показывает, что если посмотреть отрывок *Тосиёри кудэн*¹⁸, где рассказывается о Ян-гуйфэй, то его стиль имеет много общего с отрывком о Ян-гуйфэй в *Кара моногатари*. И язык изложения приблизительно того же времени, чуть раньше или чуть позже, и стихотворения не отличаются, поэтому если и можно подумать, что это произведение написано раньше, чем произведение *Тосиёри Асон*, то ненамного. В *Кара моногатари* в отрывке, основанном на *Пипа*¹⁹, фраза *вага ми хитоцу ва сицумасарикэри то омохимидарэцуцу*²⁰, взята из стихотворения Акисукэ из *Сикасю*:. Тосиёри был предшественником Акисукэ, он составил *Кинъё:сю*:.²¹ Акисукэ жил немного позже и составил *Сикасю*:. Если *Кара моногатари* написано раньше *Кудэн*, то как там могло быть использовано стихотворение Акисукэ? Если подумать с этой точки зрения, то получается, что это произведение написано позже текста *Тосиёри*, а история о Ян-гуйфэй существовала в форме повести-*моногатари*²² и раньше, и она была использована и в *Кудэн* тоже. Далее рассмотрим порядок стихотворений, помещенных в *Канкодзи вакасю*:.²³ В начале каждого отрывка сначала помещены стихотворения из *Кара моногатари*,

¹⁸ *Тосиёри кудэн* (俊頼口伝 «Устные наставления Тосиёри», другое название этого произведения *Тосиёри дзуйно*:).

¹⁹ Второй отрывок текста *Кара моногатари* основан на поэме Бо Цзюй-и (772–846) *Пипа син* (琵琶行, в переводе на русский язык Л. З. Эйлина «Певница (Пипа)» [Бо Цзюй-и 1978, с. 273–280]).

²⁰ *Вага ми хитоцу ва сицумасарикэри то омохимидарэцуцу* — не только я один тону, смятенно подумал я.

²¹ *Кинъё:сю*: (*Кинъё: вакасю*: 金葉和歌集 «Собрание золотых листьев японских песен»), работа над этой антологией была закончена в 1127 г.

²² Более ранней, чем текст *Тосиёри*, версии истории о Ян-гуйфэй на японском языке в форме *моногатари* неизвестно. Однако о таком произведении говорит в своем дневнике автор *Сарасина никки* (更級日記, в переводе на русский язык И. В. Мельниковой «Одинокая луна в Сарасина» [Одинокая луна в Сарасина 1999, с. 81]). Автор употребляет выражение *моногатари-ни какитэ* [Сарасина никки 1981, с. 306].

²³ Рукопись *Канкодзи вакасю*: см. [Канкодзи вакасю:, б. г.].

затем следуют *Эйкю*: *ёнэн хякусю*., *Мо:гю*: *вака*, сборник *Фубоку*. *Кара моногатари* всегда идет раньше *Мо:гю*: *вака*. Стиль текста и интонация стихотворений не кажутся более поздними, чем у Сайгё: или Кё:гоку Ко:мон²⁴.

3.

Лет десять назад я переписал *Кара моногатари* с копии, сделанной с рукописи, переписанной Сайгё:. Потом решил взять у одного человека более старую рукопись и отметил в тексте замененные или отличающиеся места. У Кисимото Юдзуру²⁵, с которым до недавнего времени мы были в одном кружке, я взял имеющуюся у него рукопись *Канкодзи вакасю*: и сделал копию. Дальше я немного расскажу о разнице и схожести в стихотворениях.

4.

Основой *Канкодзи вакасю*: [В комментарии сказано следующее. *Канкодзи вакасю*: — автор неизвестен, считается, что возможное время создания — середина Муромати, но точно сказать трудно.] являются стихотворения, взятые из *Кара моногатари*. Из *Эйкю*: *ёнэн хякусю*., *Мо:гю*: *вакасю*., *Фубоку* также взяты стихотворения, в которых говорится о популярных китайских сюжетах, в каждый эпизод входит текст китайского источника. Однако есть и такие эпизоды из *Кара моногатари*, которые не вошли в этот поэтический сборник, или такие, каких нет в *Кара моногатари*, но они входят в этот поэтический сборник; имея это в виду я приведу содержание обоих произведений, это поможет дальнейшему исследованию. При этом в *Кара моногатари* нет содержания, так что я попытаюсь сейчас его создать, содержание сборника, естественно, дано в таком виде, в каком оно имеется.

Кара моногатари. Содержание.

[В комментарии сказано следующее. Истории в китайских источниках и изложенные в *Кара моногатари* бывают одинаковыми, но многие отличаются друг от друга. Разве не будут такие древние сочи-

---

²⁴ Кё:гоку Ко:мон — Фудзивара-но Тэйка.

²⁵ Кисимото Юдзуру (1789–1846) — ученый-*кокугакуся*, был учеником Мурата Хару-ми, как и автор данного очерка.

нения, как *Хань у нэй чжуань*²⁶ или *Ле сянь чжуань*²⁷, изложены не так, как есть²⁸. Возможно, изложение опиралось на другие тексты, но мне сейчас необходимо ограничить их число. В китайских источниках есть истории, которые интересующиеся люди легко узнают и смогут дать пояснения.]

Ван Цзы-ю:

*Цзинь шу*²⁹, цзюань³⁰ 80, основные биографии.

Бо Лэ-тянь:

*Бо ши вэньцзи*³¹, цзюань 12, «Певница (пипа)».

Цзя-ши:

*Цзо чжуань*³², 28-й год Чжао-гуна.

Мэн Гуан:

*Хоу Хань шу*³³, цзюань 83, биография Лян Хуна.

Сыма Сян-жу:

*Ши цзи*³⁴, цзюань 117, Основные биографии. Сюжет о надписи на мосту см. в *Хуаян го чжи*³⁵.

Люй-чжу:

Цзинь шу, цзюань 33, биография Ши Чуна.

Сун Юй:

²⁶ *Хань у нэй чжуань* (漢武內傳 «Неофициальное жизнеописание ханьского У[-ди]») — сочинение, приписываемое Бань Гу (32–92). См. [Алимов 2014, с. 59–64].

²⁷ *Ле сянь чжуань* (列仙傳 «Отдельные жизнеописания бессмертных») — сборник *сяошо*, автор Лю Сян (79 г. до н. э. — 8 г. до н. э.). См. [Алимов 2014, с. 94–103].

²⁸ Это предложение отсутствует в издании 1809 г.

²⁹ *Цзинь шу* (晉書 «Книга о Цзинь») — династийная история, была завершена в 648 году.

³⁰ *Цзюань* (卷 яп. маки) — свиток.

³¹ *Бо ши вэньцзи* (白氏文集 «Собрание сочинений господина Бо») — собрание произведений Бо Цзюй-и.

³² *Цзо чжуань* (左傳 «Комментарии Цзо») — исторический памятник, входящий в число основополагающих канонов конфуцианства, комментарий на летопись *Чуньцю*春秋 («Вёсны и осени»), описывает события с 722 по 468 г. до н. э.

³³ *Хоу Хань шу* (後漢書 «Книга Поздней Хань») — династийная история, автор Фань Е (398–445).

³⁴ *Ши цзи* (史記 «Исторические записки») — сочинение историографа Сыма Цяня (145? г. до н. э. — 86? г. до н. э.), первое в Китае энциклопедическое произведение, построенное по историко-биографическому принципу.

³⁵ *Хуаян го чжи* (華陽國志 «Описание государств Хуаян»), автор Чан Цюй (IV в.) — первое из сочинений об «иноземцах».

*Вэнь сюань*³⁶ — «Дэн-ту-сладогастранник»³⁷.

Пань-пань:

Бо ши вэньцзи, цзюань 15, «Терем ласточки».

Чжан Вэнь-чэн.

10. Сюй Дэ-янь:

*Бэнь ши ши*³⁸, *Лян цзин синь цзи*³⁹.

11. Сяо-ши:

Ле сянь чжуань.

12. Ванфуши — Камень тоски по мужу:

*Ю мин лу*⁴⁰.

13. Э-хуан и Нью-ин:

*Бо у чжи*⁴¹.

14. Лин Юань Цзе, наложница из мавзолея:

Бо ши вэньцзи, цзюань 4, «Новые юэфу»⁴².

15. Ли-фужэнь:

Цянь Хань шу⁴³, цзюань 97–1, Жизнеописание родственников императора; *Бо ши вэньцзи*, цзюань 4, «Новые юэфу»;

16. Сиванму:

Хань у нэй чжуань, *Ле сянь чжуань*.

17. Четверо седовласых:

Ши цзи, цзюань 55: Жизнеописание Лю-хоу и ее дома.

Сюй Ю:

*Гао ши чжуань*⁴⁴, в той же истории.

---

³⁶ *Вэнь сюань* (文選 «Литературный изборник») — одна из первых и наиболее ранних литературных антологий, составитель Сяо Тун (501–531). Была очень популярна в Японии.

³⁷ *Дэн-ту цзы сэ хао фу* (登徒子色好賦 «Ода о сладострастном господине Дэн-ту»), автор — Сун Юй (III в. до н. э.). Перевод на русский язык см. [Сун Юй 1958].

³⁸ *Бэнь ши ши* (本事詩 «Истории, ставшие стихами») — сборник литературно обработанных анекдотов танского поэта Мэн Ци (годы жизни неизвестны).

³⁹ *Лян цзин синь цзи* (兩京新記 «Новые записи о двух столицах») — сборник, составленный в первой половине VIII в. историографом Вэй Шу (?–757).

⁴⁰ *Ю мин лу* (幽明錄 «Записи о тьме и свете») — сочинение Лю И-цина (403–444). См. [Алимов 2014, с. 227–245].

⁴¹ *Бо у чжи* (博物志 «Записи обо всех вещах»), сборник рассказов, составитель Чжан Хуа (232–300). См. [Алимов 2014, с. 279–292].

⁴² «Новые юэфу» — цикл из 50 стихотворений, по преимуществу социальной направленности

⁴³ *Цянь Хань шу* (前漢書 «Книга Ранней Хань») — династийная история, главный автор-составитель Бань Гу (32–92).

⁴⁴ *Гао ши чжуань* (高士傳 «Жизнеописания достойных мужей») — сочинение Хуанфу Ми (215–282).

18. Ян-гуйфэй:

Бо ши вэньцзи, цзюань 12. «Песнь о бесконечной тоске», также *Чжуань*⁴⁵.

19. Чжу Май-чэнь:

Цянь Хань шу, цзюань 64, Основные биографии.

20. Чэн Ин и Чу-цзю:

Ши цзи, цзюань 43: Дом Чжао.

21. Пин Юань-цзюнь:

Ши цзи, цзюань 76. Основные биографии.

22. Чуский Чжуан-ван:

*Хань Фэй-цзы*⁴⁶, *Чу цэ*⁴⁷, *Шо юань*⁴⁸ в *Мэн цю*⁴⁹.

23. Сюнь Шуан:

Хоу Хань шу, цзюань 84; *Ле нюй чжуань*⁵⁰.

24. Некто из Шанъяна:

Бо ши вэньцзи, цзюань 3: «Новые юэфу».

25. Ван Чжао-цзюнь:

*Си цзин цза цзи*⁵¹.

26. Пань Ань-жэнь:

Цзинь шу, цзюань 55, Основные биографии.

27. Юкиюки.

Всего 27 эпизодов.

⁴⁵ Имеется в виду новелла литератора Чэнь Хуна *Чан хэнь гэ чжуань* (長恨歌伝 в переводе на русский язык О. Л. Фишман — «Повесть о бесконечной тоске» [Чэнь Хун 1960]).

⁴⁶ *Хань Фэй-цзы* (韓非子 *Хань Фэй-цзы*) — трактат философа Хань Фэя (280–233).

⁴⁷ *Чу цэ* (楚策 «Стратегии царства Чу» — глава из книги *Чжаньго цэ* (戰國策 «Стратегии сражающихся царств»), авторство приписывается Лю Сяню.

⁴⁸ *Шо юань* (說苑 «Сад речений») — сборник Лю Сяня. См. [Алимов 2014, с. 113–136].

⁴⁹ *Мэн цю* (蒙求 «Незрелые ищут») — сочинение литератора танского времени Ли Ханя (годы жизни неизвестны). Текст представляет собой длинную рифмованную поэму, она состоит из 596 четырехзнаковых строк, каждая из которых отсылает к комментарию, в котором рассказывается соответствующий исторический анекдот. Симидзу Хамаоми упоминает это название всего один раз, но с этим произведением в *Кара моногатари* совпадают сюжеты 11 рассказов [Кара моногатари 2003, с. 376–379].

⁵⁰ *Ле нюй чжуань* (例女傳 «Отдельные жизнеописания женщин») — сборник Лю Сяня. См. [Алимов 2014, с. 103–112].

⁵¹ *Си цзин цза цзи* (西京雜記 «Разные записки из Западной столицы») — сборник *сяошо*, автором которого считается Гэ Хун (283–343), даосский ученый и алхимик. См. [Алимов 2014, с. 468–485].

В нижеследующем содержании поэтического сборника отсутствуют два эпизода: Чжан Вэнь-чэн и Юкиюки.

Канкодзи вакасю:. Содержание.

1. Сян-жу	2. Сун Юй
3. Дэ-янь	4. Сяо-ши
5. Ванфуши — Камень тоски по мужу	6. Крапчатый бамбук реки Сян
7. Наложница из мавзолея	8. Ли-фужэнь
9. Сиванму	10. Четверо седовласых
11. Сюй Ю	12. Жена Мая
13. Чэн и Чу	14. Пин Юань-цзюнь
15. Чжуан-ван	16. Сюнь Шуан
17. Женщина из Шанъяна	18. Ван Чжао-цзюнь
19. Пань Ань-жэнь	20. Цзы-ю
21. Бо Лэ-тянь	22. Господин Цзя
23. Мэн Гуан	24. Ян-гуйфэй
25. Ван Чжи	26. Горная дева Юшань
27. Отшельник из Персикового источника	28. Цюй Юань
29. Мать Мэн-цзы перерезает нить	30. Мэн Шан возвращает жемчуг
31. Су У	32. Люй-чжу
33. Терем ласточки	34. Пастух и Ткачиха
35. Старец с границы	36. Куан Хэн долбит стену

Всего 36 эпизодов.

Из этих эпизодов следующие десять не входят в *Кара моногатари*: Ван Чжи, Горная дева Юшань, Отшельник из Персикового источника, Цюй Юань, Мать Мэн-цзы перерезает нить, Мэн Шан возвращает жемчуг, Су У, Пастух и Ткачиха, Старец с границы, Куан Хэн долбит стену.

5.

При изучении исторических сюжетов остается не до конца ясным, на каких источниках из этих 27 отрывков основываются истории Чжан Вэнь-чэна и Юкиюки. О том, что Вэнь-чэн полюбил императрицу У-хоу и написал *Ю сянь ку*, в китайских текстах нигде не говорится. Однако поскольку в *Хо:буцую*: Тайра Хо:ган⁵² в четвертом свитке есть эпизод о том, что супруга Гао-цзуна, звавшаяся императрицей Цзэтянь, ответила на любовь Чжан Вэнь-чэна и получала от него *Ю сянь ку*, есть возможность, что в Китае такая легенда существовала и она здесь и изложена. История Юкиюки ни в китайских текстах, ни в японских, кроме *Кара моногатари*, не встречается. Если удастся что-то по этому поводу узнать у знающих людей, я обязательно напишу об этом.

6.

В *Канкодзи вакасю*: история о четырех седовласых мудрецах с горы Шаншань и история Сюй Ю разделены. В историю Сюй Ю включено стихотворение:

Из глубины гор
Они пришли
И служили господину.
Если бы четыре старца
И ныне были здесь!⁵³

⁵² *Хо:буцую*: (宝物集 «Собрание драгоценностей») — сборник жанра буддийских *сэцува*, авторство приписывается Тайра-но Ясуёри (1146–1220), в тексте имя дано как Тайра Хо:ган (*хо:ган* — название должности).

⁵³ Стихотворение Мунэтакэ Синно: (1242–1274, на посту сёгуна 1252–1266), *Фубокусё*: № 16532:

深山よりいててや君につかへまし四のおきなは今もありせば
мияма-ёри / идэтэ я кими-ни / цуказмаси / ёцу-но окина-но / има мо арисэба.

Это стихотворение помещено в 35-м свитке *Фубокусё*: В *Кара моногатари* истории о четырех седовласых мудрецах и Сюй Ю и Чао-фу⁵⁴ рассказаны в одном эпизоде и для четырех мудрецов нет песни. Эпизод выглядит странно и требует дальнейших исследований.

7.

История Пань Ань-жэня представлена в китайских текстах так, что ему бросали фрукты и в конце концов к его возвращению их набирался полный экипаж. О *татибана*⁵⁵ говорится не только в *Кара моногатари*, но в *Таканобу Асон касю*.⁵⁶ (5. Любовь):

«От женщины, которая продолжала его желать, были цветы *татибана*, завернутые в письмо, в котором было написано: попробуйте угадать, что у меня на сердце. Это было трудно понять. Может, имелось в виду *мукаси-но хито-но содэ-но ка дзо суру*⁵⁷, но не обязательно это. Он также подумал о том, как Пань Ань-жэнь садился в экипаж, и, поскольку он сам не был так прекрасен собой, как тот человек, он написал:

Я думаю о прошлом,
Этот запах...
В экипаж небольшой
Он садится,
Но я не так прекрасен⁵⁸.

---

⁵⁴ По построению этот эпизод *Кара моногатари* действительно отличается от других, вбирая в себя несколько историй.

⁵⁵ Татибана (*Citrus tachibana*) — разновидность мандарина.

⁵⁶ *Таканобу Асон сю*: (隆信朝臣集 «Собрание Таканобу Асон»). Фудзивара-но Таканобу (1142–1205) — представитель поэтической школы Микохидари.

⁵⁷ Отсылка к стихотворению, помещенному в *Кокин вакасю*: (古今和歌集 «Собрание старых и новых японских песен») и в *Исэ моногатари* (伊勢物語 «Повесть Исэ»):

さつき待つ花たちばなの香をかげばむかしの人の袖の香ぞする

сацуки мацу / хана татибана-но / ка-о кагэба / мукаси-но хито-но / содэ-но ка дзо суру.

В переводе А. А. Долина: В пору пятой луны / аромат мандаринов цветущих / вдруг напомнил о той, / чьей одежды благоуханной / рукава стелил в изголовье [Кокин вакасю: 1995, т. 1, с. 92]

В переводе Н. И. Конрада: Когда я вдыхаю / аромат померанцев, / ожидающих мая, — / чудится прежней подруги / рукавов этот запах... [Исэ моногатари 1979, с. 83].

⁵⁸ 昔思ふにほいか何ぞ小車に入れたぐひの身にもあらなくに

мукаси омоу / ниои ка нани дзо / когурума-ни / ирэси тагуи-но / ми-ни мо аранаку ни.

А женщина в ответ:

Отчего же
Меня не понял?
Томлюсь,
Вдыхая этот аромат,
И больше ничего⁵⁹.

Эта женщина — Кэнрэй Монъин Укё:-но Дайбу⁶⁰, в *Укё:-но Дайбу касю*.⁶¹ эта поэтическая переписка тоже включена. В *Укё:-но Дайбу касю*: ответная песня такая:

Когда я вспоминаю
Наших рукавов
Аромат,
Томление усиливает
Сломанная веточка *татибана*⁶².

Невозможно сказать, какое стихотворение лучше, и в том и в другом смысл песни примерно одинаковый, можно считать, что то, что здесь сказано «*татибана*», выводит китайский сюжет в ряд изысканных⁶³. Не только это, в разных поэтических сборниках и *моногатари* есть песни, сочиненные на тему тех китайских исторических сюжетов, которые включены в *Кара моногатари*, но говорить здесь обо всех слишком утомительно, «не будет ли это истолковано как свидетельство душевной нечуткости»⁶⁴, так что многое опускаю.

8.

В конце текста *Кара моногатари* название обозначено как *Мо:гю: вака*, так мог подумать и написать только как следует в деле не разбирающийся невежа. *Мо:гю: вака* — это сочинение Минамото-но

⁵⁹ いづれとは思ひも分かずなつかしくとまるにほひのしるしばかりに
идзурэ то ва / оmoi мо вакадзу / нацукасику / томару ниои-но / сируси бакари-ни.

⁶⁰ Кэнрэй Монъин (1155?–?) — поэтесса, придворная дама.

⁶¹ *Укё:-но дайбу касю*: (右京大夫家集 «Семейный сборник Укё:-но Дайбу»).

⁶² わひつつも重ねし袖のうつり香に思ひよそへてをりし橘
вабицуцу мо / касанэси содэ-но / уцури ка-ни / оmoiёсоэтэ / ориси татибана.

⁶³ В тексте слово *мияби*.

⁶⁴ В тексте слова *кокоро окурэтару васа ни мо я* — цитата из главы «Великий закон» романа *Гэндзи моногатари* [Мурасаки Сикибу 1991–1993, т. 3, с. 191].

Мицуюки⁶⁵, 14 свитков в двух томах, есть предисловия автора на китайском и японском языках. 250 заголовков из *Мэн цю* разделены на разделы: весна, лето, осень, зима, любовь, поздравления, путешествия, уединенная жизнь, тоска по прошлому, сетования, скорбь, музыка, вино, разное — и везде есть песня. Стиль тоже очень отличается. Хотя несколько историй те же, что и в *Кара моногатари*, но стихотворения все другие, к тому же в *Кара моногатари* хоть и есть истории, совпадающие с *Мо:гю:*, но много историй, которые не включены в *Мо:гю:*. Как же было назвать это произведение *Мо:гю: вака*? Нужно понимать: то, что название обозначено как *Мо:гю: вака*, — это ошибка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алимов 2014 — Алимов И. А. *Сад удивительного: Краткая история китайской прозы сяшо I–VI вв.* Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2014. 589 с.

Бо Цзюй-и 1978 — Бо Цзюй-и. *Стихотворения* / Пер. с кит. Л. З. Эйшлина. Москва: Художественная литература, 1978.

Гвоздикова 2008 — Гвоздикова Ю. «Мумё дзоси» («Записки без названия»). *Orientalia et Classica. Труды Института Восточных культур и античности. XVI. История и культура традиционной Японии.* Москва: РГГУ, 2008. С.191-392.

Исэ моногатари 1979 — *Исэ моногатари* / Пер. Н. И. Конрада. Москва: Наука, 1979.

Канкодзи вакасю: б.г. — *Канкодзи вакасю*: [Сборник японских стихотворений на темы китайских исторических сюжетов], б. г. Рукопись. <https://kotenseki.nijl.ac.jp/biblio/100205331/viewer/1> (дата обращения: 25.05.2020).

Кара моногатари 1809 — *Кара моногатари. Эдо, Кинкадо*: [1809] <https://kotenseki.nijl.ac.jp/biblio/200016583/viewer/1> (дата обращения: 23.05.2020).

Кара моногатари 1933 — *Кара моногатари* [Рассказы о Китае]. *Дзоку гунсё руйдзю:*. Т. 18–1. Токио: Дзоку гунсё руйдзю: кансэйкай, 1933. С. 96–137.

---

⁶⁵ Минамото-но Мицуюки (1163–1244) — придворный, литератор, поэт, известен также как исследователь *Гэндзи моногатари*.

Кара моногатари 2003 — *Кара моногатари* [Рассказы о Китае]. / Под ред. Кобаяси Ясухару. Токио: Коданся, 2003.

Кара моногатари тэйё: 1910 — *Кара моногатари тэйё*: [«Очерк “Кара моногатари”»]. *Кокубун тю:сяку дзэнсё*: [Полное собрание отечественной классики с комментариями]. Токио: Кокугакуин дайгакусюппанбу, 1910. С. 130–134. <https://archive.org/details/kokubunchushakuz15murouoft/page/593/mode/2up> (дата обращения: 25.05.2020).

Кокин вакасю 1995 — *Кокин вакасю*. Т. 1–3 / Пер. А. А. Долина. Москва: Радуга, 1995.

Мурасаки Сикибу 1991–93 — Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи. Т. 1–4 / Пер. Т. Л. Соколовой-Делюсиной. Москва: Наука, 1991–93.

Номура Хатиро: 1930 — Номура Хатиро: *Камакура дзидай бунгаку синрон* [Новые мысли по поводу литературы эпохи Камакура]. Токио: Мэйдзи сёин, 1930. (Первое издание 1922).

О:та Сё:дзиро: 1954 — О:та Сё:дзиро: *«Со:ка соси» сёсаи «Косэки касё мокуроку»* [Каталог старинных записей о японской поэзии] в «Со:ка соси». *Нихон гакусин кйё*:. Т. 12, № 3 (1954). С. 169–186.

Одинокая луна в Сарасина 1999 — *Одинокая луна в Сарасина* / Пер. И. В. Мельниковой. Санкт-Петербург, Гиперион, 1999.

Сарасина никки 1981 — *Сарасина никки* [Дневник Сарасина] / Коммент. Инукаи Киёси. *Идзуми Сикибу никки. Мурасаки Сикибу никки. Сарасина никки. Сануки-но сукэ никки*. (Нихон котэн бунгаку дзэнсю: Т. 18). Токио: Когаккан, 1981. С. 277–362.

Сё: Кэн 2012 — Сё: Кэн (Чжан Цзянь). *«Мо:гю: вака» ко:тю:* [«Мо:гю: вака» с комментарием]. Хиросима: Кэйсуйся, 2012.

Сун Юй 1958 — Сун Юй. Дэнтю-сладоэстражник. Поэма. *Китайская классическая проза в переводах академика В. М. Алексеева*. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 66–70.

Торопыгина 2020а — Торопыгина М. В. История о Сюань-цзуне и Ян-гуйфэй в японском памятнике XII в. «Китайские истории» (Кара моногатари). *Вопросы философии*. 2020. № 2. С. 133–144. DOI: 10.21146/0042–8744–2020–2-133-144.

Торопыгина 2020б — Торопыгина М. В. Интерпретация китайского сюжета «Ван Цзы-ю посещает Дая» в японской словесности XII–XIII вв. (*Orientalia et Classica. I (LXXII). История и культура Японии*. Вып. 12. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. С. 32–46

Чэнь Хун 1960 — Чэнь Хун. Повесть о бесконечной тоске. *Танские новеллы* / Пер. с кит. О. Фишман и А. Тишкова. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 185–197.

Brightwell 2014 — Brightwell, Erin L. *The Mirror of China: Language Selection, Images of China, and Narrating Japan in the Kamakura Period (1185–1333)*. PhD thesis. Princeton University, 2014.

Geddes 1984 — Geddes, W. (trans.) (1984) *Kara Monogatari*. Arizona State University, Phoenix, AZ, 1984.

Guest 2013 — Guest, J. *Primers, Commentaries, and Kanbun Literacy in Japanese Literary Culture, 950–1250 CE*. PhD thesis. Columbia University, 2013.

Migliore 2020 — Migliore, M. C. *Sage Ladies, Devoted Brides: The Kara monogatari as a Manual for Women's Correct Behavior?* *Journal of Asian humanities at Kyushu University*. 2020. Vol. 5. P. 81–95.

REFERENCES

Alimov, I. A. (2014). *Sad udivitel'nogo: Kratkaya istoriya kitayskoy prozy syaoshu I–VI vv.* [The Gardens of the Marvelous: A Concise History of the 1st–6th Century Chinese Xiaoshuo Prose]. Peterburgskoye Vostokovedeniye. (In Russian).

Bo Juyi (1978). *Stikhotvoreniya* [Poems] (L. Z. Eydlina, Trans. from Chinese). Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Brightwell, E.L. (2014). *The Mirror of China: Language Selection, Images of China, and Narrating Japan in the Kamakura Period (1185–1333)* [PhD. Thesis, Princeton University].

Chen Hong (1960). *Povest' o beskonechnoy toске* [A Tale of Endless Grief] (O. L. Fishman, Trans. from Chinese). In *Tanskiye novelly*. Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 185–197. (In Russian).

Guest, J. (2013). *Primers, Commentaries, and Kanbun Literacy in Japanese Literary Culture, 950–1250 CE*. [PhD. thesis, Columbia University].

Gvozdkova, Y. (2008). *Mumyō zōshi* [Anonymous Notes]. In *Orientalia et Classica. Trudy Instituta Vostochnykh kul'tur i antichnosti. XVI. Istoriya i kul'tura traditsionnoy Yaponii*, 191–392. RGGU. (In Russian).

Ise monogatari (1979). (N. Konrad, Trans. from Japanese). Nauka. (In Russian).

Kankōji wakashū (n.d.) [Manuscript]. Retrieved May 25, 2020, from <https://kotenseki.nijl.ac.jp/biblio/100205331/viewer/1> (In Japanese).

Kara monogatari (1933). *Zoku gunsho ruijū*, 18 (1), 96–137. *Zoku gunsho ruijū kanseikai*. (In Japanese).

Kara Monogatari (1984). (W.Geddes, Trans.). Arizona State University, Phoenix, AZ.

Kara monogatari (1809). Kinkadō. Retrieved May 25, 2020, from <https://kotenseki.nijl.ac.jp/biblio/200016583/viewer/1> (In Japanese).

Kara monogatari teiyō (1910). In *Kokubun chūshaku zenshō*, 130–134. Kokugakuin daigaku shuppanbu. Retrieved May 25, 2020, from <https://archive.org/details/kokubunchushakuz15murooft/page/593/mode/2up> (In Japanese).

Kobayashi, Y. (Ed.) (2003). *Kara monogatari*. Kodansha. (In Japanese).

Kokin wakashū, vol. 1–3. (1995). (A.A. Dolin, Trans. from Japanese). Raduga. (In Russian).

Migliore, M. (2020, March). Sage Ladies, Devoted Brides: The Kara monogatari as a Manual for Women's Correct Behavior? *Journal of Asian humanities at Kyushu University*, 5, 81–95.

Murasaki Shikibu (1991–1993). *Genji monogatari*, vol. 1–4 (T. L. Sokolova-Delyusina, Trans. from Japanese). Nauka. (In Russian)

Nomura, H. (1930). *Kamakura jidai bungaku shinron* [New Ideas about the Literature of the Heian Period]. Meiji shoin. (In Japanese).

Odinokaya luna v Sarasina [Sarashina nikki] (1999). (I. V. Mel'nikova, Trans. from Japanese). Hiperion. (In Russian).

Ōta, S. (1954). “Sōkasoshi” shosai “Kosekika shomokuroku” [The Catalogue of Ancient Works on Japanese Poetry in “Sōkasoshi”]. *Nihon gakushiinkiyō*, 12(3), 169–186. (In Japanese).

Sarashina nikki (1981). In *Izumi shikibu nikki. Murasaki shikibu nikki. Sarashina nikki, Sanuki no suke nikki*. Nihon koten bungaku taikei 18. Kogakkan. (In Japanese).

Shō Ken [Zhang Jian] (2012). *Mōgyū waka kōchū* [Mōgyū Waka with Commentary]. Keisuishsha. (In Japanese).

Song Yy (1958). Dentu-sladostrastnik. Poema [Dengtu zi Haose Fu]. In *Kitayskaya klassicheskaya proza v perevodakh akademika V. M. Alekseyeva* [Chinese Classical Prose in the Translations by Academician V. M. Alekseev] (Pp. 66–70). Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. (In Russian).

Toropygina, M. V. (2020a). Istoriya o Xuanzong i Yang Guifei v yaponskom pamyatnike XII v. Kitayskiye istorii (Kara monogatari) [The Story of Xuanzong and Yang Guifei in the 12th Century Japanese Collection *Kara Monogatari*, The Story of Xuanzong and Yang Guifei from *Kara Monogatari*]. *Voprosy filosofii*, 2, 133–144. (In Russian).

Toropygina, M. V. (2020b). Interpretatsiya kitayskogo syuzheta “Wang Ziyou poseshchayet Daya” v yaponskoy slovesnosti XII–XIII vv. [Interpretation of the Chinese Story “Wang Ziyou Visits Dai” in Japanese Literature of the 12th — 13th centuries]. In *Istoriya i kul'tura Yaponii. Vypusk 12. Orientalia et Classica. I (LXXII)* (Pp. 32–46). Izdatelskiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. (In Russian).

Мусянокодзи Санэацу. Портрет глазами современников

О. А. Забережная

Аннотация. Личность Мусяноко:дзи Санэацу (1885–1976), писателя, мыслителя, поэта, драматурга и художника, идейного вдохновителя течения неогуманизма в Японии начала XX в., невозможно обойти стороной, изучая историю японской литературы и культуры в целом. Чтобы объяснить феномен сильнейшего влияния Мусяноко:дзи как деятеля культуры и как личности на культуру Японии, мы в данной работе составили его характеристику, опираясь на воспоминания лично знакомых с ним литераторов, художников, родственников.

Рассмотрев детство и юность Мусяноко:дзи как период формирования его характера и идейных предпочтений, начала его творческого пути, мы обратились к характеристикам, данным современниками Мусяноко:дзи его соратниками по объединению «Сиракаба» («Белая береза»), участниками проекта «Атарасики мура» («Новая деревня») и литературными критиками. Мы выяснили, что Мусяноко:дзи не считал примером для подражания ни одного из членов своей семьи, предпочитая следовать за далекими идеалами Л. Н. Толстого, Родена, Сезанна и др. С юных лет Мусяноко:дзи, осознавая свою внешнюю непривлекательность и сталкиваясь с различными трудностями в своих проектах, черпал силы из присущих ему наивного оптимизма, твердой веры в свою счастливую звезду и искреннего чувства юмора. Однако в наибольшей степени популярность Мусяноко:дзи объясняется его природным магнетизмом.

Как следует из множества свидетельств, Мусяноко:дзи обладал способностью привлекать людей при первой встрече, в течение разговора или публичного выступления. Положительная энергетика, заражавшая и вдохновлявшая окружающих, позволили некоторым даже видеть в его фигуре религиозного лидера, способного направлять ищущих на верный творческий путь или вести за собой. Поэтому можно заключить, что гений Мусяноко:дзи заключался не в способности к художественному творчеству,

а в первую очередь в том, что он оказался знаковой фигурой в среде литераторов первой половины XX в.

Ключевые слова: Мусяноко:дзи Санэацу, Сига Наоя, творческая элита Японии, эпоха Тайсё:, объединение «Сиракаба».

Автор: *Забережная Ольга Алексеевна*, кандидат культурологии, старший преподаватель Института классического Востока и античности Высшей школы экономики, 105066, Москва, ул. Старая Басманная д. 21/4, стр. 3.

ORCID: 0000-0002-5182-5390.

E-mail: kluginda@gmail.com

Mushanokōji Saneatsu in the Eyes of Contemporaries

O. A. Zaberezhnaya

Abstract. The personality of Mushanokōji Saneatsu (1885–1976), a writer, thinker, poet, playwright, and artist, the ideological inspirer of neo-humanism in Japan in the early 20th century, cannot be ignored in the history of Japanese literature and culture as a whole. In this paper, we aim to explain the fact of such a wide popularity of Mushanokōji and such a strong influence of his personality on his contemporaries. To answer this question, we compiled a description of Mushanokōji, based on the memories of people personally acquainted with him.

Having examined the childhood and youth of Mushanokōji as a period of the formation of his character and ideological preferences, the beginning of his career, we turned to the characteristics given by Mushanokōji's contemporaries: his associates in the Shirakaba group, participants of the New Village project, and literary critics. We found that Mushanokōji did not consider any family member of his to be a role model, preferring to follow the distant ideals of Tolstoy, Rodin, Cezanne, and others. From a young age, Mushanokōji, realizing his unattractiveness and encountering various difficulties in his projects, drew strength from his inherent naive optimism, firm faith in his lucky star, and his uniqueness and sincere sense of humor. These qualities were celebrated by his acquaintances throughout his life.

However, Mushanokōji's popularity is most due to his natural magnetism. As follows from a lot of evidence, Mushanokōji had the ability to attract people in a first meeting, during a conversation or a public speech. His positive energy, which

infected and inspired others, allowed some to even see in his figure a religious leader who could direct seekers on the right creative path. Therefore, we can conclude that the genius of Mushanokōji was not only in his literary ability, but primarily in his becoming an iconic figure of his epoch.

Keywords: Mushanokōji Saneatsu, Shiga Naoya, Japanese literary circles, the Shirakaba school, portrait, Taishō period.

Author: *Zaberezhnaya Olga A.*, senior lecturer PhD (Literature) Institute of Classic East and Antiquity of Higher School of Economics. 105066, Moscow, 21/4 Staraya Basmannaya street, building 3.

ORCID: 0000-0002-5182-5390.

E-mail: kluginda@gmail.com

Культурное наследие Мусянокодзи

Личность Мусянокодзи Санэцу (1885–1976), основателя влиятельного журнала эпохи Тайсё: (1912–1926) «Сиракаба» («Белая береза») и коммуны «Атарасики мура» («Новая деревня»), устроенной в соответствии с идеями Л. Н. Толстого; идейного вдохновителя течения неогуманизма в Японии начала XX в., невозможно обойти стороной, изучая историю японской литературы и культуры. В доме Мусянокодзи в Тёфу создан его музей, ему посвящена одна из книг серии «Альбомы японской литературы», где его имя стоит в одном ряду с Нацумэ Сосэки и Акутагава Рюноске и другими крупными писателями, признанными классиками японской литературы. Однако классиком литературы Мусянокодзи никто не называет. Более того, при знакомстве с жизнью и творчеством Мусянокодзи возникает вопрос, в чем же именно его главное достижение в искусстве.

При том что перу Мусянокодзи принадлежит огромное количество произведений всех возможных жанров, критических очерков, идеологических трактатов и т. д., художественная ценность его произведений вызывает вопросы у многих исследователей. Так, никто из них не поставит Мусянокодзи-писателя на один пьедестал с «божеством романа», его соратником по объединению «Сиракаба» и другом Сига Наоя. Язык его произведений предельно прост и художественно не богат, идейно содержание наивно, манера изложения прямолинейна. Поэтому японские критики (Хонда Сюго:, Одзуяма Кунио, Камэи Кацунитиро:, Такита Хироси и др.) избегают изучать проблемы поэтики его творчества (тогда как о стиле и языке Сига Наоя написано огром-

ное количество работ) и предпочитают сосредоточиться на идейном содержании его сочинений, их связи с социальными проектами или же полемике Мусяноко:дзи с другими писателями. Произведения, которые считаются наиболее репрезентативными для Мусяноко:дзи («Дружба», «Любовь и смерть», «Учитель истины» и др.), были популярны главным образом среди молодых людей. Однако ни одно из них не считается литературным шедевром, и их популярность имела временный характер [Keene 1998 p. 454].

Был ли Мусяноко:дзи крупным мыслителем? Идеи гуманизма, индивидуализма, персонализма благодаря их свежему звучанию и оптимизму имели огромное влияние на литературные круги эпохи Тайсё:. Мусяноко:дзи разработал теорию «воли природы» и взаимодействия с ней творческой личности, провозгласил свободу индивидуалистического начала в искусстве [Забережная 2015, с. 36],

Однако эти теории не внесли ничего принципиально нового в историю мысли Японии и представляли собой переложения идей Толстого, Метерлинка и других писателей — кумиров Мусяноко:дзи, довольно поверхностно интерпретированные в духе его идеалистического мировосприятия, а также выводы, навеянные знакомством с судьбами художников-импрессионистов.

Его жизнь и творчество принято делить на периоды, относящиеся к различным идеологиям. До ухода из Токийского университета — толстовство, после — гуманизм, пацифизм, идеализм, связанный с деятельностью «Сиракаба» и утопизм «Новой деревни». Путешествие по Европе 1936 г. привело писателя к увлечению национализмом и милитаризмом, а после войны, во время мирной жизни в Тё:фу, Мусяноко:дзи вновь вернулся к остраниченному от общественных проблем идеализму. Тот факт, что писатель радикально поменял свои пацифистские взгляды на агрессивный национализм, говорит о том, что его идеи могли легко меняться в зависимости от требований эпохи, а следовательно, не имели глубокого внутреннего обоснования, не были результатом переосмысления ценностей, а спонтанно формировались под влиянием внешних стимулов.

Исследователь и критик Хонда Сю:го, наиболее подробно изучивший литературное наследие объединения «Сиракаба», жизненный путь и идеи ее участников, отмечал, что Мусяноко:дзи относится к тем мыслителям, которых нельзя в строгом смысле считать философами. Он приходит к выводу, что Мусяноко:дзи скорее «учитель

жизни» (*дзинсэй-но кё:си*), разъясняющий в доступной форме сложные идеи или помогающий найти свое творческое предназначение [Хонда 1968, с. 7].

Поэзия Мусянокодзи также не получила широкого признания и не включалась в сборники поэзии XX в. — вероятно, потому, что она лишена лаконичности и точности эмоции, требуемой в том числе от *синтайси*¹ Язык его стихотворений, считают некоторые литературные критики, настолько «безыскусный и простой (яп. 天衣無縫, *тэнъи мухо:*), как будто у автора не было намерения писать стихотворение» [Тайсё: бунгакуси 1965, с. 212], к тому же его стихи чрезмерно прямолинейны и зачастую «выглядят как лозунги». [Мацуо 1989, с. 9].

Живописью Мусянокодзи начал заниматься, когда ему было уже больше сорока лет, и картинам он посвящал много сил и времени, однако живопись осталась для него хобби. И сейчас известны его многочисленные изображения овощей (тыкв, баклажанов и т. д.) — излюбленная тема Мусянокодзи. В послевоенные годы эти изображения стали популярны и «печатались на различных сувенирах и канцелярских товарах» [Мацуо 1989, с. 7].

Таким образом, невозможно с уверенностью сказать, кем его следует считать в первую очередь — мыслителем, писателем-романистом, драматургом, поэтом или художником. Мусянокодзи, следуя своему главному кредо — «реализации себя» (*дзико-о икасу*), пробовал себя во всех этих областях, но ни на одном поприще не достиг истинного признания.

Его главный и по-настоящему успешный проект — издание журнала «Сиракаба» (1910–1923), объединившего множество начинающих писателей, в будущем — крупных фигур в истории японской литературы. Проект «Новая деревня» (1918–1939), организованный на острове Кюсю, заставил много говорить о себе, но закончился неудачей, поскольку оказался утопией с экономической точки зрения².

---

¹ *Синтайси* («стихи нового стиля») — поэзия, появившаяся в Японии в конце XIX в. и ознаменовавшая собой переход от классического стиха *вака* к поиску новых форм.

² Проект стал практической реализацией утопических идей Мусянокодзи: — всеобщего равенства, взаимопомощи и развития индивидуальности. Участники «Новой деревни» должны были работать в поле, а в свободное время заниматься творчеством. Когда население превысило 100 человек, они уже не могли прокормиться за счет натурального хозяйства, многие выходили из состава общины. После 1939 г. из-за строительства плотины деревня была перенесена на остров Хонсю, в соседнюю с Токио префектуру Сайтама (деревня Кэрояма), где несколько пожилых членов коммуны проживают до сих пор, скорее

Феномен популярности Мусяноко:дзи

В данной работе мы не касаемся идейного содержания произведений Мусяноко:дзи или проблемы его литературного стиля, мы попытаемся на основании ряда характеристик и оценок Мусяноко:дзи, данных современниками, объяснить феномен его популярности и влияния, оценить его роль в жизни японской интеллигенции. В первую очередь мы рассматривали мнение людей, лично знакомых с Мусяноко:дзи, то есть тех, для кого он был свидетелем и участником актуальных для них событий литературной жизни. Помимо его ближайшего окружения, друзей, соратников по литературным объединениям, учеников в число таких людей также вошли литературные критики, которые благодаря долгой жизни Мусяноко:дзи имели возможность общаться с ним и оценивать не только литературное наследие писателя, но и свое непосредственное с ним взаимодействие.

Мусяноко:дзи родился в Токио, в районе Кодзимати, в 1885 г. в семье виконта Мусяноко:дзи Санэё (1851–1887). Ему на всю жизнь запомнились слова отца, который сказал: «Если этому ребенку дать правильное образование, он станет единственным в мире...» [Мусяноко:дзи 1984, с. 12]. Эта фраза, которую Мусяноко:дзи услышал в подростковом возрасте, несомненно, имела для него важное значение, придавала уверенности в его проектах и убеждала в том, что он должен сделать что-то новое, пойти по своему, отличному от других пути, заставляла верить в свою счастливую звезду. Однако Мусяноко:дзи Санэё, считавшийся одним из наиболее ярких из подающих надежды представителей новой элиты Мэйдзи³, умер от туберкулеза, когда Санэацу было всего два года, поэтому он не мог ни воспитать сына, ни подать ему пример для подражания, и Мусяноко:дзи отмечает только, что от отца он унаследовал придиричивость и капризный характер [Мусяноко:дзи 1984, с. 7].

Если рассмотреть то, как рос и воспитывался Мусяноко:дзи, то оказывается, что в отличие от других участников «Сиракаба» — Сига Наоя или Арисима Такэо — его семья ничего ему не навязывала,

---

из ностальгических соображений, выращивая рис, овощи и устраивая культурные мероприятия.

³ Мусяноко:дзи Санэё был отправлен на стажировку в Германию, где изучал право, после чего участвовал в строительстве Японской железной дороги, переводил юридические документы о европейской парламентской системе правления и т. д.

предоставляя свободу действий. Кроме того, в семье Мусянокодзи, по всей видимости, не было человека, которым он восхищался и считал настоящим примером для подражания, который мог бы повлиять на формирование его ценностных ориентиров⁴.

Старший брат Кинтомо, унаследовавший титул виконта и сделавший блестящую дипломатическую карьеру, был рассудительным, последовательным человеком и обладал покладистым, спокойным характером. Санэцу сохранял с ним теплые отношения на протяжении всей жизни, однако брат никогда не был для него эталоном: Санэцу учился в школе весьма посредственно, не закончил Токийский университет, приняв необычное решение стать писателем. Кинтомо относился к Санэцу с пониманием и не препятствовал его жизненным планам, хотя они шли вразрез с его представлениями о подходящем занятии для Санэцу: он прочил брату политическую карьеру. К литературной деятельности брата Кинтомо относился снисходительно, однако считал, что Мусянокодзи недостает рассудительности, последовательности в изложении мыслей [Нисигаки 1990, с. 136]. Помимо брата Кинтомо у Мусянокодзи была старшая сестра Икако, с которой он также был близок; сестра поддерживала его в моменты неудач. Однако Икако умерла, когда Мусянокодзи учился в пятом классе средней школы. Остальные дети, родившиеся в семье, умерли в младенчестве.

В доме с ними постоянно жили три пожилые женщины, которых Санэцу называл бабушками: неофициальная жена его деда (родная мать его отца Санэё), жена сводного брата Санэё и приживалка, которая не была родственницей. Кроме того, время от времени с ними жили и другие родственницы. Об этих бабушках и тетюшках известно главным образом то, что они отличались сварливостью и доставляли много хлопот его матери, находившейся в положении невестки и обязанной им прислуживать. Что касается какого-либо влияния на Мусянокодзи, то вряд ли оно присутствовало.

Родственники, чье влияние Мусянокодзи признает сам, однако называет его «неосознанным» [Мусянокодзи 1984, с. 15], — это его мать Наруко (1853–1928) и ее младший брат Кадэнокодзи Сукэото. С матерью Мусянокодзи был близок на протяжении всей ее жизни,

---

⁴ На Сига оказал сильное влияние его дед, который воспитывал его, а также отец, с которым, напротив, у писателя был серьезный конфликт. Арисима воспитали отец и бабушка, оба были для него примером для подражания.

относился к ней с нежностью и заботой. Наруко происходила из потомственной аристократической семьи и была дочерью виконта Кадэнокодзи Сукэёри. Она прожила долгую жизнь, была «стойким, упорным, терпеливым» человеком, и эти качества Санэацу унаследовал от нее, по его собственному утверждению [Мусяноко:дзи 1984, с. 7]. Дядя Кадэнокодзи Сукэото, потерпев неудачу в бизнесе, покупал множество книг о христианстве и познакомил юного Мусяноко:дзи с христианской литературой и произведениями Л. Н. Толстого, которые после Русско-японской войны (1904–1905) были очень популярны в Японии. Мусяноко:дзи фанатически увлекся Толстым, его идеями помощи другому, пацифизмом; кроме того, на него явно произвели впечатление попытки дяди подражать Толстому и работать в поле, зарабатывая на хлеб.

Решения, принимаемые Мусяноко:дзи, и его идеи за редким исключением не были подсказаны или навязаны авторитетным для него учителем — они были результатом внутреннего процесса осмысления разнообразных внешних влияний. Дядя познакомил его с христианством и Толстым, школьный товарищ Огимати Кинкадзу открыл для него мир изобразительного искусства [Мусяноко:дзи 1984, с. 13]. Те личности, которые оказывали влияние на само содержание идей Санэацу через свои произведения, находились далеко от него и были возведены на пьедестал со свойственной Мусяноко:дзи манерой идеализировать людей. Тем же, кто находился рядом, он не позволял оказывать на себя влияние (только «неосознанное») в силу своих ярко выраженных лидерских качеств. Его естественной потребностью было вести за собой коллектив, быть основателем, организатором, центральной фигурой, вдохновителем. Так, в биографии Мусяноко:дзи известен эпизод, когда он стоял, обратившись к морю, и кричал: «О волны, о море, посмотрите на мужчину, который стоит здесь, этот человек никому не принадлежит, запомните это» [Мусяноко:дзи 1984, с. 13].

Таким образом, если мы не находим в близком окружении людей, которые своей индивидуальностью оказали решающее влияние на Мусяноко:дзи, то сам он стал источником вдохновения и даже идеалом для многих своих знакомых. Рассмотрим на конкретных примерах, в чем выражалось это влияние.

Мусяноко:дзи стал популярной фигурой в подростковом возрасте, начиная со средних классов Школы пэров (Гакусю:ин). В шестом классе средней школы он удачно проявил себя в серьезном конфликте

с пятиклассником: его слова «очень точно попали в цель», и конфликт был полностью улажен [Мусянокодзи 1984, с. 11]. Так впервые проявляется ораторский талант Мусянокодзи. В Гакусюин он познакомился с будущими участниками «Сиракаба» (Сига Наоя, Огимацу Кинкадзу, Киносита Ригэн), там будущий писатель прославился как ярый почитатель Толстого, выступал со статьями в школьном журнале. В старших классах он посещает кружок родной речи, где много выступает. Уже в школе Санэцу начинает самоуверенно говорить о творческой реализации и о необходимости развивать себя.

Мусянокодзи отличала неукротимая, деятельная энергия, заражающая окружающих. Он испытывал постоянную потребность в работе, считал, что в каждом деле надо быть серьезным и прилежным, а жизнь не удовольствие «День без работы пуст <...>. Это настроение и души, и тела, и оно заставляет меня работать» [Мусянокодзи 1984, с. 5].

Эта энергия имела созидательный характер, вдохновляла и организовывала людей. Так, Сига Наоя отмечает, что без Мусянокодзи не было бы «Сиракаба» как движения (*ундо*:). «В журнале, конечно, мы все писали, но того, что называют движением, не состоялось бы» [Сига 1983 с. 145]. В движение «Сиракаба» входили очень разные по темпераменту, идейным соображениям и стилю авторы. Под «движением» Сига имеет в виду объединение этих авторов под общим лозунгом свободы, саморазвития, идеалистического пафоса. Без Мусянокодзи команда была бы лишена идейного подспорья, объединяющей силы. Хотя сама идеология была разработана далеко не идеально, личность объединителя была настолько сильна и притягательна, что собрала вместе самых разных авторов. Объединяющая сила Мусянокодзи заключается скорее в его личных лидерских качествах и харизме, нежели в силах его идей.

Неустанная жажда деятельности сочеталась в Мусянокодзи с нетерпеливостью, которая делала его сочинения раскрепощенными и наделяла их атмосферой свободы. Нацумэ Сосэки впервые познакомился с Мусянокодзи после того, как тот поместил в журнале критическую статью о романе Сосэки «Затем» (*Сорэкара*, 1909). Как рассказывает Мусянокодзи Кинтомо, он сопровождал младшего брата в дом к Сосэки. В беседе с именитым писателем Кинтомо выразил уважение к «глубокой учености» и логической выстроенности произведений Сосэки и попросил его наставить на верный путь младшего брата, который имеет привычку записывать разроз-

ненные мысли «прямо на месте» под влиянием внезапного порыва. На это Сосэки возразил: «Если бы я мог писать так, как Санэацу, какую бы свободу я обрел! Я так хочу иногда избавиться от своей манеры письма!» [Нисигаки 1990, с. 136]. Таким образом, и Нацумэ Сосэки, в то время преподаватель Токийского университета и учитель для Мусяноко:дзи, признает и даже завидует умению Санэацу свободно писать обо всем.

Тем не менее нетерпеливость отрицательно отражалась на художественных достоинствах произведений Мусяноко:дзи. Как отмечал Акутагава Рюноске, необходимо разделять Мусяноко:дзи-мыслителя и Мусяноко:дзи-писателя. Как у писателя у него было свойство «торопиться» (*сэйкю:на токоро*): «Он очень торопится завершить произведение, небрежно относится к тонким отношениям между содержанием и формой» [Аояги 1943, с. 73]. Иными словами, он бежал вперед, стремясь быстрее завершить работу, и не прослеживал глубоких взаимосвязей жизненных явлений, которые описывал и раскрытия которых ждал читатель. Это свойство не изменилось на протяжении всей жизни. Сига Наоя, говоря о картинах Мусяноко:дзи, отмечает, что в своих занятиях живописью он не делает набросков и эскизов, а «бежит до конца без репетиции», как и в любом своем начинании [Сига 1983, с. 149]. С Сига Наоя Мусяноко:дзи сохранял дружеские отношения и переписку с самого их знакомства в Школе пэров и до смерти Сига в 1972 г. По словам Сига, в наибольшей степени на него и его творчество повлияли три человека: христианский евангелист Утимура Кандзо: (1861–1930) как учитель, Мусяноко:дзи — как друг, и дед — как родственник [Сига 1983, с. 145].

Мусяноко:дзи в 1908 г. издал первый сборник рассказов «Дикое поле» (*Арано*), который, хотя вызвал шквал критики, тем не менее наглядно доказал его решимость стать писателем. Сига принял такое решение двумя годами ранее, но ничего не успел написать, поэтому Мусяноко:дзи в отношении писательской карьеры стал старшим товарищем для Сига, хотя был младше его на два года. «Я писал [свои рассказы], думая о том, что это прочитает Муся», — говорил Сига Наоя [Сига 1983, с. 145].

Таким образом, Мусяноко:дзи, будучи более решительным, первым начинал действовать на пути к своим целям и тем самым вел за собой Сига. Он предоставил ему возможность писать на страницах «Сиракаба» и стал для него путеводной звездой, хотя в образе мыш-

ления, характере и стиле произведений трудно найти более разных писателей.

По утверждению Сига, несмотря на свой образ жизни, он не стал писать произведений «увеселительных» благодаря тому, что его характер не позволял этого, а также благодаря дружбе с Мусянокодзи [Сига 1983, с. 146]. Сига пережил так называемый период «блужданий» (*хо:то:*), когда, оставив учебу и писательские занятия, он проводил время в увеселительных заведениях. О том, что он начал такую жизнь, Сига первым признался Мусянокодзи, желая разобраться с этой проблемой с «самого неприятного момента», но Мусянокодзи никак это не прокомментировал. Сига очень скоро прекратил «блуждания» и серьезно занялся писательской карьерой. Видимо, сам факт дружбы с Мусянокодзи, активно реализующим свою позицию, не только удерживал его от праздного и бездумного существования, но и направлял его литературную деятельность, основанную на стремлении к просвещению, искусству, на «поиск себя» и развитие, заставлял его изменить образ жизни. «Мы с Мусянокодзи разные, но вместе. У него есть удивительная способность вдохновлять, отодвигающая на второй план и идеи, и искусство», — рассказывал Сига [Сига 1983, с. 204].

Можно предположить, что Мусянокодзи имел некое энергетическое воздействие на людей, способность воодушевлять их своей речью или даже просто присутствием. Этому явлению есть множество подтверждений.

Так, участник «Новой деревни» Ясуи Томихико рассказывает, как записывал одну из лекций Мусянокодзи с диктофона в 1965 г.: «Слушая эту лекцию, я ощущал, что мои собственные стихотворения жалки, а в нем есть что-то великое, огромное, важное. Рассказ учителя, не то беседа, не то лекция, то продолжался, то затихал. Повтор следовал за повтором, создавая своеобразный ритм. Это были странные, необычные, вселяющие благоговение звуки. Это были выдающиеся беседы» [Ясуи 1989, с. 7].

Очевидно, что для участников «Новой деревни», особенно молодых, Мусянокодзи был окружен ореолом славы, он был уважаемым Учителем. Можно сказать, что в деревне было организовано нечто подобное культу Мусянокодзи, ее жители в своих воспоминаниях зачастую выражают благоговейное уважение к нему. Поэтому многие такого рода высказывания не могут быть показательны

для объяснения влияния Мусяноко:дзи. Однако в данной цитате мы видим впечатление от самого звучания речи Мусяноко:дзи, от его манеры произносить слова, темпа речи, возможно, тембра голоса, и можно сделать вывод, что речь Мусяноко:дзи обладала притягательной силой. «Его слова, звучавшие со сцены, когда он весь как будто отдавался этому процессу, были для меня важнее, чем его произведения», — отмечает еще один житель «Новой деревни» [Асада 1989, с. 7].

Сига Наоя зачастую испытывал сложности с организацией рабочего процесса и иногда долгое время проводил в творческом молчании. Однако он отмечает, что оба раза, когда к нему приезжал Мусяноко:дзи и «мешал» заниматься, работа вдруг начинала спориться: так он значительно быстрее закончил свои центральные произведения «Путь во мраке» (*Анья ко:ро*, 1921–1937) и «Примирение» (*Вакай*, 1917) [Сига 1983, с. 147]. Возможно, на Сига подействовал пример Мусяноко:дзи, который каждое утро проводил за работой.

Известный портретист периода Тайсё: Кисида Рю:сэй (1891–1929) познакомился с Мусяноко:дзи в двадцать с небольшим лет и был поражен свободной, приветливой, изящной атмосферой, царящей в кругу «сиракабовцев». Прочитав колонку Мусяноко:дзи, он восхитился уверенностью тона автора, его верой в себя. Познакомившись с Мусяноко:дзи через их общего друга Янаги Мунёси (также Со:эцу, 1889–1961) Кисида сказал: «Вначале я просто приходил смотреть картины и таким образом смог получить ни с чем не сравнимое удовольствие говорить с ним. Для меня, у которого не было до этого возможности иметь таких друзей, это было как будто второе рождение» [Кисида 1989, с. 2].

Несомненно, деятельность Мусяноко:дзи по популяризации западной живописи, литературная дискуссия, дух свободы и самовыражения его группы оказывали значительное влияние и на творческих деятелей, не состоявших в группе «Сиракаба». Однако именно личная встреча и разговор с Мусяноко:дзи вдохновила Кисида, стала толчком для дальнейшего сближения художника с коллективом журнала «Сиракаба» и различных творческих проектов. Кисида до конца своей недолгой жизни поддерживает дружеские связи с «сиракабовцами», в первую очередь с Мусяноко:дзи, пишет его портрет.

Тот факт, что Сига Наоя и Кисида Рю:сэй, оба люди очень непростого характера, требовательные к окружению, темпераментные,

вспыльчивые, пронесли через всю жизнь дружеские отношения с Мусянокодзи Санэцу, показывает, что они видели в нем больше чем идейного вдохновителя (тем более что идеи Мусянокодзи очень скоро перестали вдохновлять Сига), а попали под влияние его личного обаяния, испытывали потребность в личном общении с ним, черпали из этого общения творческие силы.

Участник «Сиракаба» Нагаё Ёсиро: (1888–1961), также подтверждает сильное воздействие, которое Санэцу оказывал на окружающих. Об их первой встрече Нагаё рассказывал: «Я впервые поговорил с ним от всего сердца, и меня очень воодушевил этот разговор. Это человек, к которому я испытываю склонность» [Танака 1989, с. 2]. Более того, если Сига и Кисида испытывали влияние личности Мусянокодзи, но никак не его творчества, Нагаё, как принято считать, начинал с подражания литературным произведениям Мусянокодзи. Нагаё присоединился к объединению «Сиракаба» через год после его создания, в его первых произведениях также описывается несчастная любовь и попытки главного героя реализовать себя, а его повесть «Человек по имени учитель Такэдзава» (*Такэдзава сэнсэй то цу хито*, 1925) напоминает по своему пафосу произведение Мусянокодзи «Счастливый человек» (*Ко:фуку моно*, 1919), где воспевается гармоничный, спокойный характер харизматичного Учителя, а способность обретать счастье считается главным достоинством человека.

Однако по своему характеру, поведению, мировосприятию Нагаё был дальше всего от Мусянокодзи из всех членов объединения, он был более обстоятельный и любое действие подкреплял теорией, в отличие от Мусянокодзи, который мог действовать интуитивно и спонтанно [Тайсё: бунгакуси 1965, с. 214]. Поэтому Нагаё относился к писателю Мусянокодзи с пиететом, а к Мусянокодзи как к товарищу — весьма противоречиво. Так, он очень мало написал о Мусянокодзи, в первую очередь потому, что не «мог отдалиться от него на достаточное расстояние, чтобы писать свободно» [Танака 1989, с. 2]. Постоянное присутствие сильной личности Мусянокодзи подавляло Нагаё и не позволяло абстрагироваться, сосредоточиться и объективно и хладнокровно оценить свои отношения к старшему товарищу. Отношения с Мусянокодзи не были гладкими, у них было несколько конфликтов: первый — из-за того, что Нагаё использовал его образ в качестве прототипа в своей пьесе, второй — из-за несогласия с идеями «Новой деревни», третий — из-за резкого неприя-

тия Нагаё милитаристского поворота в идеях Мусяноко:дзи. Таким образом, Нагаё, признавая сильное воздействие энергетики Санэацу, не мог принять отсутствия целостности, последовательности и противоречивости в его идеях,

Энергия Мусяноко:дзи имела положительный заряд, была направлена вовне и поддерживала окружающих. «Он как ствол дерева, в нем нет усталости [обычного человека], он всех нас поддерживает» [Уэда 1988, с. 5], — рассказывал один из участников «Новой деревни». Возможно, поэтому Акутагава Рюноскэ, который боготворил творчество Сига Наоя и критически относился к прозе Мусяноко:дзи, утверждал, что интереснее всего читать не художественные произведения Мусяноко:дзи, а его разрозненные заметки, впечатления (*дзаккан*), которые он размещал в отдельной колонке журнала «Сиракаба» и продолжал писать в течение всей жизни. Критик Хонда Сюго: отмечал то же самое и считал *дзаккан* наиболее интересным материалом для изучения, писал, что именно там наилучшим образом проявляется талант Мусяноко:дзи [Тайсё: бунгакуси 1965, с. 212]. Тогда как создать художественно целостное и убедительное произведение Мусяноко:дзи не всегда удавалось, в своих заметках он выступал не как писатель, а снова как вдохновитель, именно там он мог наилучшим образом проявить свободную манеру изложения, предстать харизматическим, проницательным лидером, заразить читателя своей деятельной энергией.

Помимо таланта вдохновлять и лидерских качеств Мусяноко:дзи обладал также проницательностью, которая позволяла ему открывать молодые таланты, а также понимать потребности людей своей эпохи. Эти особенности характера Мусяноко:дзи точно отметил писатель Арисима Такэо. Возможно, Арисима в большей степени, нежели остальные участники «Сиракаба», имел возможность смотреть на Мусяноко:дзи объективно, поскольку познакомился с ним позже, встречался с ним редко и вообще менее эмоционально относился к нему, чем Сига, Кисида, Нагаё и др. Арисима высказывал резкую критику в отношении «Новой деревни» и других идей Мусяноко:дзи, сам же был склонен к постоянному внутреннему напряжению, духовной и интеллектуальной собранности. Идейная противоречивость Мусяноко:дзи не могла импонировать Арисима, однако он не мог не заметить его положительных качеств. Арисима говорит о более близком знакомстве с Мусяноко:дзи, который приехал навестить его

во время учебы в Саппоро: «У него не такой характер, как я думал. Он — парниковое растение. Однако в нем есть редкий талант, сила, в которой сочетаются проницательность, эмоция и рациональность» [Нисигаки 1981, с. 2]. Арисима был человеком интеллектуального, рационалистического типа, прошедший строгое, даже спартанское воспитание, крайне требовательный к себе и окружающим. Поэтому естественно, что Мусяноко:дзи оказался более мягким, капризным, менее собранным, чем Арисима мог ожидать. Тем не менее Арисима подчеркивает личное обаяние, умение видеть людей и открытость к эмоциональному познанию мира.

Проницательность позволила Мусяноко:дзи стать для многих представителей литературных кругов человеком, который сыграл важную или даже решающую роль в их творческом становлении, открыл новый путь, направил на верную дорогу. Так, Ватанабэ Кэндзиро:, оказавшемуся в «Новой деревне» в возрасте 19 лет, он подарил гончарную печь, после чего тот стал известным мастером гончарного дела [Ватанабэ 1989, с. 8].

Идеи, предложенные Мусяноко:дзи, несмотря на их простоту и наивность, оказались нужными людям не только молодым. Камэи Кацуитиро: отмечает, что, разочаровавшись в пролетарской литературе и находясь в поисках новых идей, он нашел в произведениях Мусяноко:дзи «возрождение, отсутствие любой дискриминации⁵, пустоту, безграничность» [Тайсё: бунгакуси 1965, с. 210]. Хонда Сю:го признавался, что начал читать произведения Мусяноко:дзи только после войны, но именно тогда он нашел в идее «реализации себя» подспорье, таким образом, в сорокалетнем возрасте его «научил жизни» двадцатилетний Мусяноко:дзи [Тайсё: бунгакуси 1965, с. 212].

Более того, высказывания о «втором рождении» (Кисида Рю:сэй) или указании верного пути могут произвести впечатление, что Мусяноко:дзи — некий пророк, спускающийся свыше и передающий своему окружению тайное откровение. Акутагава Рюноске говорил, что Мусяноко:дзи раздувал «горевший в нас огонь идеализма как огромный ветер и придавал нам силы. Он, как Христос в Эммаусе, явился нам» [Аояги 1943, с. 73]. Таким образом, Акутагава, несмотря на невысокое мнение о литературном творчестве Мусяноко:дзи, срав-

---

⁵ Имеется в виду открытость по отношению к любому читателю, вера в свободу творческого выбора.

нивает его с мессией, с религиозным лидером, то есть подчеркивает, что Мусяноко:дзи относился к разряду людей, которым не нужно убеждать других силой аргументов, он убедителен по неким иррациональным причинам. Санэацу, кстати, интересовался судьбой религиозных лидеров, внимательно изучал личность Будды Шакьямуни и Иисуса Христа и сам отмечал в себе эти качества, утверждая, что у него «талант религиозного лидера» [Мусяноко:дзи 1973, с. 81].

Кем же в реальности был Мусяноко:дзи?

Окруженный уважением и даже поклонением, Мусяноко:дзи, однако, не производил впечатления зазнавшегося человека. Он не был чутким или отзывчивым, кроме того, тем, кто судил о нем только по письменным текстам, он мог казаться эгоистом [Тайсё: бунгакуси 1965, с. 212]. «На бумаге у него мания величия, а в жизни он очень добрый, не гордится, не командует, не кричит на слуганок и других людей, он очень терпелив. У него крепкие нервы», — рассказывал о Мусяноко:дзи его ученик Канэко Ё:бун [Мусяноко:дзи 1973, с. 79].

Мусяноко:дзи был погружен в себя, однако много раз терпел неудачи и ему приходилось бороться с критикой своих начинаний, поэтому вряд ли можно предполагать, что он чрезмерно гордился собой. Кроме того, некоторое чувство неуверенности с самого детства он должен был испытывать в связи со своей внешней непривлекательностью. На его лице с рождения было множество пятен, которые превратились в родинки, вдобавок все лицо было усыпано веснушками. Мать даже предупреждала его брата и сестру, чтобы они при Санэацу не касались темы его лица, а сам Мусяноко:дзи отмечал, что из-за некрасивости лица в средней школе его не замечали популярные ребята, поэтому он мог посвятить время чтению книг [Мусяноко:дзи 1984, с. 11].

В школьные годы Мусяноко:дзи чувствовал себя крайне неуверенно не только из-за внешности, он также был физически слаб и не мог постоять за себя, получал плохие оценки. С течением времени он не стал красивее или сильнее, однако, обретя уважение окружающих и семейное счастье во втором браке, очевидно, стал относиться к своей внешности спокойно и с юмором. Так, он рассказывает о своей первой встрече с Кисида Рю:сэй: «Мне сразу понравился Кисида. У него было такое же лицо, как на автопортретах. То есть не самое приятное на вид лицо. Это у нас общее» [Кисида 1989, с. 2]. Сын Кисида Рю:сэй

Цуруноскэ утверждает, что он много раз перечитывал это высказывание и никак не мог понять, как «дядя Мусяноко:дзи», который так не любит проигрывать, вдруг откровенно заявляет, что их с Кисида объединяет «некрасивое лицо» [Кисида 1989, с. 2].

Однако, по многим свидетельствам современников, Мусяноко:дзи действительно умел смеяться над собой, и его своеобразный юмор, несомненно, привлекал к нему людей, помогал ему «вставать, как неваляшке» [Одзуяма 1989, с. 609] в сложные периоды жизни, оправляться от неудач, таких как несчастная первая любовь или неудача с «Новой деревней». В одной из комических пьес *кё:гэн* о «Новой деревне» Мусяноко:дзи изображает сам себя, неоднократно называя себя «лысым», «мечтателем», «сумасшедшим». Хироцу Кадзуо отмечает, что юмор Мусяноко:дзи настоящий, искренний, добрый, что он завидует Мусяноко:дзи, который может создавать настоящий комический эффект, а не «жалкое чувство веселости, когда хочется отвернуться» [Одзуяма 1989, с. 610].

Образ непривлекательного внешне, но харизматичного лидера воплотился также в главном герое его произведения «Учитель истины». Небольшого роста, физический слабый *Синри сэнсэй* внушал странное ощущение духовной силы» [Мусяноко:дзи 1952, с. 7].

Таким образом, в характере Мусяноко:дзи сочетались простота, детская наивность и способность к глубокому суждению и проницательности. Его называли «простофилей» (по одноименному произведению «Простофиля» (*Омэдэтаки хито*, 1911), наивным идеалистом. С юных лет Мусяноко:дзи, осознавая свою внешнюю непривлекательность и сталкиваясь с различными трудностями, черпал силы из присущего ему наивного оптимизма, твердой веры в свою счастливую звезду. Однако в наибольшей степени популярность Мусяноко:дзи объясняется его природным магнетизмом, позволяющим некоторым даже видеть в его фигуре религиозного лидера, способного направлять ищущих на верный творческий путь или вести за собой. Поэтому можно сделать вывод, что гений Мусяноко:дзи заключался не в способности к художественному творчеству, а в том, что он сумел стать знаковой фигурой для интеллигенции своего поколения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аояги 1943 — Аояги Ютака. Сиракаба-ха бунгаку рон [Литература писателей Сиракаба]. *Тайсе: бунгаку сакка-рон. Киндай нихон бунгаку кэнкю*: [Писатели Тайсё: — исследования современной японской литературы] / под ред. Сато: Харуо и Уно Ко:дзи. Токио: Сё:гакукан, 1943. С. 63–105.

Асада 1989 — Асада Мицуаки. Ко:ун [Везение]. *Мусяноко:дзи Санэацу дзэнсю: гэнпо: (10)* [Приложение к 10 тому полного собрания сочинений Мусяноко:дзи Санэацу]. Токио: Сёгакукан, 1989. С. 7–8.

Ватанабэ 1989 — Ватанабэ Кэндзи:ро:. Мусяноко:дзи сэнсэй-то тайдзан-кама [Учитель Мусяноко:дзи и гончарное искусство Тайдзан]. *Мусяноко:дзи Санэацу дзэнсю: гэнпо: (13)* [Приложение к 13 тому полного собрания сочинений Мусяноко:дзи Санэацу]. Токио: Сёгакукан, 1989. С. 7–8.

Забережная 2015 — Забережная О. А. Индивидуалистическая мысль литературного объединения «Сиракаба-ха»: Мусяноко:дзи Санэацу и Арисима Такэо. *Вестник Бурятского государственного университета. БГУ*. 2015. № 6. С. 135–140.

Кисида 1989 — Кисида Цуруноскэ. Рю:сэй-то Мусяноко:дзи-но дзэй [Знакомство Рю:сэй и Мусяноко:дзи]. *Мусяноко:дзи Санэацу дзэнсю: гэнпо: (12)* [Приложение к 12 тому полного собрания сочинений Мусяноко:дзи Санэацу]. Токио: Сёгакукан, 1989. С. 1–4.

Мацуо 1989 — Мацуо Масамицу. Баннэн-но сэнсэй-то си-но кото [Учитель в поздние годы и о поэзии]. *Мусяноко:дзи Санэацу дзэнсю: гэнпо: (11)* [Приложение к 11 тому полного собрания сочинений Мусяноко:дзи Санэацу]. Токио: Сёгакукан, 1989. С. 6–8.

Мусяноко:дзи 1952 — Мусяноко:дзи Санэацу. *Синри сэнсэй* [Учитель истины]. Токио: Синтё: бунко, 1952.

Мусяноко:дзи 1973 — Мусяноко:дзи Санэацу. Дзико но тамэ оёби соно та ницуйтэ [О жизни для своего эго и о прочем]. *Сёки сиракаба-ха бунгаку сю*: [Ранние произведения писателей «Сиракаба»]. *Полное собрание литературы Мэйдзи*. Т. 76. Токио: Тикума сёбо:, 1973.

Мусяноко:дзи 1984 — Мусяноко:дзи Санэацу. *Нихон бунгаку арубаму (10)* [Мусяноко:дзи Санэацу. Альбом японской литературы, № 10]. / под ред. Имаи Нобуо. Токио: Синтё:ся, 1984.

Мусяноко:дзи 1989 — Мусяноко:дзи Санэацу. *Мусяноко:дзи Санэацу дзэнсю*: [Полное собрание Мусяноко:дзи Санэацу]. В 18 тт. Т. 15. Токио: Сёгакукан, 1989.

Нисигаки 1981 — Нисигаки Цутому. *Сиракаба-ха сакка рон* [Писатели «Сиракаба»]. Токио: Ю:сэйдо:, 1981.

Нисигаки 1990 — Нисигаки Цутому. *Сосэки-то Сиракаба-ха* [Нацумэ Сосэки и группа «Сиракаба»]. Токио: Ю:сэйдо:, 1990.

Одзюяма 1989 — Одзюяма Кунио. Кайсэцу [Комментарий]. *Мусяноко:дзи Санэцу дзэнсю*: [Полное собрание сочинений]. В 18 т. Т. 14. Токио: Сё:гакукан, 1989. С. 608–620.

Сига 1983 — Сига Наоя. *Сига Наоя дзэнсю*: [Полное собрание Сига Наоя]. В 15 тт. Т. 7. Токио: Иванами сётэн, 1983.

Тайсё: бунгакуси 1965 — Тайсё: бунгакуси (дзаданкай) [История литературы эпохи Тайсё (литературные встречи)] / под ред. Янагида Идзуми, Кацумото Сэйитиро:, Ино Кэндзи. Токио: Иванами сётэн, 1965.

Танака 1989 — Танака Эйити. Нагаё Ёсиро: ни окэру Мусяноко:дзи Санэцу-но ими [Значение Мусяноко:дзи Санэцу в творчестве Нагаё Ёсиро:]. *Мусяноко:дзи Санэцу дзэнсю: гэнпо: (10)* [Приложение к 10 тому полного собрания сочинений Мусяноко:дзи Санэцу]. Токио: Сё:гакукан, 1989. С. 1–5.

Уэда 1988 — Уэда Кэйноскэ. Хю:га-но мур-но омоидэ [Воспоминания о деревне в Хю:га]. *Мусяноко:дзи Санэцу дзэнсю: гэнпо: (4)* [Приложение к 4 тому полного собрания сочинений Мусяноко:дзи Санэцу]. Токио: Сё:гакукан, 1988. С. 5–8.

Хонда 1968 — Хонда Сю:го. *Сиракаба-ха но сакка то сакухин* [Авторы и произведения «Сиракаба»]. Токио: Мирайся, 1968.

Ясуи 1989 — Ясуи Томихико. *Васурэрэрэннай котоба* [Незабываемые слова] *Мусяноко:дзи Санэцу дзэнсю: гэнпо: (12)* [Приложение к 12 тому полного собрания сочинений Мусяноко:дзи Санэцу]. Токио: Сё:гакукан, 1989. С. 6–8.

Keene 1998 — Keene Donald. *Dawn to the West: Japanese Literature in the Modern Era*. New York: Columbia University Press, 1998.

REFERENCES

Aoyagi, Y. (1943). Shirakaba-ha Bungakuron [Literature of the Shirakaba School Writers]. In Satō, H. & Uno, K. (Eds), *Tayshō bungaku sakka ron. Kindai nihon bungaku kenkyū* [The Writers of Taishō, Studies of Japanese Literature] (pp. 63–105). Shōgakukan. (In Japanese).

Asada, M. (1989). Kōun [Luck]. *MS Zenshū Geppō (10)* [Booklet in Mushanokōji Saneatsu Complete Works. Vol. 10] (Pp. 7-8). Shōgakukan. (In Japanese).

Honda, S. (1968). *Shirakaba-ha no Sakka to Sakuhin* [The Writers and Works of Shirakaba]. Miraisha. (In Japanese)

Imai, N. (Ed.) (1984). *Mushanokōji Saneatsu Nihonbungaku Arubamu* [The Japanese Literature Albums of Mushanokōji Saneatsu] (Book series No. 10). Shinchōsha. (In Japanese).

Keene, D. (1998). *Dawn to the West: Japanese Literature in the Modern Era*. Columbia University Press.

Kishida, T. (1989). Ryūsei to Mushanokōji no Deai [How Ryūsei Met Mushanokōji]. *MS Zenshū Geppō (12)* [Booklet in Mushanokōji Saneatsu Complete Works, Vol. 12]. (pp. 1-4). Shōgakukan. (In Japanese).

Matsuo, M. (1989). Bannen no Sensei to Shi no koto [Sensei of His Late Years and Poetry]. *MS Zenshū Geppō (11)* [Booklet in Mushanokōji Saneatsu Complete Works, Vol. 11]. (Pp. 6-8). Shōgakukan. (In Japanese).

Mushanokōji, S. (1952). *Shinri Sensei* [The Teacher of Truth]. Shinchō Bunko. (In Japanese).

Mushanokōji, S. (1973). Jiko no tame oyobi sono ta nitsuite [About the Ego and Other Things]. In *Shoki Shirakaba no bungakushū* [Early Shirakaba Writings], *Meiji Literature Complete Works* (Vol. 76). Chikuma Shobō. (In Japanese).

Mushanokōji, S. (1989). *Zenshū* [Complete Works. Vols. 1-18]. (Vol. 15). Shōgakukan. (In Japanese).

Nishigaki, T. (1981). *Shirakaba-ha no Sakkaron* [The Writers of Shirakaba]. Yūseidō. (In Japanese).

Nishigaki, T. (1990). *Sōseki to Shirakaba-ha* [Natsume Soseki and the Shirakaba Group]. Yūseidō. (In Japanese).

Ozuyama, K. (1989). Kaisetsu [Commentaries]. In *Mushanokōji Saneatsu. Zenshu* [Complete Works] (Vol. 14, pp. 608–620). Shōgakukan. (In Japanese).

Shiga, N. (1983). *Shiga Naoya zenshu* [Shiga Naoya Complete Works. Vols. 1-15] (Vol. 7). Iwanami Shoten. (In Japanese).

Shiga, N. (1983). *Shiga Naoya zenshu* [Shiga Naoya Complete Works. Vols. 1-15]. (Vol. 8). Iwanami Shoten. (In Japanese).

Tanaka, E. (1989). Nagayo Yoshirō ni okeru Mushanokōji Saneatsu no Imi [The Meaning of Mushanokōji Saneatsu for Nagayo Yoshirō]. *MS Zenshū Geppō (10)* [Booklet in Mushanokōji Saneatsu Complete Works, Vol. 10] (pp. 1–5). Shōgakukan. (In Japanese).

Ueda, K. (1988). Hyūga no mura no omoide [The Memories of the Hyūga Village]. *MS Zenshū Geppō (4)* [Booklet in Mushanokōji Saneatsu Complete Works, Vol. 4]. (pp. 5–8). Shōgakukan. (In Japanese).

Watanabe, K. (1989). Mushanokōji Sensei to Taizan-kama [Mr. Mushanokōji and Taizan Pottery]. *MS Zenshū Geppō (13)* [Booklet in Mushanokōji Saneatsu Complete Works, Vol. 13]. (pp. 7–8). Shōgakukan. (In Japanese).

Yanagida, I., Katsumoto, S. & Kenji, I. (Eds) (1965). *Taishō bungaku-shi (zadankai)* [The Literary History of Taishō era]. Iwanami Shoten. (In Japanese).

Yasui, T. (1989). Wasurerarenai Kotoba [Unforgettable Words]. *MS Zenshū Geppō (12)* [Booklet in Mushanokōji Saneatsu Complete Works, Vol. 12]. (pp. 6–8). Shōgakukan. (In Japanese).

Zaberezhnaia, O. (2015). Individualisticheskaya mysl' literaturnogo ob'yedineniya Shirakaba: Musyanokoji Saneatsu i Arisima Takeo [The Individualistic Thought of the Shirakaba Group: Mushanokōji Saneatsu and Arishima Takeo]. *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 6, 135–140. (In Russian).

Шаляпин и российская музыкальная культура в Японии (20–30-е годы XX века)

К. О. Саркисов

Аннотация. В начале 2021 г. можно будет отметить своеобразный юбилей знаменательного события в истории российско-японских культурных связей: 85 лет назад, в феврале и мае 1936 г., в Токио, Нагоя и Осака с триумфом прошли гастроли великого русского баса Федора Шаляпина. С тех пор как Япония после антифеодальной революции открылась миру и в страну хлынул поток зарубежной культуры, прошло чуть более полувека. За эти годы в процессе «европеизации» проявилось не только тяготение японского общества к западной культуре, но и его тонкий вкус и глубокое понимание этой культуры.

Сольные концерты «короля вокала», как именовали Шаляпина в японской прессе тех лет, в первую очередь были событием европейского оперного искусства. При этом репертуар прославленного певца более чем наполовину состоял из арий, песен и романсов русских композиторов. В его проникновенном исполнении звучали Глинка, Мусоргский, Рахманинов, Римский-Корсаков, Антон Рубинштейн, Чайковский, Бородин. Грандиозный успех певца у японской публики демонстрировал ее способность к органичному восприятию лучших образцов вокального искусства, несмотря на национальные особенности; ее эмоциональную реакцию на общечеловеческие культурно-психологические ценности, драматические и трагические коллизии, юмор характеров и ситуаций, а главное, способность к адекватной оценке уровня исполнительского мастерства и совершенства.

В статье упоминается реакция в Японии на гастроли мастеров русского музыкального искусства других жанров. В их оценке японская пресса не скупилась на эпитеты. Среди них прежде всего ученики профессора Петербургской консерватории Леопольда Ауэра — Яша Хейфец, Ефрем Цимба-

лист и Миша Эльман. Статья дает представление о заметном вкладе России в становление европейской музыкальной культуры в Японии в 20–30-е гг. XX в. Особую роль в этом сыграла русская интеллигенция из белой эмиграции, в частности те ее представители, которые осели в Харбине — некогда столице Китайско-Восточной железной дороги с преобладающим населением из русских эмигрантов, — который вошел в состав японского марионеточного государства Маньчжоу-Го. Японские музыканты и исполнители посещали Харбин, чтобы услышать игру российских музыкантов из местного симфонического оркестра. Гастроли этого коллектива проходили и в Японии.

Ключевые слова: европейская музыкальная культура, вокальное и драматическое мастерство, скрипачи российской школы, Харбин.

Автор: Саркисов Константин Оганесович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12;

ORCID: 0000-0002-6398-0785.

E-mail: sarkisovko@yahoo.com

Chaliapin and Russian Musical Culture in Japan (20–30s of 20th century)

K. O. Sarkisov

Abstract. In the history of Russian-Japanese cultural ties, there will be a kind of anniversary at the beginning of 2021: 85 years ago, in February and May 1936, a great Russian bass singer Fyodor Chaliapin was on tour in Tokyo, Nagoya, and Osaka with unprecedented triumph. A little more than half a century had passed since Japan opened up to the world and to the flow of foreign culture after the Meiji revolution. Over the years, in the process of “Europeanization”, Japanese society revealed not only a gravitation towards Western culture, but also a deep understanding of it and a delicate taste.

The performances of the “king of vocal”, as Chaliapin was called in the Japanese press of those years, were primarily an event of European opera traditions. However, more than a half of the repertoire of the famous singer consisted of arias, songs, and romances by Russian composers. Glinka, Mussorgsky, Rachmaninov, Rimsky-Korsakov, Anton Rubinstein, Tchaikovsky, Borodin were performed in Chaliapin’s original interpretation. The singer’s tremendous success among the

Japanese public illustrated the capability of the Japanese audience to organically perceive the best examples of vocal art, an emotional reaction to universal cultural and psychological values, dramatic and tragic collisions, humor of characters and situations, despite all national distinctiveness, and most importantly — an aptitude to give an adequate assessment of performing skill and excellence.

The article mentions the reaction in Japan to the tour of the masters of Russian musical art of other genres. In assessing the performances of Russian violinists and pianists, the Japanese media was generous with eulogy. Among them, first of all, were the students of the St. Petersburg Conservatory professor Leopold Auer — Yasha Kheifets, Efrem Zimbalist, and Misha Elman. The article gives an idea of the significant contribution of Russia to the formation of European musical culture in Japan in the 1920s and 1930s. A special role in European musical culture in Japan at that time was played by the Russian intelligentsia from the “white emigration”, in particular, in Harbin, once the capital of the Chinese Eastern Railway with a predominant population of Russian emigrants, which became a city of the Japanese puppet state of Manchukuo. Japanese musicians and performers visited Harbin to hear the Russian musicians from the local symphony orchestra play. This group also toured Japan.

Keywords: European musical culture, vocal and dramatic skills, violinists of the Russian school, Harbin.

Author: *Sarkisov Konstantin O.*, PhD (History), Leading researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Russia, 107031 Moscow, Rozhdestvenka Street 12
ORCID: 0000-0002-6398-0785.

E-mail: sarkisovko@yahoo.com.

В январе 2021 г. исполняется 85 лет со дня первых и последних гастролей в Японии Федора Ивановича Шаляпина. В становлении европейской музыкальной культуры, *ёгаку* (洋楽), в Японии выступления «короля вокала», *сэйгаку* (声楽王), занимают особое место.

Гастроли эти проходили с перерывами в январе — феврале и в мае 1936 г. и освещались в основном газетами. Книги или серьезные публикации на эту тему отсутствуют. Исключение составляет замечательная книга журналиста Н. И. Горбунова «Федор Шаляпин в Японии и Китае», появившаяся на свет в 2002 г. Переизданная в 2016 г. под названием «Жорж де Годзинский: С Шаляпиным полгода и всю жизнь», она фактически является мемуарами аккомпаниатора певца, сопровождавшего его в поездке [Лебедева 2017]. В этом смысле книга бесценна для исследователя, и этим можно объяснить ее частое цитирование в статье, основу которой, однако, составляют японские

публикации в газетах, журналах и книгах. Они делают более полной картину триумфа русского артиста и восприятия его искусства и мастерства в Японии. Кроме того, шаляпинская тема расширена за счет упоминаний о гастролях других выдающихся музыкантов, включая пианистов и скрипачей — выходцев из Российской империи.

Западная музыкальная культура в Японии

Активное проникновение европейской музыкальной культуры в Японию в широких масштабах началось после ее открытия миру в 60-е гг. XIX в. В отличие от христианства, которое в эти годы стало возможным проповедовать, европейская музыка не встречала глухого сопротивления, а тем более отторжения.

Первое появление европейской музыки в Японии относят к выступлению в Токио 12 августа 1870 г. (по старому лунно-солнечному календарю¹) с европейским репертуаром военного оркестра армии клана Сацума, который вместе с другими всего лишь два года назад (в мае 1868 г.) здесь же, в районе Уэно, сломил сопротивление сёгунских войск, захватил в плен и посадил под домашний арест последнего сёгуна Токугава Ёсинобу [Масуи 1984].

С военным оркестром связана и история создания европейцем японского национального гимна *Кими-га ё* [Кими га ё сирё: сю:сэй 1991]. Гимн, написанный в 1870 г. Джоном Фентоном (John William Fenton) просуществовал до 1877 г. Британец шотландско-ирландского происхождения был капельмейстером военного оркестра при охранном батальоне консульства Британии в Иокогаме. Во время визита принца Альфреда, герцога Эдинбургского в августе 1869 г., первого посещения мэйджийской Японии коронованной особой, Фентон обратил внимание, что у Японии нет гимна — неперменного атрибута государственности. Он предложил свои услуги. Фентон старался следовать правилам восточной пентатоники, и все же по тональности гимн походил на европейские образцы, а по ритмике отдаленно напоминал британский гимн «Боже, храни Короля/Королеву»². Но тогда это японцев не смущало, так как его исполняли в основном военные оркестры кланов Сацума, Тёсю и Тоса в торжественных случаях, при

---

¹ На григорианский календарь Япония перешла 1 января 1873 г.

² Первую версию гимна можно услышать, перейдя по ссылке: <https://www.youtube.com/watch?v=01tQ2zU6eXY>.

приезде императора. В 1877 г. музыкальный отдел (отдел музыки *gaгаку*) министерства двора выступил с инициативой об исправлении музыки гимна. Он не только звучал слишком по-европейски, но и японские слова не полностью согласовывались с тональностью и ритмикой: Фентон не владел японским языком и ему не удалось полностью согласовать музыку со словами. Однако в группе композиторов, которым была поручена эта работа, главную роль снова играл европеец — австриец Франц фон Эккерт (Franz von Eckert) [Bernd 1995]. Эккерт, которому иногда приписывают авторство и второй — последней — версии гимна, на самом деле сделал его аранжировку под европейские инструменты. Изменения коснулись прежде всего введения элементов музыки *gaгаку*. Это переход от пентатонического, или пятиступенчатого, звукоряда к шестиступенчатому в духе *gaгаку*. Коснулось это и частоты стандартного звука (нота «ля» первой октавы). В Европе она равнялась 440 Hz, и в конце 1930-х гг. это было принято за международный стандарт, а в *gaгаку* — 430 Hz. [Гагаку минидзитэн 2020].

В начале 1878 г. японские газеты фиксируют исполнение европейской музыки наряду с *gaгаку* во время традиционных «пятничных ужинов» императора с министрами и советниками [Иомиури 1878b]. В апреле 1878 г. европейская музыка зазвучала и на территории императорского дворца в Киото в сводах Малого дворца³. Было это на банкете с участием членов семьи японского монарха, министров, советников, глав префектур — всего около 80 персон [Иомиури симбун 1878a]. И наконец, в императорском дворце в Токио гастролировавший по всему миру известный австрийский виртуоз-флейтист, дирижер и композитор Адольф Тершак 2 августа 1880 г. давал концерт специально для японского монарха и его супруги.

Несколько месяцами ранее, в феврале 1880 г., американец Лютер Мэйсон (Luther Mason), прибывший в Японию, заключив контракт с министерством образования, занялся обучением японцев азам европейской музыки — он составлял популярные учебники с пояснениями тонов, ключей, интервалов, нотного стана и других элементов начального музыкального образования. Его рекомендовал своему куратору в министерстве образования один из учеников Мэйсона

---

³ В это дворец в феодальную эпоху сёгун останавливался на отдых и для переодевания, перед тем как быть принятым императором.

Исава Синдзи, находившийся на стажировке в США. По возвращении из Соединенных Штатов Исава Синдзи стал ректором Токийского педагогического института (ныне университет Цукуба), а в 1879 г. по поручению того же министерства возглавил Институт музыки (音楽取調掛, *Онгаку тори сирабэгакари*). В этом учреждении Исава в соавторстве с Мэйсоном издавал учебники по музыке и сборники песен с нотами для японских средних школ [Хасэгава 1971].

Еще долгое время европейская музыка использовалась лишь в общеобразовательных целях и была уделом элиты [Акияма 1966]. Настоящее распространение европейской музыки в Японии началось усилиями многочисленных частных музыкальных школ и исполнительских коллективов. Их «колыбелью» (日本に於ける洋楽窓本山) стала созданная в 1887 г. указом императора Токийская музыкальная школа (*То:кё: онгаку гакко:*) [Хориути 1988]. Первым ее ректором стал Исава Синдзи. В ней, первой японской консерватории, прообразе нынешнего государственного Токийского университета искусств (*Токё: гакугэй дайгаку*) одним из преподавателей по классу фортепиано и истории музыки был русский немец Рафаэль фон Кёбер, родившийся в 1848 г. в Нижнем Новгороде в семье врача⁴.

Но, каким бы совершенным ни было образование и обучение, оно не могло заменить прямого соприкосновения с высшими образцами музыки. Для европейских музыкантов гастроли в Японии становятся материально привлекательными с ростом ее среднего класса и благосостояния населения.

Залы, которых еще не так много, стали наполняться зрителями. Япония попадает в поле зрения международных импресарио. Ведущие газеты страны становятся спонсорами выступлений иностранных мастеров.

Пресса много пишет о зарубежных талантах и громких именах. В ней появляются музыкальные обзоры и критические статьи аналитического характера.

---

⁴ Кёбер также читал лекции по античной и европейской философии на филологическом факультете Токийского государственного университета. Он прожил в Японии 30 лет, после революции в России 1917 г. не мог вернуться на родину и умер в июне 1923 г. в одной из квартир старого Российского императорского консульства в Иокогаме [Саркисов 2019, с. 195–196].

Японская пресса о Шаляпине

Взошедшая в первые годы XX столетия звезда Шаляпина некоторое время оставалась вне поля зрения японской музыкальной общественности. Незамеченным оказался его шумный и несколько скандальный успех в 1907–1908 гг. в США. Хвалебные отзывы о его исполнении арии Мефистофеля из одноименной оперы итальянского композитора Арриго Бойто, партий Дона Базилио в «Севильском цирюльнике» и Лепорелло в «Дон Жуане» перемежались с едкой критикой его необычной трактовки сценических образов с добавлением в их традиционную интерпретацию актерских приемов, публиковались и упреки самого певца в «бездуховности» и «неблагодарности» в адрес американских критиков и публики [New York Times 1907; New York Times 1908].

В японской прессе имя Шаляпина впервые появилось в мае 1914 г., но речь шла не о его мастерстве, а об огромных доходах. В списке самых высокооплачиваемых деятелей искусств он на втором месте в мире после Энрико Карузо. Годовой заработок итальянского тенора равнялся 5000 иен, а доход русского баса — 4000 иен (на сегодняшний день 11,4 млн иен) [Иомиури симбун 1914b]. С началом Первой мировой войны Шаляпина и Максима Горького называют наиболее яркими представителями культуры «России военного времени». Рядом с заметкой — знаменитый портрет двух близких друзей [Иомиури симбун 1914a]. В 1916 г. он вместе с Антониной Неждановой упоминается в обзоре празднования Нового года в Москве [Асахи симбун 1916]. Газеты пишут о гастролях в Петрограде московского Оперного театра Зимина с оперой «Борис Годунов» с Шаляпиным в главной роли и ответных гастролях труппы Мариинского театра с участием Леонида Собинова и Лидии Липковской [Асахи симбун 1916].

В смутные революционные годы портрет Шаляпина внезапно публикуют в черной рамке. Газеты сообщают о его «убийстве». Его оплакивают как «самого выдающегося во всем мире “высокого баса”, погибшего от “злодейских рук” [Асахи симбун 1918]. Сочувственная тональность прессы соответствовала времени: в августе 1918 г. для борьбы с «экстремистами», под которыми подразумевались большевики, в Сибири началась японская интервенция. Краткое опровержение слуха о гибели артиста появилось только 6 февраля 1921 г. [Асахи симбун 1921]

Позднее появляются слухи о возможном приезде Шаляпина в Японию. В октябре 1924 г. певец отправился в длительное турне по странам мира, и был шанс в мае 1925 г. увидеть его и в Японии. Газета, сообщавшая об этом, отмечала особое отношение к певцу советской власти. Он имел право на свободный выезд и въезд в страну. В то время как многие бедствовали, артист жил в привилегированных условиях [Июмиури симбун 1924]. Тогда еще не было известно, что «первый Народный артист Советской республики» распрощался с ней навсегда⁵. Позже тема «певца, покинувшего Родину» время от времени возникала в японской прессе.

В 1924 и 1925 гг. имя Шаляпина появляется в годовых музыкальных обзорах японской печати. Авторы упрекали японских любителей музыки в привередливости: подавай, мол, им самого Шаляпина! Недостатка в гастрольях зарубежных пианистов, скрипачей и певцов в токийских сезонах не было. Однако публика жаждала видеть самых выдающихся из них, таких как Федор Шаляпин или, к примеру, пианист Ян Падеревский, который после неудачной карьеры на политическом поприще в 1922 году вернулся к концертной деятельности [Асахи симбун 1925].

В следующем сезоне первоклассные артисты появились. Они не были вокалистами, но имели прямое отношение к России [Савада 2007]. Это Ефрем Цимбалист и Яша Хейфец — ученики Леопольда Ауэра, профессора по классу скрипки Санкт-Петербургской консерватории, сменившего на этом посту Генрика Венявского. Мелькает имя и выдающегося пианиста Артура Рубинштейна. Он был родом из Лодзи, города в Польше, входившей тогда в состав Российской империи, и духовно был тесно связан с Петербургской консерваторией.

На фоне солидной репутации Ефрема Цимбалиста особым блеском засияло имя Яши Хейфеца. За 21-летним музыкантом прочно закрепилась слава «молодого гениального скрипача» (若き提琴の鬼才). Его гастрольи, намеченные на осень 1923 года, должны были пройти в рамках большого турне по Дальнему Востоку. В Ванкувере, откуда тихоокеанский лайнер «Императрица России» отплывал в Шанхай,

---

⁵ О времени, когда Шаляпин «дружил» с советской властью, вспоминал основатель японской компартии, член Коминтерна Катаяма Сэн: «В Москве на оперной сцене появилась элегантная фигура и всемирно известный певец пел соло “Интернационал”, густой насыщенный голос звучал то громко, то тихо, то спокойно, то сильно» [Кисимото, Ватанабэ, Кояма 1959, с. 189].

Хейфец узнал о страшном землетрясении, постигшем 1 сентября 1923 г. Японию. 140 тысяч погибших, лежащие в дымящихся руинах Токио, Иокогама и другие города долины Канто... 18 сентября корабль сделал остановку в Кобэ — регион Кансай не был затронут землетрясением. Затем Хейфец посетил Шанхай, где были запланированы выступления, после которых предстояли гастролы на Филиппинах и в Маньчжурии (в Харбине). Обратный путь из Шанхая в Ванкувер лежал через Японию, и Хейфец предложил выступить там с благотворительными концертами для помощи пострадавшим от катастрофы. 10 ноября, спустя всего лишь 40 дней после землетрясения, в не залечившем еще раны Токио, в переполненном театре отеля «Тэйкоку», Яша Хейфец начал концерт с «Чаканы» Баха [Асахи симбун 1923].

Гастролы скрипача организовал некто Авсей Давидович Строк, который спустя чуть более десяти лет организует и гастролы Шаляпина. Строк был родом из Динабурга (Даугавпилс) тогда Витебской области (ныне Латвия), откуда, по одной из версий, была родом первая русская императрица Екатерина I (Марта Скавронская). Русский язык был для него родным. Он был старшим из многочисленных детей в семье, а самый младший — Оскар Строк — стал впоследствии известным латвийским и советским композитором, прославленным «королем танго», автором большого числа знаменитых композиций, включая «Черные глаза» («Ах эти черные глаза, меня пленили...»). После эмиграции в Америку Авсей Строк стал антрепренером, открыл контору в Токио. Благодаря его хлопотам, конечно не бескорыстным, в Японии состоялись гастролы всех знаменитых артистов — выходцев из бывшей Российской империи, эмигрировавших в США, включая Сергея Прокофьева, Мишу Эльмана, Ефрема Цимбалиста.

Жажде японцев лицезреть и слышать «первых из первых» отвечали гастролы другого выдающегося баса России — Александра Ильича Мозжухина. Как и Шаляпин, он работал в Опере Зимина в Москве и пользовался привилегией свободного выезда за пределы страны. Мозжухин позднее тоже навсегда покинет Советскую Россию, а пока, после турне по Америке в 1923–1924 гг., он гастролировал по Японии. Из прессы можно было узнать, что 21 августа 1924 г. на его сольном концерте в концертном зале Хибия (*Хибия кокайдо*) в одноименном парке в центре японской столицы, в огромном помещении, вмещавшем несколько тысяч слушателей, в строгой тишине звучала ария Сусанина: «*Ты взойдешь, моя заря! Над миром свет*

прольешь... Господь, в нужде моей. Ты не оставь меня!» Японцы, только приходившие в себя от катастрофы 1 сентября 1923 г., слушали полные печали слова, очарованные прозрачным тембром мозжухинского баса. В примерной певец делился своими впечатлениями: «Я не знал, что японская публика так образованна» [Асахи симбун 1924]. Аккомпанировала басу его жена Клео (Клеопатра) Андреевна Карини — сама оперная певица, исполнявшая партии Ксении в «Борисе Годунове», Ольги в «Русалке», Розины в «Севильском цирюльнике» и Маргариты в «Фаусте». Под одобрительные аплодисменты она исполнила на японском языке одну из песен сборника *Тё:гэцусю*: («Ясная луна») (澄月集) японского композитора Ямада Косаку — того, кто через три года напишет знаменитую детскую песню *Акатомбо*, ставшую классической и популярной по сей день. Присутствовавший на всех выступлениях Ямада делился своими впечатлениями: «В России Мозжухина ставят в один ряд с Шаляпиным, но между ними есть разница — у последнего в исполнении преобладают чувства, у первого — интеллект», — говорил он [Асахи симбун 1924].

Успех Мозжухина был очевиден. Япония, тем не менее, ждала самого Шаляпина. Но в мае 1930 г. внезапно появилось сообщение о его болезни: у певца нашли воспаление гланд, и американские врачи провели операцию. По слухам, она якобы была неудачной и будущее певца оказалось под вопросом — теперь он не мог не только петь, но и разговаривать [Иомиури симбун 1930].

Однако уже в июле следующего 1931 г. становится известно, что голосовые связки Шаляпина в полном порядке. В Лондоне на открытии Русского театрального сезона в роли Мельника из «Русалки» Даргомыжского голос Шаляпина звучал великолепно не только с точки зрения вокала, но и артистично, раскрывая характер героя: *«Вот, то-то все вы, девки молодые, Посмотришь, мало толку в вас / Упрямы вы, и все одно и то же / Твердить вам надобно сто раз»* [Иомиури симбун 1931a].

В этом же году имя Шаляпина поднимает до небес во время очередных гастролей Яша Хейфец. Японские поклонники знаменитого виртуоза из интервью узнали о его вкусах: «Из литературы обожаемый писатель Тургенев. Его “Первую любовь” он может читать без конца». Что касается музыкального искусства, то он «фанат великого Шаляпина» (大のチャリアピン狂). «Я не знаю другого человека, который обладал бы такой притягательной силой, как Шаляпин», —

говорил Яша Хейфец. «И такого сердцеда», — добавляла его красивая жена, известная американская актриса Флоренс Видор, снявшаяся почти в 60 картинах немого кино и оставившая карьеру ради мужа [Июмиури симбун 1931b].

Настало время, когда русский бас решил попробовать себя в кино. Японская пресса сообщала о главной новости кинематографического сезона — съемках английской кинокомпанией Film Traders Ltd. фильма «Дон Кихот» с Шаляпиным в главной роли⁶. Местом действия поначалу была выбрана французская Ривьера, где в это время оказался Чарли Чаплин, собиравшийся посетить Японию. Позднее в интервью японской газете он делился воспоминаниями: в Японию он приехал 14 мая 1932 г., за два дня до попытки военного переворота в стране и убийства премьер-министра Инукаи, и ходили слухи, что мятежники для еще большего международного резонанса намеревались убить и его. Перед поездкой Чаплин отдыхал на Ривьере и по случаю ознакомился со сценарием «Дон Кихота». По словам знаменитого актера, он убеждал Шаляпина взяться за исполнение роли идадьго. Чаплин был уверен, что «выдающийся певец Шаляпин и как актер вполне способен раскрыть необычайную индивидуальность своего героя» [Асахи симбун 1932].

В одной из статей, вошедших в его полное собрание сочинений, упоминавшийся Ямада Косаку, отмечая выдающиеся актерские способности Шаляпина, называл его «поющим актером» (*утау хайю*.) [Ямада 2001]. В рецензии на «Дон Кихота» он же, восхищаясь редким сочетанием талантов певца и актера, горестно заключал: «Сколько раз Карузо обещал приехать в Японию, но неожиданно скончался. Шаляпину в следующем году будет 62. Неужели фильм “Дон Кихот” — это первый и последний случай, когда мы можем увидеть и услышать его?» [Ямада 1934].

Как бы отвечая на этот вопрос, Шаляпин в сентябре 1935 г. решает посетить Дальний Восток и договаривается о своих гастролях в Японии. «В сентябре 1935 года Федор Иванович гостил у С. В. Рахманинова на его вилле Сенар в Швейцарии, затем посетил Зальцбург в Австрии. В этом австрийском городке произошла встреча Ф. И. Шаляпина с проживавшим в Японии импресарио Авсеем Строком, которая имела весьма положительный результат» [Горбунов 2002].

---

⁶ <https://www.youtube.com/watch?v=n0fN52eNkVY>

В организации шаляпинского турне проявился весь талант Строка. Он, конечно же, знал о близкой дружбе двух замечательных русских артистов. Об этом было хорошо известно в музыкальном мире. В автобиографической «Маске и душе» Шаляпин часто упоминает о «Серее Рахманинове», в том числе: «К первым и трогательным воспоминаниям о юной дружбе московских дней относится встреча с Сергеем Рахманиновым <...> Когда Рахманинов сидит за фортепиано и аккомпанирует, то приходится говорить: “Не я пою, а мы поем”» [Шаляпин 1932].

Когда Шаляпин покидал гостеприимную виллу своего друга на берегу Фирвальдштетского озера в Центральной Швейцарии, Строк «караулил» его в соседней Австрии, в Зальцбурге, чтобы оговорить условия контракта. Они не вызвали больших вопросов. Импресарио согласился, что в поездке Шаляпина будут сопровождать жена⁷ и их дочь Дася. Не преминул Строк напомнить о личном знакомстве с артистом в далеком прошлом. Шаляпин вспоминал: «Распоряжаться моими концертами и заведовать организаторской частью будет А. Строк <...> Говорил он мне, что знаком со мной еще с 1891 года, когда я выступал в малороссийской труппе. Я этого не помню. Я пел, а он в оркестре чуть ли не на барабане играл» [Горбунов 2002]. О соглашении в Зальцбурге первой узнала газета «Асахи», которая станет спонсором гастролей певца. Сообщая со слов Строка о предстоящих концертах в Японии, она не жалеет эпитетов в адрес знаменитого певца: «В январе следующего года в Японию приедет бог вокала великий Шаляпин, восседающий на троне мирового певческого искусства» (世界声楽壇に王座を占める楽聖大シャリアピン) [Асахи симбун 1935].

Те же эпитеты в статье японского русиста и переводчика Нобори Сёму, представлявшего Шаляпина японской публике: «В начале XX века на мировых оперных сценах блистали бас Шаляпин и тенор Карузо. После смерти итальянского певца в 1921 г. на олимпе оперного искусства остался один Шаляпин». Чтобы усилить впечатление, газета рядом со статьей поместила замечательный портрет молодого певца работы Валентина Серова. Выполненная углем, четкими экспрессивными линиями фигура в полуобороте передавала не только физическую мощь, но и выразительность творческой натуры

---

⁷ Вторая жена Шаляпина Мария Валентиновна Петцольд.

[Нобори 1936]. Через несколько дней был опубликован и перечень песен и арий, которые японской публике предстояло услышать. При этом оговаривалось, что Шаляпин обычно не придерживается заранее объявленной программы, а меняет свой репертуар в зависимости от душевного настроя [Асахи симбун 1936f].

В его репертуаре «Ночной смотр» и «Сомнение» Глинки, «Лебедь» Грига, «Дон Жуан» (ария Лепорелло) Моцарта, «Песня Мефистофеля о блохе» и «Трепак» Мусоргского, «Судьба» Рахманинова, «Пророк» Римского-Корсакова, «Персидская песня» Антона Рубинштейна, «Ночь» Чайковского, «Ноктюрн» и «Смерть и девушка» Шуберта, «Два гренадера» Шумана, «Стенька Разин» в аранжировке Каратыгина, «Эй, ухнем!» в аранжировке Кёнемана, ария князя Галицкого из «Князя Игоря» Бородина, монолог Пимена, ария Бориса «Достиг я высшей власти», монолог «Так, совесть лютая, как тяжко ты караешь» из «Бориса Годунова» Мусоргского. И несколько десятков других произведений [Асахи симбун 1936f]. Среди них романсы «Ходит смерть вокруг меня» Сахновского, «Листья шумели уныло» и «Рак» Мусоргского, ария Кончака из оперы «Князь Игорь» Бородина, «Она хохотала» Лишина, «Титулярный советник» Даргомыжского, романс «Смерть» Чайковского.

Судя по всему, Шаляпин без особого энтузиазма собирался в Японию. «Вечный скиталец», в одном из писем своей дочери от первого брака Ирине он признавался: «Вот уже несколько дней снова дома, к сожалению, послезавтра опять еду, и на этот раз очень далеко — в Китай и Японию. Буду назад в Париже не ранее конца мая месяца... Признаться, я так устал от путешествий, что и Япония, и Китай как-то не вызывают во мне интереса. Еду, потому что надо пополнить к 46-му году моих скитаний недостающие для комплекта места на глобусе. После этой поездки смогу сказать — да! объехал весь мир!» [Горбунов 2002].

Гастроли Шаляпина в Японии в 1935-1936 гг.

21 декабря 1935 г. однотрубный теплоход водоизмещением 10,4 тыс. тонн «Хаконэ-мару»⁸ японской компании «Ниппон юсэн» с Шаляпиным, его женой, дочерью и тремя спутниками на борту

---

⁸ В ноябре 1943 г. по пути из Тайваня в Японию потоплен американской авиацией.

отплыл из Марселя. Спустя почти месяц, 20 января 1936 г., «Хаконэ-мару» прибыл в Шанхай. В Шанхае в интервью «Асахи» Шаляпин помимо приветственных фраз упоминал о своем увлечении рыбалкой, а Мария Валентиновна говорила, что ей не терпится увидеть Японию в цветущей сакуре [Асахи симбун 1936а].

После грандиозной встречи в Шанхае, устроенной многочисленной русской эмиграцией, «Хаконэ-мару» вышел в море и 23 января в 2 часа 30 минут пополудни пришвартовался в Кобэ. Здесь певца встречала Япония. «Когда мы увидели массу собравшихся на берегу людей, то были поражены. Все кричали, размахивали разноцветными шелковыми лентами и маленькими японскими флажками... После установки трапа около сотни корреспондентов и фотографов устремилось на судно. За ними последовали полные достоинства восемь изящных маленьких девочек, одетых в кимоно. Они по очереди вручали Шаляпину белые и красные цветы» [Горбунов 2002].

«Маленькие девочки» — ученицы расположенной в Осака знаменитой Школы молодых танцовщиц *Сё:тику сёдзё кагэкидан*. В Кобэ у причала почести гостю отдавали муниципальные власти, были упоминавшийся Ямада Косаку и японская знаменитость — оперный певец Фудзивара Ёсиэ. Не похожий на типичного японца, с выраженными европейскими чертами лица Фудзивара был полукровкой. Его отец, торговец из Шотландии, обосновался в Нагасаки и работал на одну из ведущих английских фирм. После смерти жены-японки он взял на себя заботу о сыне. В 1934 г. Фудзивара основал в Токио частную оперу (*Фудзивара Кагэкидан*; Fujiwara Opera) — первый в Японии профессиональный оперный коллектив День исполнения им. оперы Пуччини «Богема» в концертном зале Хибия в июне 1934 г., там, где теперь предстояло выступать Шаляпину, считается началом истории японской оперы [Асахи симбун 1934].

Из Кобэ Шаляпин со своими спутниками переехал в Осака, чтобы нанести визит вежливости в штаб-квартиру газеты «Асахи». Переночевав в отеле, где Шаляпин не мог уместиться ни на одной кровати и ему постелили на полу футоны, вся группа на следующий день, 24 января, на поезде отправилась в японскую столицу на экспрессе «Цубамэ». В Сидзуока к группе присоединились двое — русский журналист из Харбина и представитель русской общины в Японии. Для всей российской общины Дальнего Востока, не принявшей советской

власти, Шаляпин олицетворял Родину, которую они, как и он, вынуждены были покинуть. «Шаляпин с интересом слушал собеседников, сам рассказывал “<...> Японию видел мало, только побережье, но и то, что я видел, меня и восхитило, и поразило. Красивая, очень красивая страна! Еще не зная, люблю ее”» [Горбунов 2002].

На платформе токийского вокзала группу встречало множество японцев, русских и других иностранцев. После приветствий с трудом пробившись сквозь толпу к выходу и на автомобиле отправились в расположенный неподалеку отель «Империял». В фойе отеля Шаляпин говорил журналистам о своей «детской мечте» побывать в Японии. И еще: «Многие хвалят мой голос, но он лишь инструмент, и я очень хотел бы, чтобы с его помощью вы услышали то, что в моем сердце [Иомиури симбун 1936].

На следующий день, 25 января, во время прогулки к мосту Нидзюбаси у императорского дворца, Шаляпин рассказывал дочери Дасе о *микадо* [Асахи симбун 1936d]. В день перед концертом, 26 января, — пресс-конференция, затем знакомство со столицей и одноактная пьеса *Сибараку* в театре Кабуки. «В пьесе меня больше всего поразили образ Сибараку <...> актер, исполнявший эту роль, не доходит мне и до груди, но казалось, что он в два раза выше меня. Я думаю, что такова сила искусства <...> И хотя я не понял ни одного слова, мне кажется, что я понял достаточно» [Горбунов 2002].

В этот день в газете «Асахи» можно было прочитать рецензию одного из музыкальных критиков на репертуар великого певца. Среди более сотни арий большая часть — из русских опер. Многие из них незнакомы японцам. В частности, отрывки из «Бориса Годунова» Мусоргского. В жанре «героических опер» русские находятся на самой вершине, отмечал автор рецензии. Они великолепны как в музыкальном, так и в драматическом отношении и стали достоянием мировой музыкальной общественности исключительно благодаря Шаляпину. Он сам долго работал над ними, включая хоровую часть, чтобы довести до совершенства. Из четырех арий «Бориса Годунова»: монолог Пимена, ария Бориса при коронации («Скорбит моя душа»), ария Варлаама («Как во городе было, во Казани...») и монолог Бориса — в последнем, «Достиг я высшей власти; Шестой уж год я царствую спокойно. Но счастья нет моей душе...», — безмерная печаль пронизана чудесной мелодией, и это верх творчества певца, его «конек» [Наканэ 1936].

Несмотря на высокое мастерство и огромный опыт выступлений перед публикой, в день первого концерта в Японии Шаляпин очень волновался. 27 января с утра он заперся в своем номере и никого не принимал. Его жена и дочь не могли входить в комнату без особого разрешения. В раскрывавшихся на мгновение дверях можно было увидеть мощную фигуру в темно-красном халате, склонившуюся над клавишами рояля. Сквозь дверную скважину доносились исполнявшиеся вполголоса песни «Два гренадера» и «Эй, ухнем!» [Отагуро 1936b].

«...Маэстро с самого утра очень нервничал и провел весь день у себя в комнате в халате; мы и не подозревали, что роковая болезнь уже подкралась к нему» [Горбунов 2002]⁹. Концерт начинался в 7:30 вечера. К 7 часам зал, рассчитанный на 4 тыс. человек, был заполнен до предела. На представительских местах — министр образования Мацуда Гэндзи с членами семьи и маркиз Токугава Ёрисада, глава ветви клана Токугава с семьей¹⁰. В зале послы многих стран, дипломаты и бомонд японской столицы [Асахи симбун 1936b].

«Маэстро прибыл в 19.20 бледный, мрачный и до предела взволнованный», — вспоминал о первых минутах Годзинский — аккомпаниатор певца. Но очень быстро Шаляпин взял себя в руки и вышел на сцену. «Аплодисменты в зале не смолкали минут пять. После того, как аплодисменты улеглись, Шаляпин объявил, что сначала будет петь по-английски и по-французски. Но первым номером маэстро исполнил “Пророка” Римского-Корсакова» [Горбунов 2002].

«Голос просто грандиозный. Публика опьянена. Неистовый силы звучание» — под этой шапкой газета передавала впечатления японской публики от услышанного [Асахи симбун 1936b]. В музыкальной рецензии на первый концерт Шаляпина Отагуро Мотоо, в этом жанре первопроходец, писал, что он, откровенно говоря, сомневался, как будет звучать голос певца, уже вступившего в преклонный возраст. «Но с первых же минут звучания “Пророка” Римского-Корсакова все

---

⁹ Через два года, 12 апреля 1938 г., Шаляпин скончался от острого лейкоза. Есть конспирологическая версия убийства великого певца агентом ГПУ, вводившим радиоактивное вещество при ингаляциях, как раз во время его гастролей в Японии и Китае» [Курочкин 2014].

¹⁰ Потомок знаменитого феодального рода, он был направлен на учебу в Кембриджский университет, после чего занимал высокие посты в разного рода гуманитарных организациях).

сомнения исчезли. По мелочам можно было бы заметить, что голос не тот, каким он был десять-двадцать лет назад, но Шаляпин поет, как и прежде, с максимальной привлекательностью, бесподобной, только ему присущей модуляцией тембров. Во всем мире вряд ли найдется голос, который, как его, мог бы свободно модулировать в зависимости от содержания арии или песни. Обычно на сцене этот эффект еще усиливается с помощью тщательно продуманных грима и костюма... Он исполнил 14 произведений, и с каждым разом голос звучал все выразительней. Когда очередь дошла до “Блохи” и “Эй, ухнем!”, слушатели были полностью в его власти» [Асахи симбун 1936е].

Успех был полный, и своей привычке после каждого концерта в компании знакомых и друзей отправляться в ресторан Шаляпин не изменил и в Токио. Как вспоминает одна из соотечественниц маэстро, среди его новых друзей были в первую очередь Лев Григорьевич Сирота (Лео Сирота) с женой Гизеллой Абрамовной и дочерью Беатой¹¹. Лео Сирота был профессором по классу фортепиано Токийской императорской музыкальной академии¹² в Уэно. В общей компании оказались скрипач и дирижер Токийского симфонического оркестра Николай Александрович Шифферблат с женой Зинаидой Александровной, скрипач Александр Яковлевич Могилевский, пианист Максим Григорьевич Шапиро [Горбунов 2002].

Среди всех особенно примечательной была личность Александра Яковлевича Могилевского. В царской России он был известным пианистом, дружил с Александром Скрябиным, работал в оркестре Сергея Кусевицкого. В дневниковых записях Льва Толстого за 1 мая 1909 г. можно найти строки: «Приехал Пастернак [художник Леонид Осипович Пастернак, отец поэта Бориса Пастернака] с женой [Роза Исидоровна Пастернак, пианистка] и Могилевский. А. Я. Могилевским и Р. И. Пастернак были исполнены: 8-я соната со скрипкой Бетховена, две части сонат Моцарта, менуэт Моцарта и ария Баха <...> 30 апреля О. К. Толстая¹³ приехала послушать Могилевского...» [Толстой 2013].

Второй и третий концерты прошли с таким же успехом, как и первый. Перед третьим выступлением внезапно пришло известие, что

---

¹¹ Во время американской оккупации Японии в свои 22 года она стала одной из сотрудниц Штаба оккупационных сил, принимала активное участие в написании новой конституции Японии.

¹² Токийская музыкальная школа.

¹³ Ольга Константиновна Толстая, урожд. Дитерихс, первая жена сына Толстого Андрея.

скоропостижно скончался министр просвещения Мацуда Гэндзи, который приветствовал артиста на первом концерте и в перерыве в грим-уборной говорил, что, не понимая ни слова в его песнях, он проникся их духом. На 3 февраля была назначена встреча Шаляпина с ним в министерстве образования. Пресса писала, что маэстро послал венок на могилу покойного и свою скорбь выразил исполнением с особым чувством «Трепака» Мусоргского: *«Лес да поляны. Безлюдье кругом. / Вьюга и плачет, и стонет / Чудится, будто во мраке ночном / Злая кого-то хоронит...»* [Асахи симбун 1936с].

6 февраля на студии японского филиала американской граммофонной компании Victor Шаляпин записал на пластинку «Эй, ухнем!» и «Песню о блохе» Мусоргского. Эта запись оказалась последней в шаляпинской дискографии. На следующий день в три часа дня на фирменном поезде «Фудзи» вся группа покинула Токио. Теперь предстоял один концерт в Нагоя и четыре в Осака. В районе Кансай Шаляпину удалось посвятить досуг знакомству с историческими достопримечательностями. Сильное впечатление произвела на него поездка в Нара. Все вызвало неподдельный интерес — Великий Будда в храме Тодайдзи, парк с оленями.

По завершении выступлений в Осака 20 февраля на теплоходе «Нагасаки-мару» Шаляпин с сопровождающими отплыл из Кобэ в Шанхай. В момент, когда Шаляпин прощался на время со столь гостеприимной страной, вряд ли он мог себе представить, что через неделю, 26 февраля, в Токио, в двух шагах от концертного зала, где он выступал, мятежники займут правительственные здания и будет предпринята попытка праворадикального переворота, на этот раз куда более серьезная, чем в 1932 г., когда, по слухам, грозила опасность жизни Чарли Чаплина. На ум невольно приходила мысль о судьбе, которая помогла Шаляпину избежать сурового испытания¹⁴.

Мятеж был жестоко подавлен, но с этого момента участие военных в японской политической жизни становится все более решающим. Начавшаяся через год с лишним агрессия Японии в Китае приведет

---

¹⁴ Премьер-министр Окада под угрозой быть убитым бежит из своей резиденции. В антиправительственном путче примут участие около полутора тысяч солдат ряда полков 1-й дивизии и пехотный полк Императорской гвардии. Мятежники захватят некоторые правительственные учреждения и парламент, в сотнях метров от концертного зала Хибия. Они убьют бывшего премьер-министра Японии адмирала Сайто Макото, действующего министра финансов Такахаси Корэкиё и некоторых других.

к радикализации всей общественной жизни страны, включая духовную. Но в дни гастролей Шаляпина это пока не ощущается. Активность военных обратила на себя внимание после переезда группы в Маньчжурию (Маньчжоу-Го), в Дайрене, Мукдене и Харбине, где шла подготовка к войне с Китаем и возрастала напряженность на границе с Советским Союзом и Монголией.

Гастроли в Шанхае и в Маньчжурии прошли с большим успехом, но концертные залы были заполнены большей частью белоэмигрантами. После захвата Японией Маньчжурии в новом марионеточном государстве Маньчжоу-Го русским было неудобно. Еще хуже стало после продажи Москвой КВЖД в 1935 г. и резкого обострения японо-советских отношений. Но даже в мрачные годы милитаризации страны, вплоть до событий на Халхин-Голе, около 50 российских музыкантов-белоэмигрантов Харбинского симфонического оркестра были вовлечены в музыкальную жизнь Японии. Даже после первого резкого обострения антирусских настроений в стране из-за инцидента на маньчжуро-советской границе в районе озера Ханка в марте 1939 г. оркестр дал пять концертов в Токио. Программа была русской: увертюра к «Царской невесте» и «Испанское каприччио» Римского-Корсакова. В знаменитых радиопередачах по всей стране (вещание началось в 1924 г. в трех городах — Токио, Нагоя и Осака) 7 марта 1939 г. в исполнении Харбинского симфонического оркестра под управлением Сергея Ильича Швайковского звучала Первая симфония Калиникова [Акияма 1966].

Отмена Шаляпиным гастролей на Филиппинах позволила Строку после возвращения из Шанхая устроить два внеплановых выступления певца в уже знакомом концертном зале Хибия. На прощальном концерте 13 мая последними в напряженной тишине «с огромным внутренним чувством, поэтическим шепотом, светлым повествованием» звучали многозначительно слова романса Даргомыжского: *«Расстались гордо мы / Ни словом, ни слезою / Я грусти признака Тебе не подала»* [Асахи симбун 1936].

Возвращался Шаляпин домой во Францию изрядно уставший. Но чуткость, проявленная хозяевами, помогала преодолевать нервные нагрузки. Бессменный импресарио, секретарь и «нянька» Шаляпина Михаил (Мишель) Кашук вспоминал: «...С первой секунды нашего турне к Федору Ивановичу было проявлено со стороны Японии столько внимания, что он чувствовал себя в дальнейшем среди японцев, как

среди самых родных и близких» [Горбунов 2002]. Гастроли великого певца оставили большой след в памяти японцев. О его незабываемом голосе, неповторимой манере исполнения через полтора года, после внезапной кончины Шаляпина, писал автор некролога [Наканэ 1938]. По фотографиям знаменитый художник Цурута Горо написал портрет Шаляпина¹⁵.

И в послевоенной Японии были публикации о неповторимости таланта Шаляпина. В одной из них было написано, что после Шаляпина никто не решается братья за роль Дон Кихота в одноименной опере Жюль Массне [The Daily Yomiuri 2000]. Нередко его имя упоминается и в гастрономическом контексте — знаменитый «Шаляпин стейк» в меню ресторана отеля «Империал», где останавливался маэстро: есть легенда, что ему готовили это блюдо по его же рецепту.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акияма 1966 — Акияма Рюэй. *Нихон-но ёгаку хякунэнси* [Сто лет европейской музыки в Японии]. Токио: Дайити хоки сюппан, 1966.

Асахи симбун 1916 — Мосука Тэйгоку гэкидзё-но курисумасу [Рождение Московского императорского театра]. *Асахи симбун*. 22.02.1916.

Асахи симбун 1918 — Рококу-но дайсэйгакука Сярипин сясацу [Убийство великого вокалиста России Шаляпина]. *Асахи симбун*. 10.11.1918.

Асахи симбун 1921 — Уми-но гай кара [Из-за моря]. *Асахи симбун*. 06.02.1921.

Асахи симбун 1923 — Хайфэццу-но юбэ [Вечернее выступление Хейфеца]. *Асахи симбун*. 11.11.1923. Веч. вып.

Асахи симбун 1924 — Самисий ута-но юбэ-но дайтёсю. Кадзэ-ни нагаруру басу-но юваку [Огромная аудитория «Вечера печальной песни». Очарование баса, струящегося по ветру]. *Асахи симбун*. 22.08.1924.

Асахи симбун 1925 — Гакугэй но ё:бо: [Год искусства. Воспоминания и пожелания]. *Асахи симбун*. 11.12.1925.

Асахи симбун 1932 — Обэрисуку [Обелиск]. *Асахи симбун*. 09.11.1932.

---

¹⁵ Этот портрет в 1985 г. известный японский коллекционер Тино Кодзи передал в дар Бахрушинскому театральному музею в Москве, где его можно отыскать в запасниках.

Асахи симбун 1934 — Рокугацу-но онгаку буё:кай. Конки-но сайго-о нигияка-ни. Ёбимоно ва Фудзивара Ёсиэ [Мир музыки и танца в июне. Последнее выступление сезона собрало много публики. Гвоздь программы — арии в исполнении Фудзивара Ёсиэ]. *Асахи симбун*. 31.05.1934.

Асахи симбун 1935 — Сяриапин райтё: райсюн итигацу-ни [Приезд в Японию Шаляпина]. *Асахи симбун*. 28.09.1935.

Асахи симбун 1936a — Идаку юмэ ва цури то сакура [Мечта поудить и любоваться сакурой]. *Асахи симбун*. 21.01.1936.

Асахи симбун 1936b — Комбан Сэйгакуо докусё:кай [Сегодня вечером сольный концерт «короля вокала»]. *Асахи симбун*. 28.01.1936. Веч. вып.

Асахи симбун 1936c — Мацуда монсё:-о томураттэ сэцусэцу айтё:-но ута. Сэйгакуо: ханатаба-о окуру [Полное скорби исполнение в память о министре Мацуда. Шаляпин послал венок]. *Асахи симбун*. 02.02.1936.

Асахи симбун 1936d — Нью:кё: фуцукамэ. Нидзюбаси-дэ мусумэсан-ни «Микадо»-о току [Второй день пребывания в Токио. У моста Нидзюбаси рассказывает дочери кто такой Микадо]. *Асахи симбун*. 25.01.1936.

Асахи симбун 1936e — Сэйгакуо: тайбо:-но коэ [Долгожданный голос «короля вокала»]. *Асахи симбун*. 28.01.1936.

Асахи симбун 1936f — Сяриапин докусё:кай кёкумоку кэттэй су [Определился репертуар сольных концертов Шаляпина]. *Асахи симбун*. 17.01.1936.

Гагаку минидзитэн 2020 — Гагаку минидзитэн. Року тё:си [Мини-словарь гагаку. 6 тонов]. *O-gagaku*. 2020. <http://o-gagaku.com/jiten/rokucho.html> (дата обращения: 19.08.2020).

Горбунов 2002 — Горбунов Н. И. *Федор Шаляпин в Японии и Китае*. Москва: ИМЛИ РАН, 2002.

Иомиури симбун 1878a — Коконока юбэ ко:дзоку, дайdzин, санги надо яку хатидзю:нин-га когосё-дэ байсёку, ё:гаку-о таносиму [9-го вечером члены императорской семьи, министры и советники в Малом императорском дворце будут наслаждаться ужином и европейской музыкой]. *Иомиури симбун*. 20.04.1878.

Иомиури симбун 1878b — Санги байсёку-но сай, нигацу кара ва ё:гаку то хо:гагу-о ко:го:-ни энсо: [На традиционных императорских обедах в честь советников с сентября исполнение европейской музыки вместе с японской]. *Иомиури симбун*. 29.01.1878.

Иомиури симбун 1914a — Гункоку-но гэйдзюцука [Деятели искусства воюющей страны]. *Иомиури симбун*. 01.10.1914.

Иомиури симбун 1914b — Гэйдзюцука-но сю:ню:хё: [Данные о зарплате деятелей искусства]. *Иомиури симбун*. 05.04.1914.

Иомиури симбун 1924 — Басу но мэйсю. Сяси-но райтё [Знаменитый бас. Приезд г-на Шаляпина в Японию]. *Иомиури симбун*. 07.10.1924.

Иомиури симбун 1930 — Сярияпинси яму [Г-н Шаляпин болеет]. *Иомиури симбун*. 03.05.1930.

Иомиури симбун 1931a — Сяриапин идзэн дайитии. Рондон-но Росия кагэки [Шаляпин по-прежнему номер 1. Русский театр в Лондоне]. *Иомиури симбун*. 02.07.1931.

Иомиури симбун 1931b — Хайфэццу-ни кансуру дзайрё [Материалы о Хейфеце]. *Иомиури симбун*. 30.09.1931.

Иомиури симбун 1936 — Сярияпинси юбэ кагаякани миякоири [Красочная картина приезда Шаляпина в столицу]. *Иомиури симбун*. 25.01.1936.

Кими-га ё сирё: сю:сэй 1991 — Кими-га ё сирё: сю:сэй [Собрание материалов о создании «Кими-га ё»]. Токио: О:дзорася, 1991. Т. 1.

Кисимото, Ватанабэ, Кояма 1959 — Кисимото Эйтаро:, Ватанабэ Харуо, Кояма Хиротакэ. *Катаяма Сэн: Сэкай ро:до: то Катаяма Сэн (1914–1933)* [Международный рабочий класс и Катаяма Сэн 1914–1933]. Токио: Мирайся, 1959.

Курочкин 2014 — Курочкин В. Тайна гибели Ф. И. Шаляпина. *Угличанин*. № 34 (387). 3.09.2014. <http://uglichanin-smi.ru/istoriya/854-tayna-gibeli-fishalyapina.html> (дата обращения: 07.06.2020).

Лебедева 2017 — Лебедева Е. Дальневосточный вояж. Жорж де Годзинский: С Шаляпиным полгода и всю жизнь. *Книжное обозрение*. № 12–13 (2440–2441). 29.04.2017. С. 6.

Масуи 1984 — Масуи Кэйдзи. Нихон но опэра. Мэйдзи кара Тайсё: э [Японская опера с периода Мейдзи по период Тайсё]. Токио: Минъон сирё:кан, 1984.

Наканэ 1936 — Наканэ Ко. Сяриапин-но кёкумоку [Репертуар Шаляпина]. *Асахи симбун*. 26.01.1936.

Наканэ 1938 — Наканэ Ко. Ан, Сяриапин [Скорбь по Шаляпину]. *Асахи симбун*. 14.04.1938.

Нобори 1936 — Нобори Сёму. Кёдзин Сяриапин [Великий Шаляпин]. *Асахи симбун*. 14.01.1936. Веч. вып.

О:тагуро 1936 — О:тагуро Мотоо. Сяриапин оидзу. Энсо:кай дайития о киитэ [Время не властно над Шаляпиным. Впечатления после первого концерта]. *Асахи симбун*. 29.01.1936.

Савада 2007 — Савада Кадзухико. *Хаккэй Росиядзин то Нихон бунка* [Русские белоэмигранты и японская культура]. Токио: Сэйбунся, 2007.

Саркисов 2019 — Саркисов К. О. *Япония и Советская Россия. Очерки истории (1917–1937)*. Москва : ИВ РАН, 2019.

Толстой 2013 — Толстой Л. Н. *Дневники и записные книжки (1909)*. Москва: Рипол Классик, 2013.

Хасэгава 1971 — Хасэгава Ёсио. Онгаку хацую:ню:-но коро [Время, когда европейская музыка впервые была «импортирована»]. *Йомиури симбун*. 28.05.1971.

Хориути 1988 — Хориути Кэйдзи. *Онгаку Мэйдзи хякунэнси* [Столетняя история музыки эпохи Мэйдзи]. Токио: Онгаку но томося, 1988.

Шаляпин 1932 — Шаляпин Ф. И. *Маска и душа*. Париж, 1932.

Ямада 1934 — Ямада Косаку. *Сяриапин-но Дон Кихотэ* [«Дон-Кихот Шаляпина»]. *Асахи симбун*. 03.06.1934.

Ямада 2001 — Ямада Косаку. *Тёсаку дзэнсю: дайсанкан* [Полное собрание сочинений. Том 3]. Токио: Иванами сётэн, 2001.

Bernd 1995 — Bernd M. *Japan and Germany in the Modern World*. Providence: Berghahn Books, 1995.

New York Times 1907 — Barber of Seville at Metropolitan. Mr. Chaliapin's Basilio. *New York Times*. 13.12.1907.

New York Times 1908 — Our faults as seen by Mr. Chaliapin. Critics Lack Soul — Opera Is Held for Money Only. *New York Times*. February 18, 1908.

The Daily Yomiuri 2000 — Italian director adds drama to opera. *The Daily Yomiuri*. 04.05.2000.

REFERENCES

Akiyama, R. (1966). *Nihon-no Yogaku Hyakunenshi* [100 Years of European Music in Japan]. Daiichi Hoki Shuppan. (In Japanese).

Basu-no meishu. Shashi-no raicho [The Famous Bass. Arrival of Mr. Chaliapin to Japan]. (1924, October 10). *Yomiuri Shimbun*. (In Japanese).

Bernd, M. (1995). *Japan and Germany in the Modern World*. Berghahn Books.

Chaliapin, F. (1932). *Maska i dusha* [Mask and Soul]. Paris. (In Russian).

Gagaku minijiten. Roku chōshi [Gagaku Mini-dictionary. Six Tones]. (n.d.). <http://o-gagaku.com/jiten/rokucho.html>. (In Japanese).

Gakugei ichinen. Kaiko to yōbō [Year of Art and Sciences. Memories and Wishes]. (1925, December 11). *Asahi Shimbun*. (In Japanese).

Geijutsuka-no shūnyūhyō [Data on Artists' Salary]. (1914, April 5). *Yomiuri Shimbun*. (In Japanese).

Gorbunov, N. I. (2002). *Fyodor Chaliapin in Japan and China*. IMLI RAN. (In Russian).

Gunkoku-no geijyutsuka [Artists of the Country at War]. (1914, October 1). *Yomiuri Shimbun*. (In Japanese).

Haifetsu-ni kansuru zairyo [Materials about Heifetz]. (1931, September 30). *Yomiuri Shimbun*. (In Japanese).

Haifetsu-no yube [Kheifits Tonight's Performance]. (1923, November 11. Evening edition). *Asahi Shimbun*. (In Japanese).

Idaku yume wa tsuri to sakura [Holds Dreams of Fishing and Cherry Blossom Admiring]. (1936, January 21). *Asahi Shimbun*. (In Japanese).

Italian director adds drama to opera (2000, May 4). *The Daily Yomiuri*.

Kimi-ga yo shiryōshū. [Creation of "Kimi-ga yo" Material Collection] (1991). *Tokyō Ōzora-sha* (Vol. 1). (In Japanese).

Kishimoto, E., Watanabe, H. & Koyama, H. (1959). *Sekai rōdō to Katayama, Sen* (1914–1933), [International Labor and Katayama Sen (1914–1933)]. Miraisha. (In Japanese).

Kokonoka yube kozoku, daijin, sangi nado yaku hachijyunin-ga kogoshō de baishoku, yogaku-o tanoshimu [On the 9th Evening, at the Small Imperial Palace (in Kyoto), Members of the Imperial Family, Ministers and Councilors Will Enjoy Dinner and European Music]. (1878, April 20). *Yomiuri Shimbun*. (In Japanese).

Konban seigakuō dokushōkai [Tonight the Solo Concert of the "King of Vocal"]. (1936, January 28, Evening edition). *Asahi Shimbun*.

Kurochkin, V. (2014). Tayna gibeli F. I. Shalyapina [The Mystery of the Death of F. I. Chaliapin]. (2014, September 3). *Uglichanin*, 34 (387). (In Russian).

Lebedeva, Ye. (2017, April 29). Dal'nevostochnyy voyazh. Zhorzh de Godzinskiy: S Shalyapinym polgoda i vsyu zhizn'. [Far East Voyage. Review of the book by N. I. Gorbunov "Georges de Godzinsky: With Chaliapin for half a year and all his life]. *Knizhnoye obozreniye* (Vols. 12-13).

Masui, K. (1984). *Nihon-no opera: Meiji kara Taishō-e* [Japanese Opera: From Meiji to Taishō]. Tokyō Min'on shiryōkan. (In Japanese).

Matsuda monshō-o tomuratte setsusetsu aichō-no uta, seigakuō hanataba-o okuru [Performance Full of Mourning in Memory of Minister Matsuda. Chaliapin Sent a Wreath]. (1936, February 2). *Asahi Shimbun*. (In Japanese).

Mosuka Teigoku gekijo-no Kurisumasu [Moscow Imperial Theater Christmas]. (1916, February 22). *Asahi Shimbun*. (In Japanese).

Nakane, K. (1936). Shariapin-no kyokumoku [Chaliapin's Repertoire]. (1936, January 26). *Asahi Shimbun*. (In Japanese).

Nakane, K. (1938). Ai, Shariapin [To Mourn for Chaliapin]. (1938, April 14). *Asahi Shimbun*. (In Japanese).

Nobori, S. (1936). Kyojin Shariapin [Great Chaliapin] (1936, January 14. Evening edition). *Asahi Shimbun*. (In Japanese).

Nyūkyō dainichime. Nijūbashi de musume-san-ni Mikado-o toku [Second Day in Tokyo. At the Nijubashi Bridge Tells His Daughter Who Mikado Is] (1936, January 25). *Asahi Shimbun*. (In Japanese).

Oberisuku [Obelisk] (1932, November 9). *Asahi Shimbun*. (In Japanese).

Otaguro, M. (1936). Shariapin oizu. Ensōkai daiichiya-o kiite [Time Has No Power Over Chaliapin. Impressions after the First Concert] (1936, January 29). *Asahi Shimbun*. (In Japanese).

Rokoku-no daiseigakuka Syariapin shasastu [Russian Great Singer killed] (1918, November 10). *Asahi Shimbun*. (In Japanese).

Rokugatsu-no ongaku buyōkai [The World of Music and Dance in June] (1934, May 31). *Asahi Shimbun*. (In Japanese).

Samisii uta-no yube-no daichōshū [Sad Songs' Night Huge Audience. Bass Charm Streaming with the Wind] (1924, August 22). *Asahi Shimbun*. (In Japanese).

Sangi baishoku-no sai nigatsu kara wa yogaku to hogaku kōgō-ni ensō [At the Traditional Imperial Dinners in Honor of Councilors. From the Next September European Music Will Be Performed Alongside the Japanese] (1878, January 29). *Yomiuri Shimbun*.

Sarkisov, K. (2019). *Yaponiya i Sovetskaya Rossiya. Ocherki istorii* (1917–1937) [Japan and Soviet Russia. Essays on History (1917–1937)]. Institute of Oriental Studies of RAS. (In Russian).

Sawada, K. (2007). *Hakkei Roshiajin to Nihon Bunka* [White Russian Emigrants and Japanese Culture]. Seibunsha. (In Japanese).

Seigakuō taibō-no koe [The Long-awaited Voice of the “King of Vocal”] (1936, January 28). *Asahi Shimbun*. (In Japanese).

Shariapin izen daiichii [Chaliapin Is Number 1 Yet. Russian Theater in London] (1931, July 2). *Yomiuri Shimbun*. (In Japanese).

Shariapin yube hanayaka-ni miyakoiri [Tonight Chaliapin's Colorful Entering of the Capital] (1936, January 25). *Yomiuri Shimbun*. (In Japanese).

Shariapinshi yamu [Mr. Chaliapin Is Sick] (1930, May 3). *Yomiuri Shimbun*. (In Japanese).

Shariapinshi-no raicho [Mr. Chaliapin's Arrival to Japan] (1935, September 28). *Asahi Shimbun*. (In Japanese).

Sharyapin dokushōkai kyokumoku kettei su [Shalyapin's Solo Concerts Repertoire Determined] (1936, January 17). *Asahi Shimbun*. (In Japanese).

Tolstoy, L. (2013). *Dnevnik i zapisnyye knizhki, 1909*. [Diaries and Notebooks, 1909]. Ripol Classic. (In Russian).

Umi-no gai kara [Over the Sea]. (1921, February 6). *Asahi Shimbun*. (In Japanese).

Yamada, K. (1934, June 3). Syariapin-no Don Kihōte [Chaliapin's "Don Quixote"]. *Asahi Shimbun*. (In Japanese).

Yamada, K. (2001). *Chosaku zenshū Daisankan* [Full Edition of Writings. Vol. 3]. Iwanami shoten. (In Japanese).

Метафизические и онтологические основы учений Мартина Хайдеггера и Эйхэй Догэна: разметка проблемного поля философской компаративистики

А. С. Романенко

Аннотация. В статье представлен обзор ряда наиболее общих аспектов проблематизации в отношении философско-компаративистского исследования учений Мартина Хайдеггера и Эйхэй До:гэна. Направляясь от общих для обоих мыслителей установок методологического характера к положениям гносеологическим и онтологическим, автор уделяет особое внимание проблемам дискурсивного и суггестивного мышления, субъект-объектной дихотомии, субстанциальности сущего, истинного и феноменального бытия, природы времени и временности.

Свойственное До:гэну и другим мыслителям Чань/Дзэн стремление к отказу от аналитического, дискурсивного мышления сопровождалось активным обращением к суггестивному языку художественных образов. Установка на отказ от концептуального мышления была детерминирована как необходимостью преодоления рамок устоявшейся буддийской догматики, препятствующей развитию живой буддийской мысли, так и утверждением несубстанциальности сущего, тождественности феноменального и абсолютного бытия. По мысли До:гэна, представление о субстанциальности и самостности порождает иллюзорную с точки зрения буддизма субъект-объектную дихотомию, преодоление которой осуществимо только в состоянии просветления *сатори*, 悟り.

Подобная ситуация обнаруживается и при рассмотрении методологических установок Мартина Хайдеггера, который в своем проекте деструкции онтологии стремится к преодолению и переосмыслению заостренных и утративших свое изначальное значение понятий западной метафизики,

а в более поздних трудах обращается к языку суггестивного мышления. Предпринятый Хайдеггером в «Бытии и времени» феноменологический подход к анализу фундаментальных структур человеческого бытия также ориентирован на преодоление субъект-объектной дихотомии и полностью снимает проблему субстанциальности.

При этом для обоих мыслителей характерна онтологическая направленность философского вопрошания: как для Хайдеггера, так и для Догэна в центре размышлений стоит проблема истины бытия, отношения человека к бытию. Данная онтологическая установка обнаруживает и ряд содержательных параллелей, которые выражаются в сходном истолковании бытия через феномен временности, а также в сходстве понимания самой структурной основы времени.

Ключевые слова: метафизика, онтология, М. Хайдеггер, Догэн, дискурсивное мышление, субстанциальность, субъект-объектная дихотомия, бытие, время, философский диалог, западная философия, восточная философия.

Автор: Романенко Антон Сергеевич, магистрант факультета философии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 196605 г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.

ORCID 0000-0001-9920-4377.

E-mail: anton24.1996@mail.ru; anton24.1996@gmail.com

The Metaphysical and Ontological Basis of Martin Heidegger's and Eihei Dōgen's Teachings: Marking the Problem Field of Comparative Philosophical Study

A. S. Romanenko

Abstract. The article presents an overview of some of the most general directions of problem statement in comparative research of Heidegger's and Dōgen's teachings. Proceeding from the attitudes of methodological character common for both thinkers towards the gnoseological and ontological positions, the author pays special attention to the problems of discursive and suggestionistic thinking, subject-object dichotomy, substantiality of existence, true and phenomenal being, nature of time and temporality.

Dōgen and other Chan/Zen thinkers' tendency to reject analytical, discursive thinking was accompanied by an active appeal to the suggestive language of artistic images. This attitudinal rejection of conceptual thinking was determined, on the one hand, by the need to overcome the framework of the established Buddhist dogma that impeded the development of living Buddhist thought, and, on the other hand, by the affirmation of the non-substantiality of existence, the identity of phenomenal and absolute being. According to Dōgen's idea, the notion of substance and identity generates a subject-object dichotomy, illusive from the Buddhist point of view, which can only be overcome in the state of *satori* 悟り enlightenment.

A similar situation can be found in the methodological guidelines of Martin Heidegger, who, in his project of destruction of ontology, seeks to overcome and rethink the concepts of Western metaphysics that have become rigid and lost their original meaning and, in his later works, refers to the language of suggestive thinking. Heidegger's phenomenological approach to the analysis of fundamental structures of human existence in *Being and Time* is also focused on overcoming the subject-object dichotomy and completely removes the problem of substance.

At the same time, both thinkers are characterized by ontological orientation of philosophical thinking: both Heidegger and Dōgen are focused on the problem of truth of being and human attitude to it. This ontological installation also reveals a number of substantive parallels, which are expressed in a similar interpretation of existence through the phenomenon of time, as well as the similarity of understanding of the structural basis of time.

Keywords: metaphysics, ontology, M. Heidegger, Dōgen, discursive thinking, substantiality, subject-object dichotomy, being, time, philosophical dialogue, Western philosophy, Eastern philosophy.

Author: Romanenko Anton S., student of the Master's Degree Program, Pushkin Leningrad State University, 196605 Russia, Pushkin (Saint-Petersburg), St. Petersburg sh., 10.

ORCID 0000-0001-9920-4377.

E-mail: anton24.1996@mail.ru; anton24.1996@gmail.com

Хайдеггер и До:гэн: общий контекст рассуждений

В современном философском востоковедении попытки сопоставления мысли Мартина Хайдеггера и До:гэна нельзя назвать новыми. Тенденции сближения философии Хайдеггера и дзэн-буддийской мысли обнаруживались как минимум с 1970-х гг. Непосредственно вектор сравнения Хайдеггер — До:гэн получил актуализацию в философской компаративистике уже в 1980-е гг. Так, одной из важнейших работ по данной теме остается опубликованная в 1985 г. книга Стиве-

на Хайне *Existential and Ontological Dimensions of Time in Heidegger and Dōgen*, посвященная особенностям сближения взглядов Хайдеггера и До:гэна на природу, структуру и экзистенциально-онтологические основания времени [Heine 1985]. В том же году выходит книга *Dōgen Studies* под редакцией Уильяма ЛаФлёра [Dōgen Studies 1985], в которой, по замечанию Грейама Паркса, «сравнения с Хайдеггером приводятся или упоминаются в большинстве эссе» [Parkes 1987, p. 437]. Начиная с этого периода и по настоящее время труды, в которых поднимаются проблемы сравнительного анализа взглядов Хайдеггера и До:гэна, продолжают публиковаться: указанный вектор исследования представлен прежде всего работами Абэ Масао, Стивена Хайне, Хаси Хисаки и других ученых [Abe 1998; Abe 2003; Hashi 2015a; Hashi 2015b; Scott, Moss (ed.) 2018 etc.].

В отечественных исследованиях сопоставление рассматриваемых философских учений остается вектором перспективных исследований. Даже в основательной и отличающейся широкой проблематикой работе «Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур», изданной под редакцией М. Я. Корнеева и Е. А. Торчинова в 2001 г., До:гэну посвящена лишь пара абзацев.

В настоящей работе представлен обзор некоторых наиболее общих векторов постановки проблем в отношении философско-компаративистского исследования учений Хайдеггера и До:гэна; на основе обращения к англоязычной, русскоязычной исследовательской литературе, переводам выявляется и подвергается анализу ряд обладающих определенной общностью философских, метафизических оснований в учениях рассматриваемых мыслителей. Автор статьи опирается в том числе на оригинальные японские тексты До:гэна [До:гэн 1990–1993].

Сравнение двух типов мышления, на первый взгляд настолько культурно и хронологически отдаленных друг от друга, может показаться весьма рискованным, требующим известной осторожности и предельной корректности в осуществлении исследовательских процедур. Начнем разметку проблемного поля размышлений: 1. затронем проблемы выхода за рамки концептуального мышления, субъект-объектной дихотомии; 2. коснемся некоторых положений онтологии, в частности проблем субстанциальности, временности, общей онтологичности мышления обоих авторов; 3. будем продвигаться от некоторых сходств методологического характера в сторону положений

онтологических. Безусловно, этим круг возможных общих для двух мыслителей проблемных вопросов не исчерпывается. Однако в силу того, что данные метафизические проблемы занимают важное место в комплексе идей как До:гэна, так и Хайдеггера, сопоставление в указанных векторах видится достаточным, поскольку закладывает основание поиска существенных черт сходства рассматриваемых учений.

Очевидно, некоторые формулируемые До:гэном метафизические основоположения («ложность» субъект-объектной дихотомии; истинность бытия абсолютного в противовес бытию феноменальному; пустотность последнего и т. п.) являются прямой рецепцией классических философских положений буддийской мысли предшествующих эпох. Так, можно отметить определенное влияние на учение До:гэна доктрин школ Тэндай, Кэгон, буддизма дальневосточной махаяны в целом, а также некоторых положений дальневосточной мысли как таковой. В границах предлагаемого сравнительного анализа гипотеза возможной рецепции Хайдеггером концепций восточной философии видится перспективной. Эта проблема, несомненно, достойна стать предметом самостоятельного исследования.

Сходство постановки проблем, направлений философского вопрошания и даже некоторых формулировок у Хайдеггера и До:гэна еще не дает оснований констатировать однозначную содержательную близость их теоретических положений, безусловную общность выводов. Как отмечает К. Ю. Солонин в статье «Мартин Хайдеггер и буддизм дальневосточной Махаяны», «наличие элементов сходства в метафизическом вопрошании не отменяет глубинного различия между Хайдеггером и восточной мыслью, в частности онтологического психо-логизма последней» [Солонин 2001a]. Ряд существенных различий в учениях рассматриваемых мыслителей касательно обозначенных выше проблем учитывается.

Преодоление догматизма и проблема концептуального мышления

История чань-буддийской мысли, получившей «второе рождение» в Японии в качестве Дзэн, открывает интересную для нашего исследования особенность. Расцвет движения Чань в VIII–IX вв. в Китае связывается с потребностью освобождения от устоявшихся догм махаянистского буддизма, сковывающих духовные потребности

эпохи. Как отмечает Ю. Б. Козловский, «Буддийские сутры, трактаты, бесчисленные комментарии к ним связывали сознание поколений мыслителей, накладывали жесткие ограничения на все сферы духовной деятельности» [Козловский 1998, с. 66]. Аналогичные культурные процессы характерны и для Японии конца XII — первой половины XIII в., периода «столкновения» живой религиозно-философской мысли с проблемой скованности со стороны системы «религиозных авторитарных традиций буддийских школ», основанных на «преклонении перед каноническими текстами сутр и трактатов» [Козловский 1998, с. 81]. Именно Эйхэй До:гэн (1200–1253) оказался ярчайшей фигурой в начавшемся обновлении буддийской мысли.

Приведенные положения обнаруживают удивительную корреляцию с духовной стороной жизни и творчества Хайдеггера. Представленный в «Бытии и времени» (1927) проект деструкции онтологии являет собой аналогичное стремление вернуть философию на путь мышления. При этом для Хайдеггера (как и для До:гэна, что будет с большей очевидностью заметно далее) речь идет прежде всего о мышлении истины бытия, необходимость вопрошания о котором, по Хайдеггеру, была давно забыта европейской метафизикой. Хайдеггер во второй главе введения к «Бытию и времени» пишет: если «для самого бытийного вопроса должна быть достигнута прозрачность своей ему истории, то требуется расшатывание окостеневшей традиции, отслоение наращённых ею сокрытий» [Хайдеггер 1997, с. 22]. Западная метафизическая традиция, по мысли Хайдеггера, становится «обречена на то, чтобы, не зная о том, быть преградой, воспрещающей человеку исконное отношение бытия к человеческому существу» [Хайдеггер 1993а, с. 29]. Однако любое отношение к традиции, укорененное, по Хайдеггеру, в историчности самого присутствия, являет собой актуализацию этой самой традиции, возвращение к ее истокам. Этим можно объяснить и упомянутую выше преемственность До:гэна в отношении буддийской метафизики, которая обратит на себя внимание в дальнейших рассуждениях.

Из стремления Хайдеггера к освобождению от застывших понятий западной метафизики закономерно проистекала потребность обращения к схватыванию и осмыслению основополагающих структур человеческого бытия через анализ «допознавательного», или «онтического», опыта. Такой подход порождал, с одной стороны, необходимость создать новый язык для мышления о бытии, а с другой — переосмыс-

ление традиционных метафизических понятий, которое, по Хайдеггеру, осуществлялось в ключе возвращения к их «исходному» смыслу. Подобный опыт обращения с устоявшимися философскими понятиями, в своей сущностной основе обусловленный поиском нового способа мышления, в ряду других факторов привел философа к практически полному отказу от строгого концептуального мышления в поздних трудах, которые семиотически оказываются ближе к художественным текстам, чем к философским трактатам в привычном для нас смысле. Ярким примером подобного текста в библиографии мыслителя может послужить «Проселок» (*Der Feldweg*, 1949).

Подобная установка на выход за рамки устоявшегося дискурсивного мышления фиксируется исследователями в качестве одного из существенных признаков учений Чань/Дзэн, в русле которых развивалась мысль До:гэна. Эта установка, выраженная термином *мунэн* 無念, являла собой констатацию необходимости отказа от «логикопонятийных структур» и была поиском «решения вполне реальной проблемы — избавления от всякого рода оков, препятствующих освобождению сознания, открывающему простор духовно-творческой деятельности» [Козловский 1998, с. 78]. Отметим, как и в случае поворота хайдеггеровской мысли в сторону использования суггестивных, художественных образов и даже повсеместного прямого обращения к поэзии как к особому способу раскрытия сущего, подобные интенции были ярко отмечены и в истории чаньских учений. Как отмечает Ю. Б. Козловский, в своем стремлении «вырваться из плена схоластики сутр и комментариев-трактатов, они начали отдавать предпочтение языку образов», а «поэзия, ее язык стали особенно популярными у приверженцев школы Чань» [Козловский 1998, с. 75].

Обратимся же непосредственно к текстам До:гэна. Такое обращение, однако, требует оговорки. Центральное сочинение До:гэна — *Сё:бо:гэндзо*: (正法眼藏, «Драгоценная Зеница Истинного Закона», в пер. И. Е. Гарри) — сборник, составленный из большого числа фрагментов (свитков), включающих беседы-поучения, диалоги, различные повествования, которые представляют собой крайне сложные для перевода и интерпретации тексты. Сказывается и отсутствие адекватных словарных эквивалентов для передачи значения некоторых важнейших терминов как в русском языке, так и в аппарате западной философии. Поэтому, оперируя тем или иным термином в данном исследовании, мы стараемся учитывать известную долю условности

в переводе. Мы также склонны полагать, что сопоставление данных терминов с некоторыми понятиями хайдеггеровского мышления поможет в той или иной мере приблизиться к их пониманию или, по крайней мере, актуализировать поиск языковых эквивалентов.

Приведем фрагмент из первого свитка *Сё:бо:гэндзо:* — *Гэндзё:ко:ан* (現成公案, «Постижение коана»). Далее использован перевод И. Е. Гарри; отметим, что данный фрагмент опубликован и в переводе А. Г. Фесюна [До:гэн 1993а].

«[Независимо от того, находимся ли мы] “в пыли” [заблуждения или пребываем] “вне категорий” [свойственных омраченному состоянию сознания], мириады вещей [всегда] обладают великим множеством видов-состояний» [До:гэн 1998, с. 274].

Понятием «вне категорий» (格外, *какугай*), которое также можно перевести как «вне определений», «вне стандарта», как отмечает переводчик в комментариях, обозначается определенное состояние сознания, в котором «преодолены рамки концептуального мышления». Приверженность концептуальному, или понятийному, мышлению понимается как следствие «омраченного» сознания, пребывающего в неведении относительно истинной природы всего сущего, то есть относительно истины бытия. Последнее же, по мысли До:гэна, есть «Истинная Таковость», (真如, *синнё*), «Природа Будды», Абсолют, развертывающийся во всю совокупность сущего (включая живых существ), иллюзорно явленного на уровне феноменов в том или ином виде, для того или иного живого существа по-разному «великим множеством видов-состояний». При этом Абсолют тождествен всему сущему, лишённому всякой субстанциальности, составляет его истинную и единую природу. Концептуальное мышление, по мысли До:гэна, понимает сущее субстанциально, то есть ложно.

Обратимся к фрагменту из седьмого свитка *Иккамё:дзю* (一顆明珠, «Одна Светлая Жемчужина», пер. И. Е. Гарри): «После того [Сюаньша Шибэй]¹ окончательно обрел Путь, [он] сказал в наставление людям: “Весь мир в десяти направлениях — это одна светлая жемчужина”» [До:гэн 1998, с. 277].

Сказанное устами Гэнся Сиби — тезис, утверждающий тождество феноменального бытия и истинного бытия, Абсолюта. Так, буддийс-

---

¹ Сюаньша Шибэй (玄沙師備, яп. Гэнся Сиби; 835–908) — китайский чаньский монах периода династии Тан (618–907).

кий термин «мир в десяти направлениях» (十方世界, *дзиппо:сэкай*) использован как обозначение феноменального бытия, тогда как «одна светлая жемчужина» — Абсолюта. В комментариях к переводу отмечено, что эта фраза является конкретным примером «истинной реальности в конкретном к ней пробуждении» [До:гэн 1998, с. 294]. Поскольку сущее лишено субстанциальности, а истинная реальность едина, тождественна любому своему феноменальному проявлению, на Абсолют можно только лишь указать при помощи обращения к особому способу мышления, в данном случае путем отождествления с конкретным понятием, а не при помощи абстрактной метафизической категории. Соответственно «истинное бытие есть жемчужина», и наоборот.

Дуализм мышления: субъект-объектная дихотомия

Учение о несубстанциальности, «безсамостности» (無我, *му-га*) сущего тесно связано с отрицанием субъект-объектной оппозиции. Самостность, наличие собственного «Я», по мысли До:гэна, есть искусственный конструкт «омраченного» ума, приписывающего субстанциальность не только человеческому сознанию, но и всем вещам как таковым.

Надо сказать, что подобная установка, отрицающая субъект-объектную оппозицию, характерна и для более ранних направлений буддизма. Как отмечал О. О. Розенберг, в буддийской теории познания «человек был поставлен в органическую связь с тем миром, который он переживает» [Розенберг 1991, с. 90]. Характерен пример с человеком, смотрящим на солнце. С точки зрения классической буддийской философии речь не идет о том, что такое солнце само по себе или что такое человек сам по себе. Анализу подвергается именно «человек, воспринимающий солнце» в определенном акте, который, в свою очередь, мыслится как комбинация меняющихся каждое мгновение дхарм.

Данное теоретическое положение существенно сходно с некоторыми принципиальными положениями феноменологического учения Эдмунда Гуссерля, на методологической основе которого Хайдеггер предпринимает анализ фундаментальных структур человеческого бытия. Ключевое для феноменологии понятие интенциональности

обозначает структуру любого психического акта как направленного на тот или иной предмет (в широком смысле). Структуру интенциональности составляет собственно «сопринадлежность способа интендированности, *intentio*, и интендированного предмета, *intentum*, причем последнее следует понимать... как сущее в аспекте способа его восприятия» [Хайдеггер 1998, с. 50]. Анализ конститутивных моментов вот-бытия Хайдеггером осуществляется путем их методологического схватывания и описания в качестве феноменов. Понятие «феномен» указывает на единство интенции (акта сознания) и интендируемого сущего (на которое направлен акт) в аспекте способа его данности. Подобный подход снимает саму проблему субъект-объектных отношений, в своей сущности отрицая эту оппозицию. Если в «Бытии и времени» вопрошание о бытии было обращено прежде всего к конститутивным моментам человеческого бытия, присутствия, то в более поздних текстах Хайдеггер использует еще более «безличные» понятия и обороты, такие как, например, *Ereignis* — событие.

Мысль Догэна, можно предположить, движется в ракурсе преодоления «дуальности» мышления в двух смыслах: с одной стороны, преодолевается дуальное мышление о бытии как оппозиции истинного и феноменального (утверждается их тождество), с другой — дуальность субъект-объектного отношения. В комментариях к седьмому свитку И. Е. Гарри указывает на связь чувства с «дуальным мышлением и аналитическим знанием, которое, с точки зрения буддизма, оказывается знанием “неистинным”» [Догэн 1998, с. 296]. Думается, аналитическое знание понимается в данном случае как знание понятийное, которое путем именованя вещи выделяет ее из совокупности сущего и определяет ее в качестве самостоятельной, то есть наделяет субстанциальностью. Обратимся за разъяснением этой проблемы к Хайдеггеру. В сочинении «Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим» немецкий мыслитель от имени японца говорит о мнимой «недостаточности» японского мышления (языка), которому «недостает разграничительной силы, чтобы представлять предметы в однозначной взаимоупорядоченности друг с другом в смысле их пересекающегося подчинения и подчиненности» [Хайдеггер 1993b, с. 274]. Из дальнейших рассуждений в диалоге становится очевидно, что ни для Спрашивающего, ни для Японца указанная особенность недостатком не является.

По мысли До:гэна, преодоление «омраченности» (аналитического мышления) в просветлении (悟り, *сатори*) снимает и дуальность бытия (дихотомия «истинное — неистинное»), и дуальность субъект-объектных отношений, и даже саму оппозицию «омраченность — просветленность». Именно поэтому для сознания в состоянии *сатори*, согласно дзэнской притче, горы снова становятся горами, а реки — реками.

Вышеприведенные рассуждения позволяют со всей очевидностью констатировать общую онтологичность мышления Хайдеггера и До:гэна. Вопрос об истине бытия, его тайне проходит путеводной нитью сквозь все творчество Мартина Хайдеггера. Характерно это и для До:гэна, учение которого в своем целеполагании стремится пробиться к бытию, указать на его недоступность скованному «омраченностью» разуму. При этом данное сущностное сходство лишь намечает большой простор возможных оснований для компаративного анализа двух учений. Так как обстоятельное сравнительное исследование онтологий Хайдеггера и До:гэна даже в отношении общих проблем бытия представляется нам недоступным охвату в рамках данной статьи, схематично наметим некоторые возможные сходства и параллели.

Хайдеггер/До:гэн: бытие и время

Как известно, бытие человека, раскрываемое Хайдеггером в ранних трудах как присутствие (*Dasein*, вот-бытие, понятие, указывающее на способ бытия человека), в своей фундаментальной структуре объясняется через феномен временности (*Zeitlichkeit*). Временность фундирует основополагающую структуру присутствия, заботу, в единстве трех неразрывно связанных феноменов, «эк-стазов» временности (термин указывает на смещение, прорыв вовне), в модусе повседневного бытия схватываемых как настоящее, бывшее и актуальность.

Как пишет Хайдеггер, «экстатичное единство временности, т. е. единство “вне-себя” в прорывах настоящего, бывшеи и актуальности, есть условие возможности того, что способно быть сущее, экзистирующее как свое “вот”» [Хайдеггер 1997, с. 350]. Таким образом, исходная временность, которая противопоставляется «временности внутримирной», выражающей то, что на онтическом уровне

фиксируется нами как собственно время, объясняет существо человеческого бытия (присутствия) в своей основе. Более того, само бытие присутствия оказывается не чем иным, как временностью. Во «Введении к “Что такое метафизика?”» философ пишет: «“Бытие” в “Бытии и времени” не есть нечто другое, чем время, поскольку “время” названо собственным именем для истины бытия, каковая истина есть сущностное бытия и таким образом само бытие» [Хайдеггер 1993а, с. 32].

Читателя До:гэна, знакомого с текстами Хайдеггера, не может не привлечь двадцатый свиток *Сё:бо:гэндзо:*, *Юдзи* (有時, «Бытие и время», «Бытие-время»). В самом начале этого текста, имеющего очевидное тематическое сходство с главным произведением раннего Хайдеггера, До:гэн выдвигает удивительно коррелирующее с обозначенными выше тезисами немецкого мыслителя положение. Приведем некоторые фрагменты в переводе А. Г. Фесюна:

«Что касается упомянутых бытия и времени, то время есть бытие, а все бывающее есть время. Золотое Тело [ростом] в 1 дзё 6 [сяку] — это время». Далее, из следующего абзаца: «Все разнообразие этого мира следует рассматривать и воспринимать как [проявление времени]» [До:гэн 1993b, с. 604].

В этих фрагментах До:гэн утверждает тождество бытия и времени, а время, в свою очередь, постулируется как первичная форма феноменального бытия. «Золотое Тело» в данном случае есть имя для Дхармового Тела Будды, Дхармакаи, «бытие которого всеобъемлюще и безгранично» [До:гэн 1993b, с. 610]. Как отмечает в комментариях А. Г. Фесюн, «любая вещь есть частица “развернутой”, “проявленной” Абсолютной Реальности; время — форма вещественной проявляемости» [До:гэн 1993b, с. 610]. Думается, с большой долей условности можно выстроить определенную иерархичность в понимании бытия, от более изначального или истинного к феноменальному: Абсолютная Реальность — Время — Бытие. При этом с точки зрения излагаемой До:гэном метафизики все три именованья выражают единую истину, Абсолют, Природу Будды, непрерывно развертывающуюся на феноменальном уровне в виде бытия-времени. Как замечает К. Ю. Солонин в статье «Хайдеггер и японская философия», «сходство Хайдеггера и японцев определяется близким отношением к бытию, понимаемому не как статическая определенность трансцендентной истинной реальности, но как непрерывный процесс развертывания бытия, имеющий место во времени и в человеке» [Солонин 2001b].

Приведем еще один фрагмент свитка: «В бытии и времени содержится существенная особенность продолженности, так, от “сегодня” тянется нить во “вчера” и само “сегодня” происходит из “вчера”. Из “сегодня” вытекает “сегодня”, из “завтра” — “завтра”. Причина в том, что продолженность — особая черта времени» [До:гэн 1993b, с. 604].

Думается, можно установить определенное сходство в структурном понимании времени у Хайдеггера и До:гэна. Несмотря на то что, как указывает Кевин Шилбрэк, у До:гэна ни бытие, ни время сами по себе не имеют онтологического приоритета [Schilbrack 2000, p. 37], что подтверждается, в частности, первой частью приведенной выше сентенции, указанный фрагмент так или иначе имеет отношение к феномену временности. Обратим внимание на понятие «продолженность» (経歴, *кё:ряку*). Отечественный исследователь наследия До:гэна М. В. Бабкова со ссылкой на К. Шилбрэка переводит указанное понятие как «поток» [Бабкова 2016, с. 118]. В свою очередь Шилбрэк в примечаниях к своей статье *Metaphysics in Dōgen*, ссылаясь на различные исследовательские мнения, приводит такие варианты перевода как: «всеобщее перетекание», «непрерывность», «динамизм» и т. д. [Schilbrack 2000, p. 50–51]. Думается, данное понятие выражает нечто схожее со структурой временности, фиксируемой Хайдеггером как «эк-статичность». По мысли Хайдеггера, экстатичность временности выражает неразрывное единство взаимопроникающих и взаимно фундирующих друг друга временных модусов, экстазов (будущего, прошлого и настоящего). Так, фиксируемый Хайдеггером феномен «падения» (*Verfallen*, присутствие «отпадает» от самого себя в окружающий мир озаботивших его связей, теряет себя в нем и из него же стремится вернуться к самому себе) укоренен в настоящем, актуальности. Актуальность, в свою очередь, отталкивается от бывшести (прошлого), сама возможность которой фундирована настоящим заступанием, то есть будущим. Как пишет Хайдеггер, «временность временит в каждом экстазе целой, т. е. в экстатичном единстве всегда полного временения времени основана целость структурного целого экзистенции, фактичности и падения, и значит единство структуры заботы» [Хайдеггер 1997, с. 350]. Стивен Хайне в своей статье *Temporality of Hermeneutics in Dōgen's “Shōbōgenzō”* указывает, что, согласно До:гэну, с точки зрения «бытия-времени» не существует темпорального разрыва между прошлым и настоящим, между «сейчас» и «потом», между предшествующим и текущим осуществлением

Дхармы [Heine 1983, p. 141–142]. Именно это «перетекание», или, как замечает И. Е. Гарри, ссылаясь на указанную статью Хайне, «одновременность всех темпоральных фаз тотального “всеенаправленного” протекания (кё:ряку) Бытия-Времени» [Гарри 2003, с. 20] есть тот онтологический модус, который позволяет нам сблизить взгляды Хайдеггера и До:гэна на проблему темпоральности.

Подведем некоторые итоги. Хайдеггер и До:гэн на пути к мышлению о бытии стремятся вырваться за сковывающие их рамки незыблемых категорий философствования. Мысль, сдерживаемая оковами дискурсивного, аналитического мышления, по До:гэну, есть следствие «омраченности» сознания. Еще одно следствие такой «омраченности» — конструирование собственного «Я», иллюзорных субъект-объектных отношений, которое скрывает истину бытия от духовного взора адепта. Преодолеть традиционную для западного мышления субъект-объектную дихотомию стремится и Хайдеггер. Там, где наблюдается некоторая схожесть философских поисков мыслителей, просвечивает и очевидное различие. Если для Хайдеггера речь идет исключительно о попытке преодоления категорий метафизики и, впоследствии, поиске нового способа мышления за рамками философской методологии, то До:гэн рассуждает более радикально, указывая на «неистинность» понятийного мышления как такового. Несмотря на то что мысль До:гэна движется в очевидном модусе религиозного опыта, характерная для обоих мыслителей онтологическая направленность философствования, в свою очередь, обнаруживает ряд содержательных параллелей, выражаемых в сходном истолковании бытия через феномен временности, а также сходством понимания самой структурной основы времени. При этом необходимо помнить, что выявленный в данной работе ряд сходств не является исчерпывающим. Например, интересным представляется сопоставление отношения мыслителей к проблеме небытия и ничто, в случае До:гэна в той или иной мере обусловленного традициями махаянистского буддизма и дальневосточной мысли в целом.

Напоследок отметим, что вышеприведенные положения актуализируют факт активного обращения к философии Хайдеггера ключевых мыслителей Киотоской школы в конце 1920-х — 1930-е гг. Мысль Хайдеггера оказала существенное влияние на воззрения таких философов как, Нисида Китаро: (1870–1945), Мики Киёси (1897–1945), Танабэ Хадзимэ (1885–1962), Вацудзи Тэцуро: (1889–1960), в трудах

которых в той или иной мере получили актуализацию и переосмысление различные положения дальневосточной буддийской метафизики. Говоря об активной рецепции хайдеггеровских идей японскими мыслителями Киотоской школы, К. Ю. Солонин в работе «Хайдеггер и японская философия» отмечает, что «философия Хайдеггера стала, таким образом, еще одним вариантом буддизма, теперь уже не только без анатмавады, но уже и без Будды» [Солонин 2001b]. Думается, приведенный в данной статье сравнительный анализ способствует углублению осмысления процессов рецепции японцами западноевропейской мысли, а также приближает к пониманию основных понятий и ключевых теоретических положений как в трудах Хайдеггера, так и в учении До:гэна.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бабкова 2016 — Бабкова М. В. Наставник созерцания Догэн: жизнь и сочинения: Вместилище сути истинного Закона. *Новые исследования по японской культуре*. Кн. 3. Москва: Кругъ, 2016.

Гарри 2003 — Гарри И. Е. *Дзэн-буддийское мирозерцание Эйхэй До:гэна*. Москва: Восточная литература, 2003.

До:гэн 1990–1993 — До:гэн. *Сё:бо:гэндзо*: [Сокровищница Зеницы Истинной Дхармы] / под ред. и с примеч. Мидзуно Яоко. В 4 тт. Токио: Иванами, 1990–1993.

До:гэн 1993а — До:гэн. Гэндзё:ко:ан / пер., коммент. А. Г. Фесюна. *Буддизм в Японии* / отв. ред. Т. П. Григорьева. Москва: Наука, 1993. С. 595–599.

До:гэн 1993б — До:гэн. *Юдзи* / пер., коммент. А. Г. Фесюна. *Буддизм в Японии* / отв. ред. Т. П. Григорьева. Москва: Наука, 1993. С. 604–611.

До:гэн 1998 — До:гэн. *Сё:бо:гэндзо*.. Драгоценная Зеница Истинного закона / пер., коммент. И. Е. Гарри. *Буддийская философия в средневековой Японии* / отв. ред. к. филос. н. Ю. Б. Козловский. Москва: Янус-К, 1998. С. 271–302.

Козловский 1998 — Козловский Ю. Б. Чань-Дзэн в средние века. *Буддийская философия в средневековой Японии* / отв. ред. к. филос. н. Ю. Б. Козловский. Москва: Янус-К, 1998. С. 60–95.

Розенберг 1991 — Розенберг О. О. *Труды по буддизму* / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. А. Н. Игнатовича. Москва: Наука, 1991.

Солонин 2001a — Солонин К. Ю. Мартин Хайдеггер и буддизм дальневосточной Махаяны. *Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур.* / отв. ред. М. Я. Корнеев, Е.А. Торчинов. 2-е издание. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. Доступно по ссылке: <http://anthropology.ru/ru/text/solonin-kyu/martin-haydegger-i-buddizm-dalnevostochnoy-mahayany> (дата обращения: 14.02.2020).

Солонин 2001b — Солонин К. Ю. Хайдеггер и японская философия. *Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур.* / отв. ред. М. Я. Корнеев, Е. А. Торчинов. 2-е издание. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. Доступно по ссылке: <http://anthropology.ru/ru/text/solonin-kyu/martin-haydegger-i-buddizm-dalnevostochnoy-mahayany> (дата обращения: 14.02.2020).

Хайдеггер 1993a — Хайдеггер М. Введение к «Что такое метафизика?». *Время и бытие: Статьи и выступления* / сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В. В. Бибихина. Москва: Республика, 1993. С. 27–36.

Хайдеггер 1993b — Хайдеггер М. Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим. *Время и бытие: Статьи и выступления* / сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В. В. Бибихина. Москва: Республика, 1993. С. 273–302.

Хайдеггер 1997 — Хайдеггер М. *Бытие и время* / пер. с нем. В. В. Бибихина. Москва: Ad Marginem, 1997.

Хайдеггер 1998 — Хайдеггер М. *Прологомены к истории понятия времени.* Томск: Водолей, 1998.

Abe 1998 — Abe Masao. *A Study of Dōgen: His Philosophy and Religion.* Edited by Steven Heine. Albany: State University of New York Press, 1998.

Abe 2003 — Abe Masao. *Zen and the Modern World: A Third Sequel to Zen and Western Thought.* Edited by Steven Heine. Honolulu: University of Hawaii Press, 2003.

Dōgen Studies 1985 — *Dōgen Studies.* Edited by LaFleur W. R. Honolulu: University of Hawaii Press, 1985.

Hashi 2015a — Hashi Hisaki. Phenomenon of Life and Death by Dōgen and Heidegger — In View of “Embodied Cognition” in Buddhist Philosophy and Phenomenology. *Asian Studies.* 2015. Vol. 3. No. 1. Pp. 105–128.

Hashi 2015b — Hashi Hisaki. Phenomenology and Buddhist Philosophy Reflection for “Embodied Cognition” by Dōgen Kigen and Martin Heidegger. *Dialogue and Universalism.* 2015. No. 3. Pp. 9–28.

Heine 1983 — Heine S. Temporality of Hermeneutics in Dōgen's "Shōbōgenzō". *Philosophy East and West*. 1983. Vol. 33. No. 2. Pp. 139–147.

Heine 1985 — Heine S. *Existential and Ontological Dimensions of Time in Heidegger and Dōgen*. Albany: State University of New York Press, 1985.

Parkes 1987 — Parkes G. Dōgen/Heidegger/Dōgen: A Review of "Dōgen Studies" and "Existential and Ontological Dimensions of Time in Heidegger and Dōgen". *Philosophy East and West*. 1987. Vol. 37. No. 4. Pp. 437–454.

Schilbrack 2000 — Schilbrack K. Metaphysics in Dōgen. *Philosophy East and West*. 2000. Vol. 50. No. 1. Pp. 34–55.

Scott, Moss (ed.) 2018 — Scott R. H., Moss G. S. (ed.) *The Significance of Indeterminacy. Perspectives from Asian and Continental Philosophy*. London: Routledge, 2018.

REFERENCES

Abe, M. (1998). *A Study of Dōgen: His Philosophy and Religion*. State University of New York Press.

Abe, M. (2003). *Zen and the Modern World: A Third Sequel to Zen and Western Thought*. University of Hawaii Press.

Babkova, M. (2016). *Nastavnik sozertsaniya Dogen: zhizn' i sochineniya: Vmestilishche suti istinnogo Zakona* [Contemplation Mentor Dōgen: Life and Works: Treasury of the True Dharma Essence]. Krug. (In Russian).

Dōgen (1993). Genjōkōan [Actualizing the Fundamental Point] (A. Fesyun, Trans.). In Grigoryeva, T. (Ed.). *Buddizm v Yaponii* [Buddhism in Japan] (pp. 595–599). Nauka. (In Russian).

Dōgen (1993). Uji [Being-Time], *Buddizm v Iaponii* [Buddhism in Japan]. (A. Fesyun, Trans.). In Grigoryeva, T. (Ed.). *Buddizm v Yaponii* [Buddhism in Japan] (pp. 604–611). Nauka. (In Russian).

Dōgen (1998). Shōbōgenzō: Dragotsennaya Zenitsa Istinnogo zakona [Shōbōgenzō: Treasury of the True Dharma Eye]. In Kozlovskiy Yu. (Ed.). *Buddiyskaya filosofiya v srednevekovoy Yaponii* [Buddhist Philosophy in Medieval Japan] (I. E. Garri, Trans.). (pp. 271–302). Ianus-K. (In Russian).

Garri, I. (2003). *Dzen-buddiyskoye mirosozertsaniye Eykhey Dogena* [Eihei Dōgen's Zen Buddhist Worldview]. Vostochnaya literatura. (In Russian).

Hashi, H. (2015a). Phenomenon of Life and Death by Dōgen and Heidegger. — In View of "Embodied Cognition" in Buddhist Philosophy and Phenomenology. *Asian Studies*, 3 (1), 105–128.

Hashi, H. (2015b). Phenomenology and Buddhist Philosophy Reflection for “Embodied Cognition” by Dōgen Kigen and Martin Heidegger. *Dialogue and Universalism*, 3, 9–28.

Heidegger, M. (1993). Iz dialoga o yazyke. Mezhdru yapontsem i sprashi-vayushchim [A Dialogue on Language between a Japanese and an Inquirer]. In *Vremya i bytiye: stat' i vstupleniya* [Time and Being: Articles and Papers] (V. V. Bibikhin, Trans.). (pp. 273–302). Respublika. (In Russian).

Heidegger, M. (1993). Vvedeniye k “Chto takoye metafizika?” [Introduction to “What Is Metaphysics?”]. In *Vremya i bytiye: stat' i vstupleniya* [Time and Being: Articles and Papers] (V. V. Bibikhin, Trans.). (pp. 27–36). Respublika. (In Russian).

Heidegger, M. (1997). *Bytiye i vremya* [Being and Time] (V. V. Bibikhin, Trans.). Marginem. (In Russian).

Heidegger, M. (1998). *Prolegomeny k istoriyi ponyatiya vremeni* [History of the Concept of Time: Prolegomena] (E. Borisov, Trans.). Vodolei. (In Russian).

Heine, S. (1983). Temporality of Hermeneutics in Dōgen’s “Shōbōgenzō”. *Philosophy East and West*, 33 (2), 139–147.

Heine, S. (1985). *Existential and Ontological Dimensions of Time in Heidegger and Dōgen*. State University of New York Press.

Kozlovskiy, Y. (1998). Chan’-Dzen v sredniye veka [Chan-Zen in the Middle Ages]. In Kozlovskiy Yu. (Ed.). *Buddiyskaya filosofiya v srednevekovoy Yaponii* [Buddhist Philosophy in Medieval Japan] (pp. 60–95). Ianus-K. (In Russian).

LaFleur, W. (Ed). (1985). *Dōgen Studies*. University of Hawaii Press.

Mizuno Y. (Ed). (1990–1993). *Dōgen. Shōbōgenzō* [Dogen. Treasury of the True Dharma Eye]. (Vols 1 — 4). Iwanami. (In Japanese).

Parkes, G. (1987). Dōgen/Heidegger/Dōgen: A Review of “Dōgen Studies” and “Existential and Ontological Dimensions of Time in Heidegger and Dōgen”. *Philosophy East and West*, 37 (4), 437–454.

Rosenberg, O. (1991). *Trudy po buddizmu* [Works on Buddhism]. Nauka. (In Russian).

Schilbrack, K. (2000). Metaphysics in Dōgen, *Philosophy East and West*, 50 (1), 34–55.

Scott, R.H. & Moss, G.S. (Eds.). (2018). *The Significance of Indeterminacy. Perspectives from Asian and Continental Philosophy*. Routledge.

Solonin, K. Yu. (2001). Martin Khaidegger i buddizm dal’nevostochnyi Makhayany [Martin Heidegger and Far Eastern Mahayana Buddhism]. In

Korneyev, M. & Torchinov, E. (Eds). *Khaidegger i vostochnaya filosofiya: poiski vzaimodopolnitel'nosti kul'tur* [Heidegger and Oriental Philosophy: The Search for the Complementarity of Cultures]. (2nd ed.). Sankt-Peterburgskoye filosofskoye obshchestvo. Retrieved February 14, 2020, from <http://anthropology.ru/ru/text/solonin-kyu/martin-haydegger-i-buddizm-dalnevostochnoy-mahayany>. (In Russian).

Solonin, K. Yu. (2001). Khaidegger i yaponskaya filosofiya [Heidegger and Japanese Philosophy]. *Khaidegger i vostochnaya filosofiya: poiski vzaimodopolnitel'nosti kul'tur* [Heidegger and Oriental Philosophy: The Search for the Complementarity of Cultures]. In Korneyev, M. & Torchinov, E. (Eds). *Khaidegger i vostochnaya filosofiya: poiski vzaimodopolnitel'nosti kul'tur* [Heidegger and Oriental Philosophy: The Search for the Complementarity of Cultures]. (2nd ed.). Sankt-Peterburgskoye filosofskoye obshchestvo. Retrieved February 14, 2020, from <http://anthropology.ru/ru/text/solonin-kyu/martin-haydegger-i-buddizm-dalnevostochnoy-mahayany>. (In Russian).

Корээда Хирокадзу: боль и страхи современного человека

Е. Л. Катасонова

Аннотация. Корээда Хирокадзу — один из ведущих режиссеров современной Японии, яркий представитель нового кино этой страны, его фильмография насчитывает более 30 картин. Его работы посвящены главным образом проблемам семьи и семейных отношений — типичной и традиционной тематике для японского кинематографа. Однако в отличие от многих своих предшественников, в том числе общепризнанных классиков, работавших в жанре семейной драмы: Одзу Ясудзиро, Нарусэ Микио и др., — Корээда предлагает зрителю свой нестандартный и даже порой шокирующий взгляд на семейные проблемы. Главный акцент в своем творчестве он делает не на описание семьи как таковой, не на демонстрацию конфликта отцов и детей, а на показ и анализ различного рода семейных коллизий, а также тех кардинальных изменений, которые претерпевает эта ячейка японского общества в современных условиях. Одна из самых известных его последних картин, созданных в этом жанре и привлекающая большое внимание кинематографической общественности в Японии и других странах, — фильм «Магазинные воришки», удостоенный «Золотой пальмовой ветви» Каннского кинофестиваля в 2018 г. Корээда стал первым японским режиссером, получившим эту почетную награду в XXI в.

Ключевые слова: Корээда Хирокадзу, Одзу Ясудзиро, Нарусэ Микио, японское кино, семейная драма, Каннский кинофестиваль, «Магазинные воришки».

Автор: Катасонова Елена Леонидовна, доктор исторических наук, руководитель Центра японских исследований Института востоковедения РАН, Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: [katasonova@rambler.ru](mailto:katsonova@rambler.ru)

Koreeda Hirokazu: Pain and Fears of Modern Man

E. L. Katasonova

Abstract. Koreeda Hirokazu is one of the leading film directors of modern Japan, a brilliant representative of the new cinema of this country, whose filmography currently includes 30 works. They are mainly devoted to the problems of family and family relations — a fairly typical theme for the Japanese cinema. However, unlike many of his predecessors, including the generally recognized classics such as Ozu Yasujiro, Naruse Mikio, etc., who worked in the genre of family drama, Koreeda offers the audience a non-standard and even something shocking look at family problems. The main emphasis in his work is made not on the description of the family *per se* or the demonstration of the conflict between fathers and children, but on the display and analysis of various kinds of family collisions as well as cardinal changes that this cell of the Japanese society undergoes in modern conditions. One of his latest films created in this genre, that attracted great attention of the cinematic public in Japan and many other countries, is the film “Shoplifters”, which has been awarded the Golden Palm Branch of the Cannes Film Festival in 2018. Koreeda became the first Japanese film director who received this honorary prize in the 21st century.

Keywords: Koreeda Hirokazu, the Japanese cinema, Ozu Yasujiro, Naruse Mikio, family drama, Cannes Film Festival, “Shoplifters”.

Author: Katasonova Elena L., Doctor of Sciences (History), Head of Center of Japanese Studies, Institute of Oriental Studies RAS. Russia, Moscow, 107031, Rozhdestvenka Street 12.

E-mail: katasonova@rambler.ru

Введение

Сегодня мы все чаще сталкиваемся с определенным парадоксом: значительная часть японских коммерческих картин — тех, что в основном смотрят японцы, — оказалась вне зоны широкого доступа для зарубежных зрителей. Зато на Западе любят японское авторское кино и знают его намного лучше, чем сами японцы. В первую очередь это относится к так называемым фестивальным фильмам. Достаточно сказать, что за последние пару десятилетий число японских режиссеров — призеров и номинантов крупнейших международных киноконкурсов резко возросло и сегодня выглядит довольно впечатляющим.

Причем по случайному совпадению фамилии всех четверых главных фестивальных кумиров из Японии начинаются с буквы «К»: Китано Такэси, Куросава Киёси, Кавасэ Наоми и Корээда Хирокадзу.

Очередная волна популярности японского кино на Западе началась с Китано, который в 1997 г. вернул своей стране былую славу кинематографической державы, получив за картину «Фейерверк» («Ханаби», 1997) «Золотого льва» — высшую награду Венецианского кинофестиваля. Напомню, что первым обладателем этого престижного приза из Японии стал в 1951 г. Куросава Акира и его фильм «Расёмон» (1950), познакомивший Запад с японским кино. И вот спустя более сорока лет именно здесь, в Европе, вновь с восторгом заговорили о японском кино и даже придумали по этому поводу специальный термин «Новый удар из Японии» (New Beat from Japan), связанный с Китано — большим любителем кровавых разборок. Напомню, что Бит (Beat) Такэси — это сценический псевдоним Китано, так что во всех смыслах слово «удар» было выбрано неслучайно. Правда, довольно быстро японская жестокость и кровь на экране всем порядком поднадоели, и в фестивальных конкурсных программах появились имена режиссеров, снимающих медитативное, философское и во многом гуманистическое кино. Так зарубежные зрители познакомились с творчеством Корээда Хирокадзу, который в 2018 г. стал первым в XXI в. представителем Японии, получившим «Золотую пальмовую ветвь» Каннского кинофестиваля за фильм «Магазинные воришки» («Мамбики кадзоку», 2018).

Триумф в Каннах

На самом деле еще задолго до этого знаменательного события Корээда стали причислять к так называемым фестивальным знаменитостям, поскольку мастер не перестает снимать свои артхаусные картины и демонстрировать их чуть ли не каждый год на престижных международных киносмотрях, чаще всего в Каннах. Здесь они уже шесть раз участвовали в различных номинациях, а в 2013 г. фильм «Сын в отца» («Соситэ, тити ни нару», 2013) был награжден призом каннского жюри. При этом режиссер никогда не следует фестивальным трендам и не работает в ставших в наше время общепринятыми японских экспортных жанрах. Я имею в виду криминальные драмы про якудза, самурайские боевики и широкий спектр трансгрессив-

ных лент под брендом «Странная Япония», создавших популярность японскому кино за рубежом. Его лиричные и трогательные картины отлично вписываются в фестивальные программы совершенно по другой причине: интерес к человеку и человеческим взаимоотношениям делает фильмы Корээда универсальными, способными найти отклик в душе любого человека.

Правда, на сей раз мало кто ожидал, что эта отнюдь не революционная ни в каком отношении лента о жизни японских маргиналов, промышляющих мелким воровством, обойдет всех фаворитов конкурса и получит столь высокую оценку жюри. На фоне громких эпатажных лент, показанных на этом киносмотре и претендовавших на роль если не своеобразного манифеста нового поколения, то по крайней мере яркого художественного открытия года, работа Корээда, по обыкновению неспешная по темпу развертывания событий, во многом созерцательная могла показаться слишком приземленной и не отвечающей основным фестивальным критериям последних лет.

А знатоки японского кино и вовсе поначалу восприняли этот фильм как попытку японского режиссера в очередной раз продемонстрировать на экране традиционные семейные ценности. И речь здесь идет не только о лентах самого Корээда — «Никто не узнает» («Дарэ мо сиранай», 2004), «Сын в отца» и др. Задолго до него в японском кинематографе была создана целая семейная антология, авторами которой являются многие знаменитые японские режиссеры: Нарусэ Микио, Куросава Киёси, Морита Ёсимицу, Огури Кохэй и др., — посвятившие свои лучшие фильмы показу разных сторон семейной жизни японцев. Но, пожалуй, главной фигурой среди них все-таки предстает великий Одзу Ясудзиро, сделавший проблемы семьи, и в первую очередь отцов и детей, сквозным сюжетом своей фильмографии.

Корээда во многом продолжает традиции своих предшественников, но в отличие от них в своих «Магазинных воришках» он предлагает зрителю нестандартный и даже в чем-то шокирующий взгляд на семейные проблемы. В противоположность Одзу и Куросава (Киёси), его больше интересует не семья как таковая, а семейные коллизии, прежде всего как зона криминального и глубоко интимного сообщества, как последнее прибежище человека вне зависимости от его социального статуса. Вместо разрыва поколений и естественного отчуждения с течением жизни членов семей, запечатленных его предшественниками, Корээда показывает довольно странное, но вместе

с тем гармоничное сообщество маргиналов, волею случая оказавшихся вместе под одной крышей.

Здесь и якобы супружеская пара: бесплодная мать семейства, работающая в химчистке, и ее любовник, вместе с которым они когда-то вместе убили ее законного супруга, исполняющий роль мужа. И девушка, выдающая себя за младшую сестру мнимой матери семейства, подрабатывающая в пип-шоу, а в реальности живущая за счет средств респектабельных родителей. И одинокая старая бабка, которая обитает в этой жалкой лачуге вместе с другими, совершенно посторонними для нее людьми, чтобы скрасить свое одиночество, и даже отдает всю свою пенсию на их пропитание. И наконец, разновозрастные дети — «найденцы», которые непонятно как оказались в этой странной компании воришек и неудачников.

Семья Сибата живет бедно, но на жизнь не жалуется: за их столом всегда царит мир и уют, и даже в мелких неудачах они умеют увидеть проблески счастья. А когда денег на пропитание не хватает, всегда можно умыкнуть еду из ближайшего супермаркета. Фильм как раз и начинается с того, что члены этой странной семейки разыгрывают целый спектакль, чтобы украсть из магазина тележку, нагруженную разнообразной снедью. И это не игра, а привычный способ выживания этой большой семьи, вернее, добровольного сообщества одиноких душ, которым хорошо вместе.

Судьба объединила этих людей в своеобразную квазисемью не по зову крови, а по схожести судеб, по их отношению к жизни, полной беспечной радости, преступной легкости в поступках и абсолютной анархии во всем. Они придумали себе вымышленные имена, скрывают друг от друга свои подлинные жизненные истории и живут, не подчиняясь законам, социальным и моральным нормам. Но каждый из них крайне нуждается в этой лжи и в этих псевдосемейных узах, которые скрашивают их жалкое существование.

И вот однажды, возвращаясь домой с очередной продовольственной добычей, отец с сыном подбирают с улицы маленькую плачущую девчушку, всю грязную и в синяках. В этот момент ничто не может их остановить: ни боязнь неожиданного появления бдительных полицейских, которые рано или поздно обнаружат пропажу ребенка, ни суровый судебный приговор, которым грозит этот опрометчивый поступок. Ведь они не привыкли так далеко заглядывать в будущее, живя только настоящим. А настоящее представляется им спокойным и безмятежным.

Да так оно и было на самом деле, пока не случилась трагическая авария на стройке, где работал отец семейства, в результате чего он получил серьезные увечья. Правда, и эта беда вскоре обернулась для него благом — возможностью жить за счет компенсации по страховке и больше не ходить каждый день на работу. В общем, несмотря ни на что, семейная идиллия продолжается. И далеко не последнюю роль в этом сыграло появление в доме маленькой девочки, ставшей главным объектом заботы домочадцев. Новые родители лечат ей ранки, нанесенные в ее прежней, настоящей, семье, отвозят к морю, но при этом не забывают приучать ее к их основному ремеслу — воровству в магазине и т. д. И даже когда в теленовостях регулярно сообщают о розысках родителями пропавшего ребенка, ее новоиспеченные «родственники» не унывают: они меняют ее имя, облик, сжигают старую одежду. В общем, казалось бы, сообща решают все проблемы.

Но тут на семью обрушиваются новые испытания: внезапно умирает бабка, и похоронить ее не на что. Могилу копают прямо в лачуге. При этом — никаких лишних слов, никаких причитаний, а только шутки. Но вечно эта семейная утопия, замешанная на секретах, обманах, не могла продолжаться. И она заканчивается, когда пойманный с ворованными апельсинами мальчик попадает в полицию, где постепенно раскрывают все тайны этой странной квазисемьи. И тут наступает черед расплат, разочарования и семейного распада. А далее следует финал фильма, который заставляет посмотреть на все произошедшее совершенно другими глазами, перевернув все существовавшие представления о семье и ее ценностях.

Корээда подводит нас к простой мысли: семья — это не обязательно те люди, которые тебя родили, семью можно выбирать. Причем она будет ничем не хуже, чем та, которая дана тебе от рождения. Конечно, эта мысль далеко не нова, ведь уже давно очевиден кризис традиционных социальных институтов во многих странах. Но Корээда идет дальше, показывая зрителю, что в семье, которая состоит из сирот и изгоев, из мелких воришек, может возникнуть такая эфемерная вещь, как простое человеческое счастье. И в этом, наверное, заключается еще один парадокс нашего времени, когда семьи в ее традиционном представлении уже нет, а семейное счастье еще продолжает существовать.

Вот такой необычный криминально-семейный триллер-мелодраму из жизни низов японского общества представил Корээда на Лазурном

берегу. А вслед за этим картина с большим размахом была показана на родине режиссера, где имела внушительные кассовые сборы. Для Японии это довольно обычное явление, когда фильмы собственного производства не дают иностранным пробраться на вершину бокс-офиса, но с авторским кино такое происходит крайне редко.

Правда, в японских официальных кругах «Магазинных воришек» восприняли крайне настороженно, увидев в нем прямую критику японского общества. Именно по этой причине премьер-министр Японии, как пишут, был «просто взбешен каннской победой Корээда и даже не направил режиссеру полагающегося в подобном случае поздравления с высокой наградой, посчитав, что своей картиной он не восславил, а унизил свою страну» [Абдуллаева 2019]. А как ответил на это сам режиссер? Он просто демонстративно отказался от приглашения в Управление культуры Японии, где предполагалось чествование и награждение лауреата. А объяснил свой отказ следующим образом: «Размышляя о прошлом киноиндустрии, когда фильмы создавались для защиты “национальных интересов” и “государственной политики”, я пришел к выводу, что правильнее будет держать определенную дистанцию по отношению к государственным органам» [Томпсон 2018].

А еще более определенно он высказался по этому поводу в ходе интервью в Клубе иностранных корреспондентов Японии: «Фильм — это не средство обличения или трансляции какого-то сообщения. Если сводить киноискусство только к этому, мы потеряем надежду на то, что кино может стать поводом для более глубоких размышлений. Я никогда не снимал фильмы, чтобы что-то похвалить или раскритиковать. Такие фильмы были бы не чем иным, как пропагандой» [Томпсон 2018].

Корээда о семье в современном мире

Своим фильмом «Магазинные воришки» Корээда, по существу, не сказал ничего нового, а повторил все то, о чем уже рассказывал и десять, и пятнадцать лет назад, но при этом найдя новые грани в старых как мир жизненных проблемах. Ведь в картине представлен своеобразный маленький экскурс в историю творчества режиссера, где находится место и шаткому устройству быта из «Никто не узнает», и значению биологического родства в семье из «Сын в отца»,

и даже небольшому вкраплению из «Третьего убийства» («Сандомэ-но сацудзин», 2017) и т. д.

Взять, к примеру, одну из лучших его картин «Никто не узнает», основанную на реальных событиях, случившихся в Токио в 1988 г., которые были в дальнейшем изрядно видоизменены и домыслены самим режиссером. Сюжет этого фильма разворачивается вокруг судьбы неблагополучной семьи — матери-одиночки и ее четверых детей.

Начинается все с того, что молодая женщина Кэйко, которую, кстати говоря, играет не профессиональная актриса, а известная японская журналистка, вместе с сыном-подростком по имени Акира переезжает в новую съемную квартиру. Они радостно и оживленно знакомятся с новыми соседями и весело тащат по лестнице тяжелую поклажу. Большой красный чемодан вносят в квартиру особенно аккуратно, ставят на пол, а он двигается и пищит. Из него вылезает маленькая девочка, из другого чемодана — маленький мальчик. А потом под покровом ночи с вокзала приводят еще одну — старшую — дочь героини. Как оказывается, у женщины четверо детей от разных мужчин, воспоминания о которых уже давно канули в прошлое. И героине приходится одной ловчить в этой жизни буквально во всем, чтобы как-то свести концы с концами. Вот и на сей раз она придумала хитрый план не показывать всех детей четверых соседям — трое из них будут жить в квартире тайно, иначе этой многодетной семье в очередной раз откажут в пристанище. Ведь кому понравится не стихающий детский крик? Да и самой женщине так удобнее и выгоднее. А что? Ведь никто не узнает.

Для бедных детишек квартира становится настоящей тюрьмой: им строго запрещено выходить на улицу, а значит, посещать школу, играть с детьми во дворе и т. д., можно лишь украдкой полить цветы на балконе. И только старший сын Акира имеет право хоть ненадолго покидать пределы квартиры, правда, только чтобы сходить в магазин за продуктами. Ведь он главный в семье, и все домашние обязанности возложены на него: он должен готовить для всех еду, заботиться о младших, стирать белье и т. д., что вряд ли по силам ребенку его возраста. Подросток с завистью смотрит через железные прутья школьного забора на своих сверстников, которым в жизни повезло куда больше. И вновь возвращается в свой постылый дом, где продолжается борьба за выживание его четверых маленьких обитателей. А потом

для них и вовсе начинается постепенное крушение мира (отключение за неуплату газа, воды, смерть маленькой девочки, которую, уложив в чемодан вместо гроба, хоронит старший брат, и т. д.). Неспрос-та в фильме неожиданно появляется цветущая сакура, которой так радуются эти маленькие бедолаги, попав после долгого заточения на весеннюю улицу города. Ведь красота и мимолетность цветения этого дерева часто сравнивают с быстротечностью и хрупкостью человеческой жизни. А что ждет их уже завтра? Об этом так никто и не узнает, ведь эти дети нигде официально не значатся.

А как же их непутевая мать, от которой постоянно пахнет спиртным? Ее почти никогда нет дома. Женщина сутками пропадает то на заработках, то на любовных свиданиях, совершенно забыв о детях. Но Корээда почему-то относится к ней с немалой долей симпатии, которую он всегда испытывает к неудачникам и лузерам. «Разве я не заслуживаю быть счастливой?» — спрашивает мать напрямую старшего сына. Ведь дети для нее всего лишь помеха для счастья, а в остальном — никаких моральных запретов.

В поисках очередной любви женщина сначала пропадает на месяц, но потом неожиданно появляется в доме с подарками, затем вновь исчезает и присылает им какие-то смешные деньги, которых не хватает даже на оплату коммунальных услуг. Ну и в конце концов она покидает детей, по-видимому, навсегда. И это самое страшное в фильме — постепенная и необратимая потеря родственной связи между матерью и детьми. Но об этом никто не узнает.

Этот тревожный фильм о повседневной жизни детей, фактически брошенных родителями на произвол судьбы, вызвал у зрителей настоящий эмоциональный шок, перемешанный с глубоко личными воспоминаниями и ассоциациями, которые обычно каждый из нас хранит в глубине души. То, о чем ты знаешь, но чего не видишь воочию, вдруг приобретает четкие очертания, и приходит осознание, что и сюжет фильма, возможно, нереален, и герои во многом вымышленные, но ведь все это незримо присутствует в нашей жизни. Просто мы этого не видим или, скорее всего, не хотим замечать, а режиссер отважился на это. Причем, поразительно и то, что эта печальная история в его пересказе на языке кино, несмотря на свой драматический финал, полна веры в людей. И это позитивное гуманистическое начало отличает практически все во многом трогательные и одновременно трагичные фильмы Корээда.

«Никто не узнает», безусловно, этапная лента в творчестве известного мастера, которая не только оказалась в центре широкого общественного внимания в Японии, но и была номинирована на главный приз Каннского кинофестиваля. И сама режиссерская работа, и фильм в целом, получили лишь позитивные отклики членов жюри и прессы; высшая же награда — за лучшую мужскую роль — была вручена четырнадцатилетнему Ягира Юя, сыгравшему роль старшего сына Акира и ставшему самым молодым победителем в этой номинации за всю историю Каннского кинофестиваля. И это было большой победой не только молодого дарования, но и самого режиссера, дебютировавшего в художественном кино в 1995 г., когда ему было уже 33 года.

Из документалистики в художественное кино

Корээда начинал свой творческий путь в документалистике, куда пришел после окончания престижного частного японского университета Васэда. Туда он поступал с мыслью стать писателем, но за время учебы круто изменил свое пристрастие, увлекшись на старших курсах кинематографом. Первым местом работы Корээда стала независимая компания TV Man Union, известная своими экспериментами в сфере документального кино, куда его взяли в качестве ассистента режиссера. Сама эта должность и круг производственных обязанностей вроде бы никак не предполагали широких возможностей для самостоятельного творчества. Но Корээда умудрился параллельно с основной работой снимать в рабочее время тайно от начальства свою первую авторскую ленту «Другое образование» («Мо хитоцу-но кёйку», 1991). Работал он в одиночку при помощи домашней камеры, в течение трех лет постоянно наблюдая за школьниками с близкого расстояния и фиксируя их трогательную заботу о теленке и его благодарную ответную реакцию. Все было необычным в этой работе: и тематика, и съемки, и герои, — что произвело на руководство компании огромное впечатление, и Хироэда был допущен к самостоятельной работе.

Буквально на одном дыхании он создает целую серию документальных фильмов о социальных проблемах японского общества. Среди них лента «Однако» («Сикаси», 1991), рассказывающая о самоубийстве высокопоставленного чиновника, обвиненного в попустительстве, которое привело к распространению болезни Минаматы. Далее были сняты «Август без него» («Карэ га инай хатигацу га»,

1994) — о первом японце, заразившимся СПИДом половым путем, и «Когда я потерял память» («Кироку га усинаварэта токи», 1996), герой которой страдает страшным недугом — утратой способности запоминать что-то новое. И только после этого состоялся дебют Корээда в художественном кино.

Это был фильм «Блуждающие огни» («Мабороси-но хикари», 1995), созданный в стиле документального кино, где режиссер по-прежнему опирается на собственный опыт и реальные события. Ведь образ главной героини Юмико во многом был навеян встречей с женщиной, у которой Корээда брал интервью для своей картины «Однако». Правда, сюжет на сей раз строится в основном вокруг ее мучительных переживаний и во многом безуспешных попыток понять причины сначала бесследного исчезновения бабушки, а потом и необъяснимого ухода из жизни мужа. Погрузившись в этот мрачный мир сомнений и догадок, Юмико одновременно вынуждена находить в себе силы воспитывать маленького ребенка, оставшегося у нее на руках. Стремясь хоть что-то изменить в своей жизни, она выходит замуж за вдовца, воспитывающего дочь, и переезжает к нему в отдаленный рыбацкий поселок. Но это не спасает ее от душевных мук в поисках ответов на вопросы, которые постоянно преследуют ее.

В фильме мало событий, главное — это отражение малейших нюансов мятежного состояния духа самой героини, которое великолепно передает не раз появляющийся в кадрах изменчивый морской пейзаж, ставший своеобразной метафорой ее переживаний. Режиссер специально снимает его только при естественном освещении, передавая тонкую игру света и тени, символизирующих невозполнимую утрату героини, и подчеркивая ее черным цветом ее одежды и многими другими лаконичными, но живописными деталями. Корээда практически не пользуется крупными планами, камера, как правило, не следует за героями, а остается неподвижной, как бы наблюдая за ними. Одним словом, режиссер максимально стремится размыть границы между документальным и игровым кино, и это становится главной особенностью его художественного стиля.

Картина вызвала немалый интерес в Японии, заставив заговорить о начинающем талантливом режиссере, и вскоре он уже представлял свою работу на крупнейшем Венецианском кинофестивале. К сожалению, главную награду фильм так и не получил, но взял «Золотую Озеллу» за лучшую операторскую работу. И после этого практически

каждая лента Корээда удостоивалась почетных наград либо номинаций на одном или сразу нескольких престижных мировых киносмотр-ах. Одним словом, за пределами Японии Корээда сразу же полюбили не меньше, чем на родине. Но настоящая мировая известность к нему пришла несколькими годами позже — в 1998 г. вместе с картиной «После жизни» («Вандафуру райфу», 1998), удостоенной большого числа всевозможных кинопремий в Японии и за рубежом, в том числе приза ФИПРЕССИ на фестивале в Сан-Себастьяне, и показанной более чем в 30 странах мира.

Оригинальное название фильма — это калька с английского *Wonderful Life*, что, безусловно, отсылает нас к классическому американскому фильму «Эта прекрасная жизнь» (*It's a Wonderful Life*) Фрэнка Капры, снятому в 1946 г. по рассказу Филипа Ван Дорен Стерна «Величайший подарок». Эту картину очень любят американцы, стало традицией ежегодно показывать ее по центральным телеканалам этой страны в канун Рождества.

Главный персонаж фильма по имени Джордж, не выдержав череды финансовых и других проблем, решает перед самым Рождеством совершить самоубийство. Но ангел-хранитель спасает его, помогая увидеть, как плохо будет без него и без его добрых поступков в этом маленьком городке. Наполненный радостью Джордж возвращается домой к своей любящей семье и друзьям, с которыми он забывает обо всех невзгодах, а жители города тем временем собирают для него деньги, чтобы помочь расплатиться с долгами.

В отличие от картины Капры, светлой, наивной и оптимистичной, с не переменным для американцев хеппи-эндом, Корээда снял по-настоящему философский и одновременно фантастический фильм — притчу о загробном мире, весь пронизанный метафизикой и одновременно удивительно теплый и даже интимный, созданный в нарочито приземленной, бытовой манере. Он как бы вплотную приближает зрителя к тайне бытия, попутно приглашая его, пока не поздно, внимательнее взглянуть и на собственную жизнь.

Режиссер придумал весьма интересный сюжетный ход: прежде чем отправиться на вечный покой, героям картины — призракам во плоти — предстоит оказаться в каком-то странном заброшенном помещении, возможно своеобразном чистилище, и вспомнить самое счастливое мгновение своей жизни, достойное вечности. Им помогают местные волонтеры, которые записывают их рассказ в форме

интервью, затем полностью реконструируют этот эпизод на кино- пленке, и вот во время просмотра этого короткого фрагмента происходит самое главное — умерший переносится в ту новую для себя реальность.

Некоторые из недавно преставившихся легко справляются с этой задачей, но большая часть покойников все-таки испытывает большие затруднения. Оказывается, что далеко не каждый может прокрутить в памяти всю свою долгую, пусть и счастливую, жизнь. Да и не всегда получается выбрать из обилия воспоминаний только самое значимое событие. Ведь в глазах других любой эпизод чужой жизни может показаться самым рядовым и обычным. Но разве для счастья нужны особые условия? У кого-то это рождение ребенка, у кого-то эпизод из детства, война, семья, тепло материнских рук, простая трапеза на свежем воздухе, беззаботные танцы и даже первая поездка в трамвае... Старушка вспоминает цветущую сакуру, летчик — полеты в облаках. Все так просто и так до ужасного больно, когда эти простые вещи навсегда уходят от нас.

Но, наверное, хуже всего тем, кто вообще не может вспомнить ни одного радостного дня в своей жизни. Так, один из героев говорит, что жизнь его была ничем не примечательна. А другой паренек категорически отказывается выбрать что-то одно, потому что считает себя в ответе за каждый прожитый миг. В своем последнем выборе сомневаются многие, но сомневаться нельзя и ошибиться тоже, ведь только в этом эпизоде человек остается жить на пленке и с этим самым счастливым мгновением отправится в вечность. А на размышления и выбор дается только семь дней — надо торопиться: ведь сюда прибывают и прибывают все новые партии мертвецов. А те, кто не успевает принять решение, становятся волонтерами, по сути дела ангелами, и помогают другим справиться с этой последней на Земле задачей. Однако, как выясняется, эта работа не поощрение, а только возможность спасения для тех, кому их собственная жизнь показалась бесполезной и ненужной. Более того, во многом это наказание, потому что ни вернуться на Землю, ни уйти в мир иной они уже не могут.

Весь сюжет построен на историях умерших людей, рассказанных от первого лица, причем удивительно, что большинство из них — это не профессиональные актеры и произносят они не придуманные в сценарии слова, а делятся подлинными воспоминаниями из своей

жизни. Так что фильм наполовину документальный. Прежде чем приступить к съемкам, Корээда познакомился более чем с 500 людьми, задав им один единственный вопрос: какое воспоминание они хотели бы сохранить навсегда? Из них он отобрал десятерых, которые и появляются в фильме рядом с профессиональными актерами, исполнившими роль персонала. И в этом нет ничего удивительного, так как режиссер когда-то начинал с документального кино и умеет работать с любителями, так же, впрочем, как и с детьми. Вот такое удивительное сочетание правды жизни и вымысла.

Однажды Корээда откровенно признал, что «его интересуют чувства и эмоции, рождающиеся на стыке так называемой реальности и искусственной среды фильма» [Теракопян 2015, с. 40]. И это высказывание в полной мере относится к содержанию этого фильма, просмотр которого для многих зрителей оказался сродни культурному шоку. В картине они увидели то, о чем и говорить как-то не принято, не то что показывать. Ведь на самом деле эта картина — добровольная исповедь реальных людей. Она не о мертвых и не о том, что с ними происходит по пути к загробному миру, а о живых и для живых, которым еще не поздно взглянуть на свою жизнь со стороны и что-то в ней изменить.

Корээда как-то сказал, что, по его мнению, «после жизни нет ничего, но его интересовало, как люди продолжают жить после смерти близкого им человека» [Теракопян 2015, с. 41]. Отсюда в фильме встречается много разных достаточно нестандартных мыслей о ценности и смысле жизни. «Не все, что есть в нас ценного, заключено внутри нашей телесной оболочки. Когда мы осознаем, что составляет очень важную часть жизни какого-то другого человека, мы начинаем по-иному ценить и свою собственную жизнь», — заявляет режиссер [Теракопян 2015, с. 41].

Режиссер в этой картине, как и во многих других своих работах, много размышляет о человеческой памяти и о том, как она важна в нашей жизни. И это напрямую связано с печальным событием, которое незадолго до этого произошло в его семье. Его престарелый отец, переживший войну и даже побывавший в плену в СССР, заболел болезнью Альцгеймера и перестал узнавать сына. И впервые столкнувшись с этим страшным недугом Корээда, в принципе всегда в душе дистанцировавшийся от отца, был потрясен умственной деградацией близкого человека. И это заставило его начать изучать работу основ-

ных механизмов нашей памяти, чтобы найти ответы на волнующие его вопросы, что стало одним из лейтмотивов его творчества.

А еще в процессе съемок режиссер серьезно заинтересовался проблемами религии, анализом обстоятельств и причин прихода людей к вере, особенностями трансформации их сознания и т. д. И об этом он решил поговорить со зрителем в своем следующем фильме «Дистанция» («Дисутансу», 2001). По стилистике и тематике эту работу Корээда можно считать продолжением ленты «После жизни», так как она логично вписывается в общую цепь размышлений режиссера о жизни и смерти, о памяти и прощении, о человеческих потерях и умении примириться с ними. Правда, некоторые кинокритики находят в ней прямые параллели с американским фильмом ужасов «Ведьма из Блэр: Курсовая с того света» (1999), незадолго до этого с успехом прошедшего по мировым экранам. Он повествует о трех студентах киноотделения колледжа, которые заблудились и бесследно исчезли в лесах штата Мэриленд, снимая свой курсовой проект о местной легенде — ведьме из Блэр. Но у Корээда фильм все-таки о другом, не связанном с потусторонними силами.

Смысл названия картины сам режиссер объясняет желанием показать дистанцию, а в реальности даже пропасть между настоящим и вымышленным, между жизнью и смертью, человеком и его воспоминаниями. И хотя в фильме об этом напрямую не говорится, идея его создания во многом навеяна историей с зариновой атакой в токийском метро, которая была организована в 1995 г. адептами религиозной секты «Аум синрикё». Эта трагедия потрясла тогда все японское общество, до сих пор так и не получившее ответ на вопрос, что заставило этих благополучных молодых людей отважиться на столь чудовищный поступок.

Похожую дилемму пытаются разрешить и герои «Дистанции» — четыре незнакомых взрослых человека, которые отправляются к заброшенному озеру, чтобы помолиться о погибших здесь родственниках — членах тоталитарной секты. Три года назад они отравили местные резервуары с питьевой водой, а затем покончили с собой. На обратном пути паломники обнаруживают, что машину угнали и они никак не смогут выбраться из этого глухого уголка до наступления темноты. Но вскоре они встречают случайно оставшегося в живых бывшего члена секты, который приводит их в домик, где обитали в свое время ее адепты и где теперь вынуждены остановиться их родственники.

Героям предстоит долгая ночь, наполненная воспоминаниями и размышлениями о своих близких и о том, что заставило их совершить такое страшное преступление. Из флешбэков, которые режиссер, в отличие от предыдущего фильма, использует часто, становятся понятными все сложные перипетии их судьбы: мужчина оставляет жену и ребенка, жена бросает мужа, брат расстается с сестрой и т. д. При этом Корээда, стремясь достичь эффекта документальных кадров, пользуется ручной камерой и заставляет актеров как можно больше импровизировать, что создает впечатление реальности происходящего. И от этого увиденное еще больше потрясает своей обыденностью и обреченностью.

Однако в целом фильм не стал большим кинематографическим событием, произведя на зрителей впечатление слишком мрачного, затянутого и, в общем-то, малоинтересного по своему сюжету. И тем не менее он был заявлен в конкурсной программе Каннского кинофестиваля, однако, как нетрудно предположить, там он тоже прошел практически незамеченным. Но зато уже в 2004 г. Канн рукоплескали новому фильму режиссера «Никто не узнает». Этот фильм, можно сказать, подвел итог раннему периоду творчества режиссера, после чего Корээда полностью погрузился в поиск новых тем, новых художественных решений, один за другим выпуская на экраны совершенно разные по жанрам и стилистике фильмы, причем все успешные.

В поиске новых тем

Новый этап своего творчества режиссер начал со съемок ленты «Больше чем цветы» («Хана ёри-мо нахо», 2006), впервые обратившись к историческому жанру. В центре сюжета — рассказ о непутевом самурае, который приезжает в Эдо, чтобы отомстить за смерть отца, но вместо этого начинает обучать местных ребятишек математике и литературе. А повстречавшись с обидчиком, не может убить его. Вместо реальной битвы он вместе с друзьями разыгрывает маленький спектакль о якобы свершившейся мести. И такая развязка в стиле Корээда, который, предприняв попытку деконструкции самурайского мифа, показал в своем фильме, как на самом деле трудно убить человека.

Или же другая его необычайно трогательная и поэтичная картина «Пешком-пешком», или «Вместе мы идем» («Аруйтэ мо аруйтэ

мо», 2008), получившая целую коллекцию призов, начиная с премии Asian Film Awards и японской «Голубой ленты» за лучшую режиссуру и кончая призом за лучший фильм кинофестиваля в Мар-дель-плата (Аргентина). Эта картина особенно дорога Корээда, поскольку он посвятил ее памяти своей матери, скончавшейся незадолго до этого. Ее название — это строки из популярной песни начала 1970-х, ее любимой мелодии. А сюжет во многом построен на личном опыте режиссера, который выступает в картине в образе младшего сына. И хотя эту картину нельзя полностью отнести к автобиографическим, в ней происходит много событий, в действительности имевших место в жизни семьи Корээда, когда мать была еще жива и полна сил.

В центре сюжета — семейная драма, разворачивающаяся в течение одного дня. В этот день пожилые супруги Ёкояма в кои-то веки решили собрать родственников в связи с годовщиной гибели своего старшего сына. С тех пор прошло много лет, но мать никак не может смириться с тем, что ее подававший большие надежды старший сын пожертвовал собой, спасая совершенно незнакомого подростка, который до конца, кажется, так и не оценил благородство и жертвенность этого поступка. Да и в семье об этой трагедии старались говорить как можно реже, чтобы не будить тяжелые воспоминания.

А потом дети и вовсе выросли и разъехались по разным домам, предпочитая поддерживать семейные узы на расстоянии. Это дочь, удачно вышедшая замуж и родившая двух детей, и младший сын — временно безработный художник-реставратор с новой женой и ее ребенком от первого брака. И вот по зову родителей они приезжают в отчий дом, чтобы наконец встретиться и поговорить по душам. И неожиданно для всех за кухонной суетой и застольными разговорами о прежних временах эти когда-то близкие и родные люди, порой сами того не желая, открывают для себя совершенно неизвестные им тайны своей семьи, вместе вспоминают о прежних ссорах и обидах, обсуждают свои и чужие успехи и неудачи. И перед зрителями впервые предстает непростая картина крайне запутанных отношений в весьма благополучной с виду семье.

Казалось, что Корээда в своем творчестве вновь вернулся в родную стихию — к неисчерпаемой семейной теме, в которой он постоянно находит новые и новые повороты. Но нет! В следующем 2009 г. он обращается к совершенно несвойственному для себя жанру комедии и снимает экранизацию популярной манга «Надувная кукла» («Куки

нингё»). Правда, в его интерпретации это скорее драма с элементами фэнтези.

Надувная кукла по имени Нодзومي долгие годы служит своему хозяину, заменяя ему реальную подругу. Она называет его обладателем, а он считает ее своей женой. Они ужинают вместе, он рассказывает ей о своей работе, гуляет с ней в парке и занимается сексом, а она терпеливо молча во всем соглашается с ним. Но однажды, когда герой уходит на работу, его игрушка неожиданно оживает и превращается в очаровательную девушку с добрым сердцем и чистым неиспорченным сознанием. Такой она начинает постигать окружающий мир, делая элементарные открытия, которые по причине своей ординарности просто недоступны людям. Вскоре Нодзومي устраивается на работу в магазин, торгующий видеофильмами, и почти сразу влюбляется в своего коллегу, что порождает в ее душе множество вопросов о том, что значит жить и любить. А однажды ее возлюбленный и вовсе спасет ее, когда из ее резинового тела выйдет весь воздух. Он залепит прорез и вдохнет в нее новую жизнь. Но ненадолго, так как в самом конце фильма кукла все-таки возвращается к своему владельцу и снова лишается души.

Сюжет вроде бы простой и легкий, если судить по названию и даже по первым кадрам, ведь он заимствован из одноименной манга Года Ёсииз. Но надо понимать, что эта манга создавалась для взрослых и, как всегда в таких случаях, с элементами эротики. Эротика в фильме тоже присутствует, но Корээда в значительной степени доработал первоначальную историю, наполнив ее важными философскими и нравственными моментами. Здесь мы встречаем и размышления режиссера о том, как мы одиноки в этом мире. И осознание, что у любого человека полно своих проблем, с которыми он безрезультатно старается бороться один на один. И иллюстрации к нашей реальной жизни, где мы, подобно таким же куклам, всегда стараемся сохранять на лице одну и ту же дежурную улыбку при всех неудачах. А еще в конце фильма мы начинаем понимать, что жизнь содержит в себе пустоту, которую может наполнить только кто-то другой. Но встретим ли мы его?

Одним словом, главной проблемой фильма становится тема одиночества, социальной изоляции современных людей, их незащищенности в этом мире, то есть все то, с чем все чаще сегодня сталкиваются люди в Японии, да и в других странах. Что можно к этому еще добавить?

Наверное, только то, что эта лента принимала участие в конкурсной программе Чикагского кинофестиваля и в программе «Особый взгляд» в Каннах. А исполнительница главной роли корейская актриса Пэ Ду На была номинирована на самые престижные японские кинопремии. Но это было лишь предвкушение успеха. Настоящий триумф придет к Корээда в 2013 г. на Каннском кинофестивале, куда он привезет свою новую картину «Сын в отца».

А пока режиссер продолжает пробовать себя в различных жанрах, в том числе в совершенно несвойственной для себя области коммерческой рекламы. Я имею в виду историю создания его фильма «Чудо» («Кисэки», 2011), первоначально задуманного как реклама скоростных японских железных дорог «Синкансэн». Эту идею предложила ему крупнейшая компания JR, которой принадлежит эта транспортная сеть, и предложила потому, что Корээда уже давно был известен в Японии не только как талантливый режиссер, но и как большой любитель поездов.

И вскоре он с большим художественным талантом развернул этот рекламный проект в трогательную и добрую человеческую историю ожидания чуда. А чтобы все выглядело по-настоящему, он по своему обыкновению пригласил на эпизодические взрослые роли своих любимых актеров, прежде всего из недавно законченного фильма «Пешком-пешком». А главными героями картины сделал детей, с которыми режиссер умеет и любит работать. В результате получился трогательный фильм о двух братьях, которые из-за развода родителей вынуждены проживать в разных городах. Они постоянно скучают друг по другу и все время мечтают о воссоединении своей семьи. А для этого должно произойти чудо, и оно действительно вот-вот случится. Дело в том, что между их городами планируют в скором времени пустить скоростной поезд «Синкансэн». А мальчики где-то услышали, что при встрече на линии двух таких поездов высвобождается энергия, позволяющая любому желанию сбыться. И маленькие герои с огромной верой ждут этого момента, строя грандиозные планы на будущее.

В общем, в фильме наличествует практически все то, что требуется для приятного семейного просмотра, не преуменьшая при этом и его рекламные цели. А каких-то особых художественных сверхзадач никто и не ставил — ни сам Корээда, ни его заказчики. Точно так же трудно судить о художественных достоинствах следующей работы режиссера — документальной короткометражки «Послание из

Фукусима» («Фукусима-кара-но мэссэджи», 2012), созданной во многом спонтанно как живой отклик мастера на трагедию, случившуюся в Японии 11 марта 2011 г. Но обе эти ленты гармонично дополнили достаточно внушительную фильмографию Корээда, насчитывающую на сегодняшний день более 30 картин.

И вновь о семейных ценностях

И все-таки центральной темой для режиссера остается семья, о чем он продолжает рассуждать в фильме «Сын в отца» (еще одно русское его название — «Каков отец, таков и сын»). Эта лента в дальнейшем натолкнула режиссера на идею создания «Магазинных воришек». Она не только получила большую популярность на родине режиссера, но и была показана во многих странах мира, а также удостоена разных престижных наград и почетных номинаций как в Японии, так и за рубежом, став, в частности, обладателем Приза жюри Каннского кинофестиваля и получив специальное упоминание его экуменического (христианского) жюри.

Ее сюжет может показаться знакомым западным зрителям, ведь тема подмены детей в роддоме совсем не нова. В чем-то он напоминает и всем хорошо известную историю о принце и нищем — правда, на сей раз герои как-бы поменялись местами. Однако ни для японского общества, ни для японского кино показанное на экране не столь уж типичное явление. А суть его такова. Две совершенно незнакомые между собой семьи, не зная о том, воспитывают неродных сыновей, подмененных еще в роддоме. Причем происходит это не по какому-то чрезвычайному стечению обстоятельств, а по злему умыслу богатой медсестры, которая решила таким образом отомстить другим людям за то, что сама вынуждена была воспитывать чужих детей — детей своего мужа.

И вот по прошествии шести лет главные герои все-таки узнают горькую правду и оказываются перед непростым выбором: либо ничего не предпринимать, либо обменять сыновей. Но ни то ни другое решение в данной ситуации невозможно. Ведь нельзя же безжалостно манипулировать детьми, оторвав их от родного очага и поместив в совершенно непривычные для них условия жизни. Но и оставлять все как есть тоже нельзя: с годами каждый из сыновей все больше будет походить на своих биологических родителей и все тайное окажется явным.

Больше всех переживает по этому поводу зажиточная семья преуспевающего архитектора Нономия Рёта. Для него в жизни все подчинено двум целям — собственному успешному продвижению по карьерной лестнице в престижной строительной компании и достижению полного финансового благополучия для своих домочадцев — заботливой молодой жены и подрастающего сына Кэйта. Из него он намеревается вырастить такого же целеустремленного и успешного человека, каким является сам. Для этого отец старается обеспечить своего наследника всеми мыслимыми и немыслимыми материальными благами: частная школа, профессиональный фотоаппарат, уроки игры на фортепиано, игровая приставка и т. д. Зарабатывая на все эти нужды, Рёта постоянно пропадает на работе, практически не видя своего единственного чада, а встретившись с ним, невольно испытывает огорчение, видя, как сын постепенно становится все более чужим ему человеком. В нем нет ни лидерских качеств, свойственных главе дома, ни его упорства, не перенял он от отца ни особый склад ума, ни яркий талант.

При этом в житейской сообразительности мальчишке не откажешь, так же как и в неумной фантазии. Ведь как правдоподобно и эмоционально он рассказывает малознакомым людям, как ходил с отцом в поход и запускал вместе с ним воздушного змея — все то, о чем он, по-видимому, всегда мечтал, но чего никогда не случилось в его жизни. Но амбициозный и бессердечный отец не слышит и не понимает естественных мальчишеских желаний. И вот тут начинается самое интересное: через шесть лет подмена вскрывается. Рёта случайно узнает, что Кэйта не его родной сын. И сразу же задумывается над тем, как обменять этого чужого по крови и духу мальчика на родного, в котором, как он предполагает, сильны его гены, а «кровь, — как заявляет герой, — не обманешь». Правда, при этом возникает проблема иного рода: все шесть лет после своего рождения тот жил и воспитывался в совершенно иной социальной среде — в семье владельца небольшой лавочки по продаже хозтоваров. Он не знал роскоши, не получал дорогих подарков, как Кэйта, зато всегда весело проводил время вместе с братом и сестренкой, а еще радовался живому и всегда интересному общению с балагуром-отцом, который мог и любую. игрушку починить, и рассказать занимательную историю. Живут эти люди бедно, но дружно. И поэтому новость о произошедшей когда-то подмене детей вовсе не огорчила их.

Напротив, отец искренне радовался появившейся возможности получать денежную компенсацию из больницы из-за допущенной в свое время ошибки.

Противопоставление двух семей позволяет режиссеру представить перед зрителем два совершенно разных среза японского общества. Члены одного из них живут в шикарном доме, покупают дорогую одежду и водят сына в музыкальную школу. Другие держат магазинчик хозтоваров, моются в общей ванной и носят яркие дешевые футболки. Напрямую не осуждая ни тот ни другой образ жизни, Корээда пытается в потоке будней отыскать родительскую любовь — настоящую и призрачную. Бессердечен ли Рёта, когда предлагает лавочнику Юдаи забрать к себе на содержание сразу двух детей — и Кэйта, и Рюсэй — только потому, что он может их обеспечить? Искренен ли сам папаша Юдаи, когда дурачится вместе с детьми, или просто инфантилен сам? Оба отца вызывают неоднозначные эмоции и любят своих детей по-разному, в то время как матери, несмотря на такое же внешнее противопоставление, любят одинаково. Выходит, что отцовские чувства куда сложнее материнских. Вот почему именно образ сомневающегося Рёта обнажает проблематику фильма и рождает массу вопросов.

На первый взгляд главный из них так или иначе затрагивает банальное противопоставление между материальными и духовными устремлениями в жизни людей, но проблема здесь намного глубже. Что важнее: жизнь в обеспеченной семье, где можно получить хорошее образование и выбиться в люди, или тихое семейное счастье, правда без каких-либо особых перспектив? Что лучше — эмоциональный холод преуспевающего бизнесмена или душевное тепло того, кто считает каждую копейку? Кто важнее — воспитанный тобой ребенок или кровный наследник?

И фильм буквально до последнего кадра держит зрителя в напряжении, оттягивая ответы на все эти вопросы. А в конце понимаешь, что ответов и не будет, потому что просто невозможно сделать до конца осознанный и правильный выбор, ведь право на счастье имеет каждая семья. При этом совершенно очевидно, что симпатии самого Корээда явно на стороне нематериального богатства, ведь фильм символично заканчивается в доме хозяина лавки, который не располагает большими деньгами, зато может подарить своим домочадцам спокойствие и любовь.

При этом режиссер немного жалеет и Рёта, посчитавшего, что главное не воспитание и время, проведенное вместе с ребенком, а биологическое родство — «родная кровь». И в конечном счете он был наказан за такой образ мыслей, ведь его родной сын оказался фактически бесталанным, в отличие от Кэйта. И этот преуспевающий и уверенный в себе человек вдруг обнаруживает свое заблуждение. Этот трудный путь прозрения он совершает вместе со зрителем — режиссер дает ему и нам такой шанс.

По существу, Корээда снял очень лиричное кино на такую трудную, деликатную и во многом болезненную для многих из нас тему, как «кровное родство». Эту тему он в дальнейшем разовьет в фильме «Магазинные воришки». «Я снял фильм, который называется “Сын в отца”, в котором рассказал, что именно делает семью семьей: зависит ли это от крови и от времени, которое мы проводим вместе с семьей? — поясняет сам Корээда. — В этом фильме [“Воришки”] я тоже поднимаю эту тему. Это история о том, может ли или не может быть семьи, не связанной узами крови. Это было отправной точкой, как я думаю» [Wise 2018].

В промежутке между этими двумя главными картинами в своей творческой биографии режиссер создает еще несколько семейных драм. И в каждой из них он скрупулезно разрабатывает новые сюжетные линии и акцентирует внимание на тех или иных вопросах, более других волнующих его в данный период. Пожалуй, единственное исключение — его замысловатая детективная картина «Третье убийство» («Сандомэ-но сацудзин», 2017), хотя и там есть немного про семью. А в остальном он превращает пресловутое детективное расследование в философскую притчу о судьбе, правде и вине, попутно развернув привычный вектор своих нравственных поисков.

«Очень важно найти сюжет о неполной семье, потерявшей часть своих членов. Но тогда кто-то другой начинает стремиться взять на себя роль родителей. Они стремятся восстановить семейные узы. Я люблю такого рода истории, они сильно волнуют меня», — приоткрыл одну из тайн своего творчества сам режиссер [Bradshaw 2015]. В 2015 г. Корээда рассказывает зрителю именно такую историю в фильме «Наша младшая сестренка», или «Дневник Уимати» («Уимати дайари»). Картина основана на манга «Дневник Уимати» Ёсида Акими, которая начинается с рассказа о тихой жизни трех сестер на живописном побережье Камакура. Еще в раннем детстве родители девочек расстались, оставив их на воспитание бабушке. И стар-

шей из них, Сати, вскоре пришлось стать главой семьи и заботиться о младших, несмотря на то что сама она тогда еще училась в школе. Сати вообще жертвенная натура. Она работает в больнице и заботится о безнадежно больных людях. С тех пор прошло 14 лет, умирает отец, и три сестры едут на его похороны. Здесь они знакомятся со своей сводной тринадцатилетней сестрой Судзу — дочерью отца от второго брака. Ее мать давно умерла, и после смерти отца та остается совершенно с чужими для себя людьми — мачехой и ее сыном.

Сестры искренне сочувствуют ей и предлагают своей новоявленной родственнице переехать жить к ним, и та соглашается. И тут-то включается главная сюжетная линия, рассказывающая о том, как трудно было этим молодым девушкам найти общий язык и как теперь уже четыре сестры, преодолевая различные конфликты, то и дело возникающие в их непростых взаимоотношениях, становятся по настоящему единой семьей. В общем-то, история стара как мир, и тем не менее фильм запоминается своим сюжетом, интересны сестры, такие разные, но все еще живущие вместе, и, конечно же, особо впечатляют живописные пейзажи этих мест, цветущая сакура и т. д. Режиссер всегда испытывал тягу к документалистике, и в этой работе он остается верен себе и использует интересный прием: стремится передать эмоции, взаимоотношения между героями не только через сюжет и диалоги, но и через последовательную детализированную картинку. Отсюда — особое внимание к деталям, к неспешному и в то же время наполненному смыслом повествованию, таящему в себе напоминание о быстротечности жизни и ценности воспоминаний.

Обращаясь к проблемам семьи, режиссер умудряется отыскивать ее самые необычные, деформированные образцы и, как ни странно, находит в них гармонию и счастье. Именно такой случай он описывает в своем следующем фильме «После бури» («Уми ёри мо мада фукаку», буквальный перевод — «Глубже, чем море», 2016). Его действие происходит в дождливую ночь в маленькой квартирке матери главного героя, где из-за неожиданно обрушившегося на побережье тайфуна все члены когда-то одной дружной семьи вынуждены вместе пережить стихию.

Он — в недалеком прошлом подававший большие надежды и неплохо преуспевавший писатель, а ныне самый заурядный частный сыщик, занимающийся расследованием разных мелких дел. Он потерял в жизни все, а не только хорошую работу: похоронил отца, расстался с женой, забравшей при разводе сына и уже нашедшей бывше-

му супругу достойную замену. Подростающий сын — это все, что у героя осталось от прежнего благополучия, но и его он не может подержать ни материально, выплачивая на него, как полагается в таких случаях, алименты, ни морально, по крайней мере каким-то достойным жизненным примером. Но не только сына, но и свою мать этот опустившийся человек не может порадовать ни вниманием, ни деньгами. А причина тому одна: все заработанные деньги он проигрывает на скачках, где проводит все свободное время. В общем, вырисовывается такая печальная и, казалось бы, безнадежная картина распавшейся семьи. Но где-то на интуитивном уровне у зрителей почему-то появляется надежда, что разразившая стихия, собравшая этих ставшими чужими людей под одной крышей, сможет вновь объединить их.

Оба эти фильма были показаны в Каннах, соответственно в 2015 и 2016 гг. Первый — в основной конкурсной программе в номинации на «Золотую пальмовую ветвь», второй — в программе «Особый взгляд». Я так подробно пишу об этом, чтобы еще раз подчеркнуть, насколько настойчиво и целеустремленно, в общем-то, не очень амбициозный Корээда шел к своей заветной цели — высшей награде Каннского кинофестиваля.

Заключение

О Корээда сегодня много пишут и спорят, особенно после его победы в Каннах. Некоторые считают его чуть ли не главной фигурой в сложной кинематографической иерархии в Японии, где, несмотря на обилие громких имен и ярких талантов, пожалуй, пока еще не родились режиссеры масштаба Куросава Акира или Одзу Ясудзиро. А ярко вспыхнувшие звезды Китано Такэси и Миядзаки Хаяо уже начинают постепенно сходить с кинематографического небосклона. Посему здесь нужны свои новые классики, и Корээда часто причисляют к ним как яркого представителя национальной традиции в японском кинематографе. Может быть, именно поэтому его порой сравнивают с такими выдающимися мастерами, как Куросава и Бергман. Так, известный английский кинокритик Роджер Эберт, сопоставляя творчество этих на первый взгляд столь разных режиссеров, писал еще в 1999 г., что уже тогда «Корээда заработал право стоять в одном ряду с великими гуманистами кинематографа, такими как Куросава и Бергман» [Томпсон 2018].

Но чаще всего отмечают большое сходство творчества Корээда именно с Одзу, возведенным в этой стране в ранг «бога кино». Дело в том, что Одзу, как и Корээда, всю жизнь снимал, по существу, один и тот же сюжет — о современной японской семье в жанре *сёмингэ-ки* — простых реалистических историй из жизни обыкновенных людей. Так что у обоих мастеров, можно сказать, общая тема творчества: японская семья и ее трансформация в современном обществе. В стилевом отношении их работы также близки между собой: это молчаливо-созерцательные живописные картины, где повествовательный рисунок складывается не из событий или конфликтов, а построен на переживаниях, чувствах с акцентом на детали, волнующие своей красотой пейзажи. При этом и тот и другой используют отстраненный стиль повествования, стараясь не вмешиваться в ход событий, в души своих персонажей и адресуя все вопросы самому себе и своему зрителю. И наконец, мы сравниваем их, потому что их кино имеет схожий вкус, вернее даже послевкусие, которое открывает глубокое ощущение жизни. Но, пожалуй, самое главное, что их объединяет, — это редкий в современном кино гуманизм.

Но между двумя режиссерами существуют, конечно, и различия. И, наверное, главное в том, что взгляд Корээда обращен не на распад, разрушение семьи и поиск новых форм сосуществования, как у Одзу, а на поиски семейной гармонии, пусть временной и утопической, но дающей надежду, что эти формы уже наконец найдены. Вот почему, по мнению кинокритика З. Абдуллаевой, Корээда «склоняется не к философии приятия, а к философии подрыва любого внешнего порядка во имя создания коллективной формы жизни, объединяющей “своих” и “чужих”». Вместо поколенческих разрывов, неизбежного и естественного с течением жизни отчуждения членов семьи, запечатленных Одзу, Корээда обустривает в последнем фильме гармоничное сообщество, основанное на неподчинении закону, общественному договору, социальным установлениям. Это новость. И — содержательная радикальность» [Абдуллаева 2019].

Возможно, именно по этой причине сам Корээда, судя по его высказываниям, старается уйти от прямых параллелей с творчеством Одзу, ссылаясь на то, что «у них разные стили и содержание фильмов». «Я всегда стараюсь поблагодарить за это сравнение, — заявляет он. — Но я думаю, что мои работы более похожи на фильмы Нарусэ Микио и Кена Лоуча» [Болдузин 2018]. Заметьте, он не ссылается на

признанные в мире авторитеты семейного кино, такие как, к примеру, Ингмар Бергман и братья Дарденны, а говорит о Кене Лоуче — британском представителе остросоциального кино. А из числа своих соотечественников он выделяет не Одзу, а именно Нарусэ — одного из самых изысканных японских режиссеров, обладающих необычайной самобытностью и особой простотой киноповествования, но, к сожалению, не столь широко известного за пределами своей страны, как Одзу и др. «Нарусэ ближе мне с точки зрения понимания людей», — как-то признался сам Корэда [Shilling 2011, p. 12].

Тем не менее, как отмечает киновед А. Ноллетти, «Корэда просто устал от постоянного сравнения с Одзу и поэтому заявляет о куда большем влиянии на его творчество историй о несчастных семьях из фильмов Нарусэ. Но на самом деле в его картинах можно заметить влияние обоих классиков. И это ни в коей мере не преуменьшает достижений Корэда» [Nolletti 2011, p. 6]. Но на этом заявлении сравнение Корэда с мэтрами японского и мирового кино не заканчивается. И среди них имена не только его предшественников, но и современников. Достаточно, к примеру, вспомнить другого не менее известного современного японского постановщика Кавасэ Наоми, одну из постоянных участниц международных кинофестивалей. Здесь, конечно, приходит на память и общая для двух режиссеров манера работать на стыке игрового и документального кино, и медитативность, и философская глубина их картин, и общечеловеческая тематика, и многое другое. При этом на форуме в интернете одни пишут, что «Кавасэ снимает в духе Корэда», другие же настаивают на том, что она «снимает по-другому, но по духу похоже».

Сегодня фильм «Магазинные воришки», как и другие работы режиссера, уже «разобран на цитаты», и практически в каждом запоминающемся эпизоде киноведы прослеживают параллель с самыми известными японскими картинами. К примеру, в сцене, где отец с сыном сидят в автомобиле и мечтают о лучшей жизни, находят прямые отсылки к картине Куросава Акира «Под стук трамвайных колес» («Додэсукадэн», 1970). Эпизод, где семья собирается за ужином, напоминает некоторым «Токийскую повесть» («Токё моногатари», 1953) Одзу. А съемки того, как герои гуляют по берегу моря, как будто взяты из «Сонатины» («Сонатина», 1993) Китано Такэси и т. д. [Абикеева 2018].

Допускаю, что в некоторых из этих сравнений можно почувствовать определенную натяжку. Но достоверно одно: режиссер видит

свою миссию в искусстве в возвращении к истокам и традициям японского реалистического кино. И так же, как его великие предшественники, Корээда в своих картинах исследует вечные темы семьи и человеческого существования, дополняя их такими насущными проблемами нашей жизни, как домашнее насилие, феминизм, боль и страхи современного человека. А еще он много рассуждает в своем творчестве о связи поколений, рассказывая и о себе тоже: «За последние пятнадцать лет я потерял отца, мать, но у меня есть дочь, — говорит Корээда. — Я стал отцом. Я заметил, что мы стараемся закрыть этот пробел между поколениями. Что-то уходит, но мы стараемся это преодолеть. Итак — от старшего поколения к младшему» [Bradshaw 2015]. За все это режиссера любят и высоко ценят многочисленные почитатели его таланта, как в Японии, так и далеко за ее пределами. И хотя порой еще можно услышать суждение, что современное японское кино уступает работам Мидзогути Кэндзи, Одзу Ясудзиро, Куросава Акира, Имамуре Сёхэй и др., творчество Корээда дает все основания утверждать, что уровень и авторитет кинематографа Страны Восходящего Солнца в мире сегодня по-прежнему высок.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдуллаева 2019 — Абдуллаева З. Анархист Хирокадзу Корээда и его фильм «Магазинные воришки». *Искусство кино*. № 3/4. 2019. <https://kinoart.ru/reviewa/shoplifters> (дата обращения 19.05.2020).

Абикеева 2018 — Абикеева Г.О. История, традиции и культура: лучшие японские фильмы 2018 года. *Steppe*. 2018. <https://the-steppe.com/razvlech-eniya/luchshie-yaposkie-filmy-2018-goda> (дата обращения 19.03.2020).

Болдузин 2018 — Болдузин М. Мир по Хирокадзу Корээда. *Nihudob*. 22.05.2018. nihudob.com/worldaccordingkoreeda-ac77ff20f254/ (дата обращения: 19.05.2019).

Теракопян 2015 — Теракопян М. *Современные режиссеры Японии*. Москва: ВГИК, 2015.

Томпсон 2018 — Томпсон Н. Знакомимся с работами победителя Каннского фестиваля — японского режиссера Хирокадзу Корээды. *Global Voices*. 29.07.2018. <https://ru.globalvoices.org/2018/07/29/74806/> (дата обращения 19.05.2019).

Bradshaw 2015 — Bradshaw P. Hirokazu Kore-eda: «They compare me to Ozu. But I'm more like Ken Loach. *Guardian*. May 21, 2015.

Nolletti 2011 — Nolletti A. Introduction: Kore-eda Hirokazu, Director at a Crossroads. *Film Criticism* 35, nos. 2–3. (Winter-Spring 2011), pp. 2-10.

Schilling 2011 — Schilling M. Koreeda Hirokazu Interview. *Film Criticism* 35, nos. 2–3. (Winter-Spring 2011), pp. 11-20.

Wise 2018 — Wise D. Japanese Director Hirokazu Koreeda Returns to Exploring Family Dynamics In Surprise Palme D'Or Winner “Shop-lifters” — Cannes Studio. *Deadline*. May, 2018. <https://deadline.com/2018/05/shoplifters-hirokazu-kore-eda-palme-dor-cannes-video-interview-1202394721/> (дата обращения 19.05.2019).

References

Abdullaeva, Z. (2019). Anarkhist Khirokadzu Koreeda i ego fil'm «Magazinnyye vorishki» [Anarchist Hirokazu Koreeda and His Film “Shop-lifters”]. *Iskusstvo kino*, 3/4. Retrieved May 19, 2020, from <https://kinoart.ru/reviewa/shoplifters/> (In Russian).

Abikeeva, G.O (2018, October 17). Istorija, traditsii i kul'tura: luchshie yaponskie fil'my 2018 goda [History, Traditions, and Culture: The Best Japanese Films of 2018]. *Steppe*. Retrieved March 5, 2020 from <https://the-steppe.com/razvlecheniya/luchshie-yaponskie-filmy-2018-goda> (In Russian)

Bradshaw, P. (2015, May 21). Hirokazu Koreeda: “They compare me to Ozu. But I’m more like Ken Loach”. *Guardian*. Retrieved May 25, 2020 from <https://www.theguardian.com/film/2015/may/21/hirokazu-kore-director-our-little-sister-interview>

Nolletti, A. (2011). Introduction: Koreeda Hirokazu, Director at a Crossroads. *Film Criticism*, 35 (2–3), 2-10.

Schilling, M. (2011). Koreeda Hirokazu Interview. *Film Criticism*, 35 (2–3), 11-20.

Terakopyan, M. (2015). *Sovremennye rezhissery Yaponii* [Modern Film-makers of Japan]. VGIK. (In Russian).

Thomson, N. (2018, July 29). *Znakomimsya s rabotami pobeditelya Kannskogo festivalya — yaponskogo rezhissera Khirokadzu Koreedy* [We get acquainted with the works of the winner of the Cannes film festival — Japanese director Hirokazu Koreeda] [Online forum post]. *Global Voices*. Retrieved May 19, 2020 from <https://ru.globalvoices.org/2018/07/29/74806> (In Russian).

Wise, D. (2018, May 19). Japanese Director Hirokazu Koreeda Returns to Exploring Family Dynamics in Surprise Palme D'Or Winner “Shop-lifters” — Cannes Studio. *Deadline*. Retrieved May 19, 2020 from <https://deadline.com/2018/05/shoplifters-hirokazu-kore-eda-palme-dor-cannes-video-interview-1202394721>

Ежегодник Японии 2020. Т. 49. С. 419-453.

Yearbook Japan 2020. Vol. 49, pp. 419-453.

DOI: 10.24411/2687-1432-2020-10017

Рассказы об Индии времен Будды в «Собрании стародавних повестей»

Н. Н. Трубникова

Аннотация. Цель исследования — рассмотреть образ Индии как страны Будды в «Собрании стародавних повестей» (*Кондзяку моногатари-сю*., 1120-е гг.).

Влияние Индии, опосредованное через Корею и Китай, в Японии прослеживается начиная с древности. Буддизм во многом оставался индийским учением даже в китайских переложениях, благодаря ему японцы отчасти познакомились с индийской словесностью, скульптурой и живописью, музыкой, небуддийскими философскими учениями. К концу эпохи Хэйан, хотя прямых контактов между индийской и японской общинами по-прежнему нет, да и с китайской общиной связи слабеют, доступные японцам сведения об Индии — родине Будды — сводятся воедино, выстраивается круг преданий, особенно важных для японских монахов и мирян. Такой опыт обобщения предпринят в первых трех свитках первой части *Кондзяку*. Их сюжеты взяты из широко известных сутр, из китайских сборников буддийских преданий и из записок китайских паломников, посетивших Индию. Все эти сюжеты пересказаны по-японски, с сокращениями и дополнениями. В рассказах отражены главные события жизни Будды Шакьямуни, они же — основные вехи того пути, который стремится пройти каждый буддист, и деяния учеников Будды — примеры того, как по-разному можно пройти один и тот же путь. Другие важнейшие темы здесь — воздаяние счастьем за добрые дела и горем за злодеяния; относительность любых противопоставлений: богатства и бедности, мудрости и глупости, блага и зла.

Кондзяку не содержит полного изложения легенды о Будде. Отбор рассказов подчинен задаче показать предысторию такой буддийской общины, какой она стала в Японии к рубежу XI–XII вв. На этот же образ работает порядок рассказов и способ изложения: особое внимание к мотивам семейных связей Будды, участия богов в его жизни, распределения ролей между его учениками, а также установка на то, что именно к эпохе Будды восходят основные положения махаянского учения, принятого в японских буддийских школах.

Ключевые слова: Индия в культуре Японии, японский буддизм, «Собрание стародавних повестей», легенда о Будде, воздаяние, относительность.

Автор: Трубникова Надежда Николаевна, доктор философских наук, заместитель главного редактора журнала «Вопросы философии», Институт философии РАН, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; ведущий научный сотрудник ШАГИ РАНХиГС

ORCID: 0000-0001-6784-1793

<https://trubnikovann.wixsite.com/trubnikovann>

E-mail: trubnikovann@mail.ru

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 18-011-00558 «“Собрание стародавних повестей” (“Кондзяку моногатари-сю”) в истории японской религиозно-философской мысли».

Tales of India in Buddha Age in *Konjaku Monogatarishū*

N. N. Trubnikova

The purpose of the study is to examine the image of India as “Buddha-land” in *Konjaku monogatarishū* (1120s).

The influence of India, mediated through Korea and China, can be traced in Japan back to antiquity. Buddhism, to a large extent, remained an Indian teaching even in Chinese translations; thanks to it, the Japanese got a fragmented acquaintance with the Indian literature, sculpture and painting, music, and non-Buddhist philosophical teachings. In the late Heian era, although there still were no direct contacts between the Indian and Japanese Buddhists, and the ties of the Japanese Buddhists with the Chinese community were weakening, the information available to the Japanese about India, the homeland of the Buddha, was brought together, and a circle of legends, especially important for the Japanese monks and laity, was constructed. Such an attempt of consolidating information is undertaken in the first three scrolls of the first part of *Konjaku*. Their plots are taken from sutras widely known in the Buddhist world, from Chinese collections of Buddhist tales and from the diaries of Chinese pilgrims who visited India. All these stories are retold in Japanese, with abbreviations and additions. The stories reflect the main events in the life of Buddha Shakyamuni, which also represent the main milestones of the path that every Buddhist seeks to go, and the deeds of the Buddha’s disciples — the examples of how people can walk the same path

in different ways. Other major themes here are the reward of happiness for good deeds and that of grief for evil deeds; and the relativity of any oppositions, such as wealth and poverty, wisdom and stupidity, good and evil.

Konjaku does not contain a complete exposition of the Buddha legend. The selection of stories is subordinated to the task of showing the prehistory of the Buddhist community that took shape in Japan by the turn of the 11th — 12th centuries. This task is also pursued by the order of the stories and the method of their presentation, where a special attention is attracted to the motives of the Buddha's family ties, the participation of deities in his life, the distribution of roles between his disciples, as well as the idea that the main provisions of the Mahayana teachings adopted in Japanese Buddhist schools are rooted in the Buddha epoch.

Keywords: India in Japanese culture, Japanese Buddhism, *Konjaku monogatari*shū, the legend of Buddha, retribution, relativity.

Author: Trubnikova Nadezhda N., DSc (Philosophy), Deputy Chief Editor, Voprosy Filosofii Journal, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences 109240, Moscow, Goncharenaya street, 12-1; Leading Researcher, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

E-mail: trubnikovann@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6784-1793

Acknowledgements: This research was supported by a Russian Foundation for Basic Research grant No. 18-011-00558 «“Konjaku monogatari shu” in the history of Japanese religious philosophy».

Введение

Кто составил «Собрание стародавних повестей» и каков был его или их исходный замысел, точно неизвестно¹, но, судя по тексту, дошедшему до наших дней, повествователи стремились охватить всю известную им историю мира от древности до недавней поры, и все значимые для них страны — Индию, Китай и его соседей, а затем Японию. Индийская и китайская части *Кондзяку* традиционно привлекают меньшее внимание читателей и исследователей, чем японская часть: нередко собрание издают без них, многие переводчики также ограничиваются японскими рассказами². Между тем свод индийских

---

¹ Об истории споров вокруг *Кондзяку* см.: [Трубникова 2018]. При ссылках на *Кондзяку* первая цифра — номер свитка, вторая — номер рассказа в нем. Я пользуюсь изданиями [Кондзяку 1993–1999] и [Кондзяку 2018], а также переводом [Konjaku 2015].

² Вообще, работ по Индии в культуре Японии эпохи Хэйан немного, хотя все истории японского буддизма так или иначе касаются этой темы. Назову лишь книги индийских

преданий в *Кондзяку* интересен не только потому, что дает одну из немногих в японской словесности эпохи Хэйан развернутых картин жизни Индии — далекой, почти сказочной страны. Здесь собрано то, что известно японцам о начале буддизма, о происхождении его обычаев и обрядов, о тех давних годах, когда в мире дела шли правильно и люди были способны усвоить истинный Закон. Но не меньше, чем об Индии, эта картина говорит о Японии: как японцы мыслят свою буддийскую общину, в чем индийский прообраз должен быть на нее похож. Конечно, праведная древность может казаться скучнее пусть порочной, но живой современности. Но в *Кондзяку* времена Будды не выглядят музеем застывших образцов для подражания: в земной жизни Шакьямуни и его учеников есть место и страстям, и горю, и веселью.

В *Кондзяку* рассказам об Индии отведены свитки с 1-го по 5-й. 4-й свиток посвящен событиям в Индии после ухода Будды, а 5-й — до его прихода; их я надеюсь обсудить в другой статье, а сейчас сосредоточусь на первых трех свитках: о пути Будды к просветлению, его странствиях и проповеди, его уходе в нирвану.

Источниками рассказов служат «Сутра о причинах и их плодах в прошлом и настоящем» (過去現在因果經, *Како гэндзайинга-кё*.; ТСД 3, № 189, она же *Инга-кё*.)³, «Сутра ста избранных преданий» (撰集百緣經, *Сэндзю: хякуэн-гё*.; ТСД 4, № 200), «Сутра о мудрости и глупости» (賢愚經, *Кэнгу-кё*.; ТСД 4, № 202). Многие рассказы взяты из китайских энциклопедических собраний, таких как «Сады Закона, рощи драгоценностей» (法苑珠林, *Хо:он дзюрин*, кит. *Фаюань чжун-линь*, ТСД 53, № 2122, 668 г.) и «Разные примеры из сутр и уставов» (經律異相, *Кё:рицу исо*.; кит. *Цзинлюй исян*, ТСД 53, № 2121), а также из «Большого трактата о запредельной премудрости» (大智度論, *Дайтидо-рон*, кит. *Дачжиду-лунь*, ТСД 25, № 1509). Возможно, при работе над *Кондзяку* был использован какой-то один свод преданий, составленный в Китае или в Японии, но не дошедший до наших дней.

японоведов, чей материал особенно близок к *Кондзяку*: [Khanna 2000; Chaudhuri 2003]. Из японских исследователей индийскую часть *Кондзяку* подробно изучал Коминэ Кадзуаки; см.: [Коминэ 1980–1981]. Ей также посвящена серия статей Касиваги Ясуко, см. итоги этой работы: [Касиваги 2016].

³ Широко известна ее иллюстрированная копия VIII в. из собрания Национального музея Нара, см.: http://www.emuseum.jp/detail/100051/000/000?mode=detail&d_lang=en&s_lang

Кроме того, несколько историй заимствовано из «Записок о Западных странах [эпохи] Великой Тан» (大唐西域記, *Дайто: Сайики-ки*, кит. *Да Тан Сиюй-цзи*, ТСД 51, № 2087) — книги знаменитого паломника Сюань-цзана 玄奘 (ок. 602–664)⁴. В Индии он воочию видел здания и чудотворные образы, дошедшие от времен Будды, а как сказано в *Кондзяку* в рассказе 11–4, у Сюань-цзана был японский ученик; Индия и век Будды через этого наставника оказываются связаны с Японией прямой связью.

Когда жил Будда Шакьямуни с точки зрения японских буддистов? Принято было считать, что две тысячи лет после его ухода в нирвану исполнились в седьмой год правления государя Горэйдзэй, то есть в 1052 г. Таким образом, время жизни Будды в Индии совпало с правлением династии Чжоу в Китае; в этом согласны китайские историки буддизма, чьи труды изучались в Японии XI–XII вв. По меркам современной науки о буддизме 949 г. до н. э. для кончины Будды слишком ранняя дата, но для китайских наставников было важно, чтобы Будда жил раньше основателей даосизма и конфуцианства, мог быть учителем для них, а кроме того — чтобы его земная жизнь пришлась на праведные времена Чжоу. При этом обстановка в Индии, какой ее показывают предания о Будде, скорее похожа на Китай времен Конфуция: единства нет, страна делится на небольшие царства; их правителей рассказчик иногда называет «государями» (天皇, *тэнно:*), как японских императоров, но чаще «царями» (王, *о:*; цари бывают «великими» и «малыми», вторые подчиняются первым). Жизнь сосредоточена в основном в городах, за городскими стенами лежат сады, а дальше — леса и горы, где можно встретить лишь охотников да отшельников. При царях состоят «сановники» (大臣, *дайджин*), небольшую власть имеют «вельможи», или «богачи» (長者, *тё:ся*). Кроме того, в Индии живут жрецы брахманы (婆羅門, *барамон*; служители богов небесных и земных) и вольные «мудрецы», они же шраманы (沙門, *сямон*). Образ жизни, который выберут для себя Будда и его ученики, не ими самими придуман: многие искатели освобождения точно так же питаются подаянием, скитаются из царства в царство, по лесам и горам, а в сезон дождей останавливаются в садах возле какого-нибудь города, если их туда пригласят. Наставники шраманы, «иноверцы» по отношению к буддизму, приверженцы «иных путей»

⁴ См. русский перевод: [Сюань-цзан 2012].

(外道, *гэдо:*), учат, как обрести счастье при жизни и после смерти, отчасти отвечают на те же вопросы, что и Будда. Тех, кто навсегда «ушел из дому» (出家, *сюккэ*), пустился в вольные странствия, называют также «нищими», бхикшу (比丘, *бику*), и «нищенками», бхикшуни (比丘尼, *бикуни*); в переводах буддийских текстов эти слова принято передавать как «монах», «монахиня».

В рассказах об Индии часто встречаются отсылки к той картине мироздания, что выстроена в буддийских текстах. В японской словесности XII в. нет и долго еще не будет единого ответа на вопрос, как устроен мир: земля, подземные и надземные области, небесные светила и т. д. Даже один и тот же автор в разных случаях может опираться на разные учения о мироустройстве. Но для индийских преданий в *Кондзяку* задействуется буддийская космография. Действие происходит на Джамбудвипе (閻浮提, *Эмбудай*), материке, лежащем к югу от центра мира — горы Сумеру (須弥山, *Сюмисэн*); Индия и Китай расположены на нем, Японские острова тоже относятся к этой части света. Джамбудвипа и еще три материка (западный, северный, восточный) разделены морем, оно же их и окружает; земля имеет форму цилиндра, по краю обведенного горами. Под землей лежат страшные «подземные темницы» (地獄, *дзигоку*), буддийский «ад», санскр. *нарака*. Над землей расположено несколько уровней небес, в том числе небо Тушита (兜率天, *Тосоцутэн*), где пребывают будды до прихода в мир. Гора Сумеру пронзает все эти небеса, на ее склонах и на самих небесах обитают боги, они же небожители (天*тэн*, санскр. *дэва*), и другие существа. Чем дальше от земли, тем дольше срок их жизни, и все же они не вечны. Выше шести небес есть и другие уровни, в том числе владения бога Брахмы (梵天, *Бонтэн*) сразу над ними. Обитатели шести небес часто являются на земле, в том числе государь богов Шакра (帝釈, *Тайсяку*), он же Индра, и царь демонов Мара (魔王, *Мао:*).

Где в этом мироздании родится живое существо, определяется по закону воздаяния, кармы: за добрые дела воздается счастьем в хороших областях мира, за злые — страданием в дурных. Всего существует шесть путей перерождения: миры «подземных темниц», «голодных духов» (餓鬼, *гаки*, санскр. *прета*), животных (畜生, *тикусё:*), демонов асур (修羅, *сюра*), людей и богов. Не все боги живут на небе: многие божества населяют землю, горы и моря, их именуют не *тэн*, а *син* (神), как японских *ками*. Главное, что сделает Будда, — укажет обитателям всех миров путь к выходу из круговорота рождений и смертей.

Путь Будды к просветлению и начало его проповеди

Итак, пребывая на небе Тушита, будущий Будда готовится сойти на землю и выбирает, в какой семье родиться: это будет род шакьев, отцом станет царь Шуддходана, а матерью — его супруга Майя. Царица видит во сне белого слона, и гадатель предсказывает, что ей предстоит родить необычного сына: он станет или великим правителем, чакравartiном (轉輪聖王, *тэнрин-дзё:о:*), или буддой (1–1). Рождение мальчика сопровождают чудеса, небесные, земные и морские боги приходят позаботиться о нем. Царь пытается вознести благодарственную молитву, но божество местного святилища останавливает его: «Царевич превосходит всех людей. Никогда не пренебрегай им! И не приходи с ним поклоняться мне. Это я буду поклоняться ему!» Майя умирает на седьмой день после родов и возрождается на небесах.

Царь дает сыну имя Сиддхартха и поручает его заботам сестры Майи, госпожи Махапраджапати (1–2). До семнадцати лет царевич благополучно живет во дворце, но вид его печален; по ночам он «в тишине успокаивает сердце и без смятения в мыслях созерцает путь мудрецов», но родные о том не знают. И вот, он просит разрешения выехать из города прогуляться, один раз, потом другой и третий — и божество являет ему образы старца, больного и мертвеца. Важно, что царевич, по этой версии, видит не настоящие страдания (царь позаботился, чтобы по дороге ему не попалось на глаза ничто неприятное) — а только их подобия. В третий раз царевича по приказу царя сопровождает советник, старается отвлекать Сиддхартху от мрачных дум, но божество подчиняет себе его волю и заставляет рассказать правду о том, что такое смерть. В четвертый раз божество является в облике монаха и заводит речь о пути к освобождению от страданий старости, болезни и смерти (1–3).

Царевич просит у отца разрешения уйти из дому, царь отказывается. На верном коне вместе с преданным слугой Сиддхартха ночью покидает дворец, в лесу благодарит обоих и прощается с ними, срезает себе волосы, встречает божество в обличье охотника и меняется с ним одеждой, надевает лоскутный плащ кашая (袈裟, *кэса*), а конь и слуга в слезах возвращаются во дворец (1–4). В великой печали царь посылает сыну еду и прочие припасы уже как подношение шрамана,

но тот не принимает; Сиддхартха изучает путь мудрецов и приходит к мысли, что нужно ему другое знание; предается подвижничеству, голодает и едва не умирает, а затем, к удивлению товарищей, бросает аскетические упражнения, омывается в реке, принимает обычную пищу и направляется под дерево бодхи (1–5). Демон Мара пытается сбить его с пути, подсылает к нему своих обольстительных дочерей, пугает страшными видениями, но все напрасно (1–6). Не сойдя с места, под деревом бодхи, бывший царевич достигает просветления (1–7). Теперь его имя — Шакьямуни, он начинает проповедовать Закон, и первыми его учениками становятся бывшие товарищи-подвижники (1–8). Здесь особенно важна роль богов: обычно Индию именуют «страной Будды», но ее можно назвать и «страной богов», как Японию.

В следующих рассказах действуют ученики Будды. У Шакьямуни в Индии есть соперники, мудрецы, не готовые признать его правоту. В рассказе 19 появляется Шарипутра — уже опытный подвижник, приверженец «иноверцев»: он переходит в ученики к Будде, и «иноверцы» вызывают его на состязание в чудотворстве. Они по очереди являют разные грозные видения в городе Шравасти в присутствии царя Прасенаджита, и в итоге Шарипутра побеждает. Такое состязание между учениками и противниками Будды в Японии вспоминал драматург театра Но Дзэами Мотокиё на рубеже XIV–XV вв., говоря, что именно от тех наваждений берет начало театральное искусство [Дзэами 1989, с. 112]. Завидует Будде и его двоюродный брат Девадатта, строит козни и совершает тяжкие грехи (1–10).

В одном из городов брахманы решают: «Нынче некий бхикшу по прозванию Гаутама ходит в каждый дом и просит еды. Дурно это, неприятно! А ведь по рождению он знатный человек. Говорят, он сын царя Шуддходаны, отказался от царского сана, рехнулся, ушел в горы и стал Буддой. Он смущает людские сердца, многих уже заморочил. Ни в коем случае нельзя подносить ему дары!». Только одна женщина подает милостыню — водой от промывки риса — и Будда ей предсказывает возрождение на небесах. Брахманы спорят с ним, а он приводит сравнение: «Из зернышка меньше горчичного вырастает дерево, и в тени его ветвей могут укрыться пятьсот повозок и больше. Заслуга от малого дара Будде безмерна. В здешнем мире так — а уж тем более в будущей жизни». В итоге брахманы становятся его учениками (1–11). В доме одного иноверца Будду пытаются заманить в западню,

но яма зарастает лотосами, и Будда с учениками остаются невредимы, а злодеи обращаются к Закону (1–12). В богатой семье муж следует за «иноверцами», а жена — за Буддой, к ним один за другим приходят просить подаяния ученики Будды, являют чудеса, и в итоге вся семья обретает веру в Закон (1–13).

Вельможа просил «древесных богов» даровать ему наследника, и жена его понесла; Шарипутра предсказывает, что родится мальчик, а «иноверец» — что будет девочка; Будда подтверждает правоту своего ученика, «иноверец» в досаде чарами убивает женщину, а Будда чудом выводит дитя живым из похоронного костра матери (1–15). Завершается эта серия рассказов историей о злодее Ангулимале. Будда мог бы от него скрыться, но злодей его укоряет: «Ты дал обет: ради всех живых, чтобы исполнить их желания, уйти из царского дворца и вступить на путь милосердия ко всем живым. Сегодня я хочу отрезать пальцы тысяче человек, принести в жертву небесным богам и обрести царский сан. Почему же ты противишься моему желанию, жалеешь всего одного пальца?!» Тогда Будда отдает ему палец, но тут Ангулимала раскаивается (1–16).

До сих пор речь шла о тех, кто следовал иным учениям, но под влиянием Будды обратился на истинный путь. В следующей серии рассказов говорится об обращении мирян. Будда решает забрать в общину своего сына Рахулу и посылает за ним ученика, Маудгальяну. Бывшая супруга Будды Яшодхара противится этому, но в итоге отдает сына в монахи (1–17). Затем в общину Будды вступает его единокровный младший брат Нанда; он расстается с любимой женой, после того как Будда показал ему небесных дев и он понял относительность такой вещи, как красота (1–18). Махапраджапати хочет стать монахиней, Будда сначала запрещает ей, но его двоюродный брат Ананда, уже ставший монахом, просит за нее, и Будда соглашается (1–19). Рассказ о том, как монахиней стала Яшодхара, в этом свитке по плану предусмотрен, но от него сохранилось только заглавие (1–20). Далее в общину вступают еще двое двоюродных братьев Будды, Анируддха и Бхадрика, причем оба долго ждут дозволения матерей, да и сами не слишком торопятся расставаться с мирскими удовольствиями; следом за ними в монахи уходит их родич Упали, хотя он и не собирался этого делать, а всего лишь сопровождал братьев в лес (1–21). Семейные связи Будды для составителей *Кондзяку* весьма важны; в общине его окружают почти все те люди, кто был бы рядом, избери он царский

путь. Тем самым индийская древность задает прообраз для японской общины, где в XII в. высшие монашеские должности занимали почти исключительно принцы и близкие родичи сановников из семей Минамото и Фудзивара.

Следующая серия рассказов посвящена тому, как по-разному люди уходят в монахи. Беспутный царский сын принимает постриг за день до смерти и возрождается на небесах (1–22). Два царя обмениваются подарками, состязаясь в щедрости, и один дарит другому изображение Будды; под впечатлением от этой картины царь встречается с Буддой и уходит в монахи, оставив престол наследнику (1–23). Юноша из богатой семьи стал монахом и через несколько лет пришел к дому родителей за подаянием, те его поначалу не узнают, а узнав, отдают ему все свое богатство, но монах его выбрасывает в реку (1–25). В монахи может уйти и старец ста двадцати лет (1–26), и бедняк, в прежних жизнях не накопивший никаких заслуг, лишь однажды произнесший слова «слава Будде!» (1–27). Брахман принимает монашество в пьяном виде, протрезвев, раскаивается, и все равно его поступок приносит добрые плоды (1–28).

Завершается свиток историями о том, как в Индии вводились буддийские обычаи, хорошо известные в Японии. Богач Судатта, спасший страну в пору войны своими деньгами, просит в награду назначить его царем на семь дней и издает указ: чтобы все жители чтили Будду и соблюдали заповеди, то есть отказались от убийства, воровства, распутства, лжи и пьянства (1–29). Бог Индра, отступая после поражения в войне с асурами, останавливается на дороге, чтобы не затоптать муравьев, а враг решает, что Индра ждет подкрепления, и перестает его преследовать (1–30). Тот же богач Судатта, разорившись, жертвует последнее имущество ученикам Будды, богатеет снова и строит обитель для монахов в роще Джетавана — ее название японцам хорошо знакомо, ведь в ее честь называется храм Гион на окраине города Хэйан (1–31). Бедные супруги отдают монахам свою последнюю одежду, и царь с царицей, узнав о том, щедро их награждают (1–32). Еще одна бедная женщина может поднести в дар монахам только нитки, но дает обет: «Хочу я этими нитками собрать вместе всех будд десяти сторон и трех времен, чтобы они все учили меня, и за эту заслугу я сама в итоге бы стала буддой и принесла пользу всем живым!» Будда предсказывает, что ее желание исполнится (1–33). Милостыню может подать и корова: тайком от жадного хозяи-

на она отдает Будде молоко (1–34). Веселые жители города Шравасты одаривают Будду и его учеников, исполняя для них музыку (1–35), а некий брахман обретает заслуги, просто с почтением обойдя Будду по кругу (1–36). Воскликнув «слава Будде!», мальчик спасается от демона-людоеда (1–37), и даже разбойники, пойманные и в наказание искалеченные, исцеляются, восславив Будду (1–37).

Наставления Будды для мирян

Во 2-м свитке Будда с учениками странствует по Индии или живет в обители Джетавана и проповедует по разным случаям. Повествование охватывает время от кончины отца Будды и до той поры, когда он сам стал готовиться к уходу в нирвану. В этот промежуток попадает разрушение города Капилавасту и гибель рода шакьев (см. приложение).

В Китае буддистов часто порицали за отказ от сыновней почтительности: монахи-де уходят из семьи, не заботятся о родителях в старости, сами не поминают предков должным образом и не оставляют потомков, чтобы творили поминальные обряды в будущем. И в китайских, и в японских буддийских текстах особое внимание уделяется примерам, опровергающим это мнение. «Забота о родителях» (孝養, ко:ё:) Будде свойственна в полной мере. Он возвращается домой, чтобы проститься с умирающим отцом и потом похоронить его (2–1); поднимается на небо, чтобы встретиться с матерью (2–2). Но ничто в мире не вечно, и никто не может уберечь близких от смерти, а род от вымирания. Будда и его ученики, говоря о верности родству, смотрят глубже и выясняют, по какой причине людям довелось стать друг другу мужем и женой, матерью и сыном, братьями и т. д. В нескольких рассказах говорится о том, как возникает такая связь: началом ее служат совместные дела, благие или злые. Однажды Будда совершает поклонение могиле, где покоится одно из его собственных прежних тел: он тогда пожертвовал собою ради отца (2–4). О некоем больном монахе Будда заботится как о родном, ибо в прежней жизни тот был стражником, а Будда — вором, и стражник вора отпустил (2–3).

Из речей Будды в этом свитке взяты в основном ответы на вопросы о том, как действует закон воздаяния: что хорошего совершили в прошлом те, кто теперь счастлив, и за какие давние грехи страдают те,

кто несчастен. Рассказы продолжают обосновывать обряды и обычаи буддийской общины, прежде всего «поднесение даров» (供養, *күё*; санскр. *пуджа*), «подавание» (布施, *фусэ*, санскр. *дана*). Для обычных людей милостыня — самый простой способ улучшить будущую участь, а отказывать просящим и обижать их — верный способ обеспечить себя несчастьями на много жизней вперед. Нищенка и рабыня являются после смерти в обликах богинь — они возродились на небесах за малое подавание общине (2–6, 2–7); любимой дочерью царя родилась его бывшая служанка, щедрая к монахам (2–21). Рассказы порой почти дословно повторяют друг друга, меняются только имена героев и подробности⁵. В семье рождается дитя и приносит родным богатство: в руках младенца сами собой возникают золотые монеты, или во дворе появляется колодец с драгоценностями, или случается еще какое-то подобное чудо. Будда объясняет причину: в прежней жизни этот ребенок подавал милостыню (2–8, 2–9, 2–10, 2–11, 2–13, 2–14). Счастьем воздается за починку статуи (2–12), ремонт пагоды (2–15, 2–17, 2–18, 2–40)⁶, воскурение благовоний (2–16). Прохожий показал дорогу монаху и за это родился богом: из руки его каплет чудесная роса, и ею он спасает путников от жажды (2–27). Вор, грабя пагоду, поправил фитиль в светильнике перед образом старинного будды, и за эту заслугу в следующей жизни обретает дар ясновидения (2–19). Человек, давший монаху лекарство, возрождается почти неуязвимым: мачеха пытается его уморить, но он не горит в огне, не тонет в воде и живым выходит из брюха огромной рыбы (2–20). Другой ребенок, царский сын, проглоченный рыбой и спасенный, становится наследником двух царей: своего отца и своего спасителя; причина та же — прежние благие дела (2–26). Узнав о великом богатстве одного из подданных, царь решает его «покарать», но усадьбу богача защищает чудо-воин; по словам Будды, богач в прошлой жизни заботился о больном (2–23). Уже известный читателям *Кондзяку* царь Прасенаджит гневается на дочь за то, что та не рада отцовской любви и заботе (а не рада она, потому что понимает: всякое благо имеет причины в прежних жизнях). Царь выдает царевну замуж за нищего, супруги отправляются на развалины того дома, где вырос муж, и находят клад,

---

⁵ Такие же серии однотипных рассказов в *Кондзяку* мы найдем, например, в свитках 14-м и 15-м: о чудесах «Лотосовой сутры» в Японии и об уходе японцев в Чистую землю.

⁶ Особое внимание к истории пагод связано, возможно, с тем, что именно эти здания сохранились от времен Будды до той поры, когда в Индии бывали китайские паломники.

так что бедствовать им не приходится. А дело в том, что в прежней жизни эти супруги уже были мужем и женой и вместе чтили одного из древних будд (2–24).

В городе Варанаси некий вельможа молит богов даровать ему сына. Боги долго не могут подобрать никого, чьи заслуги достаточны для рождения в столь влиятельной семье, но в итоге находят небожителя, чей срок жизни на небесах близится к концу. Он рождается сыном вельможи, потом решает стать монахом, родители запрещают, юноша пытается покончить с собой — и не может: благое наследие прежних деяний (宿報, *сюкухо*;) спасает его от падения с горной кручи, от вод морских и от яда. Юноша изобретает сложный способ самоубийства: пробирается в царский сад, крадет одежду у одной из наложниц царя, надеясь, что за это его казнят. Но и тут является неожиданный заступник, и юношу прощают. Будда объясняет: это потому, что в прошлой жизни ты спас от казни невиновного (2–25).

Злая судьба тоже обусловлена прежними делами. Один из учеников Будды когда-то убил овцу — и теперь сам убит по ее наущению, ибо она родилась человеком (2–29). Прасенаджит, суровый к своим детям, казнит сыновей от одной из жен, заподозрив их в заговоре, ибо в прошлой жизни царь был быком, а сыновья — людьми, евшими мясо этого быка (2–30). В рассказе 2–31 одна из учениц Будды рассказывает о своей горькой судьбе: первый ее муж умер от змеиного укуса, а вскоре погибли и их дети; второй муж в пьяном виде убил их ребенка; в третий раз она стала женой знатного иноземца, но он умер, а ее по обычаю тех мест хотели заживо похоронить вместе с ним; в четвертый раз ей пришлось стать женой разбойника. Все так случилось потому, что в прошлой жизни она из ревности погубила сына своего мужа от другой женщины. Но когда-то она подала милостыню страннику, а потому смогла теперь стать монахиней. В рассказе 2–32, уйдя в монахи, человек оставляет жену на попечение брата, тот хочет сам на ней жениться, а она тоскует о прежнем муже.

Брат-мирянин подсылает к брату-монаху убийц, однако монах уговаривает их: не убивайте, ведь я еще не виделся с Буддой, лучше отрубите мне руку. Искалеченный, он добирается до Будды и узнает причины всего этого: когда-то он был царем и в гневе повредил руку лесному отшельнику, а потом раскаялся. В рассказе 2–34 человек, изучавший Закон прежних будд не ради освобождения, а чтобы утолить тщеславие матери, рождается ужасной рыбой со ста голова-

ми — в наказание за двуличие. Кто мешает ближним творить добро или бранит монахов, рождается безобразным и больным (2–35, 2–36), попадает в мир «голодных духов» (2–37) или делается рабом (2–40).

Снова и снова ученики спрашивают Будду: почему такой-то человек при всех его благих или дурных прежних делах все-таки смог — и захотел — сейчас встретиться с тобой? Будда неизменно дает объяснения: потому что когда-то помогал последователям прежних будд. Получается, что и в своем решении обратиться к Закону человек не свободен. Не только увечья, бедность и неудачливость, но и пороки, такие как жадность, объясняются наследием прежних жизней: кто подавал милостыню, рождается богатым, но кто при этом жалел отданного имущества, не способен насладиться богатством, копит его, вместо того чтобы тратить (2–41). И даже делами родителей может определяться судьба человека: злой сын уморил мать голодом за то, что она подавала милостыню, в следующей жизни стал монахом (за заслуги матери), но ему никто не подавал (за его собственный грех), а когда товарищи-монахи делились с ним едой, ронял чашку, не мог раскрыть рта и т. д. (2–39). Казалось бы, такой взгляд на воздаяние снимает вопрос о личной ответственности за поступки, и тогда непонятно, как учение может вести к освобождению, как оно может предписывать какой-то образ действий. Вопрос о свободе выбора в буддизме не из тех, какие можно обсуждать в пределах поучительного рассказа; об этом рассуждают и спорят буддийские наставники от древности до наших дней. И все-таки в *Кондзяку* намечен путь ответа на этот вопрос. За каждым человеком тянется долгая история прежних поступков, в этом смысле свобода очень ограничена. Но, по сути, учение о воздаянии не добавляет сюда новых ограничений, а только объясняет старые. А о том, что человеческий выбор ограничен семьей, родом, бедностью (или, наоборот, богатством), велениями царей и т. п., любой из людей знает и так. Кто слушает наставления Будды, тот лишь может эти ограничения для себя привести в систему, осознать их как свое наследие, а не как что-то внешнее. И дальше действовать в тесных рамках своей несвободы.

Несколько рассказов во 2-м свитке построены вокруг наследства в обиходном смысле слова: передачи имущества. В некотором царстве по закону наследовать могут сыновья, но не дочери; в одной семье отец умирает, оставив пять дочерей и сына-калеку, родившегося без глаз, ушей и языка; царь соглашается, что этот сын по праву может

унаследовать отцу. Он родился богатым, но увечным из-за того, что в прошлой жизни лжесвидетельствовал (2–33). Жадный богач умирает, возрождается нищим, приходит просить подаяния к собственному наследнику, а тот его избивает и гонит прочь (2–38). Как земное родительское наследство можно принять или отвергнуть, так, хотя бы до какой-то степени, можно обойтись и с наследием собственных грехов и заслуг. Так обыденная жизнь оказывается источником уроков, которые подтверждаются и углубляются в наставлениях Будды.

Наставления Будды для обитателей разных миров и уход в нирвану

В 3-м свитке речь идет о последних годах Будды, а затем о его уходе в нирвану. Здесь составители *Кондзяку* сталкиваются с существенной трудностью. С одной стороны, несомненно: главные события в истории буддизма произошли при жизни Будды. С другой — в Японии, как и в Китае, принят более поздний извод учения: его называют «Великой колесницей», махаяной, в отличие от ранней «Малой колесницы», хинаяны, и считают более совершенным. Главных отличий три. Во-первых, по учению махаяны, Путь Будды может пройти не только монах, но и мирянин, не только человек, но и животное, и божество, и кто угодно. Во-вторых, махаянское учение нацелено не на собственное совершенствование человека, а на милосердную заботу о других. Здесь подвижники вершат все те же «трудные дела» не затем, чтобы стать «совершенными», архатами, а уж потом трудиться вместе с Буддой, обращая людей к учению, — а чтобы сразу начать передавать заслуги другим. В-третьих, если не обязательно быть монахом, нищим странником, чтобы пройти Путь, значит, возможна государственная монашеская община. Не такая община, как в древности, куда цари приходили вручить дары и спросить совета, но приказать ей ничего не могли, а другая, устроенная наподобие казенного учреждения: правитель выделяет монахам постоянное жалование, а те в ответ обязуются молиться о правителе и обо всех жителях страны, изучать книги Закона, преподавать их, подвижничеством накапливать заслуги и учить мирян накоплению заслуг. В итоге должно получиться учреждение, которое следит, чтобы мировой закон воздаяния работал на пользу стране. В устах японских монахов назвать кого-то «приверженцем Малой колесницы» — серьезное порицание:

прежде всего за узость взгляда, сосредоточенность на чисто монашеских делах, за недостаток милосердия; на слух мирян, эти же слова звучат как обвинение в неблагонадежности. И все-таки первыми учениками Будды были именно архаты, и особенно хорошо это видно не из ученых трактатов, а из преданий о жизни Шакьямуни.

Как же быть? Как найти место для махаяны в тех годах, самых важных для всей будущей истории буддизма? Китайские наставники разработали несколько решений этого вопроса. Например, разделили проповедь Будды на этапы: сначала, сразу после просветления, он изложил махаянское учение (предельно истинное), затем хинаянское (подготовительное), а потом опять махаянское (уже окончательное). Но к кому обращался Будда в самом начале? Ответ гласит: к бодхисаттвам, то есть к себе подобным: к таким существам, которые уже почти прошли Путь, могли бы и сами стать буддами, но не сделали этого, а остались в мире страстей и страданий, чтобы заботиться о его обитателях. А еще к богам, чье могущество и счастье столь велики, что им рассказывать о страданиях, причинах страданий и т. д. пока бесполезно. Закон воздаяния боги понимают хорошо, но желания вырваться из круговорота рождений и смертей у них нет — зато достаточно воли, чтобы помогать Будде. Затем Шакьямуни идет к людям, начинает учить их — от простого к сложному, со временем опровергает свои прежние наставления или уточняет их настолько, что кажется, будто все прежде сказанное было ложным. Здесь для слушателя главное не сделаться приверженцем какой-то одной проповеди, а слушать дальше. Это трудно, особенно для тех, кто уже стал архатом.

Не зря же полная картина мироздания включает в себя не шесть миров, а десять: миры ада, голодных духов, животных, людей, асур и богов, а также «слушателей голоса» (ближайших учеников Будды и тех, кто их берет себе за образец), «подвижников-одиночек», пратьека-будд (кто вершит «трудные дела» самостоятельно), милосердных бодхисаттв и собственно будд. По этой схеме, у архатов и бодхисаттв — разные пути, хоть и ведут они к одной цели. Кроме того, получается, что другие будды — это не только предшественники Шакьямуни и те, кто придет после него; в дальних областях мироздания есть свои будды, а именно те бодхисаттвы, кто уже сделал последний шаг, «прошел свой Путь до конца». И на завершающем этапе Будда обращается ко всем так, как если бы между богом, бодхисаттвой, человеком, зверем, демоном и самим Буддой не было различий. Это понять особенно

трудно: не случайно в «Лотосовой сутре», главной для японцев махаянской книге, часть слушателей просто уходит с горы Гридхракуты, когда Шакьямуни начинает проповедь на таком предельном уровне истины.

В 3-м свитке *Кондзяку*, как и во всем собрании, нет четкого разделения проповеди Будды на этапы и уровни. Но махаянское содержание в рассказах появляется как раз тут, в последней трети повествования о жизни Будды. О других буддах, как и о наставниках махаяны, речь пойдет в следующем свитке. А здесь пока говорится о том, как Будду Шакьямуни слушали миряне — и, не становясь монахами, сразу достигали просветления. Здесь же действуют уже не только боги, как в двух предыдущих свитках, но и бодхисаттвы. Кроме того, Будда и его ученики дают наставления драконам, птицам и прочим существам не из мира людей. В нескольких рассказах герои применяют «уловки» (方便, *хо:бэн*) — хитрые способы обратиться к Закону тех, кто Будде упорно не верит.

Мирянин Вималакирти в небольшом домике принимает несметное множество будд, бодхисаттв и богов; преодолевая старческую немощь, он сам приходит к Будде Шакьямуни и спрашивает, какие заслуги обретет; Будда его заверяет, что огромные (3–1). В час рождения бодхисаттвы Манджушри является не меньше благих знамений, чем при рождении Шакьямуни; прежде Манджушри был учителем, а Шакьямуни — учеником, но теперь Буддой стал ученик, а учитель — его последователем; коль скоро имя Манджушри (文殊, Мондзю) означает Отмеченный Знаками, он покровительствует астрологам и прочим толкователям «знаков» судьбы, то есть небуддийским наставникам (3–2). Маудгальяна решает проверить, как далеко слышен голос Будды, и переносится в дальний мир, населенный великанами; его самого там принимают за насекомое, но голос Шакьямуни слышат и там, при том что там проповедует и свой будда (3–3). Снискав почтение многих мирян, Шарипутра часто принимает подношения и от этого толстеет; Будда сравнивает его с худым Рахулой, Шарипутра обижается и на время уходит в затворники; так добрые дела мирян обращаются не ко благу монаха, а наоборот (3–4). Маудгальяна, лучший чудотворец в общине, и Шарипутра, самый мудрый ученик, состязаются в чудотворстве; рассказчик замечает: неудивительно, что и в наше время монахи тягаются друг с дружкой, если даже ученикам Будды не чуждо было соперничество (3–5). Шарипутра свысока

смотрит на Ананду, который обладает хорошей памятью, но и только; Шарипутра принимает милостыню не по правилам, и Ананда превращает его в быка, чтобы вразумить (3–6).

Завидуя учителю, ученик одного из архатов умирает и рождается злым драконом, но потом раскаивается (3–7); простой пастух, обиженный властями, возрождается драконом, чтобы наслать на царя и царство всяческие бедствия, Будда успокаивает его и навсегда оставляет в его пещере свою тень (3–8). Драконы могучи, но и им грозят опасности — например, птицы-гаруды воруют их детей; укрыв гнездо лоскутом от монашеского плаща, дракон спасает свое потомство (3–9). У гаруд тоже есть враги — демоны-асуры; птенцов гаруд спасает еда, приготовленная для монашеской трапезы (3–10).

Человек из разгромленного царства шакьев попадает в страну драконов, женится на тамошней царевне, потом отвоевывает свое царство, становится царем, а дочь дракона — царицей; супруги любят друг друга, но по ночам ее волосы преобразаются в змей, муж отрубает их, и жена предрекает, что теперь все жители царства будут страдать головными болями (3–11). В доме богача Судатты живут говорящие попугаи; Ананда проповедует для них Закон, птицы вскоре погибают и возрождаются на небе (3–12). Будда рассказывает, отчего его брак с Яшодхарой не был счастливым: в одной из прошлых жизней они были супругами, бедными изгнанниками, и однажды муж в одиночку съел черепаху, добытую на пропитание обоим, а жене солгал, что черепаха ожила и уползла (3–13). Казалось бы, не разлучаться из века в век — редкое счастье, о таком японские влюбленные молят богов и будд во многих повестях эпохи Хэйан — а эти супруги, встречаясь в каждом новом рождении, приносят друг другу горе, а не радость.

Следующие рассказы, похожие на волшебные сказки, тоже развивают тему относительности блага и зла. У царя Прасенаджита и его красавицы-супруги рождается безобразная дочь; много лет царевну прячут от всех. Когда к ней начинают свататься женихи из ближних стран, царь-отец — чтобы не ссориться с соседями — выдает дочь замуж за своего подданного. Любопытные придворные однажды, напоив мужа допьяна, пытаются подглядеть за его женой. А в это время царь принимает у себя Будду с учениками; царевна, сидя взаперти, сетует, что не может послушать их наставления, взывает к Будде — и тот изменяет ее облик, царевна становится прекрасной, словно будда. По словам Шакьямуни, в прежней жизни она была служанкой, по веле-

нию хозяина подносила дары монахам и злословила над внешностью одного из них (3–14). У другого царя рождается безобразный царевич, и его также растят в строгой тайне; когда стране угрожает вражье войско, он выходит на бой, взяв дедовский богатырский лук, и враги в страхе бегут. Затем царевич женится на царевне из дальней страны, но посещает супругу только по ночам, чтобы она не видела его; козни придворных нарушают тайну, супруга покидает царевича, тот пытается покончить с собой, но боги его спасают, и Индра изменяет его внешность, делает красавцем. Царевич отправляется на поиски жены и находит ее, а в придачу получает и ее родное царство, так что в итоге становится правителем двух стран. Причина его доблести и уродства в том, что в прошлой жизни он подал монаху масла, но не очищенного, а мутного (3–15). Бедная девушка отвергает ухаживанья царя, говоря, что должна заботиться о старушке-матери, и становится царицей (3–16); монах много лет проводит в тюрьме, несправедливо обвиненный в воровстве; он не пытается оправдаться, а принимает кару, желая поскорее избыть плоды прежних злых деяний (3–17); двое архатов состоят служками при обычном монахе, хоть он ничему и не может их научить (3–18).

Относительность блага и зла не отменяет воздаяния. В рассказе 3–20 Будда сообщает мирянину: твой отец возродился псом в твоём доме. Сын проверяет это и узнает, где отец зарыл сокровища. Затем герой рассказа спрашивает: «Почему те, кто накопил заслуги, сходят в подземные темницы, а кто грехами создавал себе помехи, рождаются в Чистой земле? Почему одни люди богаты, другие бедны? Почему у одних в жизни все идет, как им хочется, и потомки их процветают, а другие бедствуют и остаются одинокими? Почему одни спокойно доживают до ста лет, а другие страдают и умирают? Почему одни красивые, а другие уродливы? Почему кого-то убивают, почему кого-то презирают?» — и Будда отвечает: «Если кто-то накопил заслуги, но сошел в подземные темницы, значит, он в смертный час встретился с теми, с кем связан дурной связью, и впал в гнев. Кто совершил злодеяния, но родился в Чистой земле, тот в час кончины встретился с мудрыми друзьями и памятовал о буддах. Кто в этой жизни богат, тот в прошлой жизни охотно подавал милостыню. Кто в этой жизни беден, в прошлой жизни не помышлял о подаянии. Чьи дети и внуки процветают, тот в прошлой жизни, видя других людей, думал о них как о своих детях. Кто одинок, в прошлой жизни дурно обходился с

людьми. Чья жизнь долгая, тот в прошлой жизни отпускал живых на волю. Чья жизнь коротка, тот в прошлой жизни любил убивать живые существа. Кто красив, тот в прошлой жизни улыбался родителям. Кто безобразен, гневался на родителей. Кого почитают, тот в прошлой жизни почитал людей. Кого презирают, тот в прошлой жизни пренебрегал людьми».

Служанка, много лет убирая отхожие места, обретает совершенство архата (3–21). Жадный богач Ручика в пьяном виде оскорбляет бога Индру, тот принимает его обличье и начинает раздавать людям его богатства, и лишь с большим трудом ближние выясняют, который Ручика настоящий (3–22). Ученик Будды по имени Пиндола в доме жадной женщины внезапно якобы умирает, и его тело никак не могут сдвинуть с места; в итоге хозяйка все-таки подает ему милостыню (3–23). Маудгальяна показывает своему младшему брату небесные красоты и побуждает творить добро, чтобы возродиться на небе (3–24). Царь запрещает женам слушать наставления Будды, одна из них нарушает запрет, царь пытается застрелить ее из лука, но промахивается снова и снова и в итоге сам обращается к Закону (3–25). Будда отправляет учеников проповедовать в дальние страны, один из них, Катьяяна, приходит в царство Гандхара и решает начать с царя, ибо считает, что вслед за правителем к учению обратятся и подданные. За трапезой он равно хвалит и лучшие кушанья, и худшие, чем удивляет царя, а потом знакомит его с мирянкой, которая отрезала и продала свои прекрасные волосы, чтобы совершить подношение монаху. Царь женится на этой женщине и принимает Закон Будды (3–26). Злой царь Аджаташатру заточает отца в темницу (где тот умирает) и едва не убивает мать. Придворный врач Дживака убеждает его покаяться: «Будда глядит и на тех, кто вершит добрые дела, и на тех, кто творит зло. Он равно милосерден ко всем живым, как к своим детям». Аджаташатру сомневается, что Будда станет его слушать, и все же идет к Шакьямуни — а тот уже дает свои последние наставления в роще, откуда вскоре уйдет в нирвану, учит «о природе будды, что пребывает вечно» — то есть говорит о сути учения махаяны. Будда принимает покаяние Аджаташатру и предсказывает, что в будущем царь обретет освобождение (3–27).

Завершают свиток рассказы о том, как Будда объявил ученикам о своем скором уходе (3–28), принял последнее подношение от мирянина Чунды (3–29), в последний раз поговорил с Рахулой, показав,

что сохранил привязанность к сыну (3–30); как после кончины тело Будды положили в гроб (3–31) и как ученик по имени Кашьяпа, пришедший в рошу слишком поздно, горевал над учителем (3–32); как царица Майя сошла с неба оплакать сына и Будда восстал из гроба, чтобы почтительно проститься с матерью (3–33); как тело Будды сожгли, а боги, люди и все живые существа оплакивали его (3–34) и как восемь народов Индии разделили между собой его прах (3–35). И так, повествование об уходе Будды возвращается к теме семейных связей. Для тех, кто пока не выходит из круговорота рождений и смертей, существуют страдания разлуки с близкими, но страдания эти преходящи, надежда на встречу в будущей жизни сохраняется. А нирвана подводит окончательную черту. Но и из-за этой черты, уже не со смертного одра, а из гроба Шакьямуни несколько раз отзывается на мольбы: связь, завязанная с Буддой, оказывается сильнее не только смерти, но и нирваны.

Если смотреть на *Кондзяку* исходя из того, каким стал японский буддизм в конце эпохи Хэйан, то в свитке 3-м примечательны рассказы об Аджаташатру и Кашьяпе. Великое множество других монахов и мирян, с кем Будда беседовал перед уходом (о чем говорится, например, в махаянской «Сутре о нирване»), сливается в единую толпу скорбящих, а об этих двоих сказано отдельно. Возможно, такой выбор означает, что для составителей *Кондзяку* уже были особенно значимы две традиции, которые вскоре, в конце XII в., станут самостоятельными школами: традиция «созерцания», *дзэн*, возводимая к Кашьяпе, и амидаизм, для которого предание об отцеубийце Аджаташатру составляет часть одной из основополагающих сутр.

Заключение

Первые три свитка *Кондзяку* трудно назвать последовательным изложением легенды о Будде. Здесь пропущены многие важные эпизоды (например, все искушения демона Мары сведены к одному), некоторые дублируются (таковы примеры воздаяния за щедрость), и хотя существенных добавлений нет, в японском пересказе отрывки из текстов китайского буддийского канона заметно меняются. Дело здесь не только в сокращении подробностей и развертывании диалогов: значимы порядок рассказов и переключки мотивов, которые повторяются на протяжении всех трех свитков. «Японское» качество рас-

сказов состоит, на мой взгляд, прежде всего в выборе этих мотивов. Итак, каким же должен быть, согласно *Кондзяку*, японский буддист, если он хочет следовать примеру Будды? Разумеется, милосердным; несомненно, понимающим всеобщий закон воздаяния. Но помимо этого ему следует не просто чтить родителей (эта тема выделена уже в китайских источниках рассказов), но и быть внимательным к другим родичам, совершенствоваться вместе с ними. Он должен постоянно помнить, что боги — рядом, что и с богами, и с животными, и с людьми, казалось бы, совсем посторонними он связан крепкой связью из прежних жизней. Личным делом человека подвижничество быть не может, остается лишь укреплять добрые связи с ближними и пытаться ослабить дурные. В этом смысле *Кондзяку* вполне подтверждает мнение многих историков японских религий, что применительно к эпохе Хэйан говорить о личной буддийской религиозности еще рано. Зато о коллективной — вполне возможно: «уходя из дому» или оставаясь в миру, человек в любом случае приносит в буддийскую общину свои семейные связи, связи с местом, где родился, и с тамошними богами. А дальше может выбирать, кем быть в общине: книжником, проповедником, чудотворцем, мастером хитрых «уловок», строителем храмов, щедрым дарителем или просто искренне верующим; любой из этих путей может привести к цели, о чем и свидетельствуют отобранные в *Кондзяку* истории из времен Будды.

В приложении к статье мне хотелось бы показать три рассказа. Первый звучит неожиданно современно: в нем люди из-за ложных взглядов сами разрушают свою среду обитания. Во втором ставится вопрос о буддийском отношении к войне. Третий показывает, почему Дзэами и его продолжатели в преданиях о Будде видели начало театра: можно сказать, что здесь Будда и его приверженцы ради благого дела разыгрывают фарс наподобие *кёгэн*.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дзэами 1989 — Дзэами Мотокиё. Предание о цветке стиля (Фусикадэн), или Предание о цветке (Кадэнсё) / пер. со старояп., исслед. и коммент. Н. Г. Анариной. Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989.

Касиваги 2016 — Касиваги Ясуко. Кондзяку моногатари-сю: Тэндзи кубу-оБуцу дэнтё: ситэ ёму тамэ-ни (кэнкю: но:то) [К прочте-

нию индийской части «Собрания стародавних повестей» как легенды о Будде]. Ямагути дайгаку тэцугаку кэнкю: [Философские исследования университета Ямагути]. 2016. Вып. 23. С. 41–68.

Коминэ 1980–1981 — Коминэ Кадзуаки. Кондзяку моногатари-сю: Тэндзикубу-но кэйсэй то ко:дзо: [Состав и структура индийской части «Собрания стародавних повестей»]. *Journal of cultural and social science*. 1980. Vol. 15, pp. 1–25; 1981. Vol. 16, pp. 1–24.

Кондзяку 1993–1999 — Кондзяку моногатари-сю: [Собрание стародавних повестей] / под ред. Конно Тоору, Икэгами Дзюнъити, Коминэ Кадзуаки, Мори Масато. Токио: Иванами, 1993–1999. Син Нихон котэн бунгаку тайкэй [Новое больше собрание памятников японской классической литературы]. Т. 33–37).

Кондзяку 2018 — Кондзяку моногатари-сю: [Собрание стародавних повестей] / под ред. Накагава Сатоси. *Yatanavi*. 2018. http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html; https://edb.kulib.kyoto-u.ac.jp/exhibit/konjaku/kj_top.html

Сюань-цзан 2012 — Сюань-цзан. Записки о Западных странах [эпохи] великой Тан (Да Тан си юйцзи) / пер. Н. В. Александровой. Москва: Восточная литература, 2012.

Трубникова 2018 — Трубникова Н. Н., Бабкова М. В. «Собрание стародавних повестей» в оценках исследователей: основные вопросы и трудности. *Ежегодник Японии*. 2018. Т. 47. С. 162–202.

Chaudhuri 2003 — Chaudhuri S. K. *Hindu Gods and Goddesses in Japan*. New Delhi: Vedams eBooks, 2003.

Khanna 2000 — Khanna A. *Jataka Stories in Japan*. New Delhi: B. R. Publishing, 2000.

Konjaku 2015 — Dykstra, Yoshiko (trans). *Buddhist tales of India, China, and Japan: a complete translation of the Konjaku monogatari-shū*. Honolulu: Kanji Press, 2015. Vol. 1–3.

REFERENCES

Zeami, M. (1989). *Kadensho (Fūshi Kaden)* [The Transmission of the Flower of Acting Style] (N. Anarina, Trans.). Nauka. (In Russian).

Chaudhuri, Saroj Kumar (2003). *Hindu Gods and Goddesses in Japan*. Vedams eBooks.

Dykstra, Y. (2015). *Buddhist tales of India, China, and Japan: a complete translation of the Konjaku monogatari-shū* (Vol. 1–3). Kanji Press.

Kashiwagi, Y. (2016). *Konjaku monogatari-shu Tenji kubu-o Butsu dento: shite yomu tame-ni (kenkyu noto)* [A Note for the Reading of “Tenjiku” Section of Konjaku-monogatarishu as a Life of Sakyamuni Buddha]. Yamaguchi daigaku tetsugaku kenkyu, 23, 41–68. (In Japanese).

Khanna, A. (2000). *Jataka Stories in Japan*. B.R. Publishing.

Komine, K. (1980–1981). *Konjaku-monogatarishu Tenji kubu-no keisei to kozo* [The Formation and Structure of Konjaku-Monogatarishu Tenjikubu]. Journal of cultural and social science, 15, 1–25; 16, 1–24. (In Japanese).

Konno, T. et al. (Eds.). (1993–1999). *Konjaku monogatarishū*. Iwanami, (SNKBT series) (Vol. 33–37). (In Japanese).

Nakagawa, S. (Ed.). (2018). *Konjaku monogatarishū*. http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html. (In Japanese).

Trubnikova, N., Babkova, M. (2018). “Sobraniye starodavnykh povestey” v otsenkakh issledovatelye: osnovnyye voprosy i trudnosti [Konjaku monogatarishū in Scholar Appreciation: Main Issues and Problems]. *Yearbook Japan*, 47, 162–202. (In Russian).

Xuanzang (2012). *Zapiski o Zapadnykh stranakh [epokhi] velikoy Tan* [Notes on the Western Countries of the Great Tang (Da Tang si Yuji)]. (N. Alexandrova, Trans.). Vostochnaya Literatura. (In Russian).

Приложение

1–14. Рассказ о том, как Будда вошел в город брахманов и обратил их в свое учение

В стародавние времена в городе брахманов не было Закона Будды, все следовали за иноверцами и изучали их книги. Чтобы обратить город к учению, Будда вошел туда.

В ту пору в городе был иноверец Самая. Он учил жителей:

— В ваш город придет шрамана Гаутама. Это очень дурной человек. Кто богат, тем он скажет: мирское бесполезно, накапливайте заслуги! — и люди из-за него лишатся имущества, станут бедняками. Любящие супружеские пары он научит: мир непостоянен, подвижничайте по Закону Будды! И супруги расстанутся. Как увидит красивую женщину в расцвете лет, станет уверять: мир ничтожен, стань монахиней! — и заставит ее обрить голову. Так он

учит, обманывает людей, вводит в убыток, разлучает, уродует — вот каков злодей!

Горожане спрашивают: вот придет этот шрамана — и что нам делать? Иноверец их учит:

— Шрамана Гаутама останавливается только у чистых рек, возле прозрачных озер, в тени густых деревьев. Вылейте в реку нечистоты, вырубите деревья, а двери домов закройте. А если он все-таки придет, то берите луки, стрелы и стреляйте в него!

Тогда горожане по наущению иноверца испоганили реку, вырубili деревья, вооружились луками и стрелами, мечами и палками и ждут. Будда со множеством учеников подошел к городу, молвит:

— Вы не верите моему учению и в итоге сойдете на три дурных дороги, бесчисленные кальпы⁷ будете терпеть беспрестанные муки без надежды выбраться. Горько и жалко!

И когда он так сказал, пруды и реки очистились, во всех них раскрылись цветы лотосов, деревья снова выросли, земля стала золотой, серебряной, лазуритовой. Луки и стрелы, мечи и палки в руках у горожан все обратились в лотосы, и люди их поднесли Будде.

Тут горожане все поклонились, касаясь земли пятью частями тела⁸, и говорят:

— Слава тебе, Шакьямуни, прошедший свой путь, кланяюсь тебе и ищем у тебя прибежища! Кланялись лбами в землю, каялись в грехах. И за это благое дело жители города постигли нерожденность и обрели терпение Закона⁹. Так передают этот рассказ.

2–28. Рассказ о том, как царь Вирудхака истребил род шакьев

В стародавние времена в Индии было царство Капилавасту, родина Будды. Все родичи Будды жили в том царстве. Звался их род родом шакьев, были они в своем царстве самыми знатными людьми. И во всех пяти частях Индии почитали род шакьев из царства Капилавасту.

---

⁷ Кальпа劫, *ко:*, — немыслимо долгий промежуток времени.

⁸ Ладонями, коленями и лбом.

⁹ 無生法忍, *мусё:бо:нин*, терпение, основанное на понимании того, что по сути в мире ничто не рождается и не гибнет, что круговорот перерождений лишь видимость. Такое понимание мира соотносится с махаяной, а не с ранним буддийским учением.

И был среди них человек по имени Шакья Маханаман¹⁰, старейшина царства, мудрый и проницательный безмерно. Потому его и считали учителем страны, все учились у него.

В ту пору у царя Прасенаджита в царстве Шравастии было много жен, но он задумал взять себе царицу из царства Капилавасту, из рода шакьев. Послал гонца в Капилавасту к тамошнему царю: в моем царстве, мол, есть много цариц, но все худородные. Если прийдешь мне девушку из шакьев, сделаю ее царицей!

Царь Капилавасту это услышал, собрал всех сановников и мудрецов, стали держать совет:

— Царь Прасенаджит из Шравастии хочет взять в жены женщину из Капилавасту, из рода шакьев. То царство уступает нашему. Даже если он нашу девушку сделает царицей — как можем мы ее туда отдать? Но если не отдадим, он на нас пойдет войной, а царство у него сильное, мы не выстоим!

Так они совещались, не знали, на что решиться, и тут один мудрый сановник говорит:

— У Шакьи Маханамана в доме есть девица Такая-то, дочь рабыни, красавица. Скажем, что она из рода шакьев, и отошлем туда. Что думаете?

Царь, а за ним и сановники говорят: хорошо! На том и порешили. Нарядили дочь рабыни, объявили, что она из рода шакьев, и отправили в Шравастии.

Царь Прасенаджит ее принял, смотрит — а она прекрасна безмерно! Из множества его жен с нею ни одна не сравнится. А потому царь ею стал дорожить бесконечно. Звали же ее госпожа Маллика.

И вот, родила она двоих сыновей. Когда старшему исполнилось восемь лет, он вошел уже в разум, говорит:

— Царство Капилавасту — родина матушки-царицы, нам не чужое! И мудростью оно превосходит прочие царства. Там есть человек по имени Шакья Маханаман. Он мудр, проницателен, богаче всех. Говорят, если в руки ему попадут черепки и камешки — обратятся в золото и серебро! Потому он и стал великим старейшиной при тамошнем царе, а еще учителем страны, все следуют за ним, учатся у него. В нашем царстве нет человека, равного ему. К тому же я сам из рода шакьев. Так пойду же учиться у него!

---

¹⁰ Двоюродный брат Будды, брат его ученика Анируддхи.

И пустился в путь. Его сопровождал сын сановника, одних с ним лет.

Прибыли в то царство, смотрят — посреди города новые большие палаты. В них поперек стоит высокое сиденье для Шакьи Маханамана. Перед ним сиденья для учеников-шакьев. А поодаль рядами — сиденья для тех учеников, кто не из рода шакьев.

Тогда сын царя Прасенаджита — звали его царевичем Вирудхаккой — поднялся на сиденье для шакьев, думает: я ведь тоже из рода шакьев! А люди это увидели и говорят:

— Это сиденье — для шакьев, для тех, кто сидит перед Великим учителем, Шакьей Маханаманом, учится у него! А ты, хоть и царевич, сын царя Прасенаджита, — родила тебя дочь рабыни из нашего царства. Как же ты смеешь занимать это сиденье?!

И согнали его. Царевич Вирудхака думает: какой страшный позор! И в печали говорит своему спутнику, сыну сановника:

— В нашем царстве никто не должен узнать, что меня согнали с того сиденья! Если когда-нибудь я стану царем у себя на родине, я весь род шакьев покараю. А до тех пор никому ни слова!

Так он поклялся и вернулся в свое царство.

А потом царь Прасенаджит умер¹¹. Царевич Вирудхака стал царем. А тот сын сановника, кто его сопровождал, стал его советником. Звали его Жестокий¹². Царь Вирудхака и Жестокий говорят меж собой: мы ведь до сих пор не исполнили того, о чем давным-давно договорились в царстве Капилавасту! Так покараем же теперь род шакьев, пойдем войной на их царство! Подняли в своем царстве войско неисчислимое и вторглись в царство Капилавасту.

Тут Маудгальяна о том прослышал, поспешил к Будде и говорит:

— Царь Вирудхака из царства Шравасти хочет истребить род шакьев, вторгся в нашу страну с неисчислимым войском. Множество людей, все шакьи, будут убиты!

Будда молвил:

— Если кому воздается смертью от рук убийцы, что поделаешь?

---

¹¹ Повествователи в *Кондзяку* непоследовательны: в одних рассказах этот царь, примерный ровесник Будды, умирает раньше него, а в других переживает его.

¹² Санскритское имя советника точно не восстанавливается; в китайских версиях предания оно переводится как 好苦梵志, яп. Коку-бонси, где Коку означает «страсть и страдание» или «страсть к страданиям», а бонси – «брахман» (человек из жреческого рода) или «брахмачарин» (человек, выбравший для себя путь искателя мудрости).

Моих сил не хватит.

И вышел к той дороге, по которой должен был идти царь Вирудхака, сел под сухим деревом.

Царь Вирудхака ведет войско, вошел в царство Капилавасту, видит вдалеке: Будда сидит один. Поспешил сойти с колесницы, поклонился и спрашивает:

— О Будда, почему ты тут сидишь под сухим деревом?

Будда отвечает:

— Роду шакьев грозит гибель, потому и сажу я под сухим деревом.

Вирудхака при этих словах смутился, развернул войско и вернулся восвояси. А Будда возвратился на Священную Орлиную гору.

Потом прошло время, Жестокий говорит царю Вирудхаке: нужно все-таки покарать шакьев! Царь это услышал, снова собрал войско и, как в прошлый раз, двинулся к городу Капилавасту.

Тогда МAUDГальяна пришел к Будде и говорит:

— Войско царя Вирудхаки уже на подходе! Я переброшу Вирудхаку с четырьмя родами его войск куда-нибудь в иные миры!

Будда молвит:

— А воздаяние, наследие прежних жизней рода шакьев ты тоже перебросишь в иные миры?

MAUDГальяна говорит:

— В самом деле, наследие прежних жизней шакьев, их воздаяние, я не смогу забросить в иные миры.

И снова MAUDГальяна говорит Будде:

— Я перенесу город Капилавасту, подниму его в воздух!

— А воздаяние, наследие прежних жизней шакьев ты тоже поднимешь в воздух? — говорит Будда.

— Нет, наследие прежних жизней я поднять в воздух не смогу.

И снова говорит:

— Я накрою Капилавасту сверху железным куполом!

— А воздаяние [за прежние дела] ты тоже накроешь железным куполом?

— Воздаяние за дела прежних жизней, не смогу [накрыть].

И снова говорит MAUDГальяна:

— Я посажу шакьев в свою чашу и скрою в воздухе¹³. Что скажешь?

---

¹³ О немыслимой вместиимости чаши MAUDГальяны говорилось в рассказе 1–10.

Будда молвит:

— Если даже ты скроешь в воздухе воздаяние, наследие прежних жизней, трудно будет его избежать!

И лег, мучась головной болью.

Царь Вирудхака с четырьмя родами войск подошел к Капилавасту. Тогда все шакьи вышли защищать город, взяли луки и стрелы, стали стрелять — и из воинов Вирудхаки не осталось ни одного, в кого бы они не попали. Все полегли — однако не погибли. Так войско Вирудхаки смешалось, на приступ не пошло.

Советник Жестокий говорит царю Вирудхаке:

— Хотя шакьи и весьма искусные воины, все они соблюдают заповеди, а потому не вредят даже букашкам. Что уж и говорить об убийстве людей! Вот почему они не стреляют по-настоящему. Нужно не теряться, идти на приступ!

Воины услышали эти слова, без страха пошли на приступ, и тогда шакьи не устояли, отступили в город. Вирудхака стоит под стенами города, кричит:

— Эй, вы! Скорее открывайте ворота! Не откроете — всех истреблю до единого!

В ту пору в городе Капилавасту жил один отрок из рода шакьев. Было ему пятнадцать лет, звали его Сьяма. Он услышал, что царь Вирудхака стоит под городом, надел доспех, взял лук и стрелы, поднялся на стену и один стал стрелять по войску Вирудхаки. Многих перебил, все от него побежали. Царь испугался безмерно. А шакьи услышали, позвали Сьяму и говорят:

— Ты годами юн, что же ты отвернулся от нашей общины? Неужто не знаешь, что шакьи исполняют благой Закон, не убивают даже букашки?! И уж тем более людей! Уходи сейчас же прочь!

И Сьяма тотчас вышел из города и скрылся.

Царь Вирудхака у ворот, кричит: сейчас же открывайте! Тогда один демон принял обличье шакьи и говорит:

— Скорее откройте городские ворота! Не сражайтесь [понапрасну].

Тогда шакьи ворота [открыли], а царь Вирудхака говорит: этих шакьев очень много. Мечами мы их всех перебить не сможем. Давите их слонами! Так он приказал своим людям, велел затоптать всех насмерть.

И еще царь велел своим людям: выберите пятьсот красивых женщин из рода шакьев и приведите ко мне. Люди по его приказу привели царю пятьсот красавиц. Царь говорит женщинам:

— Не бойтесь и не сетуйте! Я теперь ваш муж. А вы — мои жены!

Выбрал одну из красавиц рода шакьев, стал тискать ее. А она говорит: великий царь, зачем это? Он ей: хочу сойтись с тобой. Женщина говорит:

— Как же я, шакья, сойдуся теперь с царем, рожденным от рабыни?

Тогда царь в великом гневе велел своим людям отрубить этой женщине руки и ноги, а ее бросить в глубокую яму. А остальные женщины шакьев, все пять сотен, бранят царя: кто захочет сойтись с царем, рожденным от рабыни?! Царь разгневался еще больше, велел всем пяти сотням женщин отрубить руки и ноги, а их сбросить в глубокую яму.

Тогда Маханаман говорит царю: исполни мою просьбу! Царь ему: чего ты хочешь? Маханаман говорит:

— Я брошусь в воду. А ты отпусти столько шакьев, сколько сумеет уйти, пока я продержусь под водой!

Царь говорит: будь по-твоему. Тогда Маханаман бросился в воду, волосами привязал себя к корню дерева и погиб. А шакьи пустились бежать: кто выбегает в восточные ворота — вбегает обратно в южные, кто выбегает в южные ворота — вбегает в северные.

Царь говорит свои людям: почему Маханаман до сих пор не вынырнул? Люди отвечают: Маханаман там в воде умер. Царь видит, что Маханаман умер, в досаде говорит:

— Мой дед скончался, ибо он любил всех своих родичей!

Шакьев, убитых царем Вирудхакой, было девять тысяч девятьсот девяносто девять человек. Одних зарыли в землю, других потоптали слонами. Кровь их стеклась в целое озеро. Все дворцы и палаты в городе сгорели дотла. А потом Вирудхака увел войско к себе в царство.

Маудгальяяна вынул из чаши тех шакьев, кого он прятал в небе, и видит: они в его чаше все умерли, ни одного живого не осталось. Будда говорил: таковы плоды воздаяния, их не избежать, — и не ошибся.

Будда молвит:

— Царь Вирудхака и его воины все умрут через семь дней.

Царь о том прослышал, испугался, уstraшилcя, объявил воинам. Советник Жестокий царю говорит:

— О великий царь, не бойся! Границам нашим никто не угрожает, бедствия никакого нет.

Царь, чтобы успокоиться, отправился на берег реки Аджиравати¹⁴ со своими людьми и с девушками. Они пировали, веселились — и вдруг ударила страшная молния, налетел ветер, полил дождь, царя и всех, кто был с ним, смыло водой, и они погибли. И все сошли в подземные темницы Авичи¹⁵. И еще с неба грянул огонь, и все дворцы в городе сгорели. А убитые шакьи все возродились на небе. Потому что соблюдали заповеди!

Тогда монахи-бхикшу, ученики Будды, спросили у него: какие же дела шакьев причиной тому, что все они убиты царем Вирудхакой?

Будда молвит:

— В древности в Раджагрихе была рыбацкая деревня. В мире настала засуха. Возле той деревни было большое озеро. Люди из города приходили к озеру, ловили рыбу и ели. А в озере жили две рыбы. Одну звали Хваткая, а другую Многоязыкая. Рыбы говорят меж собой: хотя мы в прошлом рождении не причиняли вреда людям, теперь они нас едят. Если есть у нас в прежних жизнях хоть немного причин для удачи, мы непременно за эту злобу им воздадим! А в деревне в ту пору жил один мальчик лет восьми. Он рыбу не ловил. Но когда рыб вытаскивали на берег, смотрел и дивился. Знайте же! Тогдашние жители Раджагрихи — это нынешний род шакьев. Древняя рыба Хваткая — это ныне царь Вирудхака. А рыба Многоязыкая — это Жестокий. Тот мальчик, кто смотрел на рыб и смеялся, — это теперь я сам. Я ударил рыбу по голове, и у меня в эти дни болит голова. Шакьи ловили рыб — и за тот грех на бесчисленные кальпы сошли в подземные темницы, принимали муки. Наконец родились людьми, встретились со мной, но тогдашнее воздаяние ощутили вот так. А царь Вирудхака, советник его Жестокий и их войско за то, что истребили род шакьев, сошли в подземную темницу Авичи.

Так проповедал Будда и так передают этот рассказ.

---

¹⁴ На берегах этой реки позже развернется действие рассказов о последних днях Будды.

¹⁵ Авичи 阿鼻, Аби, Беспросветные — самые страшные из «подземных темниц».

3–19. Рассказ о том, как обрела Путь старая рабыня из дома Судатты

В стародавние времена в Индии в городе Шравастии жил вельможа Судатта. В его доме была одна старая рабыня, звали ее Викара¹⁶. Она постоянно присматривала за домашними делами вельможи.

А вельможа приглашал к себе Будду и монахов-бхикшу, подносил им дары. При виде их у рабыни в сердце просыпалась великая скарденность. Так старуха невзлюбила Будду, Закон и Общину, говорила:

— Наш хозяин по глупости верит шраманским чарам!¹⁷ Век бы не слышать имени Будды, век бы не слышать слова «бхикшу»!

И голос ее был слышен по всем городе Шравастии.

Царица, госпожа Маллика, о том прослышала и думает: вельможа Судатта — словно прекрасный цветок лотоса, все его восхваляют. Почему же он держит у себя в доме такую ядовитую змею? И говорит жене Судатты:

— Старая рабыня из вашего дома хулит Три Сокровища¹⁸ злыми словами. Почему вы ее не выгоните вон?

Жена вельможи отвечает:

— Даже Ангулималу¹⁹ и иже с ним, злых людей — и тех Будда одолел! Что уж говорить о старой рабыне!

Маллика это услышала и с радостью говорит:

— Я завтра приглашу Будду во дворец, а ты пришли сюда эту старуху!

Жена вельможи согласилась и ушла восвояси.

Назавтра положила в горшок золота и велела рабыне отнести, под этим предлогом отправила ее во дворец. Маллика видит, что старуха тут, и пригласила Будду. Будда прибыл ко дворцу, входит через главные ворота, слева от него шагает Нанда, справа Ананда, а Рахула идет позади.

Старая рабыня их увидела, встревожилась, всполошилась, умнитится, волосы дыбом! Говорит:

---

¹⁶ Под именем Викара 毗低羅, Битэйра, в нескольких сутрах появляется слуга-домоправитель, скарденный и враждебный к монахам.

¹⁷ 沙門の術, сямон-но дзюцу, — чудеса учеников Будды, понятые как чародейские наваждения.

¹⁸ Будду, Закон и общину.

¹⁹ О нем шла речь в рассказе 1–16.

— Этот злодей и сюда явился следом за мной! Пойду-ка я скорее домой!

И пустилась бежать. В главных воротах — Будда, так что старуха туда не сунулась, хотела выбраться через боковые двери — а те двери сами собой закрылись, не открываются! Тогда старая рабыня спрятала лицо за веером — но Будда, когда проходил перед нею, отразился на веере, словно в зеркале — не закроешься! Старуха хлопчет, мечется, взглянет на восток — там Будда. Взглянет на юг, на запад, на север — и там Будда. Поднимет взор вверх — и там Будда. Опустит к земле — и там тоже Будда! Закрыла лицо руками — Будда на каждом из десяти пальцев. Зажмурилась — глаза невольно открываются. Глядит в небо — все миры на десяти сторонах полны образами Будды!

А во дворце было двадцать пять женщин-чандал, неприкасаемых, и еще пятьдесят женщин-брахманок. И еще пятьсот женщин, не веривших Будде. Они увидели, как старой рабыне Будда явился в бесчисленных телах, — и все отбросили ложные взгляды, впервые поклонились Будде, воскликнули: слава Будде! И тотчас у них пробудились помыслы о просветлении²⁰. А у старухи ложные взгляды укоренились глубоко, она все еще не верит. Однако видела Будду вблизи — и это уничтожило грехи многих ее рождений.

Старуха вернулась в дом вельможи, говорит жене Судатты:

— Я сегодня по твоему приказу ходила во дворец, а Гаутама как раз вошел в дворцовые ворота. Я видела, как он являлся в разных обличьях. Тело подобно золотой горе, глаза — ярче голубых лотосов! Излучает свет безмерный!

Соорудила из веток корзину и легла, накрывшись ею.

Будда двинулся было в обратный путь, в обитель Джетавана, а царица Маллика ему говорит:

— Прошу, о Будда, обрати эту старую рабыню, дай ей переправиться на тот берег! А потом вернешься в обитель.

Будда молвит:

— У этой старой рабыни грехи тяжелы, со мной у нее связи нет. У Рахулы есть с нею связь, он сможет обратить старуху и переправить.

И отбыл восвояси.

А Рахулу отправил в дом к Судатте. Чтобы переправить старуху на тот берег, Рахула преобразился в царя — вращателя колеса. Тысяча

---

²⁰ 菩提心, бодайсин, первое и главное условия для вступления на Путь.

двести пятьдесят монахов-бхикшу приняли облик тысячи с лишним его сыновей и прибыли в дом Судатты. А старуху превратили в прекрасную деву. Она с радостью поклонилась царю. А царь проповедал о десяти благих делах, дал ей услышать, и старуха, услышав о десяти благих делах, смирилась сердцем.

Потом Рахула и остальные монахи все явились в настоящих своих обликах. Старуха видит их и говорит:

— Закон Будды чист и никого из живых не отвергает. Я по глупости много лет не верила ему! Прошу, обратите ко благу злые и скверные мои дела, дайте мне переправу!

И приняла пять заповедей, и обрела плод сротапанны²¹. И тотчас пошла к Будде, покаялась в прежних грехах, пожелала уйти в монахини — и обрела плод архата. Взлетела в воздух, явила восемнадцать превращений.

Царь Прасенаджит, глядя на нее, спросил у Будды:

— Вот эта старуха. За какие прежние грехи она родилась рабыней, прислуживала другим, и за какие благие дела встретилась с Буддой и обрела Путь?

Будда говорит царю:

— В далеком прошлом в мир явился будда, звали его Царь Драгоценных Зонтиков и Светильников. После его ухода в нирвану, в век Подобия Закона²², жил царь, звали его Сияние Разных Драгоценных Цветов. У царя был сын, его звали Отрада для Взоров. Он вышел из дому и изучал Путь. Гордился тем, что он царский сын, постоянно чванился.

У него был наставник. Для царевича он толковал учение о том, что глубочайшая мудрость-праджня пуста²³. Царевич послушал и решил: это ложное учение. После смерти наставника стал говорить: мой учитель не был мудр, толковал о пустоте. Не хочу в будущей жизни с ним

---

²¹ «Вошедшего в поток»: первая из четырех стадий совершенствования архата.

²² 像法, Дзо:бо:, наступает, по предсказаниям из разных сутр, через 500 или 1000 лет после ухода каждого из будд.

²³ 甚深般若の空義を説く, дзинсинханья-но ку:ноги-о току, то есть проповедует махаянское учение, «пустота» здесь — относительность как свойство любых истин. Ведь каждая истина имеет смысл только в сочетании со своей противоположностью: невозможно говорить о «большом», не отличая его от «малого», об «истинном» — не противопоставляя его «ложному» и т. д. Собственно, и Закон Будды нельзя было бы изложить, не отделяя его от «чужих учений», а значит, он и они взаимно предполагают друг друга. «Пуста», относительна, и сама теория «пустоты».

встречаться! А потом появился у него еще один наставник-ачарья. О нем царевич говорил: этот мой учитель обладает ясной мудростью, рассудителен и сведущ. Хочу, чтобы из жизни в жизнь, из века в век мы с ним оставались мудрыми друзьями! Царский сын обучил многих учеников, внушил им веру в то, что учение о пустоте — ложное.

И вот, хотя он и соблюдал заповеди, но сомневался в учении о пустоте самой глубокой мудрости-праджны, за это, когда жизнь его кончилась, сошел в подземные темницы Авичи, принял муки безмерные. Когда вышел из подземных темниц, рождался бедным простолюдином, пятьсот веков рождался глухим и слепым, тысячу двести веков становился рабом и постоянно прислуживал другим. Первый его тогдашний наставник — это я, а второй ачарья — ныне Рахула. Царский сын — это ныне старая рабыня. Вот почему сейчас у меня с ней нет связи, а Рахула смог ее обратить к учению. За то, что за нею тогда следовали ученики, учились у нее Закону, она теперь обрела Путь. Те женщины во дворце, чьи взгляды были ложны, — это тогдашние монахи-ученики.

Так проповедал Будда и так передают этот рассказ.

Перевод со старояпонского Н. Н. Трубниковой

Пьеса театра кабуки «Повелитель грома» («Наруками»). **Предисловие, перевод и комментарии В. В. Хомченковой**

Аннотация. Театр Кабуки является ярким элементом японской культуры, и данная работа посвящена исследованию пьесы «Наруками». Актуальность исследования определяется расширением культурного обмена в рамках российско-японских отношений. В 2018 году в Россию приезжала труппа Кабуки Тикамацу-дза, что является событием грандиозного масштаба, поскольку гастроли Кабуки за границей, не говоря уже о России, крайне редки. В России публиковались работы о театрах Но, Кабуки и Дзёрури, однако именно Кабуки уделено недостаточно внимания — большинство имеющихся публикаций датируются шестидесятыми–семидесятыми годами. Мало знаком российский читатель и с переводами пьес Кабуки, поэтому мной была предпринята попытка перевести сочинение, известное под названием «Повелитель грома» (鳴神, *Наруками*, 1684 г.), которое включено в число «Восемнадцати классических пьес театра Кабуки»: все они входят в современный репертуар японского театра. В научный оборот вводится еще один драматический текст, неизвестный в России. Статья является вступлением к тексту перевода: в нем исследователь обращается к особенностям пьесы, описывает персонажей и их сценические костюмы.

В пьесе четыре действующих лица: святой Наруками, который является главным действующим лицом и по имени которого названа пьеса; два его непутевых ученика — монахи Хакуумбо и Кокуумбо, которые являются комическими персонажами и развлекают зрителей по ходу развития действия пьесы; принцесса Кумо-но Таэма-химэ. Сюжет пьесы выстраивается вокруг того, что Наруками при помощи магических обрядов устроил засуху, чтобы отомстить императорскому двору за свои обиды, и тогда к нему посылают красавицу Кумо-но Таэма-химэ, которая должна соблазнить святого, узнать, как разрушить заклинания и вернуть дождь.

Ключевые слова: японский театр, театр Кабуки, японская драматургия, «Наруками», «Повелитель грома», Итикава Дандзю:ро:

Автор: Хомченкова Варвара Валентиновна, преподаватель Института классического Востока и антропологии Высшей школы экономики, 105066, Москва, ул. Старая Басманная д. 21/4, стр. 3.

E-mail: varvara.doemu@gmail.com

“The Thunder God”. **The Kabuki Play *Narukami*** **Introduction, translation,** **and comments by V. V. Khomchenkova**

Abstract. The Kabuki Theater is a striking element of the Japanese culture. Current work is an annotated translation of the play “Narukami”. Its relevance is determined by the growing cultural exchanges between Russia and Japan. In 2018, the Kabuki Chikamatsu-za troupe came to Russia, which was an event of grandiose scale, since Kabuki’s tours abroad, not to mention Russia, are extremely rare. In Russia, there are numerous publications of academic works on the theaters of Noh, Kabuki, and Jōruri. However, the Kabuki Theater has not been given enough attention — most of the available publications date back to the 1960s – 1970s. Since the Russian audience has scarce opportunities to read translations of Kabuki plays, an attempt is made to translate the Kabuki drama known as *Narukami* (鳴神, “The Thunder God”, 1684), which is one of the eighteen classic plays comprising an integral part of the modern repertoire of the Japanese theater. The translation puts in scientific circulation a Japanese dramatic text previously unknown in Russia. There are four characters in the play: Saint Narukami, who is the main character and after whom the play is named; his two misguided students — monks Hakuumbo and Kokuumbo, who are comic characters entertaining the audience in the course of the development of the play; and Princess Kumo no Taema Hime. The plot of the play is shaped around Narukami, who, using magical rites, creates a drought to avenge the imperial court for his grievances. Then his adversaries send him the beautiful Kumo no Taema-hime, who should seduce the saint and learn from him how to destroy spells and bring the rain back. The translation is preceded by an introduction where the author addresses the features of the play and describes the characters and their stage costumes.

Keywords: Japanese theatre, Kabuki theatre, Japanese drama, *Narukami*, “The Thunder God”, Ichikawa Danjūrō

Author: *Khomchenkova Varvara V.*, Lecturer, National Research University “Higher School of Economics”, Institute for Oriental and Classical Studies, 105066, Moscow, 21/4 Staraya Basmannaya street, building 3.

E-mail: varvara.doemu@gmail.com

Вступление

Театр Кабуки является ярким элементом японской культуры, и данная работа посвящена исследованию пьесы «Наруками». Актуальность исследования определяется расширением культурного обмена в рамках российско-японских отношений. В 2018 году в Россию приезжала труппа Кабуки Тикамацу-дза, что является событием грандиозного масштаба, поскольку гастроли Кабуки за границей, не говоря уже о России, крайне редки.

В России публиковались работы о театрах Но, Кабуки и Дзёрури, однако именно Кабуки уделено недостаточно внимания — большинство имеющихся публикаций датируются шестидесятыми–семидесятыми годами. Мало знаком российский читатель и с переводами пьес Кабуки, поэтому мной была предпринята попытка перевести сочинение, известное под названием «Наруками» (鳴神, 1684 г.), которое включено в число классических восемнадцати пьес: все они входят в современный репертуар японского театра. Название было переведено мной как «Повелитель грома». В научный оборот вводится еще один драматический текст, неизвестный в России.

Пьеса «Наруками» была поставлена в 1684 году на сцене театра Накамура-дза в Эдо. Впоследствии ее включили в состав пятиактной пьесы «Боги Наруками, Фудо: и цветущая сакура в горах Китаяма» (雷神不動北山桜, *Наруками Фудо: Китаяма дзакура*, 1751) в качестве четвертого акта, который называется «Хижина на скале» (山岩屋の場) [Кабуки дзю:хатибан сю: 1952, с. 54.].

В середине XIX века выдающийся актер династии Итикава Дандзю:ро: Седьмой (七代目市川團十郎, 1791–1859) отобрал лучшие пьесы и составил список восемнадцати пьес Кабуки, в каждой из которой используется стиль *арагото* (荒事, «грубый, буйный»), свойственный сценической деятельности актерской династии Итикава. В пьесе «Повелитель грома» также используются элементы *арагото*, когда Наруками превращается в бога. В список восемнадцати пьес Кабуки также вошли несколько элементов из «Наруками Фудо: Китаяма дзакура»: третье действие «Кэнуки» («Пинцет»), четвертое действие «Наруками» («Повелитель грома») (Илл. 1) и пятое действие «Фудо:» («Бог Фудо:»), которые до сих пор ставятся на сцене и пользуются большой популярностью у зрителей. [Brandon 1975, p. 12.]. Пьесы объединены общей сюжетной линией, которая складывается

из интриг при императорском дворе, (например, принцесса Кумо-но Таэма-химэ вынуждена соблазнить Наруками и освободить страну от засухи, если она хочет выйти замуж за своего возлюбленного), однако эти произведения достаточно самостоятельны и могут ставиться отдельно. Японская культура известна переработкой собственных сюжетов, и легенда о Наруками фигурирует, например, в «Собрании стародавних повестей» (今昔物語集, *Кондзяку моногатари*, XII в.) и в «Повести о великом мире» (太平記, *Тайхэйки*, XIV в.) [Brandon 1975, p. 105.].

В пьесе «Наруками» четыре действующих лица: святой Наруками, два его непутевых ученика-монаха Хакуумбо и Кокуумбо, чрезвычайно напоминающих «двоих из ларца, одинаковых с лица», и красавица Кумо-но Таэма-химэ. (Илл. 2)

Слово *наруками* (鳴神) дословно означает «бог грома» или «громовник» — воплощение всех небесных сил, а прежде всего грома, молнии, грозы — олицетворение устрашающих стихий. Наруками является наставником буддийского храма в горах, у него есть ученики. Одевание у него простое и скромное: белое кимоно, подвязанное поясом *оби*, а на голове монашеский парик. Куда более интересно его преобразование в конце пьесы, когда он превращается в божество. Простое белое одеяние меняется на одеяние с языками пламени. Прическа и грим святого также меняются: вместо красных элементов грима *бэнигума* (紅隈), присущих доброму персонажу, появляются синие черты *аигума* (藍隈), что означает смену настроения Наруками. Черные толстые брови возвышаются на лбу, передавая гнев персонажа. Аккуратно уложенный монашеский парик меняется на *дайхяку* (第百), характерная особенность которого — топорщащиеся во все стороны волосы. (Илл. 3).

Имена монахов-учеников Наруками звучат похоже, *хакуумбо* означает «белое облако» (白雲坊), а *кокуумбо* — «черное облако» (黒雲坊). Оба одеты в белые монашеские одеяния *бо:дзу исё:* (坊主衣装), которые называются *кисэн* (喜撰). Одевание *кисэн* предназначено для младших монахов: это белое кимоно с белым поясом *оби*, поверх надевается элемент *коси-горомо* (腰衣), который напоминает фартук или юбку чуть ниже колен [Shaver 1966, p. 139]. У обоих по всему телу нанесена краска-грим белого цвета *сиранури* (白塗), на головах у них белые парики — они выглядят абсолютно одинаково. По ходу развития действия эти персонажи часто говорят в один голос или

повторяют дважды окончание фразы, они как бы двоятся, что создает комический эффект. (Илл. 4).

Главную героиню Кумо-но Таэма-химэ исполняет *оннагата* (女形), актер женских ролей в театре Кабуки. На принцессе алое кимоно, на голове — парик *фукива* (吹輪), его главная особенность — большой серебряный гребень с цветами, который называется *хана-гуси* (花具志) [Shaver 1966, p. 219]. Эта прическа сообщает зрителю, что Кумо-но Таэма — дама высокого происхождения. На лице актера традиционный грим: поверх белил *сиранури* (白塗) нанесена алая помада, глаза обозначены красными линиями. (Илл. 5).

Действие пьесы разворачивается у хижины в горах возле водопада. По сюжету пьесы святой Наруками затаил обиду на государев двор за то, что ему отказали в возведении алтаря для храма, поэтому он при помощи своей силы пленяет Драконов, Богов воды в Трех тысячах мирах, из-за чего на земле стоит засуха. Чтобы спасти своих подданных, государь посылает к Наруками одну из своих прекрасных придворных дам — Кумо-но Таэма-химэ, которая должна соблазнить его и освободить Богов Драконов.

Пьеса начинается с комической сцены встречи двух монахов, Хакуумбо и Кокуумбо. Они пьют вино и ссорятся из-за сушеного осьминога. В этой сцене много смешных каламбуров. Их ссору прерывает появление святого Наруками. (Илл. 6). В то же время на *ханамити* появляется Кумо-но Таэма-химэ, которая возносит молитвы Будде.

Пока Наруками молится, Хакуумбо и Кокуумбо засыпают, и он будит их и требует, чтобы монахи сходили и разузнали, чей голос слышится возле водопада. Монахи вновь комично ссорятся, из страха не желая выполнять поручение. Наконец, выполнив его и увидев Кумо-но Таэма, они ссорятся вновь, пытаясь решить, кто эта красивая незнакомая женщина, забредшая в горы: Небесная фея или Драконья принцесса.

Наруками, устав слушать монахов, сам выходит навстречу Кумо-но Таэма. Она увлекает его выдуманном рассказом о своем погибшем супруге, и Наруками просит ее подойти ближе. Хакуумбо и Кокуумбо противятся этому, поскольку женщинам нельзя находиться возле храма, но Наруками позволяет ей приблизиться, посадив с двух сторон от нее монахов. Кумо-но Таэма начинает рассказ о своем путешествии. Примечательно, что ее рассказ полон упоминаний воды, рек, а также ономастических выражений, которые означают

плеск воды. Это сделано не случайно, ведь принцесса должна выполнять поручение императора, и для соблазнения Наруками она использует метафоры, имеющие скрытый эротический смысл [Brandon 1975, p. 39]. Молодые монахи, добавляющие свои остроты в рассказ, делают ситуацию совершенно комичной. Заслушавшись, святой Наруками падает с помоста и лишается чувств. Монахи суетятся, Кумо-но Таэма приводит его в чувство.

Наруками начинает подозревать угрозу со стороны принцессы и рассказывает древнюю индийскую легенду, на которой основан сюжет данной пьесы [Brandon 1975, p. 95]. Примечательно, что его реплика — самая длинная в драматургии театра Кабуки [Brandon 1975, p. 95]. Легенда повествует о том, что Однорогий отшельник также заключил Драконов — Богов воды в пещере, как и сделал Наруками, и к нему также подослали красавицу, как Кумо-но Таэма-химэ, которая сломала его чары. Наруками спрашивает, кто же такая Кумо-но Таэма, и она говорит ему, что прибыла, чтобы стать его ученицей. Тогда Наруками отправляет Хакуумбо и Кокуумбо к постоялому двору за бритвой и монашеским одеянием для нее.

Когда они остаются наедине, Кумо-но Таэма принимается соблазнять святого Наруками. Эта сцена — кульминация всей пьесы, в которой исследователи отмечают странную смесь непристойности и буддизма [Halford 1965, p. 230]. Они разыгрывают свадебный обряд и пьют вино. Наруками пьянеет и рассказывает ей, что освободить Богов Драконов можно, если перерезать священную веревку *симэнава* над водопадом, затем он засыпает. В некоторых постановках Наруками и Кумо-но Таэма разделяют супружеское ложе в хижине. Пока Наруками спит, она исполняет танец и перерезает *симэнава*, освобождая Богов Драконов. Далее следует сценическая техника *хасирамаки-но мизэ* (柱巻きの見得) — фиксированная поза, во время которой актер касается двумя руками и одной ногой столба *хасира*, что возле хижины, после чего она убегает по *ханамити* [Гундзи 1969, с. 21].

После ее побега возвращаются Хакуумбо и Кокуумбо вместе с другими монахами с постоялого двора. Начинается долгожданная гроза, которая изображается при помощи декораций и музыки: на заднике сцены появляются декоративные картинки с молниями, барабаны стучат, изображая дождь и раскаты грома. Монахи ищут Наруками, он обнаруживается спящим и пьяным. Пока святой спал, *курого* (黒米) — человек в черном — помог ему переоблечься в другое

одевание. Затем святой Наруками и монахи исполняют элемент «буйства» — *арагото* (荒事). Монахи танцуют, кружатся, делают прыжки и сальто. Наруками выходит на *ханамити* (花道) и исполняет танец, после чего убегает по *ханамити*, преследуя Кумо-но Таэма. Таков финал спектакля.

В пьесе обильно цитируются стихотворения из антологии «Собрание старых и новых песен Японии» (古今和歌集, *Кокин вакасю*; X в.). Монахи цитируют различные буддийские источники, в частности «Лотосовую сутру» и «Мантру лучистого света». Однако несмотря на то, что главными действующими лицами являются монахи, они совершенно пренебрегают заветами Будды: распивают вино, едят рыбу, не гнушаются близким общением с женщинами (Кумо-но Таэма-химэ). Предположительно, такое ироничное отношение к буддизму связано в целом со взглядами всей эпохи Эдо, в которой прослеживается спад интереса к буддизму, на смену которому пришло неоконфуцианство [Редько 1980, с. 27].

Перевод произведения выполнен по изданию: [Кабуки дзю:хатибан сю: 1952, с. 54–91].

Пьеса «Повелитель грома» («Наруками», 鳴神) была поставлена в 1751 г. (четвертый год Канъэн, или первый год Хо:рэки) в театре Итимура-дза в Эдо, в весенней фарсовой сценке кё:гэн (狂言) «Первые цветы реки Сумида» (Хацухана сумидагава, 初花隅田川) в качестве 2-го кё:гэна. В роли святого Наруками выступал Итикава Дандзю:ро: (Эбидзо:) II, а в роли Кумо-но Таэма-химэ — Оноэ Кикугоро: I. Постановка имела огромный успех.

Настоящая версия «Повелителя грома» — это четвертый акт из пятиактной пьесы «Боги Наруками, Фудо: и цветущая сакура в горах Китаяма» («Наруками Фудо: Китаяма дзакура», 雷神不動北山桜).

Повелитель Грома

Место действия: хижина на скале

Действующие лица

Святой¹ Наруками.

Хакуумбо, Белое Облако, молодой монах, живет на том же постоялом дворе.

---

¹ Официальная должность Наруками — *сё:нин*, наименование первосвященника в японском буддизме.

Кокуумбо, Черное Облако, молодой монах, живет там же.

Кумо-но Таэма-химэ.

Другие действующие лица

Декорации. На главной сцене — изображение крутых горных скал. На переднем плане вздымается берег высотой пять *сяку*² и протяженностью семь *сяку*. С трех сторон расположены горы. На берегу — прекрасная хижина отшельника с четырьмя столбами *хасира*³, окруженная со всех сторон священной веревкой *симэ*⁴. Позади хижины расположены бамбуковые перегородки. Возле помоста *хасигакари*⁵ сложен всякий скарб. Большой водопад. У истока водопада располагаются два больших бамбуковых ствола, на них повязана толстая веревка *симэ*. Из водоема механизм поднимает дракона, который с плеском взлетает вверх меж больших стволов бамбука. У водопада навалены камни. Под музыкальное сопровождение⁶ открывается занавес и начинается пьеса.

*Хакуумбо и Кокуумбо, два молодых послушника, выходят на ханамити*⁷; они в кимоно, рукава которого подвязаны *шнурком*.

Хакуумбо. Ты слышал, ты слышал?

Кокуумбо. Слышал, слышал.

Хакуумбо. И что же ты слышал?

Кокуумбо. Слышал я, как соловей поет за храмом.

Хакуумбо. Балда, не об этом я тебе говорю. Слышал ли ты о том, что прямо сейчас наш преподобный учитель Наруками творит магические обряды?⁸

Кокуумбо. Нет, ничего подобного я не знаю.

Хакуумбо. Говоришь, не знаешь? Раз так, расскажу! Учитель творит магические обряды, потому что государь отклонил его прошение

² *Сяку* — японская мера длины, 1 *сяку* соответствует 30,3 см.

³ *Хасира* — опорные столбы в японской храмовой архитектуре.

⁴ *Симэ*, или *симэнава* — ритуальные украшения из соломенных веревок с вплетенными в них полосками бумаги.

⁵ *Хасигакари* — открытый для зрителей проход в театре Но, который ведет из внутренних помещений на сцену.

⁶ Играют ударные инструменты и японская флейта *нокан*. Музыка передает ощущение горного уединения.

⁷ *Ханамити*, или «цветочная тропа» — помост, идущий от сцены через партер вглубь зрительного зала.

⁸ «...магические обряды» — Наруками владеет тайными религиозными обрядами, которые существуют в буддийских школах Тэндай и Сингон.

возвести алтарь⁹. И тогда преподобный Наруками пленил Дракона — Бога воды в Трех тысячах мирах, чтобы ни одна капля в мире не упала на землю. И поэтому уже больше тридцати дней стоит засуха. Ну разве не жестоко?

Кокуумбо. Дела! Так если засуха продолжится, то детишкам славно будет запускать воздушных змеев, а вот для крестьян, что сеют рис на заливных полях, настанут тяжелые времена.

Хакуумбо. Так оно и есть. Но ведь и крестьяне не виноваты! Это вина государя. Все случилось из-за того, что он пренебрег просьбой нашего учителя и не позволил возвести алтарь.

Кокуумбо. Ну и что, что он государь, а только пренебрежение Законом Будды известно чем оборачивается! Стоит только посетить трапезную не вовремя или не подать милостыню, так сразу ни гроша от пособия не останется, еще и работать без отдыха заставляют, ох, ноги мои этого не выдержат!

Хакуумбо. Опять ты городишь чепуху? Учитель подобен игле, ученик подобен нити, и разве мы не дети нашего учителя? Если наш преподобный учитель до смерти околеет, то и нам подобает скончаться от холода. Таков Закон Будды.

Кокуумбо. Я так и думал, однако... Что-то мне духу не хватает. Наверное, я трус.

Хакуумбо. Это не признак трусости. Это признак дурачины.

Кокуумбо. Послушай-ка, а ведь у меня есть хорошее лекарство от хандры, почему бы нам не выпить, чтобы прийти в себя?

Хакуумбо. Да уж!.. Хорошее лекарство. Но раз уж мы собрались подлечиться... Ну давай немного выпьем.

Кокуумбо. Давай, давай выпьем! Лекарство называется «пей-выпивай-не-болеи-не-старей-не-умирай».

Хакуумбо. Давай же его скорей сюда.

Кокуумбо. Это очень ценное лекарство, поэтому я не ношу его в рукаве или за пазухой, а храню в кладовой. Сейчас я отопру нужную дверь и поделюсь с тобой.

Хакуумбо. Ну и осел же ты! Если ты прямо сейчас пойдешь в храм, то придется тащиться пятьдесят тё¹⁰ с горы, а потом еще обратно в гору с лекарством.

---

⁹ «...прошение возвести алтарь» — под алтарем подразумевается место для проведения массовых церемоний и молитв.

¹⁰ Тё — японская мера длины. 1 тё соответствует 109,09 метра.

Кокуумбо. В храме нет никакой кладовой. Она у тебя под носом.

Хакуумбо. Кладовая под носом?..

Кокуумбо. Не совсем под носом. Скорее в штанах¹¹.

Хакуумбо. Ты что такое городишь?

Кокуумбо достает из штанин бутылку с вином.

Кокуумбо. Ну разве не надежное место для хранения, а? А ведь в штанах бутылка греется, и такое пить приятно. У меня и посудка есть. *(Достает из рукава чашечку для вина.)* Вот, пожалуйста. *(Протягивает выпивку.)*

Хакуумбо. Бессовестный ты и грязный! У меня слов не хватает!.. Беспутный монах!

Кокуумбо. Это я, что ли?

Хакуумбо. Убийство, воровство, прелюбодеяние, ложь и пьянство — вот что Будда не приемлет!¹² И ты нарушил запрет на пьянство! Если я это так оставлю... *(Тащит Кокуумбо за шею, загоразживая ему дорогу.)*

Кокуумбо. Эй, постой! Молись! Молись!

Хакуумбо. Это ты молись!

Кокуумбо. Я не должен бояться извиниться. Я очень виноват! Это меня не извиняет, но я служу здесь всего год. И, кстати говоря, я этим сыт по горло. Раз уж выпал такой случай, скажу как есть. Если тебя это настолько разозлило — хорошо, прямо на твоих глазах я возьму бутылку и сброшу со скалы, чтобы она разбилась. И так я всем сердцем устремлен к просветлению, черт возьми!¹³ *(Пытается сбросить бутылку со скалы.)*

Хакуумбо. Ах, что же ты делаешь?

Кокуумбо. Собираюсь разбить бутылку, чтобы тебя наказать.

Хакуумбо. Вот же мот!.. Даже одно зернышко может принести тысячу плодов¹⁴. Помилуй, винный Будда!¹⁵ Не будем расточать вино, опорожним бутылку!

¹¹ «...кладовая в штанах» — шутка, построенная на игре слов. くら (蔵 — «кладовая») и またくら (股座 — «промежность»).

¹² «...убийство, воровство, прелюбодеяние, ложь и пьянство» — пять запретов, наложенных Буддой.

¹³ «...черт возьми!» — игра слов, Кокуумбо подражает чтению сутры, пользуясь тем, что ちくしょう (畜生) означает одновременно и человека, переродившегося в животном облике, и ругательство.

¹⁴ «...даже одно зернышко может принести тысячу плодов» — японская пословица.

¹⁵ «...винный Будда» — еще одна непередаваемая в русском языке игра слов. 南無釈迦如来 (なむしゃかにょらい) и 南無酒如来 (なむさかにょらい). Можно перевести как «Помилуй, Будда Татхагата» и «Помилуй, винный Будда» соответственно.

Кокуумбо. От столь своевременного предложения сложно отказаться.

Хакуумбо. Выпьем по чашечке! Вот так, вот так, лей, лей. *(Кокуумбо наливает. Хакуумбо пьет и ударяет себя по лбу.)* Какое блаженство! Ах, выпил — и словно в Чистой земле¹⁶ родился. Спасибо, дружище!

Кокуумбо. Угощайся. *(Опорожняет чашечку вина вместе с Хакуумбо.)* Напился — сразу просветлился!¹⁷ Хорошее вино. Примем еще!

Хакуумбо. А ароматное какое! Ну-ка, ну-ка, выпили чашечку до дна, нальем еще, еще!

Кокуумбо. Куда еще, проложить-то нечем! Эх, надо было хоть мандарин, хоть каштаны принести.

Хакуумбо. Так есть у меня, есть же, любимая рыбка! Хотел оставить ее на вечер. Поймал вот сегодня на рассвете, да занят был, разделаться с ней времени не было. Вот ее и можно вприкуску съесть. Как говорится, рыбка-шлем¹⁸.

Кокуумбо. Это что?

Хакуумбо. Вот, вот оно! *(Достает из штанов засушенного осьминога и принимает.)*

Кокуумбо. Это, что ли, закуска твоя?

Хакуумбо. А что? Хорошая вещь.

Кокуумбо. Монахи не едят сырое!¹⁹ Ты еще и вино пьешь, а это запрещено! Выплюнь сушеного осьминога, чтоб тебя не выгнали из монахов! Бессовестный! А ну как расскажу сейчас учителю. Преподобный Наруками, преподобный наставник! *(Громко кричит что-то в этом роде, Хакуумбо пытается его остановить, тот успокаивается.)* Знай, все ему расскажу!

Хакуумбо. Ну и расскажи. Я тоже расскажу преподобному наставнику. А Кокуумбо распивает вино!

Кокуумбо. А я скажу, что Хакуумбо поедает осьминогов!

---

¹⁶ Чистая земля — буддийский рай, который располагается на Западе. Принадлежит Будде Амида (санскр. Амитабхи). Перерождение в Чистой земле считается высшей целью в буддийской религии.

¹⁷ «...напился — сразу просветлился» — игра слов. 上げました・明けました — напился/просветлился.

¹⁸ «...рыбка-шлем» — каламбур. В эпоху Эдо во время пожара и других бедствий всадники надевали защитные шлемы из войлока, формой напоминающие осьминогов.

¹⁹ «...монахи не едят сырое» — монах, принявший постриг, должен придерживаться строгого поста и исключить из рациона мясо и рыбу.

Оба веселятся и кривляются. Тут из-за занавесей ханамити звенит колокольчик.

Оба монаха. Преподобный Наруками! Преподобный Наруками! *(Почтительно затихают.)*

Рассказчик. Тем временем Святой Наруками наложил запрет на полеты Бога-Дракона и его супруги Драконицы, чтобы не дать дождю пролиться над землей страны, и в глубине гор в скалистой пещере он вершит дела, восседая на высоком помосте.

На сцене справа выходит святой Наруками, он поет. Когда он заканчивает петь, начинается песенный сказ дзёрури²⁰. Пока продолжается музыка, Наруками потихоньку взбирается на помост, садится, и песенный сказ дзёрури прекращается. Кокуумбо и Хакуумбо садятся с двух сторон от помоста.

Наруками. Листва на ветру²¹, постигаю взаимосвязь всех вещей. Когда бы знать, сколько еще лет крутиться мне в колесе Сансары²²? Этот сильный поток водопада, что падает со скалы, может отмыть от грязи мирских страстей. Увлажнил уголки глаз, стремясь к высшему пониманию всех богов и будд у порога Врат Трех Вкусов²³. Слава великому Фудо-мёо, слава великому Фудо-мёо!²⁴

Начинается сказ дзёрури. На ханамити неторопливо выходит Кумо-но Таэма. На ней небрежно надето кимоно с алым поясом так, что одно плечо обнажено. На плечах тонкий шелк, на воротнике колокольчик. В руках у нее деревянная колотушка. Она останавливается возле водопада. Музыка дзёрури все играет, Кумо-но Таэма возносит молитву Будде. Все это время Хакуумбо и Кокуумбо дремлют.

Наруками. Ни одна птица не вскрикнет, тишина в горах. В этой горной глуши даже след человека — большая редкость! И зверюто сложно пробраться в эти горы. Почему же тогда я слышу, как у подножия водопада кто-то взывает к Великому Будде? Как странно!

---

²⁰ *Дзё:рури* — возникший в Японии жанр драматической ритмованной прозы, предназначенной специально для речитативного пения.

²¹ «...*листва на ветру*» — считается, что пока монах наблюдает за тем, как ветер уносит листья с деревьев, ему открывается просветление.

²² *Сансара* — круговорот рождений и смерти, из которого можно выбраться, если достичь просветления.

²³ «...у порога Врат Трех Вкусов» — имеется в виду состояние «самма» (санскр. самадхи), при котором достигается состояние просветления при помощи медитаций.

²⁴ *Фудо:-мё:о* — одно из добрых божеств буддийского пантеона, отгоняющее злых духов. Имеет устрашающий вид, сидит с мечом в руке посреди языков пламени.

(Смотри вниз и видит, что оба монаха дремлют.) Ах вот вы где, Хакуумбо и Кокуумбо, вы оба, вы оба! *(Стучит веером по помосту, толкает обоих палкой, они открывают глаза.)* Ленивые монахи! Почему вы заснули?

Хакуумбо. Нет, нет, это незаслуженно! Что значит заснули?

Наруками. Разве ты до сих пор не спал?

Хакуумбо. Нет, что вы, я совсем не спал. Это вон тот монах изволил почивать!

Кокуумбо. Слушай, слушай, как ты можешь такое говорить? Учитель, я ни на миг глаз не сомкнул! Это все он!

Хакуумбо. Лживый монах! Это я-то спал? Это ты спал!

Кокуумбо. Это ты спал!

Хакуумбо. Нет, ты спал!

Кокуумбо. А я говорю ты!

Хакуумбо. Нет, ты!

Закатав рукава, начинают бороться.

Наруками. Ну все, довольно.

Оба монаха. Да, учитель. *(Затихают.)*

Наруками. Вот так должны вести себя монахи. Хорошо. Спали вы или нет, а слышали ли вы удары в гонг?

Оба монаха. А?

Наруками. Я говорю, удары гонга слышали?

Оба монаха. Да, слышали.

Наруками. Ага, то-то и оно! А говорите, что не спали. Так чего же вы соглашаетесь? Даже птица не перелетит эти горные пики, и среди этих гор нет никого — только мы трое.

Оба монаха. Именно так, учитель.

Наруками. Но я точно слышал со стороны водопада, как чей-то печальный голос взывал к Будде.

Оба монаха. Да? *(Испуганно вздрагивают от страха.)*

Наруками. Сердцем чую, уж не демон ли какой? Или это привидение?

Хакуумбо и Кокуумбо не на шутку пугаются.

Наруками. Эй, вы двое, сходите к подножию Драконьего водопада да посмотрите, что там такое.

Оба монаха. Но...

Наруками грозит монахам большой палкой, они пугаются.

Наруками. Что стоите?

Оба монаха. Ах! (*Дрожат от страха.*)

Наруками. Ну, что же вы не идете?

Оба монаха. Слушаемся!

Хакуумбо. Кокуумбо, учитель повелел идти. Сходи и посмотри.

Кокуумбо. Эй!

Хакуумбо. Скорее же иди.

Кокуумбо. Разве не ты у нас старше?

Хакуумбо. И что с того?

Кокуумбо. А то! Последний раз, когда подавали столики-дзэн²⁵, ты уселся первым, а не я.

Хакуумбо. Конечно, так и было, я же старше, потому и сел первым. И что с того?

Кокуумбо. Вот поэтому ты и должен пойти к водопаду первым.

Хакуумбо. Эй, да как же ты можешь сравнивать обед и привидение? Я твой наставник, а ты должен делать, что я говорю.

Кокуумбо. Раз ты называешь себя старшим, ты и иди первым, а я пойду за тобой. Так что иди вперед.

Хакуумбо. Так ты идешь или нет?

Кокуумбо. Только после тебя.

Хакуумбо. Ты слушаешь, что я тебе говорю? Иди!

Кокуумбо. Нет, я пойду только после тебя.

Хакуумбо. Ах ты!..

Оба монаха засучивают рукава и начинают друг друга лупить ладонями.

Наруками. Да что же это такое!

Кокуумбо. Если так сделать, то получится ямс с грядки ваших овощей²⁶.

Наруками. Болван. Ладно он, а у тебя что с руками?

Хакуумбо. А так если посмотреть, то это репка для вашего супа²⁷.

Наруками. Полные болваны!

Оба монаха. Простите. (*Успокаиваются.*)

Наруками. Монахи, оставьте ваши ссоры, идите к водопаду.

Оба монаха. Слушаемся.

---

²⁵ Столики-дзэн — маленькие обеденные столики-подносы, рассчитанные на одного человека. Подаются монахам в храмах.

²⁶ Кокуумбо сжимает одну руку в кулак, кладет ее на другую и кланяется, подняв руки над головой. (Примеч. Переводчика.)

²⁷ Хакуумбо делает то же самое. (Примеч. Переводчика.)

Кокуумбо. Прекрасно. Мы разозлили учителя, ай-ай-ай.

Хакуумбо. Поэтому я и говорю тебе идти, а я пойду следом за тобой.

Кокуумбо. Пойдет он следом!.. Кто бы ни пошел первым, чует мое сердце, добром это не кончится.

Хакуумбо. Ну, ну, иди же вперед.

Кокуумбо. Ты иди туда!

Хакуумбо. Ты иди!

Кокуумбо. Только после тебя!

Хакуумбо. Ах не пойдешь?

Они снова ссорятся.

Наруками. Ах вы, немедленно идите!

Оба монаха. Д-д-да... *(Они боязливо идут к Драконьему водопаду, еле переставляя ноги, видят голову Кумо-но Тазма и, пораженные до глубины души, возвращаются обратно на сцену.)*

Хакуумбо. Ах какая красота!

Кокуумбо. Я восхищен, я восхищен! Я смущен! Ах, впервые вижу такую красоту.

Хакуумбо. Скорее идем, скорее идем! Бесподобная, превосходная, восхитительная, невероятная! Ах, как думаешь, что она такое?

Кокуумбо. А, да ты невежа. Это девушка, кто же еще.

Хакуумбо. Да знаю я, что девушка. Но это не просто женщина. Это не человек!

Кокуумбо. Я тоже так считаю.

Хакуумбо. Первым делом, что ты об этом думаешь. Давай поразмыслим.

Кокуумбо. А вижу сквозь доску толщиной в три суна!

Хакуумбо. Как же ты насквозь увидел-то?²⁸

Кокуумбо. Это небесная фея!²⁹

Хакуумбо. Отчего ж она небесная фея?

Кокуумбо. Да ведь красивая какая! Как же не сказать, что она небесная фея? Да вот еще, посмотри что у нее на плечах. Это, конеч-

---

²⁸ «...Я вижу сквозь доску толщиной в три суна!» — каламбур. Китайская поговорка: «Увидел сквозь кухонную доску в три суна». В данном контексте означает: «Кажется, я понял», а Хакуумбо спрашивает: «Что же ты понял?»

²⁹ *Небесная фея* (кит. сяньной) — в китайской мифологии категория женских божеств. Сяньной близка образу феи (в поэтическом языке сяньной означает «необыкновенная красавица»).

но же, небесное платье из перьев³⁰. Учитель совершает магические обряды, вот вода во всем мире и исчезла, и поэтому она пришла сюда омыться свой наряд.

Хакуумбо. Нет, нет, глаза обманывают тебя. Это Драконья принцесса!

Кокуумбо. По какой такой причине она Драконья принцесса?

Хакуумбо. Так ведь наш учитель с помощью своей магической силы всемирного Бога Дракона и его супругу Драконицу вместе в этой скалистой пещере заключил, и потому нет дождя; и моря, и реки, и земли — все пересохли, вот и лишилась принцесса своего обиталища. Верно, принудили ее оставить службу в Драконьем дворце. Во всем мире вода осталась только в этом водопаде. А здесь заперт Бог Дракон, вот и пришла она, чтобы встретиться со своей семьей, со своим домом. Точно тебе говорю: она дочь Дракона!

Кокуумбо. О глупый ты монах! Если бы она была дочерью дракона, то ее голова была б украшена живыми ракушками и креветками эби, вот так! Она бы стала помехой господину Эбидзо!³¹ Это не Драконья принцесса. Ты посмотри, как она красива, нет сомнений, что это небесное создание!

Хакуумбо. Нет, она Драконья принцесса!

Кокуумбо. Нет, фея небесная!

Хакуумбо. Сказано тебе, Драконья принцесса!

Кокуумбо. А я тебе говорю небесная фея!

Хакуумбо. Ах ты, снова пререкаешься?

Кокуумбо. Ну, ну, и что из этого?

Хакуумбо. Сейчас получишь!

Кокуумбо. Ну, нападай!

Хакуумбо. Ах я тебя!

Обнажают по одному плечу и пытаются ударить друг друга. Их снова обнаруживают.

Наруками. Ну что опять такое?

Кокуумбо. Просим прощения.

Наруками. И что значат эти руки?

Кокуумбо. Мы собирались нырять за черепахой в пруд.

---

³⁰ «...небесное платье из перьев» — сказочный атрибут небесной феи, с помощью которого она летает по небу.

³¹ Игра слов. *Эби* — креветка и *Эбидзо* — сценическое имя актера Итикава Эбидзо, который играл святого Наруками.

Хакуумбо. Черепашка! Дзубонбоз!

Кокуумбо. Дзубонбоз!³²

Пританцовывают.

Наруками. Бестолковые какие! Эй, вы, довольно! А ну-ка займите позу лотоса и замолчите.

Оба монаха. Слушаемся! (*Подчиняются.*)

Наруками. Вот и славно. Надо увидеть своими глазами, про что там лопотали эти глупые монахи. (*Оборачивается к водоому водопада.*) Эй! Эй! Эй!

Таэма. Да?

Оба монаха. Да?

Наруками. Помолчите! А теперь разберемся. Трудно и птице пролететь, и зверю пробежать по этой горной тропе, и вот стоит перед крутым обрывом горного водопада бесконечно смелая девица. Как-то странно это. Так ты человек?

Таэма. Я, господин?

Оба монаха. Я, господин?

Наруками. А ну замолчите!

Оба монаха. Слушаемся!

Наруками. Это я тебя спрашиваю.

Таэма. О, я уже давно живу у подножия этой горы. Когда говорю об этом, грусть-тоска обуревает, оттого что разлучена я со спутником жизни.

Наруками. Муж оставил тебя?

Таэма. Да. (*Плачет.*)

Наруками. Разлученные в жизни или смертью разлученные?

Таэма. Да, смерть разлучила нас.

Наруками. Помилуй, Будда Амида! Помилуй, Будда Амида!

Таэма. К тому же сегодня как раз седьмой день седьмой недели.

Наруками. Значит, уже прошло сорок девять дней?³³

Таэма. Верно.

---

³² Дзубонбоз — еще один каламбур. すっぱん — черепаха, すぽんぼえ — детская забава, которая появилась в начале периода Мэйдзи. Развлечение заключалось в том, чтобы к продолговатой бумаге прикрепить по четырем углам камешки, и тогда игрушка становилась похожей на танцующего льва.

³³ «...уже прошло сорок девять дней» — в соответствии с японской похоронной традицией душа человека после смерти в течение сорока девяти дней должна успокоиться и найти свое место в загробном мире или переродиться.

Наруками. Помилуй, Будда Амида! Помилуй, Будда Амида!

Таэма: «Ах, прощальный твой дар

Сегодня мне стал ненавистен!

Ведь когда бы не он,

может быть, и я бы сумела

позабить о любви минувшей...»³⁴

Вот тонкое платье из грубого шелка³⁵. Я думала отмыть его от грязи бренного мира³⁶ и вернуться к жизни. Как мне быть? Уж больше сотни дней светит солнце, а дождя все нет, колодцы высыхают, и негде взять воды, чтобы просто омыть мое платье. Когда я узнала, что в этих горах есть водопад Такицусэ³⁷, где вода не иссякла от засухи, — знаменитый водопад, где льется чистый поток, — я поднялась по непроходимой горной тропе и пришла сюда. Вы не можете себе представить, как дорог сердцу моему прощальный подарок, полученный на смертном одре моего мужа. *(Плачет.)*

Наруками. Ах, ах, какая печальная повесть!.. Как посмотришь, есть такие молодые женщины, что изо дня в день холодны и о муже забывают, хотя должны бы исполнять свой долг жены перед мужем, но такая преданная жена, что твердо хранит верность и задалась целью подняться в горы, — да ведь это заслуживает слез благодарности! Стало быть, в замужестве вы были очень близки, ведь так, ведь так?

Таэма. Мы настолько близки с ним были, что жили как две однокрылые птицы — на небе³⁸, как два дерева со сплетенными ветками — на земле. Как начнешь вспоминать о наших любовных признаниях, так и пойдешь смущаться, хоть и много прекрасного было.

Наруками. Спасение души лежит через путь преодоления дурных страстей. Каждое слово, произнесенное этой женщиной, было предо-

---

³⁴ Стихотворение из первой императорской антологии «Собрание старых и новых песен Японии» (*Кокин вакасю*., X в.), 14-й свиток, «Песни любви», автор неизвестен. Перевод А. Долина.

³⁵ «...платье из грубого шелка» — платье из грежи, или шелка-сырца. Из такого шелка изготавливают чрезвычайно прочные ткани, несколько грубоватые на ощупь.

³⁶ *Укиё* (дословно: «бренный, переменчивый мир») — литературное направление в эпоху Эдо, к которому относятся, например, *укиё-э* (образы изменчивого мира) и *укиё-дзоси* (повести об изменчивом мире).

³⁷ *Такицусэ* — водопад, который находится в Удзи.

³⁸ «...две однокрылые птицы» — древний китайский образ возлюбленных. Легенда гласит, что существуют птицы с одним глазом и одним крылом на двоих, которые всегда летают вместе как супружеская пара.

пределено кармой³⁹. Ты непременно переродишься буддой [в Чистой Земле]. Я хочу услышать твою историю.

Таэма. По крайней мере, повесть разгонит тоску моего сердца. Могу я начинать рассказывать?

Наруками. Да, конечно. Рассказывай, рассказывай скорее!

Таэма. Тогда прежде, чем я начну говорить... Мы находимся на слишком большом расстоянии друг от друга. Если я буду говорить тихо, вы, наверное, ничего не услышите, а если буду говорить громко, то ответит горное эхо, и это будет страшнее страшного. Пожалуйста, можно я подойду к вам поближе? Ведь можно подойти поближе?

Наруками. Не беспокойся об этом. Подойди сюда, и тогда шум водопада совсем не мешает мне слушать. Сюда подойди, сюда.

Таэма. Что ж, ничего, если я подойду ближе?

Наруками. Ничего, сюда, сюда.

Таэма. Тогда я вот так подойду.

Кумо-но Таэма-химэ отходит от водоема водопада и без стеснения выходит на главную сцену. Монах Хакуумбо вскакивает.

Хакуумбо. Эй, так нельзя, нельзя, нельзя! Категорически запрещено!

Таэма. Но ведь преподобный разрешил мне...

Хакуумбо. Что разрешил? Может, наставник и позволил подойти, но женщинам здесь находиться непозволительно!⁴⁰

Кокуумбо. Запрет наложен! Запрет наложен! На востоке белый дракон и белая змея⁴¹, и преступать клятву нельзя, никак нельзя!

Хакуумбо. Ах, нечистоты! Преграда в семь ли, в семь ли!⁴²

Кокуумбо. Вот-вот, преграда в семь ли! Семь ли (замри!) — это один (сгинь!), да еще два и три (уходи!), потом пять — (все, надо выгонять!). Неразумная женщина вылетит отсюда!

Хакуумбо. Верно!⁴³ Если женщина войдет на эту террасу, то встретит счета Закона!⁴³

---

³⁹ *Карма* (воздаяние) — совокупность совершенных человеком поступков, которая определяет судьбу и характер его нового рождения. За грехи карма приносит страдания, за праведные дела — наслаждения.

⁴⁰ «...женщинам здесь находиться непозволительно» — монахи не имели права прикасаться к женщинам.

⁴¹ *Белый дракон и белая змея* — символы священной чистоты.

⁴² «...преграда в семь ли» — расстояние до священной территории храма, которая отделяет монахов от мирян. *Ли* — китайская мера длины, 1 ли равен 500 метров.

⁴³ Каламбур. Хакуумбо считает вслух до пяти, 二一天作の五(にいちてんさくの-ごん) и далее возмущается 言語道断(ごん-ごどうだん) — «этому нет названия». Окончание одного слова приходится на начало другого.

Кокуумбо. Славься, Ко:мё сингон⁴⁴! Славься, соробан!⁴⁵

Таэма. Ах, ну раз они так говорят...

Наруками. Ладно, ладно. Так тому и быть. Ну хорошо. Нельзя, чтобы девица приблизилась к помосту. Эти двое сядут на колени с двух сторон от тебя, и тогда ты поведаешь свою историю.

Таэма. Да-да, тогда я рассказываю. И вы двое тоже извольте слушать.

Кокуумбо. Ну тогда иди сюда, иди сюда.

Хакуумбо. Верно, девица с ликом бодхисаттвы и с сердцем ночи.

Кокуумбо. Еще чуть-чуть поближе. Да, вот на таком расстоянии, говори, говори.

Таэма. О, далековато.

Кокуумбо. Ну, старший?

Хакуумбо. Да, учитель изволит слушать!

Таэма. В таком случае я могу начинать?

Наруками, Кокуумбо и Хакуумбо. В таком случае мы слушаем!

Таэма. Стыдно признаться, но связь с тем мужчиной началась не очень давно. В середине третьей луны⁴⁶ прошлого года мы собрались любоваться цветами в Киёмидзу⁴⁷. Как говорится,

«Виджу издалека —
цветы бело-розовой вишни
вместе с зеленью ив
разукрасили всю столицу
драгоценной вешней парчою...»⁴⁸

Это произошло на горе Отоваяма. Мы отгородились занавесями, и отовсюду слышались звуки кото⁴⁹, до меня доносилась музыка сямисэ-на⁵⁰ и барабана, песни, пляски, о, это было невозможно вынести!

---

⁴⁴ *Ко:мё сингон*, или «Мантра лучистого света» (перевод Н. Н. Трубниковой).

⁴⁵ *Соробан* — японские счеты, на каждой спице которых пять костяшек. Каламбур на ранее приведенные подсчеты: Кокуумбо как раз считает до пяти.

⁴⁶ «...в середине третьей луны» — японское летоисчисление шло по лунному календарю. Третий месяц равен примерно концу апреля — началу мая. В старину в Японии были приняты другие названия месяцев: третья луна называлась *яёй* (弥生), что означает «месяц произрастания».

⁴⁷ *Храм Киёмидзу* («Храм Чистой Воды») — буддийский храмовый комплекс, который расположен на горе Отоваяма в районе Хигасияма города Киото. Здесь почитают богиню Каннон.

⁴⁸ Цитата из антологии «Кокинсю:», 1-й свиток, песня Сосэй. (Перевод А. Долина).

⁴⁹ *Кото* — японский щипковый музыкальный инструмент.

⁵⁰ *Сямисэн* — японский щипковый трехструнный музыкальный инструмент.

Получив разрешение у отца и матушки, я тоже любовалась цветами сакуры, и в этот момент за занавесями неожиданно возник кавалер на вид лет двадцати, который смело поглядывал на меня, а я была за занавесью. А-а, мне показалось, что он разглядывал меня сквозь занавеси! Его благородные черты, миловидность, выразительность его глаз, очертания его рта, о, этого словами не передать. В один миг я его полюбила.

Хакуумбо. Но ведь вы не были знакомы...

Таэма. Ну, он был такой хорошенький, что у меня мурашки по спине побежали.

Кокуумбо. Затрепетала, поди?

Таэма. Затрепетала.

Кокуумбо. Вся затряслась?

Таэма. Затряслась. Меня бросило в холод, потом снова в жар. Я думаю, этот кавалер меня околдовал.

Хакуумбо. Интересно, интересно!

Кокуумбо. Не могу я это вынести!

Таэма. А потом он начал играть со мной в гляделки, делая вид, что пристально смотрит издали на мое лицо, то не смотрит, то снова смотрит.

Хакуумбо. Сладко-сладко!

Кокуумбо. Так же, как вкушать сахарные моти⁵¹.

Таэма. И потом этот кавалер достал из-за пазухи листок бумаги, кисть из чернильницы ятатэ⁵² и с легкостью написал стихотворение, а я подозвала свою прислужницу и велела сразу же принести его мне. Какой красивый у него был почерк, ах, не передать этого словами!

Оба монаха. Он искусный каллиграф, искусный?

Таэма. Конечно, ну конечно, каллиграф. Почерк у него совсем как у Юкинари⁵³.

Хакуумбо. О, скорее продолжай, продолжай!

Таэма. Когда я посмотрела послание, то увидела, что там написана красивая старинная песня.

---

⁵¹ *Моти* — традиционная японская лепешка из риса.

⁵² *Чернильница ятатэ* — небольшой переносной набор в виде курительной трубки, который включал в себя чехол для кисти, небольшой контейнер для чернил и иногда нож для вскрытия конвертов.

⁵³ *Фудзивара-но Юкинари* (972–1027) — поэт и каллиграф эпохи Хэйан. Считается, что его список антологии «Кокин вакасю» является самым старым из тех, что дошли до наших дней.

Хакуумбо. Что за песня?

Таэма. «Разглядеть не могу,
хоть не вовсе сокрыты от взора
милрой дамы черты...»⁵⁴

Хакуумбо. «Разглядеть не могу...»?

Кокуумбо. «...хоть не вовсе сокрыты от взора...»?

Хакуумбо. «...милрой дамы черты...»

Таэма. Ах, какие же были последние строки...

Хакуумбо. Неужто забыла их?

Кокуумбо. Нужно было написать на обратной стороне листка
и прикрепить к поясу!

Наруками. Ну-ка, прочти еще раз.

Таэма. «Разглядеть не могу
хоть не вовсе сокрыты от взора
милрой дамы черты...»

Наруками. «...что пленили бедное сердце, —
этот день проведу в томление...», —

Не таковы ли были последние строки?

Таэма. И вправду, это они!

Наруками. Ну, ну, продолжай.

Таэма. Дальше станет интереснее.

Оба монаха. Наверняка, наверняка.

Таэма. Потом я подозвала прислужницу и велела ей: «Скорее
спроси, как его имя, где живет и где служит этот кавалер, иди же скорей», — сказала я ей и отправила к нему.

Оба монаха. И он ответил, ответил?

Таэма. Нет, не ответил. Этот ужасный мужчина совсем не думает
о людях, даже имени своего не сообщил, а своим домом назвал
заброшенную хижину в глубине Сагано⁵⁵, после чего отпустил мою
прислужницу.

Хакуумбо. И это все, что он ответил?

Кокуумбо. Ох, как бесконечно жаль!

Таэма. Ах, это произвело на меня большое впечатление, я была
взволнована, мое сердце еще ничего подобного не испытывало. Все
закончилось, когда меня позвали назад. При звуках колокола, возве-

---

⁵⁴ Стихотворение из антологии «Кокинсю:», 12-й свиток, 1-е стихотворение из раздела «Любовные письма», сложенное Аривару-но Нарихира. Перевод А. Долина.

⁵⁵ *Сагано* — бамбуковый лес в префектуре Киото.

щавшего о закате, цветы стали один за другим осыпаться, и толпа людей, что любовалась цветами, разошлась. И тогда кормилица и прислужницы сказали мне: «Что ж, вам тоже надо возвращаться домой», — не слушая возражений, они посадили меня в экипаж, и в тот же день я оказалась дома.

Оба монаха. Славься, о священная Лотосовая сутра!⁵⁶

Таэма. Благочестивые акты в «Открытых для всех врат Бодхисаттвы»⁵⁷ требуют крепости духа. Я возвала к великой Каннон с просьбой. И мне явилось чудесное откровение: если я мечтаю о свидании с тем кавалером, то я должна совершенно одна, без спутников, под покровом снежной ночи идти, всем сердцем стремясь к одной цели — такое благодатное откровение было.

Оба монаха. Удивительно, удивительно!

Таэма. И вовсе не удивительно. О, и представить себе нельзя это блаженство и радость, я никому не сказала ни слова. Той ночью, дождавшись, пока все уснут, я в полном одиночестве отправилась в Сагано.

Оба монаха. Храбрая женщина, храбрая!

Таэма. Даже днем не разобрала бы я дороги, но поднялась на Хигасияма⁵⁸, потом снова спустилась, да еще стояла непроглядная тьма. В конце концов я добралась до Сагано. Но что же делать, там оказалась большая река.

Хакуумбо. Бывает же такое, бывает же такое! Ооигава ли, Сакурагава ли?

Кокуумбо. Или Кацурагава?⁵⁹

Таэма. Кто знает. Я хотела переправиться через реку, но не было ни лодки, ни моста. И я подумала: умру, но переправлюсь и явлюсь на свидание. И тогда я решила, что переплыву эту реку сейчас же, ведь если бы был день, разве можно было бы так делать? — а под пок-

---

⁵⁶ *Сутра Лотоса* (полное название «Сутра лотоса Благого Закона») — одно из наиболее популярных буддийских сочинений, которое легло в основу учения школы Тэндай.

⁵⁷ «[Открытые] для всех врата бодхисаттвы Постигающий Звуки Мира» (перевод А. Н. Игнатовича) — 25-я глава «Лотосовой сутры», которая в Японии почитается как отдельная сутра «Каннонгё», в которой изложены основы почитания бодхисаттвы Каннон — богини милосердия.

⁵⁸ *Хигасияма* — гора, расположенная близ города Киото.

⁵⁹ Название рек в данном случае — это *ута-макура* (или топоним-зачин). Прием в японской поэзии. Верховье реки называют Ходзугава, дальше она течет по местности Сага и называется Ооигава, также Кацурагава. Река протекает в западно-южной части префектуры Киото.

ровом тьмы я совершила дерзкий для женщины поступок — крепко подвязала подол.

Хакуумбо. Подоткнула, подоткнула?

Таэма. Да, подоткнула. Подвязала полы (*Пока она это рассказывает, оба монаха всячески кривляются, а Таэма-химэ, жестикулируя и совершая соответствующие телодвижения, приостанавливает рассказ, изображая переправу*) и вошла в реку. Как было холодно!

Оба монаха. Холодно!

Таэма. Этот холод был невыносим, и направилась я к другому берегу, а вода с шумом плескалась.

Хакуумбо. Плеск!

Таэма. Плеск!

Кокуумбо. Плеск!

Таэма. Плеск!

Оба монаха. Плеск-плеск!

Кокуумбо. Ого, глубоко, глубоко!

Оба монаха. Я не могу достать до дна!

Все трое начинают изображать переправу через реку. Хакуумбо и Кокуумбо изображают комическую переправу.

Хакуумбо. Раз так, то я бы сказал: «Ночуем в Симада⁶⁰».

Кокуумбо. Ну уж, у речки «Продолжай-ка»⁶¹!

Таэма. Разве человеческая сила не страшная вещь? Я добралась до противоположного берега.

Хакуумбо. Эх, выжимай, выжимай! (*Начинает притворно выжимать кимоно.*)

Кокуумбо. Единственное выходное платье испортил!.. До самой шеи вымок!

Хакуумбо. Промок, ах, промок!

Таэма. Как говорят, лишь первая капля росы неприятна⁶². Ноги сами несли меня среди зарослей бамбуковой травы саса и кустарника хаги⁶³, и в конце концов я добралась до хижины того кавалера.

⁶⁰ Симада — в эпоху Эдо город Симада являлся одной из 53 почтовых станций, которые находились на Восточном морском пути Токайдо.

⁶¹ Игра слов 九十川 (つづがわ) (На самом деле такой реки нет.) и 鈴川 (すずがわ). つづ, вероятно, от 続き — продолжение, иными словами, Кокуумбо говорит: «Продолжайте».

⁶² «...лишь первая капля росы неприятна» — японская пословица. Первая ошибка кажется ужасной, но следующая и более ужасная оставляет равнодушным. Означает примерно «только первый шаг труден».

⁶³ Хаги — род кустарника, который распускается осенью. Имеет лиловато-розовые цветы. Воспет в японской поэзии.

Хакуумбо. Добралась, добралась?

Таэма. Его жилище было вполне достойное. Отворив калитку из веток и прутьев, я вошла внутрь. Тогда кавалер спросил: «Что ты делаешь?» — и тут же взял за руку и втянул меня в дом.

Хакуумбо. Он растаял, растаял?

Кокуумбо. Не знаю, растаял ли он, а вот я твердый, как дерево⁶⁴.

Таэма. И потом мы, как в великих моногатари⁶⁵, курили благово-ния, пили вино, обнимались и падали, падали и обнимались, чего мы только не делали.

Оба монаха. Ох, это невыносимо! *(Они начинают вовсю друг друга обнимать, и еще другое всякое.)*

Таэма. Чрезмерно заигравшись, мы вдруг поссорились.

Хакуумбо. Милые бранятся — только тешатся!

Таэма. «О-о, прекрати это делать» — «А если нет, то что?» — «Вот я тебя ущипну!» — «А я тебя поколочу!» — «Ну, попробуй» — «Ну и попробую», — и я ударила его по голове. *(Колотит обоих монахов по головам. Кокуумбо больно, и он прикрывается руками.)*

Хакуумбо. Ладно, терпи, терпи.

Таэма. Этим наша ссора закончилась. «Мне неприятно, я ухожу», «Нет, ты не уйдешь». «Уйду, если захочу». — И я немедленно поднялась, чтобы уйти. Он удержал меня за рукав: «Какая ты жестокая» — и снова прочитал старую песню.

Хакуумбо. Снова прочитал? Что же за песня?

Таэма. «И наавтра опять

Никого не останется.

В незнакомом мире...»

Хакуумбо. «И наавтра опять никого не останется...»

Кокуумбо. «В незнакомом мире...»

Таэма. Ах, опять я забыла последнюю строфу!

Хакуумбо. Опять забыла! Вот же простофиля.

Кокуумбо. Так и что же было потом?

Таэма. Итак, «И наавтра опять никого не останется. В незнакомом мире...»

Наруками. «О потере друга

Только сегодня жалею» — так ведь?

---

⁶⁴ «...устойчив, как дерево» — вульгарное выражение, которое означает: «я стал твердым, подобно дереву»

⁶⁵ *Моногатари* — японская классическая повесть или роман.

Пожалуйста, не останавливайтесь.

Таэма. Верно, так и есть!

Наруками. Дальше, дальше, я слушаю.

Таэма. Долго мы говорили без остановки, но раз сказала: ухожу! — уйти должна, и я попыталась убежать, он же схватил меня за рукав, о, а я со словами «нет, сделанного не воротишь» — ушла. Нет, не воротишь. Нет, не воротишь, не исправишь, не смогу я возвратить тот вырванный рукав...

В это время святой Наруками падает с помоста и лишается чувств⁶⁶.

Хакуумбо. Ах, смотри, преподобный учитель упал!

Кокуумбо. Ах, преподобный учитель закатил глаза!

Все трое замирают от неожиданности.

Хакуумбо. Учитель скончался, скончался!

Кокуумбо. Преподобный скончался, скончался!..

Таэма. Господин преподобный, господин преподобный!

Втроем они зовут его. Он не приходит в сознание.

Втроем. Ох, ох, он не приходит в себя!..

Кокуумбо. Слушай, у меня есть бодрящее для поднятия духа. (Достает из-за пазухи ракушку, открывает и смотрит). Ах нет, это черный сахар⁶⁷.

Хакуумбо. Болван!

В это время Кумо-но Таэма зачерпнула из водопада и набрала в рот воды, прополоскала рот, напоила Наруками. Оба монаха сидят по бокам от учителя и растирают ему руки и ноги.

Хакуумбо. Ах, слушай, все его тело похолодело, похолодело!

Пугается. Кумо-но Таэма-химэ распахивает платье на его груди, обхватывает святого Наруками и начинает растирать его конечности, зовет его. В этот момент святой Наруками со стоном приходит в себя.

Оба монаха. Ах, как мы рады! Он пришел в себя!

Таэма. Господин преподобный, вы очнулись?

Наруками. Монахи...

Оба монаха. Д-да?

---

⁶⁶ Согласно комментатору, Наруками падает, потому что он очарован рассказом Кумо-но Таэма.

⁶⁷ «...это чёрный сахар» — не удалось установить; комментатор пишет, что это вещь, необходимая для *вакасю* (юношей, игравших некогда в театре Кабуки).

Наруками. Вот ужас, произошло нечто непозволительное для монаха. Я слушал рассказ девицы и без памяти упал с помоста, ах как стучит в груди. Пока я был без сознания, капля холодной воды попала мне в рот, провалилась в грудь, и я взбодрился, вы двое, кто из вас?..

Таэма. Ах, я должна была это сделать. Я зачерпнула рукой воды из водопада и дала вам испить ее, ведь в этом была большая необходимость; я набрала в рот воды, поболтала ее там и дала вам испить.

Наруками. Ах-ах, как трогательно. Мне приятно. Да вот еще, это вы, монахи, тщательно растирали мою грудь, чтобы наконец сердце мое снова громко застучало?..

Оба монаха. Н-ну...

Таэма. И это тоже я своей рукой привела вас в чувство.

Наруками. Ах, какая поистине неожиданно мудрая девица! Приятно осознавать, приятно осознавать.

Таэма. К чему следовать приличиям? Давайте я еще немного согрею вас. *(Прижимается к нему.)*

Наруками. М-м, так, значит, это ты напоила меня водой, набрав ее в рот?

Таэма. Да.

Наруками. И растирала меня тоже ты?

Таэма. Да.

Наруками. В рот влила воды, грудь согрела... *(Смотрит на голову Кумо-но Таэма, изумленно замирает. Затем хватает ее за воротник и отталкивает.)*

Таэма. Ох, ужас! Что же вы делаете?

Наруками. Вы двое потеряли бдительность! А-ах, это подозрительная женщина! Давным-давно, в далекой заморской стране, в местности Бара⁶⁸ жил духовный наставник. С самого рождения у него во лбу был один рог, и дали ему имя Однорогий отшельник⁶⁹. Однажды случилось так, что после дождя лужицы не высохли и поверхность горного склона стала скользкой. Отшельник, хоть и умел ездить на

---

⁶⁸ «...далекая заморская страна» — так раньше называли Индию. Бара — Борнео или Калимантан, остров на юго-востоке Азии.

⁶⁹ «...Однорогий отшельник» — так он зовется согласно древней легенде. Родился он в горах Калимантана, и в голове у него был один рог. Говорят, он получил магическую силу, спустился с гор и стал министром в столице. Однорогий отшельник также фигурирует в «Повести о великом мире» («Тайхэйки»), про него сложено много народных песен, и его стали называть «Наруками».

облаке и ходить по воде, а все ж, лентяя долгое время, позабыл свое могущество и, взобравшись слишком высоко в гору, поскользнулся и стремительно свалился в долину. Тогда Однорогий сильно разгневался; есть такие Боги Драконы, что гонят-поднимают морские волны и поливают дождями; дождь идет и пропитывает траву на склонах. Из-за этого утратил он свою магическую силу и скатился-упал в долину. А все дождь виноват, но у дождя нет души, так что и вины на нем нет. Это дело Богов Драконов, что насылают дожди. Решил он пленить силой своей магии Бога Дракона и его супругу во всей Поднебесной, и во всей стране дождь прекратится. Сердитые глаза его были подобны колесам; не пренебрег он ни малейшей долей своих магических сил и, в конце концов, покори́л Бога Дракона и его супругу в тысячах мирах, запер их в пещере, да еще наложил на нее заклинания, и во всей Поднебесной настала большая засуха, ни одна капля дождя не падала с неба, поля начали засыхать, а народ — трепетать. Тогдашний микадо⁷⁰ горевал по этому поводу и, чтобы сломить власть Отшельника, решил подослать к нему девицу прекрасной наружности. А жила в то время одна красавица, которую звали леди Сэндара⁷¹, и было ей велено императорским указом: «Ты должна добраться до пещеры Однорогого отшельника и возбудить в нем страсть, чтобы лишить магической силы, — и тогда разом дождь прольется», — и, следуя воле государя, леди Сэндара сказала: «Я клянусь, что поднимусь в горы и запутаю Однорогого. Не ворочусь в столицу, пока этого не сделаю» — так она поклялась. Добралась она до той горы, возбудила страсть в Отшельнике, околдовала его, сломила магическую силу и вернулась в столичный город к государю. Сразу же небо заложило черными тучами, и пролился сильнейший дождь, шел он три дня и три ночи и увлажнил растения и пять видов злаков⁷². Как тот Однорогий отшельник, который утонул в страсти к леди Сэндаре и утратил силу, кто знает, может, и ты, как в этой старой легенде, та самая женщина, что пришла сюда по высочайшему указу, чтобы сломить силу, данную мне Законом⁷³? Кто ты во дворце, дочь придворного аристократа?

---

⁷⁰ *Микадо* — древнейший титул для обозначения верховного японского правителя.

⁷¹ *Госпожа Сэндара* — красавица из индийской легенды.

⁷² «...пять видов злаков» (яп. *гококу*) — традиционно выращиваемый в Японии злаки: рис, пшеница, просо, конопля, бобы.

⁷³ «...данную мне Законом» — имеется в виду Закон, или учение, Будды, следование которому освобождает от мирских страданий.

Или же дочь человека незначительного, или придворная дама высокого ранга из высших слоев общества? Дай мне честный ответ, не сходя с этого места. Женщина, каков твой ответ? Ка-ка-каков?

Таэма. О таком я даже подумать не могла, но я принимаю ваши сомнения. Пожалуйста, знайте, что я хотела стать вашей ученицей, но у меня не было намерения сблизиться с вами, послушайте меня, я отвечу на ваши вопросы. Понимаю ваши подозрения, я никак не могу дать вам ответ. Просьбу мою не исполнили, еще и подозреваете меня! В конце концов, жизнь моя бессмысленна, вот так! Извините, что так прощаюсь с жизнью, утопившись в Драконьем водопаде...
(Направляется в сторону водопада.)

Наруками. Вы двое, остановите ее!..

Оба монаха. Ах, подожди! (Останавливают ее.)

Таэма. Нет, нет, отпустите! Дайте мне умереть!

Наруками. Какая нетерпеливая! Значит, сейчас твое положение зависит от меня, избавиться от души или разогнать все сомнения, о, ну-ка, ну-ка, посмотрим, что это за человек.

Кокуумбо. Как скажете, учитель.

Наруками. Вижу я, хочет она принять постриг, может, и стоит оставить все подозрения.

Хакуумбо. В этом нет никаких сомнений.

Наруками берет за руку Кумо-но Таэма.

Наруками. Нет, тебе не нужно умирать. Все больше и больше монахов становятся моими последователями.

Таэма. Ради этой просьбы я пришла издалека.

Наруками. Что ж, похвальная просьба. Я вижу твою решимость и твое желание стать моей ученицей.

Таэма. Ах, сделайте меня своей ученицей! Я буду вам очень благодарна.

Наруками. Чтобы стать ученицей, надо сию же минуту обрить голову.

Таэма. Я согласна, благодарю вас.

Наруками. Эй, вы двое, спуститесь к подножию горы, раздобудьте бритву и принесите сюда.

Оба монаха. Слушаемся.

Хакуумбо. Итак, Кокуумбо, преподобный дал поручение. Скорее принеси бритву.

Кокуумбо. Опять меня используешь. Сходи-ка сам!

Хакуумбо. Вот же упрямец, противишься приказам старшего?

Кокуумбо. Ты только и говоришь, старший да старший, а вот сходи и сам принеси.

Хакуумбо. Ты что, не слышал, что сказал учитель?

Кокуумбо. Как же я мог не услышать?

Хакуумбо. Послушайте, а Кокуумбо ни в какую не идет!

Наруками. Хакуумбо, почему не идешь?

Кокуумбо. Ну не то, чтобы не иду, но так ведь день к вечеру клонится.

Наруками. Значит, раз день к вечеру клонится, ты не пойдешь?

Кокуумбо. Иду-иду, но неужели дело не подождет до завтра?

Наруками. Ты противишься словам наставника?

Кокуумбо. Ну...

Наруками. Скорее иди!

Кокуумбо. Слушаюсь, уже иду.

Хакуумбо. Иди-иди, скорее же, скорей!

Кокуумбо. Да иду я, надоедливый! Да, один... Среди гор, одиноко же... (*Бормоча себе под нос, идет по ханамити.*)

Хакуумбо. Хватит бурчать себе под нос, иди же скорей!

Кокуумбо. Солнце село. А вдруг я встречу что-нибудь на дороге... (*Смотрит вперед.*) А-а-а-а! (*Пугается. Хакуумбо тоже пугается.*)

Хакуумбо. Что такое, что такое?

Кокуумбо. Там что-то красное. (*Вглядывается в просветы⁷⁴.*) Да это же бумажные фонарики. (*Уходит.*)

Хакуумбо. Ну что за трусливый парень! Господин преподобный, Кокуумбо ушел.

Наруками. Ого, разве он не трусишка?

Хакуумбо. Так он же вступил на путь Будды⁷⁵. Для монаха нет страха.

Наруками. Весьма похвально, что ты его опекаешь.

Хакуумбо. Это ничего, обычное дело для монаха.

Наруками. Ах да, я позабыл. Кокуумбо уже ушел?

Хакуумбо. Кокуумбо, Кокуумбо! Да, полагаю, уже ушел.

---

⁷⁴ «...вглядывается в просветы» — здесь имеется в виду обустройство зала в театре. Под потолком театра развешены красные бумажные фонарики, именно в них всматривается Кокуумбо.

⁷⁵ «...постичь путь Будды» — путь, ведущий к прекращению страдания и круговорота перерождений.

Наруками. Большое упущение. Раз девица принимает послушничество, ей понадобилось бы одяние кэса⁷⁶. Хотел сразу повелеть, да позабыл.

Хакуумбо. Ой, что-то так сердце забилося...

Наруками. Что такое, Хакуумбо? Сходи-ка да раздобудь кэса.

Хакуумбо. Ой... *(Крайне поражен.)*

Наруками. Что еще за «ой», похоже, ты поражен до глубины души. Ну же, ну же, немедленно принеси мне требуемое!

Хакуумбо. Господин преподобный, уж пятый час, и солнце давно село. И эти горы... А вы меня посылаете... У меня плохое предчувствие. Не лучше ли отложить это дело?

Наруками. Как это понимать, старшему из постигающих путь Будды такое не пристало говорить.

Хакуумбо. Но ведь вы видели лицо этой девицы. А тут бутылочка вина, и ночь наступает...

Наруками. Солнце ли село, ночь ли наступила, а ты ослушиваешься приказов учителя?

Хакуумбо. Ах, я слушаюсь!

Наруками. Если я сказал идти, ты должен сразу исчезнуть с глаз.

Хакуумбо. Исчезаю, но ведь если я исчезну, то, похоже, вы останетесь наедине с этой монахиней.

Наруками. Ты все еще здесь?

Хакуумбо. Уже ушел!

Наруками. Вот же надоедливый.

Испуганный Хакуумбо идет по ханамити: смотрит на небо, заглядывает подмышку, всячески изображает испуг.

Наруками. Ты еще здесь?

Хакуумбо. Уже ухожу. Ухожу, но ведь и Кокуумбо вы прогнали, и теперь преподобный остается наедине с женщиной.

Наруками. Ну и что с того?

Хакуумбо. Ну, эта женщина может с учителем...

Наруками. Что еще?

Хакуумбо. Дайкоку, Дайкоку, счастливый Дайкоку приди⁷⁷.

---

⁷⁶ *Кэса* — одяние буддийских монахов, как правило, коричневого или шафранового цвета. В нем обычно присутствует три слоя: нижняя одежда, верхняя одежда и накидка.

⁷⁷ Игра слов. *Дайкоку* — жена монаха, общепринятое название супруги буддийского монаха. *Дайкокутэн* — один из семи богов удачи. «...счастливый Дайкоку приди» — песня, призывающая Дайкоку.

Наруками. Нет, ну причем тут он?

Хакуумбо. Хотя вы и рассердитесь, преподобный, но ваша, эта самая, черепашка⁷⁸, девицу еще как подразнит, учитель, ваша черепашка! (*Напевая, Хакуумбо уходит.*)

Наруками. Вот же умники, надоеды! Только посмотри на них, вот что с ними делать...

Таэма. Послушайте, господин учитель...

Наруками. О, хорошо, ты уже зовешь меня учителем, конечно, так лучше, ведь я стал учителем, ты стала ученицей. Осталось принести клятвы⁷⁹, и сердце твое очистится.

Таэма. Значит, когда принесут ту бритву, мои волосы отстригут?

Наруками. И будет чисто выбритая голова. (*Таэма плачет.*) Что случилось, отчего ты плачешь?

Таэма. Так ведь я думала, что состригут несколько прядей моих волос, но не тысячу.

Наруками. Так это слезы грусти?

Таэма. Да.

Наруками. «Родители сказали:

В этой школе нужна

Круглая голова –

Нет больше забот

О моих черных волосах»⁸⁰.

Содзё Хэндзё⁸¹ сложил эту песню. Женщине теперь уж нет нужды жалеть о волосах, так разумнее, разумнее. (*Таэма хватается за грудь, изображая стеснение в груди.*) Что такое, что такое?

Таэма. Да я просто задумалась, ах, как же это грустно, ах, как тесно в груди, ах, печально, печально!

Наруками. От душевного яда лекарства нет, но я мог бы помассировать тебе спину.

Таэма. Нет-нет, так же нельзя!

Наруками. Но ведь болит, не стесняйся, давай, давай.

---

⁷⁸ «...ваша черепашка» — в данном случае это метафора мужского полового органа.

⁷⁹ «...осталось принести клятвы» — вступающий на путь Будды должен принести соответствующие клятвы.

⁸⁰ Цитата из антологии «Антология позже избранных японских песен» («Госэн вака-сю»), 17-й свиток, песня, сложенная Содзё Хэндзё.

⁸¹ Содзё Хэндзё (816–890) — один из «Шести гениев японской поэзии» (Роккасэн). Сподвижник школы Тэндай.

Таэма. Ах, нет, что-то у меня живот разболелся.

Наруками. Тогда надо бы надавить под ложечкой, у меня тяжелая рука, я надавлю пальцами, и спазм сразу пройдет, давай, давай. (*Кладет руку ей за пазуху.*)

Таэма. Да-да, благодарю. Простите мою невежливость, но... (*Кладет руку за пазуху Наруками.*)

Наруками. Хорошо, хорошо. Насекомые жужжат.

Таэма. Как хорошо на сердце.

Наруками. Очень хороший животик. Странная у вас болезнь, чуть правее. (*Наруками передвигает руку немного вправо.*) Какая странная штука!

Таэма. Что это, что значит странная?

Наруками. Когда я родился, впервые за пазуху женщине, э-э-э, взглянул, и там перед грудной клеткой было что-то мягкое, как будто две подушки, а затем как бы две маленькие рукоятки, что же это было?

Таэма. То, о чем вы говорите, преподобный наставник, это женская грудь.

Наруками. Ах, женская грудь? Во времена младенчества я вырос благодаря вкусу материнской груди. Сейчас я стал настоятелем в храме, и совершенно забываю о признательности к той груди, что меня вскормила, начал забывать и саму грудь. Монашество подобно краю лесному⁸².

Таэма. Это поистине прекрасно.

Наруками. Дай-ка, дай-ка я нащупаю пульс. (*Передвигает руку у нее за пазухой.*) Ага, вот это грудь. А ниже у нас солнечное сплетение, это место, где ноет под ложечкой, о, только что оно было расслаблено. А ниже у нас то, что называют срединная линия тела, а еще ниже пупок, его еще называют пуп или пуповина, а справа и слева от пупка небесная ось⁸³ — приятное чувство, да? — а чуть ниже пупка у нас «море здоровья», ниже мужественная точка... А еще ниже место, что привлекает демонов...

Таэма. Но господин учитель... (*Смутившись, пытается стряхнуть его руку.*) Господин наставник, отпустите же!

---

⁸² «...монашество подобно краю лесному» — имеется в виду, что человек не понимает человеческие чувства.

⁸³ «...справа и слева от пупка небесная ось» — две точки в двух суннах справа и слева от пупка, находятся на прямых мышцах живота.

Наруками. Молись, молись! Что бы ни случилось, не молись о достижении просветления и освобождении от мирских желаний, не молись о достижении высшего разряда. Проси о спасении на самом низшем из нижних разрядов⁸⁴. (*Таэма стряхивает его руку.*)

Таэма. Наставник, господин Наруками, послушайте, вы...

Наруками. Хочешь сказать, ты передумала?

Таэма. Нет, мои чувства правдивы, но послушайте...

Наруками. Мы нарушаем заповеди, ты хочешь сказать?

Таэма. Я не про нарушение заповеди, а то, что, будучи послушницей...

Наруками. Опустившийся, низвергнутый в ад, при жизни низвергнутый в огненный ад⁸⁵, хоть и упал, хоть и низвергнут, хоть и истощен, хоть и раздавлен, это не важно, неважно!

Таэма. Нет, господин святой...

Наруками. Даже Будда был сначала простым человеком, еще в то время, когда он был принцем Сиддхартха, у него было жена, которую звали Яшодхара, и сын, которого звали Рахула. У Кумараджавы⁸⁶ тоже были жена и дети, а что касается более близких мест, то в храме Софукудзи⁸⁷ священник увлекся Рокудзё-но миясудокоро⁸⁸ и сложил такую песню:

«В день хацунэ, сегодня,

Раннею весною,

На тамахабаки, полученной здесь нами,

От того что прикоснулся я рукою,

Тихо зазвенели нити с жемчугами»⁸⁹.

Ты соглашаешься, а согласившись, следуешь своему сердцу, и меня там и тут поджидают демоны с их желаниями; широко вкусив эту красоту, и вместе со мной спустишься в ад, ну, женщина, каков ответ?

---

⁸⁴ «...на нижнем из низших разрядов» — в Чистой Земле есть три уровня разряда существ: высший, средний и нижний, каждый из которых также делится соответственно на высший, средний и нижний. Так получается девять разрядов существ.

⁸⁵ «...огненный ад» — в буддийском аду восемь уровней, огненный является самым нижним.

⁸⁶ *Кумараджавы* (приблизительно IV–V вв.) — буддийский монах, один из четырех крупнейших переводчиков буддийской литературы с индийского на китайский язык.

⁸⁷ *Храм Софукудзи* — буддийский храмовый комплекс, расположенный в Нагасаки.

⁸⁸ Дочь Фудзивара-но Токихира, которая была наложницей императора Уда.

⁸⁹ Стихотворение из 20-го свитка сборника «Манъёсю», составленное Оотомо-но Якамоти. (Перевод А. Е. Глускиной). *Тамахабаки* — священные метелки, украшенные бусинами, которыми очищали предметы, применяемые в шелководстве. *Хацунэ* — первый весенний день.

Таэма. Господин преподобный...

Наруками. Отказываешься?

Таэма. Но вы...

Наруками. Отказываешься?

Таэма. Не отказываюсь.

Наруками. Ну?

Таэма. Что ж вы сделали такое страшное лицо, мы ведь вступили на тропу любви...

Наруками. Ну, ну, продолжай.

Таэма. Давайте.

Наруками. Давай.

Таэма. Давайте.

Наруками. Если согласна, то переродишься в раю, прямо в чаше лотоса. Ну же, ну же, ну же!

Таэма. Какой неугомонный! После того как согласилась, можно не торопиться.

Наруками. Сколько же мне еще терпеть!

Таэма. Ну подождите, согласие согласием, и тогда мы с вами, возможно, станем супругами.

Наруками. Вряд ли есть закон, низвергающий супругов в ад.

Таэма. Подождите, если мы станем супругами, то я стану женой священника.

Наруками. Монашество — это лекарство от бери-бери⁹⁰.

Таэма. То есть вы вернетесь к мирской жизни?

Наруками. Вот прямо сейчас.

Таэма. Станете мужчиной?

Наруками. Попробую прически, какие модники нынче носят в Осака.

Таэма. Неужели это правда?

Наруками. Клянусь Буддой.

Таэма. От письменных клятв несет ладаном.

Наруками. Есть такой закон, что мужская удача через семь поколений иссякает.

Таэма. Значит, когда мы поженимся, вы будете носить имя господин Наруками.

---

⁹⁰ *Бери-бери* — авитаминоз; болезнь, некогда распространённая в Японии, поскольку основным источником питания был рис.

Наруками. Нет, имена тоже сменю.

Таэма. Зачем это?

Наруками. Таков «путь спасения» Итикава Эбидзо⁹¹.

Таэма. Хорошо. Давайте станем супругами.

Наруками. Да. Я признателен. Давай, давай, начнем представление⁹².

Таэма. Опять торопишься! Ведь мы говорим о супружестве, нужно выпить.

Наруками. Давай выпьем по чашечке.

Таэма. Давайте, вы идите в храм, а я схожу за вином. *(Собирается уходить.)*

Наруками. Эй-эй, ты же убежишь!

Таэма. Что значит убегу? Я просто иду за вином.

Наруками. У нас есть вино.

Таэма. Где же?

Наруками. И чашечки есть. *(Наруками достает из-за своего помоста бутылку и чашечки для вина.)* Что, удивлена? Эти мои ученики-монахи, все пьяницы, бросают мне пыль в глаза, говорят, не пьют — и все припрятывают, а я их случайно заприметил, три года беды — три года вина⁹³, пять лет вина — желаниями голова полна⁹⁴, а припрятанное-то и сгодилось.

Таэма. Это прекрасно, когда просишь и получаешь. Итак, давайте я вам налью.

Наруками. Изволь.

Таэма. Итак, сначала вам...

Наруками. Я слышал, в доме мирян среди супругов сначала пьет женщина чашечку, а потом мужу передает.

Таэма. Но ведь эта работа для умельцев.

Наруками. Давай же пить.

Таэма. В таком случае поздравляю, выпьем же!

---

⁹¹ Диалог о смене имен относится к актеру Итикава Эбидзо, который исполняет роль Наруками. Для актеров Кабуки менять сценические имена было обычным делом.

⁹² Отсылка к предыдущей сноске про актера Кабуки Итикава Эбидзо: «...путь спасения Итикава Эбидзо» — это путь разврата и страсти. После дебютного выступления Итикава Дандзюро его стали называть Итикава Дандзюро сукэбэ — Сладострастник Итикава Дандзюро. «Начнем представление» значит, что пора приступать к делу.

⁹³ С «...три года беды — три года вина» — японская пословица, которая по смыслу соответствует выражению «не съешь горького — не поешь сладкого».

⁹⁴ Созвучность слов «пять лет» (五年ごねん) и «желание» (御念ごねん).

Наруками. Тогда налью вина? (*Наливает, Таэма принимает.*)

Таэма. Ну все, я приняла, а теперь пьете вы. (*Наруками принимает.*)

Наруками. Есть такие записанные слова: «Те живые существа, что несут всем добро и творят добро, все станут буддами»⁹⁵. (*Таэма наливает, Наруками принимает чашечку.*) Прольется, прольется, прольется!

Таэма. Ну что это такое...

Наруками. Плохого вина и капли не выпью, ненавижу овощи нараззукэ⁹⁶.

Таэма. До сих пор трезвенником был, а как жену дожидаться, так сразу напиваться.

Наруками. Но ведь ты не пьешь...

Таэма. Может, я и сказала, что не буду пить, а все-таки выпью.

Наруками. Пей.

Таэма. Да это как-то странно.

Наруками. Извинись, и пока извиняешься, наливай, наливай. (*Одну чашечку наливает, пьет и кривит лицо.*)

Таэма. Что случилось?

Наруками. Если б я пил первый раз в жизни, то желудок вытолкнул бы выпитое. О, дрожь пробрала.

Таэма. А сейчас жарко станет. Сразу понятно: трезвенник.

Наруками. Сейчас верну, драгоценная!

Таэма. На свадьбе не говорят «верну»⁹⁷.

Наруками. Тогда возвращу.

Таэма. Так тоже не говорят.

Наруками. Тогда уберу.

Таэма. Чашечку-то не убирайте.

Наруками. О-о, нет, не буду, не буду.

Таэма. Вы слушаете, что я говорю?

Наруками. Наливай. (*Опять принимает.*) До краев.

Таэма. Превосходно! А-а-а. (*Отскакивает в испуге.*)

Наруками. Что произошло? Что тебя испугало, что?

---

⁹⁵ Источник цитирования не установлен. Комментатор указывает, что это цитата из сутры.

⁹⁶ *Нарадзукэ* — японское лакомство; овощи, маринованные в рисовом вине.

⁹⁷ На свадебной церемонии воздерживаются от слова «возвратись», «вернись», чтобы избежать несчастья.

Таэма. В супружеских чашечках змея, змея-кутинава!⁹⁸

Наруками. Что за глупости, нет там ничего.

Таэма. Да есть же!

Наруками. Да слушай же, это не змея, это симэ, смотри.

Таэма. И правда, веревка-симэнава.

Наруками. Вот трусиха!

Таэма. А что это за симэ такая?

Наруками. Это важная симэ, из-за нее дождь не проливается.

Таэма. Почему же?

Наруками. Это большой секрет, который не стоит рассказывать людям. У меня есть обида на государев двор, и я заточил в той пещере Бога Дракона мира, а еще с помощью тайных обрядов повесил священную веревку симэ, и потому до сих пор не было дождя, а если ту висящую симэ ровнехонько посередине перерезать, то вылетит Бог Дракон и сильнейший ливень прольется на землю, вот почему это важно.

Таэма. Значит, если перерезать ту симэ прямо посередине, то прольется дождь. Вот ведь удивительные вещи, давайте выпьем! (*У нее появляется надежда*⁹⁹.)

Наруками. А-ах, «Сакура в Китайяма», знаменитая новая комедия-кёгэн!¹⁰⁰ Ну, до дна!

Таэма. Тремя чашечками отпраздновали — и будет!

Наруками. Я же прошу вместе, а ты...(*Опьянел.*) Все, больше не могу, не могу! (*Бормочет, засыпает.*)

Таэма. О, напился, мой любимый монах, то есть не монах, а господин, мой дорогой, ну же, вставайте, вставайте! Ах вы какой, как это бесчеловечно — уснуть на свадьбе перед тем, как разделить любовное ложе. Если не встанете, я вас защекочу, защекочу, ау, ау. (*Толкает спящего и оглядывается по сторонам, он не приходит в себя.*) Ну это слишком, какой ужас! Простите меня, господин Наруками. Я сама искренне не хотела вас унижать. Я следовала высочайшему повелению, молитвы священнослужителя разбились о страсть и вино, он

---

⁹⁸ Игра слов. *Кутинава* — змея, за которую Таэма принимает священную веревку из рисовой соломы (симэнава).

⁹⁹ В этой ремарке имеется в виду, что Кумо-но Таэма наконец узнала, как разрушить магическую силу Наруками.

¹⁰⁰ Игра слов «отто кита» — «ах, вот оно» и «Китайяма дзакура» «Сакура в горах Китайяма». Происходит из оригинального названия этой пьесы «Наруками Фудо: Китайяма дзакура».

в таком жалком состоянии! Я боюсь, трепещу, но пока он пьян, прочу-ка я его, будет ему серьезный урок: перережу я веревку симэнава, и Дракон — Бог воды и его супруга разом улетят на дно морское, и прольется дождь на все пять злаков! И внутри этого утеса в тысячу дзё¹⁰¹... (*Бросает пронзительный взгляд на симэнава, взбирается на утес, пытаясь удержать равновесие, достает кинжал.*) Все кончилось хорошо! Слава всевышним буддам и божествам-ками! Морской Дракон, владыка, я молю тебя пролить дождь! Славься, учение, преклоняюсь перед вами! Славься, учение, преклоняюсь перед вами!

Стучит барабан тайко, под песню Таэма разрезает симэнава, и механизм поднимает вверх Дракона — Бога воды и его супругу Драконницу. Из водоема вздымаются струи воды, гремит гром, на сцене обильно проливается дождь. Пока слышится нагаута, Таэма уходит по ханамити.

Между тем Хакуумбо, Кокуумбо с подвязанными рукавами, дергая друг друга за полы кимоно, в порванных касе¹⁰², вместе с толпой других монахов из того же постоянного двора; на всех них кимоно, у которого подвязаны рукава, возможно, они тоже одеты в касе или сугэгаса¹⁰³, затыкая уши, шумят, бегут по ханамити, и все-все кричат «Достопочтенный наставник!», все-все ищут Наруками. Хакуумбо находит святого Наруками.

Хакуумбо. Ах, он здесь! (*Толпа обхватывает его, лицо Наруками красное; он пьян и выглядит жалко.*) Ну и вонь, ну и вонь!

Кокуумбо. Похоже, винную кладовую наставник все же обнаружил.

Все. Преподобный наставник! Преподобный наставник!

Наруками чуть приоткрывает глаза, у него несчастный вид.

Хакуумбо. Смотрите, господин Наруками, ваши магические обряды разрушены!

Кокуумбо. Ах, симэнава тайного учения тоже перерезана, Бог Дракон воспарил-возвратился на небеса...

Хакуумбо. В таком случае прольется дождь!

Кокуумбо. Это будет сильнейший ливень!

Хакуумбо. Сейчас гром загремит!

Кокуумбо. Сильная гроза! Скорей-скорей, все должны укрыться в убежище.

---

¹⁰¹ Дзё — мера длины, 1 дзё равен 30,3 м.

¹⁰² Каса — плоская соломенная шляпа.

¹⁰³ Сугэгаса — разновидность касе, также соломенная шляпа.

Хакуумбо. Нас постигнет проклятие и молнии! Чур меня, чур меня!

Все повторяют «Чур меня, чур меня». Тем временем гремит гром. Сильный ливень, Наруками приходит в себя.

Наруками. Что это, идет дождь?

Хакуумбо. Льет.

Наруками. Что это, гром гремит?

Кокуумбо. Ах!

Громкие раскаты, Наруками совершенно приходит в себя.

Наруками. Почему это дождь идет, почему это гром гремит?

Хакуумбо. Учитель! *(Плачет.)* Вы изволили остаться с той девицей, думали, она простая женщина? Слышали, как она после этого убежала.

Кокуумбо. Это Кумо-но Таэма, в государевом дворце она придворная дама высокого положения, и, следуя высочайшему указу, она пришла, чтобы посмеяться над вами и унижить вас, да еще чтобы вас громом поразило, мы аж побледнели от страха.

Наруками. Получается, девица, которую зовут Кумо-но Таэма, пришла сюда, чтобы мое заклятье разрушить, следуя высочайшему указу, ах, эта Таэма!..

Сквозь бурю на сцене виднеется Наруками, который летает и ищет, монахи идут за ним и кружатся, непрерывно гремит гром.

Наруками. Какая жалость, какая досада! На грош добро, на золотой — зло!..¹⁰⁴ Магическую силу мою разрушила, а я еще и запретные заповеди нарушил; пока я, Наруками, жив, я найду эту девицу, как бы трудно ни было! На Небесах — тридцать три неба¹⁰⁵, на Земле — до самого темного дна, пусть дождь, пусть гром, святой Наруками догонит и в скалу в тысячу дзё заключит. На Востоке — до внешнего берега Осю¹⁰⁶.

Гидаю. На Западе — до острова демонов в Тиндзэй¹⁰⁷.

---

¹⁰⁴ Выражение означает «так мало в мире радостей, так много горестей».

¹⁰⁵ «...тридцать три неба» (санскр. трайстримша) — мир тридцати трех богов, который располагается на священной горе Сумэру.

¹⁰⁶ Осю — город, расположенный в префектуре Иватэ. В старину известен как восточная окраина страны.

¹⁰⁷ Тиндзэй — наименование Кюсю. Остров демонов — Кикайгасима. В старину известен как западная окраина страны.

Наруками. На Юге — до водопада Нати в Кумано¹⁰⁸.

Гидаю. На Севере — вплоть до бурных морей в Этиго¹⁰⁹.

Наруками. Места, где человеку не пройти!

Гидаю. Даже тысячу ри он пройдет.

Наруками. Даже десять тысяч ри пролечу, да.

Гидаю. Наруками гонится, по следу идет.

Музыканты ударяют по всем трем струнам сямисэна разом, раскаты грома, шум дождя и грохот бури, Наруками в ярости бежит по ханамити. Все монахи постоянного двора со словами: «Преподобный наставник, преподобный наставник!» — бегут следом, вдалеке видно, как буря обрушивает скалу¹¹⁰.

Окончание спектакля. Занавес

БИБЛИОГРАФИЯ

Гундзи 1969 — Гундзи Масакацу. *Японский театр Кабуки* / пер. с яп. Б. В. Раскина. Москва: Прогресс, 1969.

Кабуки дзю:хатибан сю: 1952 — *Кабуки дзю:хатибан сю:* [Собрание восемнадцати классических пьес театра Кабуки] / под ред. Сигэтоси Каватакэ. Токио: Асахи синбунся, 1952.

Редько 1980 — Редько Т. И. *Творчество Ихара Сайкаку (к вопросу о новаторстве в японской литературе XVII в.)*. Москва: Наука. 1980.

Brandon 1975 — Brandon, J. R., (ed). *Kabuki: Five Classic Plays*. Cambridge: Harvard University Press, 1975.

---

¹⁰⁸ *Нати* — синтоистское святилище, которое расположено в городе Кумано в префектуре Миэ. Полное название «Кумано нати тайся». Входит в число «Трех священных гор Кумано», остальные два синтоистских святилища — это «Кумано хонгу тайся» и «Кумано хаятама тайся». В старину известен как южная окраина.

¹⁰⁹ *Этиго* — старое название префектуры Ниигата. В пьесе это северная окраина страны, хотя за ней лежат еще более северные территории.

¹¹⁰ Кроме такого финального действия существуют еще три вариации концовки. Первая заканчивается большой бурей. Второй вариант: занавес открывается, Кумо-но Таэма-химэ бредет по горам, святой Наруками догоняет ее, проглатывает и улетает. И наконец, третий вариант: Наруками выходит на ханамити и исполняет танец Осимодоси, после чего возвращается на сцену, где монахи восторженно встречают его. Первый используется часто, третий — довольно редко.

Halford 1965 — Halford, A. S., Halford, G. M. *The Kabuki Handbook*. Tuttle Publishing, 1965.

Shaver 1966 — Shaver, R. M. *Kabuki Costume*. Tuttle Publishing, 1966.

REFERENCES

Brandon, J. R. (Ed.). (1975). *Kabuki: Five Classic Plays*. Harvard University Press.

Gunji, M. (1969). *Yaponskiy teatr Kabuki* [The Kabuki theatre of Japan]. (B. Raskina, Trans.). Progress. (In Russian).

Halford, A. S., Halford, G. M. (1965). *The Kabuki Handbook*. Tuttle Publishing.

Kawatake, S. (Ed.). (1952). *Kabuki jūhachiban shū* [Collection of Eighteen Classical Kabuki Plays]. Asahi shinbunsha. (In Japanese).

Red'ko, T. I. (1980). *Tvorchestvo Ihara Saikaku (k voprosu o novatorstve v yaponskoy literature XVII v.)* [Ihara Saikaku's works (revisiting the innovativeness in the Japanese literature of 17th century)]. Nauka. (In Russian).

Shaver, R. M. (1966). *Kabuki Costume*. Tuttle Publishing.

Ежегодник Япония 2020. Т. 49. С. 496-510.

Yearbook Japan 2020. Vol. 49, pp. 496-510.

DOI: 10.24411/2687-1432-2020-10019

Юбилей академика РАН Владимира Михайловича Алпатова

Е. В. Стругова, Т. И. Корчагина,
Л. Т. Нечаева, Т. М. Гуревич

Аннотация. Статья написана по случаю 75-летия академика В. М. Алпатова. Ее авторы знакомы с юбиларом со студенческих лет, с первых шагов в японоведении. Каждый с позиции своих научных интересов попытался отразить многогранность таланта В. М. Алпатова — ученого, исследователя, летописца, учителя и наставника всех тех, кто связал свою судьбу с изучением японского языка и Японии.

Ключевые слова: японский язык, грамматика, японоведение, юбилей, языкознание.

Авторы:

Стругова Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент по кафедре японской филологии ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова. 125009 Москва, Моховая 11, стр. 1.

E-mail: strelvik@gmail.com

Корчагина Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры глобальных коммуникаций факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова. 119234 Москва, ул. Колмогорова, 1, стр. 51.

E-mail: k-tatiana1987@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3442-7622

Нечаева Людмила Тимофеевна, кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, профессор, завлабораторией «Восточные языки в средней школе» ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова. 125009 Москва, Моховая, 11, стр. 1.

E-mail: ltnechaeva@mail.ru

Гуревич Татьяна Михайловна, кандидат филологических наук, доктор культурологии, профессор кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО (У) МИД РФ, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

E-mail: tmgur@mail.ru

Anniversary of Academician of the Russian Academy of Sciences Vladimir Mikhaylovich Alpatov

**Ye. V. Strugova, T. I. Korchagina,
L. T. Nechayeva, T. M. Gurevich**

Abstract. The article was written on the occasion of the 75th anniversary of Academician V. M. Alpatov. The authors have known the hero of the day since he was a student and made his first steps in the Japanese studies. From the standpoint of their own professional interest in the Japanese studies, each of them tried to reflect the multifaceted talent of Vladimir M. Alpatov — academician, researcher, chronicler, teacher, and mentor of the people who linked their fate with the study of the Japanese language and Japan.

Japanese language, grammar, Japanese studies, anniversary, linguistics.

Authors:

Strugova Elena V., PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Japanese Philology, Lomonosov Moscow State University, Mokhovaya 11 Bld 1, Moscow 125009.

E-mail: strelvik@gmail.com

Korchagina Tatyana I., PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Global Communications, Lomonosov Moscow State University, Kolmogorova Str. 1-51, Moscow, 119234.

E-mail: k-tatiana1987@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3442-7622

Nechaeva Lyudmila T., PhD (Philology), Doctor of Sciences (Pedagogics), Professor at the Department of Japanese Philology, Lomonosov Moscow State University, Mokhovaya 11 Bld 1, Moscow 125009.

E-mail: ltnechaeva@mail.ru

Gurevich Tatyana M., PhD (Philology), Doctor of Cultural studies, Professor of the Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian at MGIMO University, Vernadskogo Prospect 76, 119454.

E-mail: tmgur@mail.ru

В этом году исполнилось 75 лет Владимиру Михайловичу Алпатову — академику РАН, доктору филологических наук, профессору.

В. М. Алпатов в 1968 г., окончив отделение структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, поступил в аспирантуру Института востоковедения Академии

наук (ИВАН). После защиты диссертации в 1971 г. на тему «Грамматическая система форм вежливости современного японского литературного языка» он начал работать в отделе языков ИВАН младшим научным сотрудником, в 1983 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Проблемы морфемы и слова в современном японском языке». Дальнейшая научная деятельность В. М. Алпатова проходила в ИВАН (ИВ РАН) до 2012 г., когда с должности заместителя директора ИВ РАН он перешел в Институт языкознания РАН на должность директора этого института. В 2019 г. В. М. Алпатов стал заведующим отделом языков Восточной и Юго-Восточной Азии и Научно-исследовательским центром по национально-языковым отношениям.

В. М. Алпатов входит в Совет при президенте Российской Федерации по русскому языку по решению перспективных задач развития отечественной науки. О том, как В. М. Алпатов пришел в японистику и лингвистику, он очень подробно рассказал в своем автобиографическом очерке в книге «Полвека в японоведении», изданной в 2013 г. [Алпатов и др. 2013]

Видный отечественный японовед, лингвист и культуролог Евгений Викторович Маевский (1944–2008) высказал предположение, что в японоведении уже не осталось вопросов, которых так или иначе не коснулся в своих работах В. М. Алпатов. Действительно, круг научных интересов Владимира Михайловича очень широк: помимо многообразных проблем, непосредственно связанных с японоведением и языкознанием, он является автором ряда работ, посвященных социолингвистике, истории науки, биографиям ученых.

Научные исследования В. М. Алпатова представлены ошеломляющим количеством произведений — монографии, статьи, очерки, обзоры, лекции. Список научных трудов — познавательное и увлекательное чтение. Осознавая невозможность «объять необъятное», остановимся на близких нам по тематике работах в области японского языка, отражающих, на наш взгляд, важные этапы не только в деятельности самого ученого, но и в описании современного японского языка.

В 1973 г. вышла первая книга В. М. Алпатова «Категории вежливости в современном японском языке» [Алпатов 1973], в основе которой лежала кандидатская диссертация автора. Работа, проведенная в конце 60-х — начале 70-х годов XX века, отвечала ситуации в лингвистике того времени: сложившиеся концепции структурной

лингвистики и типологии накладывались на факты языков, условно объединяемых под названием «восточные». Эти языки, как правило, к тому времени были представлены «экзотическим» материалом, иногда скорее традиционно филологическими по методу описаниями.

Исследования по японскому языку уже демонстрировали приверженность новым направлениям и методам, а рассматриваемый труд — это развитие и продолжение идей учителей. Разные по значению и способу выражения формы вежливости анализируются В. М. Алпатовым на большом языковом материале (и это в отсутствие сложившейся позднее корпусной лингвистики). Один из главных и замечательных результатов анализа «Категорий вежливости в современном японском языке» — вывод о вежливости как грамматической категории глагола в японском языке. И делается он на фоне решения вопроса о разграничении лексического и грамматического значений, строгие критерии которого были сформулированы как раз в то время А. А. Зализняком. Японский язык представляет в данном случае уникальный факт для типологии языков.

Очень скоро, в 1979 г., вышла в свет книга «Структура грамматических единиц в современном японском языке» [Алпатов 1979a], ставшая итогом работы над докторской диссертацией В. М. Алпатова. В книге описывается устройство деривативного и релятивного ярусов японского языка. Это описание последовательно и непротиворечиво, потому что критика понятий и терминов, в которых европейская лингвистика описывала строй японского языка, обрела здесь активно действенный характер. Это выразилось в сопоставлении понятия/термина «слово» — центрального для лингвистических теорий, начиная с античности, и единиц, которые традиционно использовали в описаниях родного языка японские лингвисты. Обобщающий анализ концепций, принадлежащих каждому из двух ареалов, содержит самоценную информацию, но автор идет дальше, вводя для описания соответствующих ярусов свою единицу — глоссу, которая сочетает в себе релевантные объяснительные признаки единиц европейской и японской лингвистики.

Представляется, что эти работы, а также целый ряд статей, объединяемых грамматической тематикой, стали своего рода прологом внушительного труда «Грамматика японского языка» [Алпатов, Вардуль, Старостин 2000] и «Теоретическая грамматика японского языка» [Алпатов, Аркадьев, Подлесская 2008].

Семидесятые годы XX века, когда задумывался первый том, утвержденный к печати десять лет спустя, но вышедший только в 2000-м, и 2008-й — год выхода последнего тома — разделяет отрезок времени длиной более тридцати лет. Это был очень непростой для страны и науки период, омраченный также потерями учителей и единомышленников. Со свойственной ему аккуратностью, даже щепетильностью В. М. Алпатов во вступлении к первому тому и в предисловии ко второму, состоящему из двух книг, рассказывает о вкладе в общий труд каждого из авторов. Каждый — и вклад, и автор — бесспорно самоценен, работа проделана титаническая, результаты анализа имеют самую широкую область применения. И здесь хочется сказать, что В. М. Алпатов был душой этого проекта с первых дней его становления, а после кончины И. Ф. Вардуля и безвременного ухода С. А. Старостина — объединяющей и направляющей силой. Это ощущаешь буквально на любой странице.

Рассматриваемая грамматика японского языка — уникальное исследование. Его теоретическая основа, которая обычно соотносится с именем И. Ф. Вардуля, но окончательно выработана в обсуждениях с его соавторами по первому тому, — концепция ярусного строения языка. Ярусы представляют собой подсистемы со своими элементарными единицами, правилами построения из них сложных единиц и этими сложными единицами. Ярусы существуют, с одной стороны, обособленно, с другой — могут пересекаться благодаря общим единицам. Традиционно выделяемые в описаниях языков области — фонетика/фонология, лексикология, грамматика с делением на морфологию и синтаксис — в определенной мере соотносимы с этой концепцией как лингвоцентрический и антропоцентрический подходы в описании языка. Привыкшим к традиционным грамматическим описаниям формализованный метаязык новой грамматики покажется сложным, может быть, не отражающим языковые факты во всей их полноте. Но это новый этап лингвистических исследований, когда стандартизированное изложение позволяет сразу выделить в языках общее и специфическое. Возникнув на почве идей общей грамматики, подобные описания служат задачам типологии языков и общей теории.

Существенным вкладом в развитие типологии являются статьи В. М. Алпатова «Старояпонский язык» и «Японский язык», опубликованные в многотомном энциклопедическом издании «Языки мира».

Сжатое справочное издание опирается на фундаментальные исследования; таким образом, эти работы оказываются востребованными в разных областях и в самых широких кругах исследователей.

Аналитический склад ума, уникальная память, невероятная работоспособность и энциклопедические знания В. М. Алпатова нашли свое выражение в целом ряде трудов, которые хочется назвать научно-просветительскими. Их можно охарактеризовать как «истории», независимо от того, присутствует ли это слово в названии сочинения. Они разного свойства, например «Изучение японского языка в России и СССР» [Алпатов 1988a], «История лингвистических учений» [Алпатов 1999], «История одного мифа: Марр и марризм» [Алпатов 1991], «Языковеды, востоковеды, историки» [Алпатов 2012] и многие другие. Благодаря этим книгам и многочисленным статьям мы видим развитие лингвистики в разных странах применительно к описанию разных языков, взаимосвязи — языкознание и филология, языкознание и история как наука, языкознание и история общества. И все это осуществлялось людьми, личные качества и научная деятельность которых определяла «цвет времени».

Среди изданий, вышедших за эти годы, нельзя не отметить увидевшую свет в 2017 г. книгу, которая еще долго будет базисной для становления не только японоведов, но и лингвистов самого широкого профиля. Имеется в виду сборник трудов В. М. Алпатова «Японистика. Теория языка. Социолингвистика. История языкознания» [Алпатов 2017], в котором представлены его работы, сгруппированные по основным темам его научных интересов, что и нашло отражение в названии книги. В. М. Алпатов внес огромный вклад в изучение самых разных аспектов японского языка, развивая сделанное поколением наших учителей, а также разрабатывая совершенно новые теории и подходы к исследованию языка. Научная деятельность В. М. Алпатова затрагивает не только область японского языка, но и проблемы общего языкознания, истории лингвистических и социолингвистических исследований, типологии, культурологии и т. д.

Необходимо подчеркнуть огромное значение исследований В. М. Алпатова как для обучения практическому японскому языку, так и для чтения теоретических курсов в вузах России. Невозможно представить себе преподавание японского языка без обращения к его работам. На одной из последних конференций по методике преподавания японского языка (2019) В. М. Алпатов выступил с интересным

докладом о подготовке специалистов, в котором подчеркнул важную роль науки в интерпретации языковых явлений в учебной литературе и вообще в процессе обучения языку. В. М. Алпатов считает, что каждый преподаватель языка не обязательно должен быть теоретиком, «но он должен учитывать то, что достигнуто к данному времени лингвистикой» [Алпатов 2018 с. 8]. С этим нельзя не согласиться. Взять, например, одну из сложнейших грамматических тем японского языка — функционирование *ва* и *га*. Как может преподаватель, например, объяснить случай употребления *га* в предложении, где нет деления на *тему* и *рему* — так называемое *тетическое*, или *коммуникативно-нерасчлененное* употребление? Этот вопрос рассматривается в «Теоретической грамматике японского языка» [Алпатов, Аркадьев, Подлесская 2008, Т. 2, с. 44]. Для объяснения этой проблемы недостаточно материалов обычного вузовского учебника, и только преподаватель, знакомый с современными теориями, способен прояснить для студентов этот вопрос.

Невозможно перечислить все грамматические и лексические проблемы, которые разъясняются в работах В. М. Алпатова. Именно к этим работам должны обращаться преподаватели японского языка, чтобы в доступной форме донести эти проблемы до студентов. Прежде всего, необходимо сказать об исследовании В. М. Алпатовым форм вежливости в японском языке, которое имеет не только теоретическое, но и практическое значение при объяснении студентам функционирования вежливых форм. Активное усвоение этих форм необходимо при обучении по любой программе и в общем курсе японского языка, а также в курсе «Язык делового общения», который преподается во многих вузах, например на факультете мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, факультете глобальных процессов МГУ. Без активного владения формами вежливости японского языка нельзя представить себе общение, особенно в деловой сфере. Предложенная В. М. Алпатовым стройная система форм вежливости при должном объяснении хорошо понятна студентам (категории адрессива, гоноратива и т. п.).

В преподавании курса практического японского языка: грамматики, лексики, иероглифики — преподаватели также пользуются работами В. М. Алпатова, черпая оттуда объяснение многих явлений и практические примеры. Это «Структура грамматических единиц в современном японском языке» [Алпатов 1979a], «О выделении

единиц грамматики» [Алпатов 1975], «Методические указания по курсу “Лексикология японского языка”» [Алпатов 1981], «Элементы старописьменного языка в системе современного японского литературного языка» [Алпатов 1977], «Что такое прилагательное в японском языке?» [Алпатов 1979b] и многие другие работы. При чтении лекций по теоретическим аспектам японского языка, несомненно, нельзя не опираться на исследования В. М. Алпатова. Многие вопросы из программ дисциплин «Введение в японскую филологию», «Теоретическая грамматика японского языка», «Лексикология японского языка» освещены в монографиях и статьях этого ученого.

Особо следует сказать о культурологических проблемах, рассматриваемых В. М. Алпатовым во многих его трудах. Такие его работы, как «Япония: язык и общество» [Алпатов 1988b], «Япония: язык и культура» [Алпатов 2008], содержат бесценный материал для изучения многих тем, включенных в программу курса «Социокультурные ценности Японии» на факультете мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ. Важнейший раздел в этом курсе — тема «Культура языкового общения с японцами», поскольку языковое поведение японцев имеет особенности, свойственные только носителям японской культуры и отличающиеся от поведения представителей другого социума. В названных работах В. М. Алпатова показано социальное функционирование японского языка и отражение социальных отношений в формах вежливости, культура молчания и умолчания, роль подтекста, невербальные средства передачи информации.

Можно назвать еще несколько тем, изучаемых в курсе «Социокультурные ценности Японии» и освещенных в работах В. М. Алпатова. Это важнейшее для японской культуры противопоставление *ути-сото* (свой — чужой) и отражение его в японском языке, стремление к гармонии *ва* и желание избегать конфликтных ситуаций, понятия *татэмаэ* и *хоннэ* («общие принципы» и «истинные намерения») как проявление двойственных стандартов в межличностных отношениях, концепция японской зависимости *амаэ*, влияние многовековой изоляции японцев на замкнутость общества, отношение японцев к родному языку.

Преподаватели изучают работы В. М. Алпатова и стараются донести до студентов сведения по грамматике, культуре, представленные в его статьях, очерках, книгах. В. М. Алпатов написал монографию «Изучение японского языка в России и СССР» [Алпатов

1988а], в которой рассматриваются основные этапы становления японоведения как самостоятельной научной дисциплины. В книге была прослежена преемственность традиций в русском и советском японоведении, изложена история лингвистических учений. Важно, что в этой книге дается развернутая история не только развития японоведения в России и СССР, но и рассказывается об известных японистах, ученых, которые были основоположниками науки о японском языке в России, писали первые учебники по японскому языку для русскоговорящих.

Эта монография может быть руководством в деле создания учебных разработок, учебников и пособий по японскому языку, она стала основой развития понятия «учебник японского языка». По этой книге можно проследить, как изменился подход к основным принципам представления грамматического материала в учебнике японского языка. В понятие «грамматический материал учебника» в методике принято включать теоретическую и практическую части. Теоретическая часть — правила, представление которых основано на принципах отбора, описания и определения последовательности введения грамматического материала. Практическая часть представлена системой упражнений, определяемой тремя параметрами: последовательность, объем и разнообразие видов.

В книге В. М. Алпатова «Изучение японского языка в России и СССР» рассказывается о первом учебнике, состоящем из «Грамматики», «Вокабулы» и «Дружеских разговоров». Этот учебник был составлен в XVIII веке Демьяном Поморцевым (это имя получил японец Гонза после крещения). Следующие учебные материалы в виде самоучителя японского языка и разговорника появились только в начале XX века.

«Самоучитель японского языка», составленный Ёсибуми Куроно и В. П. Панаевым, представляет собой не столько учебное пособие, сколько серьезный труд по грамматике японского языка. Этот самоучитель написан в соответствии с грамматико-переводным методом, господствовавшим в то время в преподавании иностранных языков.

В конце XIX — начале XX века в российской педагогике был принят прямой метод, когда в учебнике не рекомендовалось пользоваться родным языком и проводить какие-либо сравнения с ним. В «Самоучителе» же описание грамматики строится на сравнении с русским языком, и это было значительным достижением для того времени. Но

объяснение некоторых явлений дается с позиций грамматики русского языка — например, говорится об образовании причастий, которых в японском языке нет.

В 1930-е годы изучение японского языка перешло в практическую направленность, что нашло свое отражение и в учебниках. «Учебник японского языка» П. А. Гущо и Г. С. Горбштейна состоит из 25 уроков, каждый из которых имеет три раздела — грамматика, текст, словарь к тексту. В первом уроке вводится сразу несколько частей речи — существительные, прилагательные, глаголы, причем дается изменение глаголов по основам. Все это говорит о том, что авторы не учитывали уровень трудности подаваемого материала, в какой-то степени не отошли еще от грамматико-переводного метода, хотя грамматика вводится в порядке перехода от простых форм к сложным.

Учебник Е. М. Колпачки и Н. А. Невского (1934 г.) имеет похожую структуру: 30 уроков, каждый из которых включает в себя грамматику в виде кратких правил, словарь, текст и упражнения. Последовательность введения грамматики отражает коммуникативную направленность учебника, и можно сказать, что с некоторыми вариациями она сохранилась во многих современных учебниках. В этом учебнике также проводится сравнение грамматики японского языка с грамматикой русского.

Большим шагом вперед стал учебник С. Зарубина, Е. Наврон, А. Орловой и М. Цын под редакцией Е. Л. Наврон. Тексты представляют собой связные рассказы или диалоги. В этом учебнике грамматические правила даются в последовательности, обусловленной появлением того или иного грамматического явления в текстах уроков, при этом все объясняется очень подробно. Впервые в этом учебнике японского языка представлены разнообразные упражнения по закреплению и активизации грамматики. Это не только переводные упражнения, но и упражнения, направленные на усвоение грамматических форм и использование их в речи.

В 1958 г. появляется учебник, созданный коллективом авторов — И. В. Головинным, Н. И. Карпович, А. Н. Соколовым, П. И. Шеманевым под редакцией А. А. Пашковского. Структура этого учебника стала основой для создания учебников последующего поколения — вводный курс и 23 урока основного курса, включающие в себя теоретические вопросы, иероглифику, два текста, подстрочные словари по текстам, лексико-грамматические заметки, задания и упражнения.

Грамматика японского языка дается в сравнении с русским языком в последовательности, соотнесенной с появлением грамматических явлений в текстах уроков.

С 70-х годов XX века основным учебником японского языка в нашей стране стал учебник, созданный А. Г. Рябкиным, Л. А. Лобачевым, Н. Г. Паюсовым, Л. А. Стрижаком, В. А. Янушевским под редакцией И. В. Головнина. В нем полностью отразились все достижения советской методики того времени. Так научное представление истории создания учебников японского языка, сделанное В. М. Алпатовым, помогает молодым преподавателям ориентироваться в методической литературе.

Кроме научной работы В. М. Алпатов ведет большую педагогическую деятельность. Возможно, такая работа началась с первых лингвистических олимпиад, где он участвовал как в подготовке задач, так и в проведении самих олимпиад. Он руководит аспирантами, с 1993 года читает в МГУ (ОТиПЛ) и РГГУ курс «История лингвистических учений». Выступает с разнообразными лекциями на YouTube в просветительском проекте «НаукаPRO». Это и лекции по лингвистике: «Лингвистические традиции разных народов», «Зачем нужна лингвистика», «Что такое слово» и др. — и лекции по Японии: «Япония: язык и культура», «Языковая культура в Японии» и др. Многие книги В. М. Алпатова вошли в обязательный список литературы для студентов филологических и восточных отделений.

В. М. Алпатов принимает участие в конференциях по методике преподавания японского языка, знакомящих слушателей с современными направлениями в японской лингвистике, его выступления всегда воспринимаются с огромным интересом и вниманием, они имеют большое значение для преподавателей. В. М. Алпатов часто оппонирует на защитах кандидатских и докторских работ по лингвистике и японскому языку, при этом высказывает много полезных замечаний для дальнейшей работы авторов, никогда не отказывается просмотреть научную работу, учебник, учебное пособие и высказать в корректной форме свои замечания. Его консультации и замечания просто бесценны для аспирантов и молодых коллег, они помогают прививать навыки интеллектуальной опрятности и вкус к творческому вдохновению.

Всем известен вклад В. М. Алпатова в тесное сотрудничество с коллегами из Санкт-Петербурга, Владивостока, Новосибирска

и других университетских городов России, ближнего и дальнего зарубежья — Украины, Казахстана, Нидерландов, Японии, Польши, США. В настоящее время подрастает уже третье поколение тех, кому посчастливилось слушать лекции этого ученого, тех, кого строго, но в высшей степени доброжелательно он учил не останавливаться на достигнутом, неустанно расширять свой кругозор, серьезно оценивать свои возможности. Написанные прекрасным научным, но очень понятным языком работы В. М. Алпатова переводились на японский, английский, французский, турецкий, португальский и другие иностранные языки. Не только в МГУ, но и во многих других вузах России и зарубежья работают его ученики, которые пользуются большим уважением коллег и заслуженным признанием студентов, и в этом есть немалая доля труда нашего юбиляра. Он и сегодня, несмотря на возраст, один из активных представителей плеяды ученых, горячо откликающихся на различные научные мероприятия регионального и международного значения.

Хочется в связи с юбилеем Владимира Михайловича выразить ему большую благодарность за его преданность японоведению, за создание огромного количества работ, на которые опираются преподаватели в практике обучения японскому языку и изучении самых разных его аспектов. Безусловно, его труды послужат базисом для научной и практической работы не одного поколения японистов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алпатов 1973 — Алпатов В. М. *Категории вежливости в современном японском языке*. Москва: Наука, 1973.

Алпатов 1975 — Алпатов В. М. О выделении единиц грамматики в японском языке. *Вопросы японской филологии*. Вып. 3. Москва: МГУ, 1975. 3. С. 5–14.

Алпатов 1977 — Алпатов В. М. Элементы старописьменного языка в системе современного японского литературного языка. *Вопросы японской филологии*. Вып. 4. Москва: МГУ, 1977. С. 5–14.

Алпатов 1979a — Алпатов В. М. *Структура грамматических единиц в современном японском языке*. Москва: Наука, 1979.

Алпатов 1979b — Алпатов В. М. Что такое прилагательные в японском языке? *Японское языкознание*. Москва: Наука, 1979.

Алпатов 1981 — Алпатов В. М. *Методические указания по курсу «Лексикология японского языка»*. Владивосток: ДВГУ, 1981.

Алпатов 1988a — Алпатов В. М. *Изучение японского языка в России и СССР*. Москва: Наука, 1988.

Алпатов 1988b — Алпатов В. М. *Япония: язык и общество*. Москва: Наука, 1988.

Алпатов 1991 — Алпатов В. М. *История одного мифа: Марр и марризм*. Москва: УРСС, 1991.

Алпатов 1999 — Алпатов В. М. *История лингвистических учений. Учебное пособие*. Москва: Языки русской культуры, 1999.

Алпатов 2008 — Алпатов В. М. *Япония: язык и культура*. Москва: Языки славянских культур, 2008.

Алпатов 2012 — Алпатов В. М. *Языковеды, востоковеды, историки*. Москва: Языки славянской культуры, 2012.

Алпатов 2017 — Алпатов В. М. *Японистика. Теория языка. Социолингвистика. История языкознания*. Москва: Языки славянской культуры, 2017.

Алпатов 2019 — Алпатов В. М. Актуальные вопросы изучения японского языка в настоящее время. *Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Материалы международной научно-практической конференции «Японский язык в образовательном пространстве»*. Вып. 19. Москва: Ключ, 2019.

Алпатов и др. 2013 — Алпатов В. М., Гуревич Т. М., Корчагина Т. И., Нечаева Л. Т., Стругова Е. В. *Полвека в японоведении. Сборник статей и очерков*. Москва: Моногатари, 2013.

Алпатов, Аркадьев, Подлесская 2008 — Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. *Теоретическая грамматика японского языка*. В 2 т. Москва: Наталис, 2008.

Алпатов, Вардуль, Старостин 2000 — Алпатов В. М., Вардуль И. Ф., Старостин С. А. *Грамматика японского языка*. Москва: Восточная литература, 2000.

REFERENCES

Alpatov, V. M., Gurevich, T. M., Korchagina, T. I., Nechayeva, L. T., Strugova, E. V. (2013) *Polveka v yaponovedenii. Sbornik statey i ocherkov*. [Half a Century in Japanese Studies. Collection of Articles and Essays]. Monogatari. (In Russian).

Alpatov, V. M. (1973) *Kategorii veshlivosti v sovremennom yaponskom yazyke*. [Categories of Politeness in Modern Japanese Language]. Nauka. (In Russian).

Alpatov, V. M. (1979) *Struktura grammaticheskikh edinits v sovremennom yaponskom yazyke*. [The Structure of Grammatical Units in Modern Japanese Language]. Nauka. (In Russian).

Alpatov, V. M., Vardul' I. F., Starostin S. A. (2000). *Grammatika yaponskogo yazyka*. [Grammar of the Japanese Language]. Vostochnaya literatura. (In Russian).

Alpatov, V. M., Arkad'yev P. M., Podlesskaya V. I. (2008). *Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka* [Theoretical Grammar of the Japanese Language] (Vols.1-2). Natalis. (In Russian).

Alpatov, V. M. (1988). *Izucheniye yaponskogo yazyka v Rossii i SSSR* [Study of the Japanese Language in Russia and the USSR]. Nauka. (In Russian).

Alpatov, V. M. (1999). *Istoriya lingvisticheskikh ucheniy. Uchebnoye posobiye* [The History of Linguistic Theories. Textbook]. YAzyki russkoy kul'tury. (In Russian).

Alpatov, V. M. (1991). *Istoriya odnogo mifa: Marr i marrizm* [The History of a Myth: Marr and Marrism]. URSS. (In Russian).

Alpatov, V. M. (2012). *Yazykovedy, vostokovedy, istoriki*. [Linguists, Orientalists, Historians]. Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russian).

Alpatov, V. M. (2017). *Yaponistika. Teoriya yazyka. Sotsiolingvistika. Istoriya yazykoznaniya*. [Japanology. Theory of Language. Sociolinguistics. History of Linguistics]. Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russian).

Alpatov, V. M. (1975). O vydelenii edinits grammatiki v yaponskom yazyke [On the Allocation of Grammar Units in the Japanese Language]. In *Voprosy yaponskoy filologii* (Vol. 3), (p. 5-14). Izdatel'stvo MGU. (In Russian).

Alpatov, V. M. (1977). Elementy staropis'mennogo yazyka v sisteme sovremennogo yaponskogo literaturnogo yazyka [Elements of the Old Written Language in the System of Modern Japanese Literary Language]. *Voprosy yaponskoy filologii*, 4. Izdatel'stvo MGU. (In Russian).

Alpatov, V. M. (1979). Chto takoye prilagatel'nyye v yaponskom yazyke? [What is the Meaning of Adjectives in the Japanese Language?] In *Yaponskoye yazykoznaniye* [Japanese Linguistics]. Nauka. (In Russian).

Alpatov, V. M. (1981). *Metodicheskiye ukazaniya po kursu "Leksikologiya yaponskogo yazyka"* [Methodological Guidelines for the Course "Lexicology of the Japanese language"]. DVGU. (In Russian).

Alpatov, V. M. (1988). *Yaponiya: yazyk i obshchestvo* [Japan: Language and Society]. Nauka, 1988. (In Russian).

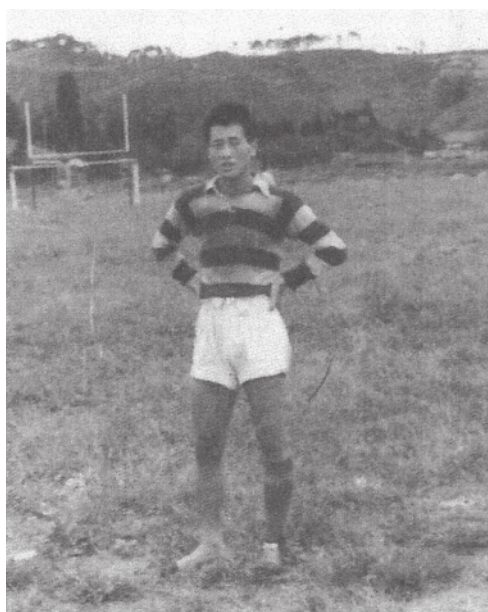
Alpatov, V. M. (2008). *Yaponiya: yazyk i kul'tura* [Japan: Language and Culture]. Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russian).

Alpatov, V. M. (2019). Aktual'nyye voprosy izucheniya yaponskogo yazyka v nastoyashcheye vremya, *Yaponskiy yazyk v vuze: aktual'nyye problemy prepodavaniya*. [Topical Issues of Studying the Japanese Language at the Present Time]. *Japanese language in higher education: actual problems of teaching. Materials of the international scientific and practical conference "Japanese language in the educational space"*: (Issue 19). Key. (In Russian).

Иллюстрации к статье А.Н. Панова «Мори Ёсиро: человек и политик»

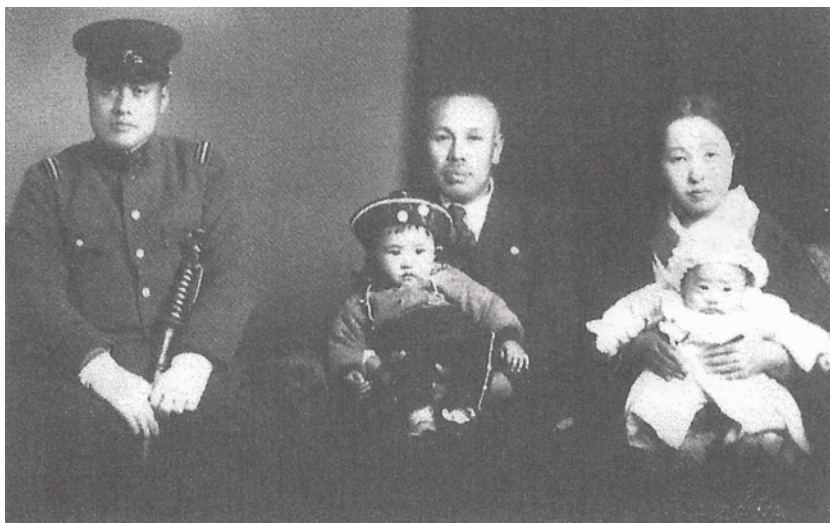

Мори четыре года (крайний справа)

В старших классах средней школы

Отец перед отправкой в Китай (Мори на коленях у матери)

Ё. Мори после знакомства с супругой

Встреча с послом А. Н. Пановым

Ё. Мори играет в регби

На приеме у японского императора

На встрече с В. В. Путиным

С премьер-министром Абэ

Ё. Мори председатель Олимпийского комитета

Иллюстрации к статье З.А. Абачевой «Мегаполис Токио: прошлое, настоящее и будущее»

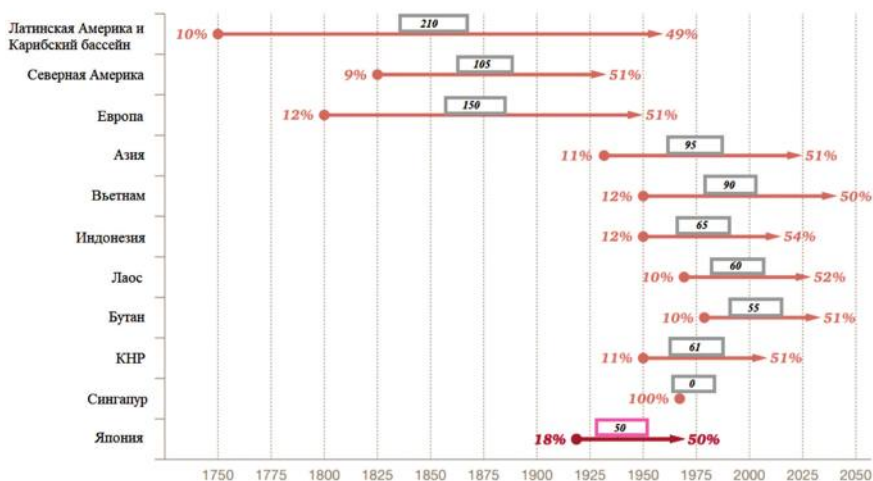

Рис. 1. Число лет, затрачиваемых
на достижение уровня урбанизации в 50%
Составлено по: [Asian Development Bank 2012, p. 5]

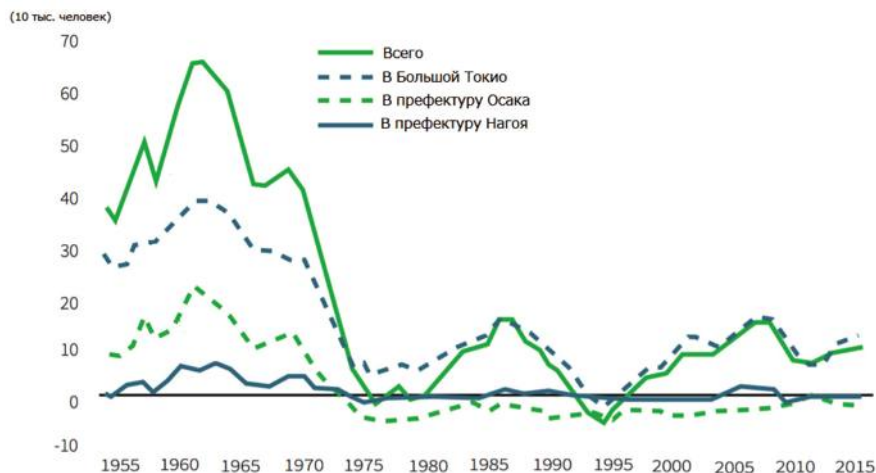

Рис. 2. Динамика миграционного потока
в префектуры Нагоя, Осака и Большой Токио в 1955–2015 гг.
Источник: [World Bank 2017, p. 9]

Рис. 3. Токио и индекс конкурентоспособности городов GPCI, 2013 и 2019 гг. Составлено по: [Institute for Urban Strategies 2013, Institute for Urban Strategies 2019]

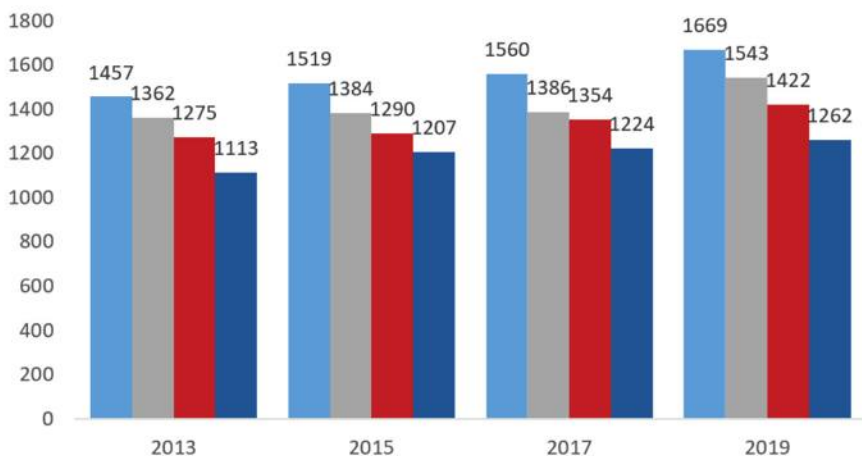

Рис. 4. Индекс конкурентоспособности городов GPCI 2013, 2015, 2017 и 2019 гг. Составлено по: [Institute for Urban Strategies 2013, 2015, 2017, 2019]

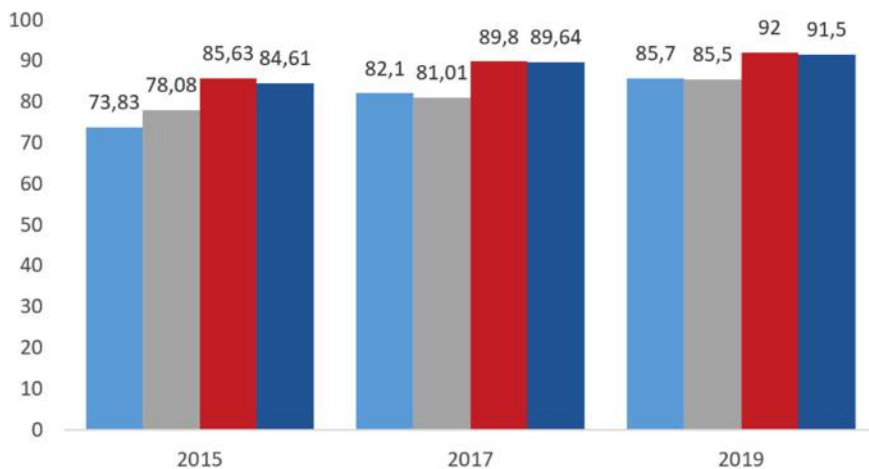

Рис. 5. Индекс безопасности городов SCI 2015, 2017 и 2019 гг.
 Составлено по: [Institute for Urban Strategies 2015, 2017, 2019]

Рис. 6. Токио и индекс безопасности городов SCI 2015 и 2019 гг.
 Составлено по: [Institute for Urban Strategies 2015, 2019]

**Иллюстрации к статье С. И. Марахоновой
«Жизненный и творческий путь Сергея Елисеева»**

Родители С. Г. Елисеева —
Григорий Григорьевич и Мария
Андреевна Елисеевы в молодости,
1884 г.

С. Г. Елисеев в 1913 г.

С. Г. Елисеев в костюме гейши.
Токио, 1908 г.

С. Г. и В. П. Елисеевы
в Токио, 1916 г.

С. Г. Елисеев со своими
сыновьями Никитой (слева)
и Вадимом. Около 1936 г.

С. Г. Елисеев у входа
в Институт Гарвард-Яньцзин.
1942 г.

Никита Сергеевич Елисеев, конец 1980-х — начало 1990-х гг.

Вадим Сергеевич Елисеев со своими детьми, 1982 г.

**Иллюстрации к статье К. О. Саркисова
«Шаяпин и российская музыкальная культура в Японии
(20–30-е годы XX века)»**

Портрет Горького и Шаяпина в газете Ёмиури

Яша Хейфец с женой

Портрет Шаляпина работы Серова

Концертный зал Хибия (Хибия кокайдо)

Ученики Императорской музыкальной школы

Иллюстрации к переводу пьесы театра кабуки
 «Повелитель грома» («Наруками»). (Перевод В. В. Хомченковой)

Тории Киётада I. Постер к пьесе «Наруками»
 из серии гравюр «Кабуки дзюхати бан». 1896 г.

Утагава Кунисада. Святой Наруками. 1851 г.

Утагава Кунисада. Пьеса Наруками. 1850 г.

Утагава Кунисада. Монахи Хакуумбо и Кокуумбо. 1854 г.

Утагава Кунисада. Святой Наруками. 1851 г.

Утагава Кунисада. Святой Наруками,
его ученики Хакуумбо и Кокуумбо. 1956 г.

Уважаемые авторы Ежегодника!

Просим направлять свои статьи для публикации в нашем издании на **e-mail japanstudiesinrussia@gmail.com**. Дата прихода статьи на данный электронный адрес является датой ее поступления в редакцию. Сбор материалов для очередного номера осуществляется ежегодно с апреля по июнь. О начале и об окончании срока подачи статей оповещает объявление на сайте Ассоциации японоведов **www.japanstudies.ru**, публикуемое обычно в середине апреля.

На сайте Ежегодника Япония **www.yearbookjapan.ru** вы можете ознакомиться с информацией, которая необходима для подачи рукописи и прохождения всех условий публикации – обязанности авторов, порядок рецензирования, основные требования к оформлению статей, примеры ссылок и библиографического описания.

Ниже приведены основные наукометрические данные нашего издания, которые могут быть полезными авторам публикаций в справочных целях.

Ежегодник Япония является базовым ежегодным изданием отечественного японоведческого сообщества. Решение о его издании было принято 26 февраля 1971 г. на заседании Секции по изучению Японии при Научном совете по координации научно-исследовательских работ в области востоковедения Президиума АН СССР. Издание ежегодника, начатое в 1972 г. инициативной группой советских японоведов, ни разу не прерывалось.

С 1994 г. ежегодник издается Межрегиональной общественной организацией Ассоциация японоведов и Институтом востоковедения Российской Академии Наук. Ежегодник получает финансовую поддержку Японского фонда и Международного фонда Шодиева.

Сайт издания: <http://yearbookjapan.ru>

ISBN 978-5-02-039872-6

ISSN 2687-1432 Print

ISSN 2687-1440 Online

Прежний ISSN, применявшийся до 2019 г. включительно, – 0235-8182 Print

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-61497

Издание входит в следующие наукометрические системы:

- Научная электронная библиотека и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=33360
- Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»
<http://cyberleninka.ru/journal/n/yearbookjapan>
- Международный каталог журналов открытого доступа DOAJ
<https://doaj.org/toc/2687-1440>

Научное издание

ЕЖЕГОДНИК ЯПОНИЯ

2020. Том 49

Научный редактор	Дьяконова Е. М.
Научный редактор	Лебедева И. П.
Научный редактор	Мещеряков А. Н.
Научный редактор	Стрельцов Д. В.
Редактор	Гришачев С. В.
Редактор	Нелидов В. В.
Редактор	Сает Г. Ю.
Вёрстка	Заболотникова М. Е.
Редактор сайта	Казаков О. И.

Институт востоковедения РАН
Ассоциация японоведов

103031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12
E-mail: japanassos@gmail.com
[Http://japanstudies.ru](http://japanstudies.ru)

